

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2023 – № 3 (34)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2023

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhskii philological bulletin : научный журнал.
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. № 3 (34). 255 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499_9679_2023_3_34. EDN ZUOUP
2023, № 3 (34). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Т. А. Александрова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Видулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, и.о. ректора, Ярославский государственный театральный институт имени Фирса Шишигина; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривонос**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (EIPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леднев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сюэгао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федулёва**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухун**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Гун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского государственного университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский язык, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023

© Авторы статей, 2023

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2023. № 3 (34). 255 pages.
ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499_9679_2023_3_34. EDN ZUOUPB
2023, № 3 (34). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova**, Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, acting rector, Yaroslavl state theater institute named after Firs Shishigin; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zazorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqing (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhumi**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglicistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu**, doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2023

© Authors of the articles, 2023

*«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»*

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

- Андреева В. Г.** Переписка Л. Н. Толстого и М. Н. Лонгинова в контексте литературного процесса 1850-х – 1860-х гг. _____ 8
- Иванов Н. Н.** Телесное и духовное в русской литературе _____ 20
- Галанова В. А.** Тайнственное в романтической эпике Федора Глинки _____ 27
- Бит-Юнан Ю. Г., Нагорная М. Р.** Поэма Е. А. Евтушенко «Братская ГЭС» в оценке советской критики 1960-х гг. _____ 34

Русский язык

- Табаченко Л. В., Изотова Н. В., Белопольская Е. В.** Особенности вербализации концепта «судьба» в романе А. И. Солженицына «В круге первом» _____ 46
- Кулаковский М. Н.** Вводные конструкции как маркеры актуализации иронии в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» _____ 57
- Дрога М. А., Юрченко Н. В.** Наименования лиц в произведениях А. П. Чехова (на примере рассказов 1880–1887 гг.) _____ 65
- Шишлова И. Ю.** Лексико-грамматические и семантические особенности фразеологизмов в научной речи _____ 73
- Голосова Е. А.** Языковые средства воплощения фольклорного начала в образе велосипеда в повести «Вилли» Н. С. Дашевской _____ 83

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Хухуни Г. Т., Валуццева И. И., Осипова А. А.** Исторические судьбы переводных текстов: забвение, обновление, сохранение _____ 92
- Мамонтов А. С., Богуславская В. В., Ратникова А. Г.** Устойчивые национальные словесные образы в аспекте национально ориентированной лингвострановедческой учебной лексикографии _____ 100
- Блинова О. В.** «Трудность» и «сложность» в русских ортологических словарях и в лингвистической терминологии _____ 108
- Клубкова Т. В.** В защиту «Митридата» _____ 124

Лукин О. В. Лингвистические, лингвобиблио-графические и лингвоисториографические труды
Ф. П. фон Аделунга _____ 136

Лейтуш А. Г. Этимологические дискуссии в журнале XIX века «Филологические записки» ____ 145

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Горохова Ю. В., Михалчева А. В. Популярная пресса Великобритании в дискурсе
экспрессивности _____ 154

Нефедова Л. А. Новый образ женщины во фразеологии современного немецкого языка _____ 163

Туманова Е. О. Реализация языковой игры в немецкоязычных эонимах (на примере глагольных
единиц) _____ 174

Бернгардт А. В. Метод анкетирования в исследовании речевого поведения подростков-билингвов
(на материале немецкого и русского языков) _____ 182

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Фещенко-Скворцова И. Н. Переводы Фернандо Пессоа на русский язык в соответствии
с особенностями метрики португальского поэта _____ 190

Кирсанова М. М., Первак Т. В. Политические гастрометафоры современного французского
политического дискурса _____ 204

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА
(КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)**

Хлыщева Е. В. Специфика культурной политики стран Прикаспия: сравнительный анализ ____ 213

Юрьева Т. В. Обращение к сакральному в иконостасах и фресках И. Я. Билибина _____ 222

Александрова А. Д. Интерпретация раннесоветской символики в контексте
знаково-семиотической системы _____ 231

Бочарова М. Ю. Глаза как маркеры инаковости в фантастике (на материале иллюстраций
к настольной игре Warhammer 40000) _____ 240

Алексеева Т. Е. Дискурс смертных грехов в английских пословицах _____ 246

«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

- Andreeva V. G.* Correspondence between L. N. Tolstoy and M. N. Longinov in the literary process of the 1850s – 1860s. _____ 9
- Ivanov N. N.* Bodily and spiritual in Russian literature _____ 20
- Galanova V. A.* The mysterious in Fyodor Glinka's romantic epic _____ 27
- Bit-Yunan Yu. G., Nagornaya M. R. E.* Evtushenko's poem «The Bratsk Station» as reviewed by the Soviet critics of the mid-1960s _____ 34

Russian language

- Tabachenko L. V., Izotova N. V., Belopolskaya E. V.* Verbalization of the concept «fate» in A. I. Solzhenitsyn's novel «In the first circle» _____ 47
- Kulakovskiy M. N.* Parentheses as markers of irony actualization in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» _____ 57
- Droga M. A., Yurchenko N. V.* Personal names in A. P. Chekhov's works (based on 1880–1887 short stories) _____ 65
- Shishlova I. Yu.* Lexical-grammatical and semantic features of phraseological units in academic speech _____ 73
- Golosova E. A.* Linguistic means of embodying the folklore principle in the image of a bicycle in N. S. Dashevskaya's novella «Willie» _____ 83

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

- Khukhuni G. T., Valuitseva I. I., Osipova A. A.* Historical fate of translated texts: oblivion, renovation, preservation _____ 92
- Mamontov A. S., Boguslavskaya V. V., Ratnikova A. G.* Stable national verbal images in terms of nationally oriented linguocultural academic lexicography _____ 100
- Blinova O. V.* «Complex» and «difficult» phenomena in terminological and orthological lexicographic practice _____ 108
- Klubkova T. V.* In defense of «Mithridates» _____ 124

Lukin O. V. Linguistic, linguobibliographic and linguohistoriographic works
of F. P. von Adelunga _____ 136

Leitush A. G. Etymological discussions in the XIX century journal *Philological Notes* _____ 145

Languages of foreign countries (germanic languages)

Gorokhova Y. V., Mikhailcheva A. V. British popular press in the discourse of expressiveness _____ 154

Nefedova L. A. The new image of a woman in the modern german phraseology _____ 163

Tumanova E. O. Realization of language game in german eonyms (on the example of verbal units) _____ 174

Berngardt A. V. Questionnaire method in studying speech behavior of bilingual teenagers (based on
materials in german and russian) _____ 182

Languages of foreign countries (romance languages)

Feshchenko-Skvortsova I. N. Translations of Fernando Pessoa into russian in accordance
with the specific metrics of the portuguese poet _____ 190

Kirsanova M. M., Pervak T. V. Political gastro-metaphors in contemporary
french political discourse _____ 204

**THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS
(CULTUROLOGY, ART HISTORY)**

Khlyshcheva E. V. Specifics of cultural policy in the Caspian countries: a comparative analysis _____ 214

Yurieva T. V. Appeal to the sacred: I. Y. Bilibin's iconostases and church murals in emigration _____ 222

Aleksandrova A. D. Interpreting early soviet symbolism in the context of the sign-semiotic system _____ 231

Bocharova M. Yu. Eyes as markers of otherness in science fiction and fantasy
(based on the illustrations to the Warhammer 40000 board game) _____ 240

Alekseeva T. E. Deadly sins discourse in english proverbs _____ 246

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 821.161.09«19»

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_8

EDN: AJHGOP

Переписка Л. Н. Толстого и М. Н. Лонгинова в контексте литературного процесса 1850-х – 1860-х гг.

Валерия Геннадьевна Андреева

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. Автор статьи обращается к истории взаимоотношений Толстого с Михаилом Николаевичем Лонгиновым, описанию произошедшего между ними конфликта и краткой характеристике их переписки. Целью работы является представление целостной картины общения двух современников, при этом в задачи исследования входит восстановление фактов и хронологии событий. Кроме того, с привлечением широкого круга источников в статье показывается, что столкновение, произошедшее между Толстым и Лонгиновым, при всей его спонтанности, было связано с характерами и убеждениями двух писателей. Конфликт был вызван не идеологическими расхождениями, а вольностью стиля и манеры поведения Лонгинова и горячностью Толстого. Автором работы выдвигается предположение о том, что планируемая дуэль с Лонгиновым могла быть обусловлена не естественной, а несколько наигранной моделью поведения Толстого. Особая резкость писателя в отношении к Лонгинову была вызвана не только особенностями характера Толстого, но и его кратковременным проецированием на жизнь и собственные поступки формы поведения своего двоюродного дяди графа Федора Ивановича Толстого, который стал прототипом главного героя повести «Два гусара» – именно над ней писатель работал во время конфликта с Лонгиновым. Вместе с тем, по всей видимости, столкновение с современником в свою очередь повлияло на создание Толстым отдельных сцен и мотивов повести. Отдельное внимание в статье уделяется образу Турбина-старшего, двойственности этого героя, запечатленной в нем страстности и отношению Толстого к этим качествам персонажа. Кроме того, в работе кратко описываются взгляды и убеждения Лонгинова – одного из самых известных библиофилов и библиографов своего времени.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; М. Н. Лонгинов; Н. А. Некрасов; «Два гусара»; дуэль; переписка; формы поведения; прототип; двойственность героя; историческая основа

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

Для цитирования: Андреева В. Г. Переписка Л. Н. Толстого и М. Н. Лонгинова в контексте литературного процесса 1850-х – 1860-х гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 8–19. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_8. <https://elibrary.ru/AJHGOP>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Correspondence between L. N. Tolstoy and M. N. Longinov in the literary process of the 1850s – 1860s

Valeria G. Andreeva

Doctor of philological sciences, leading researcher, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The author of the article turns to the history of Tolstoy's relationship with Mikhail Nikolaevich Longinov, to the description of the conflict that took place between them and briefly describes their correspondence. The purpose of the work is to present a holistic picture of the communication between the two contemporaries, while the objectives of the study include reconstructing the facts and chronology of events. In addition, using a wide range of sources, the article shows that the conflict that occurred between Tolstoy and Longinov, for all its spontaneity, was related to the characters and beliefs of the two writers. The conflict was not caused by ideological differences, but by Longinov's liberty of style and manner and Tolstoy's hot temper. The author of the work suggests that the planned duel with Longinov could have been caused not by a natural, but by a somewhat feigned model of Tolstoy's behavior. Particular harshness of the writer in relation to Longinov was caused not only by the peculiarities of Tolstoy's character, but also his short-term projection on his own life and actions of the behavior of his great-uncle Count Fyodor Ivanovich Tolstoy, who became the prototype of the protagonist in the story «Two Hussars», which the writer was working on at the time of the conflict with Longinov. At the same time, it appears that the conflict with his contemporary influenced Tolstoy's writing certain scenes and motifs in the story. Special attention is paid in the article to the image of Turbin Senior, the duality of this character, the passion imprinted in him and to Tolstoy's attitude to these qualities of the character. The paper also briefly describes the views and beliefs of Longinov, one of the most famous bibliophiles and bibliographers of his time.

Key words: L. N. Tolstoy; M. N. Longinov; N. A. Nekrasov; «Two Hussars»; duel; correspondence; forms of behavior; prototype; duality of the hero; historical basis

This work has been carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 «Correspondence of L. N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s» <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

For citation: Andreeva V. G. Correspondence between L. N. Tolstoy and M. N. Longinov in the literary process of the 1850s – 1860s. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):8–19. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_8. <https://elibrary.ru/AJHGOP>

Введение. Литературная среда середины XIX в.: жизненные конфликты и литературные столкновения

Литературоведы и читатели нередко замечают, что при сравнении с судьбами многих писателей XIX в. жизнь Л. Н. Толстого заметно отличается: Толстой прожил очень яркую и насыщенную, но при этом достаточно долгую жизнь. Все ее этапы или периоды очень своеобразны, с эволюцией или постепенным изменением убеждений и взглядов Толстого менялось и его окружение. И. В. Петровицкая справедливо отмечает, что на рубеже XIX и XX вв. «Толстой занимал

особое положение в литературе и журналистике» [Петровицкая, 2012, с. 22]. Писатель всегда, в том числе в молодые годы, был в центре внимания современников, даже несмотря на уединенную жизнь в Ясной Поляне он оставался в курсе событий и сам значительно влиял на общественную и культурную жизнь России второй половины XIX в.

Не будет преувеличением сказать, что фактически с момента появления в Москве и Петербурге Толстой, уже зарекомендовавший себя как серьезный писатель, сразу включился в литературную жизнь. Конечно, это оказалось возможным благодаря его сотрудничеству с редакцией

журнала «Современник» и общению с Н. А. Некрасовым. Между тем, период вступления Толстого в литературную среду, упрочения своего влияния, знакомства с разными направлениями был непростым в связи с характером Толстого. Так, мы уже писали о том, что «в переписке Толстого и Некрасова, прежде чем она вышла к определенному уровню доверия и душевного общения пишущих, встретилось немало спорных моментов, противоречий и возмущений, которые были связаны не с человеческим непониманием корреспондентов, но с профессиональной загруженностью Некрасова, не всегда готового подходить к произведениям Толстого и самому автору с особыми мерками, а также с настойчивостью и упорством молодого Толстого» [Андреева, 2023а, с. 71].

В редакции журнала «Современник» и непосредственном окружении (своем и Некрасова) Толстой встретился с первыми серьезными конфликтами. На слуху у литературоведов столкновение Толстого и Тургенева, которое могло закончиться дуэлью и привело к разрыву в отношениях двух знаменитых писателей. В этой статье мы обратимся к истории взаимоотношений Толстого с Михаилом Николаевичем Лонгиновым (1823–1875), описанию произошедшего между ними конфликта и краткой характеристике их переписки. Целью работы является представление целостной картины общения двух современников, при этом в задачи исследования входит восстановление фактов и хронологии событий, также мы намерены показать, что столкновение, произошедшее между Толстым и Лонгиновым, при всей его спонтанности, было связано с характерами и убеждениями двух писателей. Кроме того, в статье выдвигается предположение о том, что планируемая дуэль с Лонгиновым могла быть обусловлена не естественной, а выбранной моделью поведения Толстого. Согласно нашему предположению, особая резкость писателя в отношении к Лонгинову была вызвана не только особенностями характера Толстого, но и его кратковременным проецированием на жизнь и собственные поступки формы поведения своего двоюродного дяди, графа Федора Ивановича Толстого, который стал прототипом главного героя повести «Два гусара» – именно над ней писатель работал во время конфликта с Лонгиновым. По всей видимости, столкновение с современником в свою очередь повлияло на создание Толстым отдельных сцен и мотивов повести.

М. Н. Лонгинов как участник литературной жизни России 1850-х гг.

М. Н. Лонгинов был одним из ярких и известных общественных деятелей второй половины XIX в., получившим при жизни очень противоречивую славу. Однако на рубеже XIX и XX вв. о Лонгинове почти забыли, его имя вспоминалось часто только в качестве примера резкой трансформации общественных и политических взглядов – смены либеральных воззрений на консервативные.

Как и Толстой, Лонгинов в молодые годы входил в круг литераторов журнала «Современник», причем, будучи старше Толстого на пять лет, Лонгинов значительно раньше начал переписку и общение как с редакцией «Современника», с Некрасовым и Панаевым, так и с Тургеневым, который в 1850-е и 1860-е гг. считал Лонгинова хорошим приятелем. Интересно, что в ранних письмах к Лонгинову, который в то время был еще малоизвестен и только начинал писать для журнала, И. И. Панаев обращается «неоцененный друг мой Мишинька», «милейший мой друг», «милый мой Миша». Долгое время к Лонгинову многие коллеги обращались именно как к «Мише». Панаев писал Лонгинову по поводу его жениться 13 января 1855 г.: «Оставляя всякую политику и этикету, не дождавшись от тебя уведомления, я спешу от всего сердца, от всей души поздравить тебя. Обнимаю тебя тысячу раз и запечатлеваю двадцать поцелуев на твоей пухлой щеке» [Панаев, URL]. Между тем, в 1855 г. Лонгинову было 32 года, он к этому времени уже прошел определенный путь служебной деятельности и был чиновником при Московском военном генерал-губернаторе Закревском. В конце 1840-х и в 1850-е гг. он активно сотрудничал с журналом «Современник», но при этом не считал литературу источником дохода – все свои публицистические статьи, мемуары, работы по истории литературы и библиографии Логинов оценивал как серьезное увлечение, но не дело, могущее приносить доход.

Во время сотрудничества с «Современником» многие писатели из окружения Некрасова были с Лонгиновым предельно откровенны, причем не только в вопросах литературных и издательских, но и в личных. Впрочем, и сам Лонгинов активно участвовал в литературной жизни, регулярно, пусть и не часто, поставляя в «Современник» статьи. Так, в письме от 2 мая 1858 г. Панаев, соглашаясь с критикой Лонгиновым «Современника» и одновременно замечая, что неплохо бы ему само-

му что-то написать для журнала, характеризовал печальную ситуацию с набором материала в текущие номера, связанную с «упадком», кризисом, переживаемым известными писателями: «В самом деле, никогда русская литература не была еще в таком плачевном состоянии, как теперь: Тургенев не пишет, потому что в год произвести Асю не значит писать, заниматься делом, литературой серьезно, Толстой – судя по его последнему творению, пошел в драконы, как говорит Гофман про какого-то штатс-рата. Григорович истощился, Островский по крайней мере ослабел. Щедрин весь высказался. Писемский вдался в рутину и так далее...» [Панаев, URL].

С. Шахматова отмечает, что Тургенев почти в каждом письме к Лонгинову давал ему какое-нибудь дружеское поручение, обращался с вопросами и просьбами, «зная, что тот все исполнит со свойственными ему готовностью, аккуратностью и точностью» [Шахматова, URL]. Исследовательница справедливо отмечает, что Лонгинов вникал в интересы Тургенева, с радостью исполнял его желания, высказываемые из-за границы, «и с редкой точностью давал отчет о результатах своих хлопот, не забывая мельчайших подробностей...» [Шахматова, URL]. Можно предположить, что в этом исполнении поручений Тургенева Лонгинов видел не только проявление дружбы и поддержки, но и определенную службу на благо литературы – Тургенева он всегда считал одним из самых значимых писателей. В 1856–1857 гг. Лонгинов публиковал свои первые библиографические заметки о русских литераторах и делал это не с целью прославиться, а, в первую очередь, реализуя основные задачи и положения культурно-исторического метода, восстанавливая историко-литературный контекст интересовавшей его эпохи.

В 1850-е гг., до разрыва с журналом «Современник», Лонгинов разделял либеральные взгляды, ратовал за права и свободы личности. Славянофилы никогда не считали его своим, более того, они видели в нем оппозиционера, однако Лонгинов уважал А. С. Хомякова, наиболее близкой ему была не идея о специфике народной жизни, но стремление Хомякова понять смысл истории народа – не крестьянства, а русского народа и его исторического развития.

О несостоявшейся дуэли весны 1856 г.: конфликт Л. Н. Толстого и М. Н. Лонгинова

По сути дела, в 1856 г. общественные взгляды Толстого и Лонгинова были в чем-то похожи.

Конфликт между ними произошел внезапно и разразился из-за прозвучавшего оскорбления. В частной переписке русские литераторы нередко допускали определенные вольности, иногда близкие к нецензурным и грубым выражениям. Однако, как правило, эти высказывания или характеристики относились к ситуациям или произведениям, сюжетам, героям, русская интеллигенция избегала прямых именованных в письмах кого-либо оскорбительными словами. К примеру, в письме Некрасову от 2 июля 1856 г. Толстой писал о повести В. В. Берви «В глуши», упоминая очень низкий уровень произведения, но, не обзывая автора: «Мне кажется, никогда не было в “Современнике” напечатано такой дряни, да что в “Современнике” — ни на русском, ни на каком другом языке, вот как мне кажется» [Толстой 1928–1958, т. 60, с. 74]. В этом письме Толстого встречаются далее нецензурные фразы, используемые при описании примитивного сюжета (в полном собрании сочинений Толстого отдельные слова этих предложений пропущены), однако писатель прямо не обзывает В. В. Берви.

Ситуация с Лонгиновым оказалась очень острой, поскольку он свободно допускал в письме вольные характеристики своих современников: в послании к Некрасову он нелицеприятно отозвался о Толстом. 19 марта 1856 г. (эта дата устанавливается по переписке Некрасова и Лонгинова, Толстого и Некрасова, а также по более поздней записи писателя в дневнике) Толстой был в гостях у Некрасова, где происходила оживленная игра в карты, во время которой хозяину принесли пакет от Лонгинова на имя Панаева. Некрасов, занятый картами, попросил Толстого вслух прочитать письма Лонгинова. Далее эту ситуацию прекрасно пересказывает Н. Н. Гусев: «В письме оказались какие-то оскорбительные для Толстого выражения, которых Некрасов в своем письме к Лонгинову не повторяет. По записи рассказа самого Толстого об этом эпизоде, сделанной П. И. Бирюковым, Лонгинов намекал на какие-то личные счеты с Толстым, называл его в своем письме дрянью. По записи П. А. Сергеенко, также слышавшего об этом факте от самого Толстого, Лонгинов в своем письме спрашивал Некрасова, правда ли, что Толстой человек “с дрянной душонкой”, то есть не разделяет некоторых либеральных воззрений. Прочитав письмо Лонгинова, Толстой сложил его, возвратил Некрасову и, не говоря ни слова, вышел. Придя к себе, он тотчас же написал Лонгинову резкое письмо с вызовом на ду-

эль, о чем на другой день поставил в известность Некрасова» [Гусев, 1957, с. 28–29]. Некрасов далее постарался принять меры по предотвращению этой дуэли, всю ответственность за произошедшее он взял на себя. В письме к Лонгинову от 20 марта 1856 г. Некрасов писал: «Если есть виноватый в этом деле, то это – я. Я и буду иметь дело с Толстым; а тебя прошу извинить меня за невольную мою и глупую неосторожность и сохранить все это в строжайшей тайне» [Некрасов, 1981–2000, т. 14, кн. 2, с. 10].

Поступок Некрасова был не только благороден, но и рассудителен: разумеется, Толстой не стал бы драться с ним самим. Между тем, к Лонгинову он какое-то время чувствовал острую неприязнь: постепенно она уменьшалась, однако в день ссоры Толстой, по всей видимости, даже не смог ничего записать в дневнике из-за переполняющих его чувств. А спустя три дня, 21 марта 1856 г., Толстой отмечал: «Третьего дня нечаянно прочел письмо Лонгинова и послал ему вызов. Что будет, Бог знает; но я буду тверд и решителен. Вообще это имело на меня благое влияние. Я решаюсь ехать в деревню, поскорей жениться и не писать более под своим именем. – А главное – всегда и со всеми быть сдержанным и осторожным в разговоре» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 68].

Истоки и причины вызова и открытого гнева Толстого – о формах поведения героев повести «Два гусара»

Кроме природной гордости Толстого и его горячности реакция писателя на обидные слова Лонгинова могла быть еще более преувеличена в связи с продумыванием им в это время линии поведения характерного и смелого, вздорного светского героя. Обратим внимание, что за неделю до происшествия с Лонгиновым, 12 марта 1856 г., Толстой записал в дневнике: «Задумал отца и сына» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 68]. За этим названием скрывается будущая повесть Толстого «Два гусара», написанная сравнительно быстро и вышедшая в № 5 журнала «Современник» за 1856 г. По всей видимости, к моменту столкновения с Лонгиновым Толстой уже приблизительно и в общих чертах продумал содержание повести и образы главных героев, в частности, старшего Турбина. Именно поведенческие характеристики этого героя, осмысляемые Толстым в марте 1856 г., могли отчасти повлиять на его реакцию после прочтения письма Лонгинова.

С. Л. Толстой отмечает, что «для характеристики героя первой части повести, Федора Ивановича Турбина, Толстой воспользовался чертами характера и поведением своего двоюродного дяди гр. Федора Ивановича Толстого (1782–1846), прозванного „Американцем”» [Толстой С. Л., 1935, с. 328]. С. Л. Толстой пишет, что Толстой слышал много рассказов о своем двоюродном дяде от общих родственников, и сам однажды в детстве видел Американца, цитирует слова писателя об этом человеке и его образе, хранившемся в памяти Толстого: «Помню его прекрасное лицо, бронзовое, бритое, с густыми бакенбардами до углов рта, и также белые курчавые волосы. Много хотелось бы рассказать про этого *необыкновенного, преступного и привлекательного* человека» (курсив автора статьи) [Толстой С. Л., 1935, с. 329].

Обратим внимание, что в вышеуказанной цитате Толстым объединяются две полюсные характеристики героя. По всей видимости, привлекала писателя решительность и прямота, горячность и своеобразная честность Американца и старшего Турбина, для которого он стал прообразом. Нельзя исключать, что вызывая Лонгинова на дуэль, Толстой отчасти вел себя как его дальний родственник и как старший Турбин в повести, то есть ориентировался на существовавший в его голове образец поведения отважного и дерзкого героя. Своеобразным доказательством этого становятся комментарии Толстым своего поведения по отношению к Лонгинову: писатель не мог забыть эту историю в течение нескольких месяцев. 24 мая 1856 г. Толстой записал в дневнике: «Вздумали ехать в Эрмитаж. Я имел слабость согласиться. Встретил там Лонгинова и имел глупость ходить мимо него, умышленно глядя на него» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 75]. Толстой в данном случае констатирует собственное неуправляемое поведение.

Вместе с тем, существует и обратная зависимость: нельзя исключать, что яркое и затронувшее Толстого до глубины души происшествие с Лонгиновым повлияло на некоторые мотивы и сцены в повести «Два гусара», над которой писатель работал вплоть до 15 или 19 апреля (это понятно по его дневнику). 15 апреля: «Вчера кончил “Отца и сына”» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 68]; 19 апреля: «Кончил даже поправки “Отца и сына”, которых, по совету Некрасова, назвал «Два гусара» – лучше» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 68]. Прежде всего, отметим, что неболь-

шая повесть «Два гусара» содержит не одно, а множество упоминаний о дуэлях.

Первая сцена с упоминанием вызова на дуэль происходит в повести на балу, когда перед Турбиным задирается золотушный молодой человек, делающий ему замечание. По всей видимости, Турбин действительно мог толкаться, однако он не в состоянии вынести обвинения в неучтивости в свой адрес: не давая договорить молодому человеку, Турбин гневно его обрывает, обзывает мальчишкой и упоминает о дуэли: «...что, вы стреляться хотите? Так я к Вашим услугам» [Толстой, 1928–1958, т. 3, с. 161]. Примечательны обвинение и оскорбление, обращенные в адрес Турбина: «Он свинья! Вот что!» – пищал молодой человек [Толстой 1928–1958, т. 3, с. 161].

Второе упоминание о дуэли мы видим в сцене отыгрывания денег Турбиным у Лухнова. Забирая у Лухнова все деньги, нечестным путем приобретенные им в игре, герой замечает: «Ежели вы хотите удовлетворения, то я к вашим услугам, в своем номере еще пробуду полчаса» [Толстой, 1928–1958, т. 3, с. 171]. При этом Турбин в повести Толстого показан как бесстрашный герой, спасающий молодого Ильина, проигравшего и свои, и казенные деньги.

Третье упоминание о дуэли связано с описанием гибели героя: «Граф Федор Турбин уже давно был убит на дуэли с каким-то иностранцем, которого он высек на улице...» [Толстой 1928–1958, т. 3, с. 174]. Спокойное и даже ровное описание гибели Турбина связано с наличием бесконечных угроз и вызовов, которые он сам себе создавал, являясь слишком прямолинейным человеком.

Наконец, четвертое упоминание о дуэли мы видим в финале рассказа. Поводом для планируемого поединка в повести становится оскорбление корнетом Полозовым графа Турбина (сына известного уже читателю Турбина-старшего) в связи с его нечестным поведением и домыслами по отношению к девушке. Однако конфликт улаживается и сглаживается благодаря ротмистру Шульцу: «По приходе на первую дневку предположено было драться. Но ротмистр Шульц, добрый товарищ, отличнейший ездок, любимый всеми в полку и выбранный графом в секунданты, так успел уладить это дело, что не только не дрались, но никто в полку не знал об этом обстоятельстве, и даже Турбин и Полозов хотя не в прежних дружеских отношениях, но остались на «ты» и встречались за обедами и за партиями» [Толстой, 1928–1958, т. 3, с. 200].

По всей видимости, история предполагаемой, но несостоявшейся дуэли с Лонгиновым могла увеличить концентрацию конфликтов в повести, в том числе, обратить особенное внимание автора на проблему поединков. Более того, последний конфликт (не по причине, а по форме) напоминает столкновение Толстого и Лонгинова, фактически улаженное Некрасовым, который оказался не только в некоторой степени виновником столкновения, но и содействовал мирному его урегулированию.

Сходство ситуаций в реальной жизни и в художественном мире повести Толстого связано еще и с тем, что причиной затмения ясного человеческого сознания во многом становится карточная игра. Напомним, что свою просьбу о прочтении письма Лонгинова Некрасов адресовал Толстому потому, что был занят и увлечен карточной игрой. По сути дела, и все чтение письма Лонгинова происходило в атмосфере игры, которая не могла косвенно не повлиять на Толстого. Вся первая часть повести «Два гусара» также связана с карточной игрой, во время и после которой герои находятся как будто не в реальной жизни, а в условном мире, где действуют свои законы.

В. А. Штаб справедливо отмечает глубинную связь повести «Два гусара» Толстого с гоголевскими мотивами, в частности, рассматривая средства создания образа героя-мечтателя, сравнивая Хлестакова из «Ревизова» Гоголя и Ильина из «Двух гусаров»: «В „Ревизоре” и в „Двух гусарах” речь идет об азартной игре. Хлестаков и Ильин неоднократно упоминают о штосе. Но для Ильина все решает случай, и поэтому его „демонического противника” может обыграть только тот, кто представляет некие „высшие” силы – Турбин. Хлестаков же, играя в азартные игры, ведет себя так, будто он вступил в противоборство не с неизвестными роковыми силами, а с равными противниками, и успех игры зависит лишь от избранной им тактики» [Штаб, 2013, с. 71]. Соглашаясь с проведенными параллелями, мы, в то же время, считаем необходимым отметить, что образ старшего Турбина в повести Толстого двойственный – его благородное дело с выручкой Ильина не скрывает страстей, живущих в этом герое. В. А. Штаб разводит Хлестакова и Турбина-старшего с точки зрения их причастности к инфернальному началу: «Своих противников по игре Хлестаков называет инфернальными сущностями: чертями, демонами, бес-тиями. Таким образом, Хлестаков подчеркивает

и свою не совсем человеческую сущность, стремление стать чертом. Именно поэтому Ильин встречается с Турбиным, а Хлестаков успева-ет исчезнуть перед появлением настоящего ревизора. Такой прием, во-первых, усиливает ирреальность повествования. Во-вторых, настоящий ревизор и Турбин наделены функцией окончательной справедливости: они подводят итоги и способствуют дальнейшему изменению. Можно сказать, что Турбин – это тот образ (настоящий гусар), к которому стремится Ильин» [Штаб, 2013, с. 71–72].

По всей видимости, двойственность образа Турбина, который как раз продумывался Толстым в марте–апреле 1856 г., увлекла самого писателя: Толстой и в себе находил элементы дикости, эту фамильную страстность. Однако и «страсть» писатель понимал двояко: с одной стороны, под «страстью» он разумел стремление к активной деятельности (так, деятельный Левин в романе «Анна Каренина», по замечанию Кити, «всё делает со страстью» [Толстой, 1928–1958, т. 18, с. 33]); с другой стороны, под «страстью» Толстой понимал и темную силу, увлекающую человека в неконтролируемые эмоции и действия, греховные стремления души. Толстой писал: «У меня были времена, когда я чувствовал, что становился проводником воли Божьей. Часто я был так нечист, так исполнен *страстями личными*, что свет этой истины затемнялся моей темнотой, но все-таки иногда эта истина проходила через меня, и это были счастливейшие минуты моей жизни» (курсив автора статьи) [Толстой, 1928–1958, т. 53, с. 16].

Не случайно в уже процитированном нами отрывке из дневника от 21 марта 1856 г. сразу после упоминания о вызове на дуэль Лонгинова Толстой сообщает о перемене в своей жизни – отъезде в деревню, решении жениться, быть сдержанным и осторожным. По сути дела, перед нами пример полюсных действий самого Толстого: решение о дуэли и вызов, отправленный Лонгинову, роднят тут писателя с его дальним родственником и старшим Турбиным, а все последующие решения выглядят как возвращение Толстого к нормальной и правильной жизни. Вряд ли можно согласиться и А.В. Штаб в том, что образ Турбина «наделен функцией окончательной справедливости» – об этом же пишет и Л. Н. Синякова: «Турбин-отец – натура стихийная. Рассудочность вытесняется в нем импульсом сиюминутного поступка – но поступок этот всегда носит характер справедливого разрешения

ситуации... Эпизод с шулером Лухновым подтверждает сразу два главных свойства природы Турбина: врожденное чувство справедливости и пренебрежение к материальному (к деньгам)» [Синякова, 2014, с. 173]. Между тем, толстовская правда о воле сиюминутного поступка, о чувстве жизни не является в «Двух гусарах» окончательной истиной: эпизод с Лонгиновым позволил Толстому убедиться в том, что действия под впечатлением первого порыва могут быть ошибочными. Для Толстого образ Турбина был привлекателен своей силой и отвагой, однако писатель понимал, что для этого человека отсутствуют границы и сдерживающие факторы.

Уже поздней весной и летом Толстой переосмысливает свое поведение в отношении Лонгинова – насколько можно судить, ему становится понятной собственная горячность и увлеченность, ее отрицательная основа. В записной книжке за июнь 1856 г. Толстой отмечает: «Только теперь я ясно понял всю глупость своей истории с Лонгиновым» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 186].

2 июля 1856 г. Толстой пишет Некрасову: «Можете себе представить, что только теперь, в деревне, вспомнил историю с Лонгиновым и убедился, до какой степени я глупо и нехорошо поступил во всем этом деле. И теперь от души прошу у вас извинения и то же сделаю с Лонгиновым, как только его увижу. И хотел бы ему рассказать всю историю. Согласны ли вы, чтобы я сказал ему про письмо? Теперь этого я прошу вовсе без кровожадных замыслов. Еще проездом в Москве, я проходил мимо него, величественно глядя ему в глаза. Странная вещь, как мог я в два месяца не понять всей глупости, коли не гораздо хуже, этой штуки, так я теперь это делаю. ... Ежели вы будете видаться с Лонгиновым, то вы меня одолжите, объяснив ему дело и показав ему хоть то, что я вам пишу» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 75–76]. Некрасов ответил Толстому 22 июля 1856 г.: «Рад я об Лонгинове и не сомневался, что вы дойдете до истины. Избыток гордости и упрямство – вам временно заволокли зрение» [Некрасов, 1981–2000, т. 14, кн. 2, с. 25]. Ответ Некрасова был искренним: хоть главный редактор «Современника» и считал себя косвенно виноватым в столкновении Толстого и Лонгинова, все-таки основным «нападающим» в этой ситуации был именно Толстой.

В записях Толстого и его письмах конца 1850-х – начала 1860-х гг. Лонгинов упоминается нередко, однако следы былой недоброжелатель-

ности писателя к современнику пропадают. 4 ноября 1856 г. Толстой отметил в дневнике: «Обедал у Маши, чай пил у Волконских, вечером в клубе, но Лонгинова не дождался» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 98]. 16 мая 1857 г.: «После обеда читал Lascases, приехали Толстые, пошел к ним, имел глупость рассказать историю Лонгинова» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 128]. На самом деле очень странно, что скрытный Толстой стал вообще что-то говорить о Лонгинове – по всей видимости, отсутствие объяснения с последним и собственная ошибка продолжали в глубине души тревожить писателя. 8 февраля 1858 г. Толстой вновь делает в дневнике критичную запись о себе с упоминанием Лонгинова: «Тютчевой очень я проврался про Лонгинова и про удобство жены не аристократки» [Толстой, 1928–1958, т. 48, с. 7].

Однако постепенно тяжесть прошлого странного поведения стала забываться Толстым. Этому способствовали и встречи его в свете с Лонгиновым. Вскоре Толстой начинает делать в адрес Лонгинова критические замечания. Так, 15 сентября 1858 г. он писал: «Вчера у Корша Арапетов, Лонгинов, мелкое злословие. Я ушел» [Толстой, 1928–1958, т. 48, с. 17].

В письме к В. П. Боткину от 26 января 1862 г. Толстой помещает Лонгинова в круг двух других своих знакомых, занимающих крайние общественно-политические позиции, увлеченно воспринимающих не столько душевные движения, сколько внешние события и противопоставляет им своего нового друга – А. А. Фета: «Приедешь в Москву, думаешь, отстал – Катков, Лонгинов, Чичерин вам все расскажут новое; а они знают одни новости и тупы так же, как и год и два тому назад, многие тупеют, а Фет сидит, пашет и живет и загнет такую штуку, что прелесть» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 415]. Судя по тому, что фамилия Лонгинова стоит в одном ряду с фамилией реакционно настроенного Каткова (Толстой планировал сотрудничество с Катковым, представлял его как серьезного издателя) и либерала Чичерина (Толстой в конце 1850-х гг. очень хотел видеть Чичерина своим другом, однако они разошлись по разные стороны [Андреева, 2023b, с. 56–78]), выборка этих трех фамилий была сделана не с учетом преобладающего интереса писателя к какой-то одной общественно-политической позиции, но к внешней направленности размышлений всех упомянутых деятелей. Нельзя сказать, что Толстой и Лонгинов в это время относились к литературе по-разному, но

первый окончательно стал профессиональным писателем, а второй видел в литературе важнейшую отдушину в плане организации умственной и душевной жизни: «Учитывая тот факт, что Лонгинов никогда не был профессиональным литератором, для которого журналистская деятельность – коммерческое предприятие или источник дохода, важность его литературных занятий получает обоснование в сфере идеологии» [Трунин, 2010а, с. 12].

М. Н. Лонгинов как один из видных библиографов-библиофилов

Лонгинов был не только журналистом и мемуаристом, но и талантливым библиографом и библиофилом, историком литературы, который много публиковался – в XIX в. были широко известны его работы о русской литературе XVIII в. – исследования о Новикове, Радищеве, русских журналах. Кроме того, Лонгинов немало писал о Пушкине, Чаадаеве, Лермонтове. Он осознавал серьезность работ о русских писателях, скрупулезность библиографических трудов. Так, на предложение русского библиофила Г. Н. Геннади заняться созданием объемного библиографического труда Лонгинов ответил отказом, так как считал, что такая работа требует полного погружения в материал.

Л. М. Равич отмечает, при всей загруженности Лонгинова, его официальной служебной деятельности, он находил силы для сбора и работы в собственной библиотеке, которая постепенно, усилиями хозяина, стала одной из выдающихся частных библиотек в России: «В России в это время существовало два типа частных библиотек. Первые – частные публичные библиотеки, или „библиотеки для чтения“, как их тогда называли, – служили коммерческим целям; вторые – личные библиотеки – были достоянием библиофилов. Среди этих собраний были чрезвычайно значительные. Библиотеки Соболевского, Полторацкого, Чаадаева, Якушкина, Ефремова, Лонгинова, того же Геннади представляли собой крупнейшие явления русской культуры» [Раввич, 1981, с. 106]. Исследовательница считает, что переписка и дневники библиографов-библиофилов иллюстрируют тесное взаимодействие старшего поколения, поколения Пушкина и декабристов, носителей блистательной культуры александровской поры – Чаадаева, Соболевского, Полторацкого со «вторым поколением, родившимся уже после 1825 г., – Лонгиновым,

Геннади, Якушкиным, Афанасьевым, Полуденским, Ефремовым» [Раввич, 1981, с. 106–107].

Лонгинову была предельно дорога высокая дворянская культура, образованного и деликатного Тургенева он видел продолжателем дела Пушкина. Тем более резко Логнинов, стремящийся к гармонической точности, воспринял изменения в редакции журнала «Современник», когда на работу к Некрасову пришли Чернышевский и Добролюбов. П. Н. Берков вслед за многими учеными отмечает парадоксальную смену взглядов Лонгинова: «...находясь в приятельских отношениях с Некрасовым и Панаевым, Лонгинов считался долгое время либералом, поддерживая такую репутацию громкими фразами против цензуры и в защиту свободного слова. Однако, по существу, Лонгинов всегда был реакционером: обстановка классовая борьба привела к тому, что крепостническая позиция Лонгинова обнаружилась очень скоро и отчетливо, и это обстоятельство закрепило за ним и среди современников и в потомстве вполне основательную репутацию лютейшего обскуранта». Также П. Н. Берков пишет о видении Лонгиновым своего главного врага в русском нигилизме [Берков, 1935, с. 737].

Необходимо признать, что крайние взгляды позднего Лонгинова выработались с течением времени и в определенной степени были связаны с пренебрежением части молодежи к высоким образцам культуры прошлого. Исследователи недоумевают, каким образом либерально настроенный молодой чиновник и общественный деятель Лонгинов мог стать реакционером. М. В. Трунин отмечает, что «исток репутации Лонгинова как „обскуранта“, „реакционера“ и „библиографа-гробокопателя“» были во многом придуманы и преувеличены, связаны с тем, что науку и литературу Логинов считал прерогативой талантливых энтузиастов, а не рядовой трудовой деятельностью [Трунин, 2011, с. 118]. Исследователь показывает, что Лонгинов стал даже одним из прототипов Калломейцева – героя романа «Новь» Тургенева [Трунин, 2010b, с. 112]. На самом деле, к концу 1860-х гг. в общественных взглядах Лонгинова произошли значительные изменения, однако в советское время они однозначно были преувеличены. Лонгинов выступил резко против всех революционных настроений, а в модном среди молодежи нигилизме он справедливо видел основу отрицания великого дворянского наследия.

Еще в «Речи о значении, которое должно иметь общество любителей российской словесности в современной литературе» (1863) (Лонгинов занимал тогда должность секретаря Общества любителей российской словесности) он с горечью отмечал, что ушло из литературы и общественной деятельности поколение людей, задававших «тон московскому обществу», среди которых были «Чаадаев, А. И. Тургенев, Хомяков, Киреевский, Грановский, С. Т. Аксаков». Лонгинов писал: «А если и выкажется человек, который способен хоть сколько-нибудь сделаться центром небольшого кружка, но осмелится заговорить не в тоне, заданном самовластием новых деспотов – его осыпят клеветами и ругательствами, прославят агентом тайной полиции и зашумят, и загремят на весь мир те некоторые, которые хотят уверить, что они все» [Лонгинов, 1935, с. 749].

После отмены крепостного права Лонгинов был озабочен положением дворян, он не считал крестьянство способным к самостоятельному решению каких-либо вопросов в силу отсталости и заботности, видел наиболее важным привлечение к государственному управлению и общественной работе интеллигенции. В письме к А. М. Жемчужникову Лонгинов писал: «Ты спрашиваешь: какой мой идеал? Конституционная монархия, где все равны, как граждане, но политическое значение считается... принадлежностью части народа, умеющей рассуждать и заинтересованной в решении государственных вопросов, стоящих выше помыслов о насущном хлебе для своей избы» [Письмо, 1935, с. 752].

Переписка Толстого и Лонгинова середины 1860-х гг.

Восстановление и упрочение отношений Лонгинова с Толстым состоялось в конце 1863 г. – начале 1864 г., когда Лонгинов оказался полезен писателю как хранитель множества книг, грамотный советчик в плане выбора литературы, необходимой писателю, работавшему над «Войной и миром».

Переписка Толстого и Лонгинова не сохранилась в полном объеме, сейчас нам известны лишь тексты трех писем Толстого к Лонгинову – во всех из них речь идет о книгах. В письме от 19 марта 1864 г. Толстой сообщает, что возвращает ранее взятые у Лонгинова книги, пишет об их количестве и уверяет, что ни одна из книг не могла затеряться: «Книг ваших у меня 4. И чтений общества... только одна. Я не мог ошибиться

и затерять ваши книги, ибо горжусь тем, что у меня большой порядок для книг, в особенности для чужих, для которых существует особая полка» [Толстой, 1928–1958, т. 61, с. 40]. А уже в письме от 26 марта 1864 г. Толстой извиняется, что все-таки ошибся в количестве книг: «Очень мне совестно, любезный Михаил Николаевич, за то, что я похвастался своим порядком в книгах, да тут-то и попался! Дело в том, что в то время, как я брал у вас книги, я много накупил, и две из ваших книг, именно: Походные записки русского офицера и брошюры, я, спутав, принял за свои книги и не отложил» [Толстой, 1928–1958, т. 160, с. 42]. Обратим внимание, что Толстой максимально вежлив и сдержан в переписке с Лонгиновым, он сам просит прощения за путаницу со взятыми книгами. В вознаграждение за мнимую пропажу Толстой просил Лонгинова захватить к нему и взять у него книги, которые могли показаться ему достойными. Обмен книгами и такое творческое взаимодействие лучше всего характеризует полное примирение Толстого и Лонгинова. При этом некоторая путаница с изданиями не означает невнимательного отношения Толстого к источникам. Как отмечает Г. В. Алексеева, «книги не только поступали в библиотеку, но и легко „уходили“ из нее: Л.Н. Толстой „записным“ библиофилом не был» [Алексеева, 2019, с. 120]. Привлекает внимание и подпись Толстого под этими двумя мартовскими письмами Лонгинову – «Искренно преданный Вам гр. Л. Толстой».

Еще одно краткое сохранившееся письмо Толстого Лонгинову, в котором Толстой уведомлял о том, что посылает Лонгинову «архив» (это может быть журнал «Русский архив») может быть датировано примерно 22 или 23 ноября 1865 г. Такая дата устанавливается в связи с письмом Толстого А. А. Толстой от 26–27 ноября 1865 г., в котором писатель сообщал: «Третьего дня я был в Туле, видел М. Лонгинова и он, между прочими новостями, равнодушно сказал мне о замужестве Тютчевой и вашем назначении» [Толстой, 1928–1958, т. 61, с. 120]. Упоминание Лонгинова в этом письме Толстого глубоко символично и связано со всеми четырьмя страницами текста послания. Писатель приводит слова Лонгинова, сказанные об А. А. Толстой: «Хотя он вас не знает, кажется, вам будет интересно знать, в каких выражениях он сказал мне это: „Анна Тютчева так надоела им всем, что они рады были отвязаться от нее, а лучше Толстой они не могли, т. е. нельзя найти на ее место“» [Тол-

стой, 1928–1958, т. 61, с. 120]. После рассуждений о браке И. С. Аксакова и Тютчевой Толстой переходит к мысли о сильных сторонах А. А. Толстой, в которой, по его словам, есть плоть и кровь, людские страсти, так необходимые для живого и деятельного воспитания человека. Нельзя исключать, что слова, произнесенные Лонгиновым (в 1856 г. по отношению к нему Толстой поступил по повелению внутреннего дерзкого голоса), натолкнули Толстого на эти размышления о страстности натуры и прямоте человека: «Воспитатель есть первый ближайших человек, над которым они делают свои наблюдения и выводы, которые они потом прикладывают ко всему человеческому. И чем более этот человек одарен человеческими страстями, тем богаче и плодотворнее эти наблюдения. И вы такой человек. В вас есть общая нам толстовская дикость. Не даром Федор Иванович татуировался» [Толстой, 1928–1958, т. 61, с. 123].

Таким образом, можно сделать вывод, что состоявшийся конфликт Толстого и Лонгинова был связан не с идейными противоречиями, а с определенной вольностью поведения Лонгинова и обостренной реакцией на резкие слова в свой адрес Толстого. Решительные действия последнего были обусловлены, в том числе, и ориентацией на форму поведения героя повести «Два гусара», над которой Толстой в то время работал. Упоминания о Лонгинове в дневнике Толстого, в его письмах свидетельствуют о том, что писатель переосмыслил свое поведение, а спустя определенное время посчитал его недопустимым. Сохранившиеся письма Толстого к Лонгинову 1864–1865 гг. свидетельствуют о восстановлении приятельских взаимоотношений между современниками.

Библиографический список

1. Алексеева Г. В. Личная библиотека Л. Н. Толстого как музейная коллекция и как объект научных исследований // Литературные музеи в контексте истории и культуры. Москва : Литературный музей, 2019. С. 116–125.
2. Андреева В. Г. Переписка Л. Н. Толстого и Н. А. Некрасова: о первом и знаковом непонимании корреспондентов // Вестник Костромского государственного университета. 2023а. Т. 29. № 1. С. 68–72.
3. Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023б. Т. 5. № 1. С. 54–83.
4. Берков П. Н. Н. М. Лонгинов в 60-х гг. // Литературное наследство. Т. 22–24. Москва : Журнально-газетное объединение, 1935. С. 737–741.

5. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Москва : Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.

6. Лонгинов М. Н. Речь о значении, которое должно иметь общество любителей российской словесности в современной литературе / публ. П. Н. Беркова. // Литературное наследство. Т. 22–24. Москва : Журнально-газетное объединение, 1935. С. 742–751.

7. Некрасов Н. А. Полн. собр. сочинений и писем в 15 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Ленинград : Наука, 1981–2000.

8. Панаев И. И. Письма к М. Н. Лонгинову. URL: http://az.lib.ru/p/panaew_i_i/text_1859_pisma_k_longinovu_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.05.2023)

9. Петровицкая И. В. Переписка Льва Толстого с писателями, журналистами, издателями // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 2. С. 21–40.

10. Письмо М. Н. Лонгинова А. М. Жемчужникову // Литературное наследство. Т. 22–24. Москва : Журнально-газетное объединение, 1935. С. 752–754.

11. Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826–1880). Москва : Книга, 1981. 127 с.

12. Синякова Л. Н. Философская этика Л. Н. Толстого в художественно-антропологической динамике повести «Два гусара» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. Т. 13. № 2. С. 170–177.

13. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худож. лит., 1928–1958.

14. Толстой С. Л. Два гусара. Комментарии // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 3. Москва : Худож. лит., 1935. С. 327–329.

15. Трунин М. В. Литературная репутация М. Н. Лонгинова: 1850-е–1870-е годы. Москва, 2010а. 26 с.

16. Трунин М. В. «Что лучше, качество или количество?»: М. Н. Лонгинов в противостоянии литературного фонда и Общества любителей российской словесности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 4. С. 109–121.

17. Трунин М. В. «Со всей ехидностью ренегата», или М. Н. Лонгинов как главный прототип образа Каломейцева в романе И. С. Тургенева «Новь» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010б. № 4. С. 92–100.

18. Тургенев И. С. Переписка с М. Н. Лонгиновым. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_1872_perepiska_s_longinovu_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.05.2023)

19. Шахматова С. Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_1872_perepiska_s_longinovu_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.05.2023)

20. Штаб В. А. Гоголевский тип героя в творчестве Л. Н. Толстого (на материале произведения «Два

гусара») // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 69–73.

Reference list

1. Alekseeva G. V. Lichnaja biblioteka L. N. Tolstogo kak muzejnaja kollekcija i kak ob#ekt nauchnyh issledovanij = Leo Tolstoy's personal library as a museum collection and an object of scientific research // Literaturnye muzei v kontekste istorii i kul'tury. Moskva : Literaturnyj muzej, 2019. S. 116–125.

2. Andreeva V. G. Perepiska L. N. Tolstogo i N. A. Nekrasova: o pervom i znakovom neponimanii korrespondentov = The correspondence of L. N. Tolstoy and N. A. Nekrasov: on the first and significant misunderstanding betshheen the correspondents // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023a. T. 29. № 1. S. 68–72.

3. Andreeva V. G. «Ljubeznyj drug... ne serdis' za otkrovennost'!»: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina = «My dear friend... do not be angry for my frankness!»: correspondence betshheen L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin // Dva veka russkoj klassiki. 2023b. T. 5. № 1. S. 54–83.

4. Berkov P. N. N. M. Longinov v 60-h gg. = N. M. Longinov in the 60s // Literaturnoe nasledstvo. T. 22–24. Moskva : Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie, 1935. S. 737–741.

5. Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god = Lev Nikolayevich Tolstoy. Materials for the biography from 1855 to 1869. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1957. 915 s.

6. Longinov M. N. Rech' o znachenii, kotoroe dolzhno imet' obshhestvo ljubitelej rossijskoj slovesnosti v sovremennoj literature = Speech on the importance the Society of Russian Literature Lovers should have in modern literature / publ. P. N. Berkova. // Literaturnoe nasledstvo. T. 22–24. Moskva : Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie, 1935. S. 742–751.

7. Nekrasov N. A. Poln. sobr. sochinenij i pisem v 15 t. = Complete collection of shhorks and letters in 15 vols. / Akad. nauk SSSR, In-t rus. lit. (Pushkinskij dom). Leningrad : Nauka, 1981–2000.

8. Panaev I. I. Pis'ma k M. N. Longinovu = Letters to M. N. Longinov. URL: http://az.lib.ru/p/panaeshh_i_i/teht_1859_pisma_k_longinovy_oldorfo.shtml (data obrashhenija: 12.05.2023)

9. Petrovickaja I. V. Perepiska L'va Tolstogo s pisateljami, zhurnalistami, izdateljami = Leo Tolstoy's correspondence shhith shhriters, journalists, publishers // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika. 2012. № 2. S. 21–40.

10. Pis'mo M. N. Longinova A. M. Zhemchuzhnikovu = M. N. Longinov's letter to A.M. Zhemchuzhnikov // Literaturnoe nasledstvo. T. 22–24. Moskva : Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie, 1935. S. 752–754.

11. Ravich L. M. G. N. Gennadi (1826–1880) = G.N. Gennadi (1826–1880). Moskva : Kniga, 1981. 127 s.

12. Sinjakova L. N. Filosofskaja jetika L. N. Tolstogo v hudozhestvenno-antropologicheskoj dinamike

povesti «Dva gusara» = L. N. Tolstoy's philosophical ethics in the artistic anthropological dynamics of the story «Tshho Hussars» // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Filologija. 2014. T. 13. № 2. S. 170–177.

13. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete shhorks in 90 vols. Moskva : Hudozh. lit., 1928–1958.

14. Tolstoj S. L. Dva gusara. Kommentarii = Tshho Hussars. Commentary // Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 3. Moskva : Hudozh. lit., 1935. S. 327–329.

15. Trunin M. V. Literaturnaja reputacija M. N. Longinova: 1850-e–1870-e gody = M. N. Longinov's literary reputation: 1850s–1870s. Moskva, 2010a. 26 s.

16. Trunin M. V. «Chto luchshe, kachestvo ili kolichestvo?»: M. N. Longinov v protivostojanii literaturnogo fonda i Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti = «Shhhat is better, jaulality or jauantity?»: M. N. Longinov in the confrontation betshheen the Literary Foundation and the Society of Russian Literature Lovers // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2011. № 4. S. 109–121.

17. Trunin M. V. «So vsej ehidnost'ju renegata», ili M. N. Loginov kak glavnyj prototip obraza Kallomejceva v romane I. S. Turgeneva «Nov'» = «Shhith all the acerbity of a renegade», or M. N. Longinov as the main prototype of Kallomeitsev in I. S. Turgenev's novel «Virgin Soil» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2010b. № 4. S. 92–100.

18. Turgenev I. S. Perepiska s M. N. Longinovym = Correspondence shhith M.N. Longinov. URL: http://az.lib.ru/t/turgeneshh_i_s/teht_1872_perepiska_s_longinovym_oldorfo.shtml (data obrashhenija: 12.05.2023)

19. Shahmatova S. Perepiska Turgeneva s M. N. Longinovym = Turgenev's correspondence shhith M.N. Longinov. URL:

http://az.lib.ru/t/turgeneshh_i_s/teht_1872_perepiska_s_longinovym_oldorfo.shtml (data obrashhenija: 12.05.2023)

20. Shtab V. A. Gogolevskij tip geroja v tvorchestve L. N. Tolstogo (na materiale proizvedenija «Dva gusara») = Gogol's type of hero in Leo Tolstoy's shhork (on the material of «Tshho Hussars») // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 3. S. 69–73.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 15.05.2023; approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_20
EDN: ZJICFG

Телесное и духовное в русской литературе

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. В работе изучаются предметный мир и его функции в произведениях литературы, в создании художественного пространства, в творческих поисках писателей. Художественные детали могут иметь аллегорическое, символическое значение, детали бытовые получают бытийный смысл, многие из которых имеют мифопоэтическое происхождение. Материал осмыслен в событийно-биографическом, историко-литературном аспектах; представлены результаты исследования.

Акценты сделаны на произведениях Н. В. Гоголя, Л. Н. Андреева, представляющих разные эпохи, методы, направления. И, пожалуй, впервые эти яркие творческие индивидуальности оказались в одном ряду, что оправдано поставленной проблемой – изучением художественной типологии. В работе решён ряд задач: дополнены представления о роли компонентов текста, установлена художественная типология между произведениями разных авторов, определены их биографические, историко-литературные, теоретико-литературные истоки.

Решение задач осуществлялось путем изучения творческих связей, переключек, параллелей. Приведены оригинальные находки и сделан ряд заключений. Особый интерес имеют сопоставления творческих индивидуальностей, анализ символики, поэтики.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Получено новое знание об элементах предметного мира в структуре художественных текстов, установлена художественная типология между ними. Обновлена методика исследования и намечены перспективы.

Использованные подходы к материалу обусловили новизну трактовки наследия писателей, интерпретации произведений литературы; даны новые оценки известным произведениям, уточнена авторская позиция. Сделаны наблюдения в области изучения эстетики и поэтики прозы.

Ключевые слова: творческие индивидуальности в литературном процессе XIX–XX веков: Н. В. Гоголь, Л. Н. Андреев; семантика художественной детали и её функции; мотив; анализ; интерпретация произведения литературы

Для цитирования: Иванов Н. Н. Телесное и духовное в русской литературе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 20–26. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_20. <https://elibrary.ru/ZJICFG>

Original article

Bodily and spiritual in russian literature

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor at the department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The article studies the object world and its functions in literary works, in creating artistic space, and in writers' creative searches. Artistic details can have allegorical and symbolic meaning, everyday details, many of which have mythopoetic origin, can acquire existential meaning. The material is considered in the event-biographical, historical and literary aspects; the results of the research are presented.

Emphasis is placed on the works of N. V. Gogol and L. N. Andreev, who represent different epochs, methods and directions. Perhaps, for the first time these bright creative individuals appear on a par with each other, which is justified by the problem posed - the study of literary typology. The work has solved a number of problems: the ideas about the role of text components have been enriched, the literary typology among the works of different authors has been established, their biographical, historical, theoretical and literary origins have been determined.

The tasks have been solved through the study of creative connections, cross-links, and parallels. The author presents original findings and draws a number of conclusions. Of particular interest are comparisons of the writers' creative personalities, analysis of their symbolism and poetics. The most significant results of the work are the following. New knowledge is gained regarding the elements of the object world in the structure of literary texts, and literary typology among them is established. The research methodology is updated and new perspectives are outlined.

The approaches the author used to the material determine the novelty of interpreting the writers' heritage; new opinions are given about the famous works, the writers' position is clarified. The author made some observations in the field of studying the aesthetics and poetics of prose.

Key words: creative individuals in the literary process of the XIX–XX centuries; N. V. Gogol, L. N. Andreev; semantics of literary detail and its functions; motive; analysis; interpretation of a literary work

For citation: Ivanov N. N. Bodily and spiritual in russian literature. *Verhnevolszski philological bulletin*. 2023;(3):20–26. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_20. <https://elibrary.ru/ZJICFG>

Введение

Постановка вопроса. Исследование художественной литературы на предмет соотношения в текстах миров телесного и духовного, жизненной силы, потенций человека проводится нечасто, однако постановка проблемы и локальная обрисовка её обновили бы научные представления о содержании, эстетике, поэтике произведения литературы, о мастерстве и творчестве писателей. Инструментарием в разработке проблемы мог бы стать анализ предметного мира и его семантики, художественной детали и её места, функций в тексте.

Актуальность

Исследование построено на материале произведений Н. В. Гоголя и Л. Н. Андреева, принадлежащих разным творческим эпохам; тем не менее, переключки, типологическая близость между ними возможна, прежде всего, в компоновке предметного мира и деталей как образного отражения идей, изучение чего и обусловило актуальность работы.

Цель работы – проанализировать предметный мир, роль, функции художественной детали в произведении литературы как отражение авторских представлений о духовной и телесной сущностях личностного бытия; установить типологическую общность между писателями.

Задачи работы: сопоставить, изучить художественные тексты, проанализировать их структуру, сделать обобщения.

Материалом исследования стало наследие писателей в самом широком охвате: художественные произведения, варианты, дневники,

публицистика, переписка писателей и воспоминания о них, биографические данные; научные, справочные труды по теме.

Методология исследования. Системная методология литературоведения, лингвистический, литературоведческий, культурологический подходы к тексту. Изучение деталей, предметного мира, текста, мотивов строилось на методах мотивного анализа, структурно-семантическом, семиотическом, метатекстуальном; характеристика творческих индивидуальностей, персоналий – на историко-литературном, сравнительно-историческом, биографическом.

Описание проведённого **анализа**.

Анализ был посвящён выявлению функций предметного мира, художественных деталей и по этой линии установлению типологии между произведениями русских писателей XIX–XX веков: Н. В. Гоголя, Н. Андреева, в перспективе – некоторых других.

«Я о планетах говорить стесняюсь, Я расскажу, как люди бьются, маясь» [Гёте, т. 2, с. 16] (Мефистофель в прологе на небе // трагедия Гёте «Фауст»). Люди бьются в борьбе с невгодами мира внешнего; люди используют одежду, жилища; должны они и есть. Поглощая значительные ресурсы, материальная сторона жизни заметно теснит духовную. «Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около. Враг этот <...> наш северный мороз <...> Всё спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом натопаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замёрзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 479].

Мороз – явление природы, и человек над ним не властен.

Шинель Акакия Акакиевича, халат Плюшкина, костюмы Раскольниковова, тряпье, которым укрыт отец Сашки в рассказе Л. Андреева «Ангелочек», странное одеяние Вощева в повести А. Платонова «Котлован» – эти атрибуты предметного мира аллюзивны, символичны. И одежда, и дом, и еда имеют глубинное значение; они раздвигают повествование о потенциях человека, о преодолении тягот жизни и обретении достойного места в ней.

Петербургского чиновника Акакия Акакиевича спасали от мороза шинели; было их у него две, и обе описаны подробно. Первая шинель настолько жалкая, что сослуживцы отнимали от неё «даже благородное имя шинели и называли её капотом <...> воротник её уменьшался с каждым годом <...> ибо служил на подтачиванье других частей её» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 480]. Портной Петрович латал и подтачивал шинель Акакия Акакиевича до тех пор, когда дальше латать было уже невозможно: сукно истёрлось и сквозило, подкладка расползлась. «Нельзя» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 480], – без надежды произносит Петрович, разрушая зыбкие иллюзии Акакия Акакиевича.

Одеяния – продолжение хозяев. Мысли о скудном облачении поглощают Акакия Акакиевича, определяют его тонус: старая шинель изнасилась, жизненное дело движется к финалу. Акакию Акакиевичу уже за пятьдесят, он бедный во всех отношениях титулярный советник. «Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 484]. «На что, на какие деньги её сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уж размещены и распределены вперёд. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слог» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 484].

3 января 1829 г., за десять лет до написания повести, Гоголь, из Петербурга, сетует матери на своё финансовое положение. «Да здесь покупка фрака и панталон стоила мне двух сот, да сотня уехала на шляпу, на сапоги, перчатки, извозчиков и на прочие дрянные, но необходимые мелочи, да на переделку шинели и на покупку к ней воротника до 80 рублей» [Вересаев, 1990, т. 3,

с. 414] (В. Вересаев «Гоголь в жизни»). Новая шинель обошлась Акакию Акакиевичу в восемьдесят рублей. Новая шинель стала результатом ущемления тела в виде ограничений в питании, отказа от «дрянных, но необходимых» мелочей, от вечернего чая и прочей экономии. Менталитету Акакия Акакиевича свойственно перетекание материально-предметного в духовное, эстетическое. Бедствуя, он «питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 485]. Наконец, когда Петрович принёс новую шинель, Акакий Акакиевич преобразился. Это день был в его жизни «самый торжественнейший» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 486]. Впервые, пожалуй, он почувствовал себя счастливым и состоявшимся. «Этот весь день был <...> точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил её бережно на стене, налюбовавшись ещё раз сукном и подкладкой» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 487]. Преобразился и Петрович, дважды ходивший смотреть на творение рук своих. В департамент Акакий Акакиевич отправился «в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия <...> две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 487].

Ранее, по причине бедности, многие стороны жизни были недоступны Акакию Акакиевичу, теперь же тепло в теле отразилось теплом в душе. Вот он «остановился с любопытством перед освещённым окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу, очень недурную» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 488]. Подобного рода интерес очень важен для самооценки, внутренней состоятельности мужчины. Женская нога, по наблюдению автора, та вещь, о которой «у каждого сохраняется какое-то чутьё» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 488]. И чутьё это в титулярном советнике проявилось.

В петербургских повестях Гоголя одежда, обувь, другие предметы быта заслоняют своих обладателей. Одежда оказывается в семантическом центре и повестей, и поэмы «Мёртвые души». Нет ни одного портрета, ни одной индивидуализированной характеристики людей на том роковом для Акакия Акакиевича чаепитии, зато шинели, калоши такими чертами наделены. Что

предстало в тот вечер перед глазами Акакия Акакиевича в передней? «На стенах висели все шинели да плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами <...> Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошёл в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 488]. «Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 489].

Живя в другую эпоху, Гоголь многое в эстетике символизма предвосхитил и был в этом направлении одним из первых русских писателей: вещи, элементы одежды, детали быта получают дополнительные смыслы. На протяжении длительного времени метод Гоголя определяли по социологическому шаблону как *реалистическую сатиру*. Объективнее и, с позиций искусства, продуктивнее говорить о фантастической стороне прозы Гоголя, как в своё время это сделал А. С. Пушкин, предваряя публикацию повести «Нос», тем самым придав творениям Гоголя временную перспективу. «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, весёлого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 568]. Удовольствие – гедонистическая функция искусства.

«У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком <...> Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределённое, похожее очень на женский капот <...> По висевшим у неё за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это, верно, ключница <...> – Идите в комнаты! – сказала ключница, отворотившись и показав ему спину, запачканную мукою, с большой прорехою пониже» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 260, 261]. Позднее выяснилось, что глазам Чичикова предстал скорее ключник, чем ключница.

Плюшкин – фигура архетипичная: «прореха на человечестве»; история его личностных «достижений» построена на мотиве нравственной деградации и духовной смерти, убывания человеческого, на мотиве анти: антитворения, античеловека. «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!» [Гоголь, 1984,

т. 2, с. 271]. Ничтожность, мелочность, гадость Плюшкина сквозят в его «поносных словах», продолжены в предметных деталях: одежда, еда, быт, жилище. Пол этого помещика по платью не идентифицируется, и человек будто исчезает. Капот – одеяние женщины; но ведь и шинель Акакия Акакиевича сослуживцы называли капотом. Несколько раз упоминается «старый, поношенный колпак» Плюшкина, колпак, «какой носят деревенские дворовые бабы» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 260]. Головной убор – символический эквивалент мыслей человека.

Висевшие за поясом Плюшкина ключи точно запирают, пристёгивают его к чему-то, но к чему? К необозримым ценностям его погребов и кладовых, к материальному существованию, к земле, богатству. После смерти последней дочери «старик очутился один сторожем, хранителем и владельцем своих богатств» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Плюшкин в смысле прямом и переносном к богатству привязан. И замок-исполин в железной петле, и ворота, которые в «другое время <...> были заперты наглухо» [Гоголь, т. 2, с. 260], и окна в доме, которые «с каждым годом притворялись <...> наконец осталось только два» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264], – все детали, повторяют, иллюстрируют затухание внутреннего огня, высоких устремлений человека.

В доме Плюшкина и вокруг него – «вымершее место». Ввозимое добро, кучи добра не увеличивают жизненные силы помещика, но всё превращается в тлен, прах. Скупость не позволяет хозяину перевести свои богатства в деньги, монетизировать, сказали бы сегодня. «Неуступчивее становился он к покупателям, которые приезжали забирать у него хозяйственные произведения; покупщики торговались, торговались и наконец бросили его вовсе, сказавши, что это бес, а не человек; сено и хлеб гнили, клади и стоги обращались в чистый навоз <...> мука в подвалах превратилась в камень» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 265]. «Заплатанной» Плюшкин «плохо кормит» крепостных людей, и они умирают, «как мухи» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 256].

Архетип Плюшкина-«прорехи» укрупнён детально: большая прореха пониже запачканной мукою спины перекликается с существительным «к слову заплатанной» – очень удачным, но «неупотребительным в светском разговоре» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 256].

Дочь, Александра Степановна, приезжала с двумя малютками и привезла отцу кулич к чаю и новый халат, «потому что у батюшки был такой

халат, на который глядеть не только было известно, но даже стыдно» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 265]. Этот халат – апофеоз полной деградации Плюшкина: «рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идёт на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 260, 261].

Когда-то Плюшкин был «бережливым хозяином! Был женат и семьянин» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 263], принимал соседей, учил их «хозяйству и мудрой скупости» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 263]. К столу являлся в сюртуке, «хотя несколько поношенном, но опрятном, локти были в порядке: нигде никакой заплаты» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Сопоставим: «нигде никакой заплаты» и «заплатанной». Плюшкин не властен над ходом времени, жизненным материалом, невзгодами бытия. Сначала «добрая хозяйка умерла», затем старшая дочь, Александра Степановна, «убежала с штабс-ротмистром» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Вскоре сын определился в полк, наконец, умерла дочь младшая. Семья убывала, окна притворялись, дом умирал; сворачивался внутренний мир Плюшкина, и такие дыры латанию не подлежат. Возможно, Гоголь осмысливал знакомые ему семейные предания [Бородкин, 2020], и под его пером патологическая скупость стала аллегорией падения личности [Толкачева, 2020; Топоров, 1995]. Плюшкин тащит домой всякую дрянь, думая, что, обладая ею, он становится богаче. Скупость, страсть к собирательству-накопительству съели индивидуальность, и функция (ключница) заместила лучшие человеческие свойства. И в этом контексте символичен дом Плюшкина: «с каждым годом притворялись окна <...> наконец осталось только два» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Эти два окна, допускаем, намекают на два последних чувства, ещё связывающих Плюшкина с внешним миром. Но один раз всё же какое-то внезапное живое движение произошло в нём, отразилось на лице, когда в беседе с Чичиковым он вспомнил друга детства.

Акакий Акакиевич беден, Плюшкин – богат. Душа Акакия Акакиевича оттаяла, а душа Плюшкина очерствела. «Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая <...> имеет волчий голод и чем более пожирает, тем становится ненасытнее» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Чувства

мелели ежеминутно; убывала жизненная сила, утрачивалась самость Плюшкина: имя забыл, пола как бы нет – баба или мужик. «И всё становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 265].

На первый взгляд, связи, переключки по означенным линиям между произведениями Гоголя, Андреева, других писателей, того же А. Платонова, невозможны, не отражены они и критиками, исследователями прозы, например, Андреева [Жен, Рогов, 2010], не поднимались и в зарубежных источниках [Лексикон русской литературы, 1996]. Но связи могут быть глубинными и обнаруживаться как проявление индивидуальной авторской психологии, литературной традиции. Находящиеся вне текста универсалии могут стать опытом литературной рефлексии и саморефлексии, авторским мифотворчеством. Это справедливо и в отношении предложенной нами художественной версии жизненной силы.

В 1899 году в газете «Курьер» был опубликован рассказ Леонида Андреева «Ангелочек». В рассказе Андреев развил свойственные его творчеству экзистенциальные мотивы: смысл и бессмысленность бытия, извечные устремления человека к счастью, любви [Красильников, 2007; Татарин, 2001]. В этом рассказе история Сашки и его отца, Ивана Саввича, представлена как тема старости и молодости, жизненных итогов, предназначения человека. Тема как контраст небесного и земного дана на праздничном рождественском фоне. Близость грядущего Рождества отзывается в душе Сашки и его несчастного отца ожиданием чуда [Борзова, 2015]. Драма Сашкиного бытия обусловлена «тотальной» несправедливостью жизни, и мальчик мстит ей. Сын только вступает в мир, жизнь отца – прошла. Силы покидают этого «больного и жалкого», «погибшего» человека. Иван Саввич «сидел молча и ёжился», ему «всегда было холодно, и он старался согреться, сидя на раскалённой лежанке и подкладывая под себя руки ладонями книзу <...> он лежал за перегородкой, молчаливый, съезжившийся от постоянного озноба, и думал о несправедливости и ужасе человеческой жизни» [Андреев, 1983, с. 30].

В основе судьбы отца просматривается мотив утраты, изгнания из рая, но обретёт ли его сын? «И чудилось погибшему человеку, что он услышал жалеющий голос из того чудного мира, где он жил когда-то и откуда был навеки изгнан» [Андреев, 1983, с. 38]. Отец Сашки отжил и ни-

когда не возродится, но он не старик. Сашка приносит с ёлки у Свечниковых папиросы отцу и игрушку – воскового ангелочка. Ангелочек – деталь в тексте; деталь случайная, эпизодическая, и одновременно смыслообразующая. Отец, «поспешно набросав в угол всякого тряпья, на котором он спал <...> так же быстро разделся и лёг на спину, чтобы поскорее начать смотреть на ангелочка» [Андреев, 1983, с. 40]. В рассказах Л. Андреева персонажи, детали, предметный мир существуют не изолированно, но как выходы в мир большой, очертания которого ещё предстоит увидеть. Ангелочек в одноимённом рассказе соединяет отца и сына, прошлое и настоящее, любовь и ненависть. Показательно, что к возвращению Сашки домой Феоктиста Петровна (мать) уже спала и не могла видеть следы мимолётного счастья на лицах отца и сына. Роль ёлочной игрушки разрастается до масштабной характеристики людского бытия, переполненного жестокостью и несправедливостью, но и таящего желанные перспективы.

Выводы. В работе были получены следующие научные результаты. Установлена художественная типология между произведениями разных авторов, эпох, направлений, определены биографические, историко-литературные, теоретико-литературные истоки творческих устремлений писателей, дополнены представления о роли компонентов текста, намечены пути дальнейшего изучения художественной типологии.

Сформулирована проблема соотношения в образах персонажей жизненных сил, потенций человека, духовного и телесного начал. В русле поставленной проблемы изучены тексты, приведены оригинальные находки и сделан ряд заключений. Получено новое знание о роли элементов предметного мира в структуре текстов, о художественной близости между произведениями разных авторов, эпох: Н. В. Гоголь, Л. Н. Андреев. Охват разного по жанру, тематике, стилю материала обусловил достоверность суждений, выводов. Проведённое исследование представляется полезным для изучения творческих поисков русских писателей XIX–XX столетий.

Библиографический список

1. Андреев Л. Н. Рассказы, повести и фельетоны / сост. и предисл. В. Н. Чувакова. Москва : Моск. рабочий, 1983. 351 с.
2. Борзова Н. А. Образы детей в произведениях Леонида Андреева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. №1(5). 2015. С. 1130–1132.
3. Бородкин А. В. Семейные легенды и предания в художественной прозе Н. В. Гоголя // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: Семейный дискурс русской и мировой литературы / под научн. ред. Е. М. Болдыревой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 79–90.
4. Вересаев В. В. Собрание сочинений : [в 4 томах]. Москва : Правда, 1990.
5. Гёте И. В. Собрание сочинений : [в 10 томах]. Москва : Худож. лит., 1975–1980.
6. Гоголь Н. В. Избранные сочинения : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1984.
7. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3: Сравнительное литературоведение. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 816 с.
8. Иванов Н. Н. Мифопоэтическая парадигма художественных поисков в литературе русского неореализма // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. № 1. С. 28–31.
9. Иванов Н. Н. Мифопоэтические мотивы и образы в прозе А. Платонова // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. № 4. С. 198–204.
10. История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1: 1910–1930 годы. Учебное пособие / Л. Ф. Алексеева, И. А. Биккулова, Н. М. Малыгина, Н. Н. Иванов и др.; под ред. Л. Ф. Алексеевой. Москва : Высшая школа, 2005. 366 с.
11. История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1: Русская литература: 1910–1930-е годы: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / Л. Ф. Алексеева, И. А. Биккулова, Н. М. Малыгина, Н. Н. Иванов и др.; под ред. Л. Ф. Алексеевой. Москва : Студент, 2012. 423 с.
12. Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. Санкт-Петербург : Коста, 2010. 428 с.
13. Кранихфельд В. Журнальные заметки. Леонид Андреев и его критики // Образование. 1902. № 10. Отд. 3. С. 47–69.
14. Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда : ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.
15. Лексикон русской литературы XX века. 1917 / В. Казак; [пер. с нем.]. Москва : РИК «Культура», 1996. XVIII, 491 с.
16. Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зерновой. London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 226–244.
17. Татаринцев А. В. Л. Андреев // Русская литература рубежа веков (1890 – нач. 19 20-х гг.): Кн. 2 / ИМЛИ РАН. Москва : Наследие, 2001. 314 с.
18. Толкачева О. Н. Психология патологического накопительства. Москва : Юрайт, 2020. 178 с.
19. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров

В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва : Прогресс – Культура, 1995. 624 с. С. 7–111.

20. Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. М. «Сквозь литературу». Ленинград : Academia, 1924. С. 171–195.

Reference list

1. Andreev L. N. Rasskazy, povesti i fel'etony = Stories, novellas and feuilletons / sost. i predisl. V. N. Chuvakova. Moskva : Mosk. rabochij, 1983. 351 s.

2. Borzova N. A. Obrazy detej v proizvedenijah Leonida Andreeva = Images of children in Leonid Andreev's works // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. T. 17. №1(5). 2015. S. 1130–1132.

3. Borodkin A. V. Semejnye legendy i predanija v hudozhestvennoj proze N. V. Gogolja = Family legends and stories in N. V. Gogol's prose // «Nezhdannyj, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i ujut...»: Semejnij diskurs ruskoj i mirovoj literatury / pod nauchn. red. E. M. Boldyrevoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. S. 79–90.

4. Veresaev V. V. Sobranie sochinenij : [v 4 tomah] = Collected works : [in 4 volumes]. Moskva : Pravda, 1990.

5. Gjote I. V. Sobranie sochinenij : [v 10 tomah] = Collected works : [in 10 volumes]. Moskva : Hudozh. lit., 1975–1980.

6. Gogol' N. V. Izbrannye sochinenija : [v 2 tomah] = Selected works : [in 2 volumes]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1984.

7. Ivanov V. V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 3: Sravnitel'noe literaturovedenie = Selected works on semiotics and history of culture. V. 3: Comparative literary studies. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 816 s.

8. Ivanov N. N. Mifopojeticheskaja paradigma hudozhestvennyh poiskov v literature russkogo neorealizma = Mythopoetic paradigm of artistic search in the literature of Russian neorealism // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. № 1. S. 28–31.

9. Ivanov N. N. Mifopojeticheskie motivy i obrazy v proze A. Platonova = Mythopoetic motifs and images in A. Platonov's prose // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. № 4. S. 198–204.

10. Istorija ruskoj literatury XX veka: V 4-h kn. Kn. 1: 1910–1930 gody : uchebnoe posobie / L. F. Alekseeva, I. A. Bikkulova, N. M. Malygina, N. N. Ivanov i dr.; pod red. L. F. Alekseevoj. Moskva : Vysshaja shkola, 2005. 366 s.

11. Istorija ruskoj literatury XX veka: V 4-h kn. Kn. 1: Russkaja literatura: 1910–1930-e gody = History of XX century Russian literature: In 4 books, Book 1: Russian literature: 1910–1930s. : ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. / L. F. Alekseeva, I. A. Bikkulova, N. M. Malygina, N. N. Ivanov i dr.; pod red. L. F. Alekseevoj. Moskva : Student, 2012. 423 s.

12. Ken L. N., Rogov L. Je. Zhizn' Leonida Andreeva, rasskazannaja im samim i ego sovremennikami = Leonid Andreev's life as told by himself and his contemporaries. Sankt-Peterburg : Kosta, 2010. 428 s.

13. Kranihfel'd V. Zhurnal'nye zametki. Leonid Andreev i ego kritiki = Journal notes. Leonid Andreev and his critics // Obrazovanie. 1902. № 10. Otd. 3. S. 47–69.

14. Krasil'nikov R. L. Obraz smerti v literaturnom proizvedenii: modeli i urovni analiza = The image of death in a literary work: models and levels of analysis. Vologda : GUK IACK, 2007. 140 s.

15. Leksikon ruskoj literatury XX veka. 1917 = Lexicon of the XX century Russian literature. 1917 / V. Kazak; [per. s nem.]. Moskva : RIK «Kul'tura», 1996. XVIII, 491 s.

16. Mirskij D. S. Istorija ruskoj literatury s drevnejshih vremen do 1925 goda = The history of Russian literature from ancient times to 1925 / per. s angl. R. Zernovoj. London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. S. 226–244.

17. Tatarinov A. V. L. Andreev = L. Andreev // Russkaja literatura rubezha vekov (1890 – nach. 19 20-h gg.): Kn. 2 / IMLI RAN. Moskva : Nasledie, 2001. 314 s.

18. Tolkacheva O. N. Psihologija patoloģičeskogo nakopitel'stva = The psychology of pathological hoarding. Moskva : Jurajt, 2020. 178 s.

19. Toporov V. N. Veshh' v antropocentričkoj perspektive (apologija Pljuškina) = The thing in anthropocentric perspective (Plushkin's apologia) // Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojetičeskogo: Izbrannoe. Moskva : Progress – Kul'tura, 1995. 624 s. S. 7–111.

20. Jejhenbaum B. M. Kak sdelana «Shinel'» Gogolja = How Gogol's «The Overcoat» was made // Jejhenbaum B. M. «Skvoz' literaturu». Leningrad : Academia, 1924. S. 171–195.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 03.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 15.05.2023; approved after reviewing 03.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_27
EDN: ZNRGYD

Таинственное в романтической эпике Федора Глинки

Валерия Александровна Галанова

Аспирант кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
galanova712@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. В статье рассматривается мотив таинственного, концепт «тайна» в романтических поэмах поэта XIX века Федора Николаевича Глинки. Тайна занимала важное место в творчестве русских и европейских поэтов-романтиков. Немецкий поэт-романтик Людвиг Уланд еще в начале XIX века в статье «О романтическом» определяет бесконечное стремление человека постигнуть нечто сокровенное, возвышенное. Профессор М. М. Смирнов выделил ключевые детали, являющиеся отличительными признаками романтической тайны. В первую очередь исследователь отмечает сильное чувство таинственного, ставшее одним из главных отличий романтиков от большинства их предшественников. Мотив тайны в романтических произведениях нередко оказывается одним из ключевых мотивов. Само восприятие, понимание тайны в поэмах достигается при помощи откровений, видений, пророчеств, получаемых героем поэмы. Романтическую тайну отличает необычный герой или необычные обстоятельства. Ключевое внимание уделяется поэмам Федора Глинки «Дева карельских лесов», «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» и «Таинственная капля». Поэма «Дева карельских лесов», написанная в 1828 году, повествует о герое, столкнувшемся с таинственной природой Русского Севера и загадочными местными жителями. В поэме «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», созданной в 1830 году, речь также идет о природе карельского края. Главная героиня поэмы, оказавшись в ссылке, знакомится с местной природой и обычаями и в итоге возвращается из ссылки. Поэму высоко оценил Александр Сергеевич Пушкин в своей рецензии. В поэме «Таинственная капля», опубликованной в 1871 году, сюжетом становится апокрифическое сказание о Благоразумном разбойнике, сумевшем найти путь к спасению души.

Ключевые слова: таинственное; тайна; Ф. Глинка; романтизм; поэма; романтическая поэма; романтическая тайна

Для цитирования: Галанова В. А. Таинственное в романтической эпике Федора Глинки // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 27–33. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_27. <https://elibrary.ru/ZNRGYD>

Original article

The mysterious in Fyodor Glinka's romantic epic

Valeriya A. Galanova

Postgraduate student at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
galanova712@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The article considers the motif of the mysterious and the concept «mystery» in romantic poems of the XIX century poet Fyodor Nikolayevich Glinka. Mystery occupied an important place in the work of Russian and European Romantic poets. In his early 19th century article «On the Romantic», the German Romantic poet Ludwig Uhland defined the infinite human desire to comprehend something intimate and sublime. Professor M. M. Smirnov identifies the key details that are the distinguishing features of a romantic mystery. First of all, the researcher notes the strong sense of the mysterious, which became one of the main differences between the Romantics and most of their predecessors. The motif of mystery in Romantic works is often one of the key motifs. The very perception, understanding of the mystery in the poems is achieved through revelations, visions and prophecies received by the hero of the poem. The romantic mystery is distinguished by an unusual hero or unusual circumstances. Particular attention is paid to Fyodor Glinka's poems «The Maiden of the Karelian Forests», «Karelia, or the Imprisonment of Marfa

Ioannovna Romanova» and «The Mysterious Drop». The poem «The Maiden of the Karelian Forests», written in 1828, tells the story of the hero confronted with the mysterious nature of the Russian North and the enigmatic locals. The poem «Karelia, or the Imprisonment of Marfa Ioannovna Romanova», written in 1830, also speaks about the nature of the Karelian region. The poem's protagonist, being in the exile, learns about local nature and customs and eventually returns from her exile. The poem was highly appreciated by Alexander Sergeevich Pushkin in his review. In the poem The Mysterious Drop, published in 1871, the plot is the apocryphal tale of the Prudent Robber who managed to find the way to salvation of his soul.

Key words: the mysterious; mystery; F. Glinka; romanticism; poem; romantic poem; romantic mystery

For citation: Galanova V. A. The mysterious in Fyodor Glinka's romantic epic. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):27–33. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_27. <https://elibrary.ru/ZNRGYD>

Роль таинственного и тайны в русской и зарубежной литературе

Таинственное, тайна занимали важное место в поэтике романтизма начала XIX века (вразрез с апологией рационализма в поэтике классицизма). Например, в работе Людвиг Уланда, одного из крупнейших немецких поэтов-романтиков, автор подчеркивает, что бесконечное окружает человека, тайну божества и мир. В своей статье «О романтическом» 1807 г. он отмечает: «От человека скрыто, чем он был, есть и будет. Очаровательны и ужасны эти тайны. Лучишие силы души тянутся с бесконечной тоской в бесконечную даль. Это мистическое проявление нашего глубочайшего духа в образе, это вторжение мирового духа, очеловечение божественного: предчувствие бесконечного в видимом и воображаемом и есть романтическое» [Цит. по: Смирнов, 2001, с. 161].

Профессор Московского университета А. А. Смирнов посвятил этой важной теме свою статью «Принцип романтической тайны в лирике Пушкина и Прешерна» (к юбилею великого русского и словенского поэтов) [Смирнов, 2001, с. 88]. Он подчеркивает, что существует сфера жизни, особым, таинственным образом связывающая поэтов и поэзию с общими началами Бытия. Лирический субъект приобщается к ценностным сторонам романтического идеала благодаря таинственности места действия. Исключительно развитое чувство таинственного стало важнейшим отличием романтиков от большинства их предшественников, прежде всего, конечно, классицистов. Ученый выделяет два истока романтической тайны: природный и душевный. Ценность душевного состояния, переживающего столкновение с романтической тайной, А. А. Смирнов называет непередаваемой, неизъяснимой, высшей по многим параметрам.

Еще в одной статье А. А. Смирнова «Поэтизация легенды в романтической лирике А. С. Пушкина» говорится о том, что главной формой поэтизации легенды в романтическом

сознании XIX века становился принцип тайного, чудесного превращения, лежащего в основе исторического факта. Эстетике таинственного, чудесного романтики придали конструктивно мировоззренческий статус, отказавшись от принципа эпической дистанции, с помощью которого классицисты утверждают прошлое как предмет эпопеи. При этом эпопею А. Смирнов называет самым высшим из всех словесным искусством [Смирнов, 1999, с. 25].

В творчестве романтиков одним из ведущих мотивов зачастую оказывается мотив тайны, который можно назвать «тайнознание», что означает уровень непостижимого, невыразимого, сверхчувственного. Понимание тайны там достигается особым путём. В поэмах это откровение, видение или пророчество – то есть такое состояние, которого трудно достичь в обыкновенной жизни. Донести его до остальных способны только избранные, те, кто, согласно поверьям, наделён особенным даром. Отличается романтическая тайна тем, что её сопровождают особенная ситуация и особенные герои. Если же герой будет не особенным, а обычным, то необычными вокруг него будут обстоятельства. Но и награда для героя, сумевшего преодолеть преграды, полагается достойная. Именно прошедший этот путь оказывается избранным, пророком, способным увидеть недоступное обычному взору.

Роль тайны в «карельских» поэмах Федора Глинки «Дева карельских лесов» и «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой»

В русской поэме 1828 г. Федора Глинки «Дева карельских лесов» романтическая тайна занимает ключевое место [Глинка, 1939, с. 101]. Основой сюжета становится история о том, как офицер прибывает в карельский край, где знакомится с девушкой и ее отцом-отшельником. При этом имя героини не раскрывается, также представляя своеобразную тайну. В поэме Ф. Глинки «Дева карельских лесов», как и в поэме Е. Баратынского «Эда» [Баратынский, 1979, с. 24], присутствует

образ незнакомого гостя. В отличие от «Эды», поэма Глинки следует скорее пушкинским сюжетам модели «Евгения Онегина» – герой не соблазняет девушку (ее отец – отшельник, место действия – таинственные леса и скалы Карелии). Тайны природы, их эпический колорит Глинка выдвигает на первый план вместе с таинственными природными чертами образа героини.

Тайна поэмы Федора Глинки романтически-глобальна и монументальна. Многократно повторенное слово «тайна» отображает эсхатологические, апокалиптические мотивы, значение которых играло немаловажную роль в христианстве. Рассказывая о судьбе отшельника – жителя Карельского края, Глинка его устами рассказывает историю от сотворения мира до конца света, свидетелем которого становится сама природа.

Еще одна поэма, посвященная карельскому краю, «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» увидела свет в 1830 году. Поэма «Карелия или заточение Марфы Иоанновны Романовой» привлекла внимание Пушкина, и через некоторое время он пишет положительную рецензию на поэму Федора Глинки. Действие поэмы происходит в Смутное время. Главная героиня поэмы, Марфа Иоанновна Романова, попадает в ссылку в карельский край, и там благодаря встрече с монахом, находит духовную силу и утешение. Сам концепт «тайна» у Пушкина и Глинки имеет ключевое значение. Имеет сходство и образ таинственного старца в творчестве Пушкина и Глинки. У Пушкина это финский старец в поэме «Руслан и Людмила», у Глинки – отшельник в поэме «Дева Карельских лесов» и «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», при этом если у Пушкина старец условно-сказочный, то у Глинки – христианский, на фоне реальной сказочной природы.

В 1830 году Александр Пушкин, близко знакомый с Ф. Глинкой, пишет рецензию на данное произведение «Описательное стихотворение в четырёх частях Фёдора Глинки», которая была опубликована в «Литературной газете». Н. К. Замков в своей работе «Пушкин и Глинка» уточняет, что первоначально рецензия была анонимной, и только в 1910-е годы Л. М. Гофман сумел установить её автора [Замков, 1917, с. 78]. Ю. Г. Оксман в комментариях к поэме уточняет, что первоначально вариантом начала рецензии на «Карелию» является набросок «Москва была освобождена...», содержащий краткий пересказ поэмы и исторической основы, послужившей материалом для произведения [Оксман, 1936, с. 325].

В начале рецензии Пушкин называет Фёдора Глинку, как и Евгения Баратынского, оригинальным поэтом. При этом Пушкин уточняет, что из всех русских поэтов Фёдор Глинка «*может быть, самый оригинальный*» [Пушкин, 1977, с. 461]. Описывая творчество Глинки, поэт отмечает его характерные особенности и узнаваемый стиль. Отличительными чертами названы «*небрежность рифм и слога*», яркость и оригинальность оборотов, простота, сочетаемая с изысканностью, теплота чувств, однообразие мыслей и при этом свежесть живописи. В качестве доказательства публикуются отрывки из поэмы «Карелия», в которой «*как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта*» [Пушкин, 1977, с. 462]. В рецензиях Пушкина на творчество Евгения Баратынского и Фёдора Глинки сделан акцент на слове «оригинальный». «*Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко*» [Пушкин, 1961, с. 108], – пишет Пушкин в отрывке «Баратынский».

Различается и отношение поэтов к природе, Карельскому краю. У Баратынского грозный край – фон, на котором происходит действие. Он описывает его следующими словами: «Суровый край, его красам, / Пугаясь, дивятся взоры; / На горы каменные там / Поверглись каменные горы; / Синяя, всходят до небес // Их своенравные громады; / На них шумит сосновый лес; / С них бурно льются водопады» [Баратынский, 1982, с. 156]. Здесь явно звучит тема начал, чистых истоков. При этом пейзажи Баратынского не столько органичны, сколько несут угрозу (она, по сути, реализована в сюжете «Эды»). У Глинки же Карелия живая, её природа не декорация, а такой же герой повествования: «Пуста в Кареле сторона, / Безмолвны Севера поляны, / В тиши ночной, как великаны, / Восстав озёр своих со дна, / В выси рисуются обломки – / Чуть уцелевшие потомки / Былых, первоначальных гор» [Глинка, 1986, с. 15]. В этом тоже заключается различие восприятия Глинки и Баратынского. Для Глинки природа Карельского края становится своей и родной, для Баратынского остаётся пугающей.

Пушкин в своей рецензии «Описательное стихотворение в четырёх частях» на поэму Фёдора Глинки «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» называет Федора Глинку одним из самых оригинальных поэтов. Если во фрагментах рецензий на творчество Баратынского

го шла речь об отношении критиков к поэме «Эда», то в данной рецензии критические работы не упоминаются вовсе. В данной работе автор рецензии сам отказывается от критического разбора, вместо него демонстрируя несколько отрывков из поэмы. Значительно отличаются отрывки, представленные в рецензии в качестве примера. В рецензии на поэму Евгения Баратынского Пушкин приводит два небольших отрывка в качестве примера. В рецензии на поэму Фёдора Глинки тоже представлены два отрывка, но их объём занимает почти две страницы. В данных отрывках идёт речь о впечатлениях, произведённых природой Карельского края, и её различных состояниях в течение года. Начинается отрывок описанием прибытия в Карельский край, с помощью которого Пушкин знакомит читателей с Карелией Глинки. Приведённый отрывок сопровождается пояснением Пушкина. В скобках поэт уточняет, что в данном фрагменте монах рассказывает о своём прибытии в Карелию. В качестве примера приводит отрывок, начинающийся с рассказа о пожаре. С самого начала произведения читатель знакомится с обликом Карелии. В начале рецензии читатель узнаёт о том, что речь пойдет о северном, холодном крае. Затем речь идёт о «диком» крае, который предстаёт в разные времена года суровым и прекрасным. От описания Карелии лирический герой переходит к описанию местных жителей и особенностей их языка. Затем Карелия описывается не только суровой, но и «музыкальной», лирический герой восхищается голосом птиц, леса, ручьёв. Завершает отрывок описание могучего водопада Кивач. Впервые этот водопад был воспет Державиным в одноимённом стихотворении. Вслед за Державиным Фёдор Глинка восхищается его силой и могуществом. Во втором отрывке Пушкин повествует о мифической стране духов. Завершается отрывок описанием чудесной страны и сравнением её с суетным светом. Методом отрицания лирический герой перечисляет пороки и недостатки, которых нет в Карельском крае. На этом Пушкин завершает рецензию, никак не комментируя последний фрагмент, оставляя за читателем право самому сделать выводы о творчестве Фёдора Глинки.

Выше уже говорилось об интересе Пушкина к Глинке и его поэмам, о том, что позднее творчество Пушкина было связано с личными историческими и христианскими исканиями поэта, а такие как раз и характерны для поэмы Глинки. Но важно сказать ещё об одном сходстве, сближении

Пушкина и Глинки – автора эпических поэмы о Русском Севере. Речь идёт о тяге обоих русских поэтов к тематике и мотивам Истоков, понимаемых как исторические христианские, а также и природно-первородные. С точки зрения эпико-романтической традиции – самый благодатный материал: это подметил ещё Ломоносов («Ода, выбранная из Иова») и развил Глинка (поэма «Иов»). Ломоносову, как и Глинке-романтику, были не просто близки и понятны, но и дороги и исторические, и народно-романтические черты, присущие Северу, своего рода потенциал Русского Севера. Данный потенциал все названные авторы опозитивировали в жанрах эпических.

Таинственное в поэме Фёдора Глинки «Таинственная капля»

Поэма «Таинственная капля» написана Фёдором Глинкой в 1859 году и вышла в свет в 1871 году. Произведение основано на предании о двух разбойниках, распятых возле Христа, Дисмаса и Гестаса. Гестас, прозванный Безумным разбойником, так и не отрёкся от греховной жизни, в отличие от Дисмаса, который покаялся и получил прощение и был прозван Благоразумным разбойником. Сюжет раскрывает апокрифическое сказание о том, как Пресвятая Мария своим грудным молоком вернула к жизни младенца, умиравшего в семье разбойника, который захватил Святое Семейство на пути в Египет. Именно народные духовные традиции, сочетающие религиозную тему и фольклор, стали основой произведения.

Концепт «тайна» по-разному отмечался читателями и критиками. Некоторые из них обращали внимание на атмосферу таинственности, созданную на вечерах во время публичного чтения поэмы женой писателя. Критик М. А. Дмитриев обращает внимание на одно из употреблений понятия «таинственный», в связи с которым подозревает Глинку в неправославных взглядах. Поводом для подозрений стали строчки: «*Таинственно-зачатая от Бога, / Таинственно зачавшая Его*». В своём замечании Дмитриев отмечает: «*на стран. 15. Глинка верует в conception immaculé*» (в безмужнее зачатие самой Богородицы, ставшее догматом в католическом мировоззрении уже в XX веке) [Глинка, 1986]. Возможно, указание на подозрительность этого выражения стала поводом для исправлений в издании 1871 года. В итоге стих звучал следующим образом: «*Сама быв дар родителям от Бога, / Таинственно-зачавшая Его...*» В этом случае очевидно, что Глинка ясно отделял таинственность от двусмысленности и не

желал, чтобы появились сомнения в его вере или упреки в слишком вольном истолковании священного текста [Цит. По: Коровин, 2009, с. 179].

Говоря о понятии «тайна», можно отметить, что само название поэмы даёт представление о том, что читателю предстоит разгадать некую тайну, понять, что представляет собой капля и почему она названа таинственной. Словосочетание «**таинственная капля**» встречается в начале и в конце произведения. В середине поэмы о ней неоднократно упоминали различные пророки, повествуя о том, что Спаситель откроет с её помощью потерянный Рай.

В начале поэмы автор пересказывает палестинскую легенду о том, как Богородица спасла в пустыне ребёнка разбойника, напоив молоком. Таинственной каплей в этом случае названа капля молока, даровавшая жизнь. Оба ключевых персонажа, Иисус и разбойник, являются романтическими героями, и при этом окружены ореолом таинственности и наделены противоположными качествами. Если Иисус оказывает помощь ближнему, то разбойник причиняет страдания. Иными словами, деятельность одного направлена на созидание, а деятельность другого – на разрушения. Но в финале судьбы обоих вновь пересеклись, и под конец жизни преступник нашёл в себе силы не только раскаяться, но и поверить в могущество Сына Божьего. В итоге разбойник стал первым из людей, вошедших во вновь обретённый Рай. Он же стал свидетелем силы таинственной капли. Он обрёл таинственную каплю в самом начале своего жизненного пути, будучи спасённым молоком Богородицы. Впитав эту каплю в младенчестве, разбойник, свернув с праведного пути, всё же сумел под конец жизни вернуться к свету, став свидетелем новой силы **таинственной** капли – капли крови распятого Христа, открывшей Рай, ранее недоступный людям.

Ключевое значение имеет и время действия. Время суток, во время которого происходит часть действия, – ночь. Святое Семейство совершило бегство в пустыню, чтобы избежать бесчинства Ирода, и в это время встретилось с разбойниками. Ночь является таинственным, загадочным временем, поскольку, во-первых, темнота всегда символизирует неизвестность, страх перед которой является одним из самых сильных. Во-вторых, ночь является тем временем суток, которое не удаётся застать полностью. Это – время сна, во время которого приходят таинственные сновидения. Это – время действия преступников и злых сил, для которых свет дня является губительным. Наконец,

это – время конца одного дня и одновременно – начало другого.

Тайна любви представляет в поэме одно из главных мест. Не случайно эта тайна становилась основой многих литературных произведений. Многочисленные эпизоды из Библии дают этому подтверждение. Именно любовь даёт начало жизни на Земле. Любовь праведников к Богу даёт возможность спастись целым народам и открыть неизведанное. Любовь человека к ближнему дарит жизнь, способствует бесценным жертвам и правильному выбору. Родительская любовь позволяет не терять семейной связи и вернуться даже тем, кто свернул с пути. Любовь и сострадание Богородицы помогли спасти даже того, кто сознательно всю свою жизнь стремился жить за гранью человеческих законов. В конце концов, любовь Иисуса Христа к людям возрождает потерянный Рай не только на небе, но и в душе каждого. В финале поэмы открывается значение таинственной капли – это последняя капля крови, снятая копьём римского легионера с груди распятого Христа. Она стала яркой звездой, открывшей людям Рай. Первым из людей, ступивших в Рай после смерти, стал Благоразумный разбойник, раскаявшийся, будучи распятым на Голгофе. В данном случае романтический образ разбойника, любимый многими поэтами и писателями, получает новое осмысление. Спасённый в детстве, он свернул с пути, но сумел в конце жизни возвратиться к вере.

Образ тайны находил отражение и в большом количестве литературных и народных сказок. Стремление героев разгадать загадку, найти ответ становилось в основе сюжета. Ради разгадки тайны герою приходилось пройти тяжёлые испытания. В ряде народных сказок слово «тайна» находится в заглавии сказки, и читатель сразу понимает, что речь пойдёт о чём-то сокровенном, что предстоит разгадать. Известны, к примеру, индийская сказка «Заветная тайна», азербайджанская сказка «Тайна дружбы», итальянская сказка «Тайна Флорио», японская сказка «Тайна» и австрийская сказка «Таинственное подземелье». Во всех случаях герои сталкиваются с загробным миром, потусторонним или миром неживых. Благодаря своим качествам они открывают тайну и сталкиваются с запретным, сокровенным. Подобный мотив наблюдается и в произведении «Таинственная капля». Именно там герой сталкивается с запретным и неизведанным, часто совершает ошибки, но благодаря таинственной капле обретает защиту и перед смертью приходит к спасению.

Тайна сновидений и предсказаний проявляется в различных эпизодах поэмы. В тексте поэмы неоднократно упоминаются пророчества, обещающие спасение для каждого человека. Адам и Ева после изгнания слышат пророчество, обещающее пришествие Спасителя и возвращение Рая. Они стали одними из немногих узревших Эдем, для прочих же людей Рай представлял тайну. Святое Семейство, узнав благую весть, слышит о будущем предназначении сына Марии. Многочисленные пророки слышат Глас Господень и стремятся донести людям истину, то есть тоже раскрывают тайну. Мотив тайны в поэме Глинки выступает сюжетообразующим, концептуальным в образной структуре произведения. Тем самым подтверждается романтическая природа поэмы, её художественной поэтики, при том что библейская художественная образность остаётся ведущей. Как было сказано ранее, тайна любви в итоге остаётся наиболее важной для автора. Именно её он пытается разгадать на протяжении всей поэмы, и в итоге находит свой ответ. Мотив любви, понимаемой как библейски религиозное чувство, всё же подключается к романтической специфике поэмы Глинки, как, впрочем, и ведущий мотив тайны. Всё это определяет художественное своеобразие и художественное новаторство поэмы Глинки «Таинственная капля». Впрочем, значительное художественное новаторство присуще всем поэмам этого автора, о чём уже говорилось выше.

В поэме «Таинственная капля» автором в полной мере раскрываются пять составляющих романтического концепта тайна. Тайна ночи, мотив которой неоднократно встречался в различных романтических произведениях, фигурирует в различных эпизодах произведения, где в ночное время свершаются чудеса и те события, которые станут переломными в данном произведении. Тайну любви представляет любовь Иисуса Христа ко всему человечеству, которая является спасительной для целого мира. Тайна сновидений, предсказаний и тайна библейской мудрости реализуется в речи различных персонажей, пророков, которые повествуют о пришествии Спасителя. Наконец, тайна творчества составляет основу романтических произведений, где сам поэт предстаёт избранным носителем дара, полученного свыше, и божественной тайны, которую он обязан донести до людей. Само произведение является ключом к высшей тайне.

Библиографический список

1. Базанов В. Г. Карельские поэмы Фёдора Глинки. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1945. 128 с.
2. Базанов В. Г. Глинка Ф. Н. Избранное. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. 449 с.
3. Базанов В. Г. Ученая республика. Москва–Ленинград : Учпедгиз, 1964. 446 с.
4. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы / под ред. Н. В. Фризмана. Москва : Наука. 1982. 720 с.
5. Глинка Ф. Н. Дева карельских лесов. Повесть в стихах / Сочинения. ред. В. Базанов. Петрозаводск : «Каргосиздат», 1939. 97 с.
6. Глинка Ф. Н. Сочинения. Петрозаводск : «Каргосиздат», 1939. 428 с.
7. Глинка Ф. Г. Сочинения. Москва : «Советская Россия», 1986. 342 с.
8. Глинка Ф. Н. Таинственная капля. Народное предание: в 2 ч. Москва : Изд. В тип. М. П. Погодина, 1871. Ч. 1–2. 698 с.
9. Де Сталь Жермена. О Германии: о поэзии классической и романтической // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. Москва : Изд-во МГУ, 1980. С. 383–391.
10. Замков Н. К. Пушкин и Ф. Н. Глинка // Пушкин и его современники: материалы и исследования / Комис. Для изд. Соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. И словесности Рос. Акад. Наук, 1918. Вып. 29/30. Пг., 1917. С. 78–97.
11. Коровин В. Л. «Замечания педанта»: Поэма Ф. Н. Глинки «Таинственная капля» и её читатель М. А. Дмитриев // Новое литературное обозрение. 2009. №3 (97). С. 178–203.
12. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. О поэтах и поэзии. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1996. 846 с.
13. Манн Ю. В. Русская литература XIX в. Эпоха романтизма. Москва : Изд. РГГУ, 2007. С. 177–180.
14. Назарьян Р. Г. Ф. Н. Глинка // Русские писатели XI – начала XX века // Библиографический словарь / под редакцией Н. Н. Скатова. Москва : «Просвещение», 1995. С. 142–144.
15. Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. / под общ. ред. Н. Л. Бродского. Москва : Госполитиздат, 1955. С. 4.
16. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. Минск : Книжный Дом, 2003. 1280 с.
17. Оксман Ю. Г. Неизвестные приложения к письму Ф. Н. Глинки Пушкину от 28 июля 1831 г. // Временник Пушкинской комиссии. Выпуск 2. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. С. 325–334.
18. Петровский М. Л. Проблемы поэтики. Ленинград, 1925. 286 с.
19. Письма М. А. Дмитриева А. П. и Ф. Н. Глинкам. Москва : Русский архив, 1912. № 3. С. 423–434.
20. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 11. Москва : Воскресенье, 1996. 595 с.

21. Смирнов А. А. Принцип романтической тайны в лирике Пушкина и Прешерна // Ф. Прешерн – А. С. Пушкин (к 200-летию их рождения). Ljubljana : Filozofska fakulteta, 2001. С. 87–98.

22. Смирнов А. А. Поэтизация легенды в романтической лирике А. С. Пушкина // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1999. № 3. С. 24–33.

23. Томашевский Б. В. Теория литературы: Поэтика. Москва–Ленинград : Госиздат, 1925. 320 с.

24. Томашевский Б. В. Пушкин. Москва; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 743 с.

25. Уланд Л. О романтическом // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / сост. А. С. Дмитриев. Новосибирск : Изд-во МГУ, 1980. С. 159–162.

26. Gifford Henry. The Novel in Russia: From Pushkin to Pasternak. London : Hutchinson Univ. Library, 1964. 208 p.

Reference list

1. Bazanov V. G. Karelskie pojemy Fjodora Glinki = Fyodor Glinka's Karelian poems. Petrozavodsk : Gos. izd-vo Karelo-Finskoy SSR, 1945. 128 s.

2. Bazanov V. G. Glinka F. N. Izbrannoe = Glinka F.N. Selected works. Petrozavodsk : Gos. izd-vo Karelo-Finskoy SSR, 1949. 449 s.

3. Bazanov V. G. Uchenaja respublika = Learned republic. Moskva–Leningrad : Uchpedgiz, 1964. 446 s.

4. Baratynskij E. A. Stihotvorenija. Pojemy = Verses. Poems / pod red. N. V. Frizmana. Moskva : Nauka. 1982. 720 s.

5. Glinka F. N. Deva karel'skih lesov. Povest' v stihah = The Virgin of the Karelian Forests. Novella in verse / Sochinenija. Red. V. Bazanov. Petrozavodsk : «Kargosizdat», 1939. 97 s.

6. Glinka F. N. Sochinenija = Works. Petrozavodsk : «Kargosizdat», 1939. 428 s.

7. Glinka F. G. Sochinenija = Works. Moskva : «Sovetskaja Rossija», 1986. 342 s.

8. Glinka F. N. Tainstvennaja kaplja. Narodnoe predanie: v 2 ch. = The mysterious drop. Folk legend: in 2 parts. Moskva : Izd. V tip. M. P. Pogodina, 1871. Ch. 1–2. 698 s.

9. De Stal' Zhermena. O Germanii: o poezii klassicheskoj i romanticheskoj = About Germany: on classical and romantic poetry // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov / pod red. A. S. Dmitrieva. Moskva : Izd-vo MGU, 1980. S. 383–391.

10. Zamkov N. K. Pushkin i F. N. Glinka = Pushkin and F.N. Glinka // Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovanija / Komis. Dlja izd. Soch. Pushkina pri Otd-nii rus. jaz. I slovesnosti Ros. Akad. Nauk, 1918. Vyp. 29/30. Pg., 1917. S. 78–97.

11. Korovin V. L. «Zamechanija pedanta»: Pojema F. N. Glinki «Tainstvennaja kaplja» i ejo chitatel' M. A. Dmitriev = «Remarks of a pedant»: F. N. Glinka's poem

«The Mysterious Drop» and its reader M. A. Dmitriev // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. №3 (97). С. 178–203.

12. Lotman Ju. M. Analiz pojeticheskogo teksta: Struktura stiha. O pojetah i poezii = Analyzing poetic text: The structure of verse. About poets and poetry. Sankt-Peterburg : Iskustvo-SPb, 1996. 846 s.

13. Mann Ju. V. Russkaja literatura XIX v. Jepoha romantizma = Russian literature of the XIX century. The Age of Romanticism. Moskva : Izd. RGGU, 2007. S. 177–180.

14. Nazar'jan R. G. F. N. Glinka = F. N. Glinka // Russkie pisateli XI – nachala HH veka // Bibliograficheskij slovar' / pod redakciej N. N. Skatova. Moskva : «Prosveshhenie», 1995. S. 142–144.

15. Nikitenko A. V. Dnevnik = Diary : v 3 t. / pod obshh. red. N. L. Brodskogo. Moskva : Gospolitizdat, 1955. S. 4.

16. Novejsnij filosofskij slovar' = The Newest Dictionary of Philosophy / sost. i gl. nauch. red. A. A. Gričanov. Minsk : Knizhnyj Dom, 2003. 1280 s.

17. Oksman Ju. G. Neizvestnye prilozhenija k pis'mu F. N. Glinki Pushkinu ot 28 ijulja 1831 g. = Unknown appendices to F. N. Glinka's letter to Pushkin of July 28, 1831 // Vremennik Pushkinskoj komissii. Vypusk 2. Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1936. S. 325–334.

18. Petrovskij M. L. Problemy pojetiki = Problems of poetics. Leningrad, 1925. 286 s.

19. Pis'ma M. A. Dmitrieva A. P. i F. N. Glinkam = M.A. Dmitriev's letters to A.P. and F.N. Glinkas. Moskva : Russkij arhiv, 1912. № 3. S. 423–434.

20. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works: V 17 t. T. 11. Moskva : Voskresen'e, 1996. 595 s.

21. Смирнов А. А. Princip romanticheskoi tajny v lirike Pushkina i Presherna = The principle of romantic mystery in Pushkin's and Preshern's lyrics // F. Preshern – A. S. Pushkin (k 200-letiju ih rozhdenija). Ljubljana : Filozofska fakulteta, 2001. S. 87–98.

22. Смирнов А. А. Pojetizacija legendy v romanticheskoi lirike A. S. Pushkina = Poetization of legend in A. S. Pushkin's romantic lyrics // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9, Filologija. 1999. № 3. S. 24–33.

23. Tomashevskij B. V. Teorija literatury: Pojetika = Theory of literature: Poetics. Moskva–Leningrad : Gosizdat, 1925. 320 s.

24. Tomashevskij B. V. Pushkin = Pushkin. Moskva; Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. 743 s.

25. Уланд Л. О романтическом = On the romantic // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov / sost. A. S. Dmitriev. Novosibirsk : Izd-vo MGU, 1980. S. 159–162.

26. Gifford Henry. The Novel in Russia: From Pushkin to Pasternak. London : Hutchinson Univ. Library, 1964. 208 p.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 17.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья

УДК 82-1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_34

EDN: UMOZUT

Поэма Е. А. Евтушенко «Братская ГЭС» в оценке советской критики 1960-х гг.

Юрий Геваргисович Бит-Юнан¹✉, Маргарита Романовна Нагорная²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа и рекламы, Российский государственный гуманитарный университет. 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; профессор кафедры управления культурной политикой Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

²Аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа и рекламы, Российский государственный гуманитарный университет. 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; специалист Факультета журналистики Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

¹bityunan@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0009-0007-3256-7895>

²nagornaya.margarita.romanova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9998-8564>

Аннотация. В статье анализируется характер восприятия поэмы Е. А. Евтушенко «Братская ГЭС» в советской литературной критике середины 1960-х гг. Основным источником изучения являются рецензии на указанное произведение, также привлекается дневниковая и мемуарная литература. Проанализировав комплекс отзывов, авторы приходят к выводу, что рецензирование было активным и часто перерастало в полемику. Обсуждались как жанровые и композиционные, так и содержательные особенности текста. При этом большинство инвектив было высказано в связи с жанровым определением произведения. Ряд критиков отказывался квалифицировать «Братскую ГЭС» как поэму, настаивая, что это скорее сборник стихотворений. Polemika возникла и в связи с обсуждением фразеологических особенностей поэмы, а также ее композиции. Однако наибольшее количество претензий было высказано по поводу исторической стороны произведения. Положительные отзывы публиковались чаще в региональной прессе, отрицательные – в консервативной столичной. Одной из причин критики было то обстоятельство, что поэма была выдвинута на соискание Ленинской премии. Впрочем, замечания к поэме и лично к автору были обусловлены не только художественными и политическими, но и субъективными факторами. Это было отмечено и заграничной аудиторией, о чем свидетельствует открытое письмо норвежского критика и переводчика русской литературы М. Нага советскому критику М. П. Лобанову.

Ключевые слова: Е. А. Евтушенко; «Братская ГЭС»; рецепция; рецензирование; критика; журналистика; М. П. Лобанов; М. Наг

Для цитирования: Бит-Юнан Ю. Г., Нагорная М. Р. Поэма Е. А. Евтушенко «Братская ГЭС» в оценке советской критики 1960-х гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 34–45. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_34. <https://elibrary.ru/UMOZUT>

Original article

E. Evtushenko's poem «The Bratsk Station» as reviewed by the soviet critics of the mid-1960s

Yuri G. Bit-Yunan¹✉, Margarita R. Nagornaya²

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of literary criticism, faculty of journalism, Institute of mass media and advertising, Russian state university for the humanities. 125047, Moscow, Miusskaya square, 6; professor at the department of cultural policy management, Institute of Public Service and Administration, «RANEPА»

²Postgraduate student at the department of literary criticism, faculty of journalism, Institute of mass media and advertising, Russian state university for the humanities. 125047, Moscow, Miusskaya square, 6; specialist at the faculty of journalism, Institute of Public Service and Administration, «RANEPА»

¹bityunan@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0009-0007-3256-7895>

²nagornaya.margarita.romanova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9998-8564>

Abstract. The article studies how E. A. Yevtushenko's poem «The Bratsk Station» was received by the Soviet literary criticism in the mid-1960s. The main source for this research is reviews of Yevtushenko's poem, as well as his diaries and memoirs. Having analyzed the materials, the authors of the article conclude that the reviewing used to be quite active and often turned into polemics. Both genre and compositional as well as content features of the text were discussed. At the same time, most of the invectives expressed concerned the genre definition of the work as a number of critics refused to qualify «The Bratsk Station» as a poem, and insisted that it was rather a collection of verses. Debates also arose over the phraseological features of the poem, as well as its composition. Yet, the greatest criticism targeted its historical side. Positive reviews would be found in the regional press more often than negative ones, while negative reviews were more frequent in the conservative metropolitan periodicals. A factor to escalate the dispute was the announcement that the poem had been nominated for Lenin Prize. Lastly, it is to be emphasized that criticisms did not only root in the artistic and political features of the text. Some were bound to be caused by the critics' personal displeasure with Yevtushenko. This was also noted by foreign audiences, as evidenced by a public letter from the Norwegian critic and translator of Russian literature M. Naga to the Soviet critic M. P. Lobanov.

Key words: E. Yevtushenko; «The Bratsk Station»; critical reception; reviewing; criticism; journalism; M. Lobanov; M. Nag

For citation: Bit-Yunan Yu. G., Nagornaya M. R. E. Yevtushenko's poem «The Bratsk Station» as reviewed by the soviet critics of the mid-1960s. *Verhnevolski philological bulletin.* 2023;(3):34–45. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_34. <https://elibrary.ru/UMOZUT>

Введение

Популярность Е. А. Евтушенко в середине 1960-х очень высока. Его поэтические сборники выходят один за другим [См. напр.: Евтушенко, 1960; Евтушенко, 1962а; Евтушенко, 1962б]. Постоянно появляются переводы его стихотворных текстов [См., напр.: Jevtusjenko, 1963а; Jevtusjenko, 1963б; Yevtushenko, 1965а]. В 1959 г. он выступает как прозаик – и после этого публикует еще несколько прозаических публицистических текстов [См., напр.: Евтушенко, 1959а; Евтушенко, 1962в; Евтушенко, 1962г]. Прославился Евтушенко и в качестве переводчика национальной поэзии, а также – литературного критика. Характерно, что о Евтушенко как критике в 1992 г. даже вышла научная монография [См.: Возчиков, 1992].

При этом в творчестве Евтушенко трудно найти тему, которой бы он не коснулся. Советский спорт, природа родного края, ценность отечественной культуры, заграничные друзья СССР, конфронтация СССР и Запада, исторический путь России, счастливая личная жизнь и личная жизнь несчастливая. И это при том, что он – автор нескольких текстов, граничащих с политической сенсацией, – например, «Бабий Яр» и «Наследники Сталина».

Писатель с такими заслугами и такой литературной репутацией нередко задумывается о создании крупного произведения, которое характеризовало бы масштаб его творческого дарования и его личности. Таким произведением стала поэма «Братская ГЭС», напечатанная в 4 номере

журнала «Юность» в 1965 году [См.: Евтушенко, 1965б].

Путь этот, по признанию самого Евтушенко, не был легким. Публикацию останавливали на разных этапах, требовали от автора правок и доработок – он упираться не стал. Главным противником публикации был, по словам Евтушенко, председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев. Однако его заместителю, а в скором времени руководителю Отдела культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарпову удалось Ильичева обойти [См.: Евтушенко, 1998, с. 265–270].

Поэма с тех пор перепечатывалась неоднократно, обрела большую популярность и постепенно стала ассоциироваться с фамилией «Евтушенко». Примечательно, что первые научные работы, основывающиеся на материале «Братской ГЭС», появились уже в 1967 г. [См.: Хохлачева, 1967; Банкетов, 1967]. И с тех пор это произведение оставалось в поле зрения отечественных литературоведов.

В 1972 г. Л. И. Лавлинским была защищена кандидатская диссертация «Гражданские мотивы в лирике 60-х годов», где поэма Евтушенко анализируется в социально-политическом контексте указанной эпохи [См.: Лавлинский, 1972].

Анализу языка и композиции поэмы отводит почти 20 страниц отечественный критик Е. Ю. Сидоров в монографии 1986 г. «Евгений Евтушенко. Личность и творчество» [См.: Сидоров, 1987, с. 96–112.].

Самый, пожалуй, глубокий, академический анализ поэмы представлен в докторской диссертации В. П. Прищепы «Парадигма идейно-эстетических поисков Е. А. Евтушенко (1949–1998)». В четвер-

той главе, «Проблемы жанровой эволюции лирико-повествовательной поэмы. К вопросу о степени изученности жанра», изучается специфика образов в «Братской ГЭС», а также эволюция сюжета [См.: Прищепа, 1999, с. 300–342].

В 2009 году на основе этой диссертации Прищепой в соавторстве с журналистом и литературным критиком В. В. Коминым была подготовлена монография «Он пришел в XXI-й век. Творческий путь Евгения Евтушенко». Глава о «Братской ГЭС» воспроизведена полностью [См.: Комин, Прищепа 2009, с. 267–292].

В 2010 году с незначительными изменениями была переиздана и монография Сидорова – на этот раз под заглавием «Граждане, послушайте меня! Евгений Евтушенко. Личность и творчество». Раздел о «Братской ГЭС», конечно, был включен [Сидоров, 2010, с. 99–112].

Наиболее фундированной научно-популярной биографией Евтушенко можно считать вышедшую в 2017 году в серии «ЖЗЛ» книгу И. З. Фаликова «Евтушенко. Love Story». В ней также уделяется большое внимание «Братской ГЭС». Фаликов описывает историю написания поэмы, рассказывает об отношениях Евтушенко с редактором Я. В. Смеляковым. Однако основным источником для Фаликова являются мемуары Евтушенко [См.: Фаликов, 2017, с. 236–238].

Таким образом, публикационная история поэмы, ее поэтика и композиция уже были предметом изучения. В стороне, тем не менее, остается вопрос, представляющийся нам весьма важным, – восприятие поэмы в советской критике. Эта тема лишь затронута в монографии Фаликова [См.: Фаликов, 2017, с. 251–252] и диссертации Прищепы [См.: Прищепа, 1999, с. 307–317], однако их обращения к рецензиям о «Братской ГЭС» носят дескриптивный характер. История рецепции поэмы в критике до сих пор не описана.

Следует отметить, что реакция критики на творчество Евтушенко – это практически не исследованное пространство. Исключение, пожалуй, составляет статья отечественного историка Т. Н. Красавченко «Евгений Евтушенко и его время в англоязычной критике», вышедшая в № 2 журнала «Россия и современный мир» за 2018 год [См.: Красавченко, 2018].

Цель данной статьи – восполнить пробел в истории изучения поэмы «Братская ГЭС», проанализировав характер ее восприятия в советской критике.

«Братская ГЭС» в оценке советской критики 1965–1966 годов

Первоначальные замечания о поэме были вполне доброжелательными. Такова, например, заметка В. Филипповой в иркутской газете «Советская молодежь». Название статьи, «500 строф о человеке», говорящее. По мнению автора отзыва, главное, что удалось Евтушенко, – увидеть в истории создания «Братской ГЭС» историю тех, кто создавал ее [См.: Филиппова, 1965].

Рецензия, опубликованная в «Литературной России» была более обстоятельной. Писатель и критик А. С. Горловский озаглавил свой обзор «Вступление в зрелость» [См.: Горловский, 1965].

Горловский отмечает, что Евтушенко – не тот автор, который легко поддается восторгу и изумлению – он всегда пытается разобраться в своих мыслях и эмоциях. Поэтому переход от произведений малой формы к текстам масштаба «Братской ГЭС» закономерен.

Евтушенко, согласно критику, очень повзрослел. Если раньше он был до наивного добр, то теперь стал взрослее и строже, а его «Мягкая нежность к людям вообще сменилась строгой любовью к людям-труженикам» [Зд. и далее цит.: Горловский, 1965]. Вместе с тем, Евтушенко начал избавлять от самолюбования, столь свойственного ему еще недавно.

Однако многочисленные обращения автора к истории России обусловили ряд проблем: «Соблазн броских исторических ассоциаций, гигантский объем материала, который поэт попытался охватить единым взглядом, определили и очевидную композиционную нестройность поэмы, и неровность поэтического языка».

В целом же, заключает Горловский, поэма свидетельствует не только о профессиональном росте автора, но и о том, что высказанные на «недавнем» съезде писателей РСФСР опасения, что «жар поэмы будто бы был чрезмерно потеснен в нашей поэзии лирикой», беспочвенны (имеется в виду II Съезд писателей РСФСР, проходивший 3–7 марта 1965 года – Ю. Б.-Ю., М. Н.).

Куда более строгой была рецензия журналиста и литературного критика И. П. Золотусского «Поэт и поэма», опубликованная «Литературной газетой» 12 июня [См.: Золотусский, 1965].

Появления поэмы, согласно Золотусскому, ждали, она была анонсирована, публиковалась фрагментами – и фрагменты эти «не производили впечатления целого» [Зд. и далее цит.: Золо-

тусский, 1965]. Нет у критика такого впечатления и теперь, когда поэма напечатана целиком.

Дальше – еще один упрек, весьма серьезный: «„Братскую ГЭС” не прочтешь залпом. Она утомляет – в середине начинаешь забывать то, что было вначале, к концу не помнишь середину».

Затем инвективы только обостряются. Евтушенко, по словам рецензента, «многословен», он «не экономит площадь», и зачастую так случается, что «истинные стихи могут стоять у него рядом с откровенной декламацией». Будто есть два разных Евтушенко: поэт, владеющий чеканной и образной речью, и поэт, которого Золотусский характеризует как «приблизительного, „размазанного”».

Противодействие двух «евтушенко» пагубно влияет и на содержание, и на композицию «Братской ГЭС». Однако еще хуже обстоит дело с исторической стороной произведения. Здесь Евтушенко-поэт исчезает вовсе. Его место занимает «Евтушенко-иллюстратор, рассказчик, перекладывающий на язык рифм известные факты».

Золотусский, безусловно, отмечает, что в «Братской ГЭС» есть и удачные фрагменты, и удачные исторические ассоциации, но их не много. Поэтому текст не воспринимается как поэма.

Далее указывается причина этой неудачи – «поверхностность». И это «старая болезнь Евтушенко». Золотусский признает, что в «Братскую ГЭС» Евтушенко «Пришел с признанием ее и с желанием преодолеть ее». Однако выздоровления, как можно судить по отзыву, еще не наступило.

Еще более суровый отзыв дал критик В. Д. Оскоцкий. Его рецензия «Чтоб не срывался голос...» появился на страницах «Комсомольской правды» 7 июля 1965 года [См.: Оскоцкий, 1965].

Признав, что «Братская ГЭС» – результат большой работы и фактический новый этап в творчестве Евтушенко, Оскоцкий не без ехидства отмечает, что «прорываются в ней и нотки упоения собственной самокритичностью, азартом самобичевания».

Впрочем, на этом комплименты заканчиваются – равно как и иронические замечания. Отметив, что Евтушенко выступает как последователь Маяковского, Оскоцкий переходит к исторической части поэмы, представляющей собой спор между древностью и современностью. Спор публицистически неудачный, поскольку «вопреки собственному замыслу Е. Евтушенко и оставляет как раз за пределами своей поэмы эту битву идей

в сегодняшнем мире» [Зд. и далее цит.: Оскоцкий, 1965]. Иначе говоря, согласно критику, полемика о рабстве, которую символизирует египетская пирамида, и обретенной свободой, которую эмблематизирует Братская ГЭС, воспринимается как относящаяся к прошлому. Однако борьба двух философий идет до сих пор.

Те фрагменты поэмы, где речь об исторических деятелях, тоже чаще всего неудачны. Здесь, пишет Оскоцкий, ни глубины, ни исторической точности. Вместо «подлинной „сути” России» у Евтушенко – «незатейливая вязь безлико-описательных строк».

В итоге – «Поэмы на глазах рассыпаются на стихи, несущие в себе зерна настоящих поэтических откровений, и стихи, лишённые единой сквозной мысли».

Оскоцкий все же смягчается и делает автору несколько комплиментов, отмечает его намерение написать текст, проникнутый духом гражданственности и т. д., и все же неудача есть неудача.

Обсуждение «Братской ГЭС» было в разгаре – однако 15 июля «Литературная газета» напечатала статью советской поэтессы А. Е. Адалис «Что есть поэма?»

Именитый советский литератор рассуждала о композиционных и содержательных элементах, которые во взаимосвязи создают поэму. Рассмотрев и дисквалифицировав несколько определений, Адалис дает собственное: «Драма в присутствии очевидца – ее создателя. Драма, но такая, где вся соль и сила в ремарках». Объем же текста, согласно Адалис, роли не играет. Поэма не количеством строк измеряется.

Не менее известный и авторитетный И. Л. Сельвинский через неделю в той же «Литературной газете» ответил на это саркастически: «Деревянная кукушка / Отсчитала пять часов. / Вдруг подружка из опушки / Откликается на зов. / Но часы, уснув на даче, / Не тревожились нимало, / А живая, чуть не плача, / Куковала, куковала... // Драма налицо, а поэма, как считает Адалис, не зависит от размера» [Зд. и далее цит.: Сельвинский, 1965].

Безусловно, это не более чем шутка, в чем сам Сельвинский тут же и признается, однако шутка в данном случае – знак несогласия. Дело не в драматизме, рассуждает Сельвинский. Поэма – жанр, неразрывно связанный с историей и опирающийся на коллизию. И эти условия, согласно Сельвинскому, не выполняются в ряде текстов, названных поэмами. В частности, Маяковский не

был автором поэм. О «Братской ГЭС» и говорить нечего: «Евтушенко расправляется со своим талантом, как с кашей: он размазал свое произведение на четыре тысячи строк, которые не сплавливаются в монолитное единство и распадаются на сборник стихотворений. Но в них уже прорезываются, как молочные зубки, эскизы отдельных характеров, написанных сочно и выпукло». Вряд ли такое сравнение было бы воспринято самим Евтушенко как комплиментарное.

19 августа против Адалис и Сельвинского выступил советский критик и литературовед В. И. Гусев [См.: Гусев, 1965]. С его точки зрения, говорить об универсальных законах поэмы невозможно, поскольку поэмы бывают разные – например, лирические или эпические. Что же до «Братской ГЭС», то здесь все понятно: «Поэма Е. Евтушенко, во-первых, не удалась как поэма – это всем ясно, а во-вторых, те прекрасные куски, характеры и сцены, которые в ней есть, далеко не всегда лирические по своему характеру» [Гусев, 1965].

Кому именно понятно, что поэма не удалась, и каковы аргументы в пользу этого тезиса, помимо уже приведенных, неизвестно. Впрочем, это и симптоматично. Гусев счел возможным не предполагать, а констатировать жанровое фиаско как факт.

Скептически к разговору о законах и кризисе жанра, и не только поэмы, отнесся критик Б. М. Рунин. По его мнению, говорить о незыблемых принципах в литературе давно не приходится, поскольку «представления о родах, видах и жанрах искусства совсем уже не те, что во времена Буало, и даже не те, что во времена Белинского» [Рунин, 1965].

О «Братской ГЭС» сказано было лаконично. Как поэма текст не состоялся.

В сентябре в «Литературной газете» появился ответ поэта Я. Л. Белинского – «Картины мира и диалог со временем» [См.: Белинский, 1965]. Выразив несогласие со всеми, он заявляет, что у поэмы есть только один закон – «это закон композиции, чувство архитектоники». Впрочем, это же суждение служит почвой для солидарности с другими критиками: как и все, рецензировавшие «Братскую ГЭС», Белинский соглашается, что главы поэмы «далеко не всегда связаны этим „внутренним тяготением“ в одно целое, в гармоническую „солнечную систему“» [Белинский, 1965].

Наряду с этим, теоретико-литературным спором, развивалась инициированная еще Золотус-

ским и Оскоцким дискуссия об исторической концепции «Братской ГЭС».

Так, критик Г. А. Митин, автор достаточно благодушного отзыва о поэме, «Суть поэмы», отметивший, что Евтушенко следует долгу поэта-гражданина, тем не менее осуждает его за поверхностный взгляд на зарубежную историю: «Можно было бы резонно указать поэту на то, что тысячелетия, свидетельницей которых была пирамида, могли бы отложить в ее каменной памяти более разнообразные картины, чем те, о которых она вспоминает» [Зд. и далее цит.: Митин, 1965].

Не лучше дело и с интерпретацией отечественного исторического процесса. Здесь, по определению критика, «колеса истории» нередко «буксуют в скользком грунте односторонности».

О несостоятельности историографии в «Братской ГЭС» писал и поэт С. С. Наровчатов в рецензии «Пафос гражданственности в нашей поэзии», помещенной в июльском выпуске журнала «Коммунист» [См.: Наровчатов, 1965, с. 70–82].

Причина всех проблем – в легкомысленности Евтушенко, поучительно пишет Наровчатов... и сам демонстрирует непростительную для классика легкомысленность – путает Чехова с Достоевским: «Чехов как-то сказал, что, если русскому гимназисту дать в руки карту звездного неба, он через час вернет ее вам исправленной. В чеховских словах видится добрая, а не раздражительная усмешка» [Зд. и далее цит.: Наровчатов, 1965, с. 78–80].

Тем не менее именно такой, гимназический подход, губит «огромное полотно», как Наровчатов называет «Братскую ГЭС». И дело не только в отсутствии исторической эрудиции. Евтушенко слишком многое себе позволяет, рассуждая о советском прошлом – реальном и не гипотетическом. Так, «резкое противление» вызывает у критика глава «Маяковский», в которой «Евтушенко гадает, как вел бы себя Маяковский в 37-м году „Быть может, поразумнел? Поправел? Тому, что ненавидел, все же сдался?“».

Еще суровее критик пишет о главе «Ярмарка в Симбирске», где некий гимназист помогает некой пьяной женщине подняться и ведет ее домой. Сердобольный гимназист, уверен Наровчатов, – это Ленин. Пьяная женщина – Россия. «Будем называть вещи своими именами: великое и прекрасное двуединство Ленин–Россия предстает здесь в нелепом виде», – резюмирует критик.

В то же время в печати появлялись и положительные отзывы о поэме. Весьма благодушно,

хотя и лаконично отозвался о «Братской ГЭС» критик «Вопросов литературы» М. М. Кораллов [См.: Кораллов, 1965, с. 95–96]. Похвалил Евтушенко, правда тоже мимоходом, Л. А. Теракопян в статье с говорящим заглавием «Преодоление инфантильности», опубликованной «Трудом» [См.: Теракопян, 1965].

Дружелюбный и достаточно обстоятельный отзыв «Люди против пирамид» дал Л. А. Аннинский. Материал появился в сентябрьском выпуске журнала «Дон» [См.: Аннинский, 1965].

Указав на упрощения и натяжки в исторических пассажах, Аннинский переходит к художественным особенностям. Он убедительно показывает, что Евтушенко аллюзирует не только на Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Маяковского, но и на Есенина, Пастернака, Блока и т. д. А главное – из Евтушенко, убежденно заявляет Аннинский, скоро выйдет большой поэт. Автор «Братской ГЭС» – уже не та личность, что утверждала себя «болезненно – истерикой и шутством, упрямством и капризами», а та, которая «почувствовала теперь дыхание пределов, дыхание той последней темы, за гранью которой нет для нее жизни» [Аннинский, 1965, с. 162]. Тема эта – Россия.

Однако впечатление от рецензии Аннинского вряд ли могло бы сравниться с впечатлением от статьи диаметрально противоположной – и по эмоциональности, и по экспрессивности. В 9 номере «Молодой гвардии» был напечатан большой разгромный отзыв М. П. Лобанова – «Нахватанность пророчеств не сулит» [См.: Лобанов, 1965а]. Географический фактор тоже должен был сыграть роль: «Молодая гвардия» – один из наиболее авторитетных и консервативных журналов Москвы. Ростовский «Дон» не мог составить ему конкуренцию.

Сначала Лобанов судит Евтушенко-историка.

Автор поэмы «берет на себя обязанности толкователя исторических событий» [Зд. и далее цит.: Лобанов, 1965а]. Однако ему явно не хватает эрудиции, «а главное – понимания подлинных серьезных критериев истории». Отсюда и «общая легковесность» исторического изложения, которая выражается в «несколько наивной имитации внешнего колорита эпохи».

Спор пирамиды с ГЭС также подвергается критике: «Такой диалог возможен, конечно, как прием, хотя сконструированность его может обернуться отвлеченностью разговора. Этого и не избежал Евтушенко». Тон пирамиды «само-

довольно-резвый», поэтому читателю трудно «настроиться на волну истории».

Суровой критике подвергается и образ бетонщицы Ньюшки, которая, узнав о своей беременности, решила покончить с собой, но удержалась от рокового поступка, увидев строящуюся ГЭС. Прочитав фрагмент из поэмы, где Ньюшка представляется повествователю и спрашивает у того: «Что ты пялишь глаза? Тебе нужно, / Чтобы жизнь рассказала свою?..», – Лобанов резюмирует, что проблема тут не только «в плохих стихах», но и в непоследовательности самого автора: «Это Евтушенко-то пишет такие банальности, сам насмеявшийся над всякой рутинной, над „телегами“ в искусстве и прочее?» Речь о стихотворении «Ракеты и телеги», опубликованном в декабрьском номере «Юности» за 1959 г. [См.: Евтушенко, 1959б]. Это стихотворение о старых и новых формах в искусстве тогда вызвало полемику. Впрочем, критики были более благосклонны к Евтушенко, чем Лобанов [См., напр.: Ошанин, 1959; Боков, 1959; Барлас 1960].

Затем Лобанов переходит к анализу жанровой специфики «Братской ГЭС» и ее литературной базы.

Называть «Братскую ГЭС» поэмой было бы неверно: она для этого слишком «пестрая». Причем слово «пестрая» употреблено эвфемистически: «Пестроту поэмы Евтушенко не следует смешивать с такой внутренней сложностью серьезных нравственных исканий. Для этого она слишком мелка».

В итоге, согласно Лобанову, вместо большого и серьезного произведения – серьезная неудача, «неудача, если можно так выразиться, самого творческого метода, источником которого является пестрота внешних впечатлений», как ее квалифицирует рецензент.

Примечательно и то, что эта статья в несколько сокращенном виде была опубликована и в сборнике «Поэзия 1965 года». Некоторые инвективы даже были заострены [См.: Лобанов, 1965б].

Октябрь начался для Евтушенко вполне благополучно. Его поддержал один из критиков журнала «Сибирские огни» – А. Клитко [См.: Клитко, 1965].

Однако намного важнее публикация статьи критика А.Н. Макарова на страницах «Знамени». Почти на 20 страницах авторитетный советский литературовед дает апологию как самой поэмы, так и ее автора. Его огромная, соотносимая по объему с самой «Братской ГЭС» статья разделе-

на на несколько глав: «О поэме вообще и о поэте в частности», «Слово и образ в поэме», «Поэт и история», «Поэт и современники», «Поэт и искусство» [См.: Макаров, 1965].

В каждой части отмечаются какие-то недостатки, однако все они преподносятся как обусловленные или масштабам замысла, или недостаточной опытностью. Даже точнее – тем обстоятельством, что Евтушенко принадлежит к другому поколению: «Примат чувства над разумом, эмоционального на рациональным – весьма характерная черта поэзии не одного Евг. Евтушенко, но и других представителей этого литературного поколения. Их поэзия возникла в результате нравственного потрясения, вызванного в людях этого поколения ломкой представлений о предыдущем историческом периоде» [Зд. и далее цит.: Макаров, 1965, с. 229–230]. Отсюда – и неровности, отсюда и интерес к прошлому, в том числе печальному, настаивает критик.

Шаткость композиции объясняется «гражданским этическим пафосом», а так называемая «поверхностность» извиняется темпераментом поэта и его благородным политическим рвением, которое Макаров сравнивает с жадностью: «За всем этим как-то для некоторых критиков исчезало то, что двигательной силой поэзии Евг. Евтушенко была страстная жажда утверждения и не самоутверждения только, а утверждения животворящей силы революции, веры в духовные силы страны, веры в справедливость, в права человека и гражданскую роль искусства».

Поддержал Евтушенко и А. Дубровин в ноябрьском номере «Знамени». Его статья «Перечитывая ленинскую статью. (О некоторых резервах советской литературы)» представляла собой подробное обоснование того, что «Братская ГЭС» – это почти образцово советское произведение, служащее партии и народу, сделанное из жизненного материала. Кроме того, Дубровин многократно цитирует ленинскую статью 1905 года «Партийная организация и партийная литература», доказывая, что и Евтушенко, и его собратья по перу – А. Т. Твардовский и М. К. Луконин – верны ленинским установкам. Безусловно, в числе великих поэтов назван и Маяковский. Таким образом Евтушенко оказался в наилучшей компании из всех возможных [См.: Дубровин, 1965].

В декабре за Евтушенко заступился журнал «Урал». В декабрьском выпуске была напечатана статья историка философии и литературного

критика А. Ф. Еремеева „От “Станции Зима” до „Братской ГЭС”» [См.: Еремеев, 1965].

Евтушенко далеко не всегда был на высоте и «не раз брал фальшивые ноты», но им всегда руководило желание быть искренним, «кажда подлинности», как выражается Еремеев [Зд. и далее цит.: Еремеев, 1965, с. 131–134].

Далее рецензент выстраивает довольно сложную интерпретационную конструкцию, цель которой – доказать, что «Братская ГЭС» почти совершенна, если рассматривать ее не как отдельное произведение, а как третью в творческой биографии Евтушенко поэму: «Станция Зима» – «Откуда вы?» – «Братская ГЭС».

В первой поэме, «Станция Зима», Евтушенко, по мнению критика, осмысляет происходящие в стране перемены. И не он один. То же и в «Откуда вы?». «Разрешение сомнений, поиски опоры – вот внутренний композиционный план поэм как “Станция Зима”, так и “Откуда вы?”» В «Братской ГЭС» Евтушенко наконец окончательно преодолевает свои сомнения.

В заключительной части отзыва – шпилька по адресу Золотусского и Оскоцкого. Оба дали рецензии, в которых есть «и верное и спорное». Удивляет же Еремеева ироническая интонация, ведь «речь идет о поэте, серьезность и чистоту намерений которого никто не может оспорить, который ищет самоопределения на путях гражданского служения людям».

В декабре спор о «Братской ГЭС» вроде бы постепенно угасает, что вполне закономерно: текст опубликован еще в апреле. И вдруг обсуждение поэмы возобновляется с новой силой. Впрочем, именно на этом витке рецепции и высвечиваются те причины полемики, которые четко артикулированы ранее не были.

«Евг. Евтушенко премию? Возражаем!» так называется статья, опубликованная «Вечерним Ленинградом» 24 декабря 1965 года [См.: Журба, Чуркин, 1965].

Повод к ее появлению – обнародование списка кандидатов на соискание Ленинской премии 1966 года. Среди претендентов – множество писателей, «чье творчество давно и прочно нашло пути к сердцу читателей», как выражаются авторы заметки – прозаик П. Журба и поэт А. Д. Чуркин [Зд. и далее цит.: Журба, Чуркин, 1965]. К заслуженным и справедливо внесенным в список Журба и Чуркин относят А. Л. Барто, Ю. П. Германа, А. Е. Корнейчука, Л. Н. Мартынова и М. Танка. Однако в этом же списке они увидели и автора «Братской ГЭС», номинированного редакцией

«Юности». «Нам такое решение представляет поспешным», – заявляют Журба и Чуркин.

Художественные достоинства у поэмы есть, признают авторы послания, однако «за редким исключением, Евг. Евтушенко дает очень поверхностное толкование событий и личностей прошлого». И в целом поэма «далека от совершенства».

Список соискателей Ленинской премии был опубликован «Литературной газетой» 18 декабря 1965 г. Евтушенко, действительно, был выдвинут по инициативе редакции «Юности» [См.: Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства, 1965].

Интонацию Журбы и Чуркина, в общем-то, можно считать оправданной. Ленинская премия, пришедшая на смену Сталинской в 1956 году, считалась высшей государственной наградой. Когда ставки настолько высоки, полемика неизбежна. Кроме того, ленинская премия, как и сталинская в свое время, гарантировала лауреату финансовое благополучие – пусть и на время – и защищала от критики, если только эта критика не была высшего административного происхождения.

15 января 1966 года на страницах «Литературной газеты» против кандидатуры Евтушенко выступила и некая А. Усова, библиотекарь [См.: Усова, 1966]. По ее словам, именно библиотекари лучше остальных знают «читательскую оценку современной книги вообще, в выдвинутой на премию – тем более» [Усова, 1966]. Евтушенко, по ее словам, премии пока не заслуживает, к тому же, рецензенты неоднократно отмечали недостатки в его поэме.

10 февраля в газете «Советская Кубань» была помещена статья В. А. Михельсона и М. Савченко «Нужна особая взыскательность» [См.: Михельсон, Савченко, 1966]. Оба рецензента в то время – доценты кафедры отечественной литературы в Краснодарском государственном педагогическом институте.

В их отзыве, по сути, никаких новых замечаний, за вычетом, пожалуй, ремарки о языке Евтушенко. Он, пишут они, пристрастен к существительным с суффиксом «ость», а также слишком часто использует «сниженный язык», а именно – «вульгаризмы, блатной жаргон» [Михельсон, Савченко, 1966].

22 апреля когда в «Правде» по традиции публиковались имена лауреатов премии, фамилии Евтушенко там не было... как, впрочем, и любых других писательских имен. В 1966 г. премии были

присуждены «за выдающиеся достижения в области искусства» художникам С. В. Герасимову, А. А. Пластову, актерам С. А. Закариадзе и М. А. Ульянову, а также певице З. А. Долухановой.

Впрочем, еще до публикации лауреатского списка в рецепции евтушенковской поэмы произошёл любопытный поворот.

В февральском номере «Молодой гвардии» за 1966 год содержалась статья с интригующим названием – «Ответ норвежскому критику» [См.: Лобанов, [Редколлегия журнала «Молодая гвардия»], 1966]. Написана она была Лобановым, антагонистом Евтушенко, и ей было предпослано редакционное разъяснение. Согласно ему, 13 октября 1965 года в газете Рабочей партии Норвегии «Arbeiderbladet» появилось открытое письмо Мартина Нага, адресованное Лобанову. В самой газете это письмо было напечатано в сокращенном виде – полная же версия была направлена в редакцию «Молодой гвардии». Написано оно, по заверению «Молодой гвардии», в «крайне развязном тоне», поэтому советский журнал от публикации этого документа отказывается, «не желая компрометировать автора „Открытого письма...”» [[Редколлегия журнала «Молодая гвардия»], Лобанов, 1966, с. 274]. Однако и оставить дерзостное послание без ответа было бы неправильно, поэтому редакция журнала попросила Лобанова ответить Нагу.

Мартин Гуннар Наг (1927–2015) был норвежским поэтом, переводчиком, литературным критиком и историком литературы. Самые известные его литературоведческие работы посвящены творчеству К. Гамсуна. Р. Нильсена, Н. Грига, С. Обстфеллера. С 1950-х гг. Наг также переводил на норвежский тексты русских авторов, в т.ч. – И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

В отличие от редакции «Молодой гвардии» мы полной редакцией письма, к сожалению, не располагаем. Но газетную публикацию мы разыскали [См.: Nag, 1966]. И – в отличие от «Молодой гвардии» – приведем хотя бы выдержки из нее.

Наг действительно выражается прямолинейно и без обиняков. Так, он указывает на то, что Лобанов пишет «очень кисло и негативно и без понимания» о «новой большой, красивой поэме Евтушенко „Братская ГЭС”» [Зд. и далее цит.: Nag, 1966]. Наг также настаивает, что «ни один из аргументов» Лобанова не является «реальным, обоснованным, убедительным». Да и вообще, дело не в желании разобраться в поэме Евтушен-

ко – «это просто вопрос скрытого морализаторства, коренящегося в маниакальном менталитете наставника».

И все же, настаивает Наг, статья Лобанова «при всем своем интеллектуальном уродстве (осмелюсь заявить) заслуживает более глубокого анализа». Евтушенко, согласно Нагу, «опирается на ряд предшественников, в том числе, на Достоевского, Пастернака и Маяковского». Лобанов же «высмеивает» такой подход и называет Евтушенко «эпигоном, подражателем». Однако таким образом сам Лобанов проявляет «крикливое невежество». А в занесенной над автором «школьной указке» Наг видит «унтер-офицерское предостережение»: Евтушенко обязан как можно скорее стать человеком, «думающим и чувствующим, как все мы». Беда, правда, в том, что требования эти поступают от «эстетически глухого человека».

Да и вообще, многое в отношении Лобанова к Евтушенко объясняется Нагом личной неприязнью критика к поэту: «Ну не „нравится“ вам, Лобанов, пафос внутренней критики Евтушенко. Поэтому вы отчаянно пытаетесь найти квазиэстетические аргументы в защиту своего гнева».

Лобанов ответил Нагу не менее дерзостно, заявив, что тот вместо того, чтобы привести «зрелые суждения», без которых никакой дискуссии быть не может, только «ослепленно замахал руками» [Зд. и далее цит.: [Редколлегия журнала «Молодая гвардия»], Лобанов, 1966, с. 275–276].

Примечательна и ремарка Лобанова о компетентности Нага в русском языке: «Вы вот, г-н Наг, почувствовали „желчность“ моей статье, значит, Вы можете в нашем русском языке многое уловить». Вроде бы странно предположить, будто Лобанов не знал, что его корреспондент – переводчик русской литературы. Переводы, выполненные Нагом были в ленинской библиотеке. Тогда остается предположить, что Лобанова жгла досада, и он попытался задеть Нага за живое.

Ведь и в этом пассаже слышится издевка: «Вы, г-н Наг, решили говорить о моей рецензии для „предостережения как в Советском Союзе, так и в других странах“. Ах, г-н Наг, какое же бремя заботы Вы на себя взяли! Подумать только: прочитали критическую заметку о поэме Евтушенко, и такая всемирная озабоченность, такая мировая скорбь! Можем Вас утешить: кажется нам, что народный дух вряд ли будет потрясен в основе своей без Евтушенко. Или уж не спасителем ли русской литературы Вы стать порешили? Можете и тут успокоиться: вроде бы и без Вашей

спасительной миссии русская литература не обижена мировым признанием».

Статью Лобанова можно бы цитировать и дальше – но исключительно ради демонстрации его звенящей обиды. Фактически же спор был беспредметным. Примечательно при этом, что в опубликованной «Arbeiderbladet» редакции письма – ни слова о каких-либо предостережениях. Либо Лобанов додумывал за Нага, либо действительно отвечал на более полную версию текста.

В заключение следовало бы отметить, что выступление Нага не было последним – оно было, пожалуй, неожиданным и, бесспорно, очень ценным с точки зрения источниковедческой и библиографической. Из полемических ходов менее экзотических следует отметить статью Еремеева «Критические забавы», опубликованную в 9 номере «Урала» за 1966 год. Еремеев, оправдывая Евтушенко практически во всем, переводит внимание читателя на характер критической рецепции поэмы – и конкретного на одного из критиков – на Лобанова, нанесшего несколько тяжелых ударов по произведениям одаренного поэта из эгоистических, как утверждает рецензент, соображений [См.: Еремеев, 1966].

Заключение

Проведенный нами анализ источников позволяет сформулировать следующие выводы и выдвинуть следующие предположения.

«Братская ГЭС» рецензировалась обильно как в столичной, так и в региональной прессе. В обсуждении участвовали как именитые критики, так и рецензенты, чью авторитетность оценить трудно.

Замечания были сделаны и относительно жанровой специфики, и относительно композиции, и относительно языка произведения. Наиболее частотными были критические ремарки относительно исторической составляющей произведения.

Впрочем, для любой отрицательной оценки и отрицательной интерпретации можно найти положительную оппозицию. И здесь выделяются два экстремума. Самый суровый отзыв о поэме поместил консервативный журнал «Молодая гвардия». Ему явно противостояли соотносимый по влиятельности журнал «Знамя», а также свердловский журнал «Урал». О бешеной популярности Евтушенко в провинции писал, кстати, еще в 1960 году А. Т. Твардовский в «Рабочих тетрадах 60-х годов» [См.: Твардовский, 1960].

Спор о достоинствах и недостатках «Братской ГЭС» актуализировался после публикации списка кандидатов на Ленинскую премию 1966 года. Впрочем, разгромных отзывов не было.

Решение не присуждать премии за достижения в литературе, очевидно, принималось не в комитете, а на уровне соответствующего отдела ЦК. И вряд ли похвалы или инвективы критиков сыграли или сыграли бы какую-либо роль. На это указывает, кстати, и то обстоятельство, что в прессе появилось всего лишь три рецензии, отнюдь не вредоносные. Кампании против Евтушенко – не было. Для проведения кампании необходимы запрос властной структуры (или властных структур) и сплоченность издательских сил. А также – авторитетность критиков. Здесь – ничего из указанного выше. Редакции изданий находятся в разных городах (Ленинград, Москва, Краснодар), временная дистанция между публикациями – в несколько недель. И критики совершенно разномастные. Сколько-либо влиятельные, пожалуй, только Журба и Чуркин. Все-таки писатели с заслугами.

Зато риторика этих трех отзывов подсказывает, что к Евтушенко относились как к юному и пока еще недостаточно солидному автору. Характерно и то, что и Журба, и Чуркин, и те, кого они называют среди заслуживающих премии, старше Евтушенко на одно поколение.

За полемикой о «Братской ГЭС» следили и за границей, о чем свидетельствует публикация Открытого письма Нага к Лобанову в «Arbeiderbladet». Характерно и предостережение, упомянутое Лобановым. Очевидно, для заграничной аудитории Евтушенко оставался символом «десталинизации» и хрущевской «оттепели». Фактически – он эмблема эпохи перемен в СССР. Критика в его адрес могла восприниматься как свидетельство не того, что поэма небезупречна, а того, что эта эпоха подходит к концу. А вместе с ней – и политика мирного сосуществования.

Библиографический список

1. Адалис А. Е. Что есть поэма? // Литературная газета. 1965. 15 июля.
2. Аннинский Л. А. Люди против пирамид // Дон. 1965. № 9. С. 160–162.
3. Банкетов А. М. Лирическое и эпическое в современной советской поэме. Москва, 1967. 202 с.
4. Барлас В. Я. Всегда ли верить вдохновенью? // Литературная газета. 1960. 9 января.
5. Белинский Я. Л. Картины мира и диалог со временем // Литературная газета. 1965. 9 сентября.
6. Боков В. Ф. Не могу согласиться! // Литературная газета. 1959. 12 декабря.
7. Возчиков В. А. Евгений Евтушенко-критик : Литературно-критические этюды. Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1992. 87 с.
8. Горловский, А. С. Вступление в зрелость // Литературная Россия. 1965. 28 мая.
9. Гусев В. И. Форма и суть // Литературная газета. 1965. 19 августа.
10. Дубровин А. Перечитывая ленинскую статью: (О некоторых резервах сов. лит.) // Знамя. 1965. № 11. С. 220–230.
11. Евтушенко Е. А. Братская ГЭС : поэма // Юность. 1965б. № 4. С. 26–67.
12. Евтушенко Е. А. Взмах руки : Стихи. Москва : Молодая гвардия, 1962а. 351 с.
13. Евтушенко Е. А. Волчий паспорт. Москва : Вагриус, 1998. 572 с.
14. Евтушенко Е. А. Как нас арестовали в Лиссабоне // Литературная газета. 1962в. 23 января
15. Евтушенко Е. А. На нашем языке // Комсомольская правда. 1962г. 15 августа.
16. Евтушенко Е. А. Нежность : Новые стихи. Москва : Советский писатель, 1962б. 190 с.
17. Евтушенко Е. А. Ракеты и телеги // Юность. 1959а. № 12. С. 26.
18. Евтушенко Е. А. Четвертая Мещанская // Юность. 1959а. № 2. С. 58–63.
19. Евтушенко Е. А. Яблоко : Новая книга стихов. Москва : Советский писатель, 1960. 99 с.
20. Еремеев А. Ф. Критические забавы // Урал. 1966. № 9. С. 173–185.
21. Еремеев А. Ф. От «Станции Зима» до «Братской ГЭС» // Урал. 1965. № 12. С. 131–141.
22. Журба П., Чуркин А. Д. Евг. Евтушенко премию? Возражаем! // Вечерний Ленинград. 1965. 24 декабря.
23. Золотусский И. П. Поэт и поэма // Литературная газета. 1965. 12 июня.
24. Клитко А. Автор, история, современность // Сибирские огни. 1965. № 10. С. 181–182.
25. Комин В. В., Прищепа В. П. Он пришел в XXI-й век : Творческий путь Евгения Евтушенко. Иркутск : [Б. и.], 2009. 427 с.
26. Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства. В комитете по Ленинским в области литературы и искусства при Совете Министров СССР // Литературная газета. 1965. 18 декабря.
27. Кораллов М. М. Музы, герои, время // Вопросы литературы. 1965. № 9. С. 75–98.
28. Красавченко Т. Н. Евгений Евтушенко и его время в англоязычной критике // Россия и современный мир. 2018. № 2. С. 225–239.
29. Лавлинский Л. А. Гражданские мотивы в лирике 60-х годов. Москва, 1972. 426 с.
30. Лобанов М. П. [Б. н.] // День поэзии : сборник / гл. ред. Василий Федоров. Москва : Советский писатель. С. 178–180.
31. Лобанов М. П. Нахватанность пророчеств не сулит // Молодая гвардия. 1965а. № 9. С. 288–293.

32. Лобанов М. П., [Редколлегия журнала «Молодая гвардия»] Ответ норвежскому критику // Молодая гвардия. 1966. № 2. С. 274–279.
33. Макаров А. Н. Раздумья над поэмой Евг. Евтушенко // Знамя. 1965. № 10. С. 227–245.
34. Митин Г. А. Суть поэмы // Московский комсомолец. 1965. 30 июля.
35. Михельсон В. А., Савченко М. Нужна особая взыскательность // Советская Кубань. 1966. 10 февраля.
36. Наровчатов С. С. Пафос гражданственности в нашей поэзии // Коммунист. 1965. № 11. С. 70–82.
37. Оскоцкий В. Д. Чтоб не срывался голос... // Комсомольская правда. 1965. 7 июля.
38. Ошанин Л. И. О модных именах и новаторстве // Литературная газета. 1959. 9 декабря.
39. Прищепа В. П. Парадигма идейно-эстетических поисков Е. А. Евтушенко, 1949–1998 гг. Москва, 1999. 598 с.
40. Рунин Б. М. Законы и «кризисы» жанра // Литературная газета. 1965. 26 августа.
41. Сельвинский И. Л. Возрождение поэмы // Литературная газета. 1965. 22 июля.
42. Сидоров Е. Ю. Граждане, послушайте меня! : Евгений Евтушенко, личность и творчество. Москва : Новая элита, 2010. 255 с.
43. Сидоров Е. Ю. Евгений Евтушенко : Личность и творчество. Москва : Художественная литература, 1987. 206 с.
44. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Журнальный зал : сайт. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/6/rabochie-tetrad-60-h-godov-3.html>. (дата обращения: 06.07.2023).
45. Теракопьян Л. А. Преодоление инфантильности // Труд. 1965. 25 сентября.
46. Усова А. Чем строже – тем лучше // Литературная газета. 1966. 15 января.
47. Фаликов И. З. Евтушенко. Love story. Москва : Молодая гвардия, 2017. 716 с.
48. Филиппова В. 500 строф о человеке // Советская молодежь [Иркутск]. 1964. 10 мая.
49. Хохлачева В. Н. Индивидуальное словообразование в поэме Евг. Евтушенко «Братская ГЭС» // Вопросы культуры речи. Москва, 1967. Вып. 8. С. 102–113.
50. Jevtusjenko E. Erindringer i utide. København : Grafisk forl., 1963a. 143 s.
51. Jevtusjenko E. Babij Jar och andra dikter i översättning av Göran Lundström. Stockholm : Bonnier, 1963b. 46 s.
52. Nag M. Åpent brev til en russisk kritiker // Arbeiderbladet. 1965. 13 oktober. S. 8.
53. Yevtushenko E. The poetry of Yevgeny Yevtushenko 1953 to 1965 : With 54 poems in the original Russ. and transl. into Engl. New York : October house, 1965a. XXXVII, 215 p.

Reference list

1. Adalis A. E. Chto est' pojema? = What is a poem? // Literaturnaja gazeta. 1965. 15 ijulja.
2. Anninskij L. A. Ljudi protiv piramid = People vs. Pyramids // Don. 1965. № 9. S. 160–162.
3. Banketov A. M. Liricheskoe i jepicheskoe v sovremennoj sovetskoj pojeme = The lyrical and the epic in modern Soviet poem. Moskva, 1967. 202 s.
4. Barlas V. Ja. Vsegda li verit' vdohnoven'ju? = Is inspiration always to be trusted? // Literaturnaja gazeta. 1960. 9 janvarja.
5. Belinskij Ja. L. Kartiny mira i dialog so vremenem = Pictures of the world and dialogue with time // Literaturnaja gazeta. 1965. 9 sentjabrja.
6. Bokov V. F. Ne mogu soglasit'sja! = I cannot agree! // Literaturnaja gazeta. 1959. 12 dekabrja.
7. Vozchikov V. A. Evgenij Evtushenko-kritik : Literaturno-kriticheskie jetjudy = Yevgeny Yevtushenko as a critic : Literary critical sketches. Barnaul : Altajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. 87 s.
8. Gorlovskij A. S. Vstuplenie v zrelost' = Entering adulthood // Literaturnaja Rossiya. 1965. 28 maja.
9. Gusev V. I. Forma i sut' = Form and essence // Literaturnaja gazeta. 1965. 19 avgusta.
10. Dubrovin A. Perechityvaja leninskiju stat'ju: (O nekotoryh rezervah sov. lit.) = Re-reading Lenin's article: (On some reserves of Soviet lit.) // Znamja. 1965. № 11. S. 220–230.
11. Evtushenko E. A. Bratskaja GJeS = The Bratsk Station : pojema // Junost'. 1965b. № 4. S. 26–67.
12. Evtushenko E. A. Vzmah ruki : Stihi = A wave of the hand : Poems. Moskva : Molodaja gvardija, 1962a. 351 s.
13. Evtushenko E. A. Volchij pasport = The blacklist. Moskva : Vagrius, 1998. 572 s.
14. Evtushenko E. A. Kak nas arestvovali v Lisabone = How we were arrested in Lisbon // Literaturnaja gazeta. 1962v. 23 janvarja
15. Evtushenko E. A. Na nashem jazyke = In our language // Komsomol'skaja pravda. 1962g. 15 avgusta.
16. Evtushenko E. A. Nezhnost' : Novye stihi = Tenderness : New poems. Moskva : Sovetskij pisatel', 1962b. 190 s.
17. Evtushenko E. A. Rakety i telegi = Rockets and wagons // Junost'. 1959a. № 12. S. 26.
18. Evtushenko E. A. Chetvertaja Meshhanskaja = The Fourth Meshchanskaya // Junost'. 1959a. № 2. S. 58–63.
19. Evtushenko E. A. Jabloko : Novaja kniga stihov = The Apple : A new book of poems. Moskva : Sovetskij pisatel', 1960. 99 s.
20. Eremeev A. F. Kriticheskie zabavy = Fun with criticism // Ural. 1966. № 9. S. 173–185.
21. Eremeev A. F. Ot «Stancii Zima» do «Bratskoj GJeS» = From «The Station Winter» to «The Bratsk Station» // Ural. 1965. № 12. S. 131–141.
22. Zhurba P., Churkin A. D. Evg. Evtushenko premiju? Vozrazhaem! = A prize to Evtushenko? Objection! // Vechernij Leningrad. 1965. 24 dekabrja.

23. Zolotusskij I. P. Pojet i pojema = Poet and poem // Literaturnaja gazeta. 1965. 12 ijunja.
24. Klitko A. Avtor, istorija, sovremennost' = The author, history and modernity // Sibirskie ogni. 1965. № 10. S. 181–182.
25. Komin V. V., Prishhepa V. P. On prishel v XXI-vek : Tvorcheskij put' Evgenija Evtushenko = He has come to the XXI century : Yevgeny Yevtushenko's creative way. Irkutsk : [B. i.], 2009. 427 s.
26. Komitet po Leninskim premijam v oblasti literatury i iskusstva. V komitete po Leninskim v oblasti literatury i iskusstva pri Sovete Ministrov SSSR = Committee for Lenin Prizes in Literature and the Arts. In the Committee for Lenin Prizes in Literature and the Arts under the Council of Ministers of the USSR // Literaturnaja gazeta. 1965. 18 dekabnja.
27. Korolov M. M. Muzy, geroi, vremena = Muses, heroes, time // Voprosy literatury. 1965. № 9. S. 75–98.
28. Krasavchenko T. N. Evgenij Evtushenko i ego vremena v anglojazyčnoj kritike = Yevgeny Yevtushenko and his time in English-language criticism // Rossiya i sovremennij mir. 2018. № 2. S. 225–239.
29. Lavlinskij L. A. Grazhdanskije motivy v lirike 60-h godov = Civil motifs in the lyrics of the 60s. Moskva, 1972. 426 s.
30. Lobanov M. P. [B. n.] // Den' poezii : sbornik / gl. red. Vasilij Fedorov. Moskva : Sovetskij pisatel'. S. 178–180.
31. Lobanov M. P. Nahvatannost' proročestv ne sulit = The catchiness doesn't bode well for the prophecies // Molodaja gvardija. 1965a. № 9. S. 288–293.
32. Lobanov M. P., [Redkollegija zhurnala «Molodaja gvardija»] Otvet norvezhskomu kritiku = A reply to the Norwegian critic // Molodaja gvardija. 1966. № 2. S. 274–279.
33. Makarov A. N. Razdum'ja nad pojemoj Evg. Evtushenko = Reflections on Yevgeny Yevtushenko's poem // Znamja. 1965. № 10. S. 227–245.
34. Mitin G. A. Sut' pojemy = The essence of the poem // Moskovskij komsomolec. 1965. 30 ijulja.
35. Mihel'son V. A., Savchenko M. Nuzhna osobaja vyzskatel'nost' = We need a special kind of exactingness // Sovetskaja Kuban'. 1966. 10 fevralja.
36. Narovchatov S. S. Pafos grazhdanstvennosti v nashej poezii = Pathos of citizenship in our poetry // Kommunist. 1965. № 11. S. 70–82.
37. Oskockij V. D. Chtob ne sryvalsja golos... = To keep the voice steady.... // Komsomol'skaja pravda. 1965. 7 ijulja.
38. Oshanin L. I. O modnyh imenah i novatorstve = On trendy names and innovation // Literaturnaja gazeta. 1959. 9 dekabnja.
39. Prishhepa V. P. Paradigma idejno-jesteticheskikh poiskov E. A. Evtushenko, 1949–1998 gg. = The paradigm of Ye. A. Yevtushenko's ideological and aesthetic searches, 1949–1998. Moskva, 1999. 598 s.
40. Runin B. M. Zakony i «krizisy» zhanra = The laws and «crises» of the genre // Literaturnaja gazeta. 1965. 26 avgusta.
41. Sel'vinskij I. L. Vozrozhdenie pojemy = The revival of the poem // Literaturnaja gazeta. 1965. 22 ijulja.
42. Sidorov E. Ju. Grazhdane, poslušajte menja! : Evgenij Evtushenko, lichnost' i tvorchestvo = Citizens, listen to me! Yevgeny Yevtushenko, personality and creativity. Moskva : Novaja jelita, 2010. 255 s.
43. Sidorov E. Ju. Evgenij Evtushenko : Lichnost' i tvorchestvo = Yevgeny Yevtushenko : Personality and creativity. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1987. 206 s.
44. Tvardovskij A. T. Rabochie tetradi 60-h godov = Workbooks from the '60s // Zhurnal'nyj zal : sajt. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/6/rabochie-tetradi-60-h-godov-3.html>. (data obrashhenija: 06.07.2023).
45. Terakopjan L. A. Preodolenie infantil'nosti = Overcoming infantilism // Trud. 1965. 25 sentjabnja.
46. Usova A. Chem strozhe – tem luchshe = The stricter the better // Literaturnaja gazeta. 1966. 15 janvarja.
47. Falikov I. Z. Evtushenko. Love story = Yevtushenko. Live story. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 716 s.
48. Filippova V. 500 strof o cheloveke = 500 stanzas about man // Sovetskaja molodezh' [Irkutsk]. 1964. 10 maja.
49. Hohlicheva V. N. Individual'noe slovoobrazovanie v pojeme Evg. Evtushenko «Bratskaja GJeS» = Personal word formation in Yevgeny Yevtushenko's poem «The Bratsk Station» // Voprosi kul'tury rechi. Moskva, 1967. Vyp. 8. S. 102–113.
50. Jevtusjenko E. Erindringer i utide. København : Grafisk forl., 1963a. 143 s.
51. Jevtusjenko E. Babij Jar och andra dikter i översättning av Göran Lundström. Stockholm : Bonnier, 1963b. 46 s.
52. Nag M. Åpent brev til en russisk kritiker // Arbeiderbladet. 1965. 13 oktober. S. 8.
53. Yevtushenko E. The poetry of Yevgeny Yevtushenko 1953 to 1965 : With 54 poems in the original Russ. and transl. into Engl. New York : October house, 1965a. XXXVII, 215 p.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 05.05.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Русский язык

Научная статья
УДК 811.161.1.37
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_46
EDN: YQOJJZ

Особенности вербализации концепта «судьба» в романе А. И. Солженицына «В круге первом»

Людмила Владимировна Табаченко^{1✉}, Наталья Валериановна Изотова², Елена Вадимовна Белопольская³

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Садовая, д. 105/42

²Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Садовая, 105/42

³Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Садовая, д. 105/42

¹lvtabachenko@sfedu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

²nvizotova@sfedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2094-2746>

³evbelopolskaya@sfedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1785-7452>

Аннотация. В статье исследуются особенности вербализации концепта «судьба» в романе А. И. Солженицына «В круге первом» на фоне его общезыкового представления в соответствии со значениями основного вербализатора: 1) ‘таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни’, 2) ‘доля, участь, жизненный путь кого-либо’. На основе анализа сочетаемости абстрактного имени *судьба*, а также его синонимов *рок*, *доля*, *участь*, *жребий* выявляются гештальты – видимые маски, которые может надевать судьба как абстрактная сущность. В романе Солженицына судьба представлена как непредсказуемая, деспотичная по отношению к человеку персонифицированная сила. Собственно авторским является представление судьбы в облике начальства, всех тех, кто олицетворяет волю тоталитарного государства.

Общезыковой гештальт судьбы-дороги трансформируется в гештальт «холодное оружие» в семантически емком выражении *судьбы скрестились*. Автор подчеркивает взаимосвязь всех судеб, всеобщую нравственную ответственность. Важным в тексте романа является представление о судьбе и жизни как о чем-то сломанном и перешибленном (перешибленная судьба, изломы доли, ломка жизни и решение судьбы). Эта мысль распространяется и на изломы истории, сломанную революцией судьбу России. Органично выглядит в этом ряду интерес писателя к «узлам» – переломным событиям, предопределяющим дальнейший ход истории.

Хотя Солженицын и признает, что человек не всегда может распоряжаться своей судьбой, он все же настаивает на свободе нравственного выбора, дарованной каждому из нас. Слова *выбор*, *выбирать*, *избирать* в романе Солженицына нередко употребляются в контекстах, связанных с определяющим дальнейшую судьбу выбором. По убеждению писателя, только волевой, духовной личности по силам переломить ситуацию, победить обстоятельства, другими словами, пойти навстречу своей судьбе. Сотрудничество с Божьим замыслом проявляется в каждом значимом поступке, когда ничто не проходит бесследно, а все складывается в судьбу.

Ключевые слова: концепт «судьба»; вербализация; сочетаемость имени; гештальты; нравственный выбор; Солженицын; роман «В круге первом»

Для цитирования: Табаченко Л. В., Изотова Н. В., Белопольская Е. В. Особенности вербализации концепта «судьба» в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 46–56. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_46. <https://elibrary.ru/YQOJJZ>

Russian language

Original article

Verbalization of the concept «fate» in A. I. Solzhenitsyn's novel «In the first circle»

Lyudmila V. Tabachenko¹, Natalia V. Izotova², Elena V. Belopolskaya³

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of general and comparative linguistics, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, Sadovaya st., 105/42

²Doctor of philological sciences, professor at the department of the russian language, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, Sadovaya st., 105/42

³Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian and foreign literature. Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, Sadovaya st., 105/42

¹lvtabachenko@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

²nvizotova@sfnu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2094-2746>

³evbelopolskaya@sfnu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1785-7452>

Abstract. The article examines the verbalization of the concept 'fate' in A. I. Solzhenitsyn's novel «In the First Circle» and its semantic values as a mysterious force that determines the events of someone's life and as the lot, destiny or someone's life path. The compatibility analysis of fate and its synonyms lot, destiny, misfortune reveals certain gestalts, visible masks that fate as an abstract entity can put on a person. In the novel, fate is depicted as an unpredictable personified force despotic to a person, and embodying the power of the totalitarian state.

The language gestalt 'fate' as a life path is transformed in the novel into the gestalt 'cold weapons'. The idea of fate and life as something broken and shattered is salient in the text. The same refers to the twists of history and the fate of Russia, shattered and broken by the revolution. Therefore, the writer's interest in historic 'knots' as turning points which predetermine the further course of history seems natural.

Although A. I. Solzhenitsyn admits that a person cannot always control his fate, he still insists on the freedom of moral choice granted to each of us. The words choice, to choose, to select in the novel are often used in reference to the future fate. According to the writer, only a strong-willed, spiritual person can turn the situation around, overcome circumstances, and challenge his fate. The divine will is evident in every significant act of a human, and these acts form a human fate.

Key words: concept «fate»; verbalization; compatibility of words; gestalts; moral choice; Solzhenitsyn; the novel «In the First Circle»

For citation: Tabachenko L. V., Izotova N. V., Belopolskaya E. V. Verbalization of the concept «fate» in A. I. Solzhenitsyn's novel «In the first circle». *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(3):46–56. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_46. <https://elibrary.ru/YQOJJZ>

Введение

Изучение этноспецифических особенностей языковой картины мира является одним из магистральных и актуальных направлений современной лингвистики, связанных, в частности, с изучением концептосферы того или иного языка.

В исследованиях, посвященных характеристике русской языковой картины мира, обращается внимание на такие этноспецифические концепты, как «воля», «простор», «удаль», «тоска», «совесть», «душа», «смирение» и др. [Вежбицкая, 2001; Ермакова, 2000; Шмелев, 2002]. Указывается, что в русской концептосфере одним из базовых и сложных является концепт «судьба» [Вежбицкая, 2011; Апресян, 2006], связанный с представлениями о контролируемости событий внешней по отношению к субъекту силой [Шме-

лев, 2002, с. 461]. Эти признаки концепта «судьба» можно отнести и к универсальной, общечеловеческой картине мира: «Концепт судьбы формируется народным сознанием в плане видения бытийственной ситуации свободы-необходимости с позиции погруженного в жизненный поток человека, испытывающего действие сил, детерминирующих его жизнь» [Постовалова, 1994, с. 209].

Осмысленное существование человека связано со стремлением постичь, как распорядилась им судьба, что именно выпало на его долю, каковы степень предопределенности событий и мера вмешательства в его жизнь некой внешней силы, неподвластной человеку. В то же время важно представлять, насколько самостоятелен каждый из нас в определении собственной судьбы, особенно в тот момент, который можно назвать

«точкой бифуркации», когда происходят принципиальные изменения в мироустройстве.

Общую картину представления концепта «судьба» в русской языковой картине мира углубляет и расширяет его индивидуально-авторская интерпретация, находящая выражение в текстах художественной литературы.

В этой связи особый интерес, на наш взгляд, может представлять вербализация концепта «судьба» в художественных текстах А. И. Солженицына, в частности в романе «В круге первом», что еще не становилось предметом научного исследования.

О своей судьбе размышляют многие герои романа, но особенную остроту «вечные» вопросы бытия приобретают для зеков-интеллигентов. К осмыслению собственной судьбы их подталкивает сама ситуация, в которой они оказались. В замкнутом пространстве (пусть и первого круга) гулаговского ада они пытаются разобраться в собственной жизни, взглянуть на происходящее с ними со стороны, понять логику судьбы.

Как известно, роман «В круге первом» имеет автобиографическую основу. С июня 1947-го по май 1950-го г. будущий писатель находился в марфинской спецтюрьме, так называемой «шарашке», где работали заключенные ученые, инженеры, выполняя секретные государственные задания. Основанием для привлечения Солженицына в тюремный научно-исследовательский институт послужил диплом математика: в 1941-м году он с отличием окончил физико-математический факультет Ростовского государственного университета (ныне ЮФУ).

Об истории создания и публикации «В круге первом», о его идейно-художественной специфике существует обширная критическая литература. В России всестороннее и интенсивное изучение романа совпало с возвращением писателя на родину. Неослабевающий интерес исследователей к роману «В круге первом» доказывает справедливость суждения, высказанного Г. Беллем. Немецкий писатель сравнил «В круге первом» с собором, тем самым подчеркнув сложную архитектуру солженицынского романа: «...огромные своды, множество перекрытий, несколько измерений» [Белль, 1989, с. 229]. Произведение привлекало внимание исследователей в различных аспектах: нравственно-идеологическом [Чуриков, 2006], историко-социологическом [Радзишевский, 2009; Кречетова, 2014], религиозно-философском [Белопольская, 2013; Мартьянова, 2013; Кривонос, 2020],

медитативно-мистическом [Спиваковский, 2019]. Предметом изучения литературоведов становились сюжетно-композиционные особенности, хронотоп и формы выражения авторского сознания «В круге первом» [Бобко, 2014; Голубков, 2004; Урманов, 2014] и мн. др. Проблема рецепции солженицынского романа режиссерами кино и театра также находилась в поле зрения специалистов [Сараскина, 2018; Мальцева, 2018]. Из исследований в области лингвистики особо отметим опыт изучения ключевых концептов и слов, а также прецедентных феноменов в прозе А. И. Солженицына, в частности на материале романа «В круге первом» [Злобин, 2014; 2016; Хижняк 1999].

Цель статьи – выявить в романе А. И. Солженицына «В круге первом» особенности авторской вербализации концепта «судьба» на фоне общеязыкового представления концепта.

Материалом исследования послужили контексты со словом *судьба* и другими лексемами этого концептуального поля, полученные в результате сплошной выборки из романа А. И. Солженицына «В круге первом» (цитаты приводятся по собранию сочинений писателя в 30 томах. Т. 2. [Солженицын, 2011]. В круглых скобках после цитаты указаны номера страниц. При цитировании сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.)

Методы исследования

В качестве основных методов в работе применяются: описательный, функционально-стилистический, концептуальный анализ сочетаемости имен существительных – вербализаторов концепта «судьба».

Результаты исследования

Основным вербализатором анализируемого концепта является слово *судьба*, которое употреблено в романе А. И. Солженицына «В круге первом» 52 раза.

В соответствии с основными значениями эта лексема возглавляет два различных синонимических ряда [Шмелев, 2002, с. 460]: 1) *судьба* как ‘таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни’ (17 употреблений; далее в круглых скобках указывается только количество), в этот ряд входит также слово *рок* (1). Слов *фатум*, *фортуна* из этого синонимического ряда в романе нет;

2) *судьба* как ‘события чьей-либо жизни’ (35), *доля* (2), *участь* (4), *жребий* (6). Слова *удел* из этого синонимического ряда в романе нет.

Судьба как отвлеченная сущность в определенных имплицитно метафорических словосочетаниях может принимать «лики видимого, материального» [Чернейко, Долинский, 1996, с. 24], что позволяет абстракции быть представленной в виде конкретной маски (гештальта) (о принципах гештальтного анализа см.: [Чернейко, Долинский, 1996]).

Гештальты выявляют в отвлеченной сущности более конкретные представления о данной абстракции, которые проявляются в основном в сочетаемости. Гештальт формируется на основе скрытой метафоры и, «в отличие от образа, который эксплицирован», имплицитен [Чернейко, Долинский, 1996, с. 23–24]. Это позволяет представить абстрактное явление в виде другого, более конкретного явления. Расширение, уточнение, углубление концепта связано с сочетаемостными возможностями слова, номинирующего концепт, с его предикативными и атрибутивными характеристиками. Обратимся к анализу гештальтной структуры концепта «судьба», выявляемой на основе этой сочетаемости.

И в русской, и в общекультурной традициях *судьба* персонифицируется, она предстает в виде личности, более сильной, чем человек, во власти которой он полностью находится. Общеязыковые выражения типа *судьба заносит, бросает, волею судеб, осужден судьбою, приговор судьбы, удары судьбы* реализуют эти представления.

В тексте романа Солженицына встречаются подобные примеры: герою может противостоять некая персонифицированная сила, враждебная и властная. Лексема *судьба* может быть подлежащим, активным субъектом, координирующимся с предикатом, выраженным глаголом воздействия с отрицательной частицей: *судьба не пощадила* (с. 223); предикатом со значением преднамеренного действия (глагол *городить* в переносном значении): «...*несправедливо много препятствий и врагов городила перед ним судьба*» (с. 113). Слово *судьба* может вступать в сочетание с именем существительным с процессуальным значением и обозначать неприятности, невзгоды, возникающие неожиданно в жизни человека и вызывающие у него внутреннюю эмоциональную реакцию: *страх перед ударами судьбы* (с. 450).

К собственно авторским гештальтам Солженицына относится представление *судьбы* в обли-

ке начальства, всех тех, кто олицетворяет волю тоталитарного государства: это надзирательница «*в мундире с Красной Звездой на груди, и у неё в толстой книге Регистрируемых Судеб каждый проходящий арестант расписывался сквозь прорезь в жестяном листе...*» (с. 210). Для заключенных и их близких начальство и *судьба* сливаются в одну враждебную силу: «*Муж и жена Герасимовичи поцеловались. <...> Этот поцелуй, украденный у начальства и у судьбы, был поцелуй без цвета, без вкуса, без запаха...*» (с. 277).

В романе Солженицына насилие *судьбы* может передаваться и конструкцией без наименования этой жестокой недоброжелательной силы, круто ломающей людские жизни: *жизненный излом* (с. 84), *новый швырок в лагерный провал* (с. 84).

Судьба – это и хозяйка, сплетающая жизни и как живые ветви, и как мертвые прутья в корзине: «*Льва Рубина судьба сплела с Германией и ветвями мира, и прутьями войны*» (с. 24).

В романе *судьба* выступает не только как властная и недоброжелательная личность, но и как опасный хищник: «*арестанты-отцы... возьмутся в круг, усатые, бородатые, и, перепевая волчий вой своей судьбы, с горьким смехом закружатся...*» (с. 714). Однако *волчий вой судьбы* сильные духом личности все же «перепевают», пересиливают, преодолевая испытания.

Также в рамках общекультурной традиции *судьба* в своем отношении к человеку непостоянна, капризна: «*Или всё отнять, или всё дать – у судьбы так*» (с. 234), «*арестантская судьба далеко не всегда дарит такое событие, как завтрак*» (с. 205). Она может быть иногда и благосклонной, посылать «*неожиданную, но заслуженную... награду*» (с. 261).

Мысль о непредсказуемости, непостижимости человеческой *судьбы*, когда беда оборачивается удачей и наоборот, не раз высказывалась Солженицыным, например в книге «Архипелаг ГУЛАГ»: «*Никто из людей ничего не знает наперед. И самая большая беда может постигнуть человека в наилучшем месте, и самое большое счастье разыщет его – в наидурном*» (Солженицын, т. 6, с. 363). В романе «В круге первом» тоже говорится о том, что *судьба* иногда спасает кажущимися неудачами: «*Но знающая меру в своих щедротах и в своих преследованиях судьба этими самыми неудачами и спасла Радовича: заметное лицо в коминтерновских кругах, он в*

самые критические годы уцелел из-за того, что не выползал из больницы» (с. 456–457).

Этот парадоксальный взгляд на непредсказуемость судьбы и возможную выигрышность неудач реализуется и в общезыковом гештальте колеса-фортуны, то поднимающего человека, то опускающего его, которое у Солженицына трансформируется в колесо судьбы России и судьбы отдельного человека, в частности Спиридона Егорова: он был «интенсивником», вступил в партию и был в почете, стал зажиточным, но пожар сделал его семью нищей, однако спас от раскулачивания: «В который раз судьба человеческая закидывала загадки, и беда обёртывалась прибытком» (с. 489).

Судьба как недоброжелательная сила представлена также синонимом *рок*, употребленным в тексте романа один раз во фрагменте о Сталине: «Думать – был его долг. И рок его, и казнь его тоже была – думать» (с. 110). Сатира автора проявляется в несобственно-прямой речи от имени Сталина. Высокопарность слога, звучащая во внутреннем монологе героя, девальвирует возвышенные мысли и понятия. Это относится и к использованию прилагательного *роковой* (всего в романе 11 употреблений). В русском языке оно имеет следующие значения: «1. Предопределенный, по суеверным представлениям, роком, неотвратимый, неизбежный' || Гибельный, смертельный. || Закрывающий в себе, несущий горе, несчастье, страдания. 2. Решающий, предопределяющий судьбу кого-, чего-л. (СРЯ, 3, с. 728). Однако в «сталинской» главе прилагательное *роковой* употреблено в сочетании со словом *неожиданность*, что придает этому словосочетанию определенный иронический оттенок и девальвирует в устах Сталина традиционно высокие понятия рока и судьбы: «Но какая *роковая неожиданность*: Бухарин, Томский и Рыков оказались тоже лицемеры, они не были за единство партии!» (с. 129).

Это выражение, с сарказмом вложенное автором в уста Сталина, контрастирует с другими сочетаниями с лексемой *роковой*, характеризующими действительно роковые события и явления: *любовь роковая, обречённая* (с. 204); *роковой день* (с. 415, 527), *роковое женское поколение* (с. 351); *роковая трещина в станине* (с. 596); *льготный роковой месячный срок* (с. 612), *роковой разговор* (с. 617), *роковая ошибка* (с. 662), *роковая грань в жизни арестанта* (с. 695).

Выражение *роковой шаг* в русском языке обычно употребляется в переносном значении,

но у Солженицына оно имеет явно конкретную семантику: «Отсчитывали каждого совершающего столь знакомый и всегда роковой шаг – неудобный крупный шаг с земли на высокую подножку воронка...» (с. 716).

Следующие концептуальные признаки и гештальты связаны со вторым значением этого слова – ‘доля, участь, жизненный путь кого-либо’.

Как результат недоброжелательности судьбы – властной силы – несчастны личные судьбы людей: «Этап заставляет каждого, даже не тронутого им, зэка подумать о бренности своей судьбы...» (с. 702). Их судьба *нескладна* (с. 51), *трагична* (с. 391), *несчастливая* (с. 247), *злополучная* (с. 692), *перешибленная* (с. 484).

В тексте романа нет сочетаний *счастливая, радостная, хорошая судьба*, только дипломат Володин до определенного времени свою жизнь «считал наилучшим, наудачным жизненным жребием», который он впоследствии «ощутил как нечто гадкое» (с. 434). Это еще раз подчеркивает парадоксальность концепта «судьба» в романе Солженицына: можно быть несчастным в благополучии и счастливым в заключении, как Нержин. Эта истина приоткрывается и Володину.

Судьба-фортуна как внешняя персонифицированная сила обуславливает превратности (этимологически «переворачивания») личных судеб людей, перед которыми герои Солженицына, особенно арестанты, беззащитны: «Самое безправное изо всех земных существ... – зэк беззащитен перед превратностями судьбы» (с. 711). Они «*мрачно-равнодушно*» относятся «к свободе, к своей судьбе, к своим срокам в десять лет и в четверть столетия» (с. 42). Однако внешне беззащитные, на самом деле эти герои оказываются внутренне свободнее: «Ими владело безстрашие людей, потерявших в с'е до конца» (с. 719).

Боятся за свою судьбу те, кому есть, что терять, – «вельможи» шарашки и их хозяева: Яконов, Осколупов, Абакумов и даже Сталин (он боится больше всех). В противоположность им Бобынин, арестант, у которого отняли все, на самом деле свободен – свободой аскета, стойка.

Общезыковой гештальт *судьбы-дороги* тоже представлен в тексте романа в выражении *повороты судьбы*, в котором слово *поворот* реализует переносное значение ‘полное изменение в развитии чего-л., перелом’. Однако вместе с сочетанием *повороты судьбы*, в котором субъектом является судьба, Солженицын в рамках одного сложного предложения использует и предика-

тивное сочетание, где субъектом является сам человек, творящий собственную судьбу: «На каждом повороте спиридоновой судьбы Нержин теперь притаивался, ожидая, что ещё выкинет Спиридон» (с. 490).

В рамках общеязыковой тенденции концепт «судьба» связан с концептом «жизнь», которая тоже часто персонифицируется, выступая аналогом недоброжелательной, даже жестокой личности, например, в выражениях *жизнь заставила*, *жизнь побила*, *загнанный жизнью* и др. И во втором значении 'доля, участь, жизненный путь кого-либо' лексемы *судьба* и *жизнь* часто выступают как синонимы.

Самым крутым поворотом судьбы в жизни заключенных является отправление по этапу – «это такая же роковая грань в жизни арестанта, как в жизни солдата – ранение» (с. 695). В конце романа на этап отправляются Нержин, Герасимович, Хоробров, они не идут на сделку с совестью, предпочитают шарашке лагеря. Это движение навстречу судьбе связано с их личным осознанным выбором.

Здесь тоже проявляется одна из особенностей художественного изображения жизни и судьбы у Солженицына. Писатель сосредоточивает внимание на пороговой ситуации в жизни героя, которая способствует выявлению запаса прочности личности, ее нравственного потенциала.

Общеязыковые выражения *скрестились жизни, судьбы* (по типу *скрестились дороги*) также указывает на гештальт «судьбы-дороги»: в камере Бутырской тюрьмы *скрещались тогда пёстрые жизни и непохожие пути*» (с. 209). Однако в тексте романа выражение *судьбы скрестились* приобретает семантическую емкость, представляя и гештальт «холодное оружие»: «На Учредительном Собрании скрестились судьбы родственников Иннокентия: отец его Артём был среди главных сухопутных матросов, разогнавших поганую учредилку, а дядя Авенир – манифестант в поддержку заветного Учредительного» (с. 445).

Важным в особенности концептуализации судьбы в романе Солженицына является представление о судьбе и жизни как о чем-то сломанном и перешибленном: *перешибленная судьба* (с. 484), *жизненный излом* (с. 84), *изломы доли* (с. 489), *ломка жизни и решение судьбы* (с. 195).

С одной стороны, это связано с мыслью об изломах истории и о сломанной революцией судьбе России, с другой – с интересом писателя именно к «узлам» – переломным событиям,

предопределяющим дальнейший ход истории: «„Узел“ – это точка в истории, содержащая массу потенциальных возможностей для самых непредсказуемых поворотов исторического сюжета» [Орловская-Бальзамо, 1996, с. 198]. Солженицын рассматривает исторические события с точки зрения их влияния на будущее страны. Например, в словах дяди Авенира о роли латышских стрелков при расстреле манифестации в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918 года звучит горькая усмешка: «*Латыши выправляли нашу судьбу, что с Латвией будет – они не догадывались...*» (с. 446).

В синонимический ряд, представляющий судьбу как события чьей-либо жизни, входят слово *доля* и *участь*, у которых значение 'судьба' развилось на базе значения 'часть' (Фасмер, т. 1, с. 526; т. 4, с. 319; ЭССЯ, вып. 5, с. 62; вып. 4, с. 107–108). Это представление о судьбе поддерживается образом куска пирога как лучшей жизненной доли, на которую надеется Щагов (с. 372) (по одной из этимологических версий, слова *часть*, *участь* связаны чередованием гласных и согласных с корнем *кус-* – *кусок*, *кусать* [Фасмер, т. 4, с. 319]), а также этимологией слова *счастье*, на что обращает внимание Нержин, ссылаясь на словарь Даля: «*Читайте Владимира Даля. „Счастье“ происходит от со-частье, то есть кому какая часть, какая доля досталась, кто какой пай урвал у жизни. Мудрая этимология даёт нам очень низменную трактовку счастья*» (с. 47).

Судьба, доля, участь может мыслиться как общая с другими людьми, и одни герои Солженицына готовы наравне с другими делить тяготы судьбы (Нержин, Рубин, Щагов на войне): «*Судьбу простых людей Нержин разделил не как снисходительный... чужой барин, но – как... равный среди равных*» (с. 484); «*Рубин ... своё время проводил среди людей, несправедливо на него нападающих, но делящих с ним равную участь*» (с. 66). Напротив, Щагов (после войны), Мамурин не готовы к жертве, они рассчитывают «на свой кусок пирога» (с. 372), стремятся к легкой, необременительной жизни, ставя себя выше других,

В тексте романа также употребляется член второго синонимического ряда – *жеребий*, значение которого 'судьба, участь' исторически развилось в результате метонимического переноса с процесса вынимания жеребья на конечный итог жеребьевки: с одной стороны, чаще всего это был раздел земли или наследства, определяющий

судьбу в целом, с другой – это любое выпадающее человеку предназначение в результате проявления Божественного промысла. И для дипломата Володина, который сначала считал свою судьбу *«наилучшим, наиудачным жизненным жребием»* (с. 434), вытаскивание из кармана для звонка в американское посольство пятнадцатикопеечных монет, которых он *«надеялся не найти»* (с. 15), равно вытягиванию жизненного жребия: *«Значит, быть по тому»* (с. 15). Неизбежность выбранной судьбы Володин видит и в других предзнаменованиях: *«Совсем не задумывал Иннокентий – а ехал по Моховой как раз мимо посольства. Значит, судьба»* (с. 15). Судьбу как жребий манифестирует и выражение *«Выпало это ему...»* (с. 691) из размышлений уже арестованного Володина.

Однако Володин выступает не пациентом жребия, а активным субъектом, который сам определяет свою судьбу, идет ей навстречу. Он не чья-то жертва, а человек, добровольно приносящий себя в жертву, уверенный в своем предназначении. Отсюда образы не утлого челнока, а торпеды, нацеленной на «линкор» здания Большой Лубянки. В тексте романа это передается заменой двух безличных конструкций, в которых челночок Иннокентия и опущенное местоимение *его* в следующем неполном предложении были синтаксическими прямыми объектами, на конструкцию двусоставную. В ней подлежащее обозначает активный субъект, производящий сознательное волевое действие: *«И одинокий утлый челночок Иннокентия так и тянуло туда, под нос тяжёлого быстрого корабля»*.

Нет, не тянуло челноком – это он сам шёл на линкор – торпедой!» (с. 15).

С одной стороны, Солженицын продолжает общекультурную и общезыковую традицию концептуализации судьбы как неподвластной человеку силы. Но, с другой – в трактовке концепта «судьба» автор делает акцент на активности человека в соработничестве с Тем, Кто посылает судьбу, которая проявляется в нравственном выборе человека между добром и злом, являющимся и выбором судьбы. По мысли В. Н. Топорова, «один из важнейших уроков судьбы, преподанный умышленно с опозданием, состоит именно в том, что человек должен жить не по судьбе, но по своей свободной воле, которая должна направляться некоей независимой системой ценностей» [Топоров, 1994, с. 39]. И в романе А. И. Солженицына концепт «судьба» как

‘события чьей-л. жизни’ связан с концептом «нравственный выбор».

Герои, не желающие покоряться злу, вступают в спор с безличностью силы судьбы и выступают активным началом, определяющим свою судьбу. Человек терпит удары судьбы и в то же время идет наперекор тому, что преподносят ему обстоятельства, связанные с общегосударственной системой.

Нержин, не согласившийся сотрудничать с «людоедами», отдавать свою голову, время, жизнь «осьминогу криптографии», решается на судьбоносный шаг. И резолюция «Нержина – списать», и новый этап – это не случайная кара стихийной жестокой судьбы, а следствие осознанного выбора: *«...Нержин понимал всё ясней: отказ от криптографической группы был не служебное происшествие, а поворотный пункт целой жизни»* (с. 84).

Нравственный выбор делают Володин, Нержин, Рубин, Сологдин, Бобынин, Хоробров, Герасимович, Агния и многие другие герои романа. Важность момента ощущает и аспирантка Муза, которую заставляют быть доносчицей: *«Ведь вот как это делается! – выбор целой жизни, и ни с кем нельзя посоветоваться!»* (с. 352).

Слова *выбор, выбирать, избирать* в романе Солженицына нередко употребляются в контекстах, связанных с определяющим дальнейшую судьбу выбором: *«добровольно избирали енисейскую ссылку...»* (с. 391); *«выбор неизбежный: за какую ты из двух мировых сил?»* (с. 53), *«выбрать между добром и злом»* (с. 180); *«ты сам выбрал свой жребий»* (с. 525).

Судьбы героев в романе Солженицына переплетаются (см. выше о судьбе-хозяйке, сплетающей судьбы), влияют друг на друга и в целом определяют ход важнейших исторических событий и судьбу государств: *«Никак не мог бы сейчас представить Иннокентий Володин, что имеет влияние на его судьбу нудный, изматывающий ночной спор двух арестантов...»* (с. 508). Этот спор решал не только судьбу Володина, но и судьбу атомной бомбы, и судьбу двух противостоящих друг другу государств.

А. И. Солженицын представляет и октябрьский переворот, и русскую и мировую историю в целом «не только как движение масс, но и как сцепление индивидуальных судеб» [Холмогоров, 2018]. В романе не только говорится о судьбах отдельных героев, но достаточно часто употребляются сочетания *судьбы страны* (с. 649), *русские*

судьбы (с. 219), венгерская судьба (с. 349), мировые судьбы (с. 392), судьба планеты (с. 325).

Автор романа подчеркивает взаимосвязь всех судеб, нравственную ответственность за все совершаемое: ничто не случайно и ничто не проходит бесследно. Свою арестантскую судьбу как возмездие за жестокость коллективизации ощущает Рубин: *«И если дитё хозяйское умира-ло – подышайте вы, злыдни, и со своим дитём, а хлеба испечь – не дать! <...> И чудится иногда: раны тебе – за это! Тюрьма тебе – за это! Болезни тебе – за это!»* (с. 518).

Категория судьбы соотносится со смыслом человеческой жизни. И жизнь, и судьба перестают быть хаотичной цепью неотвратимых событий, когда они осмысляются как земной путь, следующий Божественному замыслу. Сотрудничеством с этим замыслом являются все поступки, продиктованные нравственным выбором человека, которые в конце концов и составляют судьбу. Оценка событий жизни человека как неудачной, несчастливой или счастливой судьбы полностью зависит от позиции, с которой судьба оценивается. Так осмысляет свою жизнь Нержин, получив разрешение на свидание с женой:

«Ещё пять минут назад... вся его тридцатилетняя жизнь представлялась ему бессмысленной, удручающей цепью неудач <...>. Но вот ему было объявлено свидание сегодня к полудню – и в новом солнце предстала ему тридцатилетняя жизнь..., где самыми неожиданными ступеньками к цели были уход на войну, и арест, и многолетняя разлука с женой. Со стороны по видимости несчастливый, Глеб был тайно счастлив в этом несчастье» (с. 204)

Заключение

В рамках общезыковой традиции концепт «судьба» в романе А. И. Солженицына «В круге первом» представлен, во-первых, как недоброжелательная по отношению к человеку персонализированная сила, своевольная и деспотичная, предстающая то в облике надзирательницы, то начальства в целом, то волка. Как результат недоброжелательности судьбы – властной силы – нескладны и печальны личные судьбы героев романа.

Солженицын в основном сосредоточивает свое внимание на переломных моментах судеб героев, когда выявляется нравственный потенциал их личности. Один из основных концептуальных признаков «судьбы» не только в русской, но и в общечеловеческой картине мира – идея неконтролируемости событий своей жизни самим

человеком, но в романе А. И. Солженицына акцент перенесен на потенциал внутреннего сопротивления героя «железным объятиям» Судьбы. Допуская, что человек не всегда может распоряжаться своей судьбой, Солженицын настаивает на свободе нравственного выбора, дарованной каждому из нас. И только волевой, нацеленной на духовное самоусовершенствование личности по силам переломить ситуацию, победить обстоятельства, другими словами, пойти навстречу своей судьбе, сознательно последовать Божьей воле.

Библиографический список

1. Апресян В. Ю. Семантика и прагматика судьбы // Материалы международной конференции «Диалог 2006». URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Apresyan.htm> (дата обращения 18.04.2023).
2. Белль Г. Мир под арестом: О романе Александра Солженицына «В круге первом» // Иностранная литература. 1989. № 8. С. 229–233.
3. Белополюская Е. В. А. И. Солженицын и преподобный Иоанн Лествичник: к проблеме духовно-нравственного возвышения (на материале романа «В круге первом») // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2013. № 3. (40). С. 52–60.
4. Бобко Е. И. «Композиция, несущая к окончательной свободе»: к проблеме точки зрения в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 51–57.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ.; предисловие А. Д. Шмелева. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 287 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. Москва: Языки славянских культур, 2011. 568 с. (Язык. Семиотика. Культура).
7. Голубков М. М. Опыт монографического анализа (О романе «В круге первом» Александра Солженицына) // Десять лучших романов XX века: сборник статей. Москва: Луч, 2004. С. 156–181.
8. Ермакова О. П. Концепты совесть и зависть в их языковом выражении // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сборник статей // РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: «Азбуковник», 2000. С. 375–385.
9. Злобин А. А. Лексическая репрезентация концепта воля в произведениях А. И. Солженицына // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2014. № 3. С. 25–27.
10. Злобин А. А. Функционирование прецедентных феноменов в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 79–82.
11. Кречетова А. В. Роман «В круге первом» в аспекте дискурсивного отражения концепций российской

ского либерального движения конца XIX – начала XX века. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 64–67.

12. Кривонос В. Ш. Два локуса памяти в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Вестник Московского государственного университета. Серия 9: Филология. 2020. № 6. С. 163–172.

13. Мальцева О. Н. О театральном претворении романа А. И. Солженицына «В круге первом» (спектакль Ю. П. Любимова «Шарашка») // Личность и творчество А. И. Солженицына в современном искусстве и литературе : Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А. И. Солженицына. Москва, 15–17 марта 2017 г. / Государственный институт искусствознания; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский благотворительный фонд Александра Солженицына; ред.-сост. Л. И. Сараскина. Москва : Государственный институт искусствознания; Русский путь, 2018. С. 281–295.

14. Мартыанова С. А. Библейские темы и образы в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2013. Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сборник статей. Вып. 8. 2013. № 11. С. 442–452.

15. Орловская-Бальзамо Е. Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн / перев. с француз. Дарьи Румянцевой // Новый мир. 1996. № 7 (855). С. 195–211.

16. Постовалова В. И. Судьба как ключевое слово культуры и его понимание А. Ф. Лосевым (фрагмент типологии миропониманий) // Понятие судьбы в контексте разных культур : сборник научных статей. Москва : Наука, 1994. С. 207–214.

17. Радзишевский В. В. Исторический контекст в романе «В круге первом»: наблюдения комментатора // Путь Солженицына в контексте Большого Времени : сборник памяти: 1918–2008. Москва : Русский путь, 2009. С. 243–248.

18. Сараскина Л. И. Задача и сверхзадача экранизации по роману А. И. Солженицына «В круге первом» // Личность и творчество А. И. Солженицына в современном искусстве и литературе : Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А. И. Солженицына. Москва, 15–17 марта 2017 г. / Государственный институт искусствознания; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский благотворительный фонд Александра Солженицына; ред.-сост. Л. И. Сараскина. Москва : Государственный институт искусствознания; Русский путь, 2018. С. 222–242.

19. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Русский язык, 1981–1984. Т. 3. 1983. 752 с. (СРЯ).

20. Солженицын А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Москва : Время, 2007–2018. Т. 2. 2011. 880 с. Т. 6. 2010. 624 с.

21. Спиваковский П. Е. «В круге первом» А. И. Солженицына: тени реального // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2019. № 2. С. 41–48.

22. Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур : сборник научных статей. Москва : Наука, 1994. С. 38–75.

23. Урманов А. В. Художественное мироздание Александра Солженицына : монография. Москва : Русский путь, 2014. 624 с.

24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. В 4 т. 2-е изд., стереотип. Москва : Прогресс, 1986–1987. Т. 1. 1986. 576 с. Т. 4. 1987. 864 с.

25. Хижняк Л. Г. Ключевые слова в прозе А. И. Солженицына // Филология : межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1999. С. 63–67.

26. Холмогоров Е. Улица Солженицына // Новый мир. 2018. № 12. С. 144–161. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_12/Content/Publication6_7073/Default.aspx (дата обращения 18.04.2023).

27. Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1996. № 6. С. 20–41.

28. Чуриков Г. А. Конфликт идеологии и нравственности в романах А. И. Солженицына «Август 14-го» и «В круге первом» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. 2006. № 1. С. 85–92.

29. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 496 с. (Язык. Семиотика. Культура).

30. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. I–41. Москва : Наука, 1974–2018. Вып. 4. 1977. 235 с. Вып. 5. 1978. 232 с. (ЭССЯ).

Reference list

1. Apresjan V. Ju. Semantika i pragmatika sud'by = Semantics and pragmatics of fate // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2006». URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Apresyan.htm> (data obrashhenija 18.04.2023).

2. Bell' G. Mir pod arestom: O romane Aleksandra Solzhenicyna «V krugu pervom» = The world under arrest: On Alexander Solzhenitsyn's novel In the First Circle // Inostrannaja literatura. 1989. № 8. S. 229–233.

3. Belopol'skaja E. V. A. I. Solzhenicyn i prepodobnyj Ioann Lestvichnik: k probleme duhovno-nravstvennogo vozvvyshenija (na materiale romana «V krugu pervom») = A. I. Solzhenitsyn and St. John the Climacus: the problem of spiritual and moral elevation (on the novel In the

First Circle) // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2013. № 3. (40). S. 52–60.

4. Bobko E. I. «Kompozicija, nesushhaja k okonchatel'noj svobode»: k probleme tochki zrenija v romane A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = «Composition, carrying to final freedom»: to the problem of a point of view in A. I. Solzhenitsyn's novel In the First Circle // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2014. T. 14. Vyp. 2. S. 51–57.

5. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevyh slov = Understanding cultures through key words / per. s angl.; predislovie A. D. Shmeleva. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 287 s. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura. Malaja serija).

6. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty = Semantic universals and basic concepts. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011. 568 s. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura).

7. Golubkov M. M. Opyt monograficheskogo analiza (O romane «V kruge pervom» Aleksandra Solzhenicyna) = Monographic analysis (On the novel In the First Circle by Alexander Solzhenitsyn) // Desjat' luchshih romanov HH veka : sbornik statej. Moskva : Luch, 2004. S. 156–181.

8. Ermakova O. P. Koncepty sovest' i zavist' v ih jazykovom vyrazhenii = Concepts conscience and envy and their linguistic expression // Russkij jazyk segodnja. Vyp. 1. Sbornik statej // RAN. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova / otv. red. L. P. Krysin. Moskva : «Azbukovnik», 2000. S. 375–385.

9. Zlobin A. A. Leksicheskaja reprezentacija koncepta volja v proizvedenijah A. I. Solzhenicyna = Lexical representation of the concept will in A. I. Solzhenitsyn's works // Vestnik Ul'janovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2014. № 3. S. 25–27.

10. Zlobin A. A. Funkcionirovanie precedentnyh fenomenov v romane A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = Functions of precedent phenomena in A. I. Solzhenitsyn's novel In the First Circle // Mir russkogo slova. 2016. № 1. S. 79–82.

11. Krechetova A. V. Roman «V kruge pervom» v aspekte diskursivnogo otrazhenija koncepcij rossijskogo liberal'nogo dvizhenija konca XIX – nachala XX veka = The novel In the First Circle in terms of discursive reflection of the Russian liberal movement concepts of the late XIX - early XX century // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2014. T. 14. Vyp. 2. S. 64–67.

12. Krivonos V. Sh. Dva lokusa pamjati v romane A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = Two loci of memory in A. I. Solzhenitsyn's novel In the First Circle // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2020. № 6. S. 163–172.

13. Mal'ceva O. N. O teatral'nom pretvorenii romana A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» (spektakl' Ju. P. Ljubimova «Sharashka») = On the theatrical adaptation of A. I. Solzhenitsyn's novel In the First Circle (Y. P. Lyubimov's play «Sharashka») // Lichnost' i tvorčestvo A. I. Solzhenicyna v sovremennom iskusstve i literature : Ma-

terialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj stoletiju so dnja rozhdenija A. I. Solzhenicyna. Moskva, 15–17 marta 2017 g. / Gosudarstvennyj institut iskusstvovoznanija; Dom russkogo zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna; Russkij blagotvoritel'nyj fond Aleksandra Solzhenicyna; red.-sost. L. I. Saraskina. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvovoznanija; Russkij put', 2018. S. 281–295.

14. Mart'janova S. A. Biblejskie temy i obrazy v romane A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = Biblical themes and images in A. I. Solzhenitsyn's novel «In the First Circle» // Problemy istoričeskoj pojetiki. Petrozavodsk : Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. Vyp. 11: Evangel'skij tekst v russoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr : sbornik statej. Vyp. 8. 2013. № 11. S. 442–452.

15. Orlovskaja-Bal'zamo E. Chelovek v istorii: Solzhenicyn i Ippolit Tjen = Man in history: Solzhenitsyn and Hippolyte Taine / perev. s francuz. Dar'i Rumjancevoj // Novyj mir. 1996. № 7 (855). S. 195–211.

16. Postovalova V. I. Sud'ba kak ključevoe slovo kul'tury i ego ponimanie A. F. Losevym (fragment tipologii miroponimanij) = Fate as a key word of culture and its understanding by A. F. Losev (a fragment of worldviews typology) // Ponjatie sud'by v kontekste raznyh kul'tur : sbornik nauchnyh statej. Moskva : Nauka, 1994. S. 207–214.

17. Radzishevskij V. V. Istoricheskij kontekst v romane «V kruge pervom»: nabljudenija komentatora = Historical context in the novel «In the First Circle»: a commentator's observations // Put' Solzhenicyna v kontekste Bol'shogo Vremeni : sbornik pamjati: 1918–2008. Moskva : Russkij put', 2009. S. 243–248.

18. Saraskina L. I. Zadacha i sverhzadacha jekranizacii po romanu A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = The task and super-task of the screen adaptation of Solzhenitsyn's novel «In the First Circle» // Lichnost' i tvorčestvo A. I. Solzhenicyna v sovremennom iskusstve i literature : Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj stoletiju so dnja rozhdenija A. I. Solzhenicyna. Moskva, 15–17 marta 2017 g. / Gosudarstvennyj institut iskusstvovoznanija; Dom russkogo zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna; Russkij blagotvoritel'nyj fond Aleksandra Solzhenicyna; red.-sost. L. I. Saraskina. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvovoznanija; Russkij put', 2018. S. 222–242.

19. Slovar' russkogo jazyka = The Russian Language Dictionary / pod red. A. P. Evgen'evoj. V 4 t. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Russkij jazyk, 1981–1984. T. 3. 1983. 752 s. (SRJa).

20. Solzhenicyn A. I. Sobranie sochinenij: V 30 t. = Collected works: In 30 vols. Moskva : Vremja, 2007–2018. T. 2. 2011. 880 s. T. 6. 2010. 624 s.

21. Spivakovskij P. E. «V kruge pervom» A. I. Solzhenicyna: teni real'nogo = In the First Circle by A. I. Solzhenitsyn: shadows of the real // Vestnik Moskovskogo

gosudarstvennogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2019. № 2. S. 41–48.

22. Toporov V. N. Sud'ba i sluchaj = Fate and chance // Ponjatie sud'by v kontekste raznyh kul'tur : sbornik nauchnyh statej. Moskva : Nauka, 1994. S. 38–75.

23. Urmanov A. V. Hudozhestvennoe mirozdanie Aleksandra Solzhenicyna = Alexander Solzhenitsyn's artistic universe : monografija. Moskva : Russkij put', 2014. 624 s.

24. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language / perevod s nemeckogo i dopolnenija O. N. Trubacheva. V 4 t. 2-e izd., stereotip. Moskva : Progress, 1986–1987. T. 1. 1986. 576 s. T. 4. 1987. 864 s.

25. Hizhnjak L. G. Ključevye slova v proze A. I. Solzhenicyna = Key words in A.I. Solzhenitsyn's prose // Filologija : mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Saratov, 1999. S. 63–67.

26. Holmogorov E. Ulica Solzhenicyna = Solzhenitsyn street // Novyj mir. 2018. № 12. S. 144–161. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_12/Content/Publication6_7073/Default.aspx (data obrashhenija 18.04.2023).

27. Černejko L. O., Dolinskij V. A. Imja SUD'BA kak ob'ekt konceptual'nogo i asociativnogo analiza = The noun FATE as an object of conceptual and associative analysis // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 9. Filologija. 1996. № 6. S. 20–41.

28. Čurikov G. A. Konflikt ideologii i nraštvennosti v romanah A. I. Solzhenicyna «Avgust 14-go» i «V krughe pervom» = The conflict between ideology and morality in A. Solzhenitsyn's novels «August 1914» and «In the First Circle» // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filologija. Žurnalistika. 2006. № 1. S. 85–92.

29. Šmel'ov A. D. Russkij jazyk i vnejazykovaja dejstvitel'nost' = The Russian language and extralinguistic reality. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 s. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura).

30. Jetimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond. Vyp. I–41 = Etymological dictionary of Slavonic languages. Common Slavonic lexical fund. Issue I-41. Moskva : Nauka, 1974–2018. Vyp. 4. 1977. 235 s. Vyp. 5. 1978. 232 s. (JeSSJa).

Статья поступила в редакцию 13.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 13.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_57
EDN: XKUOZL

**Вводные конструкции как маркеры актуализации иронии в романе
М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»**

Михаил Николаевич Кулаковский

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
kulmn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0883>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования вводных конструкций как маркеров актуализации иронии в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Определяются базовые направления исследования творчества М. А. Булгакова (анализ текстов в аспекте природы мистического, интертекстуальных связей в прозе и драматургии, реализации авторского замысла, утопических мотивов), описываются объекты анализа в рамках текста (конкретные персонажи произведений Булгакова, образы сада, света и тьмы, дома и дороги, пространственно-временная организация произведений, мотив двойничества, конкретные лексико-семантические группы слов). Характеризуются основные аспекты исследования вводных слов как конструкций экспрессивного синтаксиса (с точки зрения создания внутренней диалогичности в современной медиаречи, в структурном и семантическом аспектах (с позиции грамматики конструкций), роль вводных конструкций при создании комического эффекта в художественном тексте, скрытая дополнительная полипредикативность, выражаемая вводным компонентом, метаязыковая функция вводных предложений в художественном тексте, особенности нерегламентированной пунктуации при вводных словах). Проведенный в данной статье анализ позволяет выявить наиболее характерные функции вводных конструкций при создании комического в прозе М. А. Булгакова (вводная конструкция как маркер иронического восприятия, вводная конструкция как маркер изменения стилового или оценочного регистра, вводная конструкция как маркер логической ошибки, вводная конструкция как маркер контраста между незначимостью представленной детали и актуализацией как приемом, вводная конструкция как маркер контраста между факультативностью информации и информативно значимым развертыванием текста, вводная конструкция как маркер кардинального изменения информации или ее оценки, вводная конструкция как маркер изменения субъектно-речевого плана текста, вводная конструкция как маркер актуализации другого пространственно-временного плана текста, вводная конструкция как маркер моделирования комической ситуации).

Ключевые слова: комическое; ирония; вводная конструкция; вводное слово; логическая ошибка; оценочная информация; пространственно-временной план; субъектно-речевой план

Для цитирования: Кулаковский М. Н. Вводные конструкции как маркеры актуализации иронии в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 57–64. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_57. <https://elibrary.ru/XKUOZL>

Original article

**Parentheses as markers of irony actualization in M. A. Bulgakov's novel
«The Master and Margarita»**

Mikhail N. Kulakovsky

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
kulmn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0883>

Abstract. The article examines the specifics of using parentheses as markers of irony actualization in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». The author defines the basic directions of studying M. A. Bulgakov's work (text analysis in terms of the nature of the mystical, intertextual connections in prose and drama, realization of the authorial intent and utopian motifs), and describes the objects of analysis within the text (certain characters of Bulgakov's works, images of the garden, light and darkness, the house and the road, spatial and temporal

organization of the works, the motif of duality, specific lexical-semantic word groups). The article characterizes the main aspects of studying parentheses as expressive syntactic constructions (from the point of view of creating inner dialogue in modern media speech, in structural and semantic aspects (from the position of grammar), the role of parentheses in creating a comic effect in literary text, the hidden additional poly-predicativity expressed by the parenthesis, the meta-linguistic function of parentheses in literary text, the specifics of non-regulated punctuation with parenthetical words). The analysis reveals the most characteristic functions of parentheses in creating a comic effect in M. A. Bulgakov's prose (the parenthetical construction serves as: a marker of ironic perception, a marker of changing the stylistic or evaluative register, a marker of logical error, a marker of contrast between insignificance of the given detail and actualization as a technique, a marker of contrast between optional information and informatively significant unfolding of the plot, a marker of a cardinal change of information or its evaluation, a marker of a change in the subject-speech plan of the text, a marker of actualizing another space-time plan of the text, a marker of modeling a comic situation).

Key words: comic; irony; parenthesis; parenthetical word; logical error; evaluative information; space-time plan; subject-speech plan

For citation: Kulakovskiy M. N. Parentheses as markers of irony actualization in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(3):57–64. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_57. <https://elibrary.ru/XKUOZL>

Введение

Творчество М. А. Булгакова достаточно давно привлекает внимание ученых. Однако интерес к его текстам проявляют и современные исследователи. Так, произведения М. А. Булгакова анализируются в аспекте природы мистического [Немцев, 2020], интертекстуальных связей в прозе [Доронина, 2022] и драматургии [Кузнецов, 2022], реализации авторского замысла [Колышева, 2021], утопических мотивов [Файзрахманова, Козлова, 2020].

Объектом анализа становятся конкретные персонажи произведений Булгакова [Платонова, 2020], образы сада [Авдонина, Жабо, 2022], света и тьмы [Дождикова, 2021], дома и дороги [Бердяева, 2021], пространственно-временная организация произведений [Бесаева, 2020], мотив двойничества [Новикова, 2022], конкретные лексико-семантические группы слов [Гладких, Жуйкова, 2022].

Внимание исследователей привлекают и средства создания комического эффекта, актуализации авторской иронии. В частности, с данной точки зрения анализируются произведения А. П. Платонова [Небренчина, 2021], М. М. Зощенко [Богачева, Ярошенко, 2021], Н. А. Тэффи [Вороничев, 2022], С. Д. Довлатова [Кулаковский, 2010], пьесы М. А. Булгакова [Головчинер, Веснина, 2021]. В качестве материала исследования выступает развлекательный радиоэфир [Букина, 2021] и политический газетный дискурс [Семенова, 2021]. Объектом анализа в данном аспекте становятся фразеологизмы [Бондаренко, 2021], вставные конструкции [Кулаковский,

2017], метафора [Стоянова, 2020], гипербола [Печеникина, 2021].

Вводные слова (как конструкции экспрессивного синтаксиса) также становятся объектом пристального внимания лингвистов. В частности, они анализируются с точки зрения создания внутренней диалогичности в современной медиаречи [Прохватилова, 2020], вводные сочетания (с глаголами *говорить* и *сказать*) характеризуются в структурном и семантическом аспектах (с позиции грамматики конструкций) [Скребцова, 2022], описывается роль вводных конструкций при создании комического эффекта в художественном тексте [Кулаковский, 2004], анализируется скрытая дополнительная полипредикативность, выражаемая вводным компонентом [Тимошенко, 2022], метаязыковая функция вводных предложений в художественном тексте [Родионова, 2021], рассматриваются особенности нерегламентированной пунктуации при вводных словах [Кузнецова, Почтарёва, 2021].

Вводные конструкции в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Регулярное использование вводных конструкций как средства актуализации иронии является яркой стилевой чертой прозы М. А. Булгакова. Рассмотрим особенности функционирования данного средства на примере романа «Мастер и Маргарита».

Наиболее активно для создания комического эффекта Булгаков использует вводные слова, выражающие неуверенность:

Важное сведение, по-видимому, действительно произвело на путешественника сильное впечатление, потому что он испуганно обвел

глазами все вокруг дома, как бы опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту [Булгаков, 1999].

Создание комического эффекта в данном случае связано с актуализацией противоречия между формальной логической мотивировкой представленной информации и сомнением в этой мотивировке, переданным с помощью вводной конструкции. Таким образом, вводное слово становится для читателя своеобразным маркером критического и иронического восприятия последующей информации. При этом информативное развертывание текста строится по следующей схеме:

вводная конструкция как маркер иронического восприятия – базовая ситуативная или оценочная информация – формальная логическая мотивировка, передающая авторскую иронию и заставляющая вернуться к предтексту.

С помощью вводного слова может актуализироваться банальность авторского объяснения определенного поведения персонажа:

На лестницу выбежал секретарь филиала и, видимо, сгорая от стыда и смущения, заговорил заикаясь... [Булгаков, 1999].

В подобных случаях автор заставляет читателя самостоятельно оформить последнее звено в логике авторской иронии, сопоставив мотивировочную информацию с уже сформировавшейся оценкой читателя:

И, будучи, видимо, не в силах сдержать себя, Коровьев клюнул носом в стену рядом с зеркалом и стал содрогаться в рыданиях [Булгаков, 1999].

Структура формирования комического меняется следующим образом:

вводная конструкция как маркер иронического восприятия – банальная мотивировочная информация – формальная ситуативная информация, заставляющая вернуться к предтексту и подключить сформировавшуюся оценку читателя.

Используемое автором вводное слово может выступать в качестве маркера оценочной градации:

При этом неуместном и даже, пожалуй, хамском вопросе лицо Аркадия Аполлоновича изменилось, и весьма резко изменилось [Булгаков, 1999].

Вводная конструкция актуализирует переход от нейтральной к явно сниженной оценке, оформляя тем самым некую уступку со стороны повествователя:

нейтральная оценка – вводная конструкция как маркер изменения стилевого или оценочного регистра – сниженная оценка.

С другой стороны, вводное слово сглаживает оценочный контраст, подготавливая читателя к восприятию комического и делая авторскую иронию более тонкой:

Будучи по природе вообще подозрительным человеком, он [Никанор Иванович] заключил, что разлагольствующий перед ним гражданин – лицо именно неофициальное, а пожалуй, и праздное [Булгаков, 1999].

При этом необходимо отметить, что авторская ирония актуализируется и за счет постпозиции оценочной информации.

В других случаях градация приобретает социально-оценочный характер:

Вся эта глупейшая, бестактная и, вероятно, политически вредная вещь заставила гневно содрогаться Павла Иосифовича... [Булгаков, 1999].

Схема создания комического при этом несколько модифицируется:

оценочная информация – вводная конструкция как маркер изменения стилевого или оценочного регистра – социально значимая оценка (представляющая для персонажа определенную угрозу).

Вводная конструкция может выступать в качестве маркера актуализации логической ошибки:

Сиреневый, провалившись в кадку, на чистом русском языке, без признаков какого-либо акцента, вскричал:

– Убивают! Милицию! Меня бандиты убивают! – очевидно, вследствие потрясения, внезапно овладев до тех пор неизвестным ему языком [Булгаков, 1999].

Логическая ошибка основывается на противопоставлении формальных выводов, связанных с внешним, формально-ситуативным восприятием событий (тем, что иностранец не должен свободно говорить на русском языке), и уже понятной для читателя ситуации. Таким образом, комическое строится по следующей схеме:

ситуативная информация, адекватно воспринимаемая читателем – вводная конструкция как маркер логической ошибки – комически воспринимаемая формально-логическая мотивировка ситуации.

Авторская ирония может базироваться на логической ошибке в выводе:

По виду – лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец [Булгаков, 1999].

При этом вводное слово служит маркером пе-

рехода от зрительного плана восприятия к плану ментально-оценочному, а комическое строится на нелогичности вывода, противоречивости конкретного логического хода. Структура создания комического:

детализация зрительного плана – вводная конструкция как маркер логической ошибки – противоречивый вывод, актуализирующий авторскую иронию.

В других случаях создание комического эффекта строится на актуализации автором незначимой детали:

Этот второй, будучи, очевидно, левшой, съездил администратора по другому уху [Булгаков, 1999].

При этом возникает следующая коллизия: незначимость выделяемой детали вступает в противоречие со значимостью актуализации как приема. Схема создания комического:

вводная конструкция как маркер актуализации информации – незначимость детали, вступающая в противоречие с приемом актуализации.

Комическое может основываться и на минимальности информативно-логической уступки:

В ярком свете сильнейших уличных фонарей он увидел на тротуаре внизу под собой даму в одной сорочке и панталонах фиолетового цвета. На голове у дамы, правда, была шляпка, а в руках зонтик [Булгаков, 1999].

В этом случае представлена следующая схема комического:

комическая ситуация – вводная конструкция как маркер актуализации информации – детализация, подчеркивающая незначительность уступки и актуализирующая иронию.

Авторская ирония может строиться на противоречии, возникающем между вводной конструкцией и основным контекстом. В частности, вводная конструкция может семантически подчеркивать факультативность, необязательность последующей информации, а дальнейший контекст – отражать важные, значимые для развития сюжета события:

Между прочим, Лиходеев, по собственной его просьбе, был заключен в надежную камеру [Булгаков, 1999].

Схема комического:

вводная конструкция, подчеркивающая факультативность представленной далее информации – информативно значимое развертывание текста.

Подобная информация в тексте романа может

выстраиваться в развернутую систему художественных образов (с переключением пространственно-временного плана):

Тот самый Прохор Петрович, председатель главной зрелищной комиссии... Кстати: он вернулся в свой костюм немедленно после того, как милиция вошла в его кабинет, к испуганной радости Анны Ричардовны и к великому недоумению зря потревоженной милиции. Еще кстати: вернувшись на свое место, в свой серый полосатый костюм, Прохор Петрович совершенно одобрил все резолюции, которые костюм наложил во время его кратковременного отсутствия [Булгаков, 1999].

С помощью вводной конструкции может вводиться информация, противоречащая предтексту или кардинально изменяющая его:

Там с Никанором Ивановичем ... вступили в разговор, но разговор вышел какой-то странный, путаный, а вернее сказать, совсем не вышел [Булгаков, 1999].

В этом случае выстраивается следующая схема комического:

базовая информация – оценочная детализация информации – вводная конструкция как маркер кардинального изменения информации или ее оценки – информация (или оценка), противоречащая базовой.

Вводная конструкция может выступать в качестве маркера изменения субъектно-речевого плана текста:

Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш [Булгаков, 1999].

Схема комического при этом выглядит следующим образом:

авторский вариант (варианты) речевого оформления – вводная конструкция как маркер изменения субъектно-речевого плана текста – элемент субъектно-речевого плана персонажа, создающий иронию.

С помощью вводной конструкции может актуализироваться и переключение пространственно-временных планов текста:

Итак, Степа застал. Он хотел позвать домработницу Груню и потребовать у нее пирамидону, но все-таки сумел сообразить, что это глупости... Что никакого пирамидону у Груни, конечно, нету. Попытался позвать на помощь

Берлиоза, дважды протонал: «Миша... Миша...», но, как сами понимаете, ответа не получил [Булгаков, 1999].

Автор заставляет читателя обратиться к предтексту и вспомнить уже известную комическую ситуацию. Таким образом, выстраивается следующая схема формирования иронии:

информация в рамках текущего повествования – вводная конструкция как маркер актуализации другого пространственно-временного плана – информация в рамках текущего повествования, мотивированная комической ситуацией, представленной в предтексте.

Актуализироваться может и временной план будущего. В этом случае автор предлагает читателю самостоятельно смоделировать дальнейшее развитие описываемой ситуации:

Первая из них, как вскоре выяснилось при составлении протокола, была супругой Аркадия Аполлоновича ... [Булгаков, 1999].

Схема комического в этом случае выглядит следующим образом:

информация в рамках текущего повествования – вводная конструкция как маркер актуализации другого пространственно-временного плана и моделирования комической ситуации – информация в рамках текущего повествования.

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ позволил вычленить основные структурно-логические схемы создания комического эффекта с включением вводных конструкций, представленные в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

- вводная конструкция как маркер иронического восприятия – базовая ситуативная или оценочная информация – формальная логическая мотивировка, передающая авторскую иронию и заставляющая вернуться к предтексту,

- вводная конструкция как маркер иронического восприятия – банальная мотивировочная информация – формальная ситуативная информация, заставляющая вернуться к предтексту и подключить сформировавшуюся оценку читателя,

- нейтральная оценка – вводная конструкция как маркер изменения стилового или оценочного регистра – сниженная оценка,

- оценочная информация – вводная конструкция как маркер изменения стилового

или оценочного регистра – социально значимая оценка (представляющая для персонажа определенную угрозу),

- ситуативная информация, адекватно воспринимаемая читателем – вводная конструкция как маркер логической ошибки – комически воспринимаемая формально-логическая мотивировка ситуации,

- детализация зрительного плана – вводная конструкция как маркер логической ошибки – противоречивый вывод, актуализирующий авторскую иронию,

- вводная конструкция как маркер актуализации информации – незначимость детали, вступающая в противоречие с приемом актуализации,

- комическая ситуация – вводная конструкция как маркер актуализации информации – детализация, подчеркивающая незначительность уступки и актуализирующая иронию,

- вводная конструкция, подчеркивающая факультативность представленной далее информации – информативно значимое развертывание текста,

- базовая информация – оценочная детализация информации – вводная конструкция как маркер кардинального изменения информации или ее оценки – информация (или оценка), противоречащая базовой,

- авторский вариант (варианты) речевого оформления – вводная конструкция как маркер изменения субъектно-речевого плана текста – элемент субъектно-речевого плана персонажа, создающий иронию,

- информация в рамках текущего повествования – вводная конструкция как маркер актуализации другого пространственно-временного плана – информация в рамках текущего повествования, мотивированная комической ситуацией, представленной в предтексте,

- информация в рамках текущего повествования – вводная конструкция как маркер актуализации другого пространственно-временного плана и моделирования комической ситуации – информация в рамках текущего повествования.

Следовательно, выделяются следующие базовые функции вводных конструкций при актуализации иронии:

- вводная конструкция как маркер

иронического восприятия,

- вводная конструкция как маркер изменения стилового или оценочного регистра,
- вводная конструкция как маркер логической ошибки,
- вводная конструкция как маркер контраста между незначимостью представленной детали и актуализацией как приемом,
- вводная конструкция как маркер контраста между факультативностью информации и информативно значимым развертыванием текста,
- вводная конструкция как маркер кардинального изменения информации или ее оценки,
- вводная конструкция как маркер изменения субъектно-речевого плана текста,
- вводная конструкция как маркер актуализации другого пространственно-временного плана текста,
- вводная конструкция как маркер моделирования комической ситуации.

Библиографический список

1. Авдонина М. Ю., Жабо Н. И. Лингвокультурема «сад» в романах М. А. Булгакова // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1(41). С. 86–99.
2. Бердяева О. С. Дом и дорога в рассказах М. А. Булгакова 20-х годов // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 12–17.
3. Бесаева М. Р. Категории времени и пространства в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Интернаука. 2020. № 1-2 (130). С. 19–20.
4. Богачева И. В., Ярошенко Д. Т. Комическое в произведениях М. М. Зощенко // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 6 (57). С. 281–286.
5. Бондаренко В. Т. О смехе в русской фразеологии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. № 1 (5). С. 69–75.
6. Букина Т. Г. Средства создания комического эффекта в развлекательном радиоэфире // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 2. С. 35–43.
7. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. Москва: Голос, 1999. 608 с.
8. Вороничев О. Е. Средства выражения иронической экспрессии в рассказах Н. А. Тэффи (к 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83. № 3. С. 53–64.
9. Гладких Ю. Г., Жуйкова А. С. Лексико-семантические группы причастий и их роль в создании образов главных героев романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Наука и школа. 2022. № 3. С. 30–40.
10. Головчинер В. Е., Веснина Т. Л. Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов. Томск: Издательство Томского университета, 2021. 140 с.
11. Дождикова Н. А. Свет и тьма в художественном мире М. Булгакова // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 33–37.
12. Доронина Т. В. Интертекстуальный уровень содержания и роль интертекста в коммуникативном пространстве романов М. А. Булгакова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 2 (45). С. 114–123. С. 12–17.
13. Кольшева Е. Ю. Пространство «вечного дома» в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 107–118.
14. Кузнецов И. В. Акценты интертекста в «Багровом острове» Михаила Булгакова // Театр и драма: эстетический опыт эпохи. 2022. № 9. С. 50–59.
15. Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В. Нерегламентированная пунктуация при вводных словах: тире и двоеточие // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 23–30.
16. Кулаковский М. Н. Вводные конструкции как средство создания комического // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). С. 31–35.
17. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции как средство создания иронии в повести С. Довлатова «Ремесло» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. Т. 1. С. 166–169.
18. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции как средство создания комического в художественном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 4. С. 90–96.
19. Небренчина А. В. Приемы и способы выражения комического в языке художественной прозы А. П. Платонова // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Материалы Всероссийского научно-практического форума. Воронеж, 2021. С. 154–158.
20. Немцев В. И. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: природа мистического // Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью. Коллективная монография. Санкт-Петербург, 2020. С. 305–347.
21. Новикова Ю. В. Мотив двойничества в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Наука и школа. 2022. № 3. С. 30–40.
22. Печеникина А. А. Гипербола как прием создания комических эффектов в художественном тексте // Modern Science. 2021. № 4-3. С. 425–427.
23. Платонова М. Р. Лингвистическая реконструкция образа Понтия Пилата в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Актуальные исследования. 2020. № 12 (15). С. 38–40.
24. Прохвятилова О. А. Внутренняя диалогичность современной медиаречи // Вестник Волгоград-

ского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 150–158.

25. Родионова И. Г. Метаязыковая функция вводных предложений с союзом если в произведениях К. Г. Паустовского // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. № 2 (6). С. 109–118.

26. Семенова А. В. Языковая реализация комического в политическом газетном дискурсе // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 38. С. 1104–1109.

27. Скребцова Т. Г. Вводные сочетания с глаголами говорить и сказать: взгляд с позиции грамматики конструкций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 5. С. 108–117.

28. Стоянова Е. В. Метафора в контексте комического в медиатексте // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 2. С. 225–237.

29. Тимошенко Е. И. Вводные слова и конструкции как признак семантической неэлементарности предложения // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина. 2022. № 1 (59). С. 135–139.

30. Файзрахманова А. А., Козлова К. О. Об утопических мотивах в публицистике М. А. Булгакова // Казанская наука. 2020. № 3. С. 24–26.

Reference list

1. Avdonina M. Ju., Zhabo N. I. Lingvokul'turema «sad» v romanah M. A. Bulgakova = Linguocultureme «garden» in M. A. Bulgakov's novels // Vestnik MGPU. Serija «Filosofskie nauki». 2022. № 1(41). S. 86–99.

2. Berdjaeva O. S. Dom i doroga v rasskazah M. A. Bulgakova 20-h godov = Home and road in M. A. Bulgakov's stories of the 1920s // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 1 (34). S. 12–17.

3. Besaeva M. R. Kategorii vremeni i prostranstva v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = Time and space categories in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» // Internauka. 2020. № 1-2 (130). S. 19–20.

4. Bogacheva I. V., Jaroshenko D. T. Komicheskoe v proizvedenijah M. M. Zoshhenko = The comic element in M. M. Zoshchenko's works // Alleja nauki. 2021. Т. 1. № 6 (57). S. 281–286.

5. Bondarenko V. T. O smehe v russkoj frazeologii = On laughter in Russian phraseology // Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykoznanie. 2021. № 1 (5). S. 69–75.

6. Bukina T. G. Sredstva sozdanija komicheskogo jefekta v razvlekatel'nom radiojefire = Means of creating a comic effect in entertaining radio programs // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. 2021. Т. 27. № 2. S. 35–43.

7. Bulgakov M. A. Sobranie sochinenij: V 10 t. T. 9 = Collected works: in 10 vols. V. 9. Moskva : Golos, 1999. 608 s.

8. Voronichev O. E. Sredstva vyrazhenija ironicheskoj jekspressii v rasskazah N. A. Tjeffi (k 150-letiju so dnja

rozhdenija) = Means of ironic expression in N. A. Teffi's stories (to the 150th anniversary of her birth) // Russkij jazyk v shkole. 2022. Т. 83. № 3. S. 53–64.

9. Gladkih Ju. G., Zhujkova A. S. Leksiko-semanticheskie grupy prichastij i ih rol' v sozdanii obrazov glavnyh geroev romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = Lexical-semantic groups of participles and their role in creating the images of the main characters in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» // Nauka i shkola. 2022. № 3. S. 30–40.

10. Golovchiner V. E., Vesnina T. L. Komicheskoe v p'esah M. Bulgakova 1920-h godov = The comic element in M. Bulgakov's plays of the 1920s. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2021. 140 s.

11. Dozhdikova N. A. Svet i t'ma v hudozhestvennom mire M. Bulgakova = Light and darkness in M. Bulgakov's artistic world // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 1 (34). S. 33–37.

12. Doronina T. V. Intertekstual'nyj uroven' soderzhanija i rol' interteksta v kommunikativnom prostranstve romanov M. A. Bulgakova = Intertextual level of content and the role of intertext in communicative space of M. A. Bulgakov's novels // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2022. № 2 (45). S. 114–123. S. 12–17.

13. Kolyshcheva E. Ju. Prostranstvo «vechnogo doma» v istorii teksta romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = The space of the «eternal home» in the story of M. A. Bulgakov's novel The Master and Margarita // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2021. № 1. S. 107–118.

14. Kuznecov I. V. Akcenty interteksta v «Bagrovom ostrove» Mihaila Bulgakova = Intertextual accents in Mikhail Bulgakov's The Crimson Island // Teatr i drama: jesteticheskij opyt jepohi. 2022. № 9. S. 50–59.

15. Kuznecova N. V., Pochtarjova O. V. Nereglamentirovannaja punktuacija pri vvodnyh slovah: tire i dvoetochie = Unregulated punctuation in parenthesis: dashes and colons // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 470. S. 23–30.

16. Kulakovskij M. N. Vvodnye konstrukcii kak sredstvo sozdanija komicheskogo = Parenthetical constructions as a means of creating the comical // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2004. № 3 (40). S. 31–35.

17. Kulakovskij M. N. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo sozdanija ironii v povesti S. Dovlatova «Remeslo» = Parenthetical constructions as a means of creating irony in S. Dovlatov's story «The Craft» // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. № 3. Т. 1. S. 166–169.

18. Kulakovskij M. N. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo sozdanija komicheskogo v hudozhestvennom tekste = Parenthetical constructions as a means of creating the comical in literary text // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2017. № 4. S. 90–96.

19. Nebrenchina A. V. Priemy i sposoby vyrazhenija komicheskogo v jazyke hudozhestvennoj prozy A. P. Platonova = Methods and ways of expressing the comical in A. P. Platonov's prose // Problemy gumanitarnyh nauk i

obrazovanija v sovremennoj Rossii. Materialy Vserossijskogo nauchno-praktičeskogo foruma. Voronezh, 2021. S. 154–158.

20. Nemcev V. I. Roman Mihaila Bulgakova «Master i Margarita»: priroda mističeskogo = Mikhail Bulgakov's novel The Master and Margarita: nature of the mystical // Roman M. Bulgakova «Master i Margarita»: dialog s sovremennost'ju. Kollektivnaja monografija. Sankt-Peterburg, 2020. S. 305–347.

21. Novikova Ju. V. Motiv dvojnichestva v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = The motif of duplicity in M. A. Bulgakov's novel The Master and Margarita // Nauka i shkola. 2022. № 3. S. 30–40.

22. Pechenikina A. A. Giperbola kak priem sozdanija komičeskikh jeffektov v hudozhestvennom tekste = Hyperbole as a technique for creating comic effects in literary text // Modern Science. 2021. № 4-3. S. 425–427.

23. Platonova M. R. Lingvističeskaja rekonstrukcija obraza Pontija Pilata v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = Linguistic reconstruction of the image of Pontius Pilate in M. A. Bulgakov's novel The Master and Margarita // Aktual'nye issledovanija. 2020. № 12 (15). S. 38–40.

24. Prohvatilova O. A. Vnutrennjaja dialogičnost' sovremennoj mediareči = Inner dialogue in contemporary media speech // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2020. T. 19. № 2. S. 150–158.

25. Rodionova I. G. Metajazykovaja funkcija vvodnyh predlozhenij s sojuzom esli v proizvedenijah K. G. Paustovskogo = The meta-linguistic function of parenthetical sentences with the conjunction if in K. G. Paustovsky's works // Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykoznanie. 2021. № 2 (6). S. 109–118.

26. Semenova A. V. Jazykovaja realizacija komičeskogo v političeskom gazetnom diskurse = Linguistic realization of the comical in political newspaper discourse // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 38. S. 1104–1109.

27. Skrebcova T. G. Vvodnye sochetanija s glagolami govorit' i skazat': vzgljad s pozicii grammatiki konstrukcij = Parenthesis with verbs to speak and to say: a structural grammar perspective // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2022. T. 21. № 5. S. 108–117.

28. Stojanova E. V. Metafora v kontekste komičeskogo v mediatekste = Metaphor in terms of the comical in media text // Medialingvistika. 2020. T. 7. № 2. S. 225–237.

29. Timoshenko E. I. Vvodnye slova i konstrukcii kak priznak semantičeskoj nejelementarnosti predlozhenija = Parenthetical words and constructions as a sign of a semantically non-elementary sentence // Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. I. P. Shamjakina. 2022. № 1 (59). S. 135–139.

30. Fajzrahmanova A. A., Kozlova K. O. Ob utopičeskikh motivah v publicistike M. A. Bulgakova = On utopian motifs in M. A. Bulgakov's publicist work // Kazanskaja nauka. 2020. № 3. S. 24–26.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 03.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 10.05.2023; approved after reviewing 03.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья

УДК 811

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_65

EDN: YDQIWG

Наименования лиц в произведениях А. П. Чехова (на примере рассказов 1880–1887 гг.)

Марина Анатольевна Дрога¹✉, Наталия Владимировна Юрченко²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14

²Старший преподаватель кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14

¹droga84@rambler.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-3077-5803>

²yuna27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7455-6357>

Аннотация. Изучением особенностей языка А. П. Чехова занимались немало исследователей, но конкретной научно-исследовательской работы по изучению номинации лиц в творчестве Чехова написано не было. Таким образом, актуальность избранной темы заключается в необходимости специального изучения данного пласта лексики на материале рассказов А. П. Чехова. Цель исследования – изучение и классификация лексики, называющей человека, в рассказах А. П. Чехова. В работе анализируются имена существительные и выражения, характеризующие человека по какому-либо признаку. Делается попытка тематической классификации подобных лексических единиц в исследовательской литературе. Авторы предлагают свою классификацию проанализированных лексических единиц по тематическим группам. Результаты распределения по тематическим группам показывают, что, во-первых, группа образных наименований лиц является самой объемной; во-вторых, описание лексики по тематическим разрядам способствует групповому принципу семантизации и подтверждает богатство русского языка, и языка Чехова как писателя в частности; в-третьих, в названной группировке учитываются стилистико-семантические и словообразовательные особенности слов, что дает понятие о стилистике и словообразовании в литературном и разговорном языке (разговорном, так как герои Чехова говорят языком народным) в конце XVIII века.

Тематическая группа существительных, называющих лицо, представлена в произведениях А. П. Чехова широко. Так, в ней выделяются наименования лиц по сословию, возрасту, родственным связям, по профессии, образованию, национальности. Встречаются даже номинации, указывающие на цвет волос. Особую подгруппу слов составляют имена собственные. Малочисленной выглядит группа наименований лиц, представляющих собой субстантивированные прилагательные. Более детальная классификация номинаций по материалам рассказов Чехова представляется перспективной в исследовательском отношении.

Ключевые слова: творчество А. П. Чехова; наименования лиц; тематические группы; семантические особенности; имена существительные; имя собственное; номинации; народный язык

Для цитирования: Дрога М. А., Юрченко Н. В. Наименования лиц в произведениях А. П. Чехова (на примере рассказов 1880–1887 гг.) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 65–72. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_65. <https://elibrary.ru/YDQIWG>

Original article

Personal names in A. P. Chekhov's works (based on 1880–1887 short stories)

Marina A. Droga¹✉, Natalia V. Yurchenko²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language, professional speech and intercultural communication, Belgorod state national research university. 308007, Belgorod, Studencheskaya st., 14

²Senior lecturer at the department of the russian language, professional speech and intercultural communication, Belgorod state national research university. 308007, Belgorod, Studencheskaya st., 14

¹droga84@rambler.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-3077-5803>

²yuna27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7455-6357>

Abstract. A number of scholars have been studying the specifics of A. P. Chekhov's language, but no particular research work has been written on the study of persons' names in Chekhov's works. Thus, the relevance of the chosen topic lies in the need for a special study of this layer of vocabulary based on the material of A. P. Chekhov's stories. The purpose of the research is to study and classify the vocabulary naming people in A. P. Chekhov's short stories. The article analyzes the nouns and expressions that characterize a person according to a certain attribute. The authors attempt a thematic classification of such lexical units in the research literature. The results of thematic group distribution show that, firstly, the group of figurative person's names is the most voluminous; secondly, the description of vocabulary by thematic categories contributes to the group principle of semantics and confirms the richness of the Russian language and in particular Chekhov's language as a writer; thirdly, this grouping takes into account the stylistic, semantic and word-formation vocabulary features, which gives an idea of stylistics and derivational morphology in the literary and colloquial language (colloquial, since Chekhov's heroes speak the vernacular) at the end of XVIII century.

The thematic group of nouns naming people is widely represented in A. P. Chekhov's works. For example, it distinguishes names of persons by class, age, kinship, profession, education, nationality and even by hair color. A special lexical subgroup contains proper names. The group of names, which are substantivized adjectives, is rather less numerous. A more detailed classification of nominations based on Chekhov's short stories seems promising in terms of further research.

Key words: A. P. Chekhov's work; names of people; thematic groups; semantic features; nouns; proper names; nominations; vernacular language

For citation: Droga M. A., Yurchenko N. V. Personal names in A. P. Chekhov's works (based on 1880–1887 short stories). *Verhnevolski philological bulletin.* 2023;(3):65–72. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_65. <https://elibrary.ru/YDQIWG>

О языке Чехова можно говорить бесконечно. Чехов гармоничен, как Пушкин, все у него соразмерно и стройно: ни судорог, ни гримас, ни надрывов. Гениальная простота его стиля до сих пор не оценена по достоинству. Нужна была великая воля и мужественность ясной и несуетливой души, чтобы выработать такой стальной и лаконичный стиль [Чуковский, 1967, с. 602].

В языковых реалиях соседствуют различные наименования лиц, имеющих схожие интересы, профессии, род деятельности, территориальную принадлежность и т. п. Подобные обозначения формируют весомый пласт лексических групп в языке. Как отмечают ученые-лингвисты, практически все из них имеют словообразовательную систему, употребляются в единственном и множественном числе. О важности указанных номинаций в жизни человека позволяют говорить антропонимы. Среди них представлены не только имена собственные [Суперанская, 1998, с. 8].

В нашем исследовании тематическую группу (далее – ТГ) составляют имена существительные, называющие лицо. Представим свою общую классификацию имен существительных по ТГ, называющих человека, прежде чем перейдем к более подробному рассмотрению каждой группы.

Денотативный признак классификации (нарицательных)	Примеры
сословия	<i>Купец, князь, крестьянин</i>
возраст	<i>Старик, мальчик, девушка</i>
родственные связи	<i>Папа, брат, дочь</i>
профессии	<i>Кухарка, смазчик, художник</i>

Наименования степени священства и церковной иерархии	<i>Игуменья, дьячок, наместник</i>
Чинovníчьи должности и чины	<i>Губернатор, полицеймейстер, тайный советник</i>
образование	<i>Губернантика, наставник, ученик</i>
национальность	<i>Армянин, еврей, англичанка</i>
цвет волос	<i>Брюнет, блондин</i>
Обозначение женщины по профессии мужа	<i>Становиха, докторша, генеральша</i>
Суд	<i>Экзекутор, защитник, нотариус</i>
Военные должности и чины	<i>Военный писарь, корнет, унтер</i>
Прочие номинации	<i>Приятель, спутник, бедняк Начальство, пассажир, знаток</i>

Отдельно выделим группу имен собственных [Никонов, 1993, с. 145]:

Имена собственные (ИС)	<i>Адам, Надежда Львовна Кандурина, Соня</i>
ФИО реальных писателей	<i>Достоевский, Лесков, Печерский</i>

Группу лиц, названных субстантивированными именами прилагательными:

Субстантивированные имена прилагательные	<i>Святой, часовой, православный</i>
--	--------------------------------------

1.1. Слова, называющие человека в сословии. Богато и разнообразно представлена ТГ *сословия*. Мы найдем у Чехова представителей всех сословий, от самого высокого до низшего. Представим следующую градацию: *царь, государь, царевич, король, шах; граф, князь, аристократ,*

дворянин; купец второй гильдии, боярыня, помещик; мужик, крестьянин, крестьянка; нищий; наложница, раб, невольник (назовем его низшим, либо можно сказать, что стоит вне сословий).

1.2. Номинации лиц по возрасту. В группе *возраст* представлены все возрастные уровни, хотя и неполно (например, отсутствует слово *мужчина*, которое должно здесь выражать понятие *человек мужского пола среднего возраста*): *младенец, карапуз, ребята, девочка, мальчик, хлопче, мальчишка, девица, девушка, парень, женщина, старикашка, старичок, старче, старик, старушка, старушечка, старуха.*

Обращает внимание, что понятие *старый человек* имеет самую широкую парадигму: с помощью суффиксов (-*ашк*-; -*ок*-, -*ушк*-, -*к*-) Чехов образует множество вариантов слова *старик* и *старуха*, что наполняет одно понятие несколькими образами, по-разному представленными автором.

1.3. Названия лиц по родственным связям. Обилие словесного материала, собранного из рассказов А. П. Чехова, позволяет ТГ *родственные связи* можно разделить на три подгруппы: 1) близкие родственные связи: *Супруги, папа, папаша, отец, бабушка, батька, родитель, муж, жена, жена, мамаша, маменька, матушка, сестра, дочь, сынишка*; 2) дальние родственные связи: *Дядя, тетка, теща, племянник, пра-родитель, прапрадед, тетушка*; 3) «претенденты на родственную связь»: *Жених, опекун, наследник, любовница, бобыль.*

1.4. Номинация лиц по профессии.

Отличительными признаками для исследуемой группы слов являются содержание, форма, сочетаемость. Являясь прямыми, самодостаточными, частотными наименованиями, обозначения лица по профессии связаны конкретным лексическим значением (тот, кто что-л. делает), категориальным и семантическим значением (предмет, человек), грамматическим значением (одушевленность), формой (набор суффиксов и флексий), сочетаемостью, соотносительными рядами лексики, парадигматическими рядами и классами, смысловым объемом [Ефанова, 1989, с. 57].

Наименование деятеля обуславливается процессом действия или предметом, на который оно направлено, объемом и характером обязанностей.

Названия лиц по роду деятельности и профессии характеризуются полным семантическим соответствием с однокорневыми словами в прямом значении: *квас, квасить, квасной – квасник, кирпич, кирпичный – кирпичник; резать, резьба, рез-*

ной – резник и т. д. Указанная группа слов на деривационной оси структурируется в основном словообразовательными моделями с морфемными составляющими: -*чик/щик*, -*ец*, -*арь*, -(*н*)*ик*, -*тель* (редко).

1.4.1. Слова, называющие лица по занимаемой гражданской должности. В рассказах А. П. Чехова мы найдем следующие номинации лиц по профессии:

кучер, кухарка, смазчик, бурлак, огородник, пастух, пахарь, механик, садовник, охотник, мастер, ящик, косарь, кондуктор, работник, стрелочник, рыбовод, возница, слесарь, химик, агроном; швейцар, доктор, извозчик, слуга, сторож, горничная почтальон, камердинер, нянька, шарманщик, приказчик, нянюшка, дворник, бухгалтер, повитуха, проститутка, ключник, лакей, лавочник, палач, журналист, художник, секретарь, жандарм, археолог, писатель, письмоводитель, астроном, метафизик, конторщик, поэт, помощник архивариуса, писец, психолог, помощник письмоводителя, врач, администратор, управляющий, филозоф, актерка, ученый, фельдшер, казначей, писарь.

1.4.2. Слова, называющие лица по чиновничьим должностям и чинам ТГ чиновничьи должности и чины:

Губернатор, полицеймейстер, статский генерал (соответствует современному званию генерал-майора; может иметь 1–4 класс по табелю о рангах), *тайный советник* (соответствует современному званию генерал-майора; 3 класс), *коллежский секретарь* (соответствует современному званию старшего лейтенанта), *коллежский регистратор* (14 класс), *губернский чиновник особых поручений, чиновник, уездный предводитель дворянства, член торговой депутации, непрременный член училищного совета, член по крестьянским делам присутствия, председатель уезда, губернский секретарь* (соответствует современному званию лейтенанта; 12 класс) [Табель о рангах].

1.4.3. В изобилии представлен материал для выделения ТГ *суд*. Назовем три подгруппы в данной ТГ: сторона судебной власти: *защитник, правовед, судебный следователь, судебный пристав, урядник, товарищ прокурора, кандидат прав, прокурор, становой пристав, следователь, исправник, почетный мировой судья, нотариус, кандидат на судебные должности, экзекутор*; обвиняемые: *ответчик, преступник, подсудимый, каторжник, проситель*; свидетели/присяжные: *сви-*

детель, понятые, присяжные заседатели, присяжный, присяжный поверенный.

1.4.4. Часто героями чеховских рассказов становятся служивые люди, а также те, кто так или иначе связан с армией. Итак, представлены следующие военные должности и чины: военный писарь, корнет, унтер, воин, генерал, солдат, солдатик, войска Донского отставной урядник.

1.4.5. Нельзя не выделить мелкие семантические группы, содержащие в себе ограниченное количество лексем, но тем не менее тематическая связь между ними очень сильна. Приведем примеры нескольких таких мелких ТГ:

приятельские отношения: подруга, помощница, приятель, друг, товарищ, помощник; приверженцы взглядов: украинофил, нигилист, славянофил, идеалист, принципиалист, утопист; антонимическая группа достаток: богач, бедняк, денежный туз, миллионщик; положение после смерти кого-либо из родных или близких: вдова, вдовица, сирота; имеющие отношение к разговору: собеседник, рассказчик, автор; имеющие отношение к пути, как-либо связанные дорогой: странник, спутник, путник, незнакомец, прохожий, пассажир, знаток, бродяга; варианты помощника: пособник, помощница, помощник; дети: деточки, ребенок, детишки.

1.4.6. Последняя группа включает в себя довольно большой пласт имен существительных, называющих человека и характеризующих его с той или иной стороны. Этот пласт довольно сложно классифицировать. Приведем примеры: реформатор, инициатор, дикарь, владелица, банкрот, обитатель, интеллигент, весельщик, эксперт, поклонник, любитель, дачник, хозяин-старовер, спорщик, иностранец, страдальца, именинник, фанатик, полуночник, эманципе, сосед, старожил, утопленница, изгнанник, собиратель, носительница (идеалов).

1.5. Образные наименования лиц. ТГ образные наименования мы разделим на две большие подгруппы:

Образные наименования, положительно характеризующие человека и образные наименования, отрицательно характеризующие человека.

К первой подгруппе отнесем, например: голубчик, милая, сердяга, дружочек. Ко второй подгруппе: пень, гордец, злодей, деспот и пр.

1.6. Наименования лиц в зависимости от занимаемой ступени в церковной иерархии.

Данную ТГ можно классифицировать следующим образом: Наименования лиц по степени священства и положению в церковной иерархии:

наместник, ктитор (церковный староста), игуменья, иеродьякон, дьякон, священник, максимус понтифекс (верховный жрец), аббат, монашенка, архиерей, поп, ирей, пономарь, монах, архимандрит, дьячок, служка, послушник, иерей, иеромонах.

Варианты названия священника: поп, преосвященный, владыко, отец, пастырь, духовный отец.

Приверженцы вер: лютеранка, староверка
Отошедшие от церкви: маловер, атеист, безбожник

Имеющие отношение к церкви: старец, мученик, пророк, семинарист, прихожанин.

1.7. Номинация лиц, связанных с учебным процессом. В данной ТГ можно выделить 2 основные подгруппы: обучающие: наставник, приват-доцент, педагог, директор гимназии, гувернантка, учитель; обучаемые: ученик третьего класса, гимназист, кадет, школьник.

1.8. Названия лиц по национальностям.

Этнонимы – это такие групповые обозначения людей, которые выделяют лиц, обладающих определенными этническими характеристиками, из массы прочих людей, не обладающих этими характеристиками. [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 243].

К этнонимам мы относим: 1) названия наций и народов – древние слова с утраченной первоначальной семантикой: англичане, чехи, русские; 2) названия племен и племенных группировок – слова с сохранившейся или обретенной вторично этимологией – лангобарды, ивабы, поморяне.

Переходя к обозначениям лиц по их национальной принадлежности, отметим прежде всего неоднородность национальных обозначений. Принятое в настоящее время определение нации как исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, благодаря своей историчности справедливо главным образом для Европы наших дней, где давно сложились нации.

У Чехова в рассказах мы встретим такие национальности, сохранившиеся и до нашего времени: армянин, еврей, англичанка, татарин, цыган, серб, турок, казак. Все эти этнонимы относятся к первой группе – названия наций с утраченной первоначальной семантикой.

1.9. Имена существительные, называющие лицо по цвету волос. Брюнет, брюнетка, блондин. В рассказах Чехова мы редко встретим та-

кую номинацию лица, но писатель явно выделяет персонажа из ряда других, обращая внимание именно на цвет волос. У Чехова это либо единственная достойная внимания черта в облике героя, либо метко подмеченная черта у главного персонажа.

1.10. Названия лиц женского пола по профессии мужа. Мы решили выделить в отдельную группу слова, называющие *женщину по профессии мужа*, так как хотя таких наименований не очень много, но материала было найдено достаточно, чтобы выделить это в независимую ТГ:

Становиха, солдатка, докторша, попадья, дьячиха, генеральша, купчиха.

2. Собственные имена существительные.

Основная функция имени собственного – не обобщать, а выделять, и здесь заложенный в названии образ, обретает действенную силу.

Имена собственные живо реагируют на происходящие в природе и обществе изменения, поэтому они могут служить хронологизаторами текстов, а также исторических и археологических памятников [Щанин, 1989, с. 23]. В силу особой консервативности имен собственных они переживают эпоху, в которую они были созданы, сохраняя свидетельства более древнего состояния языка, и содержат большую языковую и внеязыковую информацию, получить которую можно только лингвистическими методами.

В. Г. Богораз-Тан отмечал, что в языке любого народа представлены лексемы, отражающие человека и его тело (*Кулак, Губа, Кривоног*), родственные отношения (*Безродный, Семибрат*), явления природы (*Гроза, Птаха*), материальную культуру (*Короб, Бублик*). [1.0.] Эти же группы лексем широко используются в антропонимии. Кроме того, в качестве антропооснов выступают слова, связанные с социальной культурой (*Бедный, Портной*), слова, отражающие физические отношения и параметры (*Косой, Крикун*), а также различные собственные имена, дающие косвенную характеристику именуемому (*Рождественский, Богоявленский*).

Рассмотрим реализацию этих категорий в именах перечисленных языков с привлечением как типовых, так и случайных (факультативных) антропооснов [Суперанская, 1988, с. 12].

Несмотря на то, что антропонимы относятся к именованию людей и только людей, этот единственный объект дает чрезвычайно сложный спектр категорий имен, что связано с историей культуры, особенностями психологии людей, с традициями и многим другим.

Как уже отмечалось, антропонимы бывают индивидуальные и групповые. Индивидуальные выделяют личность из коллектива, групповые – даются коллективам, выделяемым на основе тех или иных признаков. В нашей работе в силу поставленных задач мы будем рассматривать первую группу.

1. *Индивидуальные антропонимы.* Из диалектики восприятия личности ею самой и окружающими (человек воспринимает самого себя как некоторое единое и постоянное «я», окружающим же он представляется то маленьким ребенком, то юношей, то взрослым человеком, то стариком) возникает, с одной стороны, стремление к единому именованию лица на протяжении всей его жизни (как это принято у многих народов Европы) [Суперанская, 1973, с. 30–35].

Фамилии, то есть семейные имена, являются непосредственными преемниками родовых имен. Однако в отличие от последних фамилии – слова *pluralia tantum*: *Ивановы, Зайцевы, Песковские*.

2.1. Собственные имена существительные, называющие героев. В ТГ *Имена Собственные* можно сделать интересную классификацию:

1. К первой подгруппе отнесем обычные, часто встречающиеся имена и имена отчества:

Артем, Даниил, Алексей, Дарья, Иоанн (как вариант Ивана), Егор, Павел, Николай, Кузьма, Андрей, Степан, Иван, Прохор, Григорий, Мария, Яков, Максим, Петр, Ксения, Игнатий;

Матвей Петрович, Наталия Ивановна, Семен Петрович, Иван Потапыч, Михаил Владимирович, Вера Гавриловна, Раиса Ниловна, Софья Петровна, Андрей Андреич, Иван Сергееч, Марья Ивановна, Надежда Львовна, Гавриил Петрович, Иван Тимофеевич, Иван Михайлович, Марья Михайловна, Егор Дмитриевич, Павел Михайлович, Сергей Ивановч, Наталья Семеновна.

2. Ко второй подгруппе отнесем отчества (в случае, когда автор называет своих героев исключительно по отчеству):

Макарьевна, Гурьевна – в рассказах Чехова это в основном очень малозначительные, «закулисные» герои.

3. В третью подгруппу вошли фамилии:

Иваничкие, Григорьевы (преемники родовых имен)

Рогожин, Стручков, Гронтовский, Шабельский, Песков, Арцыбашев-Свистаковский, Дюковский, Кирилов, Абогин, Гнучев, Кунин, Ильин, Лубянцева, Иловайская, Аксакова, Кузнецов, Рябухин, Демьянов, Корейский, Понюхов, Боткин,

Лирманс, Грябов, Козихин, Макаров, Кандурин, Нарягин, Тупяков, Прокатилов.

В особый ряд поставим говорящие фамилии:

Пеньков – от *пень*, *пенек* – бессловесный подсудимый, который не может связно ни слова сказать в свое оправдание («В суде»);

Чаликов – от *чалый* – проворный молодой человек, протеже влиятельной дамы, «обскакавший» главного героя на служебной лестнице («Из дневника помощника бухгалтера»);

Тютюев – от *тютя* (*безвольный, слабый человек*) – вялый, малозаинтересованный в деле человек («Шведская спичка»);

Шашковский – от *шашика* – генерал, эпизодический герой (сб. «Вечерние сумерки»);

Лопухов – от *лопух* (перен.) – безвольный простоватый дьячок (сб. «В сумерках»);

Глоткин – от *глотка*, *глотать* – бухгалтер-пьяница («Из дневника помощника бухгалтера»);

Клещев – от *клещи* – секретарь-бюрократ, хватавшийся за посетителей, словно клещами («Из дневника помощника бухгалтера»);

Курицын – от *курица* – сморщенный старикашка, утративший былую власть и силу («На гвозде»);

Птаха – от *птаха*, *птица* – вольный могучий русский мужик, склонный к мечтаньям («Мечты»);

4. В эту подгруппу мы включили тех героев, которых автор называет по фамилии и имени отчеству сразу или по имени-фамилии:

Папчинский Александр Семенович, Огнев Иван Алексеевич, Никандр Сапожников, Быковский Евгений Петрович, Клязов Марк Иванович, Чубиков Николай Ермолаевич, Василий Семибулатов, Семен Чистоплюй, Лихарев Григорий Петрович, Савва Стукач, Агафья Стрельчиха, Савелий Гыкин, Николай Харламов, Червяков Иван Дмитрич, Отцов Федор Андрееч, Козулин Алексей Иванович, Дмитрий Кулдаров, Иван Дротов, Степан Луков.

5. В пятую группу входят уменьшительные имена. Сразу отметим, что это имена существительные, называющие либо детей, либо девушек-служанок:

Соня, Сережка, Акулька, Агаша, Петрушка, Варя, Саша, Машутка, Прошка, Верочка, Катя, Андрюшка, Николашка, Данилка, Наташа, Митька, Савка, Коля, Степа, Нина, Ваня.

6. Шестая подгруппа представляет собой особый интерес: в нее мы включили имена русские, но редкие (сегодня вышедшие из употребления):

Иероним, Авраамий, Нефед, Никодим, Акулина, Герасим, Нафанаил, Трофим, Парамон, Мат-

вей, Пелагея, Серафим, Марфа, Паусий, Амвросий, Лука.

В основном эти имена в рассказах носят служители церкви.

7. И в последнюю, седьмую подгруппу мы внесли иностранные имена, встречающиеся в рассказах Чехова:

Адам, Нана, Карл, Уилька Чарльзовна Тфайс, Вольдемар, Наср-Эддин, Луиза Ваценбах.

Большинство из этих имен служат для того, чтобы подчеркнуть ироническое отношение автора к персонажам.

2.2. Собственные имена существительные, называющие реальных писателей. Небольшую тематическую группу составляют *имена собственные, называющие реальных писателей: Достоевский, Лесков, Печерский, Пушкин*

В контексте у Чехова за этими явно невымышленными фамилиями подразумеваются известные люди, писатели.

В отдельную группу мы собрали разнообразные варианты номинации лица в понятии *человек*, как однословных, так и состоящих из сочетаний слов, встречающиеся у Чехова в изобилии:

Царь природы, личность, душа человеческая, человек, человек, непомнящий родства, натура, создание, лицо, субъект, силуэт, властитель мира.

3. Субстантивированные имена прилагательные. Эта ТГ очень широко представлена в изученных текстах. Мы насчитали около 30–40 имен прилагательных, употребляющихся в роли существительных (не считая повторений) в 23-х рассказах.

Православный, конвойный, дворовой, часовой, вошедший, больная, горничная, преосвященный, сотский, военный, управляющий, верховой, ученый, малый, милая, дорогая, каторжный, проезжий, несчастный, посторонний, виновный, влюбленный, знакомый, желающий, юридический, приезжая, неверующий.

Судящий, привилегированный, святой, хромой, председательствующий, заштатный.

Последний абзац можно отнести к именам прилагательным, которые употреблены Чеховым в роли имен существительных нетрадиционно, в нашей обычной речи такие прилагательные обычно имеют соседа-существительное (*святой человек, хромой мужчина, заштатный журналист*).

4. Имена существительные в функции обращения. Данную ТГ можно разделить на две части: обращения к женщине и обращения к мужчине. Обращения к женщине: *барыня, баба,*

боярышня, дамочка, дама, сударыня; обращения к мужчине: братец, сударик, парень, ваше высококородие, господин, ваше превосходительство, милостисдарь.

Можно отметить как явно иронические, даже пренебрежительные обращение (*дамочка, сударик*), так и совершенно традиционные, характерные для конца XIX – начала XX века (*боярышня, сударыня, ваше высококородие*).

«Выразительный язык художественной прозы Антона Павловича Чехова вызывает большой исследовательский интерес современных ученых, его произведения неоднократно становились объектом активного изучения в отечественной филологии» [Фокина, 2020, с. 60].

Проанализировав наименования лиц в произведениях А. П. Чехова, мы сделали вывод, что самой наполненной оказалась тематическая группа, называющих лицо по профессии или статусу, занимаемому в обществе. Данную группу мы разбили на несколько подгрупп в зависимости от рода занятий. Одной из малочисленных можно выделить ТГ наименований, обозначающих обращение к человеку. Более глубокая классификация может стать задачей нашего дальнейшего исследования.

«Лексический состав и структура выявленных семантических групп обусловлены тематикой произведений и авторскими задачами, а частотность использования той или иной лексемы – степенью ее востребованности в общественном сознании отражаемого исторического периода и степенью релевантности художественного сознания писателя» [Хади, 2007, с. 23].

Библиографический список

1. Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на земле. Основы этнографии. Москва–Ленинград : Наука, 1928.
2. Веди́на Т. Ф. Словарь личных имен. Москва : АСТ, 1999. 601 с.
3. Григоренко О. В. Об образных наименованиях лица в современном русском языке // Русский язык в школе. Москва, 2003. № 3. С. 84–87.
4. Громов М. П. Книга о Чехове. Москва : Современник, 1989. 384 с.
5. Ефанова Л. П. Лексическая семантика мотивированных наименований лица по роду деятельности и профессии в памятниках XVII века // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка: сб. научн. трудов. Свердловск : Свердловский государственный педагогический институт, 1989. С. 55–62.
6. Маклакова Е. А. Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная

специфика) : монография. Воронеж : Истоки, 2009. 353 с.

7. Никонов В. А. Словарь русских фамилий. Москва : Школа-пресс, 1993. 222 с.

8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. Москва, 2006. 942 с.

9. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва : Просвещение, 1976. 540 с.

10. Русский семантический словарь русского языка, систематизированный по классам слов и значений: в 2 т. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : Азбуковник, 1998. 807 с.

11. Светлова О. Ю., Пейжу Г. Существительные со значением лица в повести А. П. Чехова «Дуэль» // Общество. Наука. Инновации (НПК-2021): сборник статей XXI Всероссийской научно-практической конференции. В 2 т. Киров, 2021. С. 604–611.

12. Суперанская А. В. К проблеме типологии антропонимических основ // Ономастика. Типология. Стратиграфия. Москва : Наука, 1988. С. 8–19.

13. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Наука, 1973. С. 30–35, 174–179.

14. Суперанская А. В. Словарь личных русских имен. Москва : ООО «Фирма» Изд-во АСТ», 1998. 528 с.

15. Табель о рангах на 1913г. // Аргументы и факты. Москва, 1992. № 38–39.

16. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Введение в языкознание: Хрестоматия / под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1977. С. 142–150.

17. Фокина М. А. Метафорические характеристики персонажей в повести А. П. Чехова «Дуэль» // Верхневолжский филологический вестник, 2020. № 1. С. 59–65.

18. Хади Нахла Д. Существительные, называющие действующее лицо в прозе А. П. Чехова / ВГУ. Воронеж, 2007. 25 с.

19. Чехов А. П. Избран. соч.: В 2 т. Т.1. Москва : Художественная литература, 1979. 701 с.

20. Чуковский К. И. Еще о Чехове // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Москва : Художественная литература, 1967. С. 587–699.

21. Щанин В. А. Народные личные имена. Москва : Прометей, 1989. С. 23.

Reference list

1. Bogoraz-Tan V. G. Rasprostranenie kul'tury na zemle. Osnovy jetnografii = Spreading culture on the earth. Basic ethnography. Moskva–Leningrad : Nauka, 1928.
2. Vedina T. F. Slovar' lichnyh imen = Dictionary of Proper Names. Moskva : AST, 1999. 601 s.
3. Grigorenko O. V. Ob obraznyh naimenovanijah lica v sovremennom russkom jazyke = On figurative names for a person in the modern Russian language // Russkij jazyk v shkole. Moskva, 2003. № 3. S. 84–87.

4. Gromov M. P. *Kniga o Chehove = A book about Chekhov*. Moskva : Sovremennik, 1989. 384s.
5. Efanova L. P. *Leksicheskaia semantika motivirovannykh naimenovanij lica po rodu dejatel'nosti i professii v pamjatnikakh XVII veka = Lexical semantics of motivated people's names by occupation and profession in the XVII century manuscripts // Slovo v sistemnyh otnoshenijah na raznyh urovnjah jazyka: sb. nauchn. trudov. Sverdlovsk : Sverdlovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1989. S. 55-62.*
6. Maklakova E. A. *Naimenovanija lic v russkom i anglijskom jazykah (teoreticheskie problemy opisanija, kontrastivnyj analiz semantiki, nacional'naja specifika) = Naming people in Russian and English (theoretical problems of description, contrastive semantic analysis, national specificity) : monografija. Voronezh : Istoki, 2009. 353 s.*
7. Nikonov V. A. *Slovar' russkikh familij = Dictionary of Russian surnames*. Moskva : Shkola-press, 1993. 222 s.
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = The Russian Language explanatory dictionary. 4-e izd., dop. Moskva, 2006. 942 s.*
9. Rozental' D. Je., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov = Reference dictionary of linguistic terms. Moskva : Prosveshhenie, 1976. 540 s.*
10. *Russkij semanticheskij slovar' russkogo jazyka, sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij: v 2 t. T. 1: Slova ukazujushhie (mestoimenija). Slova imenujushhie: imena sushhestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlja. Kosmos) = Russian semantic dictionary of the Russian language, systematized by classes of words and meanings: in 2 vol. V. 1: Pointing words (pronouns). Naming words: nouns (All living things. Earth. Space) / RAN. In-t rus. jaz.; pod obshh. red. N. Ju. Shvedovoj. Moskva : Azbukovnik, 1998. 807 s.*
11. Svetlova O. Ju., Pejzhu G. *Sushhestvitel'nye so znacheniem lica v povesti A. P. Chehova «Dujel'» = Nouns with the meaning of persons in A. P. Chekhov's story «The Duel»// Obshhestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2021): sbornik statej XXI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii. V 2 t. Kirov, 2021. S. 604–611.*
12. Superanskaja A. V. *K probleme tipologii antropimicheskikh osnov = Towards the problem of typology of anthroponymic bases // Onomastika. Tipologija. Stratiografija. Moskva : Nauka, 1988. S. 8–19.*
13. Superanskaja A. V. *Obshhaja teorija imeni sobstvennogo = General theory of proper names. Moskva : Nauka, 1973. S. 30–35, 174–179.*
14. Superanskaja A. V. *Slovar' lichnykh russkikh imen = Dictionary of Russian proper names. Moskva : OOO «Firma» Izd-vo AST», 1998. 528 s.*
15. *Tabel' o rangah na 1913 g. = Table of ranks for 1913 // Argumenty i fakty. Moskva, 1992. № 38–39.*
16. Filin F. P. *O leksiko-semanticheskikh gruppah slov = On lexical-semantic word groups // Vvedenie v jazykoznanie: Hrestomatija / pod red. A. E. Supruna. Minsk, 1977. S. 142–150.*
17. Fokina M. A. *Metaforicheskie karakteristiki personazhej v povesti A. P. Chehova «Dujel'» = Metaphorical descriptions of characters in A. P. Chekhov's story «The Duel»// Verhnevolskij filologicheskij vestnik, 2020. № 1. S. 59–65.*
18. Hadi Nahla D. *Sushhestvitel'nye, nazyvajushhie dejstvujushhee lico v proze A. P. Chehova = Nouns naming the character in A. P. Chekhov's prose / VGU. Voronezh, 2007. 25 s.*
19. *Chehov A. P. Izbran. soch.: V 2 t. T.1 = Selected works: In 2 vols. V.1. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1979. 701 s.*
20. *Chukovskij K. I. Eshhe o Chehove = More about Chekhov // Chukovskij K. I. Sobr. soch.: V 5 t. T. 5. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1967. S. 587–699.*
21. *Shhanin V. A. Narodnye lichnye imena = People's personal names. Moskva : Prometej, 1989. S. 23.*

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 17.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 80
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_73
EDN: YFVKQB

Лексико-грамматические и семантические особенности фразеологизмов в научной речи

Ирина Юрьевна Шишлова

Старший преподаватель кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
shishlovai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8372-5530>

Аннотация. Цель данной статьи – определить семантические и лексико-грамматические особенности общеязыковых фразеологических единиц, проявляющиеся при употреблении данных единиц в научной речи. Новизна работы обусловлена как самим материалом, так и подходом к его описанию: образные, не терминологические фразеологизмы ранее не рассматривались на материале академических текстов с позиций собственно фразеологического анализа их категориальных свойств. Для исследования было собрано и проанализировано более 1000 фразеопотреблений из работ отечественных филологов, опубликованных в 1918–2020 гг. Анализ тематических групп фразеологизмов с использованием материалов идеографических словарей позволил определить, что в научной речи фразеология используется преимущественно для характеристики явлений, событий, концепций и крайне редко – для характеристики лиц (других ученых). Наиболее многочисленны тематические группы «Суть, сущность, основа», «Деятельность». Распределение фразеологизмов по лексико-грамматической принадлежности выявило как сходство с общеязыковым употреблением, выражающееся в частотности единиц глагольных и адвербиальных разрядов (самых крупных в языке в целом), так и различия, обусловленные особенностями собственно научной речи: преобладание единиц именного разряда со значением не-лица, активность форм несовершенного вида настоящего времени с вневременным значением среди фразеологизмов глагольного разряда, переход глагольных компонентов фразеологизмов в субстантивированные, причастные и деепричастные формы, не относящиеся к частотным в разговорной речи, но востребованные в языке научного изложения. Выявленные особенности позволяют частично заполнить пробел в современной фразеологической науке, связанный с отсутствием комплексных исследований образной фразеологии на материале научных текстов.

Ключевые слова: фразеологизм; фразеологическая единица; идиома; научная речь; научный стиль; фразеология научного стиля; лексико-грамматический разряд; семантика

Для цитирования: Шишлова И. Ю. Лексико-грамматические и семантические особенности фразеологизмов в научной речи // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 73–82. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_73. <https://elibrary.ru/YFVKQB>

Original article

Lexical-grammatical and semantic features of phraseological units in academic speech

Irina Yu. Shishlova

Senior lecturer at the department of russian philology, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Yermak st., 39
shishlovai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8372-5530>

Abstract. The purpose of this article is to determine the semantic, lexical and grammatical features of idiomatic phraseological units in academic speech. The novelty of the work is due to both the material itself and the approach to its description: figurative, non-terminological phraseological units have not previously been considered in academic texts from the standpoint of the actual phraseological analysis of their categorial properties. More than 1000 phrases used in the works of Russian philologists published in 1918–2020 were collected and analyzed for the study. The analysis of thematic groups of phraseological phrases using ideographic dictionaries has helped to find out that phraseology in academic speech is mainly used to characterize phenomena, events, concepts, while it is not common to use phraseology for personal characteristics of other scientists. The most numerous are the thematic groups «Essence, entity, basis», «Activities». The distribution of phraseological units according to lexical and grammatical affiliation reveals both similarities with general language use, expressed in the frequency of units of verbal and adverbial classes

(the largest in the language as a whole), and differences associated with the peculiarities of the academic style of speech itself, such as the predominance of nominal category units, the active usage of the imperfect present tense among phraseological units of the verbal class, the transition of the verbal components of phraseological units into substantiated and participial forms that are not so frequent in colloquial speech, but are common in the academic style of speech. The identified features make it possible to partially fill the gap in modern phraseology caused by the lack of comprehensive studies of idiomatic phraseology in academic texts.

Key words: phraseological unit; phraseology; idiom; academic texts; academic speech; scientific style; lexical-grammatical category; semantics

For citation: Shishlova I. Yu. Lexical-grammatical and semantic features of phraseological units in academic speech. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):73–82. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_73. <https://elibrary.ru/YFVKQB>

Введение

Необходимость обращения к вопросу о функционировании фразеологии в научной речи продиктована тем пробелом, который существует на сегодняшний момент во фразеологической науке в целом: все сведения о фразеологизме как особой языковой единице на текущий момент получены на материале художественной, публицистической и разговорной речи. Наблюдения за поведением фразеологизма в научной (а также официально-деловой) речи фрагментарны и, как правило, носят стилистико-нормативный характер: описывают фразеологизм как стилистическое средство выразительности, употребление которого в научной речи противопоказано в силу таких ее черт, как объективность, безэмоциональность, точность, логичность. При этом в существующих работах по фразеологии научной речи присутствует четкое разграничение фразеологии образной, общеязыковой, под которой понимаются идиомы, поговорки, крылатые выражения, и фразеологии специальной, в которую входят средства организации связности текста, производные предлоги, составные термины [Гусева, 2014; Нгуен Тхи Ле, Владимирова, 2014; Ибатулина, 2017 и др.]. Образная фразеология изучается преимущественно на материале научно-популярных текстов [Багян, 2017; Смолина, 2013 и др.], где ее присутствие объясняется сущностью научно-публицистического подстиля, более «толерантного» к эмоционально-экспрессивным языковым средствам, чем строго академический подстиль. Исследования, рассматривающие отдельные аспекты употребления в научной речи образной фразеологии, на данный момент все еще малочисленны [Воробьева, 2013; Третьякова, 2020].

В зарубежной науке существующие исследования фразеологии научной речи носят прикладной характер и сконцентрированы на проблеме освоения иностранными студентами типичных

для научной речи коллокаций. Соответственно, большинство из этих исследований определяют объем фразеологии научной речи через понятия *частотности, типичности* каких-либо сочетаний слов [Granger, 2017; Meunier, 2008; Silva, Ottaiano, Babini, 2017; Simpson-Vlach, Ellis, 2010; Vincent, 2013]. Фразеология при таком подходе – это наиболее предпочтительный для определенного дискурса способ организации слов в речи, определенный паттерн, по которому строятся фразы в разных функциональных стилях [Mala, 2020, p. 76]. Составление корпуса таких паттернов/коллокаций, свойственных научной речи, имеет особое значение в аспекте изучения иностранных языков для академических целей (LAP, LSP), но не дает информации о характере общеязыковой, образной фразеологии, также встречающейся в научной речи, хоть и с меньшей частотностью.

Таким образом, в исследованиях, посвященных фразеологии научной речи, можно выделить три обособленных раздела: 1) исследование устойчивых клише и речевых формул научного стиля; 2) исследование наиболее частотных способов номинации, характерных для научной речи; 3) исследование образных, идиоматических фразеологизмов, встречающихся в научной речи. В данной работе мы применяем третий подход с намерением выяснить: а) каковы категориальные особенности общеязыковых фразеологизмов, употребляющихся в научной речи; б) в какой мере на эти особенности влияет научный стиль; в) в какой мере эти особенности определяются свойствами самого фразеологизма как языковой единицы. При этом мы оставляем в стороне вопрос о допустимости/недопустимости использования общеязыковой фразеологии в стилях речи, ориентированных на сообщение информации, так как данный вопрос, по нашему мнению, исчерпывающе освещен в работах по стилистике [Основы научной речи, 2003, с. 93–110].

Материал и методы исследования

Для анализа лексико-грамматических и семантических особенностей фразеологических единиц, встречающихся в научных текстах, нами использовалась собственная картотека, насчитывающая более 1000 фразеологических единиц, извлеченных методом сплошной выборки из текстов отечественных ученых-филологов (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Р. А. Будагов, В. М. Мокшенин, В. В. Виноградов, Ю. Н. Караулов, Д. С. Лихачев, Е. Д. Поливанов, А. А. Потебня, Ю. Н. Тынянов, Ф. П. Филин, Л. В. Щерба и др.) во временном диапазоне 1918–2020 гг. При этом к отбору материала мы подходили с позиции широкого понимания состава фразеологии, включая в выборку случаи употребления фразеологических единиц разных типов.

При обработке материала использовались методы лингвистического описания, контекстного и компонентного анализа, таксономический метод. Для определения принадлежности фразеологических единиц к семантическим группам использовались материалы «Словаря образных выражений русского языка» под редакцией В. Н. Телия [СОВРЯ, 1995], словаря «Русская фразеология» Р. И. Яранцева [Яранцев, 1997]. Описание принадлежности фразеологизмов к лексико-грамматическим разрядам проводилось в терминах классификации А. А. Хуснутдинова. Согласно данной классификации фразеологизмы, в зависимости от общности значения, однотипности связей внутри предложения и наличия единого набора грамматических категорий, делятся на разряды именных, глагольных, глагольно-пропозициональных, адвербиальных, адъективных, местоименных, неопределенно-количественных, предикативно-оценочных, междометных и модальных [Русская фразеология..., 2016, с. 74–77].

Результаты исследования

Семантическая характеристика. Для того, чтобы определить специфику семантики фразеологических единиц, употребляющихся в научной речи, мы сопоставили количественное соотношение семантических групп в идеографических словарях фразеологии, где материал организован по тематическому принципу, с количественным соотношением тех же групп на нашем материале. Выяснилось следующее:

1. В «Словаре образных выражений русского языка» выделяется 16 семантических групп фра-

зеологизмов. Наиболее крупными по наполнению являются следующие группы: *деятельность человека* (19,67 % фразеологических единиц) и *поведение человека* (14 %); 2) *речевая деятельность* (7,92 %), *чувство-состояние* (7,54 %), *интеллектуальная деятельность* (7,41 %), *характеристика человека по внутренним и внешним качествам* (7,02 %). Прочие тематические группы (*характеристика событий, пространство, мера, время* и др.) включают менее 6% фразеологических единиц.

Несколько иное соотношение наблюдается при распределении по тем же группам фразеологизмов, собранных нами на материале научных текстов. Так, большинство общеязыковых фразеологических единиц, встречающихся в научной речи отечественных ученых, по семантике относятся к группам «Характеристика событий и явлений» (29,41 % от общего количества собранного материала – *азбучная истина, белое пятно, бросаться в глаза, висеть в воздухе, проходить красной нитью, сплошь и рядом, ставить во главу угла, то и дело* и др.), «Деятельность» (22,22 % – *брать на себя труд, бросать тень, вешать ярлыки, вносить свою лепту, всплывать на поверхность, выбивать почву из-под ног, принимать эстафету, проливать свет, пускать в ход* и др.), «Интеллектуальная деятельность» (12,42 % – *брать под сомнение, сваливать в одну кучу, верить на слово, давать себе отчет, ломать голову, мерить на свой аршин, носится в воздухе, предавать забвению* и др.).

Скупое в научной речи представлены фразеологические единицы с семантикой «Физическое состояние», «Чувство-состояние», «Чувство-отношение». Фразеологизмы со значением эмоционального состояния, отношения к чему-либо ограниченно вводятся в тех частях научного текста, где: (1) излагается история вопроса, характеризуется отношение ученых к определенным научным концепциям, критикуются какие-либо положения/подходы в науке: «Любая попытка понять общественную сущность языка <...> на практике, обосновать ее на конкретном языковом материале встречалась **в штыки** и объявлялась вульгарно-социологической» [Будагов, 1988, с. 20]. (2) описывается языковой материал, дается оценка и характеристика языковых фактов: «Далее А. Меромский говорит о «**набившем оскомину**» двусловии так сказать <...>» [Виноградов, 1972, с. 582]. «У Горького есть диалектизмы. <...> И это не те как раз, какие наиболее **режут слух, поражают среднего читателя**

своей загадочностью <...>; не те, которые присутствуют только узкому местному или какому-нибудь узкопрофессиональному диалекту» [Ларин, 1973, с. 202]. Крайне редко, в исключительных случаях (в условиях борьбы направлений в науке, смены научной парадигмы) фразеологические выражения с семантикой эмоциональной характеристики могут быть употреблены в адрес лиц (других ученых), см. у Ф. П. Филина об участниках лингвистического объединения «Языкфронт»: «Как про „лидеров“, так и про „рядовиков“ можно сказать „индоевропейский хрен не слаще индоевропейской редьки“» [Филин, 2001, с. 126].

2. Детализированная классификация фразеологизмов по семантике приводится в словаре «Русская фразеология» Р. И. Яранцева. В словаре выделены три крупных раздела: «Эмоции и чувства человека», «Свойства и качества характера человека», «Характеристика явлений и ситуаций» – внутри которых фразеологические единицы распределены по группам с более частными значениями. Раздел «Эмоции и чувства» включает 29 групп: *страдание, удовлетворенность, испуг, обида* и др. На нашем материале были обнаружены только фразеологизмы, которые можно отнести по семантике к тематическим группам «Интерес, внимание» (*бросаться в глаза, упускать из виду, приходиться в голову, поле зрения, злоба дня* и др.), «Удивление, недоумение» (*разводить руками, подумать только*), «Насмешка, презрение, пренебрежение, неприязнь» (*бросать камешки в чей-л. огород, пропускать мимо ушей, сбрасывать со счетов*). Относительно последней группы, однако, следует заметить, что контексты, в которых употребляются фразеологизмы с семантикой насмешки, неприязни, в научной речи, как правило, не содержат негативной характеристики и не направлены в адрес какого-либо лица. Сравним: «ПРОПУСКАТЬ МИМО УШЕЙ что. Разг. Не обращать внимания, никак не реагировать на то, <...> что сказано (иногда демонстративно не обращать внимания на сказанное, не слушать кого-л.). Выражение равнодушия, пренебрежения к чьим-л. словам» [Яранцев, 1997, с. 144]. В научной речи: «Отсюда и получается, что русские, <...> „пропуская мимо ушей“ (т. е. вовсе не улавливая) музыкально-акцентуационную характеристику японского слова, склонны бывают определять японский долгий гласный как ударенный <...> – на основании сходства этой японской долготы со вторичным признаком русского представления уда-

рения» [Поливанов, 1968, с. 245]. Авторская семантизация в данном контексте раскрывает значение фразеологической единицы *пропускать мимо ушей* – ‘вовсе не улавливать’. Семы преднамеренности или пренебрежения, на наш взгляд, здесь отсутствуют: речь идет об особенностях восприятия японских произносительных норм носителями русского языка, но продиктованы эти особенности не сознательным намерением носителей русского языка «игнорировать» долготу и краткость японских гласных, а различиями в характере ударения в рассматриваемых языках.

«СБРАСЫВАТЬ СО СЧЕТОВ кого, что. Переставать принимать во внимание, брать в расчет. Выражение пренебрежения, презрения к кому-л. или к чему-л.» [Яранцев, 1997, с. 136]. «Не можем мы **сбрасывать со счетов** и того важного обстоятельства, что слово, содержащее заимствованные элементы, образовано на русской почве русскими людьми» [Филин, 1981, с. 21]. «О. В. Белова **не сбрасывает** такое оксюморонное токование **ФЕ со счетов**, объединяя её по семантике с другими выражениями <...>» [Мелерович, Мокиенко, 2008, с. 144]. В данных примерах фразеологизм «сбрасывать со счетов» употреблен в конструкциях, содержащих отрицание (**не можем сбрасывать со счетов, не сбрасывает со счетов**), что придает ему противоположное значение (‘брать во внимание’, учитывать что-либо).

Из раздела «Характеристика явлений и ситуаций» словаря Р. И. Яранцева представлено 127 групп фразеологизмов. В научной речи наиболее распространены фразеологизмы из групп, называющих отвлеченные понятия: «Сущность. Основа. Суть»: «<...> люди сцены, для которых живой произносимый язык является **альфой и омегой** их искусства, едва ли не более других подействовали пробуждению в обществе интереса к языку» [Щерба, 1974, с. 102]. «Это первая идея, первое положение, которое **красной нитью** проходит через всю книгу» [Караулов, 1987, с. 7]; «Начало – Конец»: «Однако это лишь **первый шаг** семантического исследования» [Виноградов, 1977, с. 30]. «Теория А. А. Шахматова <...> должна быть **сдана в архив**» [Филин, 1981, с. 72]. «Крах – Падение»: «Теория способностей <...> **сбилась с пути**, указываемого обыденною жизнью, и сошла с действительно причинной точки зрения» [Потебня, 1999, с. 47].

Здесь также обращает на себя внимание тот факт, что образная фразеология преимуществен-

но используется для характеристики научных теорий, концепций, явлений (*теория «сбилась с пути»; теория «сдана в архив»; идея, положение «проходит красной нитью»; язык – «альфа и омега»*).

Лексико-грамматическая характеристика относится к категориальным свойствам фразеологических единиц. Рассмотрение фразеологии, употребляющейся в научной речи, с точки зрения формально-содержательной организации показало следующие результаты:

1. Наибольшее количество фразеологизмов в научной речи относится к именному, глагольному и адverbiallyному разрядам, что в целом соответствует общеязыковому распределению фразеологических единиц по разрядам.

2. При этом среди именных фразеологизмов более распространены единицы, называющие нелицо (понятие, пространство, место, предмет и др.). **Именные** фразеологизмы со значением лица малочисленны и, на наш взгляд, более свойственны устной форме научной речи, например: (из лекций Л. В. Щербы по фонетике) «<...> вы будете иметь удовольствие слушать трех лекторов: по акустике в лице нашего председателя В. Н. Всеволодского-Гернгросса, физиологии – доктора Богданова-Березовского и **вашего покорного слугу**, т. е. филолога» [Щерба, 1974, с. 152]; (из предисловия к научному сборнику) «*Может быть, первыми ласточками в этом направлении были разные люди, из разных стран <...>*» [Щерба, 1974, с. 102] – далее следует перечисление имен ученых. Фразеологизм *ваш покорный слуга* в словарях фразеологии определяется как устаревшая форма вежливого заключения письма [Федоров, 2008, с. 629], в приведенном же примере содержится авторская семантизация фразеологизма (пояснение «т. е. филолога»), что позволяет говорить о шутовском употреблении данной единицы для называния самого себя (следовательно, лица). Фразеологизм *первая ласточка* имеет два значения: 1. *не-лицо*: первые признаки наступления чего-либо; 2. *лицо*: кто-л. первый в каком-л. деле. Это единственный обнаруженный нами случай употребления полисемичного фразеологизма в значении лица, обычно имеет место обратная тенденция: если многозначный фразеологизм потенциально может называть и лицо, и не-лицо в своих разных значениях, то в научной речи такой фразеологизм скорее будет употреблен именно в значении не-лица, например: фразеологизм *крепкий орешек* имеет две дефиниции: 1. Несговорчивый че-

ловек (лицо); 2. Труднодоступная цель, неразрешимая, трудная задача (не-лицо) [Бирих, 2005, с. 500]. В научной речи находим употребление во втором значении (слово, соотносящееся с фразеологизмом, подчеркнуто): «*А переводчики современной русской литературы все чаще сталкиваются <...> с новым „крепким орешком“ – переводом жаргонизмов, которые некоторые филологи считают „непереводимым в переводе“*» [Степанова, 2010, с. 32].

Также примечателен случай использования фразеологической единицы *persona non grata*, у которой семантика «лица» изначально заложена как в одном из компонентов, так и в толкованиях: 1. Дипломатическое понятие об иностранном представителе, которому отказано в доверии; 2. Неприятный, нежеланный человек. В следующем контексте – о нежеланном языковом явлении: «*...Ирония как способ выражения критического отношения к оппонентам автоматически оказывается «persona non grata» в научном тексте*» [Шилихина, 2013, с. 116].

Такое употребление соотносится с результатами, полученными при анализе тематических групп фразеологизмов, употребляющихся в научной речи (преобладание групп с семантикой «Характеристика явлений, событий»).

3. Среди единиц глагольного разряда специфика функционирования фразеологизмов в научной речи проявляется на уровне грамматических категорий: единицы данного разряда, попадая в научный текст, демонстрируют те же особенности в употреблении видовременных форм, что и глаголы. Так, большая доля глагольных фразеологизмов на нашем материале фиксируется в форме настоящего времени (более половины единиц в процентном соотношении – 54.17 %) во вневременном значении (что в некоторых примерах подчеркивается словами «всегда», «в этих случаях»): «*Но теория „чистых отношений“ вне соотношения с той или иной субстанцией в конце концов всегда „повисает в воздухе“, в такой же степени в лингвистике, <...> как и в любой другой области знания*» [Будагов, 1988, с. 188]. «*Вместе с тем говорящее лицо в этих случаях как бы раздваивается на участника-свидетеля <...> и на повествователя, излагающего происшедшее в прошедшем времени из другого <...> времени, когда он берет за перо или рассказывает*» [Золотова, 1982, с. 347]. Формы прошедшего времени в исследуемом фразеологическом материале составляют 41.67 %, тогда как формы будущего времени являются крайне редкими

(отмечены в 4.17 % фразеопотреблений). Также для научной речи характерно преобладание форм несовершенного вида среди глаголов [Кожина, 2008, с. 405], и эта особенность подтверждается на уровне фразеологии: 66.44 % обнаруженных нами глагольных фразеологизмов имеют компонент в несовершенном виде.

4. Глагольный компонент в единицах данного разряда употребляется, как правило, в форме третьего лица, что также является одной из особенностей научного стиля, доля которого нехарактерно употребление форм 1 и 2 лица [Кожина, 2008, с. 303]. Формы 1 лица встречаются в специфических условиях (например, в сносках к тексту, см. у Л. В. Щербы в поясняющем примечании к основному тексту: «Хотя это может показаться странным, тем не менее **я беру на себя смелость утверждать, что <...> основная мысль здесь та же, что и у Мейе <...>**» [Щерба, 1974, с. 63].), либо с местоимением «мы» в характерном для научной речи обобщающем значении, например: «Современники и историки литературы называют Чехова новатором в драматургии. **Мы принимаем это на веру, но не ощущаем новаторства <...>**» [Ларин, 1973, с. 143].

5. Отмечается частое (относительно общезыковых тенденций) употребление в научной речи субстантивных, причастных и деепричастных форм глагольных фразеологизмов: *наводит справку – наведение справок, возводит в ранг – возведение в ранг, выйти из тупика – выход из тупика, выйти за границы – выходя за границы, хромать по всем пунктам – хромавший по всем пунктам* и др. Например: «Собственно говоря, можно бы и не утруждать себя точным определением всех бытующих терминов, **возведением их в ранг научных определений**» [Тынянов, 2022, с. 168]. «Такой лингвист, в то же время и археолог, как Н. Я. Марр ясно представлял себе <...> сложность путей историка материальной культуры, **загнавшего себя в тупик, не находящего выхода из вещеvedческих оков <...>**» [Мещанинов, 2001, с. 294–295]. «Семасиология иногда вообще не находит места среди лингвистических дисциплин, но, с другой стороны, она нередко трактуется чрезвычайно широко, **выходя за границы языкознания <...>**» [Звегинцев, 1957, с. 74]. Как показывают наблюдения за фразеологией других функциональных стилей, в языке в целом такие формы не относятся к наиболее употребительным [Русская фразеология..., 2016, с. 135], поскольку фразеология в целом является явлением разговорной речи, а для разговорной

речи употребление деепричастий и причастий не свойственно. Что же касается субстантивных форм глагольных фразеологизмов, то такое употребление связано с номинативным строем научной речи.

6. Внутри разряда **адвербиальных** фразеологизмов (*на авось, время от времени, из первых рук* и др.) крупнейшую группу составляют производные предлоги, которые в целом типичны для научной речи (*в виде, в силу* и т. п.). Чаще всего из разряда адвербиальных встречаются двухкомпонентные единицы: *под эгидой, на поводе, на почве* и подобные, также типичны единицы из трех компонентов *сплошь и рядом, раз и навсегда*. Более крупные адвербиальные фразеологизмы встречаются редко, например: «Человек, как и в начале алфавита, нашел себя **между небом и землей в черте посередине**» [Лихачев, 1993, с. 13]. Также востребован класс **модальных** фразеологизмов – преимущественно за счет вхождения в него большого количества единиц, служащих средствами организации связности в тексте (такие единицы рассматриваются в статьях, на которые мы ссылались в вводной части данной работы). В основном авторы научных работ пользуются модальными фразеологизмами для выражения степени достоверности информации (*в самом деле, по сути дела*), степени уверенности (*[само собой] разумеется, нечего и говорить*), для согласия с чем-либо (*спору нет*), а также для интеллектуальной оценки информации (*таким образом, в конце концов, более того* и др.).

7. Крайне малым количеством единиц представлены в научной речи **глагольно-пропозициональный, адъективный, междометный, предикативно-оценочный и неопределенно-количественный** разряды (в среднем 2–3 фразеопотребления из общего количества собранных примеров). На первый взгляд, это может быть связано с их семантикой. Единицы адъективного, глагольно-пропозиционального, междометного и предикативно-оценочного разрядов, как правило, связаны с сообщением качественной характеристики, с выражением эмоциональных, оценочных суждений, что не характерно для научного изложения. Употребление неопределенно-количественных фразеологизмов, в свою очередь, может противоречить требованию точности научной речи. Например, Г. Л. Пермяков сначала приводит точное количество проанализированного в работе материала: «<...> нам удалось „вместить“ в книгу около **пятисот текстов, принадлежащих творчеству**

ста двадцати народов мира и содержащих в своем составе свыше восьмисот различных типовых сюжетов», и только затем подчеркивает, насколько это малое количество, при помощи фразеологизма с неопределенно-количественным значением: «Конечно, по сравнению с мировым фольклорным фондом это капля в море» [Пермяков, 1988, с. 58].

Однако было бы неправомерно связывать низкую частотность единиц названных разрядов только с семантикой, так как и в самой языковой системе данные разряды в целом представлены малым количеством фразеологизмов по сравнению с глагольным, адвербиальным и именным разрядами [Хуснутдинов, 1993, с. 13].

Заключение

Закономерности функционирования фразеологических единиц в научной речи определяются, с одной стороны, влиянием самого научного стиля, с другой стороны, особенностями фразеологической подсистемы в языке в целом.

Влияние научного стиля, на наш взгляд, ярко проявляется на уровне семантики фразеологизмов. Тогда как в языке в целом фразеология связана преимущественно с выражением чувств человека, с характеристикой человека по качествам, состояниям, способностям, в научной речи на первый план выступает характеристика событий, процессов, явлений. Даже те фразеологизмы, в семантике которых изначально заложено эмоциональное отношение к кому-либо/чему-либо, попадая в научный текст, могут терять фрагменты значения, связанные с эмоциональным отношением.

На уровне лексико-грамматической характеристики связь с общеязыковым употреблением фразеологизмов проявляется в преобладании единиц глагольного и адвербиального разрядов (самых крупных в языке). Особенности же, связанные с характеристиками научной речи, проявляются внутри самих разрядов. Среди таких особенностей можно назвать частотность перехода глагольного компонента в причастные, деепричастные и субстантивные формы, употребление глагольных фразеологизмов в форме настоящего времени, несовершенного вида, 3 лица; преобладание среди именных фразеологизмов единиц с общим значением «не-лица». Собственно особенностью фразеологии научной речи также можно назвать востребованность единиц модального разряда, не относящего к числу

наиболее крупных в языке, но играющего важную роль в организации связного текста.

Таким образом, общеязыковая, идиоматическая фразеология не только может употребляться в научной речи, но и имеет в ней свою специфику, отличную от ее функционирования в речи публицистической, разговорной, художественной и обусловленную влиянием не только стилеобразующих черт научного стиля, но и собственными категориальными свойствами.

Библиографический список

1. Багиян А. Ю. Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект: монография / А. Ю. Багиян, О. И. Натхо, Т. А. Ширяева. Казань : Изд-во «Бук», 2017. 184 с.
2. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
3. Будагов Р. А. Портреты языковедов XIX–XX вв.: Из истории лингвистических учений. Москва : Наука, 1988. 320 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977. 312 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Высшая школа, 2-е изд. Москва : Высшая школа, 1972. 601 с.
6. Воробьева Т. А. Функционирование фразеологических единиц в собственно научной статье // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. №4 (51). С. 68–71.
7. Гусева О. Н. Фразеология научной и деловой речи // Труды БГТУ. Серия 5: Политология, философия, история, филология. 2014. №5 (169). С. 150–152.
8. Звегинцев В. А. Семасиология. Москва : Издательство Московского университета, 1957. 320 с.
9. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва : Наука, 1982. 367 с.
10. Ибатулина Л. М. Использование фразеологических единиц в дискурсивном анализе научного текста // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 516–518.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 261 с.
12. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. 4-е изд. Москва : Флинта: Наука, 2008. 464 с.
13. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Ленинград : Худож. лит., 1973. 288 с.
14. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. Москва : Наука, 1979. 360 с.
15. Русская фразеология и фразеология: к 100-летию А. И. Молоткова / под ред. А. А. Хуснутдинова, Е. Н. Золиной. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. 312 с.

16. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 484 с.
17. Мещанинов И. И. Новое учение о языке. Стадиальная типология // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / под общей ред. В. П. Нерознака. Москва : Academia, 2001. С. 275–325.
18. Нгуен Тхи Ле, Владимирова Т. Л. Особенности фразеологии научного стиля (на материале текстов в сфере неразрушающего контроля) // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. материалов XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, г. Томск, 21-23 мая 2014 г. : в 3 ч. Томск : Изд-во ТПУ, 2014. Ч. 2. С. 264–268.
19. Основы научной речи: учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н.А.Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова и др.; под ред. В. В. Химика, Л. Б. Волковой. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : Издательский центр «Академия», 2003. 272 с.
20. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. Москва : Наука, 1968. 376 с.
21. Потехина А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. Москва : Лабиринт, 1999. 300 с.
22. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др.; под ред. В. Н. Телия. Москва : Отечество, 1995. 368 с. (СОВРЯ)
23. Смолина Л. В. Эмоционально-оценочные фразеологизмы в объективации физических реалий во французском научно-популярном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №14 (305). С. 71–76.
24. Степанова Л. И. Проблемы эквивалентности субстандартных фразеологизмов в Русско-чешском фразеологическом словаре // Мир русского слова. 2010. №3. С. 31–35.
25. Третьякова И. Ю. Проблемы изучения фразеологических единиц в дискурсе // Фразеология и паремология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): материалы Международной научно-практической конференции (Кострома, 24–25 сентября 2020 года) / под науч. ред. И. Ю. Третьяковой. Кострома : КГУ, 2020. С. 23–27.
26. Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция: Избранные труды. Москва : Аграф, 2002. 496 с.
27. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. Москва : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
28. Филин В. П. Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа «Языкфронт» // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / под ред. В. П. Нерознака. Москва : Academia, 2001. С. 115–134.
29. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. Москва : Наука, 1981. 326 с.
30. Хуснутдинов А. А. Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. Иваново, 1993. 64 с.
31. Шилихина К. М. Ирония в академическом дискурсе, 116 // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». 2013. № 1. С. 115–118.
32. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград : Наука, 1974. 427.
33. Яранцев Р. И. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. Москва : Рус. яз., 1997. 845 с.
34. Granger, Sylviane. Academic phraseology: A key ingredient in successful L2 academic literacy // Academic Language in a Nordic Setting – Linguistic and Educational Perspectives, Oslo Studies in Language 9(3), 2017, pp. 9–27.
35. Malá Marketa. Phraseology in learner academic English: corpus-driven approaches // Discourse and Interaction. Vol. 13, No.2, 2020, pp. 75–88.
36. Silva Eduardo Batista da; Ottaiano Adriane Orenha; Babini Maurizio. Identification of the most common phraseological units in the English language in academic texts: contributions coming from corpora Acta Scientiarum. Language and Culture, vol. 39, no. 4, 2017, pp. 345–357.
37. Simpson-Vlach Rita, Ellis Nick. An Academic Formulas List: New Methods in Phraseology Research. Applied Linguistics, vol. 31, Issue 4, 2010, pp. 487–512.
38. Vincent Benet. Investigating academic phraseology through combinations of very frequent words: A methodological exploration. Journal of English for Academic Purposes, 12 (1), 2013, pp. 44–56.

Reference list

1. Bagijan A. Ju. Mudrost' vekov v jazyke biznesa. Paremii v anglojazychnom nauchno-populjarnom delovom diskurse: kognitivno-diskursivnyj aspekt = Wisdom of centuries in business language. Paroemias in English scientific business discourse: cognitive-discursive aspect: monografija / A. Ju. Bagijan, O. I. Natho, T. A. Shirjaeva. Kazan' : Izd-vo «Buk», 2017. 184 s.
2. Biriĥ A. K. Russkaja frazeologija. Istoriko-jetimologičeskij slovar' : ok. 6000 frazeologizmov = Russian phraseology. Historical-etymological dictionary: about 6000 phraseological units / SPbGU; Mezhkaf. slovarnyj kab. im. B. A. Larina; A. K. Biriĥ, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova; pod red. V. M. Mokienko. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva : Astrel' : AST: Ljuks, 2005. 926 s.
3. Budagov R. A. Portrety jazykovedov XIX–XX vv.: Iz istorii lingvističeskikh učenij = Portraits of the XIX–XX centuries linguists: From the history of linguistic sciences. Moskva : Nauka, 1988. 320 s.
4. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija = Selected works. Lexicology and lexicography. Moskva, 1977. 312 s.
5. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (grammatičeskoe učenje o slove) = The Russian language (grammatical

theory of the word). Vysshaja shkola, 2-e izd. Moskva : Vysshaja shkola, 1972. 601 s.

6. Vorob'eva T. A. Funkcionirovanie frazeologicheskikh edinic v sobstvenno nauchnoj stat'e = Functioning of phraseological units in a scientific article // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №4 (51). S. 68–71.

7. Guseva O. N. Frazeologija nauchnoj i delovoj rechi = Phraseology in academic and business speech // Trudy BGTU. Serija 5: Politologija, filosofija, istorija, filologija. 2014. №5 (169). S. 150–152.

8. Zvegincev V. A. Semasiologija = Semasiology. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1957. 320 s.

9. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa = Communicative aspects of the Russian syntax. Moskva : Nauka, 1982. 367 s.

10. Ibatulina L. M. Ispol'zovanie frazeologicheskikh edinic v diskursivnom analize nauchnogo teksta = Using phraseological units in academic discourse analysis // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2017. № 6 (67). S. 516–518.

11. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and the linguistic personality. Moskva : Nauka, 1987. 261 s.

12. Kozhina M. N. Stilistika russkogo jazyka = Stylistics of the Russian language / M. N. Kozhina, L. R. Duskaeva, V. A. Salimovskij. 4-e izd. Moskva : Flinta: Nauka, 2008. 464 s.

13. Larin B. A. Jestetika slova i jazyk pisatelja. Izbrannye stat'i = Aesthetics of the word and the writer's language. Selected articles. Leningrad : Hudozh. lit., 1973. 288 s.

14. Lihachev D. S. Pojetika drevnerusskoj literatury = Poetics of Old Russian literature. 3-e izd. Moskva : Nauka, 1979. 360 s.

15. Russkaja frazeologija i frazeografija: k 100-letiju A. I. Molotkova = Russian phraseology and phraseography: to the 100th anniversary of A. I. Molotkov / pod red. A. A. Husnutdinova, E. N. Zolinoj. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2016. 312 s.

16. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Semanticheskaja struktura frazeologicheskikh edinic sovremenogo russkogo jazyka = Semantic structure of phraseological units in the modern Russian language. Kostroma : KGU im. N.A. Nekrasova, 2008. 484 s.

17. Meshhaninov I. I. Novoe uchenie o jazyke. Stadijal'naja tipologija = A new theory of language. Stage typology // Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo jazykoznanija. Antologija / pod obshej red. V. P. Neroznaka. Moskva : Academia, 2001. S. 275–325.

18. Nguen Thi Le, Vladimirova T. L. Osobennosti frazeologii nauchnogo stilja (na materiale tekstov v sfere nerazrushajushhego kontrolja) = Phraseology in academic style (based on the texts in the field of nondestructive testing) // Kommunikativnye aspekty jazyka i kul'tury : sb. materialov XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii studentov i molodyh uchenyh,

g. Tomsk, 21-23 maja 2014 g. : v 3 ch. Tomsk : Izd-vo TPU, 2014. Ch. 2. C. 264–268.

19. Osnovy nauchnoj rechi: ucheb. posobie dlja stud. nefilol. vyssh. ucheb. zavedenij = The basics of academic speech: textbook for non-philological university students / N. A. Bure, M. V. Bystryh, S.A. Vishnjakova i dr.; pod red. V. V. Himika, L. B. Volkovoj. Cankt-Peterburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. 272 s.

20. Polivanov E. D. Stat'i po obshhemu jazykoznaniju = Articles on general linguistics. Moskva : Nauka, 1968. 376 s.

21. Potebnja A. A. Polnoe sobranie trudov: Mysl' i jazyk = Complete works: Thought and language. Moskva : Labirint, 1999. 300 s.

22. Slovar' obraznyh vyrazhenij russkogo jazyka = Dictionary of figurative expressions in the Russian language / T. S. Aristova, M. L. Kovshova, E. A. Ryseva i dr.; pod red. V. N. Telija. Moskva : Otechestvo, 1995. 368 s. (SOVRJa)

23. Smolina L. V. Jemocional'no-ocenochnye frazeologizmy v ob#ektivacii fizicheskikh realij vo francuzskom nauchno-populjarnom diskurse = Emotional-evaluative phraseological units in objectification of physical realia in French popular scientific discourse // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №14 (305). S. 71–76.

24. Stepanova L. I. Problemy jekvivalentnosti substandartnyh frazeologizmov v Russko-cheshskom frazeologicheskom slovare = Equivalence of substandard phraseological units in the Russian-Czech Phraseological Dictionary // Mir russkogo slova. 2010. №3. S. 31–35.

25. Tret'jakova I. Ju. Problemy izuchenija frazeologicheskikh edinic v diskurse = Problems of studying phraseological units in discourse // Frazeologija i paremiologija v diahronii i sinhronii (ot arhaizacii k neologizacii): materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii (Kostroma, 24–25 sentjabrja 2020 goda) / pod nauch. red. I. Ju. Tret'jakovoj. Kostroma : KGU, 2020. S. 23–27.

26. Tynjanov Ju. N. Literaturnaja jevoljucija: Izbrannye trudy = Literary evolution: Selected works. Moskva : Agraf, 2002. 496 s.

27. Fedorov A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka : ok. 13 000 frazeologicheskikh edinic = Phraseological dictionary of the Russian literary language : about 13,000 phraseological units. 3-e izd., ispr. Moskva : Astrel': ACT, 2008. 878 s.

28. Filin V. P. Bor'ba za marksistsko-leninskoe jazykoznanie i gruppa «Jazykfront» = The struggle for Marxist-Leninist linguistics and the group «Languagefront» // Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo jazykoznanija. Antologija / pod red. V. P. Neroznaka. Moskva : Academia, 2001. S. 115–134.

29. Filin F. P. Istoki i sud'by russkogo literaturnogo jazyka = Origins and destinies of the Russian literary language. Moskva : Nauka, 1981. 326 s.

30. Husnutdinov A. A. Leksiko-grammaticeskaja harakteristika frazeologicheskikh edinic russkogo jazyka =

Lexical-grammatical characteristics of phraseological units in the Russian language. Ivanovo, 1993. 64 s.

31. Shilihina K. M. Ironija v akademicheskom diskurse = Irony in academic discourse // Vestnik VGU. Serija «Filologija. Zhurnalistika». 2013. № 1. S. 115–118.

32. Shherba L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' = The language system and speech activity. Leningrad : Nauka, 1974. 427.

33. Jarancev R. I. Slovar'-spravochnik: Ok. 1500 frazeologizmov = Reference dictionary: About 1500 phraseological units. Moskva : Rus. jaz., 1997. 845 s.

34. Granger, Sylviane. Academic phraseology: A key ingredient in successful L2 academic literacy // Academic Language in a Nordic Setting – Linguistic and Educational Perspectives, Oslo Studies in Language 9(3), 2017, pp. 9–27.

35. Malá Marketa. Phraseology in learner academic English: corpus-driven approaches // Discourse and Interaction. Vol. 13, No.2, 2020, pp. 75–88.

36. Silva Eduardo Batista da; Ottaiano Adriane Orenha; Babini Maurizio. Identification of the most common phraseological units in the English language in academic texts: contributions coming from corpora Acta Scientiarum. Language and Culture, vol. 39, no. 4, 2017, pp. 345–357.

37. Simpson-Vlach Rita, Ellis Nick. An Academic Formulas List: New Methods in Phraseology Research. Applied Linguistics, vol. 31, Issue 4, 2010, pp. 487–512.

38. Vincent Benet. Investigating academic phraseology through combinations of very frequent words: A methodological exploration. Journal of English for Academic Purposes, 12 (1), 2013, pp. 44–56.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 15.05.2023; approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 81.42
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_83
EDN: WPGSPG

**Языковые средства воплощения фольклорного начала в образе велосипеда
в повести «Вилли» Н. С. Дашевской**

Екатерина Александровна Голосова

Аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
ekaterina.golosova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1128-0584>

Аннотация. Статья посвящена исследованию фольклорной основы в образе говорящего велосипеда Вилли на материале одноименной повести Н. С. Дашевской. Нацеленная выборка средств предикации лексем велосипед, Вилли, мы, мы с Вилли, обращение к грамматической специфике онима Вилли, семный анализ ряда лексем, анализ частотности употребления данных слов и употребляемых с ними предикатов с учетом принадлежности последних к тем или иным лексико-семантическим группам, сопоставительный анализ узусной фразеологической единицы *пожать плечами* с её трансформацией в тексте и пр. позволяет сделать выводы об идиостилевом своеобразии Н. С. Дашевской как языковой личности. Выдвигается гипотеза об опоре на фоновые знания читателя о системе персонажей и сюжете волшебной сказки как основе для читательских ожиданий от текста повести (при декодировании). Такая основа позволяет совместить в восприятии читателя предвосхищаемое типичное в образе волшебного предмета с индивидуально-авторским наполнением образа. Прагматическое наполнение повести сопряжено с авторским стремлением (интенцией) поддержать читателя на пути взросления, предложив ему соотнести себя с героем, успешно проходящим испытания с помощью обретаемых друзей. Такое предложение, будучи имплицитно внесенным в текст, проявляет себя, в свою очередь, в последовательном соотношении героя повести с героем волшебных сказок и его велосипеда с волшебным конем (Буркой). В силу возраста целевой аудитории своих произведений Н. С. Дашевская закладывает в повесть, прежде всего, те идеи, которые способны поддержать юного читателя, воспринимающего главного героя как равного себе, близкого: трудности переходного возраста преодолимы, поддержка друзей несомненна и пр.

Ключевые слова: языковая личность; идиостиль; фольклор; волшебный предмет; предикат; язык литературы young adult; тексты Н. С. Дашевской

Для цитирования: Голосова Е. А. Языковые средства воплощения фольклорного начала в образе велосипеда в повести «Вилли» Н. С. Дашевской // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 83–91. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_83. <https://elibrary.ru/WPGSPG>

Original article

**Linguistic means of embodying the folklore principle in the image of a bicycle
in N. S. Dashevskaya's novella «Willie»**

Ekaterina A. Golosova

Postgraduate student at the department of the modern russian language n.a. professor P. A. Lekant, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24
ekaterina.golosova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1128-0584>

Abstract. The article is devoted to studying the folklore basis in the image of a talking bicycle Willie in N. S. Dashevskaya's novella «Willie». The target selection of predication means of the lexemes bicycle, Willie, we, Willie and I, grammatical specificity of the onym Willie, component analysis of certain lexemes, frequency analysis of using these words and accompanying predicates (taking into account their belonging to certain lexical-semantic groups), comparative analysis of using phraseological unit shrug shoulders with its transformation in the text, etc., makes it possible to draw conclusions about the original idiostyle of N.S. Dashevskaya as a linguistic personality. The author of the article puts forward a hypothesis that the reader relies on their background knowledge about the system of characters and the plot of a fairy tale as the basis for the reader's expectations from the novella (when decoding). Such a basis allows to combine the anticipated typified image of a magic object in the reader's perception with the individual-

authorial content of the image. The novella's pragmatic content is related to the author's wish (intension) to support the reader on the path to maturity, suggesting that they should associate themselves with the hero who successfully goes through the trials with his friends' help. Such a suggestion, being implicitly introduced into the text, manifests itself, in its turn, in the consistent correlation of the novella's hero with fairy tales' hero and his bicycle with a magic horse (Burka). Due to the age of the target audience of her novels, N. S. Dashevskaya first of all introduces the ideas that can support the young reader, who perceives the protagonist as equal and close: the difficulties of the transition age can be overcome and the support of friends is undeniable.

Key words: linguistic personality; idiostyle; folklore; magic object; predicate; the language of young adult literature; N. S. Dashevskaya's texts

For citation: Golosova E. A. Linguistic means of embodying the folklore principle in the image of a bicycle in N. S. Dashevskaya's novella «Willie». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):83–91. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_83. <https://elibrary.ru/WPGSPG>

Введение

В настоящем исследовании под идиостилем мы понимаем «индивидуально устанавливаемую языковой личностью систему отношений к разнообразным способам авторепрезентации средствами идиолекта» [Леденева, 2002, с. 40]. Идиостиль – сложное явление, к признакам которого можно отнести выбор автором сюжета и приёмов его развития с указанием на «триггеры», «переключатели» и использование их номинаций как ключевых слов текста. В сказочной повести «Вилли» Н. С. Дашевская развивает традиционный для русской народной волшебной сказки мотив обретения главным героем *волшебного* предмета. Ключевое место в сюжете занимает получение героем в дар говорящего велосипеда и приключения, в которых связанные с велосипедом события приводят героя к преодолению одиночества, обретению друзей и взаимной симпатии с девочкой. В. Я. Пропп отмечает, что «сказка даёт в руки героя какой-нибудь волшебный дар... при помощи этого дара он достигает своей цели» [Пропп, 2022, с. 172], и подчёркивает, что подарком оказывается волшебный предмет или животное, «главным образом конь» [Пропп, 2022, с. 172]. В качестве дарителя, согласно исследованиям, могла выступать «Ягдариельница, выпрашивающая и награждающая героя» [Пропп, 2022, с. 180]. Поиск этих и иных примет сказочных мотивов и образов, представленных ключевыми словами в тексте повести, приводит исследователя к обнаружению интересных параллелей, позволяющих глубже понять заложенные автором смыслы, включая подтекст произведения. Не случайно исследователи отмечают возрастающее внимание лингвистов к «вопросам взаимодействия основных понятий национального менталитета и концептуальных положений автора» [Колесникова, Бурская, Шаталова, Леденева, 2021, с. 49] – взаимо-

действия, составляющего одну из ключевых особенностей идиостиля Н. С. Дашевской.

Материал и методы

В ходе изучения творчества Н. С. Дашевской, в том числе анализируемой в настоящей статье сказочной повести «Вилли», мы исследуем структуру языковой личности (ЯЛ) Н. С. Дашевской, опираясь на представление о модели структуры ЯЛ, предложенной Ю. Н. Карауловым [Караулов, 2003, с. 56]. На вербально-семантическом и тезаурусном уровнях структуры ЯЛ обнаруживаются отсылки к фольклорной составляющей сказочной повести, то есть, помимо жанровых особенностей, сходство с волшебной сказкой становится очевидным на уровне сюжета и системы образов. Выявление данных параллелей возможно благодаря количественному, сопоставительному и семному анализу предикатного окружения единиц, называющих главных героев, их сочетаемостным характеристикам, анализу грамматических и семантических особенностей как лексем *Вилли* и *велосипед* в качестве означаемых отдельного субъекта, говорящего героя повествования (что предполагает развитие семы 'одушевлённости'), так и лексем, указывающих на *Вилли* в качестве части коллективного субъекта (*мы, мы с Вилли* и пр.). *Велосипед* – 'машина для езды, приводимая в движение ногами с помощью педалей' [БТС], где *машина* (ЛСВ-1) – 'механизм или совокупность механизмов, совершающие какую-л. полезную работу путем преобразования одного вида энергии в другой' [БТС]; существительное мужского рода неодушевлённое [Зализняк, 1977, с. 236]. Н. В. Халикова замечает: «Грамматические и лексические категории помогают увидеть стереотип в построении речевой модели восприятия предмета, явления действительности» [Халикова, 2020, с. 58], что мы и наблюдаем при анализе особенностей реализации лексем *велосипед* и

Вилли и функционирования их предикатного окружения.

Результаты и обсуждение

Образ *говорящего велосипеда Вилли*, ставший предметом нацеленного изучения в настоящей статье, двуипостасный: он сочетает в себе характеристики одушевлённого и неодушевлённого предмета, при этом в его «живой» ипостаси содержатся отсылки к образу волшебного дара – коня, то есть традиционного для сказки волшебного предмета, который герой получает от Ягидарительницы. Н. С. Дашевская указывает на возможность выстраивания подобных параллелей, проявляющих себя в тексте на семантическом и концептуальном уровнях, что позволяет исследователю говорить о такой интенции автора, как актуализация в сознании читателя представления о себе как о главном герое происходящих с ним событий и, в соотношении себя с Севкой, как о человеке, который справляется с возникающими сложностями, преодолевает свои страхи, решает конфликты, обретает друзей: *я дружу с девчонкой* [Дашевская, 2018, с. 65], где *дружить* – ‘находиться, быть с кем-л. в дружбе, в дружеских отношениях’; *я справился с этой задачей* [Дашевская, 2018, с. 109], где *справиться* – ‘сделать, выполнить что-л.; суметь сделать, выполнить что-л.’ [БТС].

Лингвистические предпосылки восприятия велосипеда как волшебного предмета

Обратимся к анализу средств репрезентации одного из главных героев произведения – говорящего велосипеда *Вилли*, друга Августины. Художественная задача выстраивания амбивалентного образа велосипеда реализуется автором при помощи различных лингвистических средств.

Во-первых, предикатная лексика, используемая Н. С. Дашевской при его описании, дает читателю представление об амбивалентной природе *Вилли* как волшебного предмета. Предикации типа *велосипед хранится* [Дашевская, 2018, с. 14], благодаря которым велосипед выступает в качестве неодушевлённого предмета, представлены нерегулярно.

Мы выявили, что Н. С. Дашевская характеризует *Вилли*, *велосипед*, создавая динамический образ, с помощью глагольных предикатов следующих лексико-семантических групп (ЛСГ):

– глаголы речи (43 вкл.): *сказать* (12 вкл.), *спросить* (7 вкл.), *ответить* (6 вкл.), *говорить*

(4 вкл.), *разговаривать* (2 вкл.), *молчать* (2 вкл.) и по 1 вкл. *вмешаться*, *вызваться*, *замолчать*, *заявить*, *обещать*, *объяснить*, *подсказывать*, *пожаловаться*, *предупредить*, *тренькнуть* (звонком);

– глаголы, обозначающие чувства и эмоции (20 вкл.): *обидеться* (3 вкл.), *засмеяться* (2 вкл.), *удивиться* (2 вкл.), *хмыкнуть* (2 вкл.) и по 1 вкл. *дуться*, *зажидаться*, *моргнуть* (фонариком), *обрадоваться*, *поддержать*, *подмигнуть*, *пожалеть*, *улыбаться*, *усмехнуться*. Отметим, что в диалоге Севки с *велосипедом* в его репликах определено-личные предложения с грамматической основой *не дуйся* [Дашевская, 2018, с. 69], *скупаешь* [Дашевская, 2018, с. 15] также адресуются *Вилли*;

– глаголы движения (17 вкл.): *стоять* (3 вкл.), *ездить* (2 вкл.), *крутить* (колесом) (2 вкл.) и по 1 вкл. *бить* (копытом), *вырулить*, *держаться*, *нести*, *лежать*, *сидеть*, *касаться*, *падать*, *подпрыгивать*. В тексте содержится также имплицитное указание на действие *Вилли*, обозначаемое глаголом *тащить* (*тащил*): *мы с Августинкой... помогли Вилли тащить* [Дашевская, 2018, с. 105];

– глаголы восприятия (6 вкл.): *понимать* (3 вкл.) и по 1 вкл. *знать*, *ориентироваться* (на местности). Определено-личное предложение с грамматической основой *смотри* и с семантической побуждения [Дашевская, 2018, с. 15] тоже относится к велосипеду;

– модальные глаголы [Калинина, 2010, с. 20] (4 вкл.): *мочь* (2 вкл.), *хотеть* (1 вкл.), *собираться* (1 вкл.).

Отдельную группу составляют лексические средства волеизъявления, в том числе глаголы либо глагольные словосочетания, содержащие единицы, которые обозначают отказ или согласие *Вилли* в отношении предлагаемого действия (6 вкл.). Так, отказ обозначен предикатом *закрутить* (рулем) (1 вкл.), а согласие – *кивать* (рулем) (1 вкл.), *кивнуть* (1 вкл.), *слушаться* (1 вкл.) и *(не) быть против* (2 вкл.). О кивании как жесте согласия см. у С. А. Григорьевой, Н. В. Григорьева, Г. Е. Крейдлина [Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001, с. 60].

Анализ частотности использования глаголов различных ЛСГ в функции сказуемого при подлежащем *Вилли*, *велосипед* или в функции главного члена односоставного предложения позволяет сделать вывод о том, что в сказочной повести субъект действия, обозначенный как *Вилли* и *велосипед*, выполняет действия, свойственные

одушевлённым предметам: он говорит, испытывает чувства и эмоции, изъявляет свою волю. Эти действия он преимущественно осуществляет как отдельный субъект, а не в составе субъекта *мы* или *мы с Вилли*.

В то же время глаголы движения могут характеризовать данный субъект и как одушевлённый, и как неодушевлённый. К примеру, ср. ЛСВ-1 и ЛСВ-2 глагола *лежать*: ср. ‘1. Находиться в горизонтальном положении, быть распротёртым всем телом на чём-л. (о людях и некоторых животных)’, ‘2. Находиться, быть помещённым на какой-л. горизонтальной поверхности (о предметах) [БТС]; ЛСВ-1 и ЛСВ-4 глагола *стоять*: ‘1. Находиться в вертикальном положении, не двигаясь с места; занимать место где-л., находясь в таком положении (о людях, животных)’, ‘4. Помещаться, находиться где-л., в чём-л. в вертикальном положении (о предметах)’ [БТС]. Отдельные фрагменты речевых партий героев сказочной повести также поддерживают авторское стремление передать амбивалентность природы данного героя повести. Так, наряду с обращениями к велосипеду как собеседнику (*не дуйся, смотри, скачаешь*) и частотными конструкциями *мы с Вилли* occasionally используется *я поехал на Вилли* [Дашевская, 2018, с. 84] (ср. *я поехал на велосипеде*).

Местоименно-субстантивное словосочетание *мы с Вилли* со значением совместности и местоимение *мы* (указание на тандем ‘Севка и Вилли’), подчёркивающие дружеский характер общения мальчика и велосипеда, в качестве подлежащего использованы в тексте 60 раз. В тексте содержатся 2 включения падежных форм местоимения *мы* в указанном значении, 1 включение притяжательного местоимения *наше с Вилли*. Таким образом, местоимение *мы* функционирует прежде всего в качестве обозначения субъекта действия, что отвечает одной из основных интенций автора, заключающейся в сближении представления о герое с представлением читателя о себе.

Н. С. Дашевская оформляет предикацию глагольными словоформами ЛСГ глаголов движения (57 вкл.) (наименования корней приведены по «Словарю морфем русского языка» А. И. Кузнецовой, Т. Ф. Ефремовой [Кузнецова, Ефремова, 1986]):

– с корнем *ех* (*езд, ежж*) (27 вкл.): *поехать* (10 вкл.), *ехать* (4 вкл.), *приехать* (4 вкл.), *выехать* (3 вкл.), *переехать* (2 вкл.) и по 1 вкл. *заехать*, *объехать*, *проехать*, *ухать*;

– с корнем *гон* (*ган, гн*) (6 вкл.): *погнать* (3 вкл.), *догнать* (1 вкл.), *обогнать* (1 вкл.), *сгонять* (1 вкл.);

– с корнем *й* (*1 и, ид, йд, ыд*) (3 вкл.): *пойти* (1 вкл.), *прийти* (1 вкл.), *уйти* (1 вкл.);

– с корнем *мч* (3 вкл.): *помчаться* (3 вкл.),
– с корнем *ста(ј)* (*сто*) (3 вкл.): *остановиться* (2 вкл.), *доставать* (1 вкл.),

– с корнем *лет* (*лёт*) (2 вкл.): *вылетать* (1 вкл.), *вылететь* (1 вкл.);

– с корнем *езд* (*езж, ех*) (2 вкл.): *ездить* (1 вкл.), *изъездить* (1 вкл.);

– с корнем *брод* (*бред, брес, брож*) (1 вкл.): *бродить* (1 вкл.);

– с корнем *вер* (*верет, верт, вёрт, верч*) (1 вкл.): *свернуть* (1 вкл.);

– с корнем *вод* (*важ, важд, вед, вес, вож, вожд*) (1 вкл.): *проводить* (1 вкл.);

– с корнем *ид* (*и, й, йд, ыд*) (1 вкл.): *идти* (1 вкл.);

– с корнем *кат* (1 вкл.): *покататься* (1 вкл.);

– с корнем *мер* (*мар, мёр, мир, мор*) (1 вкл.): *замереть* (1 вкл.);

– с корнем *плут* (1 вкл.): *плутать* (1 вкл.);

– с корнем *рв* (*ров, ры*) (1 вкл.): *рвануть* (1 вкл.);

– с корнем *ход* (*хаж, хож, хожд*) (1 вкл.): *ходить* (1 вкл.). Также Вилли и Севке предложено выполнить действие совместно: *заходите вдвоем* [Дашевская, 2018, с. 45].

Разговорная конструкция *мы дали* [Дашевская, 2018, с. 55] позволила автору представить энергичные совместные действия Севки и Вилли – ‘резко увеличить скорость, быстро проехать’.

Обозначение ставшего согласно замыслу автора неразрывным дуэтом ‘Севка и Вилли’, представляемого местоимением *мы*, характеризуется предикатами ЛСГ глаголов речи (3 вкл.): *обещать*, *рассказать*, *поболтать*.

Таким образом, Н. С. Дашевская приводит читателя к пониманию, что в первую очередь главных героев произведения (мальчика и его велосипеда) объединяет увлечение движением, путешествиями, то есть их дружба зиждется на деятельностном начале, что в целом свойственно детям того возраста, на который ориентирована сказочная повесть в соответствии с прагматикой текста. Ребенок чувствует свою неразрывную связь с друзьями, что обозначается с помощью наречий *вдвоём* (4 вкл.), *втроём* (3 вкл.).

Во-вторых, амбивалентность Вилли с точки зрения персонификации при работе автора с та-

ким ресурсом экспрессивности, как категория одушевлённости, реализуется Н. С. Дашевской также за счет грамматических особенностей имени собственного (ИС) *Вилли*, а именно его неизменяемости, что в ряде случаев приводит читателя к необходимости оценивать, вступать в мыслительную и языковую игру, решать вопрос об определении этого героя как живого или неживого предмета на основании сочетаемости онима: *сам Вилли* [Дашевская, 2018, с. 20] и мн. др. О семантике ИС *Вилли* см. нашу работу [Голосова, 2021, с. 80]. От ИС *Вилли* Н. С. Дашевская образует притяжательные прилагательные с помощью суффикса *-ин-*: *Виллины слова* [Дашевская, 2018, с. 25], *Виллиным звонком* [Дашевская, 2018, с. 35]. Принадлежность чего-либо *Вилли* может обозначаться и традиционным образом: порядок слов позволяет читателю осознать значение притяжательности в словосочетании *имя (чьё?) Вилли*.

В-третьих, Н. С. Дашевская использует различные характеристики в отношении лексем *велосипед* и *Вилли*. Значительная часть определений может быть отнесена только к неодушевлённому предмету: *железный* (1 вкл.), *оранжевый* (1 вкл.), *ржавый* (1 вкл.) и *не ржавый* (2 вкл.), *сияющий (на солнце)* (1 вкл.), *качественный* (1 вкл.), *старый* (2 вкл. в значении ЛСВ-6: ‘Давно находящийся в употреблении, давно сделанный (противоп.: новый)’ [БТС]). Заметим, что символика оранжевого включает в себя в качестве одного из основных символических значений представление о нем как о «цвете теплоты и блаженства, означающем святость и здоровье, символизирующем энергию, радость, смелость» [Лагузова, Мартынова, 2021, с. 442], и в художественной ткани текста это средство секундарной предикации, формально оставаясь внешней характеристикой, предуготовляет читателя к восприятию образа велосипеда, имеющего индивидуальный характер. Кроме того, в речевых партиях папы Севки предикация осуществляется с помощью адъективно-субстантивных словосочетаний *замечательная машина* [Дашевская, 2018, с. 81], *немецкого производства* [Дашевская, 2018, с. 81].

На представлении об одушевлённости *Вилли* строится использование автором таких определений, как *говорящий* (3 вкл.), *ярко-рыжий* (2 вкл.), *взрослый* (1 вкл.) и – ещё до знакомства Севки с *Вилли*, в качестве предвосхищения встречи с волшебным предметом – *живой: Вот ужас-то – обменять живой велосипед на пиа-*

нино! [Дашевская, 2018, с. 8]. ЛСВ-1 лексемы *живой* – ‘Такой, который живёт, обладает жизнью’ [БТС].

Несколько определений могут употребляться как с одушевлённым, так и с неодушевлённым именем существительным, поэтому их функцией в тексте мы считаем поддержание представления об амбивалентной природе *Вилли*: *лучший (в мире)* (1 вкл.), *обыкновенный* (1 вкл.), *самый обычный* (1 вкл.), *тяжёлый* (1 вкл.). С помощью указания за *Вилли присмотрит Комарик* [Дашевская, 2018, с. 110] Н. С. Дашевская подчёркивает зависимость состояния велосипеда от заботы человека, что связывает представление о нем с представлением о питомце.

В предложении *всё равно он Вилли, всё равно* (84) оним *Вилли* в позиции предиката указывает на то, что велосипед *Вилли* – одушевлённый предмет. Акцентируемая частица *всё равно* – синоним к частице *всё-таки* – является, в сравнении с последней, «более «решительно» выражающей утверждение ситуации» [Словарь служебных частей речи, 2001, с. 92]. Ю. Д. Апресян, анализируя ряд синонимичных *всё равно* частиц, отмечает, что в подобных конструкциях «обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q» [Апресян, 2006, с. 671], т.е. иное положение дел, а не утверждаемое в высказывании, при этом «*всё равно* указывает на наибольшую [в сравнении с синонимами. – Е. Г.] степень заинтересованности субъекта (или говорящего) в ситуации Q» [Апресян, 2006, с. 671], что подтверждает наши выводы о прагматической составляющей употребления онима в роли предиката: Н. С. Дашевская указывает на одушевлённость велосипеда, подчёркивает эту особенность, выявляет для читателя степень заинтересованности Севки в факте, не укладывающемся в логику повседневной жизни.

Лингвистические средства актуализации в сознании читателя ассоциации *Вилли* со сказочным конём

Интересно проанализировать описание велосипеда в его «одушевлённой ипостаси» с точки зрения применения тех языковых средств, которые служат выстраиванию образа *Вилли* как волшебного предмета, дара главному герою.

В тексте содержится указание на материал, из которого он сделан: *Всё-таки он железный* [Дашевская, 2018, с. 65]. Отметим, что, во-первых, в русском языке ассоциация *железный конь* – *велосипед* имеет устоявшийся характер: *железный*

конь (иноск.) – велосипед (сделанный из железа) [Михельсон], а во-вторых, велосипед, как индивидуальное транспортное средство, принадлежавшее до момента дарения Августине, соотносится с железной ступой Бабы-Яги. Именно на железную ступу указывает и определение лексемы *Бабы-Яга* в словаре В. И. Даля [Даль]. Таким образом, Н. С. Дашевская, актуализируя в сознании читателя ассоциацию велосипеда с железным конем, акцентируя её посредством использования лексемы *железный* и указывая велосипед в качестве принадлежавшего Августине транспортного средства, а впоследствии – её волшебного дара главному герою, Севке, закладывает в читательское восприятие представление о велосипеде как преданном друге и верном коне главного героя. Кроме того, возникновение данной ассоциации служит предвосхищению встречи читателя с другими волшебными героями и предметами на страницах повести.

На страницах повести Н. С. Дашевская дважды называет Вилли *ярко-рыжим*. *Рыжий* – ‘1. Красно-жёлтый’ [БТС]. Указание на «масть» велосипеда не случайно: оно служит намеренной провокации читателя на соотнесение образа говорящего велосипеда с конём – помощником главного героя. По сути, Вилли – такой же помощник главного героя, как сказочный конь Бурка (или Сивка-Бурка): «Часть сказочного имени русского коня – Бурка выражает значение темно-рыжей или темно-красной масти» [Пименова, 2021, с. 82]. От коня *рыжей* масти, от Бурки, читатель ожидает соответствующего поведения – помощи главному герою, поддержки, готовности выслушать его в трудную минуту, что и происходит в повести.

Ф. Бекмурзаева отмечает: «Славяне очень почитали коней белых и рыжих мастей, потому что они воплощали свет, светлые силы, то есть само солнце» [Бекмурзаева, 2020, с. 219]. Вилли является одним из положительных персонажей повести, и указание на его принадлежность «светлым силам» поддерживается в процессе секундарной предикации эпитетом *сияющий*: *Ярко-рыжий велосипед, сияющий на солнце* [Дашевская, 2018, с. 15]. Именно *рыжая* масть коня указывает на его огненную природу, посреднический (между царствами живых и мёртвых) характер образа, принадлежность небу [Пропп, 2022, с. 283].

Н. С. Дашевская наделяет Вилли функцией ратного коня, так что он помогает противостоять отрицательному персонажу Генке, пытающемуся *оседлать* [Дашевская, 2018, с. 32] Севкин вело-

сипед, – сбрасывает его, оставаясь верным своему хозяину. Ср. вывод Ф. Бекмурзаевой: «Верность коня сделала его постоянным участником ратных дел» [Бекмурзаева, 2020, с. 220]. Н. С. Дашевская обозначает этот подвиг как легкую забаву для Вилли, прибегая к таким характеристикам: *лежал себе рядом и беспечно крутил верхним колесом* [Дашевская, 2018, с. 32]; в ситуации с обучением Севки езде указание на кручение колеса также помогало обозначить эмоции велосипеда: *весело крутил в воздухе колесом* [Дашевская, 2018, с. 25].

В изображении Н. С. Дашевской велосипед становится помощником главного героя, воплощением Бурки, и обретает неповторимый характер, в котором ранимость и обидчивость сочетаются с решительностью, интеллектом, чувством юмора, ребячливостью, нетерпеливостью: *Вилли обрадовался, прямо копытом бил, то есть колесом подпрыгивал* [Дашевская, 2018, с. 47] (ср. с повадками коня, бьющего в нетерпении землю копытом, перед тем как сорваться с места). На особенности поведения человека-всадника, что еще раз подтверждает идею о параллели *Вилли – конь*, указывает следующий фрагмент: *Наконец я остановился, спрыгнул с Вилли и просто пошёл с ним рядом, пробираясь через высокую траву* [Дашевская, 2018, с. 75]. См. *спрыгнуть* – ‘прыгнуть сверху вниз; соскочить прыжком. С. с лошади. Кошка спрыгнула с дивана на пол’ [БТС].

В контексте с пояснением (*копытом бил, то есть колесом подпрыгивал* [Дашевская, 2018, с. 47]) наиболее заметно то, как Н. С. Дашевская выстраивает параллели между частями механизма велосипеда и организма Вилли. На протяжении всего текста можно заметить особое внимание к словам *руль* (в различных контекстах это символическое обозначение *плеч* либо *головы* Вилли-коня), *колесо* (обозначение, соответственно, *ноги, копыта*).

Так, лексема *руль* (22 вкл.) (‘устройство для управления направлением движения судна, самолёта, автомобиля и т.п.’ [БТС]) в 21 случае служит описанию руля Вилли, при этом в 12 случаях *руль* является указанием на ‘часть организма’, а не деталь велосипеда: *тронул за руль* (в контексте обращения к велосипеду, привлечения его внимания) (1 вкл.), *обнял за руль* (1 вкл.), *руль вырвался из... рук* (1 вкл.), *погладил по рулю* (3 вкл.) (ср. с *погладил руль* (часть механизма) – 1 вкл.), *кивал рулем* (ср. *кивать головой*) (1 вкл.), *закрутил рулём* (1 вкл.) (ср. *мотать головой*, где

ЛСВ-2 лексемы *мотать* – ‘Разг. Двигать из стороны в сторону; качать, трясти, махать...// Движением головы выражать своё согласие или несогласие с кем-, чем-л.’ [БТС]), *вёл за руль* (2 вкл.), *водил за руль* (1 вкл.), где *вести* – ‘1. (св. привести). кого. Идя вместе, направлять движение, помогать или заставлять идти с собой; сопровождать. **В. коня** под уздцы’ [БТС]. Наконец, особый интерес представляет сочетание *пожал рулем* (о Вилли) [Дашевская, 2018, с. 41] на месте узуального, привычного читателю *пожал плечами*. Данное устойчивое выражение используется в тексте 15 раз: 1 раз *плечами пожимает* Теодор Архивариус, дважды – Марк, трижды – Коля, Августина *пожимает плечом* и *плечами*, 7 раз *плечом пожимает* Севка. Таким образом, Н. С. Дашевская, благодаря трансформированному фразеологизму-соматизму, предлагает принять как константу то, что в кругу *друзей* Севки это привычный жест, помогающий выразить целый спектр эмоций. Согласно словарям, *пожать* – ‘2. Жать, сжимать некоторое время. П. плечами, плечом (выразить недоумение, раздумье, пренебрежение, удивление)’ [БТС]; «Для данного жеста характерно употребление в ситуации, когда жестикулирующий не просто сообщает об отсутствии у него некоторой информации, но и указывает на необоснованность ожиданий получить от него эту информацию» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001, с. 93], им также может быть выражено недоумение [Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001, с. 94]. Н. С. Дашевская, используя описание данного жеста в целях художественной характеристики и, обыгрывая его при перенесении на поведение велосипеда, подчёркивает одушевлённость и принадлежность Вилли кругу близких Севке по духу героев.

Наконец, важным представляется обратить внимание на актуализацию мифологической составляющей в образе Вилли. В кульминационный момент повести (погоня за поездом с уезжающей Августиной) в речевой партии Севки содержится указание на *неотмирность* Вилли: *...я ждал на педали, а Вилли, кажется, совершенно перестал касаться земли. Я и не знал, что он так может. <...> Речка, мостик, доски уже ничего не сказали, потому что мы не доставали колёсами до земли. Только мы и ветер* [Дашевская, 2018, с. 101]. «Кони в русской лингвокультуре тесно связаны с небом» [Бекмурзаева, 2020, с. 222], «конь облачается в птичий образ» [Прош, 2022, с. 273], и в соответствии с замыс-

лом автора Вилли в решающий момент повести предстает перед читателем в образе надежного сказочного помощника – волшебного коня, способного оторваться от земли. Заметим, что представление о связи коня с небом характерна и для других культур [Божедонова, 2021, с. 106; Тозыякова, 2020, с. 372]. Ключевой особенностью данного фрагмента повести является то, что Вилли «оживает», прекращая реагировать на педали, то есть, теряя сходство с велосипедом, переставая подчиняться условностям реального мира. Тем самым Н. С. Дашевская закладывает в сознание читателя идею о том, что чудеса возможны и в жизни обычного ребёнка.

Заключение

Рассмотренные в статье языковые средства характеристики образа говорящего велосипеда – Вилли – позволяют утверждать, что использование фольклорной основы служит реализации интенций автора. На представление о велосипеде и его значении для мечтающего о нем ребенка накладывается заложенное в юного читателя народными сказками знание о волшебном даре Яги-дарительницы – богатырском коне. В сочетании с представлением об индивидуальном характере героя-велосипеда в душе читателя рождается восприятие данного художественного образа как многомерного, современного, значимого. Мечта о говорящем велосипеде – мечта о понимающем и помогающем друге, и Н. С. Дашевская, реализовывая эту мечту читателя, соотносящего себя с главным героем повести, помогает ребенку преодолеть комплексы, страхи, поверить в возможность чуда, что является её идиостилиевой интенцией.

Библиографический список

1. Апресян В. Ю. Часть седьмая. Уступительность в языке. Глава 3. Семантика основных уступительных единиц. // Языковая картина мира и системная лексикография. Москва : Языки славянских культур, 2006. 912 с.
2. Бекмурзаева Ф. Ш. Мифосимволическая составляющая анималистического концепта лошадь / конь в русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 1(81). С. 216–225.
3. Божедонова А. Е. Образ коня богатыря в структуре концепта «Богатырь – идеальный человек» (на материале ранних текстов олонхо) // Эпосоведение. 2021. № 4(24). С. 105–111.
4. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт,

1998. 1534 с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 10.05.2023).

5. Голосова Е. А. Идиостилевые особенности использования антропонимов в повести Н. С. Дашевской «Вилли» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4(27). С. 75–85.

6. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. Москва–Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 256 с.

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] В. И. Даля. Т. 4. Москва: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1866. 625 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003833542?page=618&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 10.05.2023).

8. Дашевская Н. С. Вилли: [для мл. шк. Возраста: 0+] / Нина Дашевская; ил. Евгении Двоскиной. 3-е изд., стереотип. Москва: КомпасГид, 2018. 112 с.

9. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100 000 слов. Москва: Русский язык, 1977. 880 с.

10. Калинина Л. А. Модальные глаголы в современном русском языке // Вестник педагогического опыта. 2010. № 32. С. 19–20.

11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. стереотип. Москва: ЛЕНАНД, 2023. 264 с.

12. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка: Ок. 52000 слов. Москва: Рус. яз., 1986. 1136 с.

13. Лагузова Е. Н. Устойчивые выражения с цветным прилагательным оранжевый в русском языке XXI века / Е. Н. Лагузова, Е. Н. Мартынова // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7, № 4(28). С. 440–447.

14. Леденева В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2002. № 6.

15. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. Санкт-Петербург: тип. Ак. наук. М. И. Михельсон. 1896–1912. 2208 стр. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/2875/железный (дата обращения: 10.05.2023).

16. Пименова М. В. Конь и лошадь в английской, казахской и русской языковых картинах мира / М. В. Пименова, А. Ш. Жилкубаева, Ф. Ш. Бекмурзаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 1. С. 75–88.

17. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Санкт-Петербург: Питер, 2022. 576 с.

18. Словарь служебных слов русского языка / Дальневосточный гос. ун-т. Каф. соврем. рус. яз. ;

[отв. ред.: Е. А. Стародумова]. Владивосток: Изд-во ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. 363 с.

19. Средства репрезентации идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С. М. Колесникова, Е. А. Бурская, О. В. Шаталова, В. В. Леденева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 47–62.

20. Тозыякова Е. А. Конь батыра в структуре концепта «алтай-кижи» / алтаец: на материале мифологии, фольклора, эпоса и литературы / Е. А. Тозыякова, Т. А. Баданова, Е. А. Черепанова // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5(84).

21. Халикова Н. В. Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 51–59.

Reference list

1. Apresjan V. Ju. Chast' sed'maja. Ustupitel'nost' v jazyke. Glava 3. Semantika osnovnyh ustupitel'nyh edinic = Part seven. Concession in language. Chapter 3: Semantics of the main concessive units // Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. 912 s.

2. Bekmurzaeva F. Sh. Mifosimvolicheseskaja sostavlja-jushhaja animalisticheskogo koncepta lohad' / kon' v russkoj jazykovej kartine mira = Mythosymbolic component of the animalistic concept equine/horse in the Russian linguistic picture of the world // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 22, № 1(81). S. 216–225.

3. Bozhedonova A. E. Obraz konja bogatyryja v strukture koncepta «Bogatyry – ideal'nyj chelovek» (na materiale rannih tekstov olonho) = The image of the horse as an epic hero in the structure of the concept «The epic hero as an ideal man» (based on the early olonkho texts) // Jeposovedenie. 2021. № 4(24). S. 105–111.

4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: A–Ja = Big explanatory dictionary of the Russian language: A–Z / RAN. In-t lingv. issled.; sost., gl. red. kand. filol. nauk S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg: Norint, 1998. 1534 s. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (data obrashhenija: 10.05.2023).

5. Golosova E. A. Idiostilevyje osobennosti ispol'zovanija antroponimov v povesti N. S. Dashevskoj «Villi» = Idiostyle features of anthroponyms use in the story «Willie» by N. S. Dashevskaya // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2021. № 4(27). S. 75–85.

6. Grigor'eva S. A., Grigor'ev N. V., Krejdlin G. E. Slovar' jazyka russkih zhestov = Dictionary of the Russian sign language. Moskva–Vena: Jazyki russkoj kul'tury; Venskij slavisticheskij al'manah, 2001. 256 s.

7. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka = Explanatory dictionary of the living great Russian language / [Soch.] V. I. Dalja. T. 4. Moskva: O-vo ljubitelej ros. slovesnosti, uchr. pri Imp. Mosk. un-te, 1866. 625 s. URL:

<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003833542?page=618&rotate=0&theme=white> (data obrashhenija: 10.05.2023).

8. Dashevskaja N. S. Villi = Willie : [dlja ml. shk. Vozrasta : 0+] / Nina Dashevskaja ; il. Evgenii Dvoskinov. 3-e izd., stereotip. Moskva : KompasGid, 2018. 112 s.

9. Zaliznjak A. A. Grammaticheskij slovar' russkogo jazyka. Slovoizmenenie. Okolo 100 000 slov = Grammar dictionary of the Russian language. Word formation. About 100,000 words. Moskva : Russkij jazyk, 1977. 880 s.

10. Kalinina L. A. Modal'nye glagoly v sovremenom russkom jazyke = Modal verbs in the modern Russian language // Vestnik pedagogicheskogo opyta. 2010. № 32. S. 19–20.

11. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and linguistic personality. Izd. stereotip. Moskva : LENAND, 2023. 264 s.

12. Kuznecova A. I., Efremova T. F. Slovar' morfem russkogo jazyka: Ok. 52000 slov = Dictionary of the Russian language morphemes. Moskva : Rus. jaz., 1986. 1136 s.

13. Laguzova E. N. Ustojchivye vyrazhenija s cvetovym prilagatel'nym oranzhevyj v russkom jazyke XXI veka = Collocations with the color adjective orange in the Russian language of the XXI century / E. N. Laguzova, E. N. Martynova // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. T. 7, № 4(28). S. 440–447.

14. Ledeneva V. V. Idiostil' (k utocnieniu ponjatiya) = Idiostyle (to clarify the concept) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2002. № 6.

15. Mihel'son M. I. Russkaja mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznyh slov i inoskazanij. T.1–2. Hodjachie i metkie slova. Sbornik russkih i inostrannyh citat, poslovic, pogovorok, poslovichnyh vyrazhenij i otdel'nyh slov = Russian thought and speech. One's own and alien. Practice in Russian phraseology. Collection of figurative words and allegories. V. V. 1-2. Household words. Collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbial expressions and individual words. Sankt-Peterburg : tip. Ak. nauk. M. I.

Mihel'son. 1896–1912. 2208 str. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/2875/zheleznyj (data obrashhenija: 10.05.2023).

16. Pimenova M. V. Kon' i loshad' v anglijskoj, kazahskoj i russkoj jazykovyh kartinah mira = Horse and equine in English, Kazakh and Russian linguistic worldviews / M. V. Pimenova, A. Sh. Zhilkubaeva, F. Sh. Bekmurzaeva // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2021. T. 20, № 1. S. 75–88.

17. Propp V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki = Historical roots of the fairy tale. Sankt-Peterburg : Piter, 2022. 576 s.

18. Slovar' sluzhebnyh slov russkogo jazyka = Dictionary of the Russian functional words / Dal'nevostochnyj gos. un-t. Kaf. sovrem. rus. jaz. ; [otv. red.: E. A. Starodumova]. Vladivostok : Izd-vo GUP «Primpoligrafkombinat», 2001. 363 s.

19. Sredstva reprezentacii idiomov «Deti», «Sem'ja», «Zhizn'» v romane F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy» = Representation of idioms «Children», «Family», «Life» in F. M. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov» / S. M. Kolesnikova, E. A. Burskaja, O. V. Shatalova, V. V. Ledeneva // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2021. T. 20. № 1. S. 47–62.

20. Tozjakova E. A. Kon' batyra v strukture koncepta «altaj-kizhi» = Batyr's horse in the structure of the concept «Altai-Kizhi» / altaec: na materiale mifologii, fol'klora, jeposa i literatury / E. A. Tozjakova, T. A. Badanova, E. A. Cherepanova // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2020. № 5(84).

21. Halikova N. V. Formal'naja i semanticheskaja struktura slovesnogo obraza «veter duet» v tekstah proizvedenij I. A. Bunina = Formal and semantic structure of the verbal image «the wind blows» in I. A. Bunin's works // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2020. № 4. S. 51–59.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 21.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 11.05.2023; approved after reviewing 21.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81'255:22.05/.06

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_92

EDN: WQFNYG

Исторические судьбы переводных текстов: забвение, обновление, сохранение

Георгий Теймуразович Хухуни^{1✉}, Ирина Ивановна Валуйцева², Анна Александровна Осипова³

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Государственный университет просвещения. 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

²Доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Государственный университет просвещения. 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

³Доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой контрастной лингвистики, Московский педагогический государственный университет. 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

¹khukhuni@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7423-5393>

²irinaiiv-v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-00002-5935-7595>

³aa.osipova@mpgu.su, <https://orcid.org/0009-0004-9168-0079>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, относящиеся к исторической судьбе переводов в принимающей культуре. Отмечается, что их судьба нередко была не менее интересной и драматичной, чем у оригинальных произведений. Многие художественные, а также сакральные тексты обычно насчитывают длительную историю межъязыковой передачи, причем протяженность «жизни» тех или иных версий оказывается различной. На длительность их функционирования в качестве актуального явления может оказывать влияние ряд факторов как лингвистического, так и лингвокультурного, исторического, общественно-политического, литературно-стилистического и иного характера, хотя степень их влияния в каждую конкретную эпоху неодинакова. В качестве материала нашего исследования используются выполненные в разные периоды версии перевода Священного Писания на разные языки, а также классических памятников (поэмы Гомера, «Иудейская война» Иосифа Флавия). Основной метод исследования – историко-филологический. Обращается внимание на ту роль, которую играло при их передаче отношение к исходному тексту. В связи с этим анализируется понятие степени свободы толкования текста-источника и рассматриваются положения скопостеории, получившей относительно широкое распространение на рубеже XX и XXI веков. Представлены также такие факторы, как возможность наличия у исходного текста разных редакций, появление новых источников, оказывающих существенное влияние на его понимание, эволюция языка перевода, делающая прежние версии малодоступными читателям более позднего времени, замена переводов с языка-посредника на выполненные непосредственно с оригинала. Учитывается также наличие в принимающей культуре переводов, считающихся образцовыми, с которыми неизбежно сравниваются новые версии.

Ключевые слова: перевод; оригинал; Библия; классический; текст; функционирование; сохранение; обновление

Для цитирования: Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И., Осипова А. А. Исторические судьбы переводных текстов: забвение, обновление, сохранение // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 92–99. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_92. <https://elibrary.ru/WQFNYG>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Historical fate of translated texts: oblivion, renovation, preservation

Georgy T. Khukhuni^{1✉}, Irina I. Valuitseva², Anna A. Osipova³

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of language theory, english studies and applied linguistics, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24

²Doctor of philological sciences, professor at the department of language theory, english studies and applied linguistics, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24

³Doctor of philological sciences, associate professor, head of the department of contrastive linguistics, Moscow pedagogical state university, 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya st., 1, bld. 1

¹khukhuni@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7423-5393>

²irinaiv-v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-00002-5935-7595>

³aa.osipova@mpgu.su, <https://orcid.org/0009-0004-9168-0079>

Abstract. The article covers some aspects related to the historical fate of translations in the host culture. It is noted that their fate is often no less interesting and dramatic than that of the original work. Many works of fiction as well as sacred texts usually have a long history of interlingual translation, moreover, the «lifespan» of certain versions often differs substantially. The duration of their functioning as an actual phenomenon can be influenced by a number of factors, both linguistic and linguocultural, historical, social, political, literary, stylistic etc., although the degree of their influence varies in each particular epoch. As the material for the research, the authors use some versions of the Holy Writ made in different periods in different languages, as well as certain pieces of literary classics – Homer's poems, Josephus Flavius' «The Jewish War». The key method of research is a historical-philological one. Attention was paid to the role played by the attitude to the source text during its translation. In this regard, the authors analyze the degree of freedom in interpreting the source text and consider the Skopos theory, which became relatively widespread at the turn of XX–XXI centuries. The article also introduces such factors as the possibility of the original text having different editions, new sources having a significant impact on its understanding, the evolution of the translation language making earlier versions not understandable to later readers, and the replacement of translations from an intermediary language by those made directly from the original. The authors also take into account whether there are translations in the host culture that are considered exemplary, to which new versions are inevitably compared.

Key words: translation; original; Bible; classical; text; functioning; preservation; renovation

For citation: Khukhuni G. T., Valuitseva I. I., Osipova A. A. Historical fate of translated texts: oblivion, renovation, preservation. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(3):92–99. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_92. <https://elibrary.ru/WQFNYYG>

Введение

В советский период авторы работ, посвященных значению и роли переводных произведений в развитии мировой культуры, часто ссылались на слова Н. Г. Чернышевского: «Переводная литература у каждого из новых европейских народов имела очень важное участие в развитии народного самосознания или <...> в развитии просвещения и эстетического вкуса. Потому историко-литературные сочинения только тогда не будут страдать очень невыгодно односторонностью, когда станут на переводную литературу обращать гораздо больше внимания, нежели как это обыкновенно делается теперь» [Чернышевский, 1856]. Реже вспоминали продолжение этой цитаты: «Участие иностранных литератур в развитии нашего эстетического вкуса производилось преимущественно чистыми переводами. <...> Огромную важность имеет у нас переводная литература. До самого Пушкина она была несравненно важнее оригинальной. <...> Да и теперь еще не так легко решить, взяла ли над нею верх оригинальная литература. <...> до Пушкина, в истории нашей литературы, переводная часть почти одна только имеет право считаться истинною питательницею русской мысли» [Чернышевский, 1856].

Разумеется, в приведенном рассуждении наблюдается явное полемическое преувеличение, истоки которого кроются в общественно-политической позиции его автора. Однако в определенной степени оно содержит зерно истины, и не только в отношении России. А отсюда следует и необходимость изучения судьбы переводных текстов в принимающих культурах, поскольку нередко она была не менее интересной и драматичной, чем у оригинальных произведений. В статье предпринята попытка рассмотреть отдельные аспекты данного вопроса на материале версий Священного Писания и некоторых произведений классической литературы, о которых говорится ниже. Выбор названных источников объясняется их значимостью в общем фонде мировой культуры, и, как следствие, их неоднократным переводом на тот или иной язык – как на протяжении столетий, так и практически в одно и то же время, что позволяет более глубоко и всесторонне выявить причины, определявшие их историческую судьбу.

Методы исследования

В статье использованы методы историко-филологического и сопоставительного анализа

указанного выше материала и обобщения полученных данных.

Результаты исследования

Исходный текст: «свобода толкования». Среди многочисленных теорий, предлагавшихся переводоведами за истекшие десятилетия, одной из наиболее популярных и, вместе с тем, наиболее критикуемых приходится считать скопостеорию К. Райс и Х. Фермеера (см. [Reiß, Vermeer 2014], [Nord 2018]). Многие высказывания ее основоположников порой воспринимаются как парадоксы, одним из примеров которых является суждение Х. Фермеера: «Чего <...> определенно не существует, так это „одного“ исходного текста. <...> Существует лишь некоторый специфически интерпретируемый исходный текст, так сказать, „исходный текст X в момент времени tх“. Поэтому „единый“ исходный текст не может быть основой и отправной точкой для „единого“ перевода» (цит. по: [Прунч, 2015, с. 164]).

Это – опять-таки используя выражение Х. Фермеера – «низведение исходного текста со своего пьедестала» вызвало весьма неоднозначную реакцию. Вместе с тем, приходится признать, что возможность множественности переводов одного и того же текста – объективный факт, причем, далеко не всегда расхождения, обнаруживаемые в них, объясняются сознательным искажением или явной ошибкой переводчика. В данном случае целесообразно использовать принцип, нашедший отражение в психолингвистических трудах, который в работе А. А. Леонтьева выглядит следующим образом: «Содержание текста принципиально полифонично, оно имеет множество „степеней свободы“ <...> Но <...> Есть предел числу степеней свободы, и этот предел и есть объективное содержание или объективный смысл текста <...>» [Леонтьев, 1997, с. 143, 144]. Именно сохранение в тексте на другом языке указанного предела и можно квалифицировать как тот «инвариант перевода», наличие которого представители скопостеории и их сторонники ставят под сомнение (см. также [Сдобников]).

Те случаи, когда данное условие нарушено (возвращаясь к примеру А. А. Леонтьева, – если в переводе имеет место понимание «Капитала» К. Маркса как «апологии капитализма», а Элен Курагина представлена как «образец для подражания» [Леонтьев, 1997, с. 144]), текст не рассматривается нами как собственно перевод. Од-

нако это не снимает вопроса о том, почему, когда такое нарушение отсутствует, судьба тех или иных версий складывается по-разному – от сохранения в качестве актуального наследия принимающей культуры до отторжения и забвения или, в лучшем случае, превращения в «архивное» достояние. Ниже представлены некоторые из возможных причин.

Исходный текст: разные редакции. Традиционно, говоря о вариативности переводного текста, имеют в виду различие способов подачи в нем тех или иных сторон текста исходного. В большинстве случаев подобный подход представляется оправданным. Однако в тех случаях, когда речь идет о диахроническом переводе, то есть передаче текста либо написанного на древнем языке, в настоящее время являющегося мертвым, как, например, древнеегипетский или шумерский, либо на предшествующих этапах развития ныне существующего языка, скажем, древнеанглийского, при наличии нескольких рукописных версий возникает необходимость текстологической работы над ними и воссоздания той редакции, которая будет признана большинством (во всяком случае, на момент своего создания) наиболее соответствующей первичному («исконному») виду данного произведения. Причем у различных исследователей мнения на этот счет могут расходиться. В данном отношении наиболее показательным можно считать новозаветный канон, относительно которого отмечалось, что «известные нам списки отличаются друг от друга. Текстолог ставит перед собой задачу установить на основании разнородных списков, какой текст следует считать наиболее близким к оригиналу <...> Практические результаты использования критики текста были различными для разных поколений текстологов, что объясняется увеличением количества и качества доступных источников вследствие открытия новых рукописей и изменением с течением времени теорий и методов оценки рукописных данных» [Мецгер, Эрдман, 2013, с. XVIII]. Соответственно, переводы, выполненные с разных версий, будут расходиться друг с другом, в некоторых случаях – достаточно существенным образом. Такое расхождение можно наблюдать, в частности, сравнивая Синодальный перевод Библии 1876 г. и вышедшие в свет уже в наше столетие переводы Российского библейского общества и Института перевода Библии при адвентистской Заокской духовной академии и Библейско-богословского института св. апостола Андрея.

Понимание исходного текста: новые данные. Помимо собственно текстуальных расхождений, необходимость появления новых версий может обуславливаться и появлением новых источников, в той или иной степени влияющих на понимание исходного текста и его содержания. Об этом писал, в частности, М. Г. Селезнев, руководивший переводом Ветхого Завета в Библии Российского библейского общества: «<...> я и мои коллеги-ветхозаветники стремились учесть то, что появилось в библейской науке за последние 130 лет. Это и кумранские рукописи, чтения которых во многих случаях аутентичнее чтения других источников. Это и открытия библейской археологии, благодаря которым мы лучше представляем себе историческую географию Палестины, материальную культуру древних евреев, их образ жизни. Это и сравнительно-семитологические исследования, которые объясняют нам значение многих ранее неясных слов древнееврейского языка. Это и литература соседних народов, которая проливает свет на то, как жили и мыслили люди древнего Ближнего Востока, а древний Израиль был частью этого мира (нередко мы видим прямые литературные параллели). Всего этого не знали и не могли знать люди середины XIX века» [Селезнев, 2011].

Переводной текст: язык перевода. Начать разговор об этом аспекте судеб тех или иных переводов представляется целесообразным с высказывания, принадлежащего видным представителям Русской Православной Церкви – митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Михаилу, митрополиту Московскому Серафиму и тогда архиепископу Тверскому и Кашинскому, а впоследствии прославленному митрополиту Московскому святителю Филарету, сыгравшему главную роль в создании Синодального перевода, – относящегося к началу XIX века, где обосновывается необходимость создания русского перевода Библии: «<...> между тем как язык в книгах неизменно храниться может многие веки, язык в устах народа в одном веке изменяется много, и написанное за несколько столетий на нашем отечественном языке ныне нам уже мало понятно без особенного изучения сего языка в древнем его состоянии. Из сего открывается для беспрепятственного употребления и рассмотрения Слова Божия необходимость не только переводить Священное Писание на отечественный язык, но и на сем самом языке от времени до времени возобновлять перевод сообразно с со-

стоянием сего языка в его народном употреблении. Необходимость сию давно уже видели предки наши [Возглашение..., 2013].

Характерно, что во многом аналогичные доводы приводились и создателями Библии нынешнего Российского библейского общества при обосновании необходимости новой версии Священного Писания: «<...> мы хотели передать библейский текст языком современной русской литературы (не имею в виду язык улицы). Ведь стиль синодального перевода был задан переводами РБО начала XIX века, это еще язык допетровской эпохи» [Селезнев, 2011].

Особенно наглядно лингвистический аспект – историческое изменение переводного языка (речь идет о классических произведениях светского характера) – проявляется в отношении отечественных переводов XVIII века (из последних работ, посвященных этому периоду, см. [Таунзенд, 2020]). Начавшись еще при Петре Первом в связи с теми преобразованиями, которые осуществлялись в стране, оно достигло особого размаха в годы правления Екатерины Второй, чему способствовало и создание при ее непосредственном участии «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российский язык», основанного в 1768 г. Объектом деятельности «Собрания» была практически вся европейская литература – от античных авторов до французских просветителей. Однако большая часть того, что было создано в этот период (будь то речи Цицерона или произведения Вольтера), к началу XX в. воспринималась как устаревшая, в значительной степени именно благодаря своим лингвистическим характеристикам, и была переведена заново, порой даже несколько раз. Правда, такой «ревитализации» на переводном языке удостоились не все произведения. Когда одному из авторов настоящей статьи в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. понадобилось для реферата по педагогике сочинение Франсуа Фенелона «О воспитании девиц», знакомиться с ним пришлось именно по версии XVIII в., которую «с французского языка переводил Иван Туманский Геролдмейстерской канторы переводчик» [Фенелон, 1763] и которую, кстати, читала Софья в комедии Фонвизина «Недоросль». Обращает на себя внимание характерное для той эпохи специальное указание переводчиком «должности, звания, чина», которое, по замечанию К. И. Таунзенд, «имело своим основанием глубинные механизмы русской культуры изучаемого периода» [Таунзенд, 2020].

От посредничества к прямой передаче. Знакомство с деятельностью названного выше «Собрания» дает основание упомянуть о еще одной причине «вытеснения» ранее выполненных переводов – переходу от передачи «через вторые руки», то есть через текст-посредник на более известном в эпоху создания перевода языке, чем тот, на котором был написан подлинник, к переводу непосредственно с оригинала. В XVIII в. было довольно обычным делом при передаче, например, английской литературы, обращаться к французскому или немецкому тексту. Причем, в этот период в Германии французский также мог служить языком-посредником (см. [Stackelberg, 1984]), вследствие чего не исключены были случаи, когда русский читатель получал перевод уже даже не из вторых, а из третьих рук. Например, романы Г. Филдинга были представлены в передаче немецкой версии с французского перевода. В связи с этим «Собрание» выпустило специальное обращение, имевшее в виду, в первую очередь, античных классиков, согласно которому, «если из переведенных уже и напечатанных произведений древних авторов возьмет кто какие-либо книги переводить не с преложений на иностранных языках, но с самих подлинников, то „Собрание примет оный перевод с удовольствием и определит соразмерное награждение”» [Семенников, 1913, с. 16].

Приходится констатировать, что традиция пользоваться в качестве источника не оригинальным текстом, а его переводом на более распространенный язык, что нередко объясняется коммерческими соображениями, наблюдалась и в более поздние времена, в чем легко убедиться, ознакомившись с практикой некоторых российских издательств в 90-е гг. XX века. Однако в определенных случаях перевод с перевода может быть вызван и более глубокими соображениями. Так, вопрос о том, следует ли при осуществлении русского перевода Ветхого Завета отдавать предпочтение еврейскому или греческому тексту был предметом довольно острых разногласий. Например, создатели Синодального перевода пошли в определенной степени по компромиссному пути, определяемому формулой «с еврейского под руководством греческой Библии», а в католическом мире латинская Вульгата могла использоваться в качестве исходного текста еще в середине XX в.

Заслуживает внимания в этой связи история с созданием русской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Ее перевод был осуществлен

еще в домонгольскую эпоху и традиционно рассматривается как один из важнейших памятников древнерусской переводной литературы (см. [Мещерский, 1958]). Однако на собственно русский язык это весьма важное с историко-культурной точки зрения сочинение, несмотря на свою значимость, переведено с оригинала не было, в отличие от «Иудейских древностей», принадлежащих тому же автору. Вплоть до недавнего времени отечественный читатель мог пользоваться – если не считать переводов на иностранные языки – только переводом Я. Л. Чертка, относящимся к рубежу XIX–XX столетий, во введении к которому указывалось: «Настоящий перевод сделан с немецкого (Heinrich Paret) и проверен по греческому тексту при содействии учителя древних языков Ф. Ф. Индры» [Иосиф Флавий, 1990, с. XIV]. Эквивалентность и адекватность данного перевода собственно оригиналу не могли не вызывать определенных сомнений; поэтому с появлением версии М. Финкельберга и А. Вдовиченко [Иосиф Флавий, 2008] в начале XXI века, выполненной непосредственно с греческого подлинника, предыдущий перевод утратил сколь-нибудь актуальное значение.

«Канонизация перевода». Обычно это определение применяют, рассматривая именно переводы Священного Писания. Однако необходимо иметь в виду, что в данном случае оно используется не столько как утверждение какой-либо версии в качестве абсолютно верной и не подлежащей пересмотру, так как представители Русской Православной Церкви неоднократно подчеркивали, что она никогда не канонизировала в этом смысле какой-либо текст или перевод Библии. Скорее, это признание в пределах какой-либо культуры того или иного перевода как своего рода образца, значимость которого под сомнение, как правило, не ставится, хотя, в принципе, не возбраняются и попытки дать иные версии. Применительно к отечественной культуре таким стал как раз Синодальный перевод. Хотя в его адрес звучало немало критических замечаний с разных позиций уже с момента его выхода в свет, весьма характерным является утверждение М. Г. Селезнева: «Синодальный в России (не де-юре, а де-факто) имеет статус общенационального перевода, как Лютеровская Библия в Германии или King James Version для англоязычных стран. Этот статус – показатель того, что перевод вошел в жизнь народа и Церкви. Такой статус переводу не могут присвоить ни переводчики, ни издатели» [Селезнев, 2011]. Да и большинство

других авторов, претендовавших на «свое слово» в данной сфере, считало необходимым подчеркнуть его роль в отечественной культуре.

Схожая «канонизация» может иметь место и по отношению к переводам классических произведений разных эпох, не относящихся к сакральной литературе. «Илиада» Н. И. Гнедича, «Одиссея» в переводе В. А. Жуковского, русский «Фауст», принадлежащий Б. Л. Пастернаку, «Божественная комедия», переданная М. Л. Лозинским, «маршакowski Бернс» и др. вряд ли в обозримом будущем уступят свое первенство в читательском сознании другим версиям, хотя по их адресу было сделано немало критических замечаний, порой весьма нелюбезных. Предшествующие и последующие переводы названных произведений имеют пока гораздо более ограниченный круг (по)читателей, что, возможно, не всегда оправдано.

Редактирование или перевод? Возвращаясь к историческим судьбам Синодального перевода и других «общенациональных переводов», упомянутых в процитированном выше высказывании М. Г. Селезнева, можно отметить еще одну периодически проявляющуюся тенденцию – стремлясь / декларируя стремление сохранить «канонический» перевод, в него пытаются внести в большей или меньшей степени те или иные правки.

Определенная работа такого характера по отношению к Синодальному переводу была принята в издании 1956 г. (см. об этом [Снигирев, 2009], [Медведева, Емельянова, 2008]), но в данном случае они носили в большей степени «косметический» характер, коснувшись орфографической, пунктуационной и очень умеренно грамматической стороны, в отличие, например, от «ревизий» Библии Лютера, где изменения могли быть существенными. На состоявшейся в 2013 г. VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Современная библеистика и Предание Церкви» ее участники обратили внимание на это различие: «Хорошо известно, что в соответствии с нынешним состоянием библейской науки Синодальный перевод Библии несовершенен. Однако именно Синодальный перевод особенно дорог российскому верующему, да и светскому читателю <...> Из-за этого особого отношения к Синодальному тексту вопрос о возможности его редактирования, который в лютеранстве, например, имеет однозначное утвердительное решение (Лютеровскую Библию редактируют

раз в десятилетие с учетом новейших библейских исследований), получает совершенно другой ответ» [Сеньчукова, 2013]. Высказывалось и парадоксальное предложение: «<...> тактическое решение может быть таково: начать редактировать, а затем прийти к решению о необходимости нового перевода» [Сеньчукова, 2013]. Однако каких-либо практических последствий подобные заявления не имели – возможно, в силу той позиции, которую выразил Предстоятель Русской Православной Церкви: «Все прекрасно понимают Синодальный перевод. Есть некие неточности и ошибки, которые стоило бы поправить с точки зрения современных знаний и современной стилистики, но ни в коем случае нельзя создавать новую версию, перечеркивая при этом значение самого Синодального перевода» [Завершила работу..., 2013].

Заключение

Подводя итоги содержанию предлагаемой статьи, отметим следующее. Фактор присущей исходному тексту полифоничности, допускающей определенную свободу его толкования, обуславливает и возможность неоднозначной его интерпретации при межъязыковой передаче. В ряде случаев он может иметь ряд расходящихся в тех или иных моментах версий, особенно, когда речь идет о рукописной традиции, что также влияет на наличие различных репрезентаций соответствующих фрагментов при переводе. Появлению новых переводов способствует обнаружение новых фактических данных, относящихся к отраженной в подлиннике действительности, эволюция языка, приводящая к труднодоступности и даже непонятности прежних версий, а также необходимость заменить «переводы «из вторых рук» выполненными непосредственно с оригиналов. В тех случаях, когда какой-либо перевод приобретает в принимающей культуре статус «канонического», он нередко сохраняет доминирующую роль на протяжении весьма длительного периода, несмотря на критические замечания и появление новых версий соответствующего текста. При этом могут предприниматься попытки в той или иной степени внести в него правки и коррективы, однако они нередко становятся, в свою очередь, предметом дискуссии.

Особого рассмотрения требует такой фактор, как изменение самих принципов межъязыковой передачи, вызванное факторами культурно-исторического порядка (изменение переводче-

ской парадигмы). Однако рассмотрение данного вопроса не входит в задачу настоящей статьи.

Библиографический список

1. Возглашение к христоролюбивым читателям при первом издании Евангелия на русском наречии // Правмир. 23 марта 2013. URL: <https://www.pravmir.ru/vozglashenie-k-xristolyubivym-chitateljam-pri-pervom-izdanii-evangeliya-na-russkom-narechii/> (дата обращения 09.07.2023).

2. Завершила работу Международная богословская конференция «Современная библеистика и Предание Церкви» // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата. 28 ноября 2013 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3398825.html> (дата обращения 09.07.2023).

3. Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск : Беларусь, 1990. XIV + 530 + VIII + VIII с.

4. Иосиф Флавий. Иудейская война. Москва : Мосты культуры; Иерусалим : Гешарим, 2008. 520 с.

5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. Москва : Смысл, 1997. 267 с.

6. Медведева Л., Емельянова Л. Синаодальные издания Библии в минувшие полвека // Журнал Московской Патриархии, 2008, № 10. URL: http://www-old.srcc.msu.ru/bib_roc/jmp/08/10-08/07.htm (дата обращения 10.07.2023)

7. Мецгер Б. М., Эрман Б. Д. Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. Москва : Издательство ББИ, 2013. XX + 405 с.

8. Мещерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР (Ленинградское отделение), 1958. 578 с.

9. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. Москва : РВалент, 2015. 512 с.

10. Сдобников В. В. Инвариант перевода: миф или реальность? URL: <https://ru.readkong.com/page/v-v-sdobnikov-nizhegorodskiy-gosudarstvennyy-7926895> (дата обращения 02.07.2023).

11. Селезнев М. Г. Переводу нужен диалог с читателем // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. 6 ноября 2011 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1668657.html> (дата обращения 10.07.2023).

12. Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг.: Историко-литературное исследование. Санкт-Петербург : Типография «Сириус», 1913. 98 с.

13. Сеньчукова М. Приключения Библии в России: быть ли новому переводу? // Правмир. 29 ноября 2013. URL: <https://www.pravmir.ru/prikljucheniya-biblii-v-rossii-byt-li-novomu-perevodu/> (дата обращения 20.07.2023).

14. Снигирев Р. Л. Принципы исправления Синаодального перевода в свете истории Библии короля

Иакова и ее позднейших версий как пример национальных Библий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, 2009. Вып. 2. Ч. 2. С. 195–200.

15. Таунсенд К. И. О переводе и переводчиках в России XVIII века. Москва : Р. Валент, 2020. 200 с.

16. Фенелон Ф. О воспитании девиц сочинение г. Фенелона архиепископа дюка Камбрийского. С французского языка перевел Иван Туманский Геролдмейстерской канторы переводчик. Санкт-Петербург : Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1763. V + 145 с.

17. Чернышевский Н. Г. Шиллер в переводах русских поэтов. Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, изданные под редакцией Н. В. Гербеля. Часть первая. Санкт-Петербург, 1856. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_1857_shiller.shtml (дата обращения 02.07.2023).

18. Nord Chr. Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained. London and New York: Routledge, 2018. XI + 153 p.

19. Reiß K., Vermeer H. Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained. London and New York, 2014. IX + 221 p.

20. Stackelberg J. Übersetzungen aus zweiter Hand: Rezeptionsvorgänge in der europäischen Literatur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert. Berlin; New-York: Walter de Greuter, 1984, XIV + 233 S.

Reference list

1. Vozglashenie k hristoljubivym chiteljam pri pervom izdanii Evangelija na russkom narechii = Appeal to the Christ-loving readers at the first edition of the Gospel in the Russian language // Pravmir. 23 marta 2013. URL: <https://www.pravmir.ru/vozglashenie-k-xristolyubivym-chitateljam-pri-pervom-izdanii-evangeliya-na-russkom-narechii/> (data obrashhenija 09.07.2023).

2. Zavershila rabotu Mezhdunarodnaja bogoslovskaja konferencija «Sovremennaja bibleistika i Predanie Cerkvi» = The International Theological Conference «Modern Biblical Studies and the Church Tradition» concluded its work // Russkaja pravoslavnaja cerkov'. Oficial'nyj sajt Moskovskogo patriarhata. 28 nojabrja 2013 g. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3398825.html> (data obrashhenija 09.07.2023).

3. Iosif Flavij. Iudejskaja vojna = Josephus Flavius. Jewish war. Minsk : Belarus', 1990. XIV + 530 + VIII + VIII s.

4. Iosif Flavij. Iudejskaja vojna = Josephus Flavius. Jewish war. Moskva : Mosty kul'tury; Ierusalim : Gesharim, 2008. 520 s.

5. Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki = Basic psycholinguistics. Moskva : Smysl, 1997. 267 s.

6. Medvedeva L., Emel'janova L. Sinodal'nye izdanija Biblii v minuvshie polveka = Synodal editions of the Bible in the last half-century // Zhurnal Moskovskoj Patriarhii, 2008, № 10. URL: <http://www->

old.srcc.msu.ru/bib_roc/jmp/08/10-08/07.htm (data obrashhenija 10.07.2023)

7. Mecger B. M., Jerman B. D. Tekstologija Novogo Zaveta. Rukopisnaja tradicija, vznikovenie iskazhenij i rekonstrukcija originala = Textology of the New Testament. Manuscript tradition, emergence of distortions, and reconstruction of the original text. Moskva : Izdatel'stvo BBI, 2013. HH + 405 s.

8. Meshherskij N. A. Istorija iudejskoj vojny Iosifa Flavija v drevnerusskom perevode = History of the Jewish War by Josephus Flavius in Old Russian translation. Moskva; Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR (Leningradskoe otdelenie), 1958. 578 s.

9. Prunch Je. Puti razvitija zapadnogo perevodovedenija. Ot jazykovoj asimetrii k politicheskoj = Ways of developing Western translation studies. From linguistic to political asymmetry. Moskva : RValent, 2015. 512 s.

10. Sdobnikov V. V. Invariant perevoda: mif ili real'nost'? = Translation invariant: myth or reality? URL: <https://ru.readkong.com/page/v-v-sdobnikov-nizhegorodskiy-gosudarstvennyy-7926895> (data obrashhenija 02.07.2023).

11. Seleznev M. G. Perevodu nuzhen dialog s chitatelem = Translation needs a dialogue with the reader // Russkaja Pravoslavnaja Cerkov'. Oficial'nyj sajt Moskovskogo patriarhata. 6 nojabrja 2011 g. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1668657.html> (data obrashhenija 10.07.2023).

12. Semennikov V. P. Sobranie, starajushheesja o perevode inostrannyh knig, uchrezhdennoe Ekaterinoj II. 1768–1783 gg.: Istoriko-literaturnoe issledovanie = The assembly endeavoring to translate foreign books, established by Catherine II. 1768-1783: Historical and literary study. Sankt-Peterburg : Tipografija «Sirius», 1913. 98 s.

13. Sen'chukova M. Priključenija Biblii v Rossii: byt' li novomu perevodu? = Adventures of the Bible in Russia: Should there be a new translation? // Pravmir. 29. nojabrja 2013. URL: <https://www.pravmir.ru/prikljuчениya-biblii-v-rossii-byt-li-novomu-perevodu/> (data obrashhenija 20.07.2023).

14. Snigirev R. L. Principy ispravlenija Sinodal'nogo perevoda v svete istorii Biblii korolja Iakova i ee pozdnejshih versij kak primer nacional'nyh Biblij = Principles of correcting the Synodal translation in terms of the history of the King James Bible and its later versions as an example of national Bibles // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9, 2009. Vyp. 2. Ch. 2. S. 195–200.

15. Taunzend K. I. O perevode i perevodchikah v Rossii XVIII veka = On translation and translators in XVIII century Russia. Moskva : R. Valent, 2020. 200 s.

16. Fenelon F. O vospitanii devic sochinenie g. Fenelona arhiepiskopa djuka Kambrijskago. S francuzskogo jazyka perevodil Ivan Tumanskij Geroldmeisterskoj kantory perevodchik = On educating maidens written by Mr. Fenelon, Archbishop Duke of Cambria. Translated from French by Ivan Tumansky, translator of the Geroldmeister's office. Sankt-Peterburg : Tipografija Suhoputnogo kadetskogo korpusa, 1763. V + 145 s.

17. Chernyshevskij N. G. Shiller v perevodah russkih pojetov. Liricheskie stihotvorenija Shillera v perevodah russkih pojetov, izdannye pod redakciej N. V. Gerbelja. Chast' pervaja = Schiller in translations of Russian poets. Schiller's lyrical poems in translations of Russian poets, edited by N. V. Gerbel. Part one. Sankt-Peterburg, 1856. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_1857_shiller.shtml (data obrashhenija 02.07.2023).

18. Nord Chr. Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained. London and New York: Routledge, 2018. XI +153 p.

19. Reiß K., Vermeer H. Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained. London and New York, 2014. IX + 221 p.

20. Stackelberg J. Übersetzungen aus zweiter Hand: Rezeptionsvorgänge in der europäischen Literatur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert. Berlin; New-York: Walter de Greuter, 1984, XIV + 233 S.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 05.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья

УДК 81`37

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_100

EDN: WRENRI

Устойчивые национальные словесные образы в аспекте национально ориентированной лингвострановедческой учебной лексикографии

Александр Степанович Мамонтов^{1✉}, Вера Васильевна Богуславская², Альбертина Германовна Ратникова³

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

³Кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

¹as-mamontov2@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6703-637X>

²boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>

³porijoki@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы, находящейся на стыке лингвистики и лингводидактики, а именно устойчивым национальным словесным образам (УНСО), одному из компонентов художественного текста, являющегося материалом обучения русскому языку как иностранному (РКИ) и нуждающегося в особом, национально-ориентированном подходе.

УНСО рассматриваются в рамках так называемой концепции «общей образности», согласно которой каждое слово художественного текста участвует в её создании. Восприятие и понимание текста инофоном опирается на эталоны сознания, сформированные в его родной лингвокультуре, коррелятами которых являются номинативные единицы (слова). Проведённый анализ показывает, что участвующая в формировании образа содержания текста лексика, с точки зрения её семантического содержания, нередко бывает не эквивалентна лексике родного языка инофона, что при работе над текстом провоцирует сложности овладения УНСО. Среди необходимых средств обучения – словарей – лишь лингвострановедческие словари нового типа, национально ориентированные, где ведущую роль играет отбор материала и его адресная презентация, в состоянии обеспечить наиболее адекватную целям и задачам обучения семантизацию. Концепция подобного, национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря (НОЛУС) для вьетнамских граждан, изучающих русский язык непосредственно во Вьетнаме, в настоящее время находится в стадии разработки авторами статьи в рамках выполнения соответствующего гранта РФФИ (РЦНИ).

Ключевые слова: художественный текст; устойчивые национальные словесные образы; национально ориентированная лингвострановедческая учебная лексикография; лингвокультура; семантика; культурный компонент; словарь

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (РЦНИ) (научный проект №20-512-92001 «Разработка концепции лингвострановедческого национально ориентированного учебного словаря русского языка для вьетнамских граждан»)

Для цитирования: Мамонтов А. С., Богуславская В. В., Ратникова А. Г. Устойчивые национальные словесные образы в аспекте национально ориентированной лингвострановедческой учебной лексикографии // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 100–107. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_100. <https://elibrary.ru/WRENRI>

Original article

Stable national verbal images in terms of nationally oriented linguocultural academic lexicography

Alexander S. Mamontov^{1✉}, Vera V. Boguslavskaya², Albertina G. Ratnikova³

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of russian literature and intercultural communication, Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin st., 6

²Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of russian literature and intercultural communication, Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin st., 6

³Candidate of pedagogical sciences, teacher at the department of russian as a foreign language, Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin st., 6

¹as-mamontov2@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-6703-637X>

²boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>

³porijoki@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

Abstract. The article examines a problem at the intersection of linguistics and linguodidactics, namely, stable national verbal images (SNVI), a component of literary text which is the material for teaching Russian as a foreign language (RFL) and needs a special, nationally oriented approach. SNVI are considered within the framework of the so-called concept of «general imagery», according to which every word of a literary text participates in its creation. The perception and understanding of the text by foreign students is based on the mental standards formed in their native linguistic culture, the correlates of which are nominative units (words). The analysis shows that the lexicon involved in the formation of the text image is, in terms of its semantic content, rarely equivalent to the lexicon of the foreigner's native language, which provokes difficulties in mastering the SNVI when working on the text. Among the necessary means of teaching (i.e. dictionaries), only culture-oriented linguistic dictionaries of a new type (nationally-oriented ones), with the leading role played by the selection of material and its targeted presentation, are able to provide semantization that is most adequate to the goals and objectives of teaching. The concept of a similar nationally oriented cultural linguistic educational dictionary for Vietnamese students of Russian in Vietnam is currently being worked on by the authors of this article within the framework of the relevant grant of the Russian Foundation for Basic Research (Russian Centre for Scientific Information).

Key words: literary text; stable national verbal images; nationally oriented linguocultural academic lexicography; linguistic culture; semantics; cultural component; dictionary

The work was supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research (RCNR) (scientific project No. 20-512-92001 «Development of the concept of a nationally oriented linguistic and regional educational dictionary of the Russian language for Vietnamese citizens»)

For citation: Mamontov A. S., Boguslavskaya V. V., Ratnikova A. G. Stable national verbal images in terms of nationally oriented linguocultural academic lexicography. *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(3):100–107. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_100. <https://elibrary.ru/WRENRI>

Введение

Касаясь такого феномена, как устойчивые национальные словесные образы (УНСО), необходимо особо подчеркнуть их существенную роль в языковом и одновременно, что особенно важно, в этническом сознании. Согласно определению академика В. В. Виноградова, словесные образы – это «образы, воплощённые в языковой ткани литературного произведения, созданные из слов и посредством слов» [Виноградов, 1959, с. 295].

Соответственно, при подобном понимании такая номинативная единица, какой является слово, играет особую роль в создании образности художественного текста. Слово функционирует в пространстве художественного текста со всеми своими коннотациями, одновременно приобретая новые, становящимися впоследствии частью языка, закрепляясь в его словарном составе и одновременно – в соответствующем лексикографическом источнике [Hirsh, Kett, Trefil, 1988]. Что же касается непосредственно УНСО, то под ними мы предлагаем понимать **номинативные единицы с культурным компонентом семантики, являющиеся элементами национальной**

языковой картины мира, которые в качестве средств выражения замысла автора участвуют в формировании образа содержания художественного текста.

Национально-специфичные словесные образы, по мнению исследователей, занимают существенное место среди средств словесной образности художественных текстов [Юрина, Авраменко, 2021], созданных и функционирующих в русской лингвокультуре, одновременно представляя значительную трудность для реципиента-инофона [Кулибина, 2018, с. 62]. Это, например, такие встречающиеся в художественной литературе словесные образы, как «погожий солнечный денёк», «догорающий костёр заката», «белоснежный наряд черёмухи» и т. п. Отсюда, в целях нивелирования возникающих трудностей в процессе обучения языку как средству межкультурной коммуникации [Cushner, Brislin, 1995], необходимо обращение к соответствующим средствам обучения.

Итак, в рамках настоящего исследования нам предстоит рассмотреть ряд взаимосвязанных вопросов: во-первых, в чём заключается национально-культурная специфика УНСО и какова их

связь с этническим сознанием, воплощённом в языковой картине мира; во-вторых, как проявляется роль отдельного слова как компонента художественного текста и одновременно макро- и микроструктуры любого словаря в создании УНСО, овладение которыми обеспечивает возможность формирования у инофона кросс-культурной компетенции – важнейшей составляющей обучения его языку как средству межкультурной коммуникации; в-третьих, каковы особенности национально ориентированного обучения иностранному языку как наиболее адекватного способа формирования кросс-культурной компетенции; в-четвёртых, что представляет собой лингвострановедческая лексикография и какое место отведено в ней национально ориентированному лингвострановедческому учебном словарю (НОЛУС) для вьетнамских граждан, изучающих русский язык вне естественной языковой среды как востребованному инструменту обучения иностранному (русскому) языку.

Методы исследования

Работая над УНСО текста художественного произведения, созданного в той или иной лингвокультуре [Djik, 2014] в аудитории инофонов, изучающих другой язык, в том числе – русский как иностранный – необходимо постоянно помнить о различии в восприятии и понимании текста реципиентом – носителем языка и реципиентом-иностранцем, для которого данный процесс осложнён наличием в сознании **национально-специфических эталонов**, носящих социальный характер, опорных элементов, коррелятами которых являются номинативные единицы – слова [Мамонтов, 2000]. Как адресант, так и адресат являются обладателями определённых знаний, опыта, сформированных в контексте конкретной лингвокультуры [Заботкина, 2014], и которые следует считать неким «набором эталонов», присутствующих в сознании любого представителя той или иной лингвокультуры. Обращает на себя внимание то, что отражение объективной действительности каждым субъектом представляет собой некую процедуру сравнения элементов предметного и событийного мира с уже имеющимся в его сознании [Красных, 2015; Eysenk, Keane, 2009].

Говоря о восприятии и понимании текста, мы имеем в виду его смысловое содержание. При этом разные смысловые трактовки по линии – адресант–адресат, инициирующие помехи в

межкультурной текстокоммуникации, провоцируются фактом несовпадения ценностных ориентаций коммуникантов: одновременно смысловое содержание художественного текста, как правило, латентно и «спрятано» в конкретно-образных смыслах, репрезентантами которых и выступают интересующие нас конститuentы УНСО. Это, например, такие слова русского языка как: «луна», «солнце», «закат», «рассвет», «север», «юг», «лес», «сирень» и т. п., часть из которых является безэквивалентными или неполноэквивалентными по отношению к вьетнамской лингвокультуре.

В данной связи значительную роль играет в частности «вещный словарь», обозначающий реальные образы вещей и событий, отражающий, своего рода, первый ярус семантики художественного произведения. Отправитель информации-автор в своём произведении известным образом как бы имитирует присущее Homo Sapiens конкретно-чувственное комплексное отражение. При этом художественное мышление, напомним, строится на образной аналогии: автор строит общую понятийную модель жизненных феноменов, воплощённую в образном вымысле, реципиент – декодирует его применительно к конкретной жизненной ситуации. Однако необходимо отметить, что, когда речь идёт о реципиенте-инофоне, изучающем другой язык, далеко не всегда корректно говорить о восприятии и понимании замысла текста, адекватного пониманию реципиента – соотечественника его автора. Причина кроется в том, что участвующая в формировании так называемой «общей образности» лексика с точки зрения её семантического содержания, нередко бывает не адекватна словарным эквивалентам родного языка инофона [Карасик, 2020; Yildiz, 2013; Taylor, 2012].

Говоря об общей образности, мы исходим из семантической концепции известного отечественного языковеда Александра Матвеевича Пешковского, согласно которой **каждое** слово участвует в создании образности литературного произведения, поскольку образность – это **весь лексический строй** литературного произведения [Пешковский, 1930, с. 159–160]. Если обратиться к феномену образности с психолингвистической точки зрения, то необходимо отметить, что в сознании индивида присутствует два типа образов: так называемые «А-образы» и «В-образы», при этом отличительной особенностью А-образов предстаёт перед нами то, что они выступают перед нами как первично данное. То есть, субъек-

тивно А-образы выступают своего рода репрезентантами самой действительности, а объективно – находятся с последней в как бы в отношении, которое можно назвать «отражением». В свою очередь, отличительной особенностью В-образов следует считать то, что ими именуются: а) образы объектов, в которых последние представлены как некая пространственно-временная целостность; б) они осознаются самим индивидом в качестве картины, идеи, отображения вещи, хотя и отличное от неё, но с ней соотносённое [Андреев, 1981]. Следовательно, подходя к художественному тексту в контексте его образности как к своеобразной «картине бытия», отражающей объективную действительность вербальными средствами [Holland, Quinn, 1987; Bloch, 1994; Guirdham, 1999], представляется логичным связать феномен отражения с формированием образа содержания текста, неразрывно связанного в свою очередь с образами отдельных компонентов «мира текста».

Обратимся к конкретным примерам. УНСО «погожий солнечный денёк» – для представителя вьетнамской лингвокультуры – в силу тропического климата – солнечный день не является погожим: он сулит жару и усталость; УНСО – «догорающий костёр заката» – закат, также как и рассвет, во Вьетнаме не отмечен семей «постепенность»: и то, и другое наступает мгновенно; УНСО «белоснежный наряд черёмухи» – слово «черёмуха» – не имеет эквивалента во вьетнамской лингвокультуре, в данной связи восприятие образа затруднено, то же фактически касается прилагательного «белоснежный», производного от слова «снег» о котором речь пойдёт ниже.

Русское слово «снег» («Сфера природы») и вьетнамское («*tuýét*»): приведём для наглядности пример экспериментальной работы над рассказом К. Паустовского «Прощание с летом», на занятии по практике устной и письменной речи РКИ (СРВ, группа студентов-филологов, 20 чел., 3 курс, Ханойский университет, 2019 г.), в где в тексте описывается позитивное настроение представителей русской лингвокультуры как реакция на феномен первого снега: «в саду ветка закачалась и с неё посыпался снег...» «а снег всё сыпал как стеклянный дождь... Земля была нарядная, похожа на застенчивую невесту...» «Трудно было оставаться дома в первый зимний день...» «... под снегом ещё можно найти свежие лесные цветы...» [Паустовский, 1987, с. 121].

Проведённая экспериментальная работа над данным фрагментом текста во вьетнамской ауди-

тории эксплицировала неадекватное восприятие образа русского снега представителями вьетнамской лингвокультуры, поскольку её эквивалент отмечен негативной культурной маркированностью: *tuýét* – это прежде всего явление, связанное с непривычно низкой температурой, способной вызывать трудности земледельческого и бытового характера.

Результаты исследования

Таким образом, как показывает практика, работа в разных национальных аудиториях имеет свою специфику, хорошо известную преподавателям иностранного, и в частности русского языка как иностранного – прежде всего в силу того влияния, которое способно оказывать на инофона, изучающего другой язык, сформированное у него как у представителя конкретной лингвокультуры этническое сознание, своего рода «призма», через которую он воспринимает окружающую его действительность [Brown, 2002, 2006; Levinson, 1997; Casson, 1981]. И что, соответственно, требует дифференцированного, а точнее, национально ориентированного подхода к обучению со своим инструментарием, учитывающим специфику родной культуры адресата обучения.

Сама идея подобного обучения не нова: в частности, ещё в советское время создавались учебные материалы, предназначенные для носителей разных языков [Богуславская, Будник, Мамонтов, Чинь, 2022]. Появление в 60-е годы прошлого века дисциплины «лингвострановедение» – сместило фокус внимания с чисто языковой проблемы на проблему связи языка с культурой и одновременно на необходимость учёта данной связи в процессе обучения.

В данной связи нельзя не отметить труды исследователей, посвящённые обучению в инолингвокультурной среде, где дан достаточно полный анализ особенностей влияния ориентального этнического сознания [Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни, 2023, с. 63] на процесс усвоения русского языка непосредственно в отрыве от естественной языковой среды [Быкова, 2014, с. 14–15; Столярова, 2021]. Это особенности развития этноса, географического положения, а также своеобразие этнокультуры [Gladkova, Romero-Trillo, 2014].

Одновременно необходимо подчеркнуть, что адекватное овладение навыками и умениями во всех видах речевой деятельности – говорении, аудировании, чтении и письме (письменной ре-

чи) на иностранном языке не обеспечивает автоматически способности к общению [Jandt, 2000] на данном языке. Отсюда речь должна идти в первую очередь о формировании кросс-культурной коммуникативной компетенции [Quinn, 2005], под которой предлагается понимать «способность человека существовать в поликультурном пространстве, достигать успешного понимания представителей других культур» [Азимов, Щукин, 2009, с. 134].

Если вернуться непосредственно к УНСО, то, говоря о национально ориентированном обучении в лингводидактическом аспекте и работе над ними, то необходимо иметь в виду: перед преподавателем РКИ каждодневно встаёт вопрос об использовании конкретного учебного материала с точки зрения его репрезентативности. То есть, для целей обучения наиболее значимая роль должна отводиться лексической единице, культурный компонент которой наиболее релевантно отражает несоответствия в лингвокультурном опыте коммуникантов. Как известно, экспликация содержательного компонента семантики номинативной единицы традиционно возложена на словари, в первую очередь – толковые, адресованные как правило носителям конкретного языка и культуры [Козырев, Черняк, 2014]. Что же касается инофонов, изучающих русский язык, то им в большей степени необходим словарь иного типа: прежде всего учебный и одновременно достаточно подробно представляющий специфику инолингвокультуры [Кан, 2023], получивший название «лингвострановедческий». Что касается лингвострановедческого словаря, то следует напомнить: в отечественной традиции – это учебный функционально-когнитивный словарь активного типа, где организация словника подчинена коммуникативным потребностям индивида.

Следует подчеркнуть – при всех явных достоинствах известных лингвострановедческих словарей, изданных в СССР и России, в них игнорируется тот факт, что адресат – инофон – всегда конкретен [Бредис, Иванов, 2022] и, следовательно, является представителем конкретной, нередко дистантной по отношению к русской, лингвокультуры, учёт которой должен представлять собой основополагающий принцип национально ориентированной лингвострановедческой учебной лексикографии – относительно нового направления в лингводидактике и лингвистике.

Касаясь макро- и микроструктуры будущего словаря для вьетнамских учащихся, прежде всего следует отметить, что в словник, организованный

на лингвокогнитивной, контрастивной основе, по замыслу авторов, должны войти номинативные единицы, лингвокультуреми, по отношению к их вьетнамским эквивалентам содержащие культурный компонент, нуждающийся в словарной экспликации. Они классифицируются следующим образом: 1. Безэквивалентная лексика (БЭЛ). 2. Коннотативная лексика (КЛ). 3. Фоновая лексика (ФЛ).

Параллельно должны учитываться и лингводидактические критерии отбора: а) типичность; б) коммуникативная ценность; в) страноведческая ценность; г) защищённость от стереотипа [Мамонтов, 2019].

Материал словника планируется распределить по трём основным сферам: 1. Сфера природы. 2. Сфера человека. 3. Сфера социальной организации человека. Выбор именно данных сфер обусловлен установленными экспериментальным путём: методами опроса, включённого наблюдения, ассоциативного эксперимента, компонентного анализа и др., расхождениями в пределах соответствующих семантических пространств. Данные расхождения способны провоцировать неадекватное восприятие УНСО вьетнамским адресатом: например, из Сферы природы – номинативные единицы «рябина», «клён», «берёза», «малина» и др., активно участвующие в создании образности, являются безэквивалентными (рябина, клён, малина) или неполноэквивалентными (берёза, ель, дуб и др.). Все упомянутые единицы, как известно, в русской лингвокультуре, могут выступать и выступают в качестве источника и основы УНСО, будучи частью наименований денотатов соответствующего природного ландшафта России и одновременно лингвокультуреми, нуждающимися в толковании, в том числе, с помощью национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря, одновременно формирующего необходимые для кросс-культурной коммуникации фоновые знания. Отсюда в словнике будущего словаря, в разделе «Сфера природы», подразделе «Растения и их плоды», в статье «Малина», в соответствии со взвешенными(всеобщими) фоновыми знаниями, имеющимися у каждого представителя этнической группы «русские», помимо того, что это не только популярная летняя садовая и лесная ягода, сладкая на вкус, преимущественно, фиолетово-красного цвета, растущая на кустах с одноимённым названием, но и ключевое слово прецедентного высказывания, используемого в тех случаях, когда в русской лингвокультуре хотят

выразить смысл беззаботной и радостной жизни: «Не жизнь, а малина!» и выполняющего как и все прецедентные высказывания так называемую парольную функцию.

Заключение

Поскольку словесная образность представляет собой одно из основных свойств языка, а художественные словесные образы являются средством реализации его эстетической функции в художественном тексте, используемом как учебный материал, устойчивые национальные словесные образы в изучаемом инофоном чужом языке выступают в роли весьма значимого объекта усвоения. Формирование УНСО как части нового культурного кода в сознании инофонов в процессе обучения представляет собой процесс усвоения ими языка в аспекте культуры на основе их национального мировосприятия, при изучении иного языка и иной культуры нуждающегося в определённом «переформатировании» в целях формирования кросс-культурной компетенции. Последнее достигается путём обращения к теории и практике национально ориентированной учебной лексикографии, составной части национально ориентированного обучения, релевантной чертой которого следует считать принцип учёта родной культуры адресата. Проведённое лингвокогнитивное исследование показало: основой формирования УНСО, элементов национальной языковой картины мира и одновременно средств выражения художественной образности в контексте «общей образности» являются лексемы, чья семантика обусловлена «овнешниванием» эталонов этнического сознания членов социума, в недрах которого данные лексемы возникли и функционируют, будучи отмеченными национально-культурной маркированностью. При этом необходимо помнить об амбивалентности слова как номинативной единицы: с одной стороны, это словарная единица, отражающая объективную действительность, «единство общения и обобщения», с другой – средство создания и трансляции дополнительных смыслов, в том числе, художественно-эстетических. И в том, и в другом случае исключительно значимая роль принадлежит культурному компоненту его семантики. Одним из основных средств, призванных обеспечить адекватную экспликацию культурного компонента и одновременно являющимся и средством обучения, должен стать национально ориентированный лингвострановедческий учебный словарь (НОЛУС) для вьетнамских граждан, изу-

чающих русский язык, концепция которого находится в стадии разработки авторами настоящей статьи в соответствии с реализацией одного из совместных, а именно российско-вьетнамского, гранта РФФИ (РЦНИ).

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва : Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Андреев А. Л. Художественный образ и гносеологическая специфика искусства. Методологические аспекты проблемы. Москва : Наука, 1981. 192 с.
3. Богуславская В. В., Будник Е. А., Мамонтов А. С., Чинь Тхи Ким Нгок Национально-ориентированная лексикография и обучение русскому языку как иностранному // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 5–29.
4. Бредис М. А., Иванов Е. Е. Лингвокультурологическое комментирование в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. №26. 2022. С. 5–29.
5. Быкова О. П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде. Москва : Русский язык. Курсы, 2014. 200 с.
6. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. Москва : Государственное издательство художественной литературы [Гослитиздат], 1959. 652 с.
7. Заботкина В. И. Слово и смысл. Москва : РГГУ, 2014. 428 с.
8. Кан И. Методика обучения русской предметной и бытовой культурно-специфической лексике в китайской аудитории (уровень В1-С-1). Москва, 2023. 23 с.
9. Карасик В. И. Языковая картина бытия : монография. Москва : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.
10. Козырев В. А., Черняк В. Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. №1 (5). С. 5–15.
11. Красных В. В. Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2. С. 90–97.
12. Кулибина Н. В. Методика обучения чтению художественной литературы: монография. Москва : Флинта, 2018. 304с.
13. Мамонтов А. С. Язык и культура: основы сопоставительного лингвострановедения. Москва, 2000. 326 с.
14. Мамонтов А. С. Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 143–156.
15. Паустовский К. Г. Золотой линь. Рассказы и сказки. Москва : Советская Россия, 1987. 128 с.

16. Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. Москва–Ленинград : Гос.изд-во, 1930. 176 с.
17. Столярова А. Г. Лексикографическая и грамматическая репрезентация концептов «Прошлое» и «Будущее» (на материале русского и корейского языков). Москва, 2021. 294 с.
18. Юрина Е. А., Авраменко О. В. Когнитивные основания интерпретации художественного образа в разных лингвокультурах // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия Языкознание. 2021. Т. 20. №1. С. 63–74.
19. Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни: монография / Л. Е. Малыгина, Г. Г. Слышкин, А. А. Сорокин [и др.]. Москва : ИНФРА-М, 2023. 294 с.
20. Bloch M. E. F. Language, anthropology and cognitive science // Assessing cultural anthropology / Ed. R. Borofsky. N.Y. : McGraw – Hill, 1994. P. 276–282.
21. Brown P. Language as a model for culture: Lessons from the cognitive sciences // B. King, R. Fox (eds.). Anthropology beyond culture. Oxford : Berg, 2002. P. 169–192.
22. Brown P. Cognitive anthropology // C. Jourdan, K. Tuite (eds.). Language, Culture and Society: Key topics in linguistic anthropology. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 96–114.
23. Casson R. W. (ed.) Language, Culture and Cognition: Anthropological Perspectives. N.Y. : Macmillan Publishing Co., Inc., 1981. P. 481–489.
24. Cushner K., Brislin R. W. Intercultural Interactions. London : Sage, 1995. 365 p.
25. Dijk T. A. van. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p.
26. Eysenk V. W., Keane M. T. Cognitive Psychology: A Student's Handbook. 6th edition. N.Y. : Psychology Press, 2009. 760 p.
27. Gladkova A., Jesus Romero-Trillo,. Ain't it beautiful? The conceptual of beauty the ethnopragmatic perspective. Journal of Pragmatics, 60, 2014. P. 140–159.
28. Guirdham M. Communicating Across Cultures. London : Macmillan press, 1999. 383 p.
29. Hirsch E. D., Kett J. F., Trefil J. The Dictionary of Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. New York : Random House, Inc. 1988. 254 p.
30. Holland D., Quinn N. (eds.) Cultural Models in Language and Thought. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. P. 112–148.
31. Jandt F. Intercultural Communication: An Introduction. Newbury Park : Sage, 2000. 255p.
32. Levinson S. C. From outer to inner space: Linguistic categories and non-linguistic thinking // J. Nuyts, E. Pederson (eds.). Language and conceptual representation. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. P. 13–45.
33. Quinn N. (ed.) Finding Culture in Talk: A Collection of Methods. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2005. 277 p.
34. Taylor J. R. The Mental Corpus: How Language is Represented in the Mind. N.Y. : Oxford University Press, 2012. 384 p.
35. Yildiz Y. Beyond the Mother Tongue: The Post monolingual Condition. New York : Fordham University Press, 2013. 306 p.

Reference list

1. Azimov Je. G., Shhukin A. N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam) = New Dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). Moskva : Izdatel'stvo IKAR, 2009. 448 s.
2. Andreev A. L. Hudozhestvennyj obraz i gnoseologicheskaia specifika iskusstva. Metodologicheskie aspekty problemy = Artistic image and the epistemological specificity of art. Methodological aspects. Moskva : Nauka, 1981. 192 s.
3. Boguslavskaja V. V., Budnik E. A., Mamontov A. S., Chin' Thi Kim Ngok Nacional'no-orientirovannaja leksikografija i obuchenie russkomu jazyku kak inostrannomu = Nationally oriented lexicography and teaching Russian as a foreign language // Voprosy leksikografii. 2022. №24. S. 5–29.
4. Bredis M. A., Ivanov E. E. Lingvokul'turologicheskoe kommentirovanie v polilingval'nyh slovarjah poslovic = Linguocultural commenting in multilingual dictionaries of proverbs // Voprosy leksikografii. №26. 2022. S. 5–29.
5. Bykova O. P. Obuchenie russkomu jazyku kak inostrannomu v inozazychnoj srede = Teaching Russian as a foreign language in a foreign-language environment. Moskva : Russkij jazyk. Kursy, 2014. 200 s.
6. Vinogradov V. V. O jazyke hudozhestvennoj literatury = On the language of fiction. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury [Goslitizdat], 1959. 652 s.
7. Zabotkina V. I. Slovo i smysl = Word and sense. Moskva : RGGU, 2014. 428 s.
8. Kan I. Metodika obuchenija russkoj predmetnoj i bytovoj kul'turno-specificheskoj leksike v kitajskoj auditorii (uroven' B1-C-1) = Methodology of teaching Russian object and everyday culturally specific vocabulary to Chinese students (level B1-C-1). Moskva, 2023. 23 s.
9. Karasik V. I. Jazykovaja kartina bytija = A linguistic picture of life : monografija. Moskva : Gos. IRJA im. A.S. Pushkina, 2020. 468 s.
10. Kozyrev V. A., Chernjak V. D. Sovremennye orientacii otechestvennoj leksikografii = Modern guidelines of Russian lexicography // Voprosy leksikografii. 2014. №1 (5). S. 5–15.
11. Krasnyh V. V. Rol' i funkcii jazyka kak ob'ekt sovremennyh integrativnyh issledovanij (psiholingvisticheskij, lingvokul'turologicheskij, psiholingvokul'turologicheskij i kompleksnyj obshhegumantarnyj podhody) = The role and functions of language as an object of modern integrative research (psycholinguistic, linguocultural, psycholinguocultural and complex general humanitarian approaches) // Voprosy psiholingvistiki. 2015. № 2. S. 90–97.

12. Kulibina N. V. Metodika obuchenija chteniju hudozhestvennoj literatury = Methods of teaching fiction reading : monografija. Moskva : Flinta, 2018. 304s.
13. Mamontov A. S. Jazyk i kul'tura: osnovy sopostavitel'nogo lingvostranovedenija = Language and culture: the basics of comparative cultural linguistics. Moskva, 2000. 326 s.
14. Mamontov A. S. Lingvokul'turologija v aspekte obuchenija russkomu jazyku kak sredstvu mezhkul'turnoj kommunikacii = Culture-oriented linguistics in teaching Russian as a means of intercultural communication // Rustika. 2019. T. 17. №2. S. 143–156.
15. Paustovskij K. G. Zolotoj lin'. Rasskazy i skazki = The Golden Trench. Stories and fairy tales. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1987. 128 s.
16. Peshkovskij A. M. Voprosy metodiki rodnogo jazyka, lingvistiki i stilistiki = Issues of native language methodology, linguistics and stylistics. Moskva–Leningrad : Gos.izd-vo, 1930. 176 s.
17. Stoljarova A. G. Leksikograficheskaja i grammaticheskaja reprezentacija konceptov «Proshloe» i «Budushhee» (na materiale russkogo i korejskogo jazykov) = Lexicographic and grammatical representation of the concepts «Past» and «Future» in the Russian and Korean languages. Moskva, 2021. 294 s.
18. Jurina E. A., Avramenko O. V. Kognitivnye osnovanija interpretacii hudozhestvennogo obraza v raznyh lingvokul'turah = Cognitive bases of interpreting the artistic image in different linguistic cultures // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Serija Jazykoznanie. 2021. T. 20. № 1. S. 63–74.
19. Jazyk: zhizn' smyslov vs smysl zhizni = Language: the life of meanings vs the meaning of life : monografija / L. E. Malygina, G. G. Slyshkin, A. A. Sorokin [i dr.]. Moskva : INFRA-M, 2023. 294 s.
20. Bloch M. E. F. Language, anthropology and cognitive science // Assessing cultural anthropology / Ed. R. Borofsky. N.Y. : McGraw – Hill, 1994. P. 276–282.
21. Brown P. Language as a model for culture: Lessons from the cognitive sciences // B. King, R. Fox (eds.). Anthropology beyond culture. Oxford : Berg, 2002. P. 169–192.
22. Brown P. Cognitive anthropology // C. Jourdan, K. Tuite (eds.). Language, Culture and Society: Key topics in linguistic anthropology. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 96–114.
23. Casson R. W. (ed.) Language, Culture and Cognition: Anthropological Perspectives. N.Y. : Macmillan Publishing Co., Inc., 1981. P. 481–489.
24. Sushner K., Brislin R. W. Intercultural Interactions. London : Sage, 1995. 365 p.
25. Dijk T. A. van. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p.
26. Eysenk V. W., Keane M. T. Cognitive Psychology: A Student's Handbook. 6th edition. N.Y. : Psychology Press, 2009. 760 p.
27. Gladkova A., Jesus Romero-Trillo., Ain't it beautiful? The conceptual of beauty the ethnoprismatic perspective. Journal of Pragmatics, 60, 2014. P. 140–159.
28. Guirdham M. Communicating Across Cultures. London : Macmillan press, 1999. 383 p.
29. Hirsch E. D., Kett J. F., Trefil J. The Dictionary of Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. New York : Random House, Inc. 1988. 254 p.
30. Holland D., Quinn N. (eds.) Cultural Models in Language and Thought. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. P. 112–148.
31. Jandt F. Intercultural Communication: An Introduction. Newbury Park : Sage, 2000. 255 p.
32. Levinson S. C. From outer to inner space: Linguistic categories and non-linguistic thinking // J. Nuyts, E. Pederson (eds.). Language and conceptual representation. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. P. 13–45.
33. Quinn N. (ed.) Finding Culture in Talk: A Collection of Methods. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2005. 277 p.
34. Taylor J. R. The Mental Corpus: How Language is Represented in the Mind. N.Y. : Oxford University Press, 2012. 384 p.
35. Yildiz Y. Beyond the Mother Tongue: The Post monolingual Condition. New York : Fordham University Press, 2013. 306 p.

Статья поступила в редакцию 13.05.2023; одобрена после рецензирования 27.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 13.05.2023; approved after reviewing 27.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 81:001.4
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_108
EDN: VZOVTX

«Трудность» и «сложность» в русских ортологических словарях и в лингвистической терминологии

Ольга Владимировна Блинова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
o.blinova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5665-3495>

Аннотация. Статья направлена на установление набора и терминологического статуса сочетаний с компонентами «complex», «complexity» и на анализ концептуализации «трудных явлений» в словарях. В статье рассмотрен набор из 23 современных англоязычных терминологических источников и из 14 русскоязычных словарей трудностей.

Результаты анализа терминологии прежде всего таковы. Компоненты «complex» и «complexity» встречаются практически во всех документах текстовой коллекции: компонент «complex» наиболее употребителен в контексте разговора о когнитивных науках, языке и образовании; наименее употребителен – в словаре, описывающем терминосистему лингвистической прагматики. Определением «complex» снабжены прежде всего разновидности разноуровневых языковых единиц, отдельные фонетические, грамматические, семантические и др. явления, а также языковые уровни и идиомы. Отнести к терминологическим можно прежде всего следующие сочетания: «complex comparative», «complex waveform», «complex predicate», «complex wave», «complex sentence», «complex expression», «complex proposition», «complex consonant», «complex constituent», «complex symbol», «complex morphology», «complex tone», «complex construction», «complex verb», «complex syntax», «complex phrase», «complex sound», «complex word», «complex noun», «complex term»; сочетания типа «сложная морфология», «сложный синтаксис» не терминологизированы; «сложность» по полученным данным бывает прежде всего «колмогоровская», «деривационная», «морфологическая», «структурная», «синтаксическая», «грамматическая», «семантическая», «формальная», «когнитивная» и «лингвистическая».

Не все авторы ортологических словарей осмысливают понятие «трудность». Рефлексирующие авторы указывают, что понятие не операционализуемо без обращения к актуальному языковому опыту носителей языка, а словари трудностей называются так, как называются (то есть не «словарями сложностей»), из-за сложившейся лексикографической традиции. Авторы словарей в качестве «трудных» принимают: единицы с вариативностью (в том числе относительно кодифицированной нормы), нерегулярно образуемые единицы, единицы со сходствами плана выражения, отличающиеся по значению, лексику ограниченного употребления, редкие (низкочастотные), архаичные единицы, термины.

Ключевые слова: языковая сложность; языковая трудность; понятийный аппарат лингвистики; ортологические словари; словари трудностей; русскоязычные словари; англоязычные словари

Настоящая статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика»

Для цитирования: Блинова О. В. «Трудность» и «сложность» в русских ортологических словарях и в лингвистической терминологии // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 108–123. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_108. <https://elibrary.ru/VZOVTX>

Original article

«Complex» and «difficult» phenomena in terminological and orthological lexicographic practice

Olga V. Blinova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of general linguistics, St. Petersburg state university. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 11
o.blinova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5665-3495>

Abstract. This paper is aimed at establishing the set and terminological status of combinations with the components «complex», «complexity» and at analyzing the conceptualization of «difficult phenomena» in dictionaries. It considers a set of 23 modern english-language terminological sources and 14 russian-language dictionaries of difficulties.

The components «complex» and «complexity» are found in almost all documents of the text collection; the component «complex» is most frequently used in the context connected with cognitive sciences, language and education; the least used is in the dictionary describing the terminology of linguistic pragmatics. The definition «complex» is used primarily for varieties of multilevel linguistic units, certain phonetic, grammatical, semantic, etc. phenomena, as well as language levels and idioms. The following combinations can be classified as terminological: «complex comparative», «complex waveform», «complex predicate», «complex wave», «complex sentence», «complex expression», «complex proposition», «complex consonant», «complex constituent», «complex symbol», «complex morphology», «complex tone», «complex construction», «complex verb», «complex syntax», «complex phrase», «complex sound», «complex word», «complex noun», «complex term»; combinations like «complex morphology», «complex syntax» are not terminological; «complexity» according to the obtained data is primarily «Kolmogorov», «derivational», «morphological», «structural», «syntactic», «grammatical», «semantic», «formal», «cognitive», «linguistic».

Not all authors of orthological dictionaries conceptualize the notion of «difficulty». Some authors point out that the concept is not operationalizable without reference to the actual linguistic experience of the native speakers, and dictionaries of difficulties are not called «dictionaries of complexities» because of the established lexicographic tradition. The authors of the dictionaries accept the following as «difficult»: units with variability (including those with respect to the codified norm); irregularly formed units; units with similarities of the form, differing in meaning; special vocabulary, rare (low-frequency), archaic units, and terms.

Key words: linguistic complexity; linguistic difficulty; conceptual apparatus of linguistics; orthologic dictionaries; dictionaries of language difficulties; russian-language dictionaries; english-language dictionaries

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00525 «Understandability of the official Russian language: legal and linguistic issues»

For citation: Blinova O. V. «Complex» and «difficult» phenomena in terminological and orthological lexicographic practice. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(3):108–123. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_108. <https://elibrary.ru/VZOBTX>

Введение

Языковой сложности посвящена обширная научная литература. Актуальный обзор теории вопроса на русском дан; например, в [Бердичевский, 2014]. По сложности могут сопоставляться:

1. разновидности языков (ср. языки с большим или малым числом носителей, в том числе ненативных; языки, сильно или слабо подверженные контактному влиянию; языки с длительной или краткой письменной историей и пр.);
2. конкретные идиомы (языки, диалекты);
3. подсистемы идиомов в рамках уровневой языковой модели (ср. понятия фонологической, морфологической, синтаксической, лексической и др. сложности);
4. языковые регистры (или стили) конкретного языка;
5. тексты на конкретном языке;
6. отдельные лингвистические единицы (слова, предложения и пр.), принадлежащие конкретному языку, см., в частности, [McWhorter, 2001], [Nichols, 2009], [Miestamo, 2008], [Miestamo et al., 2008], [Sampson et al., 2009], [Biber, Gray, 2016] и мн. др.

При этом вслед за [Dahl, 2004] (в переводе Д. В. Сичинавы – [Даль, 2009]) различаются «сложность» (complexity) как абстрактная объективная мера, а также «стоимость» (cost) и «трудность» (difficulty) как меры относительные. «Стоимость» – это затраты, которые конкретному субъекту необходимо совершить для достижения определенной цели (усвоения информации), «трудность» – мера, показывающая, насколько трудной или лёгкой для него является задача, см. [Даль, 2009, с. 74–75].

Для настоящей статьи достаточно различения между «сложностью» как некоторой абстрактной объективной мерой, поддающейся оценке в применении к разным языковым объектам, и «трудностью» как субъективной характеристикой, учитывающей языковые знания и опыт конкретного носителя языка (или категории носителей).

«Сложность» явным образом встроена в понятийный аппарат лингвистики. «Трудность» задействована прежде всего в лексикографической практике.

Настоящая статья **нацелена** на выяснение того, в какие области современной лингвистической терминологии внедрена «сложность» и каким образом составителями словарей концептуализируется «трудность».

Задачи статьи таковы:

1. формирование списка современных англоязычных словарей лингвистических терминов, создание текстовой коллекции,

2. анализ коллекции корпусными методами, подразумевающий в том числе рассмотрение частотности, распределения (дисперсии) и сочетаемости компонентов «*complexity*» и «*complex*»; попытка установления терминологического статуса соответствующих употреблений,

3. формирование набора русскоязычных словарей трудностей,

4. анализ принципов концептуализации понятия «трудность» в ортологических словарях.

Работа **структурирована** следующим образом: в Разделе 1 рассматривается материал исследования, приводится набор анализируемых лингвистических терминологических словарей и словарей трудностей, даётся описание применяемых методов. В Разделе 2 приводятся результаты исследования.

1. Материал и методы исследования

1.1. Терминологические словари и энциклопедии

В анализируемую англоязычную текстовую коллекцию вошло 23 источника, изданных с 1979 по 2016 г., среди них:

1. общелингвистические энциклопедии и терминологические словари: [Bussmann et al., 1998], [Collinge, 2005], [Crystal, 2010], [Crystal, 2001], [Crystal, 1993], [Ducrot, Todorov, 1979], [Hogan, 2011], [Malmkjær, 2001], [Matthews, 2003], [Strazny, 2005], [Trask, 2007];

2. энциклопедии, относящиеся к «стыку» лингвистики с другими дисциплинами: когнитивными науками [Wilson, Keil, 1999], педагогикой [Hornberger, 2008];

3. словари и энциклопедии, описывающие понятийный аппарат и методы отдельных лингвистических дисциплин: сравнительно-исторического языкознания [Trask, 2000], синтаксиса [Luraghi, Parodi, 2008], семантики [Murphy, Koskela, 2010], прагматики [Allott, 2010], стилистики [Nørgaard et al., 2010], социолингвистики [Hickey, 2014], [Mesthrie, 2001], прикладной лингвистики [Loewen, Plonsky, 2016], лексикографии [Hartmann, James, 2002], переводоведения [Palumbo, 2009].

Объём коллекции составил 8 340 065 токенов. Выбор источников приходится признать случайным; в то же время, как представляется, в кол-

лекции вошли наиболее крупные и влиятельные современные лингвистические справочники.

Для анализа коллекций использовался корпусный менеджер [Anthony, 2022]. Рассматривались **частотные списки словоформ** и **биграмм** (двухсловных последовательностей), при этом учитывалась **абсолютная частота** (количество вхождений термина или компонента термина), **относительная частота** ipm (количество вхождений термина или компонента термина на миллион слов коллекции), **дисперсия** (значения меры Range – количества документов коллекции, содержащих термин или его компонент) и **нормализованная дисперсия** (значения Range в диапазоне от 0 до 1), а также значение коэффициента Жуайна (D Жуайна), подробнее о мерах см. [Gries, 2008]. Терминологический статус сочетания проверялся методом **анализа коллокаций**.

Рассмотрение n-граммных последовательностей позволяет установить сочетаемость, а учёт частотности позволяет делать выводы об употребительности рассматриваемых кандидатов в термины; значения мер дисперсии позволяют судить о распределении кандидатов по текстам коллекции (то есть судить о том, в каких лингвистических дисциплинах востребованы изучаемые выражения). Извлечение коллокатов слов «*complex*» и «*complexity*» является проверкой на терминологический статус сочетаний с ними.

1.2. Ортологические словари

Для исследования выбраны русские словари, **в названии которых содержится эксплицитное указание на трудность** содержащихся в них единиц, а именно [Вакуров и др., 1968], [Вербицкая, 2008], [Гольберг, Иванов, 2012], [Горбачевич и др., 1973], [Еськова, 1999], [Еськова, 2014], [Ефремова, Костомаров, 1997], [Макаров, Матвеева, 1993], [Ожегов, 1962], [Окунцова, 2004], [Остроумова, Фрамполь, 2009], [Рахманова, 1974], [Розенталь, Теленкова, 2003], [Семенюк и др., 1994]. В отечественной лексикографической традиции такие словари относятся к ортологическим (нормативным).

2. Результаты исследования

1.1. Сложность

Компоненты «*complex*» и «*complexity*» встречаются практически во всех документах англоязычной коллекции (см. Таблицу 1), но обладают

разной частотностью; «*complex*» демонстрирует большую частотность, что, как будет показано ниже, связано с участием этого компонента в

формировании большего количества неоднословных терминов.

Таблица 1

Частотность и распределение компонентов *complex* и *complexity*

слово	частота	ipm	дисперсия (Range)	нормализованная дисперсия
<i>complex</i>	3124	374.577	23	1.000
<i>complexity</i>	779	93.405	22	0.957

Распределения единиц по словарям (см. Таблицу 2) показывает, что компонент «*complex*» предсказуемым образом наиболее употребителен в контексте разговора о когнитивных науках [Wilson, Keil, 1999], языке и образовании [Hornberger, 2008]; кроме того, он популярен в

неспецифических словарях и энциклопедиях [Strazny, 2005], [Bussmann et al., 1998], [Crystal, 2010] и др. Наименее употребителен этот компонент в словаре, описывающем терминосистему лингвистической прагматики [Allott, 2010].

Таблица 2

«*Complex*» в словарных источниках

источник	частота	ipm	дисперсия (D Жуайна)
The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences [Wilson, Keil, 1999]	468	495.393	0.944
Encyclopedia of Linguistics [Strazny, 2005]	386	420.526	0.935
Encyclopedia of Language and Education [Hornberger, 2008]	483	301.624	0.934
Routledge Dictionary of Language and Linguistics [Bussmann et al., 1998]	227	692.677	0.926
The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences [Crystal, 2010]	513	526.582	0.922
An Encyclopaedia of Language [Collinge, 2005]	135	327.758	0.891
Concise Encyclopedia of Sociolinguistics [Mesthrie, 2001]	199	264.099	0.886
Language and Linguistics. The Key Concepts [Trask, 2007]	43	335.945	0.875
The Linguistics Encyclopedia [Malmkjær, 2001]	158	438.264	0.858
The Cambridge encyclopedia of Language [Crystal, 2010]	138	342.451	0.856
The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics [Trask, 2000]	42	298.242	0.855
Dictionary of Lexicography [Hartmann, James, 2002]	67	851.648	0.825
A Dictionary of Varieties of English [Hickey, 2014]	18	85.703	0.784
An Encyclopedic Dictionary of Language and Languages [Crystal, 1993]	28	197.596	0.782
Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language [Ducrot, Todorov, 1979]	54	337.646	0.782
Key Terms in Stylistics [Nørgaard et al., 2010]	35	364.591	0.774
Key Terms in Translation Studies [Palumbo, 2009]	11	173.196	0.748
Key Terms in Semantics [Murphy, Koskela, 2010]	17	259.221	0.709
A Dictionary of Language [Crystal, 2001]	30	205.863	0.706
Key Terms in Syntax and Syntactic Theory [Luraghi, Parodi, 2008]	27	374.418	0.669
The Concise Oxford Dictionary of Linguistics [Matthews, 2003]	25	141.419	0.646
An A – Z of Applied linguistics Research Methods [Loewen, Plonsky, 2016]	7	84.129	0.628
Key Terms in Pragmatics [Allott, 2010]	13	156.145	0.619

Похожая, но не полностью идентичная картина наблюдается и в употреблении компонента «*complexity*» (см. Таблицу 3 ниже).

Таблица 3

«*Complexity*» в словарных источниках

источник	частота	ipm	дисперсия (D Жуйана)
Encyclopedia of Language and Education [Hornberger, 2008]	162	101.166	0.904
An Encyclopaedia of Language [Collinge, 2005]	39	94.686	0.882
The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences [Wilson, Keil, 1999]	198	209.589	0.879
Encyclopedia of Linguistics [Strazny, 2005]	62	67.546	0.845
The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences [Crystal, 2010]	110	112.912	0.818
Concise Encyclopedia of Sociolinguistics [Mesthrie, 2001]	28	37.160	0.795
The Linguistics Encyclopedia [Malmkjær, 2001]	20	55.477	0.789
The Cambridge encyclopedia of Language [Crystal, 2010]	48	119.113	0.774
An A – Z of Applied linguistics Research Methods [Loewen, Plonsky, 2016]	19	228.349	0.702
A Dictionary of Language [Crystal, 2001]	11	75.483	0.630
Routledge Dictionary of Language and Linguistics [Bussmann et al., 1998]	25	76.286	0.622
An Encyclopedic Dictionary of Language and Languages [Crystal, 1993]	10	70.570	0.606
A Dictionary of Varieties of English [Hickey, 2014]	4	19.045	0.592
Language and Linguistics. The Key Concepts [Trask, 2007]	6	46.876	0.556
The Concise Oxford Dictionary of Linguistics [Matthews, 2003]	5	28.284	0.553
The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics [Trask, 2000]	10	71.010	0.553
Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language [Ducrot, Todorov, 1979]	7	43.769	0.476
Key Terms in Semantics [Murphy, Koskela, 2010]	4	60.993	0.447
Dictionary of Lexicography [Hartmann, James, 2002]	3	38.133	0.289
Key Terms in Syntax and Syntactic Theory [Luraghi, Parodi, 2008]	6	83.204	0.169
Key Terms in Pragmatics [Allott, 2010]	1	12.011	0.000
Key Terms in Translation Studies [Palumbo, 2009]	1	15.745	0.000

Для выявления собственно терминологических употреблений рассмотрим однословные последовательности с компонентами «*complex*» и «*complexity*».

Двухсловные последовательности с «*complex*» представлены в Таблице 4 (анализируемый компонент находится слева от опорного слова на расстоянии 1). Они получены с помощью инструмента «Cluster» в AntConc, стоп-слова (высокочастотные слова, часто служебные) удалены, лемматизация не выполнялась. В таблице дан список наиболее вероятных двухсловных кандидатов в термины; из списка биграмм вручную удалены неполные сочетания типа «*complex*

polyglossic», нетерминологические сочетания типа «*complex maneuvers*», «*complex observations*».

Относительно надёжными кандидатами в термины могут считаться наиболее частотные однословные последовательности и последовательности с относительно более высокими значениями дисперсии (ср. употребления «*complex sentence*», «*complex word*», «*complex verb*», которые встречаются приблизительно в половине текстов коллекции). Ясно, однако, что существуют редкие термины, которые используются в достаточно узких областях знания, ср., например, «*complex waveform*».

Двухсловные последовательности с «*complex*»

сочетание	#	нормализованная дисперсия (Range)	сочетание	#	нормализованная дисперсия (Range)
complex sentences	79	0.522	complex subject	3	0.130
complex sentence	39	0.522	complex subjects	3	0.043
complex word	36	0.478	complex tenses	3	0.043
complex verb	28	0.217	complex tones	3	0.087
complex language	21	0.348	complex comparatives	2	0.087
complex consonant	18	0.261	complex discourse	2	0.043
complex syntax	18	0.348	complex discourses	2	0.087
complex verbs	17	0.130	complex grammars	2	0.087
complex morphology	15	0.304	complex names	2	0.087
complex sounds	13	0.174	complex narratives	2	0.087
complex predicates	12	0.174	complex pitch	2	0.043
complex grammar	11	0.348	complex preposition	2	0.087
complex sound	11	0.217	complex prepositions	2	0.087
complex tone	10	0.217	complex sign	2	0.043
complex wave	10	0.174	complex stem	2	0.087
complex noun	9	0.261	complex waveforms	2	0.043
complex constituents	7	0.087	complex agreement	1	0.043
complex constructions	7	0.217	complex clause	1	0.043
complex propositions	7	0.087	complex code	1	0.043
complex texts	7	0.174	complex declaratives	1	0.043
complex concept	6	0.174	complex demonstratives	1	0.043
complex phrases	6	0.130	complex lexemes	1	0.043
complex tense	6	0.130	complex locative	1	0.043
complex vowel	6	0.174	complex metaphor	1	0.043
complex predicate	5	0.130	complex morphologies	1	0.043
complex proposition	5	0.174	complex nouns	1	0.043
complex symbols	5	0.174	complex phonemes	1	0.043
complex characters	4	0.087	complex phonology	1	0.043
complex metaphors	4	0.043	complex predicative	1	0.043
complex phrase	4	0.087	complex semantics	1	0.043
complex concepts	3	0.130	complex tokens	1	0.043
complex constituent	3	0.087	complex vocalizations	1	0.043
complex construction	3	0.087	complex voice	1	0.043
complex dialect	3	0.087	complex waveform	1	0.043
complex languages	3	0.130	complex waves	1	0.043

Таким образом, определением «*complex*» снабжены прежде всего разновидности разноразноуровневых языковых единиц («*complex consonant*», «*complex vowel*», «*complex word*», «*complex phrase*», «*complex constituent*», «*complex text*», «*complex discourse*» и др.), отдельные фо-

нетические, грамматические, семантические и др. явления («*complex predicate*», «*complex locative*», «*complex comparative*», «*complex subject*», «*complex agreement*» и др.), а также языковые уровни («*complex morphology*», «*complex syntax*» и др.) и идиомы («*complex dialect*», «*complex language*»). Ясно, что часть попавших в список кандидатов в двухсловные термины не является общераспространённой, независимой от англоязычной терминологической традиции, и

применяется исключительно для описания свойств отдельных языков.

С помощью описанной процедуры были получены и биграммы с компонентом «*complexity*», см. Таблицу 5. Из списка двухсловных сочетаний удалены нетерминологические сочетания, неспецифические и нелингвистические понятия типа «*incredible complexity*», «*algorithmic complexity*», «*social complexity*» и др.

Таблица 5

Двухсловные последовательности с «*complexity*»

сочетание	#	норм. дисперсия (Range)	сочетание	#	норм. дисперсия (Range)
linguistic complexity	21	0.478	discourse complexity	2	0.087
grammatical complexity	12	0.304	lexical complexity	2	0.087
structural complexity	12	0.261	articulatory complexity	1	0.043
syntactic complexity	12	0.304	contextual complexity	1	0.043
morphological complexity	11	0.348	graphic complexity	1	0.043
semantic complexity	9	0.261	morpheme complexity	1	0.043
cognitive complexity	8	0.261	orthographic complexity	1	0.043
derivational complexity	5	0.130	perceptual complexity	1	0.043
formal complexity	4	0.087	phonological complexity	1	0.043
kolmogorov complexity	4	0.043	prosodic complexity	1	0.043
language complexity	4	0.087	reference complexity	1	0.043
sentence complexity	4	0.174	sequential complexity	1	0.043
combinatorial complexity	3	0.087	structure complexity	1	0.043
conceptual complexity	3	0.130	vocabulary complexity	1	0.043

Более объективной проверкой на терминологический статус сочетания может стать **извлечение коллокатов компонента термина**. Коллокаты – это слова, имеющие тенденцию к совместной встречаемости с заданным словом и связанные с ним силой, значение которой можно измерить статистически, см., например, [Gries, 2013]. Для измерения силы связи используются различные меры. В настоящей статье для анализа текстовой коллекции применяется инструмент [Anthony, 2022], где оценивать силу связи и ранжировать коллокаты можно с помощью одной из ряда мер, среди которых, MI (Mutual Information), MI2, MI3, MS, Mu, RRF, критерий правдоподобия (likelihood), T-score и Z-

score, причём значения мер выдаются по отдельности, подробнее см., например, Таблицу 3.3 в [Brezina, 2018]. Для более простой интерпретируемости результатов в настоящей статье решено использовать MI как популярную меру, см. о ней в применении к русским текстам [Захаров, Хохлова, 2010].

Коллокаты слова «*complex*» представлены в Таблице 6, они ранжированы по значению MI. Для компактности представления из списка удалены коллокаты из неполных сочетаний типа «*logarithmic*», «*superposed*», а также компоненты явно нетерминологических и/или нелингвистических сочетаний типа «*phenomena*», «*patterns*», «*realities*» и др.

Таблица 6

Коллокации компонента «*complex*» (MI >2)

коллокат	ранг	дисперсия (Range)	Likelihood	MI
comparatives	10	2	17.808	7.797
waveforms	11	1	17.639	7.739
predicates	19	4	87.057	6.632
wave	20	4	70.289	6.471
sentences	23	12	504.917	5.996
expressions	28	6	149.473	5.541
propositions	29	2	38.413	5.354
consonant	32	6	91.764	5.065
constituents	36	2	33.243	4.808
symbol	38	4	37.015	4.717
expression	39	6	86.126	4.645
morphology	45	7	65.161	4.504
tone	47	5	43.388	4.501
proposition	58	4	19.478	4.167
constructions	59	5	27.251	4.165
sentence	62	12	147.259	4.068
verbs	63	3	64.050	4.067
symbols	74	4	17.457	3.857
predicate	75	3	17.357	3.842
verb	78	5	95.755	3.797
syntax	79	8	60.971	3.774
phrases	80	3	18.225	3.503
sounds	81	4	39.447	3.499
word	89	11	86.747	2.991
noun	93	6	20.002	2.842
sound	94	5	24.198	2.822
term	98	4	24.669	2.564

Примечательно, что коллокатами с более высокими значениями MI стали формы множественного числа опорных существительных («*comparatives*», «*waveforms*», «*predicates*», «*sentences*», «*propositions*» и нек. др.), а не соответствующие формы единственного числа.

Таким образом, после приведения форм существительных к нормальным получен список сочетаний с прилагательным «*complex*», которые с большой степенью уверенности можно отнести к терминологическим: «*complex comparative*», «*complex waveform*», «*complex predicate*», «*complex wave*», «*complex sentence*», «*complex expression*», «*complex proposition*», «*complex consonant*», «*complex constituent*», «*complex symbol*», «*complex morphology*», «*complex tone*»,

«*complex construction*», «*complex verb*», «*complex syntax*», «*complex phrase*», «*complex sound*», «*complex word*», «*complex noun*», «*complex term*».

Найденным англоязычным терминологическим сочетаниям можно предложить соответствия, частично опираясь на русскоязычные терминологические словари и лингвистические энциклопедии, (см. Таблицу 7) В русскоязычную коллекцию вошло пять источников, среди которых два общелингвистических [Ахманова, 1966], [Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1998] и три социолингвистических [Письменные языки мира: Российская Федерация, 2000], [Словарь социолингвистических терминов, 2006], [Язык и общество, 2016].

Таблица 7

Термины с компонентом типа «*сложный*»

термин (англ.)	термин (рус.)	термин (англ.)	термин (рус.)
complex comparative	аналитический компаратив	complex sentence	сложное предложение
complex consonant	сложный согласный (аффриката)	complex sound	сложный звук
complex constituent	сложная составляющая	complex symbol	сложный символ
complex construction	сложная конструкция	complex syntax	сложный синтаксис

complex expression	сложное выражение	complex term	сложный термин
complex morphology	сложная морфология	complex tone	сложный тон
complex noun	сложное существительное	complex verb	сложный (составной) глагол
complex phrase	сложная группа	complex wave	сложная волна
complex predicate	сложный (составной) предикат	complex waveform	сложная форма волны
complex proposition	сложная пропозиция	complex word	сложное слово

Стоит заметить, что в [Ахманова, 1966] есть отдельная словарная статья «Сложный», где даны следующие основные значения:

1. о грамматической форме – **составной, аналитический, состоящий более чем из одного слова, включающий вспомогательные слова** <...>;

2. о морфологическом составе слова – **составной, состоящий из двух и более морфем** (ср. «сложный суффикс»), в том числе неаффиксальных («сложная основа», «сложное слово»).

Таким образом, можно думать, что сочетания типа «сложная морфология», «сложный синтаксис» не терминологизированы, при этом утверждения о сложной организации элементов структуры отдельных языков и языковых таксонов зачастую включаются в их описание, ср. вхождение из [Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1998]: «сложный и архаичный вокализм» (бурушаски), «во мн. языках сложная тоновая синтагматика» (бенуэ-конголезские языки), «налицо сложная фразовая просодия» (языки же); «для К. я. <кушитских языков – О. Б.> характерна крайне сложная именная и глагольная морфология»; «Г. я. <гур языки – О. Б.> обладают сложными системами числительных» и мн. др.

Можно обратить внимание на то, что в состав обсуждаемых сочетаний могут включаться интенсификаторы типа «**крайне** сложная морфология», ср. также «Морфология Е. я. <енисейских языков – О.Б.> характеризуется относит. простотой и регулярностью системы имен и **исключит. сложностью глагольной системы**» [Там же]. Подобная модификация в случае с терминами, описывающими структурную организацию языковых единиц, невозможна, ср. «сложное предложение» и «очень сложное предложение» (терминологический статус сочетания во втором примере утрачен).

В заключение раздела кратко обсудим, какие результаты дало извлечение коллокатов слова «complexity», см. Таблицу 8. Из таблицы видно, что сложность по полученным данным бывает: «колмогоровская» (в теоретико-информационном смысле сложность – мера объёма информации, которая нужна для того, чтобы описать или реконструировать систему (то есть чем сложнее система, тем длиннее её описание), «*деривационная*», «*морфологическая*», «*структурная*», «*синтаксическая*», «*грамматическая*», «*семантическая*», «*формальная*», «*когнитивная*» и «*лингвистическая*».

Таблица 8

Коллокаты компонента «complexity» (MI >2)

коллокат	ранг	дисперсия (Range)	Likelihood	MI
kolmogorov	4	1	52.270	10.742
derivational	15	3	41.429	7.395
morphological	18	8	82.073	6.794
structural	22	6	79.546	6.189
syntactic	26	7	60.497	5.022
grammatical	27	7	55.322	4.701
semantic	28	6	35.207	4.176
formal	29	2	13.971	3.859
cognitive	30	6	27.862	3.847
linguistic	31	11	71.146	3.763

1.2. Трудность

История русских словарей трудностей, в названии которых есть эксплицитное указание на «трудность», по-видимому, отсчитывается со

времени появления «Словаря неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» И. И. Огиенко [Огиенко, 1914], см. также [Долопчев, 1909], [Греч, 1890]. Цель создания словаря Огиенко описывает

в предисловии, указывая, что издание призвано хоть до некоторой степени удовлетворять частым запросам «как следует говорить, и каких слов и выражений должно избегать» [Огиенко, 1914, с. 4].

Состав Словаря автор характеризует следующим образом [Огиенко, 1914, с. 4–5].

1. Словарь указывает на ошибки и «провинциализмы, которые решительно недопустимы в речи интеллигентного человека».

2. В Словарь внесены «двойные формы, равносильные выражения <resp., вариативные явления – О.Б.>».

3. Словарь предлагает «объяснения некоторых малопонятных слов».

4. Словарь содержит «трудные глагольные формы».

5. Словарь включает «некоторые старые слова, теперь вышедшие из живого употребления».

Список помет позволяет различать различные грамматические формы, а также «нар. сл.» – «народные слова», «областн.» – областные слова, «стар.» – «старинные слова», «укр. сл.» – украинские слова.

Современные словари трудностей (см. о них в разделе 1.2 выше) можно классифицировать по ряду принципов, в том числе по целевой аудитории и по фиксируемому языковым явлениям.

Так, по целевой аудитории можно различать словари для так называемых **стандартных носителей** и для **носителей с неполной компетенцией в языке**, в частности, изучающих русский как второй [Ефремова, Костомаров, 1997], детей.

Среди стандартных носителей выделяются группы по профессиям и занятиям; среди них – группа, которая занимается правкой чужих текстов (редакторы), группа, которая занимается обучением языку, а также группы, которые порождают устные и письменные тексты для широкой аудитории (журналисты, политики и др.) [Рахманова, 1974].

«Трудные» явления в словарях концептуализируются несколько по-разному, более того, не все авторы в принципе рефлексируют, считая понятие «трудность» очевидным, см. об этом

[Свинцов, 2012, с. 3]. Ср., однако, следующий набор цитат:

[Розенталь, Теленкова, 2003]: «Сложным является само понятие «языковая трудность». **Вряд ли можно найти объективный критерий для определения этого понятия**, когда речь идёт о словаре, предназначенном для широкого круга читателей с различными знаниями, навыками и подготовкой в области русского языка»;

[Семенюк и др., 1994] «„Лексическая трудность” – понятие, обладающее определенной долей условности, поскольку **не существует объективных критериев его определения**. Что для одного читателя является трудным, для другого таковым не является, так как словарный запас людей различен. Это зависит от возраста читателя, его профессии, начитанности, круга интересов, индивидуальных особенностей и т. п.»;

[Ефремова, Костомаров, 1997] «Единицей, определившей жанр данного словаря, стала грамматическая трудность. Несомненно, корректнее было бы говорить не о трудности и о трудном материале, а, соответственно, о сложности и сложном материале, поскольку **понятие трудности, как субъективное, обусловленное интеллектуальной деятельностью отдельного человека, является понятием психолингвистическим, лингвистическим же является объективное, присущее языку понятие сложности**. Точнее было бы и всё лексикографическое пособие назвать „Словарём морфологических сложностей русского языка” <...> Однако **в силу лексикографической традиции** описываемые языковые сложности будут именоваться трудностями».

Таким образом, рефлексирующие авторы словарей указывают, что понятие «трудность» не операционализуемо без обращения к актуальному языковому опыту носителей языка, а словари трудностей называются так, как называются, из-за сложившейся лексикографической традиции.

Набор «трудных явлений», до некоторой степени обобщающий сведения из всех учтённых в настоящей статье источников, представлен в Таблице 9.

Таблица 9

Трудные явления

вид	пояснение
орфографические трудности	правописание безударных гласных, слов с чередованием гласных, гласных после шипящих в корне, гласных после <i>ц</i> в корне, т. наз. «сомнительных согласных», непронизносимых согласных, согласных на стыке морфем, слов с приставками <i>пре-</i> , <i>при-</i> , слов с <i>-ы-</i> после приставки, слов, образованных суффиксальным способом, наречных выражений с раздельным написанием, наречных выражений с дефисным написанием, сложных слов (ср. <i>блокпост</i> , <i>блок-система</i>),

вид	пояснение
	удвоенных согласных, приставки и частицы <i>не</i> , заимствованных слов, строчных и прописных букв и др.
орфоэпические трудности	акцентные варианты, слова с переносом ударения на предлог, слова со смысловозначительным ударением, слова с второстепенным ударением, слова с разным ударением в разных стилях речи (ср. <i>ишиас</i>), постановка ударения в формах слов, произносительные варианты, произношение аббревиатур, омографов, иноязычных слов и др.
семантические трудности	различение слов с близкими значениями (<i>выверить – проверять</i>), паронимов, отношения синонимии и онтонимии, значения многозначных слов, развитие у слов новых значений
лексические трудности	низкочастотные слова, книжная лексика, традиционно-поэтическая и народно-поэтическая лексика, архаизмы и историзмы, диалектизмы, иноязычные слова, термины
трудности словообразования	словообразовательные варианты (<i>опораживать – опорожнять</i>), образование названий народов, глаголы на <i>-изрывать/-изывать</i>
трудности словообразования и формоупотребления	формообразовательные варианты, употребление форм второго родительного, второго предложного падежа, образование форм им. п. мн. ч. сущ. типа <i>тракторы/трактора</i> , образование форм род. п. мн. ч. сущ. типа <i>килограммов/килограмм будней/буден</i> а также <i>калмыков, лезгин, сапог, чулок</i> , образование форм род. п. мн. ч. существительных сред. рода на <i>-j</i> (<i>поместий, верховьев</i>), употребление существительных с трудноопределяемой родовой принадлежностью, в том числе неизменяемых (ср. <i>толь, гуппи</i>), употребление существительных общего рода, употребление существительных, использующихся преимущественно во мн. ч. и имеющих особенности в образовании форм ед. ч. (ср. <i>туфля</i>), употребление существительных, не имеющих форм ед. ч. (ср. <i>сутки</i>), образование кратких форм м. рода от некоторых качественных прилагательных на <i>-енный</i> (ср. <i>легкомысленный – легкомыслен</i>), образование нек. форм сравнительной степени (ср. <i>слаще</i>), образование форм прошедшего времени у нек. глаголов (ср. <i>зажечь – зажжёт</i>), образование форм прошедшего времени от глаголов с <i>-ну-</i> (<i>высохнуть – высох – высохший</i>), образование форм императива у некоторых глаголов (ср. <i>лечь – ляг(те)</i>), варианты формы прошедшего времени типа <i>брызжут/брызгают, машу/махаю, машет/машает</i> , дефектные парадигмы (отсутствие или затруднённое образование форм 1 л. ед. ч. у глаголов <i>очутиться, победить, чудить, убедить</i> , а также <i>бдеть, бузить, дерзить, куролесить, пылесосить</i> , варианты формы императива (ср. <i>чисти и чисть, откупори и откупорь, выглади и выгладь</i>), отсутствие или затруднённое образование форм императива у глаголов <i>мочь, хотеть</i> , отсутствие или затруднённое образование форм деепричастий, деепричастий несов. вида у глаголов <i>жать, жечь</i> , а также <i>писать, пахать, резать, стеречь, спать, бить</i> и др.
стилистические и сочетаемостные трудности	«необходимостью учитывать преимущественную закреплённость того или иного слова за определённым функциональным стилем», ср. « <i>обитатель</i> » [Вакуров и др., 1968], употребление т. наз. избыточных сочетаний (ср. <i>броский эффект</i>), стилистические и жанрово уместное употребление разговорной и др. лексики
синтаксические трудности	трудные случаи согласования (согласование с количественными выражениями и в количественных выражениях, согласование с существительными, способными реферировать к лицам разного пола типа <i>автор</i>), употребление существительных, испытывающих колебания по одушевленности/неодушевленности, ср. <i>бактерия, бактерия, бактерия, микроб, кукла, персонаж</i> , трудные случаи управления (ср. управление при слове <i>неосведомленность</i>), вариативное управление и др.

Таким образом, авторы словарей в качестве «трудных» принимают: единицы с вариативностью (в том числе относительно кодифицированной нормы); нерегулярно образуемые единицы; единицы со сходствами плана выражения, отличающиеся по значению; редкие (низкочастотные), архаичные единицы, заимствования, термины.

Заключение

Настоящая статья направлена на установление набора и терминологического статуса сочетаний с компонентами «*complex*», «*complexity*» и на анализ концептуализации «*трудных явлений*» в словарях трудностей. В статье исследован набор из 23 современных англоязычных терми-

нологических источников и набор из 14 русскоязычных словарей трудностей.

Основные результаты таковы.

1. Компоненты «*complex*» и «*complexity*» встречаются практически во всех документах текстовой коллекции; «*complex*» демонстрирует большую частотность, что объясняется участием этого компонента в формировании большего количества неоднословных сочетаний.

2. Компонент «*complex*» наиболее употребителен в контексте разговора о когнитивных науках и образовании.

3. Определением «*complex*» снабжены прежде всего разновидности разноуровневых языковых единиц, отдельные фонетические, грамматические, семантические и др. явления, а также языковые уровни и идиомы.

4. Анализ коллокаций показал, что отнести к терминологическим можно прежде всего следующие сочетания: «*complex comparative*», «*complex waveform*», «*complex predicate*», «*complex wave*», «*complex sentence*», «*complex expression*», «*complex proposition*», «*complex consonant*», «*complex constituent*», «*complex symbol*», «*complex morphology*», «*complex tone*», «*complex construction*», «*complex verb*», «*complex syntax*», «*complex phrase*», «*complex sound*», «*complex word*», «*complex noun*», «*complex term*».

5. Сочетания типа «*сложная морфология*», «*сложный синтаксис*» не терминологизированы, при этом утверждения о сложной организации элементов структуры отдельных языков и языковых таксонов зачастую включаются в их описание. В состав обсуждаемых сочетаний могут включаться интенсификаторы типа «*крайне сложная морфология*» (ср. «*очень сложное предложение*»).

6. «*Сложность*» по полученным данным бывает прежде всего «*колмогоровская*», «*деривационная*», «*морфологическая*», «*структурная*», «*синтаксическая*», «*грамматическая*», «*семантическая*», «*формальная*», «*когнитивная*» и «*лингвистическая*».

7. По целевой аудитории можно различать словари трудностей для так называемых стандартных носителей и для носителей с неполной компетенцией в языке, в частности, изучающих русский как второй. Среди стандартных носителей выделяются группы по профессиям и занятиям; среди них – группа, которая занимается правкой чужих текстов (редакторы), группа, которая занимается обучением языку, а также группы, которые порождают устные и письменные тексты для широкой аудитории (журналисты, политики и др.).

8. Не все авторы словарей в принципе рефлексируют над понятием «*трудность*». Рефлексирующие авторы указывают, что понятие «*трудность*» не операционализуемо без обращения к актуальному языковому опыту носителей языка.

9. Авторы словарей в качестве «*трудных*» принимают: единицы с вариативностью (в том числе относительно кодифицированной нормы); нерегулярно образуемые единицы; единицы со сходствами плана выражения, отличающиеся по значению; лексику ограниченного употребления, редкие (низкочастотные), архаичные единицы, термины.

Результаты, полученные в статье, будут использованы для доработки модели оценки сложности русских текстов, представленной в [Blinova, Tarasov, 2022].

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
2. Бердичевский А. Языковая сложность (Language Complexity) // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 101–124.
3. Вакуров В. Н., Рахманин Л. В. Краткий словарь трудностей русского языка для работников печати. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1968. 264 с.
4. Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. Трудности современного русского произношения и ударения. 6-е изд., стер. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : Издательский центр «Академия», 2008. 160 с.
5. Гольберг И. М., Иванов С. В. Словарь грамматических трудностей русского языка (5–11 классы). Москва : АСТ-ПРЕСС Книга, 2012. 176 с.
6. Горбачевич К. С., Качевская Г. А. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Ленинград : Наука, 1973. 518 с.
7. Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности / пер. с англ. Д. Сичинавы. Москва : URSS, 2009. 560 с.
8. Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Издание 2-е, пересмотренное и дополненное. Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1909. 349 с.
9. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. Справочное издание. 2-е изд., стереотип. Москва : Русский язык, 1999. 448 с.
10. Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 536 с.
11. Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. 3-е изд., стер. Москва : Рус. яз., 1997.
12. Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). Москва : РГГУ, 2010. Vol. 9(16). P. 137–143.
13. Макаров В. И., Матвеева Н. П. От Ромула до наших дней. Словарь лексических трудностей художественной литературы. Москва : Былина, 1993. 368 с.
14. Огиенко И. И. Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи. Издание 3-е, значительно дополненное и совершенно переработанное. Киев : Книгоиздательство И. И. Самоненко, 1914. 288 с.

15. Ожегов С. И. Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 184 с.
16. Окунцева Е. А. Трудности устной речи: Словарь-справочник. Москва : Изд-во Московского ун-та, 2004.
17. Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. Москва : Изд-во СГУ, 2009. 502 с.
18. Письменные языки мира: Российская Федерация. Социолингвистическая энциклопедия / под ред. В. М. Солнцева, В. Ю. Михальченко. Москва : Academia, 2000. 651 с.
19. Рахманова Л. И. Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста. Москва : МГУ, 1974. 480 с.
20. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. 3-е изд. Москва : Айрис-пресс, 2003. 832 с.
21. Свинцов В. В. Языковая трудность: системный, лексикографический и методический аспекты (на материале русского языка). Москва : РГГУ, 2012. 21 с.
22. Семенюк А. А., Городецкая И. Л. Лексические трудности русского языка : словарь-справочник. Москва : Русский язык, 1994. 586 с.
23. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. Москва : Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
24. Язык и общество. Энциклопедия / под ред. В. Ю. Михальченко. Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2016. 872 с.
25. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. Издание 2-е, испр. 680 с.
26. Allott N. Key Terms in Pragmatics. London; New York : Continuum International Publishing Group, 2010. 264 p.
27. Anthony L. AntConc (Version 4.2.0) [Computer Software]. Tokyo, Japan : Waseda University. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software> (дата обращения: 01.08.2023).
28. Biber D., Gray B. Grammatical Complexity in Academic English. Linguistic Change in Writing. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 277 p.
29. Blinova O., Tarasov N. A hybrid model of complexity estimation: Evidence from Russian legal texts // Frontiers in Artificial Intelligence. 2022. Vol. 5.
30. Brezina V. Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 296 p.
31. Bussmann H., Kazzazi K., Trauth G. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. London and New York : Routledge, 1998. 560 p.
32. Collinge N. E. (Ed.). An Encyclopaedia of language. London and New York : Taylor & Francis, 2005. 1032 p.
33. Crystal D. An Encyclopedic Dictionary of Language and Languages. Cambridge, Massachusetts : Blackwell Publishers, 1993. 428 p.
34. Crystal D. A Dictionary of Language. Chicago : University of Chicago Press, 2001. 390 p.
35. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language, 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 472 p.
36. Dahl Ö. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2004. x, 333 p.
37. Ducrot O., Todorov T. (Eds.). Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language. Baltimore and London : Johns Hopkins University Press, 1979. 380 p.
38. Gries S. Th. 50-something years of work on collocations. What is or should be next // International Journal of Corpus Linguistics. 2013. Vol. 18, № 1. P. 137–165.
39. Gries S. Th. Dispersions and adjusted frequencies in corpora // International Journal of Corpus Linguistics. 2008. Vol. 13, № 4. P. 403–437.
40. Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of Lexicography. London and New York : Taylor & Francis, 2002. 176 p.
41. Hickey R. A Dictionary of Varieties of English. Chichester, West Sussex, UK : John Wiley & Sons, Inc, 2014. 431 p.
42. Hogan P. C. (Ed.). The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 1021 p.
43. Hornberger N. H. (Ed.). Encyclopedia of Language and Education. Vol. 1 10. New York : Springer Science Business Media, LLC: 2008.
44. Loewen S., Plonsky L. An A – Z of Applied linguistics Research Methods. London : Palgrave Macmillan, 2016. 210 p.
45. Luraghi S., Parodi C. Key Terms in Syntax and Syntactic Theory. London, New York : Continuum International Publishing Group, 2008. 265 p.
46. Malmkjær K. (Ed.). The Linguistics Encyclopedia. 2nd ed. London and New York: Routledge, 2001. 643 p.
47. Matthews P. H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2003. 464 p.
48. McWhorter J. The worlds simplest grammars are creole grammar // Linguistic Typology. 2001. Vol. 5, № 2–3. P. 125–166.
49. Mesthrie R. Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. Amsterdam; New York: Elsevier, 2001. 1031 p.
50. Miestamo M. Grammatical complexity in a cross-linguistic perspective // Language complexity: Typology, contact, change / Ed. by M. Miestamo, K. Sinnemäki and F. Karlsson. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 23–41.

51. Miestamo M., Sinnemäki K., Karlsson F. Introduction: The problem of language complexity // Language complexity: Typology, contact, change / Ed. by M. Miestamo, K. Sinnemäki and F. Karlsson. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2008. P. VII–XIV.

52. Murphy M. L., Koskela A. Key Terms in Semantics. London; New York : Continuum International Publishing Group, 2010. 241 p.

53. Nichols J. Linguistic complexity: a comprehensive definition and survey // Language Complexity as an Evolving Variable / Ed. by G. Sampson, D. Gil, and P. Trudgill. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 110–125.

54. Nørgaard N., Montoro R., Busse B. Key Terms in Stylistics. London, New York : Continuum International Publishing Group, 2010. 269 p.

55. Palumbo G. Key Terms in Translation Studies. London, New York : Continuum International Publishing Group, 2009. 212 p.

56. Sampson G. R., Gil D., Trudgill P. (Eds.) Language Complexity as an Evolving Variable. Oxford : Oxford University Press, 2009. 328 p.

57. Strazny P. (Ed.). Encyclopedia of linguistics. Vol. 1. 2. New York, Oxon : Taylor & Francis Group, 2005. 1243 p.

58. Trask R. L. The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics. Chicago : Fitzroy Dearborn, 2000. 403 p.

59. Trask R. L. Language and Linguistics: The Key Concepts. 2nd ed. New York : Routledge, 2007. 367 p.

60. Wilson R. A., Keil F. C. The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences. The Cambridge, Massachusetts; London, England : MIT Press, 1999. 964 p.

Reference list

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov = A Dictionary of Linguistic Terms. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1966. 607 s.

2. Berdichevskij A. Jazykovaja slozhnost' (Language Complexity) = Language Complexity (Language Complexity) // Voprosy jazykoznanija. 2012. № 5. S. 101–124.

3. Vakurov V. N., Rahmanin L. V. Kratkij slovar' trudnostej russkogo jazyka dlja rabotnikov pečati = A concise dictionary of complexities in the Russian language for the press. Moskva : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1968. 264 s.

4. Verbickaja L. A. Davajte govorit' pravil'no. Trudnosti sovremennogo russkogo proiznoshenija i udarenija = Let's speak correctly. Complexities of modern Russian pronunciation and stress. 6-e izd., ster. Sankt-Peterburg : Filologicheskij fakul'tet SP6GU; Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 160 s.

5. Gol'berg I. M., Ivanov S. V. Slovar' grammaticheskikh trudnostej russkogo jazyka (5–11 klassy) = A Dictionary of grammatical complexities in the Russian language (grades 5–11). Moskva : AST-PRESS Kniga, 2012. 176 s.

6. Gorbachevich K. S., Kachevskaja G. A. Trudnosti slovoupotreblenija i varianty norm russkogo literaturnogo

jazyka. Slovar'-spravochnik = Complexity of word usage and variants of norms in the Russian literary language. Reference dictionary. Leningrad : Nauka, 1973. 518 s.

7. Dal' Je. Vozniknovenie i sohranenie jazykovoj slozhnosti = The growth and maintenance of linguistic complexity / per. s angl. D. Sichinavy. Moskva : URSS, 2009. 560 s.

8. Dolopchev V. Opyt slovarja nepravil'nostej v russkoj razgovornoj rechi = Experimental dictionary of irregularities in Russian colloquial speech. Izdanie 2-e, peresmotrennoe i dopolnennoe. Varshava : Tip. K. Kovalevskogo, 1909. 349 s.

9. Es'kova N. A. Kratkij slovar' trudnostej russkogo jazyka: Grammaticheskie formy. Udarenie. Spravochnoe izdanie = A Concise dictionary of complexities in the Russian language: Grammar forms. Stress. Reference edition. 2-e izd., stereotip. Moskva : Russkij jazyk, 1999. 448 s.

10. Es'kova N. A. Slovar' trudnostej russkogo jazyka. Udarenie. Grammaticheskie formy = A Dictionary of complexities in the Russian language: Stress. Grammar forms. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 536 s.

11. Efremova T. F., Kostomarov V. G. Slovar' grammaticheskikh trudnostej russkogo jazyka = A Dictionary of grammatical complexities in the Russian language. 3-e izd., ster. Moskva : Rus. jaz., 1997.

12. Zaharov V. P., Hohlova M. V. Analiz jeffektivnosti statisticheskikh metodov vyjavlenija kollokacij v tekstah na russkom jazyke = Analyzing the effectiveness of statistical methods for detecting collocations in Russian texts // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» (Bekasovo, 26–30 maja 2010 g.). Moskva : RGGU, 2010. Vol. 9(16). P. 137–143.

13. Makarov V. I., Matveeva N. P. Ot Romula do nashih dnei. Slovar' leksicheskikh trudnostej hudozhestvennoj literatury = From Romulus to the present day. A dictionary of lexical complexities in fiction. Moskva : Bylina, 1993. 368 s.

14. Ogienko I. I. Slovar' nepravil'nyh, trudnyh i somnitel'nyh slov, sinonimov i vyrazhenij v russkoj rechi = A Dictionary of incorrect, difficult and doubtful words, synonyms and collocations in Russian speech. Izdanie 3-e, znachitel'no dopolnennoe i sovershenno pererabotannoe. Kiev : Knigoizdatel'stvo I. I. Samonenko, 1914. 288 s.

15. Ozhegov S. I. Pravil'nost' russkoj rechi. Trudnye sluchai sovremennogo slovoupotreblenija. Opyt slovarja-spravochnika = Correct Russian speech. Difficult cases of modern word usage. An Experimental reference dictionary. Moskva : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. 184 s.

16. Okuncova E. A. Trudnosti ustnoj rechi: Slovar'-spravochnik = Oral speech complexities: A reference dictionary. Moskva : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2004.

17. Ostroumova O. A., Frampol' O. D. Trudnosti russkoj punktuacii. Slovar' vvodnyh slov, sochetanij i predlozhenij. Opyt slovarja-spravochnika = Complexities of Russian punctuation. A Dictionary of parenthesis, col-

locations and sentences. An experience of a reference dictionary. Moskva : Izd-vo SGU, 2009. 502 s.

18. Pis'mennye jazyki mira: Rossijskaja Federacija. Sociolingvističeskaja jenciklopedija = Written languages of the world: Russian Federation. Sociolinguistic Encyclopedia / pod red. V. M. Solnceva, V. Ju. Mihal'chenko. Moskva : Academia, 2000. 651 s.

19. Rahmanova L. I. Trudnosti russkogo jazyka. Slovar'-spravočnik žurnalista = Complexities of the Russian language. The journalist's reference dictionary. Moskva : MGU, 1974. 480 s.

20. Rozentel' D. Je., Telenkova M. A. Slovar' trudnostej russkogo jazyka = A Dictionary of the Russian language complexities. 3-e izd. Moskva : Ajris-press, 2003. 832 s.

21. Svincov V. V. Jazykovaja trudnost': sistemnyj, leksikografičeskij i metodičeskij aspekty (na materiale russkogo jazyka) = Linguistic complexity: systemic, lexicographic and methodological aspects (using materials of the Russian language). Moskva : RGGU, 2012. 21 s.

22. Semenjuk A. A., Gorodeckaja I. L. Leksicheskie trudnosti russkogo jazyka = Lexical complexities of the Russian language : slovar'-spravočnik. Moskva : Russkij jazyk, 1994. 586 s.

23. Slovar' sociolingvističeskikh terminov = A Dictionary of sociolinguistic terms / pod red. V. Ju. Mihal'chenko. Moskva : Institut jazykoznanija RAN, 2006. 312 s.

24. Jazyk i obščestvo. Jenciklopedija = Language and society. Encyclopedia / pod red. V. Ju. Mihal'chenko. Moskva : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2016. 872 s.

25. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedičeskij slovar' = Linguistics. The Big encyclopedic dictionary / pod red. V. N. Jarcevoj. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. Izdanie 2-e, ispr. 680 s.

26. Allott N. Key Terms in Pragmatics. London; New York : Continuum International Publishing Group, 2010. 264 p.

27. Anthony L. AntConc (Version 4.2.0) [Computer Software]. Tokyo, Japan : Waseda University. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software> (data obrashhenija: 01.08.2023).

28. Biber D., Gray B. Grammatical Complexity in Academic English. Linguistic Change in Writing. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 277 p.

29. Blinova O., Tarasov N. A hybrid model of complexity estimation: Evidence from Russian legal texts // Frontiers in Artificial Intelligence. 2022. Vol. 5.

30. Brezina V. Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 296 p.

31. Bussmann H., Kazzazi K., Trauth G. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. London and New York : Routledge, 1998. 560 p.

32. Collinge N. E. (Ed.). An Encyclopaedia of language. London and New York : Taylor & Francis, 2005. 1032 p.

33. Crystal D. An Encyclopedic Dictionary of Language and Languages. Cambridge, Massachusetts : Blackwell Publishers, 1993. 428 p.

34. Crystal D. A Dictionary of Language. Chicago : University of Chicago Press: 2001. 390 p.

35. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language, 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 472 p.

36. Dahl Ö. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2004. x, 333 p.

37. Ducrot O., Todorov T. (Eds.). Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1979. 380 p.

38. Gries S. Th. 50-something years of work on collocations. What is or should be next // International Journal of Corpus Linguistics. 2013. Vol. 18, № 1. P. 137–165.

39. Gries S. Th. Dispersions and adjusted frequencies in corpora // International Journal of Corpus Linguistics. 2008. Vol. 13, № 4. P. 403–437.

40. Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of Lexicography. London and New York: Taylor & Francis, 2002. 176 p.

41. Hickey R. A Dictionary of Varieties of English. Chichester, West Sussex, UK : John Wiley & Sons, Inc, 2014. 431 p.

42. Hogan P. C. (Ed.). The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 1021 p.

43. Hornberger N. H. (Ed.). Encyclopedia of Language and Education. Vol. 1 10. New York : Springer Science Business Media, LLC: 2008.

44. Loewen S., Plonsky L. An A – Z of Applied linguistics Research Methods. London : Palgrave Macmillan, 2016. 210 p.

45. Luraghi S., Parodi C. Key Terms in Syntax and Syntactic Theory. London, New York : Continuum International Publishing Group, 2008. 265 p.

46. Malmkjær K. (Ed.). The Linguistics Encyclopedia. 2nd ed. London and New York : Routledge, 2001. 643 p.

47. Matthews P. H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2003. 464 p.

48. McWhorter J. The worlds simplest grammars are creole grammar // Linguistic Typology. 2001. Vol. 5, № 2–3. P. 125–166.

49. Mesthrie R. Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. Amsterdam; New York : Elsevier, 2001. 1031 p.

50. Miestamo M. Grammatical complexity in a cross-linguistic perspective // Language complexity: Typology, contact, change / Ed. by M. Miestamo, K. Sinnemäki and F. Karlsson. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 23–41.

51. Miestamo M., Sinnemäki K., Karlsson F. Introduction: The problem of language complexity // Language complexity: Typology, contact, change / Ed. by M. Miestamo, K. Sinnemäki and F. Karlsson. Amster-

dam : John Benjamins Publishing Company, 2008. P. VII–XIV.

52. Murphy M. L., Koskela A. Key Terms in Semantics. London; New York : Continuum International Publishing Group, 2010. 241 p.

53. Nichols J. Linguistic complexity: a comprehensive definition and survey // *Language Complexity as an Evolving Variable* / Ed. by G. Sampson, D. Gil, and P. Trudgill. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 110–125.

54. Nørgaard N., Montoro R., Busse B. Key Terms in Stylistics. London, New York : Continuum International Publishing Group, 2010. 269 p.

55. Palumbo G. Key Terms in Translation Studies. London, New York : Continuum International Publishing Group, 2009. 212 p.

56. Sampson G. R., Gil D., Trudgill P. (Eds.) *Language Complexity as an Evolving Variable*. Oxford : Oxford University Press, 2009. 328 p.

57. Strazny P. (Ed.). *Encyclopedia of linguistics*. Vol. 1. 2. New York, Oxon : Taylor & Francis Group, 2005. 1243 p.

58. Trask R. L. *The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics*. Chicago : Fitzroy Dearborn, 2000. 403 p.

59. Trask R. L. *Language and Linguistics: The Key Concepts*. 2nd ed. New York : Routledge, 2007. 367 p.

60. Wilson R. A., Keil F. C. *The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences*. The Cambridge, Massachusetts; London, England : MIT Press, 1999. 964 p.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 06.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 16.05.2023; approved after reviewing 06.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 81'286(084.42)
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_124
EDN: WACDYT

В защиту «Митридата»

Татьяна Владимировна Клубкова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
wirbelt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4141-1650>

Аннотация. В статье описывается история создания «Митридата» (J. Ch. Adelung, J. S. Vater. Mithridates, oder Allgemeine Sprachkunde, mit dem Vater unser als Sprachprobe in beynahe fünf hundert Sprachen und Mundarten. 1806–1817), роль каждого из авторов, динамика оценок этого коллективного труда, который подводил итоги собирательской деятельности XVII–XVIII вв., анализируется источник отрицательных отзывов – предвзятый отзыв младограмматика В. Томсена.

В статье сообщаются биографические сведения об авторах «Митридата», контакты с Ф. Вольфом, оказавшие влияние на В. фон Гумбольдта и И. С. Фатера. Разносторонняя деятельность Фатера до «Митридата» (классическая филология, семитология, философская грамматика, славянские языки) объясняет причины выбора И. Х. Аделунга.

«Митридат» может рассматриваться как реализация программы Х. Я. Крауса (1753–1807), изложенной в рецензии на «Сравнительные словари» П. С. Палласа (1787). Идеи Крауса повлияли на И. К. Аделунга и в еще большей степени на И. С. Фатера. «Митридат» – результат коллективной деятельности многих ученых, в нем сотрудничали Ал. и В. Гумбольдты, И. Добровский, Фр. Аделунг и многие другие.

В статье рассматриваются причины выбора молитвы «Отче наш» в качестве примера, отбор конкретных экземпляров, анализируется влияние оценки младограмматика В. Томсена на описание «Митридата» в современных российских учебных пособиях по истории языкознания.

Третий том «Митридата» создавался Фатером, учитывались новейшие сведения об африканских языках, полученные от современных путешественников, для описания языков Америки использованы материалы, предоставленные Ал. фон Гумбольдтом. Именно в третьем томе появляются соображения Фатера о категории рода и грамматической одушевленности / неодушевленности в американских языках.

В статье анализируются причины появления ошибок, частично исправленных в последнем томе.

Грандиозность замысла заранее обрекала книгу на устаревание. Любые новые сведения о языках неизбежно сопоставлялись с информацией «Митридата», который фиксировал определенный уровень знакомства с языками.

Ключевые слова: Х. Я. Краус; И. С. Фатер; Фр. Аделунг; И. Х. Аделунг; причины ошибок; глоссарий Ефремова

Для цитирования: Клубкова Т. В. В защиту «Митридата» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 124–135. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_124. <https://elibrary.ru/WACDYT>

Original article

In defense of «Mithridates»

Tatiana V. Klubkova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of general linguistics, St. Petersburg state university. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7/9
wirbelt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4141-1650>

Abstract. The article describes how «Mithridates» was created (J. Ch. Adelung, J. S. Vater. Mithridates, oder Allgemeine Sprachkunde, mit dem Vater unser als Sprachprobe in beynahe fünf hundert Sprachen und Mundarten. 1806–1817), the role of each of the authors, the dynamics of evaluations of this collective work which summarized compilation activities of the XVII–XVIII centuries, analyzes the source of negative reviews – the biased review of the Young Grammarian W. Thomsen.

The article provides biographical information about the authors of «Mithridates», their contacts with F. Wolf, who influenced V. von Humboldt and J. S. Vater. Vater's versatile activity before «Mithridates» (classical philology, semitology, philosophical grammar, Slavic languages) explains the reasons for choosing I. H. Adelung.

«Mithridates» can be considered as the implementation of H. J. Kraus's (1753–1807) program outlined in the review of P. S. Pallas's «Comparative Dictionaries» (1787). Kraus' ideas influenced J. Ch. Adelung and to an even greater extent J. S. Vater. «Mithridates» is the result of collective efforts of many scientists, including Al. and V. Humboldt, I. Dobrovsky, Fr. Adelung and many others.

The article discusses the reasons for choosing the Lord's Prayer as an example, the selection of specific instances, and analyzes the influence of the Young Grammarian W. Thomsen's ideas on describing «Mithridates» in modern Russian textbooks on the history of linguistics.

The third volume of «Mithridates» was created by Vater who took into account the latest information about African languages, received from contemporary travelers, and used the materials provided by Al. von Humboldt to describe the languages of America. It is in the third volume that Vater's considerations appear of the gender category and grammatical animateness/inanimateness in American languages.

The article analyzes the causes of errors partially corrected in the last volume.

The grandiose plan doomed the book to obsolescence in advance. Any new information about languages was inevitably compared with the information from Mithridates which had recorded a certain level of language awareness.

Key words: H. J. Kraus; J. S. Vater; Fr. Adelung; J. Ch. Adelung; reasons for errors; Efremov's Glossary

For citation: Klubkova T. V. In defense of «Mithridates». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):124–135. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_124. <https://elibrary.ru/WACDYT>

Введение

XVIII век – время подведения итогов изучения языков мира. Практически одновременно выходят «Сравнительные словари...» П. С. Палласа (1787–1789), «Каталог языков» Л. Эрваса-и-Пандуро (1800–1805), «Митридат, или всеобщее языкознание» И. К. Аделунга и И. С. Фатера (1806–1817), чуть позже появляются «Asia polyglotta» Ю. Клапрота (1823) и «Этнографический Атлас языков и народов» А. Бальби (1826). В этом ряду «Митридат» Аделунга и Фатера занимает вполне достойное место. В то же время в современных обзорах и, что самое печальное, российских учебных пособиях зачастую можно встретить поверхностные и предвзятые суждения о «Митридате», в основе своей восходящие к перечню претензий датского лингвиста Вильгельма Томсена. Цель данной статьи – опровергнуть ряд постулатов Томсена, которые некритически воспроизводятся исследователями и ведут к недооценке важнейшего труда, которым является «Митридат».

Положительные оценки. Востоковед И. Хаммер назвал великой саму идею собрать в одном труде сведения обо всех языках мира, причем на первое место он поместил именно «Митридат» [Hammer, 1826, с. 3]. Т. Бенфей в середине XIX века назвал «Митридат» «колыбелью новой лингвистики» [Benfey, 1869, s. 272], по мнению О. Шрадера «Митридат» стоит «на границе прежней и новой лингвистики» [Шрадер, 1886, с. 1], для Робинса этот труд отделяет

«период языковых коллекций от эпохи генеалогической классификации» [Robins, 1967, p. 169], для Бартольда «Митридат» «завершает развитие того направления в языкознании, начало которому положил Лейбниц» [Бартольд, 1977, с. 40].

Поверхностные оценки. В то же время трудно назвать другой труд в истории языкознания, о котором было бы высказано так много поверхностных или ошибочных суждений. Так, в новой литературе «Митридат» часто называют «словарем», включают его в один ряд со «Сравнительными словарями...» П. С. Палласа: «С 1806 по 1817 г. в Берлине выходит четырехтомный словарь Й. Х. Аделунга под названием „Митридат“, или всеобщее языкознание, имеющее в качестве языкового примера „Отче наш“ на почти 500 языках и диалектах. Словарь этот содержал еще больше ошибок и погрешностей, чем словарь Палласа» [Амирова, 1975, с. 252]. При чтении курсов истории лингвистических учений создается иногда впечатление, что «Митридат» – это не более чем сборник переводов молитвы «Отче наш». Излишне говорить, насколько такие представления далеки от истины: «Митридат» ни в малейшей степени не является словарем – это справочник, свод материалов по языкам мира. По типу он близок скорее не к словарю Палласа, а к известному изданию «Языки мира», осуществленному под руководством М. Коэна [Cohen, 1924–1952]. А тексты молитвы «Отче наш» занимают едва ли десятую часть всего издания.

В чрезвычайно богатом библиографическими сведениями и материалом по истории изучения тюркских языков труде Н. А. Баскакова [Баска-

ков, 1962, с. 24–25] «Митридат» удостоен положительного, но весьма поверхностного отзыва, избилующего фактическими ошибками, что можно объяснить лишь как результат недоразумения.

Отрицательные оценки и их источник. Многие беглые отрицательные суждения о «Митридате» имеют своим источником крайне субъективную характеристику, данную ему в известной юбилейной брошюре младограмматика В. Томсена (1902), русский перевод которой долгое время использовался в качестве учебного пособия [Томсен, 1938, с. 48–50].

Короткий отзыв Томсена содержит следующие претензии: 1) «преклонный возраст» Аделунга, 2) «авторы – кабинетные ученые и сами не имеют обширных и глубоких языковых знаний», 3) «мало сведений о языках»; 4) фактические ошибки: «Пел Сив (вместо Педер Сюв) „Соображения о кимрском языке” (стр. 41) приводится среди кимрских грамматиков», 5) «выбор этого текста сам по себе крайне неудачен, особенно если нужно дать картину действительно живого языка; вдобавок ко всему издатели без всякой критики попросту перепечатывали все, что им попадало под руку; лишь в редких случаях язык перевода более или менее правилен, зачастую же он искажен до крайности», 6) сравнения различных языков «незначительны и поверхностны и сводятся, в основном, к сопоставлению отдельных слов», 7) классификация языков по географическому принципу, 8) «румынский язык далеко отделяется от других романских языков и рассматривается как римско-славянский или валахский, что, однако, исправляется в четвертом томе. Точно так же отделяется венгерский от остальных финно-угорских языков („чуждая языковая семья”), несмотря на то, что их родство уже в то время было доказано и вместе с албанским (индоевропейским языком) относится к „некоторым смешанным языкам на юго-востоке Европы”» [Томсен, 1938, с. 48–50].

Мнение Томсена повторяется во множестве новых учебных пособий.

Современные отзывы. «В историю мирового языкознания Иоганн Кристоф Аделунг (1732–1806) вошел как автор и редактор многотомного издания под названием „Митридат, или Общее языкознание” (Mithridates, oder allgemeine Sprachkunde. В. I. 1806). Долгие годы И. К. Аделунг собирал и комментировал собранный материал, однако первый том увидел свет лишь в год смерти ученого. В этой грандиозной

работе было представлено описание почти 500 языков, одним из них был и чувашский. Ф. П. Аделунг, в бумагах которого хранятся рукописи чувашских переводов, является его сыном» [Яковлев, 2019, с. 20].

«Наиболее известным словарем подобного типа является „Митридат, или Общее языкознание” прибалтийских немцев И. Х. Аделунга и И. С. Фатера (1806–1817 гг., четыре тома), в котором приводится молитва „Отче наш” на 500 языках мира, причем для большинства языков – это фантастический искусственный перевод. Правда, в этом издании представляют интерес комментарии к переводу и некоторые грамматические и иные сведения, в частности заметка В. Гумбольдта о баскском языке» [Бондаренко, 2007, с. 327–328].

«...относящийся уже к началу XIX в. труд Фридриха Аделунга (1768–1843) и Иоганна Северина Фатера (1771–1826) „Митридат, или общее языкознание”, имеющие в качестве языкового примера „Отче наш” на почти 500 языках и диалектах. Этот труд вышел в четырех томах в Берлине в 1806–1817 гг. Хотя к нему было предъявлено впоследствии много претензий (наличие большого количества погрешностей, отсутствие широких сопоставлений, крайне скупое описание представленных в словаре языков, преобладание чисто географического принципа классификации над генеалогическим, наконец, неудачность выбора в качестве иллюстративного материала текста христианской молитвы, перевод которой на большинство языков носил крайне искусственный характер и мог включать много заимствований), отмечалась и определенная ценность содержащихся в нем комментариев и сведений, в частности, заметки Вильгельма Гумбольдта о баскском языке. Таким образом, по известному выражению датского лингвиста В. Томсена, в течение XVIII в. идея сравнительно-исторического метода „витала в воздухе”» [Нелюбин, 2011, с. 81]. Как видим, Нелюбин и Хухуни перепутали И. Х. Аделунга и его племянника Фр. Аделунга.

О. Волошина называет Фатера учеником Аделунга [Волошина, 2014, с.], это же утверждение об «ученичестве» Фатера повторяется в пособии Н. К. Генидзе и О. А. Барташовой [Генидзе, Барташова, 2016].

Как можно заметить, повторяются претензии Томсена, которые можно условно разделить на две группы: 1) претензии к личности авторов, 2) лингвистические (географическая классифи-

кация, выбор и качество текста примера, фактические ошибки).

Попытаемся дискредитировать отзыв Томсена и его поклонников.

Об авторах. И. Х. Аделунг изначально предполагал участие большого коллектива ученых. Он отправил раздел о славянских языках И. Добровскому, о «германо-славянских» языках – Г. Е. Хеннигу (1749–1809) из Кенигсберга, чье сочинение «Über den Ursprung und die Verwandtschaften der Lettischen Sprache» печаталось в журнале «Preussisches Archiv» в 1796–1797 гг. Позднее материалы предоставляли братья Гумбольдты, французский синолог Ж.-П. Абель-Ремюза, Фр. Аделунг.

План второго тома был определен еще Аделунгом (отпечатано 167 страниц, чистовая рукопись до стр. 270), далее – только черновики разной степени подготовленности, причем еще в отпечатанном введении Аделунг упомянул «Thracisch-Pelagisch-Griechischer Sprachstamm» [Adelung, Vater, 1809, s. 4], предопределив необходимость описания языков именно в таком порядке.

Для языков Африки и Америки были только материалы, выписки и заметки. Поэтому Фатер сразу же обратился за помощью к Ал. фон Гумбольдту, впоследствии посвятив ему работу о заселении Америки [Vater, 1810].

Ал. фон Гумбольдта вряд ли можно назвать «кабинетным ученым». Врач М. Лихтенштейн (1780–1857) написал «Заметки о языках южно-африканских диких народов» (1808) после путешествия, ориенталист У. Зеетцен (1767–1811), чьи материалы использовались, даже погиб в путешествии к Мекке. И ни про Фатера, ни про В. фон Гумбольдта, ни про Фр. Аделунга не стоило говорить, что они «не имеют обширных и глубоких языковых знаний» [Томсен, 1938, с. 48].

Почему Аделунг выбрал Фатера. Деятельность И. Х. Аделунга (1732–1806), грамматиста, лексикографа, историка детально описана, обзор литературы об Аделунге-кодификаторе см. [Jellinek, 1914]. Деятельность Аделунга как лингвиста-собиравателя, его взгляды на генеалогические связи языков обычно упоминались лишь вскользь. Этот пробел заполняет статья О. Волошиной [Волошина, 2014, с. 320–326]. Волошина называет второго соавтора, И. С. Фатера (1771–1826), «учеником Аделунга» [Волошина, 2014, с. 320], с чем трудно согласиться. И. С. Фатер учился теологии в Иене, затем в

Халле у известного филолога-классика Фр. Вольфа (1759–1824), «друга и учителя» В. фон Гумбольдта. Фатер занимался классической филологией, теологией (критикой текста), далее семитскими языками (еврейским, арабским, халдейским, сирийским). Ряд работ Фатера посвящен философской грамматике, философскому языку, он перевел «Принципы всеобщей грамматики» А. Сильвестра де Саси, а с 1807 г. занимался и славянскими языками (польским, русским) в университете Халле. После закрытия университета в Халле В. фон Гумбольдт поспособствовал Фатеру в переезде в Кенигсберг, где Фатер занял кафедру покойного Х. Я. Крауса [Vater 1810, S. VII]. Сравнением языков Фатер занимался и ранее в «Опыте философской грамматики» [Vater, 1801]. В рецензиях на книги Ш. Денина «La Clef des langues ou observations sur l'origine et la formation des principales langues ...» [Vater, 1806] и Д. Ениша «Philosophisch-kritische Vergleichung und Würdigung von vierzehn ältern und neuern Sprachen Europens» [Vater 1807] Фатер высказывается о способах и методах сравнения языков.

У Аделунга были вполне разумные основания выбрать именно Фатера. Одновременно с работой над «Митридатом» Фатер издает альманах «Allgemeines Archiv für Ethnographie und Linguistik» (1808), в котором напечатает первую заметку А. фон Гумбольдта об американских языках, затем «Königsberger Archiv für Philosophie, Theologie, Sprachkunde und Geschichte» (1811–1812). Именно в «Кенигсбергском Архиве...» опубликованы первые заметки В. фон Гумбольдта о баскском языке,

Была ли классификация «по географическому принципу»? Идеи Крауса в «Митридате». Было бы ошибкой считать, что распределение языков по томам отражает какую-то принципиальную позицию составителей, классификацию «по географическому принципу». Этот «принцип» в данном случае не более, чем эмпирическая система упорядочения материала.

При рассмотрении содержания «Митридата» бросается в глаза известная неоднородность материала, приводимого в очерках о разных языках, очень значительное количество сведений, имеющих на наш сегодняшний взгляд лишь косвенное отношение к лингвистике (история народа, сведения этнографического характера, этногенетические гипотезы, информация о литературе на данном языке и проч.). Такое содержание вызывало совершенно понятные нарекания со

стороны представителей младограмматического направления, для которых изучение истории языка представляло самостоятельную ценность – безотносительно к возможным выводам об истории народа. Знаменательно в связи с этим, что основатель «лингвистической палеонтологии» О. Шрадер относился к «Митридату» гораздо более положительно, чем классики младограмматизма [Шрадер, 1886, с. 1–5]. Нам представляется, что содержание «Митридата» во многом представляет собой реализацию программы лингвистических исследований, намеченную Х. Я. Краусом (1753–1807) в его рецензии на «Сравнительные словари...» П. С. Палласа. Эту рецензию в «Allgemeine Literatur Zeitung» (1787) впоследствии перепечатал Фр. Аделунг [Adelung, 1815, s. 110–130], и Фатер, безусловно, был с ней знаком, так как она имеется в библиографии «Опыта всеобщей грамматики» в разделе «О происхождении, истории и сравнении языков» [Vater, 1801, s. 277].

Историк языкознания Х. Аренс высоко оценил работу Крауса: «Краус предвидит развитие, которое получит сравнительно-историческое языкознание, ясно видит проблемы, которые не были замечены его современниками. Он ставит цели и указывает пути к их достижению. Он требует совместной работы современных лингвистов, что было вовсе чуждо его времени. Какой разумный беспристрастный взгляд на вещи! И какая всегда мудрая скромность при ограничении возможных результатов! Ни один из его взглядов, ни одно из его требований не устарели и сейчас» [Arens, 1955, s. 127].

Краус формулирует требования к сравнительным работам. В этих работах должна точно излагаться фонетика, значения слов, структура языка.

В сравнительно-лингвистической работе должны быть отражены три группы языковых фактов: 1) материя языка (Sprachstoff), к которой, по Краусу относятся, с одной стороны, звуки языка и, с другой стороны, значения, 2) строй языка (Sprachbau), 3) окружение языка (Sprachkreis). Аренс полагает, что (Sprachkreis) обозначает внешние условия функционирования языка, прежде всего географические [Arens, 1955, S. 199]. Таким образом, в противопоставлении Sprachstoff – Sprachbau мы видим противопоставление в языке субстанции и формы.

Краус указывает на два типа трудностей, которые возникают при описании материи чужого языка: 1) при описании звуков чужого языка трудно отделить общезначимое от индивидуаль-

ного, 2) семантические трудности. Каждое слово – это комплекс представлений, аффектов, нюансов, который не имеет точного эквивалента. Обращаясь к рассмотрению проблем, связанных со строем языка (Sprachbau), Краус говорит о том, что сравнение отдельных слов является занятием сомнительным, ведь «таким образом можно доказать все, что угодно». Анализ лексического материала возможен только при знании грамматики. Подобие же или тождество языкового строя имеет доказательную силу для установления родства языков. Очень важным для сравнительного языкознания Краус считает изучение языкового окружения (Sprachkreis). С этой целью он предлагает составлять языковые карты с тем, чтобы лингвист мог себе представить Sprachkreis наглядно. Краус также считает, что разработка проблем сравнения должна вестись коллективом ученых.

Влияние идей Крауса, заметное и в аделунговских разделах «Митридата», становится совершенно очевидным в той части, которая подготовлена Фатером. Применительно к каждому языку составители «Митридата» стремились привести сведения о его материи (Sprachstoff), строе (Sprachbau) и окружении (Sprachkreis). Естественно при этом, что информация, которой они располагали, была неравномерна.

Обоснование выбора текста «Отче наш». В приложении к первому тому И. Х. Аделунг рассказал историю коллекционирования текстов «Отче наш» от Иоганна Шильдбергера (1427 г.) до конца XIII в. [Adelung, 1806, S. 645–676]. Сведения об отборе наиболее надежных сборников сообщал И. Г. Айххорн [Eichhorn, 1807, p. 23–24]. Название труда Аделунга и Фатера является напоминанием о трактате Конрада Геснера «Mithridates, sive de differentius linguarum...», 1555», содержащем 22 надежных перевода. (Более подробно о сочинении К. Геснера см. [Сергеев, 2018]).

К концу XVIII века корпус текстов «Отче наш» насчитывал несколько тысяч переводов, которые использовались и авторами грамматик отдельных языков, и составителями обзорных работ по языкам мира, этот текст использовал Л. Эрвас-и-Пандуро.

Аделунг, обосновывая выбор текста «Отче наш» для языковых иллюстраций, приводит целый ряд соображений, которые могут быть признаны вполне убедительными: 1) «вникая в связную речь, можно постичь ход и дух языка, понять его внутреннее и внешнее строение» [Ade-

lung, 1806, s. IX], 2) количество переводов [Adelung, 1806, s. XVI].

В. Томсен считает, что «выбор этого текста сам по себе крайне неудачен, особенно если нужно дать картину действительно живого языка» [Томсен, 1938, с. 48]. С этим утверждением невозможно согласиться по ряду причин. Текст «Отче наш» не содержит в себе ни одного слова, значение которого носило бы специфически христианский характер, и в этом смысле стихийный выбор именно этой молитвы никак не может быть признан неудачным. Сравнив для примера тексты молитв «Das Zeichen des Kreuzes» и «Der Anfang des Vaters Unsers» из «Описания Патагонии» Т. Фалкнера (1775), Фатер показывает, что в тексте «Vater Unser» отсутствуют заимствования [Adelung, Vater, 1813, s. 417].

Конечно, выбор не идеален. Нет общего оригинала, переводы делались с разных языков, что приводило к расхождению текстов: два наугад взятые текста из «Митридата» отнюдь не образуют идеальную билингву. К тому же текст довольно однообразен в грамматическом отношении, особенно в глагольных формах. Недостатки осознавались Фатером [Adelung, Vater, 1809, s. XVII], выбор был продиктован чисто практическими соображениями. Начиная со второго тома в «Митридате» появляются и другие тексты и списки слов. При этом существенно, что для хорошо известных языков Фатер по-прежнему ограничивается одним языковым примером (текстом «Отче наш»), а для языков малоизвестных вводит еще и другие тексты, чаще всего образцы фольклора. Особенно много таких образцов в разделах, посвященных американским языкам, и в «Дополнении» В. Гумбольдта.

В. Томсен утверждает, что «издатели без всякой критики попросту перепечатывали все, что им попадало под руку». Это утверждение противоречит фактам. Достаточно сказать, что к моменту составления «Митридата» было уже опубликовано в разных источниках несколько тысяч переводов «Отче наш», то есть отбор материала был просто необходим. В тексте «Митридата» мы находим множество рассуждений о предпочтительности того или иного варианта перевода, а в тех случаях, когда издатели не располагали достаточной информацией о предпочтительности какого-либо варианта, они приводили два или даже большее количество текстов. О критичности Фатера при отборе текстов может свидетельствовать такой пример: «Вальвазор в своем собрании среди других славянских языков приво-

дит одну, которую он называет „новоземельской“ (Novozemblaisch), под этим же названием ее приводит и Релан, и позднейшие собиратели, и даже парижское собрание. Что привело их к такой странной ошибке, неизвестно. Новая Земля необитаема и только иногда посещается русскими из-под Архангельска. Там они молятся так же, как и дома» [Adelung, 1809, s. 631–632]. Далее Фатер отождествляет «новоземельский» текст с хорватским (в Греции). Если бы он действительно перепечатывал все, что ему «попадало под руку», в «Митридате» оказалось бы множество текстов на языках, просто несуществующих, как это мы находим в других собраниях. Добросовестность Фатера в отборе материала отметил И. Добровский [Dobrovsky, 1814, s. 198].

Взглядам Аделунга на происхождение и развитие языка, очень типичным для Просвещения, посвящена статья О. Волошиной [Волошина, 2014, с. 320–326]. Роль интонации сходным образом описывает Ж.-Ж. Руссо [Руссо, 1961, с. 228]. Деление азиатских языков на односложные и многосложные было вполне обычным – так же построено сочинение известного ориенталиста Айххорна [Eichhorn, 1807].

Рассуждая о тропях, Аделунг подключается к старинному «Спору о правильности имен»: имена правильны «по природе» или «по договору» – более подробно об этом рассказывает О. Волошина [Волошина, 2014, с. 323].

Фатер как продолжатель и оппонент Аделунга. Второй том «Митридата», работу над которым Аделунг не успел довести до конца, по содержанию своему и сравнительной ценности отдельных его частей крайне неоднороден. Как сказано выше, Аделунг оставил чистовую рукопись раздела IV. Germanischer Sprach- und Völkerstamm и части раздела V. Thracisch-Pelasgisch-Griechischer und Lateinischer Sprach- und Völkerstamm. Эти разделы Фатер подверг лишь минимальной обработке, увеличив библиографию, добавил свои соображения о русском языке, в венгерский раздел ввел отрывок из работы основателя научного финноугроведения С. Дьярмати (S. Gyarmathi. Affinitas linguae hungaricae cum linguis fennicae originis grammaticae demonstrata, 1799), так как это сочинение может способствовать пониманию отношений между венгерским и финскими языками (tschudischer Sprachstamm) [Adelung, 1809, s. viii], и сообщил об обещании В. фон Гумбольдта написать о баскском языке [Adelung, 1809, s. x].

Фатер в значительной степени чувствовал себя связанным первоначальным замыслом Аделунга и наличием отпечатанного текста. Он бережно сохранил практически все, что было подготовлено Аделунгом, исправив только явные ошибки.

В то же время Фатер считает необходимым в ряде случаев в явном виде высказать свое несогласие со взглядами Аделунга и с той структурой тома, которая нашла свое отражение в отпечатанной части.

Так, он не согласен с предложенной Аделунгом схемой расселения в Европе представителей разных языковых групп, нашедшей свое отражение в расположении материала в томе. «Напечатанное на стр. 4 указание обязало меня поместить фракийско-пеласгийские языки после германских против моего убеждения» [Adelung, Vater, 1809, s. viii].

Таким образом, во втором томе «Митридата», помимо редакторской работы над подготовленным, но не отпечатанным еще текстом, которая выражалась, в частности, в значительном расширении библиографии, Фатер написал ряд разделов: о романских языках, о валахском (румынском), об албанском, о финском и родственных ему языках. Раздел о «дочерях латыни» высоко оценил Я. Малькиель [Malkiel, 1973], Й. Людтке перепечатал этот раздел [Lüdtke, 1978].

В третьем томе Фатер использовал материалы У. Зеетцена и зоолога М. К. Лихтенштейна, чью статью об африканских языках он опубликовал ранее в «Архиве этнографии...». Подробнее об этом см. [Benfey, 1869, s. 272–281]. Сам Фатер предположил фонетическое чтение древнеегипетских иероглифов, «особые письмена, начертанные на полосах ткани, которыми были спеленаты мумии», представляющее собой упрощенную, «сглаженную» иероглифику. Он полагал, что иероглифы следует читать фонетически, что они составляют алфавит из тридцати с лишним знаков [Adelung, Vater, 1813, s. 70] – эта мысль, по крайней мере отчасти, определила направление дальнейших поисков Т. Юнга [Лившиц, 1950, с. 131].

В разделах «Митридата», которые были подготовлены Фатером, достаточно последовательно проводится идея генеалогической классификации языков, причем характер родственных связей, устанавливаемых Фатером между разными языками мира, гораздо ближе к современности, чем этого было бы естественно ожидать от представителя «досравнительного» языкознания.

В отличие от Аделунга, Фатер не предлагает в «Митридате» собственной схемы типологической классификации языков, однако его подход к типологии бесспорно является более глубоким и перспективным. Фатер стремится выявить в каждом языке структурные факты, отличающие этот язык от других, причем много внимания уделяет анализу грамматических категорий в разных языках.

В «Митридате» впервые были установлены факты, связанные с многообразием структурной организации категории рода в разных языках. До этого род понимался исключительно в духе греческой и латинской грамматики – как морфологическая категория, соотношенная с семантикой пола. Распространение рода на неличные и неодушевленные имена существительные осмысливалось как перенос значения. Так высказывался современник Фатера И. Орнатовский [Орнатовский, 1810, с. 160].

В «Митридате» мы обнаруживаем уже гораздо более широкий взгляд на категорию рода. Для Фатера род обнаруживается не только в случае противопоставления мужского, женского и среднего родов. В равной степени Фатер обращал внимание на противопоставление имен одушевленных и неодушевленных в случае, если это противопоставление имеет грамматическое выражение. Лоренцо Эрвас-и-Пандуро первым ввел в обиход европейской лингвистики данные о многих языках американских индейцев, однако только у Фатера, который активно использовал его материалы, мы находим явно сформулированное утверждение о наличии грамматической одушевленности/неодушевленности в таких языках, как тотонака [Adelung, Vater, 1816, s. 44], натик [Adelung, Vater, 1816, S. 379], наррангест [Adelung, Vater, 1816, s. 377]. Наблюдения Фатера послужили в дальнейшем основой для работы Биндзайля о категории рода [Bindseil, 1838]. Эту работу Л. Ельмслев считал классической [Ельмслев, 1972, с. 125].

Другим открытием Фатера явилось установление объектного спряжения в ряде языков Америки. Отмечая наличие подобных явлений в старобаскском языке и в языке конго, Фатер делает очень существенную оговорку: «Человеческий дух, который мог в одном месте найти такие формы, мог независимо и в другом месте найти их» [Adelung, Vater, 1812, s. 387].

Фатер считает, что структурное подобие не может служить основой для выводов о взаимном родстве языков, но признает его существенным

для познания некоторых общих законов, по которым развивается человеческий дух.

Принципы и цели сравнения языков у Фатера, отразившиеся в «Митридате», прослеживаются в одновременно опубликованных работах. Обсуждая заселение Америки через Берингов пролив, Фатер указывает на недоказательность сравнения сразу всех известных языков Америки со столь же неупорядоченным азиатским материалом, так как, опираясь на случайное сходство можно доказать все, что угодно [Vater, 1809, s. 227].

Неоднократно высказывал Фатер и мысль о том, что сравнению лексики языков должен предшествовать анализ, в ходе которого корни должны быть очищены от флексий, приставок, суффиксов. Сопоставлять, по его мнению, можно лишь такие языковые единицы, которые занимают в системе языков одинаковые места, сравнению языкового материала должно предшествовать сравнение языковой структуры [Vater, 1810]. «Для языков, имеющих одинаковое устройство и совпадающие формы, предположение об общем происхождении, конечно, более обоснованно, чем в случае сходства лишь отдельных слов» [Vater, 1809, s. 228]

Сравнивая глагольные флексии индоевропейских языков, Фатер приходит к выводу о их родстве [Vater, 1816, s. 169–194], заметка Фатера о санскрите концептуально близка опубликованной одновременно работе Ф. Боппа о спряжении.

Анализ языкового материала должен играть, по мнению Фатера, большую роль в исторических исследованиях. «Язык стал ключом к истории народов, так, единство берберов становится ясным благодаря одинаковости языка народностей, разбросанных между Атласом и Египтом» [Vater, 1812, s. 43]. «Язык – ключ к истории народов, когда письменные памятники полностью отсутствуют» [Vater, 1815, s. I]. Неупорядоченная номенклатура языков, когда многие языки фигурировали в разных сочинениях под разными названиями и, напротив, некоторые названия связывались с разными, подчас ничего между собой общего не имеющими языками, упорядочивалась справочниками. В результате могли возникать недоразумения. Например, в Каталоге Марсдена [Marsden, 1796] размещена датская грамматика Педера Сюва под авторским названием «Nogle Betenkninger om det Cimbriske Sprog» (1663). Ссылаясь на Марсдена, это название («Betaenkninger om det Cimbriske Sprog») упоминает И. Х. Аделунг [Adelung, Vater,

1809, s. 149]. Томсен поставит ему это в вину, посчитав фактической ошибкой – но это ошибка самого Педера Сюва, а не Марсдена и тем более не И. Х. Аделунга.

Составляя свою «Литературу грамматик, словарей и коллекций», Фатер использовал как данные «Митридата», так и множество других источников (В. Марсден [Marsden, 1796], Л. Эрваса-и-Пандуро. В указателе Фатера отношения взаимного родства языков рисуются в виде, близком к современному, – во всяком случае, они пересмотрены даже по сравнению с «Митридатом». датскую грамматику «Nogle Betenkninger om det Cimbriske Sprog» (1663)

Дополнения и исправления. Четвертый том «Митридата» – результат коллективной работы. На титульном листе присутствуют сам Фатер и «два новых великих исследователя», то есть Фридрих Аделунг (1768–1843) и Вильгельм фон Гумбольдт. В предисловии Фатер обращает внимание читателей на следующие моменты: 1) при анализе «необработанных» (rohe) языков Африки и Америки везде находились «искры божественной силы человеческого разума», 2) культурные языки тоже не всегда были такими, и интересно видеть их строение и прогресс, как они ступень за ступенью продвигались к современной обработанности [Adelung, Vater, 1817, s. vi].

Фр. Аделунг сделал исправления и дополнения к «Азиатским языкам» [Adelung, Vater, 1817, s. 1–274], В. фон Гумбольдт исполнил обещание, написав о баскском языке [Adelung, Vater, 1817, s. 275–362]. (Кстати, его первые заметки о баскском языке печатались в альманахе «Königsberger Archiv für Philosophie, Theologie, Sprachkunde u. Geschichte», который Фатер издавал в 1812 г.). Фатер и Фр. Аделунг продолжили дополнения ко второму тому [Adelung, Vater, 1817, s. 363–419], дополнения к третьему тому (Африка и Америка) сделаны самим Фатером [Adelung, Vater, 1817, s. 419–514]. В конце тома имеется большой указатель «Allgemeines Register» [Adelung, Vater, 1817, s. 514–530].

Фр. Аделунг и Фатер, дополняя «Митридат», вели обширную переписку. За сведениями о крымских готах Фр. Аделунг обращается митрополиту Ст. Сестренцевичу и публикует его ответ [Adelung, Vater, 1817, s. 167–168]. Русский перевод ответа сделан М. Б. Кизиловым. Кизилов, вероятно, ошибается, утверждая, что запрос митрополиту отправил именно Фатер [Кизилов, 2015, с. 37], поскольку страницы 1–274 написаны Фр. Аделунгом.

Причины ошибок. Можно проследить зависимость авторов от добросовестности информантов. Характерный пример связан с таджикским языком. Персидский язык, достаточно хорошо известный в Европе, И. Х. Аделунг совершенно справедливо ограничивает от тюркских языков и сближает с языками индийскими. В то же время таджикский язык (под названием «бухарский», как у Палласа) И. Х. Аделунг помещает среди тюркских языков, указывая на большое количество заимствований. «Бухарский диалект считается одним из самых развитых, однако он сильно перемешан с персидскими словами» [Adelung, 1806, s. 458]. Фр. Аделунг обратился за дополнительными сведениями к таможенному чиновнику Оренбургского губернаторства Величко и добавил его перевод [Adelung, Vater, 1817, s. 162–163], практически не отличающийся от «татарского» текста, присланного тем же Величко [Adelung, 1817, s. 179]. Таким образом, сохранилась принадлежность таджикского языка к тюркским.

Происхождение этой ошибки устанавливается довольно однозначно. Основным источником сведений о «бухарском» языке для составителей «Митридата» были «Сравнительные словари...» Палласа, где «бухарские» слова, помещенные среди слов тюркских языков (под номером 102), действительно представлены как иранскими, так и тюркскими (узбекскими) вокабулами. В Бухаре XVIII века чрезвычайно широко был распространен таджикско-узбекский билингвизм, списки слов, доставляемые из Бухары, состояли из слов обоих языков. Наиболее надежным источником о «бухарском» языке в конце XVIII века были записки унтер-офицера Ефремова, прошедшего несколько лет в Средней Азии, в приложенном тематическом глоссарии (625 слов) иранские слова заметно преобладают над тюркскими [Ефремов, 1786, с. 198–222]. С глоссарием Ефремова конкурировало большое количество гораздо менее надежных источников, в словаре Палласа преобладают слова тюркские. Фр. Аделунг заметил это противоречие и привел из глоссария Ефремова несколько слов, входящих в молитву «Отче наш»: Vater – padar, du – schmo, Himmel – osmon, Name – nomi, Tag – rus, Brot – nan, Speise – asch, gib – teht, heute – imrus, nicht – ness, übel – ganda» [Adelung, Vater, 1817, s. 162].

Делать на основании таких ошибок какие-то выводы об уровне лингвистического анализа в начале XIX века не имеет никакого смысла. На

основании такого материала современный лингвист тоже не смог бы сделать правильных выводов о реальном языке. Заслуживает, впрочем, внимания то, что в подобных случаях в «Митридите» приводится максимально полная информация об источниках, что составители сознательно приводят сведения, противоречащие друг другу. Сам факт наличия противоречий побуждал к поискам нового материала.

Фатер исправлял и собственные ошибки: признав, что неправильно определил место румынского языка, он переносит его к «дочерям латыни» после ретороманского [Adelung, Vater, 1817, s. 407–408].

Выводы

Третий том «Митридата» печатался во время войны, тем не менее в него включены самые последние источники, например, работы Ал. фон Гумбольдта «Vues des Cordillères...» (1810, 1811) и «Essai politique sur le royaume de la Nouvelle-Espagne». В четвертом томе есть работа Ф. Боппа о спряжениях [Adelung, Vater, 1817, s. 474], включена даже книга, изданная в том же году («Mariner's account of the Tonga Islands in the South pacific ocean. London, 1817. mit einem Wörterbuche»).

Сам Фатер вполне осознавал, что изменения в науке происходят быстро, ведь даже к первому тому «Азиатские языки» потребовались объемные дополнения, так как вышла в свет «История новейшего языкознания» Айххорна и много новых сведений об Азии [Adelung, Vater, 1817, s. vi].

Весь «Митридат» действительно показывает состояние лингвистической науки начала XIX века. И сам «Митридат», и «Литература грамматик, словарей и коллекций» точно фиксируют состояние на 22 января 1817 г. – дату предисловия к четвертому тому. Однозначно положительная или однозначно отрицательная оценки «Митридата» являются в равной степени односторонними. Важно лишь подчеркнуть, что как сильные, так и слабые стороны «Митридата» являются в высшей степени характерными для тогдашнего состояния науки о языке. Грандиозность замысла, всеохватность содержания заранее обрекали книгу на устаревание. Но любые новые сведения о языках неизбежно сопоставлялись с информацией, содержащейся в «Митридите», зафиксировавшем определенный уровень знакомства европейской науки с языками всего мира.

Библиографический список

1. Амирова Т., Ольховиков Б., Рождественский Ю. Очерки по истории лингвистики. Москва : Наука, 1975. 559 с.
2. Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков // В. В. Бартольд. Сочинения [в IX томах] Т. IX. Москва : Наука, 1977, с. 24–41.
3. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. Москва : Высшая школа, 1962. 332 с.
4. Бондаренко М. А. Введение в языковедение. Курс лекций. Тула : Тульский гос. ун-т, 2007. 391 с.
5. Волошина О. А. «Митридат» Аделунга и теория происхождения языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3(1). С. 320–326.
6. Генидзе Н. К. История лингвистических учений: сравнительно-историческое языковедение и младограмматизм : учебное пособие / Н. К. Генидзе, О. А. Барташова. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2016. 32 с.
7. Ельмслев Л. О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. Москва : Наука, 1972. С. 114–152.
8. Ефремов Ф. С. Десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии... Санкт-Петербург : Гек, 1786. 224 с.
9. Кизилов М. Б. Крымская Готия: история и судьба. Симферополь : Наследие тысячелетий, 2015. 351 с.
10. Лившиц В. Г. Дешифровка египетских иероглифов Шампольном / Ж. Ф. Шампольон / О египетском иероглифическом алфавите. Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР в Л., 1950. С. 98–241.
11. Нелюбин Л. Л. История науки о языке : учебник / Л. Нелюбин, Г. Хухуни. 4-е изд. Москва : Флинта : Наука, 2011. 376 с.
12. Орнатовский И. Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных. Харьков : Унив. Типография, 1810. 311 с.
13. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании. Избранные сочинения. Т. 1. Москва : ГИХЛ, 1961. С. 221–267.
14. Сергеев М. Л. Сопоставление языков в XVI веке (на примере «Митридата» (1555) Конрада Гесснера). Санкт-Петербург, 2018. 234 с.
15. Томсен В. История языковедения до конца XIX века. Москва : Учпедгиз, 1938. 160 с.
16. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. Лингвистическо-исторические материалы для исследования индогерманской древности. Санкт-Петербург : А. Бенке, 1886. [2], X, 482 с.
17. Яковлев П. Я. Переводы «Отче наш» в свете становления и развития письменного чувашского языка // Родной язык. 2019. № 1. С. 9–40.
18. Adelung. J. Ch. Mithridates, oder Allgemeine Sprachkunde... Band 1. Berlin : Voss, 1806. xxii, 686 S.
19. Adelung. J. Ch., Vater J. S. Mithridates, oder Allgemeine Sprachkunde... Band 2. Berlin : Voss, 1809. xxiv, 808 S.
20. Adelung. J. Ch., Vater J. S. Mithridates, oder Allgemeine Sprachkunde... Band 3-1. Berlin : Voss, 1812. x, 305 S.
21. Adelung. J. Ch., Vater J. S. Mithridates, oder Allgemeine Sprachkunde... Band 3-2. Berlin : Voss, 1813. 400 S.
22. Adelung. J. Ch., Vater J. S. Mithridates, oder Allgemeine Sprachkunde... Band 3-3. Berlin : Voss, 1816. vi, 474 S.
23. Adelung J. Ch., Vater J. S. Mithridates... Band 4. Berlin : Voss, 1817. vii, 530 S.
24. Arens H. Sprachwissenschaft : der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. München, Freiburg : K. Alber, 1955. x, 568 S.
25. Benfey Th. Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland. München : Gotta, 1869. x, 836 S.
26. Bindseil H.E. Abhandlungen zur allgemeinen vergleichenden Sprachlehre. Hamburg : F. Perthes, 1838. x, 687 S.
27. Cohen M. Les langues du monde. Paris : Libr. ancienne É. Champion, 1924. xvi, 811 p.
28. Eichhorn J. G. Geschichte der neuern Sprachkunde. Band 5. Abteilung 1. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1807. xxviii, 678 S.
29. Dobrovský J. Über Adelungs Mithridates in Betreff der slawischen Sprachen / J. Dobrovský // Slovanka 1. Prag : Herrl, 1814. S. 196–207.
30. Hammer J. Rez. von A. Balbi. Atlas ethnographique du globe, ou classification des peuples anciens et modernes, d'après langues. Paris, 1826 // Wiener Jahrbücher der Literatur. 1827. Bd. 38. S. 1–19.
31. Kraus Ch. J. Rez. von Vergleichendes Glossarium aller Sprachen und Mundarten // Adelung Fr. Catherinens der Großen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde. SPb. : Fr. Dreschler, 1815. S. 110–130.
32. Lüdtkke J. Die romanischen Sprachen im Mithridates von Adelung und Vater: Studie u. Text Lingua et tradition. Band 4. Tübingen : TBL-Verlag Narr, 1978. 178 S.
33. Malkiel J. Adelung – Vaters pioneering survey of Romance languages and dialects. Studii si cercetari de linguistica. 1973. № 5. с. 589–590.
34. Marsden W. A Catalogue Of Dictionaries, Vocabularies, Grammars, And Alphabets. London : Marsden, 1796. [6], 154 S.
35. Robins R. H. A Short History of Linguistics. London : Longman, 1967. 248 p.
36. Vater J. S. Versuch einer allgemeinen Sprachlehre. Halle : Renger, 1801. xvi, 295 S.
37. Vater J. S. Rez. von D. Jenisch. Philosophisch-kritische Vergleichung und Würdigung von vierzehn ältern und neuern Sprachen Europens. Berlin : Maurer, 1796 // Allgemeine Literatur Zeitung. 1806. № 131–133.
38. Vater J. S. Rez. von Charl. Denina. La Clef des langues ou observations sur l'origine et la formation des

principales langues qu'on parle et qu'on écrit en Europe. Berlin: Mettra, Umlang und Quien, 1804. // Allgemeine Literatur Zeitung. 1807. № 39–45.

39. Vater J. S. Rez. von Barton B. Smith. New views of the origin of the tribes and nations of America. Philadelphia: Bioren, 1798. // Allgemeine Literatur Zeitung. 1809. № 148–150.

40. Vater J. S. Untersuchungen über Amerika's Bevölkerung aus dem alten Kontinente. Leipzig : Fr. Vogel, 1810. xii, 212 S.

41. Vater J. S. Aufklärungen im Felde der afrikanischen Sprachenkunde // Königsberger Archiv für Philosophie, Theologie, Sprachkunde und Geschichte // 1812. Band I. S. 43–60.

42. Vater J. S. Litteratur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde ... Berlin : Nicolai, 1815. [7], IV, 259 S.

43. Vater J. S. Über das Sanskrit, sein Zusammenhang mit den davon ausgehenden ostindischen Sprachen und sein Verhältnis zum Latein, Persischen, Germanischen // J. S. Vater. Proben Deutscher Volksmundarten, 1816. S. 169–194.

Reference list

1. Amirova T., Ol'hovikov B., Rozhdestvenskij Ju. Oчерки по истории лингвистики = Essays on the history of linguistics. Moskva : Nauka, 1975. 559 s.

2. Bartol'd V. V. Obzor dejatel'nosti fakul'teta vostochnyh jazykov = Reviewing the activities of the Oriental Languages Faculty // V. V. Bartol'd. Sochinenija [v IX tomah] T. IX. Moskva : Nauka, 1977, s. 24–41.

3. Baskakov N. A. Vvedenie v izuchenie tjurkskikh jazykov = Introduction to studying Turkic languages. Moskva : Vysshaja shkola, 1962. 332 s.

4. Bondarenko M. A. Vvedenie v jazykoznanie. Kurs lekcij = Introduction to linguistics. A course of lectures. Tula : Tul'skij gos. un-t, 2007. 391 s.

5. Voloshina O. A. «Mitridat» Adelunga i teorija proishozhdenija jazyka = Adelung's «Mithridates» and the theory of language origin // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2014. № 3(1). S. 320–326.

6. Genidze N. K. Istorija lingvisticheskikh uchenij: sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie i mladogrammatizm = History of linguistic doctrines: comparative-historical linguistics and Young Grammatism : uchebnoe posobie / N. K. Genidze, O. A. Bartashova. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeU, 2016. 32 s.

7. El'mslev L. O kategorijah lichnosti-nelichnosti i odushevlennosti-neodushevlennosti = On the categories of finite/non-finite and animate/inanimate // Principy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja. Moskva : Nauka, 1972. S. 114–152.

8. Efremov F. S. Desjatiletnee stranstvovanie i priključenje v Buharii, Hive, Persii i Indii... = A ten-year wandering and adventure in Bukharia, Khiva, Persia and India.... Sankt-Peterburg : Gek, 1786. 224 s.

9. Kizilov M. B. Krymskaja Gotija: istorija i sud'ba = Crimean Gothia: history and fate. Simferopol' : Nasledie tysjacheletij, 2015. 351 s.

10. Livshic V. G. Deshifrovka egipetskih ieroglifov Shampol'onom = Champollion's deciphering of Egyptian hieroglyphs / Zh. F. Shampol'on / O egipetskom ieroglificheskom alfavite. Moskva, Leningrad : Izd-vo Akad. nauk SSSR v L., 1950. S. 98–241.

11. Neljubin L. L. Istorija nauki o jazyke = History of the language theory : uchebnik / L. Neljubin, G. Huhuni. 4-e izd. Moskva : Flinta : Nauka, 2011. 376 s.

12. Ornatovskij I. Novejshee nachertanie pravil rossijskoj grammatiki, na nachalah vseobshhej osnovannyh = The latest outline of the Russian grammar rules, based on the principles of universal grammar. Har'kov : Univ. Tipografija, 1810. 311 s.

13. Russo Zh.-Zh. Opyt o proishozhdenii jazykov, a takzhe o melodii i muzykal'nom podrazhanii. Izbrannye sochinenija = Studies on the origin of languages, and on melody and musical imitation. Selected Works. T. 1. Moskva : GIHL, 1961. S. 221–267.

14. Sergeev M. L. Sopotavlenie jazykov v XVI veke (na primere «Mitridata» (1555) Konrada Gessnera) = Comparison of languages in the XVIth century (using Konrad Gessner's Mithridates (1555) as an example). Sankt-Peterburg, 2018. 234 s.

15. Tomsen V. Istorija jazykovedenija do konca XIX veka = History of linguistics up to the end of the XIX century. Moskva : Uchpedgiz, 1938. 160 s.

16. Shrader O. Sravnitel'noe jazykovedenie i pervobytnaja istorija. Lingvisticheskoe-istoricheskoe materialy dlja issledovanija indogermanskoj drevnosti = Comparative linguistics and primitive history. Linguistic-historical materials for studying Indo-Germanic antiquity. Sankt-Peterburg : A. Benke, 1886. [2], X, 482 s.

17. Jakovlev P. Ja. Perevody «Otche nash» v svete stanovlenija i razvitija pis'mennogo chuvashskogo jazyka // Rodnoj jazyk. 2019. № 1. S. 9–40.

18. Adelung. J. Ch. Mithridates, oder Allgemeine Sprachenkunde... Band 1. Berlin : Voss, 1806. xxii, 686 S.

19. Adelung. J. Ch., Vater J. S. Mithridates, oder Allgemeine Sprachenkunde... Band 2. Berlin : Voss, 1809. xxiv, 808 S.

20. Adelung. J. Ch., Vater J.S. Mithridates, oder Allgemeine Sprachenkunde... Band 3-1. Berlin : Voss, 1812. x, 305 S.

21. Adelung. J. Ch., Vater J.S. Mithridates, oder Allgemeine Sprachenkunde... Band 3-2. Berlin : Voss, 1813. – 400 S.

22. Adelung. J. Ch., Vater J. S. Mithridates, oder Allgemeine Sprachenkunde... Band 3-3. Berlin : Voss, 1816. vi, 474 S.

23. Adelung J. Ch., Vater J. S. Mithridates... Band 4. Berlin : Voss, 1817. vii, 530 S.

24. Arens H. Sprachwissenschaft : der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. München, Freiburg : K. Alber, 1955. x, 568 S.

25. Benfey Th. Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland. München : Gotta, 1869. x, 836 S.
26. Bindseil H.E. Abhandlungen zur allgemeinen vergleichenden Sprachlehre. Hamburg : F. Perthes, 1838. x, 687 S.
27. Cohen M. Les langues du monde. Paris : Libr. ancienne É. Champion, 1924. xvi, 811 p.
28. Eichhorn J. G. Geschichte der neuern Sprachkunde. Band 5. Abteilung 1. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1807. xxviii, 678 S.
29. Dobrovský J. Über Adelung's Mithridates in Betreff der slawischen Sprachen / J. Dobrovský // Slovanka 1. Prag : Herrl, 1814. S. 196–207.
30. Hammer J. Rez. von A. Balbi. Atlas ethnographique du globe, ou classification des peuples anciens et modernes, d'après langues. Paris, 1826 // Wiener Jahrbücher der Literatur. 1827. Bd. 38. S. 1–19.
31. Kraus Ch. J. Rez. von Vergleichendes Glossarium aller Sprachen und Mundarten // Adelung Fr. Catherinens der Großen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde. SPb. : Fr.Dreschler, 1815. S. 110–130.
32. Lüdtke J. Die romanischen Sprachen im Mithridates von Adelung und Vater: Studie u. Text Lingua et tradition. Band 4. Tübingen : TBL-Verlag Narr, 1978. 178 S.
33. Malkiel J. Adelung – Vaters pioneering survey of Romance languages and dialects. Studii si cercetari de linguistica. 1973. № 5. c. 589–590.
34. Marsden W. A Catalogue Of Dictionaries, Vocabularies, Grammars, And Alphabets. London : Marsden, 1796. [6], 154 S.
35. Robins R. H. A Short History of Linguistics. London : Longman, 1967. 248 p.
36. Vater J. S. Versuch einer allgemeinen Sprachlehre. Halle : Renger, 1801. xvi, 295 S.
37. Vater J. S. Rez. von D. Jenisch. Philosophisch-kritische Vergleichung und Würdigung von vierzehn ältern und neuern Sprachen Europens. Berlin : Maurer, 1796 // Allgemeine Literatur Zeitung. 1806. № 131–133.
38. Vater J. S. Rez. von Charl. Denina. La Clef des langues ou observations sur l'origine et la formation des principales langues qu'on parle et qu'on écrit en Europe. Berlin: Mettra, Umlang und Quien, 1804. // Allgemeine Literatur Zeitung. 1807. № 39–45.
39. Vater J. S. Rez. von Barton B. Smith. New views of the origin of the tribes and nations of America. Philadelphia: Bioren, 1798. // Allgemeine Literatur Zeitung. 1809. № 148–150.
40. Vater J. S. Untersuchungen über Amerika's Bevölkerung aus dem alten Kontinente. Leipzig : Fr.Vogel, 1810. xii, 212 S.
41. Vater J. S. Aufklärungen im Felde der afrikanischen Sprachkunde // Königsberger Archiv für Philosophie, Theologie, Sprachkunde und Geschichte // 1812. Band I. S. 43–60.
42. Vater J. S. Litteratur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde ... Berlin : Nicolai, 1815. [7], IV, 259 S.
43. Vater J. S. Über das Sanskrit, sein Zusammenhang mit den davon ausgehenden ostindischen Sprachen und sein Verhältnis zum Latein, Persischen, Germanischen // J. S. Vater. Proben Deutscher Volksmundarten, 1816. S. 169–194.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 15.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья

УДК 81-11

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_136

EDN: TUEBNW

Лингвистические, лингвобиблиографические и лингвосториографические труды Ф. П. фон Аделунга

Олег Владимирович Лукин

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

oloukine@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9101-9134>

Аннотация. Статья посвящена Ф. П. фон Аделунгу (нем. Friedrich Georg von Adelung, 25.02.1768 – 18.01.1843), российскому ученому немецкого происхождения, племяннику известного немецкого лингвиста И. К. Аделунга. Актуальность работы определяется большим интересом современного языкознания к его истории и отсутствием специальных исследовательских работ, посвященных этому ученому. Заполнение лакун о жизни и научном творчестве ученого, его трудах и месте в научной парадигме своего времени является в этом смысле весьма перспективной задачей.

В представленной работе с позиций нарративной лингвосториографии анализируются особенности жизни, творческой деятельности, а также лингвистического, лингвобиблиографического и лингвосториографического наследия Ф. П. фон Аделунга. Родившись и получив образование в Германии, он, подобно многим своим землякам, сделал карьеру в Российской империи, став действительным статским советником, членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, почетным профессором Московского, Казанского, Харьковского, Дерптского и Виленского университетов, членом Нидерландского королевского института и философского общества Филадельфии.

Ученый опубликовал многочисленные труды по филологии, истории, географии, а также библиографические и археологические изыскания. Совершенно особое место в творческом наследии автора занимают работы, связанные с наукой о языке, прежде всего, сравнительно-историческим языкознанием и санскритологией. В этом несомненную роль сыграл авторитет его знаменитого дяди, автора «Митридата». Самая первая лингвистическая работа Ф. П. фон Аделунга «О сходстве санскритского языка с русским» увидела свет, когда ученому было 43 года.

Однако многочисленные работы, последовавшие за ней, позволяют характеризовать их автора как крупного индоевропеиста, незаурядного знатока литературы по сравнительно-историческому языкознанию и санскритологии своего времени, продолжившего лучшие традиции индоевропеистики первой половины XIX века.

Ключевые слова: нарративная лингвосториография; Ф. П. фон Аделунг (25.02.1768 – 18.01.1843) сравнительно-историческое языкознание; санскритология; Россия; XIX в.

Для цитирования: Лукин О. В. Лингвистические, лингвобиблиографические и лингвосториографические труды Ф. П. фон Аделунга // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 136–144. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_136. <https://elibrary.ru/TUEBNW>

Original article

Linguistic, linguobibliographic and linguohistoriographic works of F. P. von Adelunga

Oleg V. Lukin

Doctor of philological sciences, professor, head of the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1

oloukine@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9101-9134>

Abstract. The article is devoted to F. P. von Adelung (Friedrich Georg von Adelung, 25.02.1768 – 18.01.1843), a Russian scientist of German origin, a nephew of the famous German linguist J. K. Adelung. The relevance of the work is due to the great interest of modern linguistics in his story as well as the lack of any special research works devoted to

this scientist. Filling the gaps in the life and scientific work of the scientist, his works and his place in the scientific paradigm of his time seems a very promising task.

The article analyzes F. P. von Adelung's life and work as well as his linguistic, linguobibliographical and linguohistoriographical heritage from the point of view of narrative linguohistoriography. Born and educated in Germany, he, like many of his countrymen, made a career in the Russian Empire, and became an Active State Councillor, Corresponding Member of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg, Honorary Professor at the Universities of Moscow, Kazan, Kharkov, Dorpat and Vilna, a member of the Royal Netherlands Institute and the Philosophical Society of Philadelphia.

The scholar published numerous works on philology, history, geography, as well as bibliographical and archaeological researches. A very special place in the author's creative heritage is occupied by works related to linguistics and, first of all, to comparative-historical linguistics and Sanskrit studies. In this, he was undoubtedly influenced by the authority of his famous uncle, the author of «Mithridates». F. P. von Adelung's very first linguistic work «On similarity of the Sanskrit language to Russian» was published when the scientist was 43.

However, the numerous works that followed characterize their author as a major Indo-Europeanist, an outstanding expert in the literature on comparative-historical linguistics and Sanskrit studies of his time who continued the best traditions of Indo-European studies in the first half of the XIX century.

Key words: narrative linguohistoriography; F. P. von Adelung (25.02.1768 – 18.01.1843); comparative historical linguistics; Sanskrit studies; Russia; XIX century

For citation: Lukin O. V. Linguistic, linguobibliographic and linguohistoriographic works of F. P. von Adelunga. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(3):136–144. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_136. <https://elibrary.ru/TUEBNW>

Введение

В истории языкознания есть примеры, когда значительный вклад в его развитие делали близкие родственники. Например, братья Карл Вильгельм Фридрих фон Шлегель (нем. Karl Wilhelm Friedrich von Schlegel; 10.03.1772 – 11.01.1829) и Август Вильгельм фон Шлегель (нем. August Wilhelm von Schlegel; 8.09.1767 – 12.05.1845) известны как основоположники лингвистического компаративизма. Крупнейшими немецкими лингвистами были братья Якоб Людвиг Карл Гримм (нем. Jacob Ludwig Karl Grimm; 4.01.1785 – 20.09.1863) и Вильгельм Карл Гримм (нем. Wilhelm Karl Grimm; 24.02.1786 – 16.12.1859). Значительно реже случаи, когда лингвистике служили несколько поколений ученых. Таковыми можно назвать известных немецких грамматистов Иоганна Христиана Августа Гейзе (нем. Johann Christian August Heuse; 21.04.1764 – 27.06.1829) и его сына Карла Вильгельма Людвиг Гейзе (нем. Karl Wilhelm Ludwig Heuse; 15.10.1797 – 25.11.1855) (о них см. наши работы [Лукин, 2013] и [Lukin, 2013]).

Случай, когда известными лингвистами стали дядя и племянник, деятельность которых протекала в разных государствах, действительно незаурядный. Иоганн Кристоф Аделунг (нем. Johann Christoph Adelung; 8.08.1732 – 10.09.1806) известен как немецкий филолог, значительный представитель немецкого Просвещения, который сыграл важную роль в нормализации и унификации немецкого литературного языка (см. [Лукин,

2019]) и предшествовал становлению и развитию в Германии научного языкознания. Основным сочинением И. К. Аделунга, благодаря которому он вошел в историю мировой лингвистики, стало грандиозное четырехтомное издание «Митридат, или Общее языкознание» (нем. «Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde»), первый том которого вышел в 1806 году, в год смерти автора. С 1809 до 1817 года его ученик Иоганн Северин Фатер (нем. Johann Severin Vater; 27.05.1771 – 16.03.1826) издал следующие три тома: «В этой грандиозной по замыслу и исполнению работе было представлено описано почти 500 языков и диалектов – всех известных науке того времени языков мира. ... В качестве образца текста на каждом языке предлагается перевод молитвы «Отче наш», который снабжен пословным переводом и в некоторых случаях кратким грамматическим и лексическим комментарием» [Волошина, 2014, с. 321].

В нашей статье мы попытаемся проанализировать, какое влияние дядя оказал на его лингвистические и лингвоисториографические воззрения племянника и как он продолжил дело своего знаменитого дяди.

Методы исследования

При работе над статьей нами был использован метод нарративной лингвоисториографии, включающий в себя, прежде всего:

1. изучение и анализ биографической литературы;
2. изучение и анализ лингвоисториографиче-

ской литературы;

3. анализ лингвистических, лингвобиблиографических и лингвоисториографических трудов Ф. П. фон Аделунга.

Источники исследования

Значение Ф. П. фон Аделунга для мировой лингвистики подтверждает сам факт, что основные биографические данные о нем были опубликованы как в известных немецких биографических изданиях – «Allgemeine Deutsche Biographie» [Leskien, 1875, s. 80], «Neue Deutsche Biographie» [Kissling, 1953, s. 63], «Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland» [Recke, 1827, s. 4–10], так и в авторитетных справочных изданиях России – Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [Б. а., 1890, с. 171–172] и Русском биографическом словаре, издававшемся А. А. Половцовым [Кёппен, 1896, с. 71–73]. Об интересе к этой личности так или иначе свидетельствует даже то, что некоторые статьи о нем написаны его выдающимися коллегами, в том числе, одним из основателей младограмматизма, членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге А. Лескином (нем. August Leskien; 8.07.1840 – 20.09.1916) и российским библиографом, членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и библиотекарем Публичной библиотеки Ф. П. Кёппеном (нем. Friedrich Teodor Köppen; 30.12.1833 – 24.05.1908), внуком нашего героя.

Не обошли своим вниманием выдающегося библиографа и его коллеги (см. [Здобнов, 1951, с. 144–150], [Кирикова, 2018, с. 12–13], [Половцовская, 2007, с. 19], [Фокеев, 2010, с. 7]).

Однако несмотря на кажущееся обилие источников о жизни и деятельности Ф. П. фон Аделунга большинство из них являются пересказами и частичными дополнениями прижизненной биографии ученого в лексиконе «Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland» [Recke, 1827, s. 4–10].

Нами были проанализированы работы Ф. П. фон Аделунга по лингвистике, библиографии лингвистики и лингвоисториографии, а также работы, так или иначе связанные с ними, на которые сделаны ссылки в нашей статье.

Результаты исследования

1. Основные биографические сведения

Федор Павлович фон Аделунг (нем. Friedrich Georg von Adelung, 25.02.1768 – 18.01.1843) родился в городе Штеттине (нем. Stettin, ныне Щецин, польск. Szczecin), который по Стокгольмскому договору 1720 года вошел в состав Пруссии. Его отец Паулюс Аделунг был подполковником прусской фармацевтической службы.

По окончании общественной школы в родном городе двенадцатилетний Фридрих Георг отправился в Лейпциг к своему дяде Иоганну Кристофу Аделунгу. По окончании школы при церкви святого Николая в 1787 г. юноша поступает в Лейпцигский университет, где изучает правоведение и философию.

По окончании университета Ф. Аделунг не защищает уже подготовленную диссертацию и в 1790 г. по приглашению вдовы курляндского правительственного чиновника из знаменитого рода фон Плеттенбергов сопровождает ее в путешествиях. Они посещают Вену, Венгрию, Италию, Сицилию, спустя три года он отправляется в Ригу. Оттуда вместе с графом И. Ю. Броуном (Иоганн Георг фон Броун; Броун-Камус; нем. Johann Georg von Browne-Camus; 20.09.1767 – 01.1827) молодой человек продолжил свои путешествия, преимущественно по Германии. В 1795 г. Ф. Аделунг переселился в Митаву (ныне Елгава в Латвии), получив место секретаря в Приказе общественного призрения и одновременно исполняя должность частного секретаря графа П. А. Палена (нем. Peter Ludwig Graf von der Pahlen; 17.07.1745 – 13.02.1826), генерал-губернатора Курляндии с 1795 до 1797 года.

В 1797 г. по приглашению своего друга, придворного банкира барона А. фон Ралля (нем. Alexander Franz Alexandrowitsch von Rall; 24.07.1756 – 22.04.1832), Ф. Аделунг поселился в Петербурге, где около двух лет был его компаньоном и занимался коммерцией. Затем в 1800 г. его назначают цензором при Санкт-Петербургском немецком театре, а в 1801 году он становится директором этого театра. С ноября 1803 г. Ф. Аделунг исполняет обязанности наставника малолетних великих князей Николая Павловича (будущего императора Николая I, 25.06.1796 – 18.02.1855) и Михаила Павловича (28.01.1798 – 28.08.1849).

В 1818 г. Ф. П. Аделунг получил назначение на должность чиновника по особым поручениям при Министерстве иностранных дел, а с 1824 г.

он становится начальником учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте. В этой должности он находился до окончания своей жизни и много сделал для составления востоковедческой библиотеки и коллекции монет. В 1831 году Ф. П. фон Аделунг принимал участие в создании Румянцевского музея, первого российского публичного частного музея.

Научное творчество Ф. П. Аделунга было весьма многогранным. Его перу принадлежат труды по филологии, истории, географии, библиографические и археологические изыскания. Значительное место в творческом наследии ученого занимают труды по лингвистике, библиографии лингвистики и лингвоисториографии.

Незаурядные научные достижения Ф. П. Аделунга были высоко оценены академической общественностью. В 1809 году он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Крупнейшие университеты империи – Московский, Казанский, Харьковский, Дерптский, Виленский – избрали его свои почетным профессором. Ученый был почетным членом Нидерландского королевского института и философского общества Филадельфии. Российская империя наградила его орденами Святой Анны второй степени и Красного Орла третьей степени, удостоив потомственным дворянством, что позволило ему ставить перед своей фамилией частицу «фон».

2. Труды Ф. П. Аделунга по санскриту и сравнительному языкознанию

Самым первым лингвистическим сочинением, которое опубликовал сорокатрехлетний исследователь, была небольшая изданная в Санкт-Петербурге на французском языке брошюра «Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe. Présentés à l'Académie Impériale Russe» [Adelung, 1811]. Работа была издана без указания имени автора, на что, очевидно, были свои причины. По свидетельству Ф. П. Кёппена, «... сочинение это вызвало протест со стороны известного ориенталиста Клапрота (Юлиус Генрих Клапрот (нем. Julius Heinrich Klaproth; 11.10.1783 – 28.08.1835) – немецкий востоковед, иностранный член Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге – О. Л.), утверждавшего, что большая часть материала в нем заимствована из рукописи, которую он, Клапрот, сообщил Императорской академии наук в 1809 г.» [Кёппен, 1914, с. 72]. В этом же году был опубликован перевод этой работы на русский язык «О

сходстве санскритского языка с русским», выполненный П. Фрейгангом [Аделунг, 1811].

В предисловии, написанном Н. И. Гречем, сообщается, в частности, что сам перевод с французского был выполнен его учеником, воспитанником Главного немецкого училища святого Петра, а напечатанные в конце работы замечания были написаны в классе, при чтении этого перевода, «...не учеными испытателями языков, а молодыми, скромными любителями исторических и филологических истин» [Греч, 1811].

Собственно работа Ф. П. Аделунга, занимающая всего 14 страниц русского перевода, состоит из небольшого введения, где автор проводит краткий обзор, связанный с предметом его исследования, и основной части, выполненной в виде таблицы, левая колонка которой – санскритские слова, средняя – их значения, правая – сходные с ними русские слова. Всего представлено 178 слов.

Разумеется, особенности такого рода ученической работы имеют свои причины. О них писал и сам автор: «Цель листков сих не состоит в исчислении всех подробностей о сем предмете. В них будут изложены некоторые только материалы для дальнейших изысканий. Содержание их ограничивается показанием чрезвычайного сходства санскритского языка с русским» [Аделунг, 1811, с. 3]. Однако, это его первая лингвистическая работа, своего рода проба пера на поприще, принесшем славу И. К. Аделунгу.

Крупным вкладом Ф. П. Аделунга в дело его знаменитого дяди были дополнения к первому и второму томам «Митридата», составлявшие большую часть четвертого тома, вышедшего в 1817 году [Adelung, 1817, s. 1–272], [Adelung, 1817, s. 361–417]. Авторами дополнений и исправлений, опубликованных в этом же томе, были В. фон Гумбольдт ([Humboldt, 1817, s. 275–360]) и И. С. Фатер ([Vater, 1817, s. 419–460], [Vater, 1817, s. 461–514]). Заметим, что сотрудничество ученика И. К. Аделунга с его племянником продолжалось, как можно убедиться, весьма значительное время (см. [Лукин, 2021]).

В 1820 году в издательстве Н. И. Греча появилась книга Ф. П. Аделунга «Обозрение всех известных языков и их диалектов» (нем. Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte) [Adelung, 1820]. Работа состоит из двух видов обозрения языков и диалектов: географически-лингвистического (нем. Geographisch-linguistische Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte) [Adelung, 1820, s. 1–117] и ал-

фавитного (нем. *Alphabetische Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte*) [Adelung, 1820, s. 119–185]. В первом перечислены языки и их диалекты, сгруппированные по континентам и языковым семьям, во втором – по континентам и алфавиту. Всего, как отмечает в предисловии сам Ф. П. Аделунг, в его работе представлено 3064 языка, из них – 987 в Азии, 507 в Европе, 276 в Африке и 1214 в Америке [Adelung, 1820, s. VIII].

3. Библиографические труды Ф. П. Аделунга по санскритологии

В 1830 году в Санкт-Петербурге на немецком языке вышла еще одна работа Ф. Аделунга «*Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache*» [Adelung, 1830]. В 1832 году был опубликован перевод этого труда на английский язык [Adelung, 1832]. В 1837 году увидело свет второе, значительно исправленное и дополненное издание этого сочинения под названием «*Bibliotheca Sanscrita. Literatur der Sanscrit-Sprache*» [Adelung, 1837].

В нем автор анализирует вышедшую к этому времени литературу, касающуюся древнеиндийского языка. Работа состоит из трех глав. В первой приведен обзор работ, в которых описывается санскрит, в том числе, это работы о:

1. Языке санскрит.
2. Происхождении и возрасте санскрита.
3. Названии санскрита.
4. Алфавите и шрифте санскрита.
5. Диалектах санскрита.
6. Грамматиках.
7. Словарях.
8. Хрестоматиях.
9. Собраниях пословиц и поговорок.

10. Сравнении санскрита с другими языками [Adelung, 1837, s. 1–91].

Вторая глава посвящена памятникам языка санскрит и литературе о них [Adelung, 1837, s. 92–108]. Третья, самая большая по объему глава, содержит список всех известных к тому времени произведений на санскрите – в оригинале или переводах [Adelung, 1837, s. 109–332].

Завершают работу два списка:

1. Список приведенных авторов [Adelung, 1837, S. 369–400]. Здесь ученый приводит любопытнейшие данные о том, что число перечисленных в его работе авторов составляет 742, из них – 320 древних и 27 современных индийцев, 4 араба, 17 персов, 1 турок, 5 греков, 113 англичан, 157 немцев, 63 француза, 7

итальянцев, 8 датчан, 2 шведа, 4 русских, 3 поляка, 4 богемца, 2 венгра и 5 голландцев [Adelung, 1837, s. 370].

2. Список приведенных произведений на языке санскрит [Adelung, 1837, s. 401–430], общее число которых составляет около 730.

4. Лингвоисториографическая работа Ф. П. Аделунга о заслугах Екатерины Второй в области сравнительного языкознания

В 1815 году в Санкт-Петербурге увидела свет работа о заслугах императрицы Екатерины II в области сравнительного языкознания «*Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*» [Adelung, 1815]. Три года спустя в русском ежемесячном журнале Вольного общества любителей российской словесности «Соревнователь просвещения и благотворения», издававшемся в Петербурге в 1818–1825 годах, было опубликовано извлечение из этого сочинения в переводе на русский язык И. А. Гарижского [Гарижский, 1818].

В четырех главах этого произведения Ф. П. Аделунг представляет:

1. Лингвистическую деятельность ученых в России до появления знаменитого словаря П. С. Палласа (нем. Peter Simon Pallas; 22.09.1741 – 8.09.1811) «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» (см. [Паллас, 1787] и [Паллас, 1789]). Это краткое лингвоисториографическое и библиографическое описание деятельности исследователей и их работ от Н. Витсена (нидерл. Nicolaes Witsen; 8.05.1641 – 10.08.1717) до самого П. С. Палласа [Adelung, 1815, s. 1–36].

2. Историю возникновения и описание этого словаря. Эта глава содержит многочисленные документы: письма, наброски, библиографические списки и списки языков и диалектов – от письма самой императрицы Екатерины II швейцарскому философу И. Г. Р. фон Циммерману (нем. Johann Georg Ritter von Zimmermann; 8.12.1728 – 7.10.1795) до списка языков и диалектов, которые сам П. С. Паллас хотел описывать и сравнивать [Adelung, 1815, s. 37–106].

3. Подробную критику словаря и дополнения к нему. В ней читатель найдет анализ рецензий, дополнений и исправлений, сделанных автором после выхода словаря [Adelung, 1815, s. 107–186].

4. Влияние этого словаря на изучение общей лингвистики, а также сообщения о трудах современных языковедов в России. Здесь можно найти не только информацию о влиянии словаря на деятельность академических институтов Российской империи и даже Российско-американской компании на изучение языков, но и списки ученых – «собирателей языков» [Adelung, 1815, s. 187–210].

Заключение

Подводя некоторые итоги нашего исследования, хотелось бы отметить то особое тщание, с которым Ф. П. фон Аделунг стремился продолжать дело своего великого дяди. Из-под пера российского подданного вышло значительное количество произведений, связанных со сравнительным языкознанием и изучением санскрита. Это были как работы в области санскритологии и сравнения языков, так и исследования библиографического и лингвисторграфического характера. Все они позволяют характеризовать их автора как крупного индоевропейца, незаурядного знатока литературы по сравнительно-историческому языкознанию и санскритологии своего времени, продолжившего лучшие традиции индоевропейистики первой половины XIX века, и несомненно свидетельствуют о том, что интерес к сравнительно-историческому языкознанию, появившийся не без влияния дяди, привел Ф. П. фон Аделунга к написанию работ, значение которых для сравнительно-исторического языкознания и его истории едва ли оценено в полной мере.

Библиографический список

1. Аделунг Ф. О сходстве санскритского языка с русским. Поднесено Императорской Российской академии / перевел с французского Павел Фрейганг. Санкт-Петербург : В Императорской типографии, 1811. 20 с.
2. Б. а. Аделунг (Фридрих, по-русски Федор Павлович) // Андреевский Е. И. (ред.) Энциклопедический словарь. Т. I (А – Алтай). Санкт-Петербург : Семеновская типо-литография (И. А. Ефрона), 1890. С. 171–172.
3. Волошина О. А. «Митридат» Аделунга и теория происхождения языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (1). С. 320–326.
4. Гарижский И. А. Извлечение из сочинения: «Catherines der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde», von F. Adelung. St.-Peterburg, 1815. 4. XIV. 210. (Заслуги Екатерины Великой в сравнительном языкознании) // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 1. Кн. 2. С. 271–304.
5. Греч Н. И. Предисловие // Аделунг Ф. О сходстве санскритского языка с русским. Поднесено Императорской Российской академии / перевел с французского Павел Фрейганг. Санкт-Петербург : В Императорской типографии, 1811.
6. Здобнов Н. В. А. К. Шторх и Ф. П. Аделунг // Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 144–150.
7. Кёппен Ф. И. Аделунг, Фёдор Павлович // Русский биографический словарь / издано под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 1.: Аарон – император Александр II. Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1896. С. 71–73.
8. Кирикова О. А. Аделунг Фёдор Павлович, фон // Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник: А–В / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. Санкт-Петербург : «Реноме», 2018. С. 12–13 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 13).
9. Лукин О. В. Адмирал Шишков, генерал Ахвердов, майор Шулепников и «Русская грамматика» И. С. Фатера // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 86–91.
10. Лукин О. В. Семья Гейзе: два поколения в немецкой педагогике и филологии // Ярославский педагогический вестник. Серия «Психолого-педагогические науки». Ярославль : Изд-во Ярославского государственного педагогического университета. 2013, № 3. С. 74–78.
11. Лукин О. В. Значение грамматических трудов И. К. Аделунга для немецкой лингводидактики XIX века // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 2 февраля 2019 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2019. Ч. II. С. 63–68.
12. Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение 1, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. Санкт-Петербург : Печатано в типографии у Шнора, 1787. [18], 411, [1] с.
13. Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение 1, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 2. Санкт-Петербург : Печатано в типографии у Шнора, 1789. [6], 491 с.
14. Полотовская И. Л. Аделунг Федор Павлович // Библиотечная энциклопедия. Москва : Изд-во «Пашков дом», 2007. С. 19.
15. Фокеев В. А. Аделунг Федор Павлович // Библиографы: библиографический справочник. Москва : Либерия-Библиоформ, 2010. С. 7.
16. Adelung F. An Historical Sketch of Sanscrit Literature, with copious Bibliographical Notices of Translations. From Sanscrit Works and the German of Adelung;

with numerous additions and corrections. Oxford : D. A. Talboys, 1832. 234 s.

17. Adelung F. Bibliotheca Sanscrita. Literatur der Sanscrit-Sprache von Friedrich Adelung. Kais. Russ. wirkl. Staatsrathe u. s. w. Zweite durchaus verbesserte und vermehrte Ausgabe. St. Petersburg : Gedruckt bey Karl Kray, 1837. XX, 432 s.

18. Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. Von Friedrich Adelung. Russ. Kaiserl. Staatsrath, Instruktor II. KK. HH. der Grossfürsten Nicolai und Michael, Ritter des Annen-Ordens zweiter Klasse, Ehrenmitglied der Kaiserl. Universitäten zu Moskau, Wilna und Charkow, Correspondent der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften u. s. w. St. Petersburg : Gedruckt bei Friedrich Drechsler, 1815. XIV, 210, [2] S.

19. Adelung F. Nachträge zu dem ersten Theile des Mithridates. Von Friedrich Adelung. Russ. Kais. Etatsrath, Instructor der Grossfürsten Nikolai und Michael, Ritter des Annen-Ordens zweyter Classe, Ehrenmitglied der Kais. Universitäten zu Moskau und Charkow und Correspondent der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beyträgen zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 1–272.

20. Adelung F., Vater J. S. Nachträge zum zweyten Bande des Mithridates. Von Herrn Staatsrath von Adelung und dem Herausgeber // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beiträgen zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 361–417.

21. Adelung F. Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe. St-Petersbourg : De l'imprimerie de F. Drechsler, 1811. 16 p.

22. Adelung F. Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache. Von Fridrich Adelung. Kais. Russ. wirkl. Staatsrath und Ritter, Direktor des Oriental' Instituts bey dem Ministerium der auswärt. Angelegenheiten, und Ehrenmitglied mehrerer gelehrten Gesellschaften. St. Petersburg: Gedruckt bei Karl Kray, 1830. XV, VIII, 259 s.

23. Adelung F. Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte. Von Friedrich Adelung, Staatsrath, Ritter des Ordens d. h. Anna zweiter u. des rothen Adlers dritter Klasse, Ehrenmitglied der Kaiserl. Univers. zu Moskau, Charkow, Wilna, Kasan, des Kön. Niederl. Instituts u. der philos. Gesellschaft zu Philadelphia, Corre-

spondent der Kais. Akademie der Wissenschaften u.s.w. St. Petersburg : bey Nic. Gretsche, 1820. XIV, 186 s.

24. Humboldt W. von Berichtigungen und Zusätze des zweyten Bandes des Mithridates über die Cantabrische oder Baskische Sprache von Wilhelm von Humboldt, Königl. Preussischem Staats-Minister, Gesandten an dem Königl. Französischen Hofe, und Ritter vieler hohen Orden // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beyträgen zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 275–360.

25. Kissling H. J. Adelung, Friedrich Georg // Neue Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 1. Berlin : Duncker & Humblot, 1953. S. 63.

26. Leskien A. Adelung, Friedrich Georg // Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 1. Leipzig : Duncker & Humblot, 1875. S. 80.

27. Lukin O. W. Familie Heyse: drei Generationen im Dienste der deutschen Sprachwissenschaft und Literatur // Пути развития немецкого языка: российско-немецкие инициативы. Материалы Международной научно-практической конференции (27–31 марта 2013 г.) / Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Лекторат Германской службы академических обменов в Архангельске (отв. ред. и сост. Щипицина Л. Ю.). Архангельск : КИРА, 2013. С. 79–84.

28. Recke J. F., Napiersky K. E. Von Adelung (Friedrich) // Recke J. F., Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Bd. 1: A-F. Mitau : bey Johann Friedrich Steffenhagen und Sohn, 1827. S. 4–10.

29. Vater J. S. Nachträge zum dritten Bande des Mithridates von J. S. Vater // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beiträgen zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 419–460.

30. Vater J. S. Nachträge zum ersten Bande des Mithridates von J. S. Vater // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beiträgen

zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 461–514.

Reference list

1. Adelung F. O shodstve sanskritskago jazyka s russkim. Podneseno Imperatorskoj Rossijskoj akademii = On the similarity of Sanskrit and Russian. Presented to the Imperial Russian Academy / perevel s francuzskogo Pavel Frejgang. Sankt-Peterburg : V Imperatorskoj tipografii, 1811. 20 s.
2. B. a. Adelung (Fridrih, po-russki Fedor Pavlovich) = Adelung (Friedrich, in Russian Fedor Pavlovich) // Andrejskij E. I. (red.) Jenciklopedicheskij slovar'. T. I (A – Altaj). Sankt-Peterburg : Semenovskaja tipolitografija (I. A. Efrona), 1890. S. 171–172.
3. Voloshina O. A. «Mitridat» Adelunga i teorija proshozhdenija jazyka = Adelung's «Mithridates» and the theory of the language origin // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2014. № 3 (1). S. 320–326.
4. Garizhskij I. A. Izvlechenie iz sochinenija: «Catherines der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde», von F. Adelung. St.-Peterburg, 1815. 4. XIV. 210. (Zaslugi Ekateriny Velikoj v sravnitel'nom jazykoznanii) = Extract from the work: «Catherines der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde», von F. Adelung. St.-Peterburg, 1815. 4. XIV. 210. (Contributions of Catherine the Great to comparative linguistics) // Sorevnovat' prosveshhenija i blagotvorenija. 1818. Ch. 1. Kn. 2. S. 271–304.
5. Grech N. I. Predislovie = Introduction // Adelung F. O shodstve sanskritskago jazyka s russkim. Podneseno Imperatorskoj Rossijskoj akademii / perevel s francuzskogo Pavel Frejgang. Sankt-Peterburg : V Imperatorskoj tipografii, 1811.
6. Zdobnov N. V. A. K. Shtorh i F. P. Adelung = A. K. Storch and F. P. Adelung // Zdobnov N. V. Istorija ruskoj bibliografii do nachala XX veka. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. S. 144–150.
7. Kjoppen F. I. Adelung, Fjodor Pavlovich = Adelung, Fedor Pavlovich // Russkij biograficheskij slovar' / izdano pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva A. A. Polovcova. T. 1.: Aaron – imperator Aleksandr II. Sankt-Peterburg : Tipografija I. N. Skorohodova, 1896. S. 71–73.
8. Kirikova O. A. Adelung Fjodor Pavlovich, fon = Adelung Fedor Pavlovich, von // Uchenye – fondoobrazovately Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva Rossijskoj akademii nauk: Kratkij biograficheskij spravocnik: A–V / nauch. red. i sost. E. Ju. Basargina, I. V. Tunkina; Minobrnauki Rossii, SPbF ARAN. Sankt-Peterburg : «Renome», 2018. S. 12–13 (Ad fontes. Materialy i issledovanija po istorii nauki; vyp. 13).
9. Lukin O. V. Admiral Shishkov, general Ahverdov, maŋor Shhulepnikov i «Russkaja grammatika» I. S. Fatera = Admiral Shishkov, General Akhverdov, Major Shhulepnikov and J. S. Vater's «Russian Grammar» // Verhnevzhskii filologicheskii vestnik. 2021. № 2 (25). S. 86–91.
10. Lukin O. V. Sem'ja Gejze: dva pokolenija v nemeckoj pedagogike i filologii = The Geise family: two generations in German pedagogy and philology // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Serija «Psichologo-pedagogicheskie nauki». Jaroslavl' : Izd-vo Jaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 3. S. 74–78.
11. Lukin O. V. Znachenie grammaticeskikh trudov I. K. Adelunga dlja nemeckoj lingvodidaktiki XIX veka = The importance of I. K. Adelung's grammar works for the XIX century German linguodidactics // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki: materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii. Ekaterinburg, 2 fevralja 2019 g. / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2019. Ch. II. S. 63–68.
12. Pallas P. S. Sravnitel'nye slovari vseh jazykov i narechij, sobrannye desniceju vsevysochajshej osoby. Otdelenie 1, soderzhashhee v sebe evropejskie i aziatskie jazyki = Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the most exalted person. Division 1, containing European and Asian languages. Ch. 1. Sankt-Peterburg : Pechatano v tipografii u Shnora, 1787. [18], 411, [1] s.
13. Pallas P. S. Sravnitel'nye slovari vseh jazykov i narechij, sobrannye desniceju vsevysochajshej osoby. Otdelenie 1, soderzhashhee v sebe evropejskie i aziatskie jazyki = Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the most exalted person. Division 1, containing European and Asian languages. Ch. 2. Sankt-Peterburg : Pechatano v tipografii u Shnora, 1789. [6], 491s.
14. Polotovskaja I. L. Adelung Fedor Pavlovich = Adelung Fedor Pavlovich // Bibliotechnaja jenciklopedija. Moskva : Izd-vo «Pashkov dom», 2007. S. 19.
15. Fokeev V. A. Adelung Fedor Pavlovich = Adelung Fedor Pavlovich // Bibliografy: biobibliograficheskij spravocnik. Moskva : Liberija-Bibinform, 2010. S. 7.
16. Adelung F. An Historical Sketch of Sanscrit Literature, with copious Bibliographical Notices of Translations. From Sanscrit Works and the German of Adelung; with numerous additions and corrections. Oxford : D. A. Talboys, 1832. 234 s.
17. Adelung F. Bibliotheca Sanscrita. Literatur der Sanscrit-Sprache von Friedrich Adelung. Kais. Russ. wirkl. Staatsrathe u. s. w. Zweite durchaus verbesserte und vermehrte Ausgabe. St. Petersburg : Gedruckt bey Karl Kray, 1837. XX, 432 s.
18. Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. Von Friedrich Adelung. Russ. Kaiserl. Staatsrath, Instruktor II. KK. HH. der Grossfürsten Nicolai und Michael, Ritter des Annen-Ordens zweiter Klasse, Ehrenmitglied der Kaiserl. Universitäten zu Moskau, Wilna und Charkow, Correspondenten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften u. s. w. St. Petersburg : Gedruckt bei Friedrich Drechsler, 1815. XIV, 210, [2] S.

19. Adelung F. Nachträge zu dem ersten Theile des Mithridates. Von Friedrich Adelung. Russ. Kais. Etatsrath, Instructor der Grossfürsten Nikolai und Michael, Ritter des Annen-Ordens zweyter Classe, Ehrenmitglied der Kais. Universitäten zu Moskau und Charkow und Correspondent der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beyträgen zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 1–272.

20. Adelung F., Vater J. S. Nachträge zum zweyten Bande des Mithridates. Von Herrn Staatsrath von Adelung und dem Herausgeber // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beyträgen zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 361–417.

21. Adelung F. Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe. St-Petersbourg : De l'imprimerie de F. Drechsler, 1811. 16 r.

22. Adelung F. Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache. Von Fridrich Adelung, Kais. Russ. wirkli. Staatsrath und Ritter, Direktor des Oriental' Instituts bey dem Ministerium der auswärt. Angelegenheiten, und Ehrenmitglied mehrerer gelehrten Gesellschaften. St. Petersburg : Gedruckt bei Karl Kray, 1830. XV, VIII, 259 s.

23. Adelung F. Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte. Von Friedrich Adelung, Staatsrath, Ritter des Ordens d. h. Anna zweiter u. des rothen Adlers dritter Klasse, Ehrenmitglied der Kaiserl. Univers. zu Moskau, Charkow, Wilna, Kasan, des Kön. Niederl. Instituts u. der philos. Gesellschaft zu Philadelphia, Correspondent der Kais. Akademie der Wissenschaften u.s.w. St. Petersburg : bey Nic. Gretsche, 1820. XIV, 186 s.

24. Humboldt W. von Berichtigungen und Zusätze des zweyten Bandes des Mithridates über die Cantabrische oder Baskische Sprache von Wilhelm von Humboldt, Königl. Preussischem Staats-Minister, Gesandten an dem Königl. Französischen Hofe, und Ritter vieler hohen Orden // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundart-

en, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beyträgen zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 275–360.

25. Kissling H. J. Adelung, Friedrich Georg // Neue Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 1. Berlin : Duncker & Humblot, 1953. S. 63.

26. Leskien A. Adelung, Friedrich Georg // Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 1. Leipzig : Duncker & Humblot, 1875. S. 80.

27. Lukin O. W. Familie Heyse: drei Generationen im Dienste der deutschen Sprachwissenschaft und Literatur // Puti razvitija nemeckogo jazyka: rossijsko-nemeckie iniciativy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (27–31 marta 2013 g.) / Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet im. M. V. Lomonosova, Institut filologii i mezhkul'turnoj kommunikacii, Lektorat Germanskoj sluzhby akademicheskikh obmenov v Arhangel'ske (otv. red. i sost. Shhipicina L. Ju.). Arhangel'sk : KIRA, 2013. S. 79–84.

28. Recke J. F., Napiersky K. E. Von Adelung (Friedrich) // Recke J. F., Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Bd. 1: A-F. Mitau : bey Johann Friedrich Steffenhagen und Sohn, 1827. S. 4–10.

29. Vater J. S. Nachträge zum dritten Bande des Mithridates von J. S. Vater // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beyträgen zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 419–460.

30. Vater J. S. Nachträge zum ersten Bande des Mithridates von J. S. Vater // Adelung J. Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachkunde. Mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden. Mit wichtigen Beyträgen zweyer grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater, Professor der Theologie und Bibliothekar zu Königsberg, Vierter Theil. Berlin : in der Vossischen Buchhandlung, 1817. S. 461–514.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 21.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 10.05.2023; approved after reviewing 21.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья

УДК 81-11

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_145

EDN: SZGOUM

Этимологические дискуссии в журнале XIX века «Филологические записки»

Алина Гадельжановна Лейтуш

Соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; старший преподаватель Института бизнес-коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18
alina.leitush@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4338-7800>

Аннотация. Целью статьи является описание версий о происхождении русских слов в научных публикациях XIX века – в период становления сравнительно-исторического языкознания в российской науке – на материале частного воронежского журнала «Филологические записки». В статье приводятся славянские этимологии авторов журнала второй половины XIX века и дискуссии по их поводу. На предмет этимологических обсуждений проанализированы все выпуски журнала с 1860 по 1917 гг. Тема актуальна в рамках исследования становления сравнительно-исторического языкознания в России и изучения создания этимологических словарей славянских языков. Исследование продемонстрировало особенности адаптации сравнительного метода на российской почве и методологические допущения авторов в сравнительно-историческом анализе. Многие из исследуемых в статье авторов являлись преподавателями гимназий и провинциальными учеными. Наиболее активными участниками этимологических дискуссий оказались Н. Н. Бодров, предлагавший выводить русские слова из еврейских, и И. М. Желтов, сделавший попытку начать переписку с А. Шлейхером по поводу происхождения слова «человек». Не все авторы поддерживали идею о существовании праязыка, активно критиковались идеи слависта Миклошича, тезис о регулярных фонетических соответствиях понимался узко и часто игнорировался, большое значение отдавалось созвучиям. В статье приводятся примеры аргументации авторов журнала, степень научности которой выглядит сомнительной. Приведенный материал помогает понять типичные ошибки филологов XIX века в установлении родства корней и языков в целом.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание; этимология; XIX век; «Филологические записки»; история языкознания

Для цитирования: Лейтуш А. Г. Этимологические дискуссии в журнале XIX века «Филологические записки» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 145–153.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_145. <https://elibrary.ru/SZGOUM>

Original article

Etymological discussions in the XIX century journal *Philological Notes*

Alina G. Leitush

Applicant for the degree of candidate of philological sciences, St. Petersburg state university. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7-9; senior lecturer at the Institute of business communications, St. Petersburg state university of industrial technologies and design. 191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya st., 18
alina.leitush@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4338-7800>

Abstract. The article aims to describe the possible origins of Russian words in scientific publications of the XIX century - the time when comparative-historical linguistics was being developed in Russian science - using the material of the private Voronezh journal *Philological Notes*. The article presents the Slavic etymologies of the journal's authors of the second half of the XIX century and discussions about them. Etymological discussions have been analyzed in all issues of the journal from 1860 to 1917. This topic is relevant as part of studying the formation of Russian comparative-historical linguistics and the creation of etymological dictionaries of Slavic languages. The study demonstrates the adaptation of the comparative method in Russian science and the authors' methodological assumptions in comparative-historical analysis. The most active participants in etymological discussions were N. N. Bodrov, who proposed to derive Russian words from Hebrew, and I. M. Zheltov, who made an attempt to start a correspondence with A. Schleicher

about the origin of the word «man». Not all the authors supported the idea of the proto-language; the ideas of the Slavist Miklosic were strongly criticized; the thesis of regular phonetic correlations was understood in a narrow way and was often ignored; consonances were considered to be of great importance. The article provides some examples of the journal authors' arguments, whose scientific accuracy seems questionable. The material in the article helps to understand the typical mistakes made by the XIX century philologists in establishing the kinship of roots and languages in general.

Key words: comparative linguistics; etymology; XIX century; journal Philological Notes; history of Russian linguistics

For citation: Leitush A. G. Etymological discussions in the XIX century journal Philological Notes. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):145–153. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_145. <https://elibrary.ru/SZGOUU>

Введение

Со второй половины XIX века в России отмечается стремительное развитие специализированных журналов. «Существование специальных научных журналов можно считать одной из самых характеристических черт нашего столетия», – писал В. Ф. Лютославский в конце XIX века [Лютославский, 1890, 51]. Научные дискуссии стали публиковаться для широкой публики – не только в изданиях университетов, Императорской Академии наук и «Журнале Министерства народного просвещения», но и в частных научных изданиях. Среди журналов филологической направленности этого времени можно назвать: «Русский филологический вестник» (1879–1918), «Филологические записки» (1860–1917), «Филологическое обозрение» (1891–1902), «Филологическая библиотека» (1893).

По количеству публикаций известных лингвистов ведущими научными журналами в филологическом сообществе оставались «Журнал Министерства народного просвещения» и «Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук». «Филологическое обозрение», издававшееся филологами-классиками, просуществовало всего три года; у «Филологической библиотеки» вышло всего два выпуска. «Русский филологический вестник» был довольно влиятельным научным изданием, выходил в Варшаве, субсидировался Министерством народного просвещения Российской империи. Среди частных журналистских инициатив особых успехов достигло начинание филолога и педагога А. А. Хованского «Филологические записки», издававшиеся в Воронеже с 1860 по 1917 гг. В «Записках» публиковались И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. И. Буслаев, В. А. Богородицкий, Я. К. Грот, Ф. Ф. Зелинский, А. А. Потебня, А. И. Соболевский, И. И. Срезневский, И. В. Ягич и другие. Журнал был «посвящён исследованиям и разработке разных вопросов по

языку и литературе вообще – и сравнительному языкознанию, по русскому языку и литературе в особенности – и по славянским наречиями». Выписывался европейскими и американскими университетами. Помимо лингвистической, журнал имел педагогическую направленность издания – немало публикаций посвящено методам преподавания языков и литератур. Важно также сказать, что в журнале публиковались гимназические преподаватели словесности, выдвигая лингвистические гипотезы наравне с признанными учеными.

В отечественной филологии этого периода происходит активное усвоение сравнительно-исторического метода, что заметно по публикациям в «Записках» до конца XIX века. Особый интерес для авторов представляют вопросы этимологии и происхождения славянских языков. Редакция журнала даже предприняла попытку создания своего словопроизводственного словаря русского языка, материалы для которого в течение более 30 лет собирались на страницах журнала. К участию в проекте приглашались университетские и школьные преподаватели всей страны: «Редакция обращается к тем из преподавателей, для которых так важны и дороги разъяснения происхождения и значения каждого слова в родном языке, и просит доставлять ей как образцы производства слов, так и предлагать свои объяснения» [Соломоновский, 1888, с. 1]. Время в целом известно новыми этимологическими проектами. В последней трети XIX века Второе отделение Императорской академии наук выпускает Словарь русского языка (ред. Я. К. Грот), скорее толковый. Параллельно ведет работу В. И. Даль; выходит множество корнесловов. Ф. Миклошич выпускает первый этимологический словарь шести славянских языков [Miklosich, 1886]; Н. В. Горяев издает Русский сравнительно-этимологический словарь [Горяев, 1896]. В 1908 году Е. Бернекер выпускает первые части славянского этимологического словаря [Berneker, 1908]. В 1910 году выходит первый

русскоязычный этимологический словарь А. Г. Преображенского [Преображенский, 1914]. Словопроизводственный словарь «Филологических записок» имел меньшую славу, чем перечисленные проекты, но из-за привлечения широкой преподавательско-филологической публики к его разработке на страницах журнала возникли этимологические дискуссии по поводу ряда слов, в особенности относительно слова «человек». Способ доказательства этимологий авторами показывает уровень усвоения принципов сравнительно-исторического метода в России последней трети XIX века. В статье рассматриваются наиболее яркие примеры этимологических гипотез.

Методика исследования

При работе над статьей нами были использованы лингвистико-историографические методы, проанализированы все выпуски журнала «Филологические записки» с 1860 по 1917 год с опорой на библиографический справочник Н. В. Радишаускайте [Радишаускайте, 2016].

Результаты исследования

В 1845 году Ф. Миклошич выпускает на латыни *Radices linguae Slovenicae* [Miklosich, 1845], где определяет происхождение основных славянских корней. В том числе приводится версия происхождения слова «человек» от санскр. *śru* ‘слышащий’. Версия встретила критику в «Филологических записках» в серии публикаций М. Шапиро [Шапиро, 1872–1875]. «Мы не совсем понимаем это объяснение, но мы уверены, что г-ну Миклошичу не может быть неизвестно, что его „может быть“ быть не может», – пишет Шапиро [Шапиро, 1874, 29]. Автор отмечает, что в европейских языках этимологии слова «человек» разнообразны (имеющий вид человека, имеющий прямое лицо, рожденный от земли, мыслитель, мифический прародитель, прародитель германцев, индийский король, сын арийского бога, испускающий звуки и др.). Подобное расхождение смыслов автор находит сильнейшим аргументом против предлагаемых этимологий и праиндоевропейской идеи в целом. Происхождение герм. *man ‘человек’ от санскр. *man* ‘меритель, мыслитель’, по М. Мюллеру автор находит слишком философским для древних людей. Также обсуждается происхождение слав. «бог» от санскр. *bhaga* (эта версия Миклошича не удовлетворяет автора, т.к. одно имя существа, а другое – явления), слав. «свет» (мир) от санскр. *sveta* ‘свет,

не тьма’ не удовлетворяет автора, так как в местах оседлости славян ночью наступала тьма, слав. «мир» из санскр. *mi* называется «отчаянной борьбой филологического бессилия с неукротимыми элементами языка».

Статья Шапиро характеризуется резкой критикой теории о праязыке и идей А. Шлейхера. Согласно Шапиро, возникновение языков путем разделения праиндоевропейского языка – идея фантастическая, «вращающаяся преимущественно в сфере голословных догадок и предположений, составляющая однако же краеугольный камень всего здания современной науки сравнительного языкознания» [Шапиро, 1874, с. 2]. Изначально статья посвящалась «теории волн» И. Шмидта, в которой Шапиро увидел разрыв с популярной теорией генеалогического древа А. Шлейхера и «смертельные удары не только первобытному праязыку, но и второстепенным первобытным языкам, доказывая полнейшую их несбыточность и немыслимость на основании логики и здравого рассудка» [Шапиро, 1874, с. 2–3]. Праязык представляется «научной фикцией», а ее принятие – «добровольным самоунижением». Особенно автора волнует объяснение славянских корней, которое не должно опираться на санскрит. «Славянские языки не нуждаются в помощи зенда или санскрита для разъяснения славянских корней, которые должны быть объяснены и действительно объясняемы из славянских же корней, что, впрочем, не препятствует этим корням находиться в ближайшем сродстве с прочими европейскими языками» [Шапиро, 1874, с. 18–19].

Так Шапиро выступил против славянских этимологий, предлагаемых западными лингвистами, и продемонстрировал недоверие к результатам сравнительно-исторического языкознания в целом. Доказательная часть статьи апеллирует преимущественно к здравому смыслу. Для некоторых авторов «Филологических записок» статья стала программной.

Вскоре на выступление Шапиро был опубликован ответ тогда еще 24-летнего магистра филологического факультета Московского университета Н. И. Кареева, будущего члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук. Согласно Карееву, Шапиро навязывает лингвистике положение о происхождении всех европейских языков из санскрита, что неверно. Опровержение существования праиндоевропейского языка по причине невозможности его восстановления – «прегрешение» Шапиро. Взглядам

Шапиро дается научный разбор с обращением к работам Ф. Боппа, Я. Гримма, объясняются основы сравнительно-исторического метода. «В том, что лингвисты открыли звуковые законы, исключаящие произвол, слава, а не позор их», – полемизирует Кареев [Кареев, 1874, с. 14]. Приемы этимологического анализа Шапиро вызывают у оппонента недоумение, так как не учитывается, что два слова, производимые от одного корня, не производятся друг от друга, а прямое значение изначального корня не всегда сохраняется в значении слова.

Выступлению М. Шапиро предшествовали заметки М. М. Шапира [Шапир, 1871], где заметно критическое отношение к этимологии славянских корней на основе санскрита и одобрительное – на основе немецкого языка. К примеру, слово «рай» выводится из герм. *Reich* ‘государство’ – в Новом Завете на немецком *Reich* употребляется в значении «царства небесного». Показательно, как автор объясняет различное фонетическое очертание слов «рай» и *Reich*: «Что же касается до отрезания гортанного /ch/, то это никак нельзя считать посягательством со стороны славян на целостность и неприкосновенность германского *Reich*’а, потому что слово это перешло к славянам из немецкого в настоящем изуродованном виде» [Шапир, 1871, с. 6]; вторая причина – в немецком окончании при произношении часто отбрасываются. Свою версию автор противопоставляет этимологии Юнгмана (от санскр. *rai*), Линде (от араб. *iram*) и Рейфа (от арм. *ravuda*); стремление искать происхождение слов в древних восточных языках объясняет модой. Гипотезы строятся на основании созвучий и семантических пересечений; потенциально генетически родственные слова исследователь воспринимает как слово-предок и слово-потомок. Неуверенное владение сравнительно-историческим методом, несмотря на знание основных трудов сравнительного языкознания, позволяло авторам устанавливать самых разных предков славянского языка.

Не все авторы были враждебно настроены к санскриту. В статье о первоначальных корнях С. П. Микуцкого [Микуцкий, 1870], который позже на основании этих материалов выпустит «Материалы для корневого и объяснительного словаря русского языка и всех славянских наречий» [Микуцкий, 1880], приводятся ряды родственных корней в индоевропейских языках и их примеры в латыни, санскрите, греческом, славянском, литовском, польском, русском языках,

языках романо-германской группы. О точности установления родственных корней можно судить по тому, как легко автор приравнивает /r/ и /l/ – различий между корнями *ra*, *ri*, *ru* и *la*, *li*, *lu* не проводится во всех рассматриваемых языках сразу [Микуцкий, 1870 (1), с. 93–96]. О его работе И. В. Ягич скажет: «С большими надеждами шла Академия ему навстречу, но ожидания не оправдались <...> [в его отчетах] содержится очень много драгоценного материала и необыкновенное богатство наблюдений, но соображения его по большей части не выдерживают критики, потому что сделаны наобум» [Ягич, 1910, с. 776].

В 1878 году выходит небольшая заметка В. В. Макушева «О происхождении слова „Дажьбог”», где вновь критикуются этимологии Миклошича. «Русские ученые, не подчиняющиеся раболепно ученым авторитетам и работающие собственной головою, не приняли толкования Миклошича и представили свое собственное», – пишет Макушев [Макушев, 1878, с. 70]. Автор выводит «Дажьбог» из старохорватской формы «дажь», близкой по значению к дождю, его славянский Дажьбог есть подобие *Jupiter Pluvius* римлян (бог, ниспосылающий дождь; большинство этимологий других упоминаемых авторов связаны наоборот с жаром). Основной принцип аргументации – поиск схожих по звучанию парадигм (уже не отдельных форм) в двух языках (старохорватском и хорутанско-словенском).

Интерес к этимологии возрастал, в 1879 году вышли перевод Н. Громова «Объяснительной и сравнительной этимологии церковнославянского языка» А. Шлейхера и «Курс этимологии русского языка. Для старших классов гимназий» П. И. Богданова, где излагались вопросы русской этимологии «языком простым, очищенным от всяких синтаксических загадок, нередко двусмысленных, но встречающихся в учебниках русской грамматики» [Кукуранов, 1881]. Вскоре в журнале появилась рецензия Н. С. Кукуранова: курс критиковался за отождествление буквы и звука, /ъ/ с церковнославянским /o/, /z/ – с /ж/, /ж/ – с /y/, /л/ – с /я/, игнорирование исследований И. А. Бодуэна де Куртене об эвфонической вставке /н/ в славянских языках (были опубликованы в журнале, см. [Бодуэн де Куртене, 1877]), классификацию /ф/ и /с/ как придыхательные звуки в русском языке, ошибочное объяснение переходов звуков (например, на основании заимствованных слов) и другие ошибки. Критик отвергает этимологию Богданова числительного «десять» как «два»+«сягъ» (горсть), а

«девятисто» как «девять на сто». Для объяснения переходов изменения звуков Богданов обращается к наименее определенному аргументу – благозвучию. «В заключение я не могу не выразить желая, чтобы составители грамматик русского языка, довольствуясь пока уже существующими, не издавали более плохих учебников...», – пишет Кукуранов [Кукуранов, 1881, с. 12].

С 1881 года вопрос о происхождении слова «человек» вновь поднимается в журнале, сначала в виде заметки И. Д. Четыркина [Четыркин, 1881], калужского филолога и автора учебника по грамматике для приготовительных классов гимназий. Посредством установления созвучий и аналогий автор обнаружил в славянской форме «чловекъ» подобие слову «словак». Версия Миклошича (от санскр. *ṣṛi*, слышать) не отвергается, предлагается следующая цепочка: санскр. *ṣṛi* > слав. «слоути» (слово) > слав. основа «члов» + суффикс «фкъ» > слав. «человек». Корень и суффикс выделены интуитивно. Наибольшие вопросы вызывают фонетические чередования, переход санскр. /ṣ/ в слав. /c/ и далее в /ч/ не обоснован. Эти недочеты отметил И. М. Желтов, гимназический учитель / преподаватель гимназии, переводчик «Системы языкознания» К. Гейзе. Желтов критикует этимологию Четыркина [Желтов, 1882]: суффикс «фкъ» больше нигде не встречается и потому вряд ли им является, а свистящее слав. /c/ не могло только в одном слове измениться на шипящую. К примеру, Шлейхер тоже выводил первую часть слова от санскр. *ṣṛi* > слав. «слоути», но иначе выделял части слова – «чло» и «век» (от «вак», связывал с слав. «вещати»), предлагая этимологию «внятно говорящий». Версия Шлейхера вызывает у Желтова то же недоумение из-за перехода свистящих в шипящие. Разбираются также версии Г. Циммера («чело» > санскр. *kula* в зн. стадо, рой, семья, община + «век» > литов. *vaikas* в зн. ребенок, мальчик, юноша; эта параллель в будущем будет сохранена у М. Фасмера) и Поттебни (первая часть слова – искажение слова «целый»).

На самого Желтова повлияло предположение А. Беценбергера («чьло» > литов. *kiltis* «происхождение»), автор считает «челядь» и «колено» однокоренными «человеку». В 1884 году Желтов даже опубликует статью «Общеславянский корень кл-, кол-, чл-, чел-» [Желтов, 1884], где будет доказывать, что эти корни являются вариациями одного общеславянского корня со значением «колоть, ломать». Согласно Желтову, этимология «человека» – ломающе говорящий, членого-

ворящий. Этот вывод стал возможен благодаря его отождествлению первой части слова с греч. *χλ-ά-ω* (ломать). Автор стремился поделиться своими корректировками с Шлейхером: «Мы сообщали свои недоумения и сомнения самому покойному А. Шлейхеру и другим ученым, но желанного разъяснения от них не получили» [Желтов, 1882, с. 17]. Позже Желтов опубликует «Этимологические афоризмы» [Желтов, 1875–1877], где проведет множество параллелей между русскими и немецкими словами, иногда польскими и греческими «на основании доказанных языковедами фактов и собственных соображений».

Яркой фигурой в этимологических вопросах на страницах «Записок» стал Н. Н. Бодров, известный «Опытом сближения славяно-русских глаголов с греко-латинскими» (1879) и «Опытом словаря русского языка сравнительно с языком индоевропейским» (1880). Для читателей журнала Бодров запомнился идеей о доисторическом единстве семитских и арийских языков. Часто в его публикациях прослеживается увлечение работами немецкого филолога Р. Раумера о родстве семитской и индоевропейской семей. Наиболее последовательно свои теоретические взгляды Бодров изложил в серии статей «Доисторическое единство симовских и арийских языков и народов» [Бодров, 1883–1884]. Дискуссия о происхождении «человека» с участием Бодрова получила новое направление [Бодров, 1883]. Автор доказывал этимологию «резвое, юное существо» от др. греч. *τέλειος*. Для доказательства понадобились следующие допущения: 1) отождествление /ч/, /т/ и /ц/ без обращения к уже существующим таблицам фонетических соответствий, 2) постулирование родства хлд. *tel-na* (мальчик, юноша), сир. *tel-nta* (девица), греч. *τέλ-ειος* (по Бодрову, возросший), евр. *tela* и санскр. *tag-na* (теленок). Ближе всего по форме к слову «человек» оказалось греч. *τέλ-ει-ος*: часть -ове- созвучна с греч. -ετ-, а -к автор выводит из греч. -ος по аналогии с парами типа греч. *χυλλ-ός* и рус. «кул-ак».

Поиск морфологических соответствий можно считать главным методом Бодрова для установления родства слов и языков в целом. В [Бодров, 1881] показывалось происхождение славяно-русских суффиксов *ас, ес, ис, ос, ус, – ац, ещ, иц(а), – аш, иш (ыш), ош, уш, – ащ, ищ (ище, ища), – ач, ич, уч (юч), – аст, ест, ист, ост, уст, – от(ь), ут и ин(а), ня* путем сравнения суффиксов существительных в санскрите, латыни, греческом, литовском и русском языках. Бодров не

согласен с Боппом в вопросе происхождения суффиксов *as, es, is, os, us* от санскр. местоимения *sa* (этот, м.р.), и выводит их от еврейских местоимений.

В «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского в статье «Человек» гипотезы Желтова и Бодрова удостоятся упоминания, единственного в этимологических словарях, но далеко не одобрительного. Преображенский приводит гипотезы Миклошича, Погодина, Павского, Эндзелена, Циммера, Потевни, Брандта, Добровского, Фортунатова, Бернекера, Ягича, а относительно идей Бодрова и Желтова пишет: «Попытки нелингвистов едва ли заслуживают внимания» [Преображенский, 1914, 61].

В 80-е годы параллельно с морфемным анализом этимологи «Записок» занимаются философским анализом значений. С 1885 по 1889 год выходит серия публикаций чешского и российского филолога В. И. Шерцля [Шерцль, 1885–1889], где особое внимание уделяется метафоре как основе семантики. Автор приводит семантические ряды в разных языках, отобранных безотносительно их родства. Значения и мотивировка слова не различаются, глубина реконструкций не ясна, но сопоставление значений позволило поставить вопрос о метафоричности и пространственно-временной мотивировке многих понятий. В рамках семантической аргументации по поводу «человека» выступил И. А. Микш, преподаватель древних языков в Новочеркасской гимназии и друг А. Ф. Лосева. Автор убежден, что значение слова «человек» должно быть связано с мышлением, так как во многих европейских языках слова со значением «человек» восходят к санскр. *map* (думать), а также в некоторых языках прослеживается развитие этого слова из санскр. корня *ap* (дышать) [Микш, 1888]. Славянский «человек», по Микшу, происходит от санскр. корней *kaḡ* и *vâk*, его этимология – «говорить, произносить слова». «Звук *m* в арийских языках постепенно переходит в *n* <...> Немалое количество подобных примеров нас укрепляет в том мнении, что *n:m = l:g*, т. е. как *l* произошло из первобытного *g*, так и *n* из более древнего *m*» [Микш, 1888, с. 2]. «Наше /ч/ несомненно происходит из /к/, как и /л/ из /г/, и мы несмотря на все остроумные догадки новограмматиков, держимся того мнения, что в правяке человечества из гласных преобладал звук /а/ как самый легкий и удобный для выговора» [Микш 1888, с. 4]. Так автор оправдывает тождество «чел» и *kaḡ*, «век» и *vâk* (форма-образ получилась «каравака»,

не зафиксированное слово, предшествовавшее слав. «человеку»). «Каравака» был нужен Микшу, чтобы наделить славянского человека значением, связанным с речью. «Ближайшая гипотеза должна в неизвестном слове предположить название человека от речи» [Микш, 1888, с. 3], так как речь отличает умное существо от животного, «славяне, называя своих соседей, которых они не понимали, немцами, весьма легко могли себя назвать народом говорящим, то есть славянами» [Микш, 1888, с. 5]. Позднее Н. К. Рамзевич, не отходя далеко от звукоподражательного метода Микша, предложил собственный вариант этимологии – он полагал, что в словах «чело», «голова», «человек» один корень [Рамзевич, 1899].

Тем временем, редакция уже объявила о создании словопроизводственного словаря. Первые материалы для словаря опубликовал И. С. Соломоновский [Соломоновский, 1888], где предложил этимологический разбор слов «братъ» и «пяты». По идее Соломоновского, необходимо составить словопроизводственные гнезда для каждого слова в языке. Вокруг слова «братъ» выделено три гнезда: 1) братъ, беру, бирать > (от которых) брат, брак, брань, брань, броня, забрало, бремя, бор, бревно, бирюк, бирка, бирюлька, берег; 2) бороть > борец, борьба, поборник; 3) барить > барин, барыш. Основной принцип установления родства всех этих слов – авторская смыслоизменяющая цепочка с учетом созвучия корней. К примеру, слова «бор» и «братъ» родственные, так как «бор» обозначает «место, забранное лесом»: «Из логики известно, что объем и содержание понятия находятся в обратном отношении друг к другу <...> к объему слова “бор” относятся все производные (собор, набор, перебор, выбор, оборка, борец и т. д.) <...> слово “бор”, лишившись своего содержания по причине обширности своего объема, исчезло, а может быть, никогда и не существовало, в языке с отвлеченным значением и сохранилось в языке только в виде наименования конкретного предмета – леса» [Соломоновский, 1888, с. 4–5]. Созвучие – серьезнейший аргумент в пользу родства корней. Вторая часть статьи посвящена гнезду слова «пяты», в котором «/я/ – носовое, следовательно *пя = пн, пин, пон, пен;* носовое /я/ может чередоваться со всеми гласными <...> поэтому возможны следующие изменения корня: *пя = пу, па, по, пе, пь, пы, пи*» [Соломоновский, 1888, с. 12]. На этом основании корень слова «пяты» оказался «самым плодотворным» (по мне-

нию автора, от этого корня происходят даже «пух», «пустота», «пыль» и др.).

В период работы «Записок» над словопроизводственным словарем, Второе отделение Императорской Академии наук под редакцией Я. К. Грота выпускало свой словарь русского языка. Проект Академии был направлен на установление верного правописания русских слов с опорой на их историческое значение. Конечно, этимологическая часть словаря обладала большим авторитетом, чем проект «Записок», но свою критику словарь Академии нашел именно в воронежском журнале. В 1893 году (и до 1898 года) в «Записок» выходят «Замечания на словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук» Д. А. Никольского [Никольский, 1893–1898], где можно обнаружить несколько этимологических дискуссий, в том числе о происхождении слов «девяносто» и «вурдалак». Среди аргументов – обращение к словообразовательной парадигме русского языка, примеры редких форм из древних рукописей, аналогии звуковых изменений в языках, родственных русскому. Так отношение к этимологическим вопросам на страницах журнала становилось осторожнее. В статье А. Зифельдта «О происхождении слова „город”» [Зифельдт, 1913] уже важна глубина этимологии, обращение к историческим данным для установления порядка заимствования. Интерес к этимологии не прекращался на протяжении всего времени выпуска журнала: предлагалось все больше слов для словаря, обсуждались этимологии славянских суффиксов и вопросы преподавания этимологии в школах и гимназиях.

Заключение

Рассмотренные в «Филологических записках» этимологии показали поверхностное знакомство авторов с работами классиков сравнительного языкознания. Мы заметили стремление лингвистов в 70–80-е годы XIX века противопоставить отечественную мысль западной. К 90-м годам научный уровень части публикаций был повышен, но поиск наиболее выгодных славянских этимологий продолжался. В дальнейшем приведенные версии не были учтены при составлении этимологических словарей. Исключение составили только версии Н. Н. Бодрова и И. М. Желтова о происхождении слова «человек», которые были упомянуты в словаре А. Г. Преображенского как нелингвистические.

Среди причин несостоятельности этимологий «Филологических записок» можно выделить отрицание некоторыми авторами праиндоевропейской теории, отождествление праязыка с санскритом, желание отказаться от санскритских корней при определении славянских этимологий, уверенность в родстве семитской группы языков с индоевропейской (у Н. Н. Бодрова), неприятие младограмматических законов, аргументация на основе созвучий и морфологических аналогий, распространение тождества /г/ и /л/ на все языки, игнорирование вопросов о глубине родства, стремление обнаружить духовную составляющую в древнем значении.

Библиографический список

1. Бодров Н. Н. Доисторическое единство символьных и арийских языков и народов // ФЗ. 1883. № 5/6. С. 1–16; 1884. № 1. С. 17–32; № 4/5. С. 47–69; № 6. С. 71–88.
2. Бодров Н. Н. О суффиксах славяно-русских имен // ФЗ. 1881. № 4/5. С. 1–11.
3. Бодров Н. Н. Слово «человек» в производствах // ФЗ. 1883. № 1. С. 1–8.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А. О так называемой «эвфонической вставке» согласного н в славянских языках // ФЗ. 1877. № 1. С. 1–37.
5. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
6. Желтов И. М. По поводу этимологии слова «человек» // ФЗ. 1882. № 1. С. 15–17.
7. Желтов И. М. Общеславянский корень кл-, кол-, чл-, чел- // ФЗ. 1884. № 4/5. С. 21–24.
8. Желтов И. М. Этимологические афоризмы // ФЗ. 1875. № 3. С. 1–10; 1876. № 1. С. 9–26; № 4. С. 27–54; № 6. С. 55–76; 1877. № 4. С. 65–81.
9. Зифельдт А. О происхождении слова «город» // ФЗ. 1913. № 5. С. 655–663.
10. Кареев Н. И. О «новом взгляде» г. Шапиро // ФЗ. 1874. № 6. С. 1–23.
11. Кукуранов Н. С. Курс этимологии русского языка. Сост. П. И. Богданов // ФЗ. 1881. № 4/5. С. 1–12.
12. Лютославский В. Ф. О значении и задачах истории философии // Вопросы философии и психологии. 1890. № 3.
13. Макушев В. В. О происхождении слова «Дажьбог» // ФЗ. 1878. № 3. С. 70–72.
14. Микуцкий С. П. Филологические наблюдения, заметки и выводы по сравнительному языкознанию: Первоначальные корни // ФЗ. 1870. № 1. С. 75–88; № 2. С. 89–104; № 6. С. 105–110.
15. Микуцкий С. П. Материалы для корневого и объяснительного словаря русского языка и всех славянских наречий // Варшавские университетские известия. 1880.
16. Микш И. А. К вопросу о происхождении слова «человек», родственных его названий и слов, отно-

сящихся к природе человека: (Опыт этимологический) // ФЗ. 1888. № 3/4. С. 1–10.

17. Никольский Д. А. Замечания на словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук // ФЗ. 1893. № 5/6. С. 1–74; 1895. №1. С. 1–17; 1898. № 3/4. С. 1–14.

18. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. Москва, 1914.

19. Радишаускайте Н. В. Журнал «Филологические записки» (1860–1917) / Аннотированный указатель статей (на материалах отдела ценных и редких изданий ДВГНБ). Хабаровск, 2016.

20. Рамзевич Н. К. Правильное производство слова «человек» // ФЗ. 1899. № 1/2. С. 1–16.

21. Соломоновский И. С. Материал для словопроизводственного словаря // ФЗ. 1888. № 3/4. С. 1–24.

22. Четыркин И. Д. Этимология слова «человек» // ФЗ. 1881. № 3. С. 33–34.

23. Шапир М. М. Заметки о происхождении некоторых слов в языке // ФЗ. 1871. № 6. С. 1–8.

24. Шапиро М. М. Новый взгляд на современную систему сравнительного языкознания: Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, von Johannes Schmidt. Weimar 1872. (О родственных отношениях индогерманских языков) // ФЗ. 1874. № 3/4. С. 1–37.

25. Шерцль В. И. Основные элементы языка и начала его развития // ФЗ. 1885. №. 4/5. С. 1–48; № 6. С. 49–82; 1886. № 1. С. 83–121; № 2. С. 123–140; № 3. С. 139–168; № 4. С. 169–183; № 5. С. 197–203; 1888 № 1. С. 247–263; № 3/4. С. 263–280; 1889. С. 281–307.

26. Ягич И. В. История славянской филологии. Санкт-Петербург, 1910.

27. Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1908.

28. Miklosich F. R. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. W. Braumüller, 1886.

29. Miklosich F. R. Radices Linguae Slovenicae: Veteris dialecti. Leipzig, 1845.

Reference list

1. Bodrov N. N. Doistoricheskoe edinstvo simovskih i arijskih jazykov i narodov = Prehistoric unity of Simlish and Aryan languages and peoples // FZ. 1883. № 5/6. С. 1–16; 1884. № 1. С. 17–32; № 4/5. С. 47–69; № 6. С. 71–88.

2. Bodrov N. N. O suffiksah slavjano-russkih imen = About suffixes of Slavic-Russian names // FZ. 1881. № 4/5. С. 1–11.

3. Bodrov N. N. Slovo «chelovek» v proizvodstvah = The word «man» in derivations // FZ. 1883. № 1. С. 1–8.

4. Bodujen de Kurtenje I. A. O tak nazyvaemoj «jevfonicheskoj vstavke» soglasnogo n v slavjanskih jazykah = On the so-called «euphonic insertion» of the consonant n in Slavic languages // FZ. 1877. № 1. С. 1–37.

5. Gorjaev N. V. Sravnitel'nyj jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Comparative Etymological Dictionary of the Russian Language. Tiflis, 1896.

6. Zheltov I. M. Po povodu jetimologii slova «chelovek» = On etymology of the word “man” // FZ. 1882. № 1. С. 15–17.

7. Zheltov I. M. Obshheslavjanskij koren' kl-, kol-, chl-, chel- = Common Slavic root kl-, kol-, chl-, chel- // FZ. 1884. № 4/5. С. 21–24.

8. Zheltov I. M. Jetimologicheskie aforizmy = Etymological aphorisms // FZ. 1875. № 3. С. 1–10; 1876. № 1. С. 9–26; № 4. С. 27–54; № 6. С. 55–76; 1877. № 4. С. 65–81.

9. Zifel'dt A. O proishozhdenii slova «gorod» = On the origin of the word “city” // FZ. 1913. № 5. С. 655–663.

10. Kareev N. I. O «novom vzgljade» g. Shapiro = On Mr. Shapiro's «new look» // FZ. 1874. № 6. С. 1–23.

11. Kukuranov N. S. Kurs jetimologii russkogo jazyka = The course of Russian etymology / sost. P. I. Bogdanov // FZ. 1881. № 4/5. С. 1–12.

12. Ljutoslavskij V. F. O znachenii i zadachah istorii filosofii = On the importance and tasks of the history of philosophy // Voprosy filosofii i psihologii. 1890. № 3.

13. Makushev V. V. O proishozhdenii slova «Dazh'bog» = On the origin of the word «Dazhbog» // FZ. 1878. № 3. С. 70–72.

14. Mikuckij S. P. Filologicheskie nabljudenija, zametki i vyvody po sravnitel'nomu jazykoznaniju: Pervonachal'nye korni = Philological observations, notes and conclusions on comparative linguistics: Primary roots // FZ. 1870. № 1. С. 75–88; № 2. С. 89–104; № 6. С. 105–110.

15. Mikuckij S. P. Materialy dlja kornevogo i ob#jasnitel'nogo slovarja russkogo jazyka i vseh slavjanskih narechij = Philological observations, notes and conclusions on comparative linguistics: Primary roots // Varshavskie universitetskie izvestija. 1880.

16. Miksh I. A. K voprosu o proishozhdenii slova «chelovek», rodstvennyh ego nazvanij i slov, odnosjashihhsja k prirode cheloveka: (Opyt jetimologicheskij) = On the origin of the word «man», its related names and words referring to the nature of man: (Etymological experience) // FZ. 1888. № 3/4. С. 1–10.

17. Nikol'skij D. A. Zamechanija na slovar' russkogo jazyka, sostavlennyj Vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii nauk = Remarks on the Dictionary of the Russian Language, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences // FZ. 1893. № 5/6. С. 1–74; 1895. №1. С. 1–17; 1898. № 3/4. С. 1–14.

18. Preobrazhenskij A. G. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological Dictionary of the Russian Language. Т. 1–2. Москва, 1914.

19. Radishauskajte N. V. Zhurnal «Filologicheskie zapiski» (1860–1917) = The journal «Philological Notes» (1860–1917) / Annotirovannyj ukazatel' statej (na materialah otdela cennyh i redkih izdanij DVGNB). Habarovsk, 2016.

20. Ramzевич N. K. Pravil'noe proizvodstvo slova «chelovek» = The correct formation of the word “man” // FZ. 1899. № 1/2. С. 1–16.

21. Solomonovskij I. S. Material dlja slovoproizvodstvennogo slovarja = The material for a word formation dictionary // FZ. 1888. № 3/4. С. 1–24.

22. Chetyrkin I. D. *Jetimologija slova «chelovek» = Etymology of the word “man”* // FZ. 1881. № 3. S. 33–34.
23. Shapir M. M. *Zametki o proishozhdenii nekotoryh slov v jazyke = Notes on the origin of some words in the language* // FZ. 1871. № 6. S. 1–8.
24. Shapiro M. M. *Novyj vzgljad na sovremennuju sistemu sravnitel'nogo jazykoznanija: Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, von Iohannes Schmidt. Weimar 1872. (O rodstvennyh otnoshenijah indogermanskih jazykov) = A new look at the modern system of comparative linguistics: Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, von Iohannes Schmidt. Weimar 1872. (On the kinship of the Indo-Germanic languages)* // FZ. 1874. № 3/4. S. 1–37.
25. Shercl' V. I. *Osnovnye jelementy jazyka i nachala ego razvitija = Basic elements of language and the beginning of its development* // FZ. 1885. № 4/5. S. 1–48; № 6. S. 49–82; 1886. № 1. S. 83–121; № 2. S. 123–140; № 3. S. 139–168; № 4. S. 169–183; № 5. S. 197–203; 1888 № 1. S. 247–263; № 3/4. S. 263–280; 1889. S. 281–307.
26. Jagich I. V. *Istorija slavjanskoj filologii = The history of Slavic philology*. Sankt-Peterburg, 1910.
27. Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1908.
28. Miklosich F. R. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. W. Braumüller, 1886.
29. Miklosich F. R. *Radices Linguae Slovenicae: Veteris dialecti*. Leipzig, 1845.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 15.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_154

EDN: TRMWOJ

Популярная пресса Великобритании в дискурсе экспрессивности

Юлия Владимировна Горохова^{1✉}, Анастасия Витальевна Михалчева²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. Тула, пр. Ленина, д. 125, кор. 4

²Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. Тула, пр. Ленина, д. 125, кор. 4

¹mirada91@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-0564-3086>

²anastasia-mikhalcheva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5411-5012>

Аннотация. В данной статье рассматривается репрезентация категории экспрессивности в дискурсе популярной прессы Великобритании. Дискурс популярной прессы Великобритании представляется как коммуникативно-ментальное пространство отражения авторского мнения на то или иное событие. Наличие ярко выраженной авторской позиции объясняется субъективным характером дискурса популярной прессы Великобритании. При этом отмечается превалирование эксплицитной информации над имплицитной. Выделяются лингвистические и экстралингвистические особенности дискурса прессы Великобритании, позволяющие изучить общие черты, характерные для дискурса прессы. Дальнейший анализ сосредоточился на выявлении особенностей дискурса популярной прессы Великобритании с учетом ранее изученных аспектов. В ходе анализа категории экспрессивности в вышеупомянутом дискурсе автор подчеркивает несколько важных моментов. Во-первых, дискурс популярной прессы Великобритании реализуется как некий форум по обмену мнениями сквозь призму экспрессивной репрезентации. Более того, экспрессивность подачи информации влияет на легкость ее восприятия и запоминания, поскольку все построено на игре образов и ассоциаций. Во-вторых, информационный компонент дискурса популярной прессы Великобритании уступает образному компоненту за счет вербализации экспрессивных средств в языке. В-третьих, доказываемая, что категория экспрессивности существует на лексическом, грамматическом и стилистических уровнях. В свою очередь экспрессивные средства не обнаружены на фонетическом уровне. Полученные результаты проведенного исследования позволяют сформулировать основной вывод, что средства экспрессивности дискурса популярной прессы Великобритании направлены на визуализацию образов, а не их слуховое восприятие.

Ключевые слова: дискурс прессы Великобритании; дискурс популярной прессы Великобритании; экспрессивность; эмоциональность; стилистические средства экспрессивности; лексические средства экспрессивности; грамматические средства экспрессивности

Для цитирования: Горохова Ю. В., Михалчева А. В. Популярная пресса Великобритании в дискурсе экспрессивности // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 154–162. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_154. <https://elibrary.ru/TRMWOJ>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

British popular press in the discourse of expressiveness

Yulia V. Gorokhova^{1✉}, Anastasiya V. Mikhalcheva²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of english philology, Tula state Lev Tolstoy pedagogical university. Tula, Lenin pr., 125, bld. 4

²Candidate of philological sciences, senior lecturer at the department of english philology, Tula state Lev Tolstoy pedagogical university. Tula, Lenin pr., 125, bld. 4

¹mirada91@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-0564-3086>

²anastasia-mikhalcheva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5411-5012>

Abstract. This article studies representation of the expressiveness category in the British popular press discourse. The discourse of the British popular press is presented as a communicative and mental space of reflecting the author's opinion of a particular event. The distinct authorial position is explained by the subjective nature of the discourse in the British popular press. At the same time, explicit information clearly prevails over implicit one. Linguistic and extralinguistic features of the British press discourse are highlighted, which allows studying the common features characteristic of the press discourse. While analyzing the category of expressiveness in the discourse mentioned above, the author emphasizes several important points. Firstly, the discourse is realized as a kind of forum for exchanging opinions through the prism of expressive representation. Moreover, the expressiveness of presenting information affects how easily it is perceived and memorized, because everything is based on the play of images and associations. Secondly, the informational component of the British popular press discourse is inferior to the figurative component due to verbalization of expressive means in the language. Thirdly, the authors prove that the category of expressiveness can be found at lexical, grammatical and stylistic levels. In contrast, expressive means cannot be found at the phonetic level. The results of the research lead to the main conclusion that the means of expressiveness of the British popular press discourse are aimed at the visualization of images rather than their auditory perception.

Key words: British press discourse; British popular press discourse; expressiveness; emotionality; stylistic means of expressiveness; lexical means of expressiveness; grammatical means of expressiveness

For citation: Gorokhova Y. V., Mikhacheva A. V. British popular press in the discourse of expressiveness. *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(3):154–162. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_154. <https://elibrary.ru/TRMWOJ>

Введение

В настоящее время изучение дискурсов является одним из наиболее приоритетных направлений для исследования, поскольку прежде всего данный феномен реализует взаимодействие языковой деятельности и речевой с учетом социальных, психологических и других экстралингвистических особенностей языковой личности. Современный мир переполнен информационным потоком, который находит свое отражение в дискурсе прессы, что позволяет сформировать информационную картину мира. Чаще всего дискурс популярной прессы Великобритании рассматривается совместно с дискурсом качественной прессы Великобритании. Тем не менее, такой подход не является детализированным. При исследовании двух дискурсов прессы Великобритании основной акцент приходится на их сопоставительных характеристиках, что влечет за собой порой некоторые неточности, поскольку каждый из дискурсов прессы Великобритании представляет собой сложный многогранный коммуникативный процесс.

В нашей работе мы обращаемся к достаточно противоречивому дискурсу популярной прессы Великобритании. Интерес к этому дискурсу продиктован несколькими факторами. Во-первых, недостаточная степень изученности в этой области; а во-вторых, несмотря на стереотип, что популярная пресса Великобритании в большинстве случаев представляет собой желтую прессу, такое видение является относительно ошибочным,

поскольку в современном мире грани дискурсов качественной и популярной прессы Великобритании относительно размыты и не так четко фиксированы. Вышесказанное обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Целью нашей работы является анализ репрезентации экспрессивности в дискурсе популярной прессы Великобритании.

Для реализации поставленной цели выполняются следующие задачи:

- проанализировать особенности дискурса популярной прессы Великобритании;
- рассмотреть понятие «экспрессивность» и сопоставить с понятием «эмоциональность»;
- выявить способы достижения экспрессивности дискурса популярной прессы Великобритании.

Научная новизна работы предопределяется нехваткой теоретических трудов и практических результатов в вышеуказанной области. Проведенный анализ позволяет выявить преобладающий компонент категории экспрессивности в дискурсе популярной прессы Великобритании, а также обозначить его недостающее звено.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели и задач использовались следующие методы исследования: лингвостилистический анализ, контекстологический анализ, метод когнитивной интерпретации, лексический анализ, дискурсивный анализ. Данные методы исследования находятся на стыке лингвостилистических, лингвокогнитив-

ных и дискурсивных методик, что позволяет комплексно и интегративно изучить вербализацию экспрессивности в дискурсе популярной прессы Великобритании.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных лингвистов (В. И. Карасика, Т. М. Грушевской, Т. Б. Самарской, С. В. Бекетовой, Е. М. Галкиной-Федорук) и зарубежных (Dixon R., Nordquist R., Schiffrin D., Brown G., Yule G., Fairclough N.). Работы вышеуказанных ученых посвящены изучению понятия «дискурс», его специфики, исследованию характерных черт газетного дискурса и его экспрессивных средств. Также в их трудах можно обнаружить четкое разграничение между двумя явлениями «экспрессивность» и «эмоциональность».

Материалом нашего исследования послужили статьи из британского таблоида Daily Mail. Выбор вышеназванного источника обусловлен несколькими факторами. Согласно статистическим данным 2022 года это издание занимает лидирующую позицию среди самых популярных интернет-источников в Великобритании, обогнав The Sun, ранее считавшимся лидером среди британской желтой прессы. Не менее важную роль сыграл и материал, представленный в данной прессе, поскольку он обладает разнообразным спектром тематических рубрик, охватывающих разные сферы интересов.

Исследование и результаты

Прежде чем говорить о дискурсе популярной прессы Великобритании, следует обозначить наше видение дискурса в целом. Так, наиболее многоплановое определение дискурса принадлежит В. И. Карасику. Лингвист полагает, что дискурс следует рассматривать с нескольких позиций. С точки зрения коммуникативного аспекта дискурс следует понимать как вербальное общение; со структурно-семантической позиции дискурс трактуется как фрагмент текста выше уровня предложения; со структурно-стилистической позиции дискурс понимается как нетекстовая организация разговорной речи [Карасик, 2002].

Данное видение феномена позволяет не только четко разделять уровни исследования дискурса, но и говорить о двух его важных характеристиках – определенной языковой и культурной обусловленности [Грушевская, Самарская, 2011].

Таким образом, дискурс представляет собой посредника между языком и речью, реализующего динамический процесс языковой деятельности и мышления в рамках социального контекста

[Fairclough, Wodak, 1997].

Исходя из вышесказанного, выделим основные аспекты дискурса:

- Характер дискурса можно описать несколькими словами: коммуникативный, социальный, динамичный, культурологический.
- На предметную сферу дискурса влияет способ говорения, поскольку именно он и воссоздает «атмосферу и обусловленность» вышеупомянутого явления.
- Дискурс напрямую зависит от экстралингвистических факторов, в частности, от социального.
- Каждый тип дискурса отличается определенным набором языковых средств и социальной установкой.
- Коммуникативные привычки личности и общества также играют важную роль для понимания дискурса, поскольку в них отражается его массовый характер и непосредственная взаимосвязь с человеком, то есть проявляется антропоцентрическая природа исследуемого феномена.

Таким образом, дискурс невозможно отнести к какой-то отдельной области - ни к языковой, ни к речевой. Его следует рассматривать как постоянно развивающийся синтезированный механизм взаимодействия мыслительной, языковой и речевой деятельности личности [Schegloff, 1997].

Известно, что существует большое количество видов дискурса, поскольку каждый из них отражает определенные характеристики и особенности того или иного социума. Говоря о дискурсе прессы, то данный вид является наиболее неоднозначным из-за его характеристик. Невозможно отрицать, что дискурс прессы носит массовый характер. Его отличительными чертами являются регулярность, возможность распространяться на разные территории, доступность, информативность, актуальность, широкий спектр тематик [Бекетова, 2010].

Однако наиболее интересным фактором изучения дискурса прессы является осознание, что данный феномен представляет собой не только вербальный, но и невербальный акт коммуникации между людьми с разными социальными ролями, то есть в дискурсе прессы социальная предопределенность носит размытый характер [Eisenhart, Johnstone, 2008].

Более того, в отличие от других видов дискурса прессы обладает выраженным оценочным аспектом. Оценка является результатом взаимодействия двух факторов – социального и идеоло-

гического. Лингвистическая же специфика представлена относительно ярко в дискурсе прессы Великобритании посредством когерентности, стилистическими и языковыми средствами, определенной структурой и организацией текста [Чернявская, 2001; Davies, 1987].

При анализе дискурса прессы необходимо учитывать, что текст представляет собой совокупность экстралингвистических факторов и результат их взаимодействия. Таким образом, дискурс прессы можно интерпретировать как совокупность связанных, обусловленных и зависимых между собой языковых элементов с целью реализации информационной картины мира [Nordquist, 2020; Schiffrin, 1994; Brown, Yule, 1988].

К лингвистическим особенностям дискурса прессы Великобритании можно отнести:

- Превалирование эмоционально-оценочной лексики;
- Преобладание лексико-грамматического поля множественности;
- Наличие дат;
- Использование терминологии;
- Привлечение заимствованных слов;
- Применение сокращенных слов;
- Вариативность синтаксической структуры;
- Распространенность имен собственных.

Вышеперечисленные лингвистические особенности носят общий характер для дискурса прессы Великобритании. В дальнейшем при рассмотрении дискурса качественной и популярной прессы Великобритании обнаруживаются другие их отличительные черты. Безусловно, их главные отличия состоят в целеполагании и ориентированности на разные аудитории. Значит, их идеологическая, информационная, культурологическая и экспрессивная составляющие также отличаются. Вышеуказанные отличительные компоненты реализуются по-разному.

В качестве экстралингвистических особенностей выделим следующие признаки:

- Специфика текста носит национальный характер;
- Современная направленность;
- Социальная обусловленность;
- Культурологическая предопределенность [Chouliaraki, Fairclough, 1999].

Вышеуказанные характеристики присущи как дискурсу качественной прессы Великобритании, так и дискурсу популярной прессы Великобритании, поскольку они отражают внутреннее устройство страны, ее целостность, быт вне за-

висимости от языковых и различных вербализованных средств в нем, поскольку эти черты уже изначально заложены в дискурс прессы Великобритании, в целом.

Обращаясь непосредственно к дискурсу популярной прессы Великобритании на основании его анализа, можно выделить следующие характерные черты:

- Использование разговорного стиля (slap up, Oh, perhaps it's right);
- Присутствие идиом (be on the horns of a dilemma, no-show, to have an eye on);
- Наличие повелительных предложений (Don't call girls «princess», tell them);
- Преобладание эмоционально-оценочной лексики (insanely terrible, iconic);
- Большое количество выразительных средств (Buckingham Palace is making plans for Harry and Meghan – синекдоха, like rotten tomatoes – сравнение, terrible, dreadful – эпитеты);
- Использование if -construction (if you learn..., if you did...);
- Превалирование простых предложений (there is a battle, he continued);
- Использование Complex Subject (Tottenham are reportedly interested in, the couple are likely to spend);
- Тенденция к упрощению;
- Употребление прямой речи (He said: There is a battle);
- Направленность на личностные и общественные переживания (it's important for all of us);
- Выраженность авторского мнения (obviously, it's an enormous result) [Daily mail].

Данные характеристики явно демонстрируют, что дискурс популярной прессы Великобритании представляет собой некую форму социального взаимодействия, достигнутое посредством лингвистических средств и экстралингвистических факторов, влияющих на формирование информационной картины мира.

Особую роль в дискурсе популярной прессы Великобритании играет экспрессивность, поскольку она является неким инструментом по реализации связи между автором сообщения и реципиентом [Chouliaraki, Fairclough, 1999]. При этом следует разграничивать понятия «экспрессивность» и «эмоциональность». Эмоциональное значение соотносится с чувственной реакцией, в то время как экспрессивное взаимодействует с

вещественным смыслом [Галкина-Федорук, 1958]. Отечественный лингвист Е. М. Галкина-Федорук характеризует следующим образом эти два явления: «Эмоции всегда экспрессивны, а экспрессия не всегда эмоциональна» [Галкина-Федорук, 1958, с. 107]. Таким образом, данная трактовка позволяет говорить о том, что эмоции являются неотъемлемыми составляющими языкового сознания, выражающиеся посредством языка; в то время как экспрессивность связана со способностью передавать субъективное отношение посредством определенного выбора языковых единиц.

Эмоциональность передается междометиями, интонацией, некоторыми синтаксическими структурами, например, инверсия, повтор, эллипсис. Примером эмоциональности служит фамильярно-разговорный подстиль, где применяются переспросы, повторы, гипербола, усеченные слова.

Экспрессивность же в свою очередь существует на всех уровнях языка. Таким образом, экспрессивность представляет собой синтез семантико-стилистических признаков языка. Экспрессивность позволяет придавать определенную окраску словам с учетом коммуникативно-функционального аспекта значения. Следовательно, экспрессивность позволяет обнаружить у слова дополнительный компонент значения [Dixon, 1982].

Существуют разные пути достижения экспрессивности. Рассмотрим каждый выявленный способ экспрессивности в дискурсе популярной прессы Великобритании согласно уровням.

1. Лексический уровень.

На данном уровне встречается большое количество идиом, используются слова с многозначным значением (полисемия), применяются термины [Daily Mail (Электронные ресурсы)].

Примеры идиом: tit for tat (зуб за зуб), set in stone (не подвержено изменениям), solemn remembrance (священная память), day to day (ежедневно), keep an eye on (присматривать, не спускать глаз), keep at bay (держаться на безопасном расстоянии), be well under way (заходить далеко), make an appearance (появиться на публике), across the pond (по ту сторону Атлантики, за Атлантическим океаном), tell-all book (откровенная книга), stage fright (боязнь сцены), lightweight (человек, который не умеет пить), weed out (убрать ненужное).

Большое количество выявленных идиом были реализованы в рубрике «Royals» (Королевская

семья). Наиболее значимыми фигурами для дискурса популярной прессы Великобритании стали Меган Маркл, Принц Гарри и король Карл. Почти каждая вторая статья представляла информацию о данных персонах. Так, при описании действий короля Карла использовались такие идиомы как solemn remembrance, make an appearance, day to day. Данные идиомы носят нейтральный характер за исключением «solemn remembrance». Последняя обладает положительной коннотацией. Более того исходя из контекста вышеупомянутая идиома делает отсылку к важному событию истории, а именно Второй Мировой войне. Таким образом, становится понятно, что Великобритания чтит победу над фашистами. В статьях посвященных Меган и принцу Гарри идиомы обладают немного саркастичным тоном (lightweight, tell-all book, keep an eye on), что отражает отношение не только семьи, но и страны, в целом, к этой паре. Более того идиома tit for tat обладает крайне негативной окраской. Она напрямую указывает на враждебные взаимоотношения между членами семьи.

Таким образом, на основе использованных идиом, воссоздается нелицеприятный образ королевской семьи. Журналисты открыто высказывают свою точку зрения по отношению к королевской чите, не опасаясь реакции на саркастичный тон и где-то даже порицания.

Примеры полисемии: dish (блюдо / тарелка), free (свободный / бесплатный), charge (заряжать / обвинять), fine (штраф / отличный), feature (отличаться / включать), bank (банк / берег), fancy (нравиться / воображать), startle (испугать / ошеломить), country (страна / избиратели), date (дата / свидание).

Использование слов полисемантического происхождения с одной стороны позволяет выстроить определенный ряд ассоциаций с ярким противоречивым образом, с другой стороны усиливает концентрацию аудитории для полного погружения в контекст.

Примеры терминов (политического характера): election (выборы), coalition (коалиция), prime minister (премьер-министр), Labor party (Лейбористская партия), Liberal party (Либеральная партия), opposition (оппозиция), promote (продвигать), electorate (электорат), agitation (агитация).

Используемые термины отличаются простотой. Они могут реализовываться в любом контексте, а значит, носят размытый характер и абсолютно не фиксированы.

Исходя из выше представленной информации, следует подчеркнуть, что лексический уровень представлен достаточно однообразно. Наиболее широко и разнообразно представлены идиомы. Процент их частотности достаточно высокий. Следовательно, лексический уровень отвечает за образность и яркость репрезентации картины мира. Более того, отдельно выделяется и разговорный стиль, в котором реализуется достаточно низкая лексика (pee, fuck off, ass) с отсутствующей цензурой. Такая репрезентация воссоздает картинку разговора двух собеседников, заинтересованных в эмоциональной стороне разговора, а не содержательной или познавательной; а также указывает на низкий образовательный уровень аудитории и их психологическую неустойчивость.

2. Грамматический уровень.

Данный уровень представлен очень разнообразно, поскольку в нем содержатся различные конструкции [Daily Mail (Электронные ресурсы)]:

- Используются видовременные формы Present Simple, Present Continuous, Present Perfect, а также Past Simple (says, produces, has done, is looking for);

- Применяется пассивный залога (is bewildered, is shared);

- Употребляются сокращенные формы вспомогательного глагола (Harry's, he's);

- Присутствуют вопросительные предложения (could it be a real truth?);

- Используется императив (don't do it);

- Происходит опущение подлежащего для краткости (difficult to breathe);

- Применяется эллипсис (Puppy love?);

- Встречается большое количество инфинитивных конструкций для передачи будущего времени (Britain to be hit by a fresh polar blast next week);

- Используется огромное количество фразовых глаголов (take up, reach out, take on, take place).

Обращаясь к грамматической составляющей, следует отметить, что она обладает полифункциональным характером. Грамматический уровень позволяет сделать вывод не только о грамотности речи, но и о экспрессивной составляющей языка.

Учитывая выявленные языковые единицы, можно выделить несколько основных моментов. Во-первых, преобладание настоящего времени позволяет сделать акцент на важности описан-

ных событий, а также реализуется эффект драматизма, заставляющий аудиторию сопереживать. Во-вторых, наличие императива носит побудительный характер и создает впечатление разговора тет-а-тет. В-третьих, использование инфинитивных конструкций для передачи будущего времени придает эффект уверенности в подлинности информации и в дальнейших действиях; а опущение подлежащего помогает сделать текст более абстрактным, но при этом сделать ориентированным на широкую аудиторию, словно автор обращается ко всем сразу, что придает некий собирательный образ. Немаловажную роль играют вопросительные предложения и эллипсис, поскольку они реализуют непосредственную беседу с аудиторией, то есть дискурс популярной прессы Великобритании начинает приобретать черты диалога. Начинают преобладать такие черты как эмоциональный контакт, ситуативность, связность, ожидание отклика на полученную информацию. Пассивный залог помогает сфокусировать внимание на самом действии, а не на подлежащем, а значит, информация выглядит объективнее, то есть лишенной личного мнения. Следовательно, автор создает иллюзию отсутствия личного мнения.

3. Стилистический уровень.

Данный уровень демонстрирует авторский выбор в использовании различных средств для передачи мыслей, эмоций, отношения говорящего к событию; то есть непосредственно влияет на экспрессивность текста (речи), поскольку именно эти три составляющие являются частью экспрессивности.

Наиболее часто встречающимся языковым средством по передаче экспрессивности на этой ступени являются эпитеты [Daily Mail (Электронные ресурсы)].

Примеры эпитетов: gorgeous (великолепный), charming (очаровательный), perfect (идеальный), bright (яркий), modern (современный), useful (полезный), delicious (вкусный), delicate (хрупкий), colorful (красочный), ancient (древний), impressive (впечатляющий), monstrous (чудовищный), epic (героический), radiant (сияющий), solemn (торжественный), golden (золотой), sweet (сладкий, милый), malicious (злонамеренный), tumultuous (бурный), stylish (стильный), touching (трогательный), brutal (брутальный).

Рассматривая эпитеты, стоит отметить, что они отвечают за несколько аспектов: за визуальную репрезентацию объекта, за вкусовую характеристику и за черты характера. Большая часть

эпитетов обладает положительной окраской и совсем небольшой процент отрицательной. При этом негативная характеристика связана с репрезентацией черт характера, в основном.

Метафоры в дискурсе популярной прессы Великобритании не столь частое явление по сравнению с эпитетами, однако все-таки несколько ярких репрезентаций было выявлено [Daily Mail (Электронные ресурсы)].

Примеры метафор: shady gardens are an ideal escape in the summer months (тенистые сады – идеальное спасение в знойные летние дни), queen is a real history for British people (Королева – это настоящая история для британцев), any family is a rock for a man (любая семья – это опора для мужчины), German and British nations are friends to each other (британцы и немцы друзья), the warmth of British and German relationship allows a small smile at each other's expense (теплота британских и немецких отношений настолько велика, что они могут улыбаться «за счет друг друга»).

Сравнения (*simile*) и синекдоха являются наименее частотными явлениями в дискурсе популярной прессы Великобритании. Тем не менее их употребление в языке играет немаловажную роль, поскольку они выступают в качестве «хайлайтеров» для образов. Так, синекдоха позволяет утрировать определенные качества объекта, что позволяет журналисту преподнести информацию с легкой нотой иронии, а сравнение показывает различия двух объектов, что помогает автору сделать акцент на определенном качестве или характеристике [Daily Mail (Электронные ресурсы)].

Примеры simile (сравнений): queen is like a hummingbird (королева похожа на колибри), Europe is like a donor to Ukraine (Европа словно донор для Украины)

Примеры синекдохи: Buckingham palace has revealed (Букингемский дворец выявил...), Buckingham palace is making plans (Букингемский дворец планирует...), Monarchy is looking flawless (Монархия выглядит безупречно).

При анализе стилистических средств стоит отметить, что везде присутствует авторская ирония, сквозь призму которой ощущается негативное отношение к правящей стороне и неодобрение их действий.

Заключение

Исходя из анализа, следует выделить мысль, что экспрессивность является языковой составляющей, отвечающей за определенную смысловую нагрузку, связанную не только с чувственно-

эмоциональной стороной. Экспрессивность языка намного шире в своем понимании, чем эмоциональность. Во-первых, она отражает многогранность языка как репрезентата определенной культуры и нации. Во-вторых, ее можно трактовать как лингвокогнитивную модель репрезентации сознания. При этом невозможно не упомянуть, что данная категория также представляется как интегральный результат кооперации оценочности, образности, эмотивности, стилистической маркированности и интенсивности определенных признаков в дискурсе.

Подводя итог вышесказанному в свете нашего исследования, мы пришли к следующим *выводам*:

- Одной из основных особенностей популярного дискурса прессы Великобритании является превалирование образной составляющей над содержательной за счет экспрессивных средств. При этом экспрессивность направлена на вербализацию авторского мнения и воссоздания образного компонента с явно выраженным субъективным характером.

- Категория экспрессивности в дискурсе популярной прессы Великобритании представлена на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. Грамматический уровень является самым разнообразным, что обусловлено наличием наибольшего количества различных языковых единиц. Лексический и стилистический уровни репрезентированы несколькими единицами. В основном, это идиомы, термины, эпитеты, метафоры, сравнения и синекдоха.

- Репрезентация категории экспрессивности на фонетическом уровне не выявлена. Фонетические вербализации различных средств отвечают за слуховое восприятие и за слуховой образ, а их отсутствие позволяет сделать вывод, что в дискурсе популярной прессы Великобритании преобладает больше визуализация образа, чем слуховое восприятие.

Библиографический список

1. Бекетова С. В. Специфика газетного дискурса // Университетские чтения. 2010. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 97–100.
2. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. Сборник статей по языкознанию. Москва: Наука, 1958. С. 103–124.
3. Грушевская Т. М., Самарская Т. Б. Политический газетный дискурс сквозь призму языковых средств представления информации // Сфера услуг:

инновация и качество: научно-практический журнал. Выпуск 2. 2011.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 447 с.

5. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса. Санкт-Петербург, 2001. 254 с.

6. Brown G. Yule G. Discourse Analysis. Cambridge University Press, 1988. P. 302.

7. Chouliaraki L. and Fairclough, N. (1999) Discourse in late modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh : Edinburgh University Press. 168 p.

8. Davies E. On the Semantics of Syntax. Mood and Condition in English. L. : Humanities Press, 1987. 412 p.

9. Dixon R. What is Language? A New Approach to Linguistic Description. N.Y. : Longmans, 1982. 241 p.

10. Eisenhart Christopher; Johnstone, Barbara. «Discourse Analysis and Rhetorical Studies». Rhetoric in Detail: Discourse Analyses of Rhetorical Talk and Text, 2008. 330 p.

11. Fairclough N. and Wodak, R. (1997), Critical Discourse Analysis in T. Van Dijk (ed.) Discourse as Social Interaction. London Sage. P. 258–284.

12. Richard Nordquist Discourse Analysis, 2020. URL: <https://www.thoughtco.com/discourse-analysis-orida-1690462> (дата обращения 02.04.2023)

13. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford : Blackwell, 1994. 470 p.

14. Schegloff E. J. (1997), Whose text? Whose context? Discourse & Society, 8 (2). P. 165–185.

15. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11927659/Inside-Labors-historic-win-Aston-election-humiliated-Liberals-Peter-Dutton.html> (дата обращения 25.03.2023)

16. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/travel/article-11901353/Girona-100-night-budget-guide-charming-Spanish-city.html> (дата обращения 02.04.2023)

17. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11923493/Back-gardens-BLIGHTED-52ft-phone-mast-Fury-council-installs-5G-tower-cover-night.html> (дата обращения 02.04.2023)

18. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/health/article-11915411/Impsychologist-five-phrases-never-say-child.html> (дата обращения 02.04.2023)

19. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11925209/Stormy-Daniels-interviewed-Piers-Morgan-Trump-hush-money-indictment.html> (дата обращения 05.04.2023)

20. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-11927567/Macaulay-Culkin-fianc-Brenda-Song-seen-time-baby-son-Carson.html> (дата обращения 05.04.2023)

time-baby-son-Carson.html (дата обращения 05.04.2023)

21. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11872551/Sweet-moment-Kate-Middleton-tells-sisters-look-gorgeous-St-Patricks-Day-Parade.html> (дата обращения 05.04.2023)

22. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11825707/When-King-Charles-III-Coronation-time-date-place-Q-royal-Bank-Holiday-weekend.html> (дата обращения 10.04.2023)

23. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11817003/9-intimate-relationships-missed-Spare.html> (дата обращения 10.04.2023)

24. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11901983/Prince-Archies-profile-Buckingham-Palace-web-page-vanishes.html> (дата обращения 10.04.2023)

25. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11898569/Princess-Charlene-breaks-cover-denying-divorce-rumours-husband-Prince-Albert.html> (дата обращения 10.04.2023)

26. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11880721/Is-Meghan-Markles-favourite-accessory-new-bag.html> (дата обращения 10.04.2023)

27. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11919519/King-Charles-British-monarch-address-Bundestag-historic-speech-German.html> (дата обращения 10.04.2023)

28. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11850145/Prince-Harry-horns-dilemma-attend-Coronation-says-royal-expert.html> (дата обращения 10.04.2023)

Reference list

1. Beketova S. V. Specifica gazetnogo diskursa = Specifics of newspaper discourse // Universitetskie chtenija. 2010. Pjatigorsk : PGLU, 2010. S. 97–100.

2. Galkina-Fedoruk E. M. Ob jekspressivnosti i jemo-cional'nosti v jazyke. Sbornik statej po jazykoznaniju = On expressiveness and emotionality in language. Collection of articles on linguistics. Moskva : Nauka, 1958. S. 103–124.

3. Grushevskaja T. M., Samarskaja T. B. Politicheskij gazetnyj diskurs skvoz' prizmu jazykovykh sredstv predstavlenija informacii = Political newspaper discourse through the prism of linguistic means of presenting information // Sfera uslug: innovacija i kachestvo: nauchno-prakticheskij zhurnal. Vypusk 2. 2011.

4. Karasik V. I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 447 s.

5. Chernjavskaia V. E. Diskurs kak ob#ekt lingvisticheskikh issledovanij = Discourse as an object of linguistic

research // *Tekst i diskurs: Problemy jekonomicheskogo diskursa*. Sankt-Peterburg, 2001. 254 s.

6. Brown G. Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge University Press, 1988. P. 302.

7. Chouliaraki L. and Fairclough, N. (1999) *Discourse in late modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh : Edinburgh University Press. 168 p.

8. Davies E. *On the Semantics of Syntax. Mood and Condition in English*. L. : Humanities Press, 1987. 412 p.

9. Dixon R. *What is Language? A New Approach to Linguistic Description*. N.Y. : Longmans, 1982. 241 p.

10. Eisenhart Christopher; Johnstone, Barbara. «Discourse Analysis and Rhetorical Studies». *Rhetoric in Detail: Discourse Analyses of Rhetorical Talk and Text*, 2008. 330 p.

11. Fairclough N. and Wodak, R. (1997), *Critical Discourse Analysis in T. Van Dijk (ed.) Discourse as Social Interaction*. London Sage. R. 258–284.

12. Richard Nordquist *Discourse Analysis*, 2020. URL: <https://www.thoughtco.com/discourse-analysis-orda-1690462> (data obrashhenija 02.04.2023)

13. Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford : Blackwell, 1994. 470 p.

14. Schegloff E. J. (1997), *Whose text? Whose context? Discourse & Society*, 8 (2). P. 165–185.

15. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11927659/Inside-Labors-historic-win-Aston-election-humiliated-Liberals-Peter-Dutton.html> (data obrashhenija 25.03.2023)

16. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/travel/article-11901353/Girona-100-night-budget-guide-charming-Spanish-city.html> (data obrashhenija 02.04.2023)

17. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11923493/Back-gardens-BLIGHTED-52ft-phone-mast-Fury-council-installs-5G-tower-cover-night.html> (data obrashhenija 02.04.2023)

18. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/health/article-11915411/Impsychologist-five-phrases-never-say-child.html> (data obrashhenija 02.04.2023)

19. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11925209/Stormy-Daniels-interviewed-Piers-Morgan-Trump-hush-money-indictment.html> (data obrashhenija 05.04.2023)

20. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-11927567/Macaulay-Culkin-fianc-Brenda-Song-seen-time-baby-son-Carson.html> (data obrashhenija 05.04.2023)

21. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11872551/Sweet-moment-Kate-Middleton-tells-sisters-look-gorgeous-St-Patricks-Day-Parade.html> (data obrashhenija 05.04.2023)

22. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11825707/When-King-Charles-III-Coronation-time-date-place-Q-royal-Bank-Holiday-weekend.html> (data obrashhenija 10.04.2023)

23. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11817003/9-intimate-relationships-missed-Spare.html> (data obrashhenija 10.04.2023)

24. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11901983/Prince-Archies-profile-Buckingham-Palace-web-page-vanishes.html> (data obrashhenija 10.04.2023)

25. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11898569/Princess-Charlene-breaks-cover-denying-divorce-rumours-husband-Prince-Albert.html> (data obrashhenija 10.04.2023)

26. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11880721/Is-Meghan-Markles-favourite-accessory-new-bag.html> (data obrashhenija 10.04.2023)

27. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11919519/King-Charles-British-monarch-address-Bundestag-historic-speech-German.html> (data obrashhenija 10.04.2023)

28. Dailymail. Uk. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11850145/Prince-Harry-horns-dilemma-attend-Coronation-says-royal-expert.html> (data obrashhenija 10.04.2023)

Статья поступила в редакцию 03.05.2023; одобрена после рецензирования 21.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 03.05.2023; approved after reviewing 21.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 81'373/81'374
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_163
EDN: SVDGZG

Новый образ женщины во фразеологии современного немецкого языка

Любовь Аркадьевна Нефедова

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого языка, Московский педагогический государственный университет. 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 88
la.nefedova@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0002-2871-895X>

Аннотация. Данное исследование посвящено выявлению, классификации и описанию новых фемининных вариантов гендерно инклюзивных фразеологизмов в современном немецком языке, репрезентирующих новый образ женщины как равноправного партнёра мужчины во всех сферах общественной жизни в словарях и текстах немецкоязычных средств массовой информации. Полученные результаты исследования показали, что фразеологические номинации лица в современном немецком языке приобрели гендерно инклюзивную форму. Они представлены в двух вариантах, обозначающих дифференцированно мужчину и женщину, что следует рассматривать как новое явление в современном немецком языке, отвечающем требованиям гендерно справедливого языка и реализующем новый образ женщины во фразеологии. В результате исследования выявлено, что гендерно инклюзивные фразеологические номинации лица могут быть разделены на два кластера: 1) коллокации с компонентом Frau (женщина) / Mann (мужчина) и атрибутами; 2) частичные идиомы и идиомы (субстантивные фразеологизмы). Гендерная инклюзия характерна также для устойчивых фраз (фразеологические выражения). В ходе исследования был сделан вывод о том, что появление фемининных вариантов гендерно инклюзивных фразеологизмов свидетельствует о дополнении традиционного образа женщины «мать» и «супруга» новыми образами женщины предпринимателя, общественного деятеля, политика в немецкоязычном культурном ареале. Было установлено, что большинство гендерно инклюзивных фразеологизмов немецкого языка лексикографически зафиксировано. Новые фемининные варианты гендерно инклюзивных фразеологизмов коннотированы исключительно положительно, создавая позитивный образ современной женщины. Проведенное исследование гендерно инклюзивных фразеологизмов, являющихся одной из форм вербального проявления современной концепции гендерной политкорректности, позволяет говорить о том, что современный немецкий язык продолжает совершенствоваться в направлении полного отражения гендерного равенства в обществе.

Ключевые слова: гендер; фразеология; гендерно инклюзивный фразеологизм; новый образ женщины; современный немецкий язык

Для цитирования: Нефедова Л. А. Новый образ женщины во фразеологии современного немецкого языка // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 163–173.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_163. <https://elibrary.ru/SVDGZG>

Original article

The new image of a woman in the modern german phraseology

Lyubov A. Nefedova

Doctor of philological sciences, professor, head of the department of the german language, Moscow pedagogical state university. 119571, Moscow, Vernadsky ave., 88
la.nefedova@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0002-2871-895X>

Abstract. This study is devoted to identifying, classifying and describing new feminine variants of gender-inclusive phraseological units in the modern german language, representing a new image of a woman as an equal partner of a man in all spheres of social life, which can be found in dictionaries and german media texts. The results of the study show that the phraseological nominations of a person in the modern german language have acquired a gender-inclusive form. They are presented in two variants denoting separately a man and a woman, which should be regarded as a new phenomenon in the modern german language that meets the requirements of a gender-equal language and realizes a new image of a woman in phraseology.

© Нефедова Л. А., 2023

The study has revealed that gender-inclusive phraseological nominations of a person can be divided into two clusters: 1) collocations with the Frau (woman) / Mann (man) component and attributes, 2) partial idioms and idioms (substantive phraseological units). Gender inclusion is also characteristic of set phrases (phraseological expressions). The study concludes that the feminine variants of gender-inclusive phraseological units indicate that the traditional image of a woman «mother» and «spouse» is supplemented with new images of a businesswoman, a public figure, and a politician in the German cultural area. It has been found that the majority of gender-inclusive phraseological units in the German language are lexicographically fixed. New feminine variants of gender-inclusive phraseological units have exceptionally favorable connotations, creating a positive image of a modern woman. The study of gender-inclusive phraseological units, which are a form of verbal expression of the modern gender political correctness concept, allows us to say that the modern German language continues to improve towards fully reflecting gender equality in society.

Key words: gender; phraseology; gender-inclusive phraseology; new image of a woman; modern German language

For citation: Nefedova L. A. The new image of a woman in the modern German phraseology. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):163–173. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_163. <https://elibrary.ru/SVDGZG>

Введение. Современный мир – это мир, в котором женщины проявляют большую социальную активность в различных сферах жизнедеятельности. Многие женщины считают, что их основное назначение не только быть хозяйкой в доме, заниматься домашней работой, детьми, кухней. Женщинам дали возможность получать образование, почувствовать себя социально защищенными и материально независимыми. Женщины стали полноценно участвовать в политической и экономической жизни общества, занимать руководящие должности во всех ветвях государственной власти.

Отметим, что доля женщин в парламенте Германии составляет одну треть. У всех на слуху имена немецких женщин-политиков высочайшего ранга: это бывший федеральный канцлер Ангела Меркель, председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен, министр иностранных дел Анналена Бербок. Пост министров обороны страны несколько лет, сменяя друг друга, занимали женщины-политики Урсула фон дер Ляйен, Аннегрет Крамп-Карренбауэр, Кристина Ламбрехт. Нэнси Фезер – первая женщина в должности министра внутренних дел Германии.

Немецкоязычный социум формирует новый позитивный образ современной деловой женщины. В отношениях мужчин и женщин устраняется субординация и выстраивается партнёрство, наблюдается прогресс в области преодоления гендерных стереотипов, устранения профессиональной гендерной сегрегации, поддержки работающих женщин, реализующих свой творческий потенциал не только в семейном, но и в профессиональном аспектах.

В результате феминистской критики немецкого языка, отражающего мир и социальные отношения, по мнению феминисток, с мужской точки зрения, в немецкоязычных культурах стали

стремиться к тому, чтобы показать посредством лексики расширение сфер деятельности женщин в современной жизни. Повсеместно стал использоваться так называемый гендерно корректный, или справедливый, язык. В толковых словарях немецкого языка из дефиниции слова *Mann* исключили значение *Mensch* ‘человек’ [DUDEN online]. Раньше значение наименований лиц женского пола определялось посредством отсылки к обозначениям лиц мужского пола: *Politiker, der* – ‘jemand, der ein politisches Amt ausübt’ (политик – ‘тот, кто, профессионально занимается политикой’); *Politikerin, die* – ‘w. Form zu ↑Politiker’ (форма женского рода к ↑Politiker) [DUDEN, 2015, с. 1363]. Теперь наименования лиц женского пола сопровождаются отдельной словарной статьей: *Politiker, der* – ‘männliche Person, die ein politisches Amt ausübt’ (‘лицо мужского пола, профессионально занимающееся политикой’, ‘мужчина-политик’); *Politikerin, die* – ‘weibliche Person, die ein politisches Amt ausübt’ (‘лицо женского пола, профессионально занимающееся политикой’, ‘женщина-политик’) [DUDEN online]. Наименования лиц мужского рода обозначают мужчин симметрично наименованиям женского рода, обозначающим женщин. Слово *Politiker, der* значит теперь ‘лицо мужского пола, профессионально занимающееся политикой’, то есть ‘мужчина-политик’. Фактически исключается обобщающее значение наименований лиц мужского рода, так называемый обобщающий мужской род (*generisches Maskulinum*) [Слинина, 2022, с. 76]. При этом, однако, в онлайн-версии словаря DUDEN указывается, что в определенных ситуациях форма мужского рода (например, *Arzt, Mieter, Bäcker*) употребляется для обозначения лиц всех полов; при этом часто неясно, имеются в виду только мужчины или все люди, независимо от пола. Поэтому в настоящее время

ведется дискуссия на тему альтернативных языковых форм [DUDEN online]. Таким образом, номинации типа *Politikerin*, *Geschäftsfrau*, *Managerin* репрезентируют женщин в языке, отражая их активность в сферах политики и бизнеса.

Одним из результатов реализации гендерно справедливого языка стало создание фемининных вариантов к фразеологизмам, обозначающим человека: современные фразеологические номинации лица имеют гендерно инклюзивную форму в современном немецком языке. Это фразеологизмы, представленные в двух вариантах, обозначающих дифференцированно мужчину и женщину. В словаре фразеологизмов они фиксируются симметрично следующим образом: например: *eine Frau / ein Mann von Welt* ‘светский мужчина / светская женщина’, *ein Mann / eine Frau der Tat* ‘мужчина действия (дела)’ / ‘женщина действия (дела)’ [www.redensarten-index.de/].

Фразеологизмы, содержащие компонент *Mann*, *ein Mann von Welt*, *ein Mann der Tat*, согласно словарным дефинициям, обозначают мужчину. Их не следует переводить на русский язык словосочетаниями ‘человек дела’, ‘светский человек’. Употребление фемининных вариантов фразеологизмов показывает, что произошло номинативное дифференцирование референта по гендерному признаку.

Создание новых симметричных фемининных вариантов с компонентами *Frau*, *Mutter* к фразеологизмам с основными компонентами *Mann*, *Vater* – новый тренд современного немецкого языка, который стал реализовываться в период активного распространения идей феминизма и реализации прав женщин. В современной немецкоязычной прессе содержится много материалов об успешных женщинах в различных сферах общества. В большинстве случаев фемининные формы фразеологизмов стали активно фиксироваться словарями немецкого языка.

Постановка проблемы. Большинство современных исследований в гендерной лингвистике направлено на изучение репрезентации **традиционного** стереотипного **образа женщины** во фразеологическом фонде языков. Так, отмечается, что фразеология (английская и русская) является средством репрезентации женской внешности и женского характера, её умственных способностей, таких черт, как доброта и злость, болтливость и умение женщины быть хозяйкой в доме [Середа, 2023]. Пословицы о женщине (немецкие и русские) отражают негативные сте-

реотипы и предубеждения, связанные с женщинами, а именно: своенравие, странность, непредсказуемость, болтливость женщины [Шарафудинова, 2023].

Гендерно инклюзивные фразеологизмы, включающие фемининный вариант, являются теми маркерами, которые показывают изменения в современном обществе в отношении к женщине. Они становятся объектом изучения с точки зрения их структуры, семантики и прагматики [Нефедова, 2023]. В данной статье затрагивается такой аспект, как роль гендерно инклюзивных фразеологизмов в репрезентации нового позитивного образа женщины в немецкоязычных странах.

Тем самым на рассмотрение и обсуждение в данной работе вынесены проблемы гендерного равенства (равенства мужчины и женщины), отражаемые во фразеологии современного немецкого языка, которые актуальны именно сегодня. **Актуальность данного исследования** обусловлена необходимостью изучения новых фемининных вариантов гендерно инклюзивных фразеологизмов в современном языке как нового явления во фразеологии, посредством которых реализуется новый образ женщины в современном обществе.

Для того чтобы понять суть новых тенденций развития гендерной проблематики в современном немецкоязычном обществе необходимо проследить за тем, как новые явления фиксируются немецким языком. Новые фемининные варианты гендерно инклюзивных фразеологизмов позволяют судить о динамике языковых изменений. **Новизна** данной работы заключается в том, что в ней, во-первых, впервые ставится задача описать **новый образ женщины** в немецкоязычных странах, репрезентированный во фразеологии, и, во-вторых, делается это впервые на материале гендерно инклюзивных фразеологизмов немецкого языка, рассматриваемых в качестве объекта исследования.

Цель исследования – выявить новые фемининные варианты гендерно инклюзивных фразеологизмов немецкого языка, свидетельствующие об изменениях традиционного образа женщины в немецкоязычном культурном ареале. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: изучить научную литературу по данной проблеме, классифицировать и описать новые фемининные варианты гендерно инклюзивных фразеологизмов как репрезентанты нового позитивного образа женщины.

Материалом исследования послужили словари современного немецкого языка: фразеологический электронный словарь Redensarten Index [https://www.redensarten-index.de/], толковый словарь Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [https://www.dwds.de/], печатное издание толкового словаря DUDEN 2015, DUDEN online [https://www.duden.de], а также тексты немецкоязычных средств массовой информации.

Теоретическую базу данного исследования составили работы, посвященные изучению

– общих проблем гендерологии, феминистской критики науки [Виноградова, 2001; Серова, 2018; Гриценко, 2021; Samel, 2000; Spieß, Günthner, Hüpper, 2012; Ångsal, 2020] и фразеологии [Burger, 2015]; частных вопросов, таких, как связь грамматического рода с биологическим полом человека [Mell, 2015; Doleschal, 2021]; гендерно-нейтральный язык [Дойникова, 2022; Te-reick, 2009; Zifonun, 2020]; феминизация языка [Лукичева, 2015; Петрова, 2019]; гендерно инклюзивная фразеология [Нефедова, 2023]; репрезентация образа женщины во фразеологическом фонде языков [Ворошилова, 2016; Гордеева, Корнаухова, Кузнецова, 2020; Полонянкина, 2022, Середа, 2023; Шарафутдинова, 2023];

– основных тенденций развития современного немецкого языка и гендерной специфики немецкоязычных коммуникативных практик [Нефедова, 2021; Steffens, 2005; Lobin, 2020; Schuppener, 2020].

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузах с гуманитарными специальностями на занятиях по лексикологии современного немецкого языка и в спецкурсах, посвящённых проблемам фразеологии и гендерной лингвистики.

Методы исследования. В данной работе методом сплошной выборки из словарей немецкого языка и текстов немецкоязычных СМИ были отобраны фемининные варианты гендерно инклюзивных фразеологизмов. Далее был проведён их семантический анализ, в ходе которого было установлено, каким образом они соответствуют новым трендам общественного развития. Были описаны примеры употребления фемининных фразеологизмов в текстах немецкоязычных СМИ.

Результаты исследования

Основой типологизации исследуемых фразеологических единиц послужила классификация

немецких фразеологизмов швейцарско-немецкого лингвиста Х. Бургера [Burger, 2015]. Ученый разделяет их на два больших класса: 1) фразеологизмы со структурой словосочетания, среди которых представлены коллокации (неидиоматичные словосочетания), частичные идиомы и идиомы, и 2) фразеологизмы со структурой предложения.

В ходе исследования фемининных вариантов гендерно инклюзивных фразеологизмов нами были выделены следующие типы фразеологических номинаций лица, позволяющие сделать вывод о репрезентации во фразеологии нового образа женщины:

– коллокации, распространенные словосочетания, ставшие устойчивыми и представляющие собой целостную единицу в корпусе текстов словаря DWDS и текстах немецкоязычных СМИ с компонентом *Frau* (женщина) и атрибутами *gebildet, berufstätig, erfolgreich: eine gebildete* (образованная), *berufstätige* (работающая), *erfolgreiche* (успешная) *Frau* (женщина); *Frau im Weltall* (женщина в космосе); коллокации с наименованиями женщин и атрибутом *erfolgreich: erfolgreiche Unternehmerin, Geschäftsfrau, Managerin* (Топменеджерин), *Karriere-Frau, Frau im Business*;

– симметричные частичные идиомы и идиомы (субстантивные фразеологизмы): *ein Mann / eine Frau von Welt*; *ein Mann / eine Frau der Tat*; *ein Mann / eine Frau der ersten Stunde*; *ein gemachter Mann / eine gemachte Frau*; *der geistige Vater / die geistige Mutter*.

Корпус гендерно инклюзивных фразеологических номинаций лица был дополнен гендерно инклюзивными устойчивыми фразами (фразеологические выражения, пословицы со структурой предложения): *ein Mann – ein Wort / eine Frau – ein Wort*; *Selbst ist der Mann / die Frau! Der kluge Mann / die kluge Frau baut vor!*

Лексикографически зафиксированные гендерно инклюзивные фразеологизмы

К гендерно инклюзивным фразеологизмам относится частичная идиома *Mann / Frau von Welt* ‘светский мужчина / светская женщина’. Фемининный вариант включен в словарь DUDEN 2015. Дефиниция его значения свидетельствует о том, что *Frau von Welt* в немецком языке не является эквивалентом идиомы русского языка *светская львица*. Согласно словарям, *Frau von Welt* – это женщина, обладающая опытом социального взаимодействия и интеллектом, с

космополитичными взглядами, следящая за модой, уверенная в себе [DWDS] в отличие от среднестатистической женщины-обывательницы *Ottilie Normalverbraucherin* и *Lieschen Müller*. Пример из текстов немецкоязычных СМИ:

(1) *Lillian gibt sich sehr bedeutend und als Frau von Welt* – Лилиан преподносит себя так, будто является очень важной светской персоной (Здесь и далее перевод выполнен автором статьи – Л.Н.) (<https://www.bibeltv.de/mediathek/videos/317581-eine-frau-von-welt>).

Современная успешная женщина в немецкоязычных странах – это *Frau der Tat* ‘женщина действия (дела)’ (деятельная, решительная, энергичная, волевая женщина). До недавнего времени немецкий язык «обходился» идиомой *Mann der Tat*, которая переводилась на русский язык как ‘человек действия (дела)’. В настоящее время идиома имеет две гендерно маркированные формы *Mann der Tat* и *Frau der Tat* ‘мужчина / женщина действия (дела)’. Новый фемининный вариант идиомы передает смысл, выраженный в перефразированной форме пословицей *Eine Frau kann auch ein Mann sein* (досл. ‘Женщина может быть также мужчиной’): женщины могут иметь и проявлять мужские деловые качества. Более того, если известные пословицы немецкого языка, например, *Eine Frau, die alles kann, ist eine Gefahr* (досл. ‘Женщина, которая умеет все, – опасность’), выражают негативное отношение к деловитости женщины [Шарафутдинова, 2023, с. 406], данный фемининный вариант идиомы положительно коннотирован.

Типаж женщины, профессионала своего дела, органично вписывается в современную культуру высоких скоростей. «Женщина действия» – это та, кто предпочитает жить внешним, а не внутренним миром – внешними целями, ценностями и достижениями, в действиях ориентируется на конкретные результаты. Живя в модусе действия, женщина ставит во главу угла самореализацию – главный принцип её жизни. Подтверждением этого являются многочисленные примеры из современной немецкоязычной прессы:

(2) *Erfolgreiche Frauen träumen nicht nur von einer Karriere, sondern sie tun etwas dafür* – Успешные женщины не только мечтают о карьере, они для этого что-то делают (<https://antje-heimsoeth.com/frauenpower-was-zeichnet-erfolgreiche-frauen-aus/>).

Немецкая и австрийская пресса пестрят заголовками статей о современных деловых женщинах:

(3) *Eine Frau der Tat* (<https://www.badische-zeitung.de/eine-frau-der-tat--118372603.html>).

(4) *Ilse Hammer war immer eine Frau der Tat: Sie hat durch ihre Tätigkeit seit 1980 an den BBS Rohrbach die Schule wesentlich mitgeprägt. Sie war Impulsgeberin und Gestalterin mit Gespür für das Machbare* – Ильзе Хаммер была всегда «женщиной действия»: благодаря своей работе с 1980 года в профессиональном училище в Рорбахе она оказала значительное влияние на развитие этого учебного заведения. Она была его движущей силой, она понимала, что можно было реализовать

(<https://www.nachrichten.at/oberoesterreich/muehlviertel/ilse-hammer-eine-frau-der-tat-geht-in-pension;art69,3857792>).

Другая статья с названием *Eine Frau der Tat* имеет подзаголовок *Stefanie Schauer schreitet gerne zur Tat* – Стефани Шауэр любит браться за дело:

(5) *Stefanie Schauer ist Unternehmerin, Mutter, Ehepartnerin und eine Frau, die lieber zur Tat schreitet, als nur zu reden* – Стефани Шауэр – предприниматель, мать, супруга и женщина, предпочитающая действовать, а не только говорить (<https://www.weekend.at/moments/eine-frau-der-tat>).

Раньше в немецком языке была кодифицирована частичная идиома *ein Mann der ersten Stunde* – ‘тот, кто с самого начала был важен для какого-либо дела’; досл. ‘мужчина первого часа’. Теперь в словарях находим и её фемининный вариант *eine Frau der ersten Stunde* – ‘та, кто была с самого начала важна для какого-либо дела; досл. ‘женщина первого часа’. Так, статья, которая называется *Die Frau der ersten Stunde* посвящена Аннелизе Брост, женщине, которая вместе со своим мужем после Второй мировой войны в 1948 г. в Рурской области Германии запустила издание новой газеты *Westdeutsche Allgemeine Zeitung* (<https://broststiftung.ruhr/die-frau-der-ersten-stunde-2/>).

Название книги о женщинах, внесших значительный вклад в создание в 1949 г. на территории Западной Германии нового государства – ‘*Frauen der ersten Stunde: Aus den Gründerjahren der Bundesrepublik*’ «Женщины первого часа: из истории основания Федеративной Республики» (<https://www.eaf->

berlin.de/was-wir-tun/modellprojekte/projekt/buergermeisterinnen-der-ersten-stunde-deutscheinheit). Синонимами фразеологизма являются симметричные композиты-идиомы *Gründervater – Gründermutter* ‘отец-основатель – мать-основательница’.

Самые значительные открытия в разных областях науки совершали мужчины. Наука до сих пор рассматривается как маскулинизированная сфера деятельности, в которой женщинам отводится второстепенная роль [Виноградова, 2001]. Отрицание вклада женщин в науку, умаление значимости их работы и приписывание трудов женщин коллегам мужского пола получило название *эффект Матильды*. Для идиомы *Mann der Wissenschaft* ‘мужчина-ученый’ по-прежнему нет фемининного эквивалента *Frau der Wissenschaft* ‘женщина-ученый’.

Так, в современной прессе часто встречается идиома *geistiger Vater* со значением «ключевой создатель идеи». Известные расширенные устойчивые словосочетания: *geistiger Vater des Protestantismus* ‘духовный отец протестантизма’ (Мартин Лютер), *geistiger Vater der Rechtsstaatlichkeit* ‘духовный отец принципа верховенства права’ (Иммануил Кант), *geistiger Vater der sozialen Marktwirtschaft* ‘духовный отец социально ориентированной рыночной экономики’ (Альфред Мюллер-Армак).

Но теперь идиома *geistiger Vater (einer Erfindung, Idee, Entdeckung)* – ‘мужчина, придумавший что-либо, субъект интеллектуальной собственности’ имеет в словарях и фемининную форму *geistige Mutter* – ‘женщина, придумавшая что-либо, субъект интеллектуальной собственности’. Основной компонент идиомы *Vater* имеет в словаре DWDS переносное значение *Urheber* ‘застрельщик, автор’ [DWDS]. И хотя подобное значение не зафиксировано у слова *Mutter*, именно это переносное значение служит основой идиомы *geistige Mutter*.

Однако, несмотря на лексикографическую фиксацию фемининного варианта идиомы, примеров реального речевого употребления немного: в мире немного женщин-изобретателей. Хотя у таких изобретений, как кофейный фильтр, монополия, дворники, беспроводная технология, есть одна общая черта: они изобретены женщинами. Ада Лавлейс, дочь поэта лорда Байрона, написала первую в мире компьютерную программу.

Пример из современной немецкой прессы, когда женщину, внесшую значительный вклад в какую-либо сферу, называют «духовной матерью»:

(6) *Die geistige Mutter des Kinderliedes* ‘духовная мать детской песни’ о женщине-иллюстраторе детских книг Эрике Ширмер (<https://www.imago-images.de/st/0063727082>).

Идиома употребляется также в значении ‘духовный наставник’ и ‘духовный руководитель жизни человека’, о мужчине, например:

(7) – *Ist Willy Brandt der geistige Vater der Putin-Versteher?* – «Вилли Брандт – духовный отец тех, кто понимает Путина?» (<https://www.sueddeutsche.de/kultur/neue-ostpolitik-willy-brandt-wladimir-putin-1.5770785?reduced=true>).

Пример употребления фемининного варианта идиомы в значении «духовная наставница»:

(8) *Für jede Heranwachsende waren zwei Mütter verantwortlich: Die leibliche und die geistige Mutter. Die leibliche Mutter war körperliche Pflegerin, die geistige Mutter spirituelle Beraterin, Führerin, Schutzgeist und Göttin. Später wurde sie Patin genannt – За каждого подростка отвечали две матери: физическая и духовная. Биологическая мать была физической кормилицей, духовная мать – духовным советником, проводником, духом-хранителем и богиней. Позже ее стали называть крестной* (<https://www.sophie-lange.de/matronenkult-und-kultplaetze/patin-geistige-mutter-schutzmatrone-und-goettin/index.php>).

Фразеологическое выражение, передающее смысл *Каждый должен знать, как помочь себе самому* (справиться с чем-либо без посторонней помощи; при этом имеются в виду, прежде всего, занятия ручным трудом) имело в немецком языке первоначально только одну форму *Selbst ist der Mann!* ‘Мужчина должен знать, как помочь себе самому’. Теперь словари включают две равнозначные формы: *Selbst ist der Mann / die Frau!* Таким образом, предполагается, что современная женщина не должна зависеть от мужчины. Она должна знать, как помочь себе самой: так, для женщин в Германии организуют ремесленные курсы, например:

(9) *Selbst ist die Frau: Im ersten Handwerkerinnenkurs der Frauenberatungsstelle Jülich haben Frauen die wichtigsten Handgriffe für die eigenen vier Wände gelernt – Женщина должна знать, как помочь себе самой: на первых женских ремесленных курсах в Юлихе женщины*

приобрели важные навыки, которые позволяют им выполнять мелкий ремонт по дому (Aachener Zeitung, 17.10.2020).

В немецкоязычной культуре распространена поговорка *ein Mann – ein Wort* досл. «Сказанное верно! На него можно положиться!» Обычно так говорили о мужчинах. В русском языке поговорке соответствует словосочетание ‘человек слова, хозяин своего слова’, разг. одобр. ‘человек, который всегда выполняет свои обещания; делает то, что говорит’, также *Мужик сказал – мужик сделал*. Пословица вошла в обиход после того, как её употребил Ф. Шиллер в балладе «Пегас в ярме». С данным вариантом поговорки теперь образует симметрию новый фемининный вариант *eine Frau – ein Wort* (DWDS) – *Женщина сказала – женщина сделала!* Пример употребления:

(10) *Als Helga Baumann Anfang des Jahres ihren Verzicht auf eine erneute Kandidatur erklärte, wurde dies nicht nur in ihrer Partei, der SPD, bedauert. Doch sie ließ sich nicht umstimmen und blieb sich treu – eine Frau, ein Wort –* Когда в начале года Хельга Бауманн объявила, что больше не будет выдвигать свою кандидатуру на выборах, об этом пожалели не только в её партии, СДПГ. Но она не изменила своего мнения и осталась верна себе – женщина сказала – женщина сделала [Rhein-Zeitung, 10.10.2009]. Для сравнения схожие примеры из русского языка:

(11) «Женщина сказала – женщина сделала!» Должна ли женщина отвечать за свои слова так же, как это должен делать настоящий мужчина. (https://dzen.ru/a/Y8_RQekZbX1GDt30);

(12) Конечно, правильно сделала! Вот ты тоже хозяйка своего слова – решила и сделала! (<https://dzen.ru/a/Y-ZNvhu5yxeaLWu->).

Лексикографически не зафиксированные гендерно инклюзивные фразеологизмы

Некоторые новые фемининные варианты фразеологизмов еще не попали в словари. Например, частичная идиома *eine gemachte Frau* – ‘женщина, добившаяся успеха в жизни; женщина, которая достигла того, к чему стремилась’; состоявшаяся женщина, самостоятельная и независимая. Сейчас эта частичная идиома употребляется в двух вариантах *ein gemachter Mann / eine gemachte Frau*. С заголовком *Eine gemachte Frau: Die Lebensgeschichte der Romy* вышла книга об

известной немецкой актрисе Роми Шнайдер (<https://de.book-info.com/isbn/3-927623-97-0.htm>).

В следующем примере описывается, как выглядит современная успешная женщина:

(13) *Eine gemachte Frau: Sie sieht gut aus. Sie ist in Best-Form. Schau dir ihre Haltung an. Ihren aufrechten Gang. Ihre ausdrucksstarke Erscheinung. Eine Frau im Wohl-Stand auf allen Ebenen –* Женщина, добившаяся успеха в жизни: Она хорошо выглядит. Она в отличной форме. Посмотри на её осанку. При ходьбе она прямо держит спину. Её внешний вид выразителен. Самодостаточная женщина во всех отношениях (<https://birgit-faschinger-reitsam.de/eine-gemachte-frau/>).

Успешными женщинами можно будет считать, по мнению автора статьи, немецких футболисток в случае их победы на чемпионате мира по футболу:

(14) *Rund 250.000 Euro von der FIFA, dazu ein dicker Batzen vom DFB – falls die deutschen Fußballerinnen in zweieinhalb Monaten tatsächlich den WM-Pokal in die Höhe strecken, sind Alexandra Popp und Kolleginnen gemachte Frauen –* Около 250 000 евро от ФИФА, плюс большой куш от Немецкого футбольного союза – если немецкие футболистки действительно выигрывают чемпионат мира через два с половиной месяца, Александра Попп и ее коллеги станут женщинами, достигшими того, к чему стремились (<https://www.faz.net/aktuell/sport/frauenfussball-wm/preisgelder-bei-frauenfussball-wm-steigen-auf-110-millionen-dollar-18949028.html>).

Распространенная поговорка *Der kluge Mann baut vor!* (стала известна как цитата из пьесы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль») ‘Умный человек предусмотрителен’ теперь имеет фемининный вариант *Die kluge Frau baut vor!* ‘Умная женщина предусмотрительна’, о чем свидетельствуют примеры:

(15) *Hier kannst Du Deine Fragen stellen, denn: die kluge Frau baut vor und macht sich schlau! –* Здесь ты можешь задать свои вопросы, потому что: умная женщина предусмотрительна и становится ещё умнее! (<https://weser-ems.igbau.de/MENTORING-FUER-FRAUEN-UND-KANDIDATINNENSCHULUNG-FUER-DIE-BETRIEBSRATSWAHLEN-2022.html>).

(16) *Die kluge Frau baut vor. Doch das wird zunehmend schwerer. Beruflich so erfolgreich und belastbar sein wie vor der Schwangerschaft, dem Sohn eine zugewandte Mutter sein und dem Mann eine*

liebenswerte Partnerin bleiben – viele Frauen wollen das – Умная женщина предусмотрительна. Но это становится всё сложнее. Быть успешной и работать с большой нагрузкой, как и до беременности, быть заботливой матерью для сына и оставаться милой спутницей жизни для своего мужа – этого хотят многие женщины

(<https://www.wiwo.de/erfolg/trends/beruf-fehlende-kinderbetreuung-als-karrierekiller-fuer-frauen/5435850.html>).

Название одной из статей включает оба симметричных варианта в одной фразе, представляя собой инклюзивную контаминированную, или сплиттинговую, форму. При этом происходит актуализация значения половой принадлежности лица, например:

(17) „*Der kluge Mann, die kluge Frau baut vor*“ (<https://www.wochenblatt.es/kanarische-inseln/teneriffa/der-kluge-mann-die-kluge-frau-baut-vor/?v=3a52f3c22ed6>).

Несмотря на то, что вариант **Der kluge Mensch baut vor!* с компонентом *Mensch* мог бы послужить альтернативной формой данному выражению, такое употребление не встречается. Громоздкость формы сигнализирует о её прагматической направленности: выразить ироничное отношение автора-мужчины к необходимости использовать гендерно корректный язык.

Для немецкого разговорного дискурса характерна идиома *Mann an der Spritze paz.* ‘важная птица’, то есть главное лицо в каком-либо деле (фразеологизм возник на основе метафоризации свободного словосочетания ‘мужчина у шланга’, ‘главный пожарный’). Так принято говорить о мужчинах. На должность пожарных традиционно берут только мужчин: пожарным нужно быть физически сильными и выносливыми. Фемининный вариант *eine Frau an der Spritze* употребляется редко, однако, он тоже встречается как симметричная форма.

В следующем примере (практически единственном) фемининная форма идиомы *Frau an der Spritze* одновременно актуализирует переносное и прямое значение, реализуя языковую игру: речь идет о женщине, которая возглавила подразделение пожарной охраны, «встала у шланга»:

(18) *Eine Frau an der Spritze. Immenbecker Ortswehr befördert Nina Spielmann zur Hauptfeuerwehrfrau – Важная птица. Пожарная служба Имменбекера назначает Нину Шпильман на должность главного пожарного*

(https://www.tageblatt.de/lokales/lokalesalle_artikel,-eine-frau-an-der-spritze-_arid,1195939.html).

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию гендерно инклюзивных фразеологизмов как нового явления в немецком языке, отметим следующие значимые моменты. В немецкоязычных странах усиливается роль женщин во всех сферах общественной и частной жизни, реализуется закон о гендерном многообразии и равном участии женщин и мужчин на руководящих позициях. Под влиянием экстралингвистических тенденций происходят изменения в современном немецком языке: в обиход входят и фиксируются словарями новые фемининные варианты фразеологизмов, создавая гендерную инклюзию во фразеологии.

Гендерно инклюзивные фразеологизмы в словарях и средствах массовой информации показывают, что современная женщина не только заботливая мать и супруга, но и высокопрофессиональный специалист; она целеустремлённая (достигает того, к чему стремится), образованная, деловая, энергичная («женщина действия»), успешная (добивается успеха в жизни) и уверенная в себе. Кроме того, она самодостаточная и независимая (знает, как помочь себе самой), предусмотрительная, обладающая интеллектом, хозяйка своего слова. Новые фемининные варианты фразеологизмов репрезентируют новый образ женщины: женщина-равноправный бизнес-партнёр мужчины, женщина-руководитель (глава государства и правительства), женщина-лидер.

Следовательно, гендерно корректное словопотребление распространяется и на фразеологию. Гендерно инклюзивные фразеологизмы являются языковой реализацией равенства мужчин и женщин в современном обществе, стремления сделать женщину «видимой» в языке. Фразеологические номинации лица с компонентами *Mann, Vater* не употребляются в современном языке в обобщающем значении, основное значение гендерно инклюзивных фразеологизмов – выражение половой принадлежности обозначаемого лица.

Кроме того, нами было установлено, что новые фемининные варианты фразеологизмов, в особенности современные пословицы, в словарях и текстах немецкоязычных средств массовой информации коннотированы исключительно положительно, что связано с тем, что создается максимально позитивный образ современной женщины. В медийных текстах проводится, таким

образом, осмысленная языковая политика гендерной политкорректности, многообразия и инклюзивности. При этом лексикографически зафиксированные фемининные фразеологизмы иногда не соответствуют реальному положению дел. Авторы словарей таким образом манипулируют общественным сознанием, пытаясь внести свой вклад в изменение текущего общественного порядка.

На основе проведенного исследования можно также сделать вывод о том, что словарям и средствам массовой информации принадлежит ключевая роль в формировании образа современной деловой женщины, поднимающейся на всё более высокие уровни своей профессиональной карьеры, осознающей себя самодостаточной и самостоятельной личностью.

Полученные результаты позволяют считать перспективными сопоставительные исследования гендерно инклюзивных фразеологизмов на материале других языков.

Библиографический список

1. Ворошилова О. Н. Образ женщины в современном мире (по материалам современных российских женских журналов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 5. С. 54–57.
2. Виноградова Т. В. Феминистская критика науки: Науч.-аналит. обзор / РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям. Отд. науковедения; науч. ред. А. М. Кулькин. Москва, 2001. 87 с.
3. Гордеева Н. В., Корнаухова Т. В., Кузнецова С. В. Образ женщины в пословицах германских языков (на примере английского и немецкого языков) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2020. № 8 (151). С. 138–143.
4. Гриценко Е. С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 40–73.
5. Дойникова М. И. Гендерно-нейтральный язык в университетской среде Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2022. Т. 15. Вып. 9. С. 2900–2904.
6. Лукичева М. В. Политкорректность по-немецки // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 151–156.
7. Нефедова Л. А. Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг. // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. С. 151–166.
8. Нефедова Л. А. Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера : монография. Москва : МПГУ, 2023. 232 с.
9. Петрова Е. И. Тенденции феминизации современного немецкого языка // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 18 (3). С. 134–139.
10. Полонянкина Н. В. Особенности конструирования гендерной идентичности в современном политическом медиадискурсе Германии (на примере прозвищных наименований женщин-политиков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2022. Т. 15. Вып. 8. С. 2580–2585.
11. Середа Е. А. Реализация образа женщины в английской и русской фразеологии // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2022. № 4. С. 289–298.
12. Серова И. Г. Гендерное равенство в языке: глобальный тренд или ненужная инновация? // XXII Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции 2018. Санкт-Петербург : издательство Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2018. С. 205–208.
13. Слина Л. Я. Новая редакция онлайн-версии словаря «Дуден» как предмет языковой критики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 75–80.
14. Шарафутдинова Н. С. Образ женщины в пословицах русского и немецкого языков: сравнительный анализ // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. Вып. № 2 (49). С. 400–411.
15. Ängsal M. P. Wortkritik in der feministischen Sprachkritik I // Handbuch Sprachkritik / Niehr T., Kilian J., Schiewe J. (Hrsg.). Stuttgart : J. B. Metzler Verlag, 2020. S. 66–72.
16. Burger H. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin : Schmidt, 2015. 241 S.
17. DWDS = Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 30.07.2023).
18. Doleschal U. Gender, grammar and discourse: the case of German // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 74–85.
19. DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin : Dudenverlag, 2015. 2128 S.
20. DUDEN online. Das große Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 30.07.2023).
21. Lobin H. Kommunikation in der Coronakrise. URL: <https://scilogs.spektrum.de/engelbartgalaxis/kommunikation-in-der-coronakrise/> (дата обращения: 01.07.2023).
22. Mell R. M. Das Wort in der Sprachkritik // Handbuch Wort und Wortschatz. U. Haß, P. Storzjohann (Hrsg.). Berlin/Boston : Walter de Gruyter Verlag, 2015. S. 439–463.
23. Redensarten Index. URL: <https://www.redensarten-in-dex.de/suche.php?suchbegriff=~sie%20steht%20ihre%2>

OFrau&bool=relevanz&gawoe=an&suchspalte[]=rart_ou &suchspalte[]=rart_varianten_ou (дата обращения 30.07.2023).

24. Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2000. 247 s.

25. Schuppener G. Sprache als Spiegel der Gesellschaft. Bemerkungen zu vier aktuellen Themen der deutschen Gegenwartssprache / G. Schuppener In Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов (= Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Т. 17: Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве / под общ. ред. А. В. Иванова. Москва : Флинта, 2020. С. 8–23.

26. Spieß C., Günthner S., Hüpper D. Perspektiven der Genderlinguistik // Genderlinguistik. Sprachliche Konstruktionen von Geschlechtsidentität. S. Günthner, D. Hüpper, C. Spieß (Hrsg.). Berlin/Boston : Walter de Gruyter Verlag, 2012. S. 1–31.

27. Steffens D. Neologismen im Deutschen = Angloamerikanismen? / Partridge, J. (Hrsg.): Getting into German. Multidisciplinary Linguistic Approaches (German Linguistic and Cultural Studies 17). Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien : Lang, 2005. S. 43–60.

28. Tereick J. Sprachkritik und Sprachmagie. Eine Kategorisierung von Formen der Sprachkritik vor dem Hintergrund des Streits zwischen Sprachkritikern und Sprachwissenschaftlern // Sprache. E. Felder (Hrsg.). Berlin : Springer Verlag, 2009. S. 363–403.

29. Zifonun G. Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem: Erneute Diskussion um einen geschlechtergerechten Sprachgebrauch // Sprachreport. 2018. Jg. 34. S. 44–56.

Reference list

1. Voroshilova O. N. Obraz zhenshhiny v sovremenom mire (po materialam sovremennyh rossijskikh zhenskikh zhurnalov) = The female image in the modern world (based on modern Russian women's magazines) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2016. № 5. S. 54–57.

2. Vinogradova T. V. Feministskaja kritika nauki: Nauch.-analit. obzor = Feminist criticism of science: A scientific-analytical review / RAN INION. Centr nauch.-inform. issled. po nauke, obrazovaniju i tehnologijam. Otd. naukovedenija; nauch. red. A. M. Kul'kin. Moskva, 2001. 87 s.

3. Gordeeva N. V., Kornauhova T. V., Kuznecova S. V. Obraz zhenshhiny v poslovicah germanskih jazykov (na primere anglijskogo i nemeckogo jazykov) = Woman's image in proverbs of Germanic languages (based on the example from English and German) // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2020. №. 8 (151). S. 138–143.

4. Gricenko E. S. O sovremennyh tendencijah v lingvisticheskom izuchenii gendera, ego konceptualizacii i reprezentacii (na materiale anglijskogo jazyka) = On mod-

ern trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation in the English language // Voprosy psicholingvistiki. 2021. № 3 (49). S. 40–73.

5. Dojnikova M. I. Genderno-nejtral'nyj jazyk v universitetskoj srede Germanii = Gender-neutral language in the German university environment // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2022. T. 15. Vyp. 9. S. 2900–2904.

6. Lukicheva M. V. Politkorrektnost' po-nemecki = Political correctness in German // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 10. S. 151–156.

7. Nefedova L. A. Aktivnye processy v leksike nemeckogo jazyka 2020–2021 gg. = Active processes in the German lexicon 2020–2021 // Crede Experto: transport, obshhestvo, obrazovanie, jazyk. 2021. № 3. S. 151–166.

8. Nefedova L. A. Genderno inkluzivnaja frazeologija sovremenno nemeckogo jazyka: simmetrija frazeologizmov v svete gendera = Gender-inclusive phraseology of modern German: symmetry of phraseological units in terms of gender : monografija. Moskva : MPGU, 2023. 232 s.

9. Petrova E. I. Tendencii feminizacii sovremenno nemeckogo jazyka = Trends in feminization of the modern German language // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. 2019. № 18 (3). S. 134–139.

10. Polonjankina N. V. Osobennosti konstruirovanija gendernoj identichnosti v sovremenom politicheskom mediadiskurse Germanii (na primere prozviskhnyh naimenovaniy zhenshhin-politikov) = Specifics of gender identity construction in the modern German political media discourse (on the nicknames of female politicians) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2022. T. 15. Vyp. 8. S. 2580–2585.

11. Sereda E. A. Realizacija obraza zhenshhiny v anglijskoj i russkoj frazeologii = Female image realization in English and Russian phraseology // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tehnologij upravlenija i jekonomiki. 2022. № 4. S. 289–298.

12. Serova I. G. Gendernoje ravenstvo v jazyke: global'nyj trend ili nenuzhnaja innovacija? = Gender equality in language: a global trend or an unnecessary innovation? // XXII Carskosel'skie chtenija. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 2018. Sankt-Peterburg : izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina, 2018. S. 205–208.

13. Slinina L. Ja. Novaja redakcija onlajn-versii slovarja «Duden» kak predmet jazykovoj kritiki = The new edition of the online Duden dictionary as a subject of linguistic criticism // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2022. T. 15. Vyp. 1. S. 75–80.

14. Sharafutdinova N. S. Obraz zhenshhiny v poslovicah russkogo i nemeckogo jazykov: sravnitel'nyj analiz = The female image in Russian and German proverbs: a comparative analysis // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2023. Vyp. № 2 (49). S. 400–411.

15. Ängsal M. P. Wortkritik in der feministischen Sprachkritik I // Handbuch Sprachkritik / Niehr T., Kilian J., Schiewe J. (Hrsg.). Stuttgart : J. B. Metzler Verlag, 2020. S. 66–72.
16. Burger H. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin : Schmidt, 2015. 241 S.
17. DWDS = Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (data obrashhenija: 30.07.2023).
18. Doleschal U. Gender, grammar and discourse: the case of German // Voprosy psiholingvistiki. 2021. № 3 (49). S. 74–85.
19. DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin : Dudenverlag, 2015. 2128 S.
20. DUDEN online. Das große Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. URL: <https://www.duden.de> (data obrashhenija: 30.07.2023).
21. Lobin H. Kommunikation in der Coronakrise. URL: <https://scilogs.spektrum.de/engelbartgalaxis/kommunikation-in-der-coronakrise/> (data obrashhenija: 01.07.2023).
22. Mell R. M. Das Wort in der Sprachkritik // Handbuch Wort und Wortschatz. U. Haß, P. Storjohann (Hrsg.). Berlin/Boston : Walter de Gruyter Verlag, 2015. S. 439–463.
23. Redensarten Index. URL: [https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=~sie%20steht%20ihre%20Frau&bool=relevanz&gawoe=an&suchspalte\[\]=rart_ou&suchspalte\[\]=rart_varianden_ou](https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=~sie%20steht%20ihre%20Frau&bool=relevanz&gawoe=an&suchspalte[]=rart_ou&suchspalte[]=rart_varianden_ou) (data obrashhenija: 30.07.2023).
24. Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2000. 247 s.
25. Schuppener G. Sprache als Spiegel der Gesellschaft. Bemerkungen zu vier aktuellen Themen der deutschen Gegenwartssprache / G. Schuppener In Russkaja germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov (= Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). T. 17: Tipologija tekstov i diskursivnye praktiki v nemeckojazychnom kul'turnom prostranstve / pod obshh. red. A. V. Ivanova. Moskva : Flinta, 2020. S. 8–23.
26. Spieß C., Günthner S., Hüpper D. Perspektiven der Genderlinguistik // Genderlinguistik. Sprachliche Konstruktionen von Geschlechtsidentität. S. Günthner, D. Hüpper, C. Spieß (Hrsg.). Berlin/Boston : Walter de Gruyter Verlag, 2012. S. 1–31.
27. Steffens D. Neologismen im Deutschen = Angloamerikanismen? / Partridge, J. (Hrsg.): Getting into German. Multidisciplinary Linguistic Approaches (German Linguistic and Cultural Studies 17). Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien : Lang, 2005. S. 43–60.
28. Tereick J. Sprachkritik und Sprachmagie. Eine Kategorisierung von Formen der Sprachkritik vor dem Hintergrund des Streits zwischen Sprachkritikern und Sprachwissenschaftlern // Sprache. E. Felder (Hrsg.). Berlin : Springer Verlag, 2009. S. 363–403.
29. Zifonun G. Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem: Erneute Diskussion um einen geschlechtergerechten Sprachgebrauch // Sprachreport. 2018. Jg. 34. S.44–56.

Статья поступила в редакцию 14.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 14.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 811.11-112.2
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_174
EDN: PMEGLK

**Реализация языковой игры в немецкоязычных эонимах
(на примере глагольных единиц)**

Екатерина Олеговна Туманова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры юриспруденции, Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова. 107045, Москва, ул. Сретенка, д. 28
ekaterina.msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9798-280X>

Аннотация. Происходящие в различных сферах жизни события находят свое прямое отражение в языке, в первую очередь – его лексическом составе. Статья посвящена описанию общих языковых тенденций по образованию эонимов, то есть лексем, отражающих значимые события и явления в политической, социальной и культурной жизни лингвокультурной общности для определенного исторического периода, на примере единиц глагольного типа в жизни немецкого общества событий с учетом анализа сверхлингвистических факторов. Материал исследования представляют «глаголы года», то есть глагольные единицы из рейтинговых списков ежегодной лингвистической акции в Германии «Слово года» за период с 1990 по 2022 годы. Основная цель исследования – выявление образованных посредством деонимической конверсии эонимов-глаголов. Количество глаголов в рейтинговом списке не велико по сравнению с общим числом эонимов, что объясняется ограниченными возможностями словообразования глагола как части речи. Характерными способами образования эонимов глагольного типа считается аффиксации. Особая стилистическая маркировка эонимов глагольного типа свидетельствует об их метафорическом характере, который позволяет описать определенные качества или дать оценку деятельности политиков. Проведенный в работе лингвистический анализ указывает на то, что каждый эоним-глагол, с одной стороны, представляет собой результат креативного словотворчества, языковой игры и служит цели достижения определенного эмоционального эффекта у реципиента. С другой стороны, эонимы глагольного типа позволяют реализовать принцип экономии речевых усилий, характеризуя определенные действия или происшествия в мире посредством упоминания производных от фамилий известных в данной лингвокультурной общности деятелей, имеющих преимущественно негативную коннотацию и несущих в себе скрытый смысл.

Ключевые слова: эоним; глагол; языковая игра; слова года; словообразования; политический дискурс; немецкий язык; ключевые слова текущего момента; хронотоп; лингвокультурология

Для цитирования: Туманова Е. О. Реализация языковой игры в немецкоязычных эонимах (на примере глагольных единиц) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 174–181. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_174. <https://elibrary.ru/PMEGLK>

Original article

Realization of language game in german eonyms (on the example of verbal units)

Ekaterina O. Tumanova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of jurisprudence, Moscow metropolitan governance Yury Luzhkov university. 107045, Moscow, Sretenka st., 28
ekaterina.msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9798-280X>

Abstract. The events taking place in various spheres of life are directly reflected in language, first of all, in its vocabulary. The article describes general linguistic trends in the formation of eonyms, i.e. lexemes reflecting events significant for a certain historical period in the life of german society, on the example of verb-type units, taking into account the analysis of super-linguistic factors. The research material is «verbs of the year», i.e. verb units from the rating lists of the annual linguistic campaign in Germany «Word of the Year» held from 1990 to 2022. The main purpose of the study is to identify eonymic verbs formed through deonymic conversion. The number of verbs in the rating list is not large compared to the total number of eonyms, which is explained by the limited word-formation possibilities of the verb as a part of speech. Affixation is considered to be a typical way of forming eonyms of the verb

type. A special stylistic marking of verb-type eonyms testifies to their metaphorical character, which allows describing certain qualities or evaluating politicians' activity. The linguistic analysis in this article indicates that on the one hand, each eonym-verb is the result of creative word formation, language game and serves the purpose of achieving a certain emotional effect in the recipient. On the other hand, eonyms of the verb type allow to implement the principle of saving speech effort, characterizing certain actions or incidents in the world through mentioning derivatives of the surnames of figures famous in a particular linguocultural community, which have mainly negative connotation and carry a hidden meaning.

Key words: eonym; verb; language game; words of the year; word formation; political discourse; german; key words of the moment; chronotope; linguoculturology

For citation: Tumanova E. O. Realization of language game in german eonyms (on the example of verbal units). *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(3):174–181. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_174. <https://elibrary.ru/PMEGLK>

Введение

Постоянные динамические процессы, происходящие в обществе, как на национальном, так и на мировом уровне, фиксируются в языке. Слова, в которых отражаются значимые для жизни общества события, именуются эонимомы [Туманова, 2023, с. 80]. В них зафиксирован определенный момент эпохи, а смысл не всегда может быть понятен без знания фоновой информации и лингвокультурологического анализа.

Развитие языковой ситуации и функционирование языковой системы «всегда зависит от конкретных условий» [Каплина, Жезлова, 2021, с. 155]. Эонимы непосредственно связаны с концепцией о взаимном влиянии эндогенных и экзогенных процессов на динамику развития языка, которые по-разному воздействуют на формирование национальной идентичности языковой общности. В большей степени эонимы относятся к единицам, которые отражают внутренние (эндогенные) процессы и поддерживают культурную идентичность отдельной нации. С другой стороны, в эпоху глобализации изолированное существование отдельной общности не представляется возможным, поэтому в результате внешних (экзогенных) процессов в языке возникают эонимы, не привязанные к одной отдельной культуре, а характерные для всего мирового сообщества. Подобные внешние процессы ведут к формированию новой глобальной культурной идентичности, в основе которой лежат такие факторы, «как космополитизм, принадлежность к обществу потребления, социальные сети, профессиональная принадлежность» [Нефедова, 2021, с. 153]. На возникновение эонимов, как и любых других лексических единиц оказывают влияние события, «происходящие в различных областях жизни: экономике, политике, социальной сфере» [Сосой, 2022, с. 127]. Таким образом, описание эонимов в отдельном языковом сообществе в определенной период времени характеризуют не только значи-

мые для данной лингвокультурной общности события, но и выявляет ключевые глобальные процессы и явления, нашедшие свое отражение в языках разных стран.

По сравнению с хронотопом, который рассматривается в качестве структурного компонента художественного произведения и литературного образа, передающего пространственно-временной континуум и определяющего картину мира и условия жизни героев [Букарева, 2022, с. 9], эонимы имеют реальное значение для жизни людей в обществе. В некоторых случаях они находят свое отражение в искусстве и творчестве деятелей соответствующего периода.

База исследования

Описывая ключевые слова текущего момента (в нашей концепции – эонимы), Т. В. Шмелева выделяет девять основных признаков, последним из которых является реализация языковой игры [Шмелева, 1993, с. 38]. Эонимы не только могут сближаться по звучанию с имеющимися в языке словами (зачастую именами собственными) для создания эффекта паронимической аттракции, или паронимазии, но и сами являются результатом языковой игры, или «словотворчества», носителей языка. В их значение авторы вложили определенную долю юмора, иронии или даже сарказма.

Имена собственные, которые посредством словообразовательных изменений стали именами нарицательными, называют в лингвистике эпонимами. В некоторых случаях они представляют собой понятия или явления, названные по имени человека, открывшего, изобретшего или обнаружившего их в реальной жизни.

Изначально эпонимы представляли собой узловые единицы, которые стали активно употребляться в речи и стали фиксироваться в соответствующих словарях. Эпонимы современного немецкого языка активно пополняются за счет имен известных личностей, в первую очередь, политических деятелей. Они становятся основами для

«словотворчества» и служат для создания производных от них именных частей речи и глаголов.

В настоящей работе представлено описание значения и анализ происхождения эонимов, представляющих собой глаголы как часть речи. Примечательно, что большинство исследований эонимов в их многообразии строится на изучении имен существительных, реже прилагательных, глаголам отводится гораздо меньше внимания. В связи с этим, целью нашей работы стало выявление глаголов, образованных посредством деонимической конверсии, в списках ежегодно проводимой Обществом немецкого языка в Германии лингвистической акции «Слово года» (*нем.* Wort des Jahres). Результатом акции становится список лексем, наиболее ярко описывающих происходящие события в жизни немецкого народа за текущий год.

Выбранное Обществом немецкого языка до 1999 года «Слово года» считалось «немецкоязычным словом года» (*нем.* das deutschsprachige Wort des Jahres), т.е. актуальным для всего немецкого языкового пространства [Greule, 2017, с. 279], хотя эксплицитно такая задача лингвистической акции никогда не упоминалась [Lamas, 2018, с. 505]. Слова года – это связанная с конкретной эпохой лексика, которая приобретает свою актуальность и значение в определенном социальном контексте. Вне этого контекста отсутствует либо социальная релевантность, либо понятность [Muhr, 2007, с. 25]. Слова года являются самыми яркими и наглядными лексическими единицами из группы эонимов для немецкоязычной лингвокультурной общности.

Для достижения поставленной цели применялись описательный, сравнительно-исторический, лексико-семантический методы и метод стилистического анализа.

Материалом исследования послужили 19 эонимов глагольного типа, полученных методом сплошной выборки из рейтинговых списков слов года, опубликованных на официальном сайте Общества немецкого языка в Висбадене за период с 1990 по 2022 годы [GfdS]. Анализ употребления отобранных эонимов в речи проводился посредством изучения и сопоставления лексикографических данных репрезентативного корпуса немецкого языка Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [DWDS], а также публикаций в немецкоязычной прессе [Der Tagesspiegel], [Die Zeit (online)].

Результаты исследования

Красочность, глубину, оригинальность и эмоциональность высказываниям придают различные

фигуры речи, центральной место среди которых занимает феномен языковой игры [Туманова, 2013, с. 277]. Под языковой игрой понимается свободный и креативный подход к форме речи. Нарушение языковой нормы позволяет говорящему проявить свои индивидуальные творческие способности и выделиться среди своих соотечественников.

Цель языковой игры заключается в достижении определенного эффекта и привлечения внимания слушателя. Данный интерес реципиентов вызывается «благодаря неожиданным трактовкам значения и / или преобразований формы единицы» [Коновалова, 2008, с. 6]. Ключевой функцией языковой игры является создание уникальных и емких текстов, насыщенных эмоционально и идеологически, прагматическая эффективность которых скажется на результатах голосования [Денисова, 2020, с. 120].

Проанализировав рейтинговые списки слов года воссоединенной Германии, то есть начиная с 1990 года, мы приходим к выводу, что в ежегодных списках преобладают, в частности, существительные и словосочетания. Другие типы слов встречаются гораздо реже: например, среди 336 отдельных слов, словосочетаний и фраз, которые за 33 года были признаны «словесными справочниками-ископаемыми» (термин Ш. Фрилинг [Frieling, 2012, с. 8]), зафиксировано всего 19 глаголов. К ним в хронологическом порядке принадлежат следующие лексемы: *social abfedern* (1990), *abwickeln* (1991), *gaucken, outen* (1992), *umdenken* (1993), *anklicken* (1995), *nachbessern* (1999), *simsen* (2001), *verhunzern* (2002), *googeln* (2003), *hoyzern* (2005), *twittern* (2009), *schottern* (2010), *hebeln, guttenbergen* (2011), *wulffen* (2012), *durchwinken* (2015), *gegengogeln* (2019), *freitesten* (2021).

Низкий процент глаголов от общего числа эонимов связан, прежде всего, с его ограниченными возможностями словообразования. В отличие от именных частей речи глаголы не склонны к словосложению как одной из самых частотных продуктивных моделей по обогащению словарного состава немецкого языка. Характерными способами образования новых глаголов считаются, прежде всего, префиксация и другие виды аффиксации. Суффиксация происходит за счет присоединения к деривативной основе одного из возможных суффиксов: *-ch(en)*, *-el(n)*, *-l(n)*, *-er(n)*, *-ster(n)*, *-ier(en)*, *-ig(en)*, *-sch(en)*, *-s(en)*, *-z(en)* [Fleischer, 2012, с. 374]. Результаты последних лингвистических исследований подтверждают также деривационный характер форманта *-en (-n)*, который ранее рассматривался как флективная часть глагола,

а теперь считается суффиксальным элементом [Гатауллин, 2015, с. 1304], особенно в случаях создания эпонимов.

В немецком языке существует множество кодифицированных эпонимических глаголов с терминологическим употреблением. К ним можно отнести следующие лексические единицы: *röntgen* (рус. делать рентген) от фамилии немецкого физика Вильгельма Рентгена, *lynchen* (рус. линчевать) от фамилии американского судьи Чарльза Линча, *pasteurisieren* (рус. пастеризовать) от фамилии французского химика Луи Пастера, *morsen* (рус. телеграфировать) от фамилии изобретателя телеграфного аппарата Сэмюэля Морзе, *boycottieren* (рус. бойкотировать) от фамилии британского капитана Чарльза Бойкотта, *guillotiniere* (рус. казнить на гильотине) от фамилии французского профессора анатомии Жозефа Гильотена, *verballhornen* (рус. портить в попытке сделать лучше) от фамилии немецкого книгоиздателя Иоганна Бальхорна, издавшего искаженную версию Любекского права.

Словообразовательная модель «имя собственное + суффикс -ieren» была особенно популярна в 70-е и 80-е гг. прошлого столетия в немецком дискурсе. В языке стали появляться дериваты, связанные с актуальными событиями на мировой политической арене и образованные от топонимов, например, *afghanisieren*, *amerikanisieren*, *chilenisieren*, *kubanisieren* [Гатауллин, 2015, с. 1304]. Начало эпохи цифровизации привело к появлению множества эпонимов, связанных с применением в повседневной жизни и профессиональной деятельности компьютерных технологий и развития сети Интернет. Примерами цифровых эпонимов могут служить глаголы, образованные от названий поисковых систем – *googeln* (рус. гуглить, использовать поисковую систему Google) и *yahooen* (рус. использовать поисковую систему Yahoo), а также множество дериватов от названия электронной энциклопедии Wikipedia – *wikipedieren*, *wikifizieren*, *wikken* [Samland, 2010].

В качестве эпонимов иногда выступают деонимы, то есть антропонимы, которые под влиянием экстралингвистических факторов (в результате разрыва валентных связей между денотатом и лексической единицей) превратились в имена нарицательные и могут «относиться уже к совершенно иному денотату, обозначать другого человека, понятие или явление» [Чигашева, 2016, с. 51]. При употреблении в публичном выступлении они подчеркивают его эмоциональный характер и реализуют свойственные преимущественно

медийному дискурсу суггестивную и манипулятивную функции [Чигашева, 2016, с. 99].

К эпонимам, появившимся в языке как результат процесса деонимизации, относятся многие глаголы, связанные как с политическим дискурсом, так и спортивным. Реализация языковой игры в отобранных глаголах отражается в их особой стилистической маркировке. В словарных статьях и описаниях глаголов-эпонимов содержатся указания на их особую функционально стилистическую окрашенность – пометы «разговорный» или «жаргон». Они сопровождаются дополнительными коннотативными маркировками – неодобрительно, пренебрежительно, иронично, шутливо и т. п.

К деонимическим эпонимам из мира спорта принадлежит глагол *hoyszern* (рус. манипулировать) – слово 2005 года. Эоним образован от имени арбитра, вовлеченного в манипуляции на нескольких футбольных матчах, Роберта Хойцера (нем. Robert Hoyzer). Его предвзятое судейство, в котором, как позже выяснилось, были замешены и другие судьи, и игроки, нанесло серьезный ущерб репутации футбола в Германии, а Хойцер стал олицетворением футбольных махинаций в интересах букмекерских кантор. События разворачивались непосредственно перед карнавалом, поэтому на праздник многие выбирали *Hoyzerkostüm* (рус. костюм Хойцера), одевая судейскую майку с надписью «*Wettannahmestelle*» (рус. букмекерская контора).

Политический дискурс породил в 2011 году эоним *gutenbergen* (рус. плагиатить, списывать). Глагол с негативной коннотацией образован от фамилии бывшего министра обороны Германии Карла-Теодора цу Гуттенберга, который из-за выявленного объема плагиата в диссертации был лишен титула доктора наук и был вынужден отказаться от своего поста. Несмотря на то, что плагиат находили в работах Сильвана Кох-Мерин, бывшего депутата Европарламента, и Аннетте Шаван, экс-министра образования, именно фамилия Гуттенберга в силу своей значимости для немецкой культуры, стала использоваться для обозначения резонанса из-за нелегальных копирований в немецком обществе. На сегодняшний день глагол принадлежит к молодежному сленгу [Чигашева, 2016, с. 53; Едличко, 2019, с. 91].

В 2002 году появился эоним *verhunzingeren* (рус. лоббировать чьи-либо интересы), в основе которого фамилия скандально известного бывшего министра обороны ФРГ Морица Хунцингера. Его имя связано с умением завязывать знакомства с политиками, делая им щедрые подарки с целью решения возникающих трудностей. Пейоративные кон-

нотации деонима передаются посредством приставки *ver-*, которая может нести семантическое значение действия с неверным результатом.

В отдельную группу можно выделить эонимы, образованные от фамилий федеральных президентов Германии. В 1992 году в рейтинг слов года попадает деоним по фамилии Йоахима Гаука *gaucken* (рус. шпионить). Глагол *gaucken* имеет два значения. Изначально под ним понималось «проверить, работал ли кто-то на Министерство государственной безопасности ГДР (Штази)». Эоним появился в то время, когда Йоахим Гаук занимал пост первого руководителя Управления делопроизводства Службы государственной безопасности бывшей Германской Демократической Республики (нем. *die Behörde für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik*). Такое громоздкое название трудно приживалось в речи, поэтому в целях экономии речевых усилий Управление стали именовать *Gauck-Behörde* (рус. Управление Гаука). В *Gauck-Behörde* работодатели могли получить сведения о том, работал ли кто-то их сотрудников в Штази. Бывших сотрудников Штази не допускали к государственной службе, о них говорили, что их «покрывали» (нем. *haben gegauckt*). Могли задавать также вопрос: «*Wurdest du gegauckt?*» (рус. Тебя покрывали Штази?). После 2000 года место Й. Гаука заняла Марианна Биртлер, в связи с чем ведомство стало называться *Birthler-Behörde* (рус. ведомством Биртлер). В марте 2012 года Йоахим Гаук был избран федеральным президентом ФРГ. Деоним *gaucken* в этой связи приобрел здесь новое значение. Действия одиннадцатого президента регулярно подвергались критике, и в зависимости от того, кто его критиковал, эоним можно было перевести как «обманывать, отмахиваться, говорить искренне, поощрять ответственность». В речи появился также термин *Super-Gauck*, который был создан в подражание и как вариация выражения *Super-GAU* (рус. расчетные аварии на конструкции атомной электростанции). С одной стороны, *Super-Gauck* воспринимается как критика работы федерального президента, с другой стороны, в расчет принимается его заслуга против забвения прошлого Штази и несправедливости в ГДР [Bedeutung Online]. К производным от эонима относятся такие слова, как *Gauckung*, *durchgaucken* или *weggaucken* [Frieling, 2012, с. 13]. Случаев появления глагола *gaucken* в речи зафиксировано не слишком много, порядка 25 упоминаний в электронном корпусе немецкого языка DWDS. Среди них, например: «*Weitere PDS-Abgeordnete überle-*

gen offenbar noch, ob sie sich „gaucken“ lassen» [Der Tagesspiegel, 28.06.2002]. «*Gottschalk konnte nicht gaucken, weil es ihm über Jahrzehnte gelungen ist, der große Junge zu bleiben, als der er vor über 40 Jahren die Wohnzimmer der Republik eroberte*» [Die Zeit, 20.06.2016 (online)].

В своем исследовании 2012 года, посвященном глаголам эпонимического происхождения в немецкоязычном дискурсе и частотности их употребления, Штефани Фрилинг задавалась вопросом, появится ли в немецком языке неологизм *wulffen* по фамилии на тот момент нового президента ФРГ Кристиана Вульфа [Frieling, 2012, с. 14]. Подобное предположение было сделано, не только исходя из общей языковой тенденции по образованию деонимических глаголов, но и с учетом анализа сверхлингвистических факторов, в том числе деятельности К. Вульфа на посту президента, ставших поводом для языковой игры. К. Вульф стал федеральным президентом Германии в июне 2010 года, год спустя начались первые обвинения в его адрес, а в феврале 2012 года последовала его отставка. Названные события послужили причиной к причислению эонима *wulffen* (рус. жить за чужой счет, уклончиво рассказывать о чем-либо) к словам 2012 года. Все началось с того, что президент не ответил на вопрос о финансировании его собственного дома. В опубликованной изданием Bild статье была представлена информация о получении Вульфом частного займа на свой дом от жены предпринимателя Эгона Гиркенса. Президент предпринял попытку угрожать представителям издательского дома Axel Springer, позже Вульф объяснил, что он не угрожал, а пытался отложить репортаж. Это обстоятельство привело к появлению глагола *wulffen*. Позднее прокуратура Ганновера начала против К. Вульфа расследование по подозрению в получении взятки и ходатайствовала о снятии с него иммунитета как с федерального президента, что послужило поводом для его ухода в отставку. Данная ситуация на политической арене привела к появлению выражения *Salamitaktik* (рус. тактика «саями»), К. Вульф занял свою позицию, основываясь исключительно на информации, которую не возможно было больше отрицать или опровергать. Его тактика стала описываться в СМИ и в отношении других представителей власти, например: «*Um einer möglichen Salamitaktik zu begegnen, forderte Osterloh den Zukunftspakt für Perspektiven im Gesamtpaket*» [Die Zeit, 26.08.2016 (online)]. «*Die Grünen-Innenpolitikerin Irene Mihalic warf Ziercke vor, in seiner Informationspolitik eine*

„Salamitaktik“ zu verfolgen» [Die Zeit, 02.04.2014 (online)].

Некоторые эонимы не вошли в рейтинговый список лингвистической акции, однако, обладают особой значимостью для немецкого политического дискурса, так как указывают зачастую на отрицательные качества политических деятелей, несдержанные обещания и пренебрежительную манеру общения. К ним относятся деоним *abwaigeln* (рус. лишать денег, задерживать деньги), образованный от фамилии министра финансов ФРГ Тео Вайгеля (нем. Theo Waigel). От фамилий федеральных канцлеров созданы глаголы *verkohlen* (рус. шутить, прикалываться) ← *Helmut Kohl*, *schrödern* (рус. не сдаваться) ← *Gerhard Schröder*. Отметим, что активное употребление глагола *schrödern* привело к появлению у него дополнительных значений. Изначально он описывал высокомерные и авторитарные выступления Герхарда Шредера, в которых часто фигурировало слово *Basta*. Когда на парламентских выборах 2005 года его партия потерпела поражение, в публицистике политика Шредера стала описываться словосочетанием *Basta-Politik in Macho-Manier* (рус. политика баста в манере мачо). Именно данные описания послужили основой для появления значения «никогда не отказываться».

Заключение

Лингвопрагматический и лингвокультурологический анализ эонимов, отобранных из ежегодно публикуемых Обществом немецкого языка результатов лингвистического проекта «Слово года» в Германии позволил определить особенности реализации языковой игры на примере глаголов. Описанные глаголы деонимического происхождения представляют собой яркие примеры воплощения творческого, словообразовательного и аксиологического потенциала современного немецкого языка. Их принадлежность к эонимам подчеркивает значимость проведенного анализа для исследования социокультурных особенностей немецкого национального языкового сознания и рефлексии значимых происшествий и событий в обществе и мире. Глаголы-эонимы занимают особое место в реализации социальной функции языка, а в некоторых случаях выступают инструментами манипуляторного воздействия на социум, формируя негативное отношение к определенным личностям.

Активность употребления и частотность возникновения эонимические глаголы свидетельствуют об их лингвистической роли в дискурсе масс-медиа, онлайн-дискурсе, а также дискурсе

молодого поколения. Представляя собой идеологически маркированные слова, глаголы-деонимы выступают в качестве символов и знаков определенного исторического развития общественного развития. В качестве их ключевой функции выступает метафорическое описание определенных качеств или оценка поведения (чаще негативная) известных людей, их типичное поведение. Кроме того, каждый из глаголов является результатом не только креативного словотворчества и языковой игры, но следствием реализации принципа экономии речевых усилий.

В виду того, что понимание, интерпретация и адекватный перевод глаголов-эонимов не возможны без знания скрытых в них дополнительных смыслов и метафор. Дальнейшее изучение эонимов как особого класса языковых единиц, отражающих исторический момент, открывает новые перспективы для развития лингвокультурологии и социолингвистики.

Библиографический список

1. Букарева Н. Ю. Особенности хронотопа в романе Н. Абгарян «С неба упали три яблока» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 8–15. URL: <https://elibrary.ru/NSPRZM> (дата обращения: 16.06.2023).
2. Гатауллин Р. Г. Новые эпонимические глаголы в современном немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2015. Том 20. № 4. С. 1304–1310.
3. Денисова Е. П. Языковая игра как средство воздействия на избирателей (на материале предвыборных плакатов на немецком языке) // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2020. № 4 (67). С. 116–121.
4. Едличко А. И. Главные слова года: структурно-функциональная и социолингвистическая характеристика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 80–97.
5. Каплина М. М., Жезлова С. А. Топонимика Эльзаса как объект лингвистической лимологии // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 151–157.
6. Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 196 с.
7. Нефедова Л. А. Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг. // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык, 2021. № 3. С. 151–166. URL: <http://ifmstUCA.ru/CE/index.php/100000/linguistics/s12252> (дата обращения: 16.06.2023).
8. Сосой О. А. Этимология и семантика глагольных фразеологизмов в немецком языке: XXI век // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 127–132. URL: <https://elibrary.ru/SAXAOP> (дата обращения: 18.06.2023).

9. Туманова Е. О. Языковая репрезентация стилистической фигуры противопоставления в немецкоязычных афоризмах // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 277–282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-stilisticheskoy-figury-protivopostavleniya-v-nemetskojazychnyh-aforizmah> (дата обращения: 18.06.2023).

10. Туманова Е. О. Колористические эонимы как результат языковой рефлексии политической системы Германии с 1978 по 2021 годы // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 79–90. URL: <https://politlinguistika.ru/archive/2023/2/koloristicheskie-eonimy-kak-rezultat-yazykovoj-refleksii-politicheskoy-sistemy-germanii-s-1978-po-2021-gody> (дата обращения: 14.06.2023).

11. Чигашева М. А. Деонимы как особенность политического дискурса СМИ Германии и России // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Выпуск 26 (765). 2016. С. 50–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deonimy-kak-osobennost-politicheskogo-diskursa-smi-germanii-i-rossii> (дата обращения: 18.06.2023).

12. Чигашева М. А. Классификация реалий политического дискурса с позиции ономастики (на примере немецкого языка) // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 91–103. URL: <https://politlinguistika.ru/archive/2023/2/klassifikatsiya-realij-politicheskogo-diskursa-s-pozitsii-onomastiki-na-primere-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 12.06.2023).

13. Шмелёва Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.

14. Bedeutung Online. Insider, Phänomene und Sprache erklärt. Was bedeutet «gaucken»? Bedeutung. URL: <https://www.bedeutungonline.de/was-bedeutet-gaucken/> (дата обращения: 20.06.2023).

15. Die Zeit, 02.04.2014 (online). BKA-Chef Ziercke wegen Edathy-Affäre erneut vor Innenausschuss. URL: http://www.zeit.de/news/2014-04_02_bundesregierung-bka-chef-ziercke-wegen-edathy-afiaere-erneut-vor-innenausschuss-02064603 (дата обращения: 20.06.2023).

16. Die Zeit, 20.06.2016 (online). Über würdevolle Abschiede. URL: <http://www.zeit.de/zeitmagazin/2016/26/thomas-gottschalk-mensch-comeback-wetten-dass-gesellschaftskritik> (дата обращения: 20.06.2023).

17. Die Zeit, 26.08.2016 (online). VW-BR bringt Beteiligung an Zulieferern ins Gespräch. URL: <http://www.zeit.de/news/2016-08/26/auto-vw-betriebsrat-bringt-beteiligung-an-zulieferern-ins-gespraech-26105006> (дата обращения: 24.10.2020).

18. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute (DWDS). URL: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 23.10.2020).

19. Der Tagesspiegel, 28.06.2002. Weitere PDS-Abgeordnete überlegen offenbar noch, ob sie sich „gaucken“ lassen. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/pds-abgeordnete->

[unter-stasi-verdacht-899692.html](https://www.tagesspiegel.de/politik/pds-abgeordnete-unter-stasi-verdacht-899692.html) (дата обращения: 20.06.2023).

20. Fleischer W, Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwarts-sprache. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Walter de Gruyter 2012. 484 S.

21. Frieling S. Schottern, googeln, guttenbergen: Die „Verben der Jahre“ // Sprachreport. 2012, 2. S. 7–15.

22. Gesellschaft für die deutsche Sprache. Wort des Jahres (GfdS). URL: <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (дата обращения: 12.06.2023).

23. Greule A. Wörter des Jahres, Jugendwörter, Unwörter und kein Ende. Kritische Einschätzung der Wort-/Unwort-Aktionen im deutschen Sprachraum // Text und Diskurs. 2017. Nr. 10. S. 277–286.

24. Lamas E. «Wort des Jahres Schweiz» als Ergebnis systematischer Diskursmessung im mehrsprachigen Kontext. In: tekst i dyskurs – text und diskurs 11, 2018. S. 503–516.

25. Muhr R. Das österreichische Wort des Jahres. Geschichte – Intentionen und Ergebnisse. In: APTUM – Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur, 2007, Nr. 1, S. 25–40.

26. Samland Bernd M. Der große Google-Effekt: Die Bildung markenspezifischer Verben. Berlin : Logos Verlag, 2010. 182 S.

Reference list

1. Bukareva N. Ju. Osobennosti hronotopa v romane N. Abgarjan «S neba upali tri jabloka» = Chronotope features in N. Abgaryan's novel «Three Apples Fell from the Sky» // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 4 (31). S. 8–15. URL: <https://elibrary.ru/NSPRZM> (дата обращения: 16.06.2023).

2. Gataullin R. G. Novye japonimicheskie glagoly v sovremennom nemeckom jazyke = New eponymic verbs in modern German // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. Tom 20. №4. S. 1304–1310.

3. Denisova E. P. Jazykovaja igra kak sredstvo vozdeystvija na izbiratelej (na materiale predvybornyh plakatov na nemeckom jazyke) = Language game as a means of influencing voters (based on election posters in German) // Vestnik TvGU. Serija «Filologija». 2020. № 4 (67). S. 116–121.

4. Edlichko A. I. Glavnye slova goda: strukturno-funktional'naja i sociolingvisticheskaja charakteristika = Words of the Year: structural-functional and sociolinguistic characteristics // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2019. № 4. S. 80–97.

5. Kaplina M. M., Zhezlova S. A. Toponimika Jel'zasa kak ob'ekt lingvisticheskoy limologii = Alsace toponymy as an object of linguistic limology // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 3 (26). S. 151–157.

6. Konovalova Ju. O. Jazykovaja igra v sovremennoj russkoj razgovornoj rechi = Language game in modern Russian colloquial speech : monografija. Vladivostok : Izd-vo VGUJeS, 2008. 196 s.

7. Nefedova L. A. Aktivnye processy v leksike nemeckogo jazyka 2020–2021 gg. = Active processes in the German lexicon in 2020–2021 // Crede Experto:

transport, obshhestvo, obrazovanie, jazyk, 2021. № 3. S. 151–166. URL: <http://ifmstuca.ru/CE/index.php/100000/linguistics/s12252> (data obrashhenija: 16.06.2023).

8. Sosoj O. A. Jetimologija i semantika glagol'nyh frazeologizmov v nemeckom jazyke: XXI vek = Etymology and semantics of verbal phraseological units in German: XXI century // Verhnevzhskij filologičeskij vestnik. 2022. № 4 (31). S. 127–132. URL: <https://elibrary.ru/SAXAOP> (data obrashhenija: 18.06.2023).

9. Tumanova E. O. Jazykovaja reprezentacija stilističeskoj figury protivopostavlenija v nemeckojazyčnyh aforizmah = Linguistic representation of the stylistic means of opposition in German aphorisms // Istoricheska ja i social'no-obrazovatel'naja mys'l'. 2013. № 5 (21). S. 277–282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/jazykovaya-reprezentatsiya-stilističeskoj-figury-protivopostavleniya-v-nemetskoyazyčnyh-aforizmah> (data obrashhenija: 18.06.2023).

10. Tumanova E. O. Kolorističeskie jeonimy kak rezul'tat jazykovoj refleksii političeskoj sistemy Germanii s 1978 po 2021 gody = Coloristic eonyms as a result of linguistic reflection in the German political system from 1978 to 2021 // Političeskaja lingvistika. 2023. № 2 (98). S. 79–90. URL: <https://politlingvistika.ru/archive/2023/2/kolorističeskie-eonimy-kak-rezultat-jazykovoj-refleksii-političeskoj-sistemy-germanii-s-1978-po-2021-gody> (data obrashhenija: 14.06.2023).

11. Chigasheva M. A. Deonimy kak osobennost' političeskogo diskursa SMI Germanii i Rossii = Deonyms as a feature of political discourse of German and Russian mass media // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. Vypusk 26 (765). 2016. S. 50–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deonimy-kak-osobennost-političeskogo-diskursa-smi-germanii-i-rossii> (data obrashhenija: 18.06.2023).

12. Chigasheva M. A. Klassifikacija realij političeskogo diskursa s pozicii onomastiki (na primere nemeckogo jazyka) = Classification of political discourse realia in terms of onomastics in the German language // Političeskaja lingvistika. 2023. № 2 (98). S. 91–103. URL: <https://politlingvistika.ru/archive/2023/2/klassifikatsiya-realij-političeskogo-diskursa-s-pozitsii-onomastiki-na-primere-nemetskogo-jazyka> (data obrashhenija: 12.06.2023).

13. Shmeljova T. V. Ključevye slova tekushhego momenta = Key words of the current moment // Collegium. 1993. № 1. S. 33–41.

14. Bedeutung Online. Insider, Phänomene und Sprache erklärt. Was bedeutet «gaucken»? Bedeutung. URL: <https://www.bedeutungonline.de/was-bedeutet-gaucken/> (data obrashhenija: 20.06.2023).

15. Die Zeit, 02.04.2014 (online). BKA-Chef Ziercke wegen Edathy-Affäre erneut vor Innenausschuss. URL: http://www.zeit.de/news_2014-04_02_bundesregierung-bka-chef-ziercke-wegen-edathy-afaere-erneut-vor-innenausschuss-02064603 (data obrashhenija: 20.06.2023).

16. Die Zeit, 20.06.2016 (online). Über würdevolle Abschiede. URL: <http://www.zeit.de/zeitmagazin/2016/26/thomas-gottschalk-mensch-comeback-wetten-dass-gesellschaftskritik> (data obrashhenija: 20.06.2023).

17. Die Zeit, 26.08.2016 (online). VW-BR bringt Beteiligung an Zulieferern ins Gespräch. URL: <http://www.zeit.de/news/2016-08/26/auto-vw-betriebsrat-bringt-beteiligung-an-zulieferern-ins-gespraech-26105006> (data obrashhenija: 24.10.2020).

18. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute (DWDS). URL: <https://www.dwds.de>. (data obrashhenija: 23.10.2020).

19. Der Tagesspiegel, 28.06.2002. Weitere PDS-Abgeordnete überlegen offenbar noch, ob sie sich „gaucken“ lassen. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/pds-abgeordnete-unter-stasi-verdacht-899692.html> (data obrashhenija: 20.06.2023).

20. Fleischer W, Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwarts-sprache. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Walter de Gruyter 2012. 484 S.

21. Frieling S. Schottern, googeln, guttenbergen: Die „Verben der Jahre“ // Sprachreport. 2012, 2. S. 7–15.

22. Gesellschaft für die deutsche Sprache. Wort des Jahres (GfdS). URL: <https://gfdS.de/aktionen/wort-des-jahres/> (data obrashhenija: 12.06.2023).

23. Greule A. Wörter des Jahres, Jugendwörter, Unwörter und kein Ende. Kritische Einschätzung der Wort-/Unwort-Aktionen im deutschen Sprachraum // Text und Diskurs. 2017. Nr. 10. S. 277–286.

24. Lamas E. «Wort des Jahres Schweiz» als Ergebnis systematischer Diskursmessung im mehrsprachigen Kontext. In: tekst i diskurs – text und diskurs 11, 2018. S. 503–516.

25. Muhr R. Das österreichische Wort des Jahres. Geschichte – Intentionen und Ergebnisse. In: APTUM – Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur, 2007, Nr. 1, S. 25–40.

26. Samland Bernd M. Der große Google-Effekt: Die Bildung markenspezifischer Verben. Berlin: Logos Verlag, 2010. 182 S.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 05.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_182
EDN: RJUASU

Метод анкетирования в исследовании речевого поведения подростков-билингвов (на материале немецкого и русского языков)

Анетта Валерьевна Бернгардт

Аспирант кафедры теории языка и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
oxberngardt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5982-1717>

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что процессы миграции в современном мире обуславливают динамику социокультурных ценностей и традиционных культурных стереотипов в историко-культурном пространстве России и Германии. Данное пространство является уникальной основой для существования русско-немецкого и немецко-русского билингвизма. В статье дается ретроспективный анализ исследований контакта русского и немецкого языков, делаются выводы о росте ассимиляционного давления на русский язык, что ставит немецкий язык в доминирующую позицию в речевом поведении российских немцев, иммигрировавших в Германию. Речь подростков-билингвов в ситуации немецко-русского двуязычия показывает, как языковые процессы влияют на адаптацию к жизни в мононациональном обществе.

В свою очередь, подростковый период характеризуется сложным комплексом лингвокультурных, социолингвистических и структурно-лингвистических аспектов речи. Дается анализ структурных аспектов для изучения речевого поведения подростка-билингва с учетом динамики социальных, культурных и общественных изменений в России и Германии. Таким образом, речь подростка-билингва можно рассматривать как комплексный феномен. Метод анкетирования позволяет получить богатую информацию для определения статуса подростковой речи в контексте взаимовлияния культур с учетом динамики изменений в России и Германии во всех сферах общества и определить стратегии коммуникативного поведения подростка-билингва в мононациональном обществе Германии. В статье освещается вариант анкеты для получения информации о статусе подростковой билингвальной речи в контексте взаимовлияния языков и культур на фоне общественно-политических изменений. Речь подростка-билингва рассматривается не только с точки зрения содержательного компонента ответов, но и как процесс выбора языка для решения коммуникативных задач.

Ключевые слова: немецко-русский билингвизм; билингвальная подростковая речь; лингвокультурные; социолингвистические и структурно-лингвистические аспекты билингвизма; лингвистический анализ; статус подростковой речи; метод анкетирования; коммуникативное поведение; языковой сдвиг

Для цитирования: Бернгардт А. В. Метод анкетирования в исследовании речевого поведения подростков-билингвов (на материале немецкого и русского языков) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 182–189. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_182. <https://elibrary.ru/RJUASU>

Original article

Questionnaire method in studying speech behavior of bilingual teenagers (based on materials in german and russian)

Anetta V. Bergardt

Postgraduate student at the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
oxberngardt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5982-1717>

Abstract. Migration processes in the modern world determine the dynamics of social and cultural values as well as traditional cultural stereotypes in russian and german historical and cultural space. This space is a unique basis for russian-german and german-russian bilingualism. The article presents a retrospective analysis of researches on contacts between russian and german languages and draws conclusions about growing assimilation pressure on the russian language, which puts the german language in a dominant position in speech behavior of Russian Germans who

immigrated to Germany. The speech of bilingual teenagers in a situation of german-russian bilingualism shows how language affects adaptation to life in a mono-national society.

Adolescence, in its turn, is characterized by complex linguocultural, sociolinguistic and structural-linguistic aspects of speech. The author analyzes the structural aspects for studying bilingual teenage speech behavior with regard to the dynamics of social, cultural and civic changes in Russia and Germany. The questionnaire method provides rich information for determining the status of adolescent speech in terms of mutual influence of cultures, with regard to dynamic changes in all spheres of russian and german social life. The study determines the strategies for communicative behavior of a bilingual teenager in a mono-national german society. The article presents a questionnaire to obtain information about the status of teenage bilinguals' speech status. Their speech is considered not only from the point of view of the content of the responses, but also as a process of choosing the language to solve communicative tasks.

Key words: german-russian bilingualism; bilingual teenage speech; linguocultural; sociolinguistic and structural-linguistic aspects of bilingualism; linguistic analysis; status of teenage speech; questionnaire method; communicative behavior; language shift

For citation: Berngardt A. V. Questionnaire method in studying speech behavior of bilingual teenagers (based on materials in german and russian). *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(3):182–189. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_182. <https://elibrary.ru/RJUASU>

Введение

Современные процессы глобализации оказывают существенное влияние на формирование социокультурной ситуации в современном обществе. Количество билингвов стремительно растет, а значит, увеличивается и билингвальная коммуникация. Вследствие процессов миграции и появления смешанных национальных браков развивается культурное взаимодействие народов во всех сферах жизни. Это обуславливает динамику социокультурных ценностей и традиционных культурных стереотипов.

В современном историко-культурном пространстве России и Германии сложилась уникальная база для существования немецко-русского билингвизма. Подростковый период – ведущий для развития речевой деятельности индивида, в связи с чем в ситуации немецко-русского двуязычия высокую актуальность обретает изучение речи подростка-билингва, которую отличает сложный комплекс особенностей – лингвокультурных, социолингвистических и структурно-лингвистических, представляющих особый интерес для исследования, поскольку билингвальная речь подростка отражает опыт взаимодействия членов разных культур в историческом и социальном аспектах.

Российской и зарубежной школой билингвальных исследований накоплен большой теоретический опыт и разработано множество подходов к изучению билингвальной личности и проблем двуязычия. Началом новейших исследований языковых контактов считают работы Уриэля Вайнрайха «Языки в контакте» и Эйнара Хаугена «Норвежский язык в Америке» [Blankenhorn, 2000]. Эти исследования впервые создают теоре-

тическую основу для контактной лингвистики. В России также накоплена уникальная теоретическая база для исследования билингвизма. Работы Г. Н. Чиршевой, Г. М. Вишневецкой, Е. Ю. Протасовой, Н. М. Родиной, Е. Л. Кудрявцевой [Чиршева, 2005] рассматриваются не только структурные особенности языка билингва, но и психологические и социальные аспекты билингвальной личности.

Первые исследования контакта русского и немецкого, а точнее русско-германских разновидностей проводятся в 20-х и 30-х годах XX века, которые, однако, также ограничиваются областью лексических заимствований. С конца 50-х годов XX века растет ассимиляционное давление на русский язык, доминирующий почти во всех сферах жизни, что сначала приводит к немецко-русскому двуязычию, а в последующих поколениях к смене языка с русским как доминирующим языком [Blankenhorn, 2000].

Изменение языка, вызванное этими фактами, изучается с 80-х годов такими лингвистами, как Г. Г. Едиг (Hugo Jedig) и Н. Г. Беренд (Nina Berend), работы которых, в частности, сосредоточены на влиянии в лексической, фонетической и грамматической областях. В 90-х годах следуют другие исследования также немецких лингвистов, таких как П. Розенберг, Х. Вейдт, Р. Бланкенхом и др.

Основная часть

История вопроса

Исследования русско-немецкого билингвизма имеют достаточно долгую традицию, основанную на многовековом взаимодействии наших народов, которое осуществлялось на территории

современной Российской Федерации.

В настоящее время эмиграция является одним из решающих факторов этнического развития российских немцев. Стремительный рост числа эмигрантов, достигнув пика к середине 1990-х гг., постепенно снизился, но выезд немцев продолжается и сейчас. Эмиграционные настроения более выражены у молодых людей. Это можно объяснить как проблемами социально-экономического характера (обучение, трудоустройство, отсутствие социальных гарантий), так и более высокой мобильностью молодежи в целом [Плеве, 2005].

Несмотря на снижение темпов эмиграции, ее массовый характер породил много проблем и экономического, и социального, и национального характера. Перемещение огромных масс населения, радикальное изменение этнической структуры бывших «немецких» населенных пунктов выступает фактором напряженности не только в отношениях между представителями различных национальностей, но и для самих немцев [Tröster, 2013]. Интеграция в целом проходит успешно, однако мигранты в Германии сталкиваются с рядом проблем, одна из которых заключается в непонимании своего места в немецком обществе. Языковые и культурные особенности российских немцев не позволяют им до конца интегрироваться, они неизбежно чувствуют свое отличие. Исследование речи подростка-билингва в ситуации немецко-русского двуязычия дает возможность показать, как языковые процессы влияют на адаптацию к жизни в мононациональном обществе.

Изучение немецко-русского билингвизма и языковой ситуации в целом имеет не такую богатую историю, в отличие от изучения этапов взаимодействия этих этносов. Первые исследования контакта русского и немецкого языков проводятся в 20–30-х годах XX века, но ограничиваются областью лексических заимствований [Менг, 2012]. Триггер для этих исследований – развитие отношений немецких колонистов с русскоязычной средой в результате революции, Гражданской войны, построения советской администрации и расширения обучения русскому языку в школах [Levkovich, 2015]. Депортация немецкого населения в 1941 году в Сибирь и Среднюю Азию вносит фундаментальные изменения в ситуацию языкового контакта, так что русский язык постепенно начинает использоваться в повседневном общении. После сталинского периода ситуация несколько улучшается, но растет ассимиляцион-

ное давление на русский язык, доминирующий почти во всех сферах жизни, что сначала приводит к формированию немецко-русского двуязычия, а в последующих поколениях – к смене языка с установлением русского как доминирующего [Смирнова, 2000].

Изменение языка, вызванное этими фактами, изучают с 80-х годов XX века такие лингвисты, как Г. Г. Едиг (Hugo Jedig) и Н. Г. Беренд (Nina Berend), работы которых, в частности, сосредоточены на лексической, фонетической и грамматической областях. В 90-х годах следуют другие исследования – также немецких лингвистов, таких как П. Розенберг, Х. Вейдт, Р. Бланкенхом и др.

Е. А. Земская в своей монографии «Язык русского зарубежья» исследует русский язык в диаспоре, в том числе в Германии. При этом она фокусируется на эмигрантах первой волны, бежавших в Западную Европу, а позже – в Америку, Канаду и т. д., и их потомках, живших во время Октябрьской революции и Гражданской войны [Менг, 2012].

В частности, изменениями русского языка под влиянием контактного немецкого языка занимаются сотрудники Мангеймского института немецкого языка, такие как Нина Беренд и Екатерина Менг. В своем многолетнем проекте изучения переселенцев ООН они исследуют языковое поведение российских немцев, а также их шаги и проблемы языковой интеграции. Е. Менг, в частности, рассматривает процессы изменения русско-немецкого двуязычия в семьях. В качестве других лингвистов, занимающихся этим вопросом, можно отметить Е. Ю. Протасову, Г. Пфандл, В. Жданову и Д. Трубочанинова [Менг, 2012; Жданова].

Анкетирование как метод сбора материала в билингвальных исследованиях

Вопросы внутрисемейной коммуникации в билингвальных семьях или в условиях проживания в иноязычной среде оказывают существенное влияние на формирование и развитие речи подростка-билингва, затрагивают лингвокультурные, социолингвистические и структурно-лингвистические аспекты [Чиршева, 2003].

Именно для рассмотрения соотношения этих аспектов в речи подростка-билингва в ситуации немецко-русского двуязычия была создана анкета и разработаны вопросы, анализ ответов на которые должен внести вклад в исследование речевого поведения подростка-билингва. Информация, полученная из анкеты, позволит разработать

принципы лингвистического анализа речевых высказываний подростка-билингва с учетом динамики социальных, культурных и общественных изменений в России и Германии; разработать методологические и теоретические подходы к лингвистическому описанию и функционированию билингвальной речи подростка; определить статус подростковой речи в контексте взаимовлияния культур и степень влияния современного немецкого общества на речь подростка-билингва.

Использование результатов анкетирования позволит рассмотреть речь подростка-билингва как комплексный феномен, включающий социолингвистический, исторический, лингвокультурный и структурно-лингвистический аспекты.

Таким образом, речь подростка-билингва исследуется в контексте социальных изменений в связи с межкультурной ситуацией и экстралингвистической реальностью. В свою очередь, информация, полученная в ходе анкетирования, может быть проанализирована в контекстуально-семантическом, сравнительно-сопоставительном и функциональном плане.

Для описания языковой ситуации в среде проживания подростка-билингва и анализа его коммуникативного поведения следует обратиться к анкетированию как одному из наиболее верифицированных методов сбора материала [Щеглова, 2018].

В рамках исследования был разработан комплекс вопросов, оформленных в виде анкеты, позволяющей получить информацию о речи подростка-билингва. Поскольку характер, количество вопросов и объект изучения определяются задачами исследования, при создании анкеты особое внимание уделялось информации, необходимой для решения исследовательских задач: определения статуса подростковой речи в контексте взаимовлияния культур; анализа речевых высказываний подростка-билингва с учетом динамики социальных, культурных и общественно-политических изменений в России и Германии; разработки подходов к функционированию билингвальной речи подростка-билингва; определения степени влияния современного немецкого общества на речь подростка-билингва и его проявлений в кросс-культурном контексте [Anstatt, 2018]. При составлении вопросов анкеты предполагалось, что полученные ответы дадут богатую информацию для изучения структурно-лингвистических характеристик подростковой речи билингвов с учетом интерференциальных и структурно-речевых характеристик.

Для описания языковой ситуации в среде подростков-билингвов необходим анализ их коммуникативного поведения. Научная новизна работы состоит в том, что лингвокультурные, социолингвистические и структурно-лингвистические аспекты речи подростка-билингва изучаются на основе анкеты, разработанной в соответствии с концепцией моделирования языкового поведения билингва в ситуации русско-немецкого двуязычия, которое рассматривается не только как содержательный компонент ответов на вопросы анкеты, но и как процесс выбора языка для решения коммуникативных задач. На основе полученной информации коммуникативное поведение подростков-билингвов может быть проанализировано по таким параметрам, как статус языка, коммуникативный паспорт билингва, самооценка речевых умений, характеристик, иллюстрирующим поддержку билингвизма. Реализация системного подхода при моделировании анкеты предполагает, что каждый ее пункт может дополнять и уточнять другие пункты. Это влияет на результаты анкетирования и определяет высокую информативность полученных данных.

При разработке анкеты учитывалась не только ее композиция, но и коммуникативная функция для получения более качественного и информативного материала. Важно было обеспечить удобство работы с анкетой с учетом возрастных и языковых особенностей респондента.

Анкета включает обращение к респонденту, реквизитную, информационную и заключительную части.

В обращении респондентов просят принять участие в исследовании речи подростков-билингвов в ситуации русско-немецкого двуязычия и поясняют, какие особенности подростковой речи будут исследоваться на материале анкет.

Реквизитная часть содержит информацию об опрашиваемых (имя, возраст). Для лингвокультурного исследования важную роль играли вопросы о родственниках, переехавших в Германию, и языках, используемых в домашней среде и вне ее.

Информативная часть анкеты состоит из открытых вопросов и заданий, позволяющих получить развернутые ответы. Предполагается, что ответы даются на русском языке, однако, если респондент испытывает затруднения, ответ может быть записан на немецком языке, что также дает определенную информацию для анализа.

Содержательная часть анкеты выявляет специфику подростков-билингвов:

1) социально-демографические характеристики (в первую очередь, гендер, возраст и место проживания);

2) статусные характеристики немецкого и русского языков в сознании респондентов (Какой язык не считается родным? Воспринимаешь ли ты себя частью русской культуры? Считаешь ли ты себя русским или немцем и почему?);

3) характеристики коммуникативного паспорта подростка-билингва (На каком языке ты разговариваешь дома? На каком языке ты общаешься с друзьями? Разговариваешь ли ты со сверстниками на русском языке? Все ли ты понимаешь, когда читаешь по-русски?);

4) характеристики, отражающие аксиологические параметры билингвизма (Считаешь ли ты русский язык трудным для изучения? Если бы у тебя была возможность изучать русский язык, стал бы ты это делать?).

Все вопросы анкеты, позволяющей исследовать речь подростка-билингва в ситуации русско-немецкого двуязычия, условно можно разделить на четыре группы:

1. Общие вопросы, дающие понимание семейной ситуации респондента.

2. Вопросы, отражающие лингвокультурные аспекты речи подростка-билингва.

3. Вопросы, отражающие социолингвистический аспект речи подростка-билингва.

4. Вопросы, отражающие структурно-лингвистические характеристики речи подростка-билингва.

При моделировании лингвистического опросника был реализован системный подход, в соответствии с которым каждый вопрос дополняет и уточняет другие. Для получения большего объема информации от респондентов в анкету преимущественно включены открытые вопросы. Опираясь на опыт социолингвистических исследований с использованием метода анкетирования, был составлен следующий опросник с целью анализа особенностей речи подростков билингвов в ситуации немецко-русского двуязычия [Щеглова, 2018].

Лингвистический опросник для подростков-билингвов в ситуации русско-немецкого двуязычия

I. Общие вопросы:

1. Имя.

2. Возраст.

3. Кто из Ваших ближайших родственников (родители, бабушки, дедушки) переехал в Германию и когда?

4. Какой язык ты считаешь родным?

5. На каком языке ты разговариваешь дома?

6. На каком языке ты общаешься с друзьями?

7. В связи с последними общественно-политическими событиями стараешься ли ты избежать употребления русского языка?

8. Есть ли у тебя друзья, знакомые твоего возраста, которые тоже владеют русским языком?

9. Как ты определил бы долю употребления русского языка в своей речи?

10. Читаешь ли ты по-русски?

11. Все ли ты понимаешь, когда читаешь по-русски?

12. Умеешь ли ты писать по-русски?

13. Все ли ты можешь изложить на русском языке в письменной речи?

14. Какие трудности у тебя возникают при чтении на русском языке и в письменной речи?

15. Приходилось ли тебе переводить на русский язык или на немецкий язык с русского для друзей, родственников? Какие при этом возникали сложности? Всегда ли ты справлялся с поставленной задачей?

II. Вопросы, отражающие лингвокультурные аспекты речи подростка-билингва:

1. Знаешь ли ты русские пословицы? Приведи, пожалуйста, пример и объясни смысл:

– Как ты понимаешь пословицу «Русские медленно запрягают, но быстро едут»?

– Как ты понимаешь пословицу «Если по-русски скроен, то и один в поле воин»?

– Как ты понимаешь пословицу «Русская душа нарасташку»?

2. Назови пять праздников, расположив их по степени важности для тебя (начни с наиболее важных).

3. Говоришь ли ты со сверстниками на русском языке? В каких сферах происходит это общение?

4. Имеет ли для тебя важность (ценность) знание русского языка?

5. Хотел бы ты в будущем сохранить русский язык и передать его своим детям? Или ты считаешь это необязательным?

6. Слушаешь ли ты музыку на русском языке? Смотришь ли ты фильмы на русском языке? Если «да», то какие?

7. Воспринимаешь ли ты себя, свою семью частью русской культуры, русского мира?

8. Считаешь ли ты себя русским или немцем? Почему?

9. Как ты описал бы русских людей? На основании чего ты делаешь эти выводы? (личный опыт, репортажи, фильмы...)

III. Вопросы, отражающие социолингвистический аспект речи подростка-билингва:

1. Насколько хорошо ты понимаешь русскую речь? Дай оценку по десятибалльной шкале.

2. Если с тобой разговаривают по-русски, на каком языке ты отвечаешь?

3. Всегда ли ты понимаешь русскоговорящих подростков?

4. Как ты считаешь, знание русского языка дает тебе определенные преимущества в современном мире? Какие?

5. Считаешь ли ты русский язык трудными для изучения?

6. Если бы у тебя была возможность изучать русский язык, стал бы ты это делать?

7. Если бы у тебя была возможность изучать русский или какой-нибудь другой язык, что ты выбрал бы?

IV. Вопросы, отражающие структурно-лингвистические характеристики речи подростка-билингва:

1. Помогает или мешает тебе знание русского языка в жизни?

2. Легко ли ты переключаешься с одного языка на другой в устной речи?

3. Знаешь ли ты значение слова «сленг»? Приведи, пожалуйста, примеры подросткового сленга на русском и немецком языках?

4. На каком языке ты в большей степени общаешься со сверстниками?

5. Используешь ли ты русский язык при общении в мессенджерах с билингвами? (Пишешь ли ты на русском языке, вставляешь ли русские слова или совсем не используешь русский язык?)

Выводы

Метод анкетирования для изучения ситуации немецко-русского двуязычия представляется наиболее значимым и верифицированным с точки зрения отображения реальной языковой ситуации подростков в Германии в среде эмигрантов. Анализ ответов, полученных в результате анкетирования, позволит провести комплексное исследование речи подростка-билингва, обозначить ее основные характеристики в ситуации немецко-русского двуязычия, определить степень влияния немецкой культуры и немецкоязычного общества на билингвальную речь, а также зафиксировать

языковые явления в речи на лингвокультурном, социолингвистическом и структурно-лингвистическом уровнях.

Собранный материал также позволит описать ситуацию языкового сдвига как «процесс регрессивного развития языка, который выражается в отказе от передачи языка подрастающему поколению, в изменении отношения к языку» [Щеглова, 2018, с. 410-414]. На основе ответов респондентов могут быть сделаны выводы о ситуации естественного немецко-русского двуязычия, потребностях в общении на русском языке подростков-билингвов, частоте обращения к русскому языку, а также об общем уровне развития двуязычия в подростковом возрасте.

Библиографический список

1. Бернгардт А. В. Проблемные поля терминов контактной лингвистики // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2. С. 151–158.
2. Бернгардт А. В. Русско-немецкий билингвизм: исторический очерк // Язык и общество. Диалог культур и традиций : сборник статей научной конференции «Чтения Ушинского» / под науч. ред. Е. И. Бойчук. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 107–112.
3. В лабиринтах многоязычия, или Образование успешного ребенка / Е. Л. Кудрявцева и др. Москва : Линка-Пресс, 2018. 240 с.
4. Вишневская Г. М. Билингвизм и его аспекты : учебное пособие. Иваново : ИВГУ, 1997. 99 с.
5. Жданова В. Некоторые особенности речевого поведения русскоязычной диаспоры в Германии / В. Жданова, Д. Трубочанинов // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV), Bd. 4. Böttger, Katharina (Hrsg.), München: Otto Sagner, S. 274–285. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники, Bd. 12)
6. Кудрявцева Е. Л. Русский язык как родной, неродной, один из родных и иностранных языков: Вопросы терминологии и измерения уровней владения языком / Е. Л. Кудрявцева, Д. А. Салимова, Л. А. Снигирева // Asian Social Science, Published by Canadian Center of Science and Education. T. 11. № 2015. С. 124–132.
7. Менг К. Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии / К. Менг, Е. Ю. Протасова // Этнографическое обозрение. 2015. № 6. С. 13–25.
8. Менг К. Языковая интеграция российских немцев в Германии: 20 лет спустя / К. Менг, Е. Ю. Протасова // Немцы в России: взгляд из провинции : сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием, Киров, 28 апреля 2012 года. Киров : Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2012. 229 с.
9. Плева И. Р. История немцев России (rusdeutsch.ru) : учебный комплекс / И. Р. Плева,

А. А. Герман, Т. С. Иларионова. Москва : МСНК-пресс, 2005. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

10. Протасова Е. Ю. Многоязычие в детском возрасте / Е. Ю. Протасова, Н. М. Родина. Санкт-Петербург : Златоуст, 2005. 276 с.

11. Протасова Е. Ю. Проблемы двуязычия и многоязычия. Москва : Наука, 2000. 359 с.

12. Смирнова Т. Б. Трансформация родного языка немцев России / Т. Б. Смирнова, Е. А. Шлегель // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 282–287.

13. Чиршева Г. Н. Билингвальная речь // Вестник ОГУ. 2003. № 4. С. 23–29.

14. Шлегель Е. А. Немцы России сегодня: экспедиция в места компактного проживания // Аношинские чтения : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Омск : Наука, 2019. С. 260–265.

15. Щеглова И. В. Комплекс анкет для исследования коммуникативного поведения естественных билингвов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9. Ч. 2. С. 410–414.

16. Anstatt T. Input ohne Output: Rezeptiver Bilingualismus und sein Potenzial // Mehlhorn G., Brehmer B. (Hg.) Potenziale von Herkunftssprachen. Sprachliche und außersprachliche Einflussfaktoren. Tübingen, 2018. 145 S.

17. Blankenhorn R. Zum russisch-deutschen Sprachkontakt. Kontakt bedingter Wandel und Sprachmischung in russlanddeutschen Dialekten in Sibirien. Böttger, K.; Giger, M.; Wiemer, B. (Hg.): Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 3. München (Die Welt der Slaven. Sbornik, Bd. 8), 2000, S. 17–28.

18. Levkovych N. On the linguistic behavior of immigrants from the post-Soviet countries in Germany // Stolz, C. (ed.) Language Empires in Comparative Perspective. Berlin, 2015.

19. Tröster I. (Spät-)Aussiedler – «neue alte Deutsche». Deutschland Einwanderungsland. Begriffe – Fakten – Kontroversen, Hg. K.-H. Meier-Braun, R. Weber. Stuttgart : Kohlhammer, 2013. P. 78–80.

Reference list

1. Bergardt A. V. Problemnye polja terminov kontaktnoj lingvistiki = Problem fields of contact linguistics terms // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2. S. 151–158.

2. Bergardt A. V. Russko-nemeckij bilingvizm: istoricheskij ocherk = Russian-German bilingualism: a historical sketch // Jazyk i obshchestvo. Dialog kul'tur i tradicij : sbornik statej nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo» / pod nauch. red. E. I. Bojchuk. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. S. 107–112.

3. V labirintah mnogojazychija, ili Obrazovanie uspehnogo rebenka = In the labyrinths of multilingualism, or Educating a successful child / E. L. Kudrjavceva i dr. Moskva : Linka-Press, 2018. 240 s.

4. Vishnevskaja G. M. Bilingvizm i ego aspekty = Bilingualism and its aspects : uchebnoe posobie. Ivanovo : IvGU, 1997. 99 s.

5. Zhdanova V. Nekotorye osobennosti rechevogo povedenija russkojazychnoj diasporы v Germanii = Speech behavior specifics of Russian-speaking diaspora in Germany / V. Zhdanova, D. Trubchaninov // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV), Bd. 4. Böttger, Katharina (Hrsg.), München: Otto Sagner, S. 274–285. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände / Sborniki, Bd. 12)

6. Kudrjavceva E. L. Russkij jazyk kak rodnoj, nerodnoj, odin iz rodnyh i inostrannyh jazykov: Voprosy terminologii i izmerenija urovnej vladenija jazykom = Russian as a mother tongue, non-native language, one of native and foreign languages: Terminology and measurement issues of language proficiency levels / E. L. Kudrjavceva, D. A. Salimova, L. A. Snigireva // Asian Social Science, Published by Canadian Center of Science and Education. T. 11. № 2015. S. 124–132.

7. Meng K. Transformacija kul'turno-jazykovogo samosoznanija rossijskih nemcev v Germanii = Transformation of cultural-linguistic identity of Russian Germans in Germany / K. Meng, E. Ju. Protasova // Jetnograficheskoe obozrenie. 2015. № 6. S. 13–25.

8. Meng K. Jazykovaja integracija rossijskih nemcev v Germanii: 20 let spustja = Linguistic integration of Russian Germans in Germany: 20 years later / K. Meng, E. Ju. Protasova // Nemcy v Rossii: vzgljad iz provincii : sbornik materialov II Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Kirov, 28 aprlja 2012 goda. Kirov : Izd-vo Vjatskogo gos. gumanitarnogo un-ta, 2012. 229 s.

9. Pleve I. R. Istorija nemcev Rossii (rusdeutsch.ru) = History of Germans in Russia (rusdeutsch.ru) : uchebnyj kompleks / I. R. Pleve, A. A. German, T. S. Ilarionov. Moskva : MSNK-press, 2005. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/> (data obrashhenija: 01.11.2022).

10. Protasova E. Ju. Mnogojazychie v detskom vozraste = Multilingualism in childhood / E. Ju. Protasova, N. M. Rodina. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2005. 276 s.

11. Protasova E. Ju. Problemy dvujazychija i mnogojazychija = Problems of bilingualism and multilingualism. Moskva : Nauka, 2000. 359 s.

12. Смирнова Т. Б. Трансформация родного языка немцев России = Transformation of the Germans' native language in Russia / Т. Б. Смирнова, Е. А. Шлегель // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 282–287.

13. Чиршева Г. Н. Билингвальная речь' = Bilingual speech // Вестник ОГУ. 2003. № 4. С. 23–29.

14. Шлегель Е. А. Немцы России сегодня: экспедиция в места компактного проживания = Russian Germans today: an expedition to the places of compact residence // Аношинские чтения : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Омск : Наука, 2019. С. 260–265.

15. Shheglova I. V. Komplex anket dlja issledovanija kommunikativnogo povedenija estestvennyh bilingvov = A set of questionnaires to investigate the communicative behavior of natural bilinguals // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018. № 9. Ch. 2. S. 410–414.

16. Anstatt T. Input ohne Output: Rezeptiver Bilingualismus und sein Potenzial // Mehlhorn G, Brehmer B. (Hg.) *Potenziale von Herkunftssprachen. Sprachliche und außersprachliche Einflussfaktoren*. Tübingen, 2018. 145 S.

17. Blankenhorn R. Zum russisch-deutschen Sprachkontakt. Kontakt bedingter Wandel und Sprachmischung in russlanddeutschen Dialekten in Sibiri-

en. Bdtger, K.; Giger, M.; Wiemer, B. (Hg.): *Beitrdge der Europaeischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 3*. Muenchen (Die Welt der Slaven. Sbomik, Bd. 8), 2000, S. 17–28.

18. Levkovych N. On the linguistic behavior of immigrants from the post-Soviet countries in Germany // Stolz, C. (ed.) *Language Empires in Comparative Perspective*. Berlin, 2015.

19. Tröster I. (Spät-)Aussiedler – «neue alte Deutsche». *Deutschland Einwanderungsland. Begriffe – Fakten – Kontroversen*, Hg. K.-H. Meier-Braun, R. Weber. Stuttgart : Kohlhammer, 2013. R. 78–80.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 11.05.2023; approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 811.13

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_190

EDN: SDJGFR

Переводы Фернандо Пессоа на русский язык в соответствии с особенностями метрики португальского поэта

Ирина Николаевна Фещенко-Скворцова

Кандидат педагогических наук, доцент; научный сотрудник Нового Лиссабонского университета. Campus de Campolide, 1099-085, Lisboa, Portugal

irenerussian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5387-0948>

Аннотация. Автор статьи ставит перед собой задачу рассмотреть возможности более точного перевода поэзии Фернандо Пессоа и его гетеронимов на русский язык, исходя из особенностей её ритмического построения. В первой части статьи приводится анализ русскими и зарубежными филологами взаимосвязи, взаимовлияния, взаимопорождения стихотворных форм разных языков и культур; проводится сравнение особенностей просодии русского и португальского языков, их сходство и различие, с целью нахождения возможностей наиболее адекватной передачи в переводе ритма оригинала. Делается вывод о том, что наиболее полемичным предметом в истории фонетики и теории стихосложения является вопрос о типологии метров и ритмов в поэзии и о возможности отнести тот или иной язык к одному из этих типов. Во второй части статьи анализируются возможности приближения ритмов португальской поэзии к силлабо-тонике, показано, что в португальской поэзии сдвиги ударений осуществляются значительно свободнее, чем в русской. В третьей части статьи исследуется система стихосложения Фернандо Пессоа, на которую наложили отпечаток обстоятельства жизни, культурная среда и индивидуальность самого поэта. Он использовал в португальском языке силлабическую и силлабо-тоническую системы стихосложения, дольники, логэды, свободный стих и даже имитацию античного метрического стихосложения. Ритм некоторых его стихов на фоне определённой метрической системы является достаточно прихотливым, в нём от строки к строке может меняться схема расположения ударений и количество слогов в строке. На конкретных примерах показаны возможности приближения переводов Фернандо Пессоа по своему ритмическому построению к оригиналам.

Ключевые слова: португальская и русская просодии; просодическая структура; типология метров и ритмов в поэзии; ожидание как характеристика ритма; силлабическая; силлабо-тоническая и тоническая системы стихосложения; дольник; логэд; свободный стих; античное метрическое стихосложение; взаимопроникновение языков; особенности ритмики поэзии Фернандо Пессоа

Для цитирования: Фещенко-Скворцова И. Н. Переводы Фернандо Пессоа на русский язык в соответствии с особенностями метрики португальского поэта // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 190–203. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_190. <https://elibrary.ru/SDJGFR>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Translations of Fernando Pessoa into russian in accordance with the specific metrics of the portuguese poet

Irina N. Feshchenko-Skvortsova

Candidate of pedagogical sciences, associate professor; researcher at the New university of Lisbon. Campus de Campolide, 1099-085, Lisboa, Portugal

irenerussian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5387-0948>

Abstract. The article aims to consider the possibilities of a more accurate translation of Fernando Pessoa's poetry and its heteronyms into Russian, taking into account the specifics of its rhythmic construction. The first part of the article contains analyses by Russian and foreign philologists of the interrelation, mutual influence, and intergeneration of poetic forms in different languages and cultures. The author compares the peculiarities of Russian and Portuguese prosody, their similarities and differences, in order to find the possibilities for the most adequate translation of the original rhythm. The conclusion is made that the most controversial subject in the history of phonetics and the theory of versification is the problem of meter and rhythm typology in poetry and the possibility of attributing a certain language to one of these types. The second part of the article analyzes the possibilities of making the rhythms of Portuguese poetry closer to accentual-syllabic versification system, showing that in Portuguese poetry, shifts of stresses are much freer than in Russian poetry. In the third part of the article, the author examines Fernando Pessoa's system of versification, which was influenced by the circumstances of his life, the cultural environment, and the personality of the poet himself. In Portuguese, he used the syllabic and accentual-syllabic systems of versification, accentual verse, logaoedics, free verse, and even a system of quantitative versification. The rhythm of some of his poems, against a specific background of a metric system, is quite whimsical, the stress arrangement and the number of syllables in a string can change from line to line.

Key words: Portuguese and Russian prosody; prosodic structure; typology of meters and rhythm in poetry; syllabic and accentual-syllabic versification systems; accentual verse; logaoedic verses; free verse; a system of quantitative meter; rhythmic features of Fernando Pessoa's poetry

For citation: Feshchenko-Skvortsova I. N. Translations of Fernando Pessoa into Russian in accordance with the specific metrics of the Portuguese poet. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):190–203. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_190. <https://elibrary.ru/SDJGFR>

Переводы иноязычной поэзии на русский язык, по мнению авторитетных российских лингвистов и филологов, например М. Л. Гаспарова, сплошь и рядом воспроизводят размеры подлинника не точно, а лишь условно, что не даёт возможности представить, какой ритм подлинника стоит за этим переводом. Но для решения задачи приближения ритма перевода к оригиналу необходимо вступить в малоисследованную область сравнительного стиховедения, рассмотреть взаимосвязи, взаимовлияние, взаимо порождение стихотворных форм разных языков и культур [Гаспаров, 2003].

Цель статьи – вычленив вопросы, которые встают на самых первых этапах сравнительного исследования португальской и русской поэтической метрики, и попытаться ответить на некоторые из них, оказав этим посильную помощь переводчикам поэзии с португальского языка на русский на примере образцов перевода Ф. Пессоа.

Типологии ритмической структуры языка и типологии систем стихосложения

Наиболее полемичный предмет в истории фонетики и теории стихосложения – дискуссия о типологии метров и ритмов в поэзии и о возможности отнести тот или иной язык к одному из типов просодической структуры [Cagliari, 2012]. Как справедливо отметил М. Л. Гаспаров, «все национальные стихосложения народов Европы развиваются из общих источников, сосуществуют, взаимодействуют, одни и те же стихотвор-

ные формы по ходу истории культуры переходят из языка в язык, варьируясь в соответствии с фонологическими особенностями каждого языка» [Гаспаров, 2003, с. 3].

Типы систем современного стихосложения, определяемые русскими лингвистами: силлабическая, тоническая и силлабо-тоническая (если не говорить о силлабо-мелодическом стихосложении в китайской классической поэзии). Каждый язык располагает фонологическими данными, допускающими разработку разных систем стихосложения (по меньшей мере двух – силлабической и тонической) [Гаспаров, 2003].

Одна из наиболее известных гипотез европейских лингвистов относительно фонологических особенностей языков и характерных для них ритмов вытекает из исследований Дэвида Аберкромби [Abercrombie, 1967], Дэвида Кеннета, Ли Пайка [Pike, 1945], Питера Ладефогед и др. Согласно этой гипотезе, все языки можно разделить на три ритмических класса в зависимости от наблюдаемого типа изохронности: силлабической по одинаковому количеству слогов (syllable-timed language), силлабо-тонической, когда между ударными слогами – одинаковое число безударных интервалов (stress-timed language) и с изохронностью на уровне моры, что отвечает метрической системе (mora-timed language) [Cruz, 2014].

Некоторые сходства и различия русской и португальской систем стихосложения

Некоторые сведения о сравнительном стиховедении были даны М. Л. Гаспаровым. Так, им было рассмотрено подробно историческое развитие квантитативной метрики. К сожалению, о метрике португальского языка в работах этого учёного сказано очень мало. Но, говоря об особенностях английской и немецкой силлаботоники, учёный упоминает **об одном признаке русской метрической системы, которая, на наш взгляд, обнаруживает её сходство с португальской**: «...в русском ямбе и хорее последнее сильное место в строке не допускает пропуска ударения<...>: на него ориентируется весь ритм пропущенных и непропущенных ударений в предыдущих стопах – без этой ударной константы наш слух не уследил бы за счетом этих стоп, то ударных, то безударных. То же самое мы наблюдаем и в португальской метрике. В английском и немецком стихе, где почти все стопы ударны, слуху легче следить за ними и пропуск ударения на последней стопе не так мешает счету стоп» [Гаспаров, 2003].

Но посмотрим, как продолжает свою мысль М. Л. Гаспаров, сравнивая русские, английские и немецкие ямбы и хорей: «В русском ямбе и хорее начало строк всегда единообразно – ямб начинается со слабого слога, хорей с сильного. Пропускать этот начальный слог – так, чтобы в одном стихотворении как бы смешивались строки ямба и хорей – в русских двухсложных размерах недопустимо. Причина та же: в строках с частыми пропусками ударений на сильных местах такой пропуск слога помешал бы правильному ощущению стоп. В английских и немецких ямбах и хорей, почти сплошь полноударных, это препятствие отпадает, и свободное чередование ямбических и хорейческих зачинов строк не мешает ощущению ритма. В середине строки силлаботонический ямб и хорей допускают не только пропуски ударения на сильных местах, но и сверхсхемные ударения на слабых местах... **Поэтому ограничения на сдвиги ударений присутствуют во всех силлабо-тонических стихосложениях, но в различной степени: в русском они строже всего, в немецком немного свободнее, в английском наиболее свободны**» [Гаспаров, 2003, с. 163–164].

На основании вышеперечисленных наблюдений Гаспарова, на мой взгляд, можно сделать противоположный вывод – об **отличии русской просодии от португальской и её сходстве с ан-**

глийской и немецкой. Как будет показано в дальнейшем, в португальской поэзии сдвиги ударений осуществляются также значительно свободнее, чем в русской. Таким образом, русская и португальская системы стихосложения обнаруживают сходство в одних элементах и различие в других.

Типология ритмов в разговорном языке и опасность подмены лингвистических понятий учеными разных стран

По мнению американских и европейских лингвистов современные языки относятся или к типу stress-timed (я бы осмелилась назвать их языками с акцентным ритмом, такое название встречается во многих научных трудах португальских лингвистов), их примером является английский язык, или к syllable-timed (языки с силлабическим ритмом), например, французский язык. Но следует помнить об опасности подмены понятий. Как сказано выше, португальские лингвисты используют понятие «языков с акцентным ритмом», подразумевая при этом stress-timed language. А русские учёные, как известно, различают три акцентные системы стихосложения: тоническую, силлабическую и силлаботоническую, они достаточно освещены в их работах, например М. Л. Гаспарова [Гаспаров, 2003].

Европейские лингвисты считают, что в языках типа stress-timed могут быть различные промежутки между ударными слогами, но они не воспринимаются как таковые, благодаря процессам слияния слогов [Gimson, 1989]. Безударные слоги между ударными слогами, как правило, сжимаются, чтобы соответствовать ритму. Английский, немецкий, русский, датский, шведский, норвежский, голландский и португальский (кроме бразильской версии) языки являются, по их мнению, типичными языками stress-timed [Azevedo, 2005; Graham, 2002].

Ритмические тенденции в португальском языке и поэзии

Первое направление в португальской поэзии, представленное песнями-кантигами пиренейских трубадуров, возникло в XI столетии. Существуют разнообразные предположения об их происхождении, в том числе корни этого явления ищут в латинской или арабской культуре. Мне представляется более вероятным смешанное происхождение кантиг трубадуров, так как пиреней-

ские народы испытали сильное влияние обеих этих культур. Если рассматривать в качестве источника португальской поэзии латынь, следует помнить, что она была языком с силлабическим ритмом, что с большой долей вероятности подразумевало бы силлабитический ритм производного от неё португальского языка. Однако, уже в XI столетии в песнях трубадуров изосиллабитическому принципу противоречила явная тенденция к ритму акцентному (stress-timed), при котором число и расположение ударений становилось более важным, чем число слогов. Подтверждением такой тенденции является и стих, называемый «verso de arte maior», пришедший в Португалию из Испании в конце XIV века. Длина его строки колебалась от 9 до 13 слогов. Другой формой стихосложения stress-timed была так называемая «варварская метрика», развивавшаяся с XIV–XVI столетий в Италии. Её часто называют техникой Г. Кардуччи. Она прижилась и в португальской поэзии (например, её придерживался бразильский поэт Carlos Magalhães de Azeredo, годы жизни 1872–1963) [Nova Gramatica ... , 2013].

Некоторые авторитетные исследователи утверждают, что *португальская поэзия* отвечает определению силлабического ритма, несмотря на то, что *сам португальский язык* более соответствует требованиям акцентного (stress-timed) ритма. При этом они аргументируют это мнение тем, что даже названия португальских стихов определяется количеством слогов [Abercrombie, 1965; Cagliari, 1984]. П. Феррари высказывает мнение, что португальский язык имеет просодическую систему, в основе которой лежит силлабика. Но при этом уточняет: «Следует отметить, что некоторые языки имеют смешанный ритм, колеблющийся между силлабикой и силлаботоникой. Португальский язык является одним из таких языков» [Ferrari, 2012, с. 53]. В той же авторитетной грамматике, где частично освещена история развития акцентного (stress-timed) ритма в португальской поэзии, португальское стихосложение рассматривается всё же как метрическая система на базе силлабики, в которой слог бесспорно является единицей измерения стиха. Отсюда вытекает тенденция к постоянству числа слогов в каждом определённом типе стихов [Nova Gramatica ... , 2013].

Существует мнение, что европейский португальский язык по своей природе ближе к акцентному (stress-timed) ритму, чем бразильский его вариант, для которого ближе смешанный ритм – между силлабикой и силлаботоникой [Bisol,

2000]. В процессе быстрой речи ритм бразильского языка больше напоминает силлабо-тонику, а при медленной речи – силлабику. Диалекты – гаучу (по-португальски – гаушу – gaúcho, диалект субэтнической группы в Аргентине, Уругвае и штате Риу-Гранди-ду-Сул в Бразилии) и байяну (Baiano, диалект португальского языка в Байе) также проявляют тяготение к силлабическому ритму, тогда как диалект юго-западных районов Бразилии (штат Минас-Жерайс) имеет акцентный ритм [Meireles, 2014]. Некоторые современные исследования рассматривают особенности европейского португальского языка различных регионов. При этом доказывается, что разновидность языка, используемая в центральных районах Португалии, по своему ритму относится к смешанному (между силлабикой и силлабо-тоникой) типу, тогда как язык района Фару (юг Португалии, Алгарве), относится к чистой силлабо-тонике [Cruz, 2014].

Таким образом, мы видим, что в португальском языке, как и других языках (и в том числе в русском), постоянно происходит переход от одних форм, систем стихосложения к другим, причинами этого часто являются влияния культур соседних стран. На мой взгляд, взгляд переводчика португальских поэтов, как классиков, так и современников, несмотря на аргументы сторонников принадлежности ритма португальского языка к силлабике, и сам язык, и его поэзия проявляют явное тяготение к силлабо-тоническому ритму.

Как достигается изохронность безударных промежутков между ударными слогами в португальском языке?

Как уже говорилось, одним из наиболее вероятных источников португальского языка была латынь – язык с силлабическим ритмом. В случае, когда язык с силлабическим ритмом (латинский) порождает язык с ритмом силлаботоническим (португальский), обычно имеет место образование одинаковых интервалов между ударными слогами [Cagliari, 2013].

В португальском языке, как известно, имеется несколько решений, в результате которых число грамматических слогов часто больше числа метрических или поэтических слогов того или иного стихотворения. В португальской просодии читается как один слог (и считается одним слогом) слияние слога с конечной безударной гласной и слогом следующего слова, начинающегося на гласную. Таким образом, при чтении стиха слоги

как бы склеиваются. Это «синалефа» (sinalefa), в результате которой первая гласная теряет свою самостоятельность, образуя дифтонг со следующей гласной; «элизау» (elisão) – исчезновение первой гласной при произношении в результате её поглощения следующей гласной; и «кразе» (crase) – две одинаковые гласные при произношении сливаются в одну. Часто все эти процессы объединяют одним названием «элизау». В русском языке принято другое название «элизия» (от лат. ēlīsiō «выдавливание», «выталкивание»), в лингвистике – отпадение звука (гласного, согласного или слога) в слове или фразе с целью облегчения произношения для говорящего. Иногда звуки могут быть опущены с целью улучшения благозвучия) [Большая российская ... , 2017].

В португальском языке существуют и другие фонетические процессы, связанные со встречей гласных, которые могут читаться как дифтонги или, наоборот, дифтонги могут читаться как два отдельных слога. Эти процессы носят название «диерезе» (diérese) и «синерезе» (sinérese), а также редукция фонемы или группы фонем в начале слова – «аферезе» (aférese).

Вот пример счёта числа грамматических и метрических или поэтических слогов в одной строке стихотворении Олаву Билака:

17 грамматических слогов:

«Ah!/Quem/ há/ de/ ex/pri/mir/, al/ma/im/po/nen/te/ e/ es/cra/va»

И всего 13 метрических или поэтических слогов в той же стихотворной строке:

«Ah!/ Quem/ há/ de ex/pri/mir/,al/ma im/po/nen/te e es/cra/va» (Olavo Bilac)

Португальские поэты могут выбирать между двумя возможностями: объединять носовую гласную с последующей гласной, образуя дифтонг или произносить такой стык гласных как два слога. Португальская грамматика даёт пример такого свободного выбора в различных стихах одного и того же поэта – Казимиру де Абреу, такое явление носит название «эктлипсе» (ectlipse) [Nova Gramatica ... , 2013]:

Tudo muda com os anos:

A dor – em doce saudade,

Na velhice – a mocidade,

A crença – nos desenganos!

– Jesus! Como eras bonita,

Co'as tranças presas na fita, (com as)

Co'as flores no samburá! (comas)

Таким образом, когда структура речи сжимается или расширяется, чтобы регулировать ритм через регулярные интервалы между ударными слогами высказывания, возникает силлаботонический ритм [Cagliari, 2012].

Просодическая структура русского и португальского языков

Отличие **языковой просодии от поэтической** заключается в том, что первая является важным элементом организации языка в целом, тогда как вторая предстает как специальное средство, используемое лишь при выполнении языком его поэтической функции. Однако системы стихосложения, как известно, различаются способом создания ритма внутри строки, а эти способы зависят от фонетических особенностей языка.

Сравнение просодической структуры русского и португальского языков приводит к выводу о различии *ведущих элементов просодии*.

Рассмотрим иерархию элементов просодии – результат работы многих лингвистов (иерархию элементов просодии изучали: Selkirk 1981, 1984 и 1986; Nespori Vogel 1982 и 1986; Hayes 1989; Frota 2000; Vigário 2003 и 2010; Vogel 2010):

Фонологическое высказывание

Интонационная фраза

Фонологическая фраза

Просодическое слово

Фонологическая стопа

Слог

Мора [Ferrari, 2012].

В русской классической поэзии, как в английской, ведущий элемент просодии – стопа. Контраст ударений в русском и английском языках начинается на уровне стопы, на португальском – на уровне просодического (фонологического) слова и на французском – на уровне фразы [Ferrari, 2012]. В состав просодического слова входит лексическое слово и клитика – грамматически самостоятельное, но фонологически зависимое слово. Такая просодия португальского языка приводит к тому, что для португальской поэзии характерны вторичные сложные ритмы, порождённые контрастом между ударными и неударными слогами просодических слов. Эти ритмы зачастую нерегулярны, они могут варьироваться от строки к строке, при этом между ударными слогами могут быть интервалы от одного – двух безударных слогов и до больших интервалов. что случается

нередко. Как правило, величина этих безударных интервалов не превышает четыре слога [Carvalho, 1981].

Ожидание как характеристика ритма, ритм и метр

С точки зрения когнитивной лингвистики, ритм является идеальной когнитивной моделью [Ferrari, 2011], в которую заложена схема повторения. Ожидание определённого повторения заложено в само понятие о ритме, это умственный процесс, контролируемый определёнными ожиданиями [Cagliari, 2012].

Как известно, А. Белый и затем В. Брюсов пытались примирить ломоносовскую систему стоп и собственные наблюдения над реальностью ударений в стихе, которые допускаются в пределах данного ритма, создавая его варианты. На основе этого подхода В. М. Жирмунский и Б. В. Томашевский разработали в начале 1920 гг. теорию противопоставления ритма и метра – эмпирической реальности стиховых ударений и абстрактной схемы идеализованного поэтического размера. Лотман отмечает: «Эмпирически данный поэтический текст воспринимается на фоне идеальной структуры, которая реализует себя как ритмическая инерция, „структурное ожидание“. <...> чувство возможности постановки ударения в том месте, где оно предусмотрено метрической схемой, но отсутствует в эмпирическом тексте. На этом фоне текст воспринимается как реализация и нарушение определённых правил: одновременно, повторяемость и неповторяемость в их взаимном напряжении» [Лотман, 1996, с. 56, 58].

Адекватное отображение в переводе реальных направлений развития метрики и ритма поэтического языка

Выше уже отмечалось, что развитие тех или иных стиховых форм в отдельных языках определяется взаимодействием местного языка и международного культурного влияния. Язык указывает (до определенной степени), чего не может быть в национальном стихосложении. В развитии каждого национального стихосложения прослеживается борьба между требованиями языка и требованиями принятой системы стихосложения. В результате развитие стиха идет волнообразно, колеблясь между периодами большей строгости и большей вольности. Отталкиваясь от беспорядочности языковой стихии, стих стре-

мится к сколь можно более строгому соблюдению метрической схемы, доходит в этом движении до того рубежа, где схема уже не стимулирует, а сковывает выразительные возможности языка, а затем начинает двигаться в обратном направлении [Гаспаров, 2003]. Из работ русских стиховедов мы знаем, что кризис установившейся системы классического стиха на международном уровне начинает обнаруживаться на исходе XIX в. и становится несомненным в начале XX в. Начинается полоса исканий иных средств, завершающаяся освоением основной формы стиха XX в. – международного верлибра. При этом расшатывался метр, а затем исчезала и рифма.

Определить тип метрической системы живого языка в условиях его постоянного развития – чрезвычайно сложно. Однако, лингвистические исследования, поиски в области сравнительного стиховедения совершенно необходимы в условиях всё более усиливающегося в современном мире взаимодействия разных культур и традиций. Современные исследования европейских филологов во многом опираются на работы русских лингвистов. В Европе известны книги Андрея Белого (1910), Виктора Жирмунского (1925, 1966), Бориса Томашевского (1929), К. Ф. Тарановского (1953), М. Л. Гаспарова (1987 и 1996) и др. Российские стиховеды стали известны на Западе в значительной степени благодаря трудам Цветана Тодорова (1965), Марины Тарлинской (1974, 1976, 1987, 1993 и 1997), Джеймса О. Бейли (1968, 1973, 1976, 1979 и 1987) и Джеральда Смита (1980, 2000 и 2002 гг.).

В истории перевода зарубежных авторов на русский язык практика порой опережала теорию. Так, М. Л. Гаспаров констатировал: **точность передачи ритмики поэзии оригинала в русском переводе усиливается, начиная с XX века.** Например, если русские переводчики XIX в. сглаживали неровность тонического ритма, переводчики XX в. стали воспроизводить ее в точности («Кристабель» – в пер. Г. Иванова, «Лорелей» – в пер. А. Блока) [Гаспаров, 2003]. Лингвист уверен: силлабо-тоническая система стихосложения реализуется в разных языках так же по-разному, как и силлабическая. Он подчёркивает: особенности силлабо-тонической поэзии разных языков без труда могут быть переданы в переводе, но на практике таких попыток почти не делалось [Гаспаров, 2003].

Тенденции в развитии метрики и ритмики поэзии Фернандо Пессоа

Если рассматривать систему стихосложения конкретного поэта, разнообразие его метрики и ритмов, следует отметить, что на них накладывают отпечаток обстоятельства жизни, культурная среда и индивидуальность самого носителя языка. Особенно ярко это проявилось в случае с гениальным португальским поэтом – Фернандо Пессоа.

Пессоа считал главным при переводе сохранение ритма. Стихотворение – это литературное произведение, смысл которого определяется ритмом. Ритм может определять смысл произведения полностью или частично [Pessoa, 1993]. Будучи сам переводчиком, он всегда обращал главное внимание на максимальное приближение схемы ударений в своём переводе к ритму оригинала. На практике он доказал это, например, переводя стихи Эдгара По на португальский язык, ему удалось в значительной степени передать ритм оригинала [Ferrari, 2012].

Пессоа писал стихи на трёх языках: португальском, английском и французском. В работах Феррари показано, как Пессоа учитывал и использовал особенности просодии каждого из этих языков, обогащая этими работками собственное творчество на родном португальском языке, придавая ему новые свойства и оттенки. Всё это сделало оригинальным и неповторимым поэтический язык Пессоа – ортонима и позволило ему создать своих гетеронимов, таких разных не только в плане тематики и семантики, но и по стилю, тональности, неповторимому ритму их произведений.

Три языка, на которых Пессоа писал стихи, имеют отличительные просодические черты: английский, с сильным ударением в словах (просодическая основа – стопа) и большим количеством односложных слов, позволяющий поэтам, пишущим на этом языке, регулировать свои поэтические творения с точки зрения контраста ударений, образуя на основе определённой метрики вторичный или ещё более сложный ритм. Просодия португальского языка (на основе просодического слова или стопы), хотя и не в такой степени, но также даёт возможность построения вторичных ритмов. Однако наличие достаточного количества длинных просодических слов приводит к довольно длинным промежуткам между ударными слогами – иногда в 4–5 безударных слогов. Французский же язык, с его небольшим количеством ударных просодических слов (про-

содическая основа – фраза), допускает только первичные ритмы. На всех трёх языках, особенно на французском, рифмовка и ассонанс обеспечивают регулирование строк стиха [Ferrari, 2012].

Взаимопроникновение особенностей трёх языков в поэзии Пессоа

Когда Ф. Пессоа начал писать на португальском языке, он продолжал создавать стихи на английском и французском языках, что способствовало взаимопроникновению особенностей этих языков друг в друга. К 1910-му году он уже использовал все три просодические системы с различными уровнями метрической иерархии (стопа – просодическое слово – фраза) [Ferrari, 2012]. Характерно то, что в португальской поэзии Пессоа не ограничивал себя португальскими метрическими правилами, а пользовался также правилами, разработанными Робертом Бриджсом для английской поэзии, и законами построения строф, взятыми из классической латыни [Ferrari, 2012].

По мнению португальских лингвистов, Ф. Пессоа в стихах своего гетеронима Алвару де Кампуша экспериментировал с силлабо-тоникой [Ferrari, 2012]. Но, как подчёркивает Феррари, Пессоа чаще использовал силлабо-тоническую метрику в целях построения на её основе разнообразных по ритму произведений. **На мой взгляд, гораздо ярче проявляется тенденция к силлабо-тонике в стихах Пессоа-ортонима, о чём будет сказано ниже.**

Экспериментировал он и с квинтитативной системой стихосложения и, на мой взгляд, это ему удалось. Примером служат чеканные по форме и абсолютно непохожие на стихи других гетеронимов Пессоа оды Рикарду Рейша. В одах Рейша часто встречается и ямб, что, вероятно, является результатом длительной работы Пессоа с метрической системой английского языка [Ferrari, 2012]. Но чаще они написаны логоэдом, близким к античному, – это особенно касается более ранних од, поздние – более лаконичны и менее изобретательны по своей ритмике. Несмотря на то, что фонологический контраст длительности слога, который был в латыни, в португальском языке, как и в русском, отсутствует, но в нём ударные гласные (а также ударные слоги) чувствуются как более длинные, чем безударные гласные (и безударные слоги). Учитывая это, Пессоа сумел построить на португальском языке стих, основанный на античном метрическом стихосложении. Но законы стихосложения антично-

сти резко отличались от португальской, достаточно свободной системы. Строгие правила, характерные для построения строф античных логоэдов, стали бы для португальской поэзии удушающим корсетом. С другой стороны, разнообразие этих логоэдов открывало богатейшие возможности для того, чтобы сделать собрание од Рейша многоголосым музыкальным произведением. Рейш / Пессоа решает эту проблему так: он создает свои собственные метрические системы на базе разнообразных античных строф, имитируя таким образом античные логоэдды, приспособляя их строгие правила к португальской системе версификации [Фещенко, 20196].

Таким образом они и были переведены мной для издания книги «Поэзия Рикарду Рейша»: воспроизведение отдельных строф и имитация других античных строф с помощью комбинации их элементов [Фещенко-Скворцова, 2015].

Вот пример того, как Пессоа воспроизвел в одной из од Рейша малую сапфическую строфу. На схеме я обозначила одним и тем же цветом элементы схемы и соответствующие части текста. Как мы сами видим, далеко не всё укладывается в схему малой сапфической строфы. Только адоний второй строфы укладывается полностью в эту схему. Сапфические одиннадцатисложники, в нашем представлении, могут показаться десятисложниками, в 1-ой строфе только третья строка – точно одиннадцатисложник: A-ma-nha. Cum -pre – te ho-je, nao/es – re -ran (do).

Não queiras, **Lídia**, **edificar** no espaço
—U | —X | —UU— | U— | X
Que **figuras** futuro, ou **prometer-te**
—U | —X | —UU— | U— | X
Amanhã. **Cumpre-te hoje**, não esperando.
—U | —X | —UU— | U— | X
Tu mesma és tua vida.
Não te destines, que não és futura.
Quem sabe se, entre a taça que esvazias,
E ela de novo enchida, não te a sorte
Interpõe o **abismo**?
—UU | —X

Если мы посмотрим на русский перевод, в нём на схеме обозначен красным пропуск положенного в этом месте ударения. Как видите, всего в четырёх местах ударение опущено. Таким образом, русский язык предоставляет поэту (и переводчику) гораздо более широкие возможности изохронизации ритма. Если попытаться в данном случае дать более адекватный оригина-

ду – в отношении ритма – перевод, русскоязычный слушатель (читатель) не воспримет такой текст как античный логоэд или даже как попытку приближения к логоэду. Эту инерцию восприятия, обусловленную исторически сложившимся «поэтическим слухом» русского читателя нельзя не принимать во внимание.

В этом заключаются ограничения процесса передачи ритмики португальской поэзии в её переводе на русский язык, которых избежать невозможно.

Зря ты веришь, Лидия, снам обманным,
—U | —X | —UU— | U— | X
Их посулам будущего успеха.
—U | —X | —UU— | U— | X
Ты сегодня – жизнь. Всё верши сегодня,
—U | —X | —UU— | U— | X
Ждать неразумно.
—UU | —X

Разве знаешь, будущей будешь, нет ли?
—U | —X | —UU— | U— | X
Может, кубок, что осушаешь нынче,
—U | —X | —UU— | U— | X
От него же, полного новой влагой,
—U | —X | —UU— | U— | X
Пропасть отделит.
—UU | —X

Ямб Пессоа особенно широко использовал при создании своего «Рубайята». Португальские рубаи Пессоа, в основном, были написаны ямбическим пентаметром по образцу английских переводов «Рубайята» Омара Хайяма, но этот пентаметр в некоторых случаях приближался к португальскому героическому десятисложнику с обязательными ударениями на **6** и **10** слогах, в котором, по сравнению с английским пентаметром, допускаются большие промежутки безударных слогов [Ferrari, 2012]. Даже и с таким допущением далеко не каждая строка стиха имеет 10 слогов, вернее, не всегда слоги считаются по заданным португальскими законами версификации достаточно свободным правилам подсчёта поэтических слогов. И ударения также иногда не попадают на заданные места. Но так как русскоязычный читатель привык к определённому ритму рубаи, пришедшему от переводов с английского и с персидского стихов Омара Хайяма, я, для книги «Рубайят» Фернандо Пессоа, перевела их строгим ямбическим десятисложником – пентаметром.

Примеры переводов рубаи Пессоа:

Жизнь чередует радости и боли,
То пьёшь вино ты от счастливой доли,
То пьёшь вино ты от своей печали, –
Раз выпито оно – не всё равно ли?
[Фещенко, 2019а]

Английская система стихосложения состоит из четырех отличительных типов: (1) акцентный стих, (2) иктический стих (также известный как промежуточный между акцентным и силлаботоническим стихом [Duffell, 2005]; (3) силлаботонический стих и (4) свободный стих [Ferrari, 2012]. Пессоа писал свои английские сонеты в силлаботонической системе стихосложения.

Самым распространенным типом тонического (в западных источниках говорят об иктическом стихе) стиха является то, что Марина Тарлинская [Tarlinskaja, 1997] и другие современные метристы называли дольник (существуют различные взгляды на принадлежность дольников и логаядов к той или иной системе стихосложения. Многие считают их переходной формой от силлаботонического к тоническому стиху). Работы Гаспарова о дольнике 1968 и 1974 годов цитируются в статьях и книгах Тарлинской [Tarlinskaja, 1976]; она также переводила их на английский язык [Gasparov, 1996]. Исследования Патрицио Феррари показали, что главный английский гетероним Фернандо Пессоа – Александр Сёрч, под влиянием таких поэтов-романтиков, как Шелли и Байрон стал автором ряда стихов в ритме дольника. Его стихотворение «Справедливость», датированное 28 июля 1907 года, представляет собой четырехтактный дольник [Ferrari, 2012].

Пессоа использовал логаяды не только в одах Рикарду Рейша. Во многих стихах Пессоа – ортонима мы можем видеть построение стиха, соответствующее дольнику или логаяду в русской просодии.

В качестве характерного примера возможности сохранения в переводе на русский язык особенностей ритма оригинала назову стихотворение Пессоа «Ó naus felizes, que do mar vago». В прекрасном переводе А. М. Гелескула «О корабли перед тихим портом» дана попытка передать логаядическое (но не строгое, а в его португальской трактовке) построение этого стиха в оригинале, но он выбрал для перевода девятисложник (только одна строка 1 строфы усечена до 8-сложника), и схема ударений в каждой строке

повторяется (слоги: 4,7, 9), возьмём для примера 2-ую строфу:

<...>
И над озёрным мёртвым заливом
Рыцарский замок забылся сном.

У госпожи в этом замке смутном
Бескровны руки и цвет их матов,
И знать не знает она о том,
Что где-то порт оживает утром,
Когда чернеют борта фрегатов
В рассветном мареве золотом
[Пессоа, 1978, с. 222].

Получилось красиво, но в оригинале большинство строк – 10-сложные, хотя есть и 11 и 9-сложные. К тому же в оригинале рисунок ударений разнообразен, например, первое ударение в строке может падать то на 1-ой, то на 2-ой, то на 3-ий слоги, что обычно не допускается в русских логаядах. Вот как я попыталась передать этот интересный ритмический рисунок Пессоа:

<...>
И у заводи мёртвой, холодной
Сновидит замок средневековый...

И в том, что грезит, в замке безотрадном,
Бледная сеньора перед сном залива
Знать не знает про видения эти:
Не знает о порте, шумном, громадном,
Откуда чёрные суда молчаливо,
Отправляются на морском рассвете...

Для наглядности показана метрическая схема фрагмента оригинала и схема моего перевода, где **рисунок ударений разнообразен**, как в оригинале, **первое ударение в строке может падать то на 1-ый, то на 2-ой, то на 3-ий слог**.

Ó naus felizes, que do mar vago
U – U – U U U U – (9)
Volveis enfim ao silêncio do porto
U – U – U U – U U – (10)
Depois de tanto nocturno mal —
U – U – U U – U – (9)
Meu coração é um morto lago,
U U U – U – U – (7 или 8)
E à margem triste do lago morto
U – U – U U – U – (9)
Sonha um castelo medieval...
– U U – U U U – (8)

<...>

И у заводи мёртвой, холодной
Сновидит замок средневековой...

И в том, что грезит, в замке безотрадном,

U – U – U – U U U – (10)

Бледная сеньора перед сном залива

– U U U – U – U – U – (11)

Знать не знает про видения эти:

– U – U U U – U U U – (11)

Не знает о порте, шумном, громадном,

U – U U – U – U U – (10)

Откуда чёрные суда молчаливо,

U – U – U U U – U U – (11)

Отправляются на морском рассвете...

U U – U U U U – U – (10)

Свободный стих в поэзии Пессоа

«Морская Ода» Алвару де Кампуша, написанная под влиянием стиля Уолта Уитмена, по утверждению большинства филологов, является самым ранним примером свободного стиха на португальском языке, который использует регулирование на уровне фраз [Ferrari, 2012].

Генри Мориер считал, что не существует какой-то определённой техники, строгих правил при создании свободного стиха [Dictionnaire de roétique ... , 1975]. Каждый поэт стремится создать своеобразную технику верлибра, и даже в творчестве одного и того же поэта можно встретить различные стили этого стиха, что показывает анализ португальских и бразильских поэтов-модернистов [Nova Gramatica ... , 2013]. Справедливо утверждение испанского писателя и лингвиста Томаса Наварро (1884–1979) о том, что для создания свободного стиха необходима внутренняя гармония самого автора, этот ритм требует от своего творца тонкой эмоциональной выразительности и совершенства во владении лингвистическим материалом [Nova Gramatica ..., 2013, с. 865].

Очень интересным является мнение доминиканского философа и критика Педро Урены (1884–1946): он считает, что свободный стих, без атрибутов поддержки, какими являлись рифма, строгий ритм и пр., сохранив только свою чистую суть, всё же сберегает нетронутым смысл своего существования – власть образного и поэтического выражения. «Поддержка стиха со стороны ритма или рифмы одним кажется необходимой, другим – лишней и даже мешающей. Вот почему эти атрибуты поэзии имеют ограничен-

ную жизнь. Не существует форм ни универсальных, ни вечных» [En busca ... , с. 267–268].

Как известно, ритм может быть выявлен на всех уровнях литературного произведения: интонационном, синтаксическом, лексическом, композиционном, сюжетном и образном.

Можно сказать, что синтаксический ритм подразумевает повторение в стихе определённых грамматических конструкций, лексический – повторение слов. По мнению представителей Московской семантической школы, семантический ритм характеризуется тем, что слова, содержащие семантический элемент, важный для данного стихотворения, располагаются в нём (в строке, в строфе и в целом тексте) в соответствии с определённой ритмической закономерностью. Предлагается представлять семантику стихотворного текста в виде двуслойной структуры. Один слой – это «объективное содержание» текста, второй слой – передаваемое текстом «настроение». Этот второй семантический слой стиха формируется повторяющимися семантическими компонентами [Урысон, 2017].

Всеми этими ритмами виртуозно владел Ф. Пессоа [Ferrari, 2012].

Как известно, «Листья травы» Уолта Уитмена лежали в основе поисков ритма свободного стиха гетеронимами Пессоа – Кампушем и Казейру. Через четыре года после написания текста «Морской Оды» Кампуша Г. У. Аллен написал статью под названием «Библейские аналогии для просодии Уолта Уитмена», в которой он представил два ритмические принципа, лежащие в основе «Листьев травы», а также прямой источник влияния на ритм этого автора – Ветхий Завет. Некоторые из основных принципов были следующими:

- параллелизм (повторение мыслей);
- анафора (начальное повторение) и эпаналепсис (epanalepsis – медиальное и окончательное повторение), что влечет за собой повторение слов.

Первый принцип он называет «ритм мысли», второй – «ритм звука» [Allen, 1933, с. 492, 506].

Яркий пример проявления библейских ритмических влияний можно увидеть в «Отрывках двух Од» Алвару де Кампуша:

Приходи, Ночь, древнейшая и всегда прежняя...

Приходи одинокая, торжественная, руки уронив
Вдоль тела твоего, приходи.

И принеси горы далёкие к подножью деревьев
близких,

Слей в одном поле, твоём, ночном, все поля,
что вижу,

Сделай из горной цепи глыбу только из твоего
тела,

Измени её обличье, сотри детали, что издали
вижу...

И оставь лишь один свет, и другой свет, и ещё
другой

На этом расстоянии, смутном, смущающем,
На этом расстоянии, внезапно непреодолимом.
(Перевод И. Феценко-Скворцовой)

Известный исследователь английской метрики, в частности свободного стиха, Мартин Дюффел обращает внимание на регулирование ритма в стихах Кампуша, как и в стихах Уитмена, на уровне фразы в сочетании с разнообразием схемы ударений, что давало или один преобладающий ритм, или разнообразие ритмов в строках [Duffell, 2008]. Пессоа широко пользовался приёмом «внешнего сопоставления» – наличием регулярных строк в свободном стихе – как в стихах Казэйру, так и в стихах Кампуша. Этот приём ярко проявляется в «Морской Оде» Алвару де Кампуша, когда автор вводит в оду две строчки из пиратской песни (Стивенсон «Остров сокровищ»): «Пятнадцать человек на сундук мертвеца...» [Ferrari, 2012].

И ещё один вид ритма в свободном стихе Кампуша, которого нет у Казэйру, это ритм визуальный: «Eh-eh-eh...». Эй-эй-эй-эй! Йей-эй-эй-эй-эй! Йей-эй-эй-эй-эй-эй!

Многие португальские филологи, не занимающиеся специально этим вопросом, считают, что метрика Казэйру ничем не отличается от метрики Кампуша. Но в исследовании Полли Эллен Бот [Bothe, 2007] можно встретить интересные выводы о различии между ритмикой Казэйру и Кампуша. По мнению исследовательницы, «свободный стих» Казэйру и Кампуша нельзя считать полностью «свободным», каким является современный верлибр. Существуют предположения, что перед нами гекзаметр, но не строгий, гибкий, который перемежается более короткими строками с измененным ритмом. Свободный стих Алвару де Кампуша часто определяют как «ритм абзацев». Стихи Казэйру, подобные прозе, близки к разговорной речи, лишены украшений, неуместных для тех чувств, которые призваны передавать. Исследовательница отмечает, что эффект свободного и сложного стиха Кампуша создается при помощи использования долгих, про-

тяженных стоп, в которых каждый ударный слог сопровождается многими безударными или несущими легкое ударение слогами. Стопы же стиха Казэйру, имеющие большее число ударных слогов, более сжаты, поэтому они читаются медленнее. Даже при большей протяженности стих Казэйру не может читаться с той же скоростью, как и стих Кампуша, потому что ритм самих слов этого не позволяет. Стих Казэйру звучит медленно, чем достигается эффект ясного и прямого толкования его идей. Его, более короткие, чем у Кампуша, строки часто изосиллабичны, что придаёт стиху регулярность. Кампуш же, наоборот, комбинирует ритмы более спокойные с другими, ускоряющимися, передавая этим сложную смену эмоций.

Выводы

Итак, мы видим, что Фернандо Пессоа **использовал в португальском языке, наряду с силлабикой, силлабо-тоническую систему стихосложения, такие переходные формы, как дольники и логзяды, свободный стих и даже имитацию античного (древнегреческого) метрического стихосложения.** Силлабо-тоника пришла в творчество Пессоа от его глубокого теоретического и практического знакомства с просодией английского языка, в которой ударение – фактор, приносящий регулярность в поэзию. Многие стихи Пессоа, особенно ортонима, чётко подчиняются законам силлабо-тоники, однако ритм некоторых его стихов, на фоне определённой метрической системы, является достаточно прихотливым, в нём от строки к строке может меняться схема расположения ударений и количество слогов в строке. Это характерно для португальской просодии, в которой даже склеивание слогов при образовании из грамматических слогов фонетических во многом зависит от желания самого автора. Зачастую Пессоа использовал силлабо-тоническую метрику именно для того, чтобы на базе определённых ожиданий выстроить прихотливый, неожиданный ритм своего стиха. **Если в антологиях Пессоа, изданных ещё в конце XX века, переводчики сглаживали «шероховатости» ритма автора, представляя в своих переводах его стихи написанными гладким ритмом, без отклонений, то сейчас, думаю, настало время, когда следует перевести стихи Пессоа, максимально приближаясь к ритму оригинала.**

Библиографический список

1. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. Москва : Фортуна Лимитед, 2003.
2. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста // Статьи. Исследования. Заметки. Санкт-Петербург : Искусство – Санкт-Петербург, 1996.
3. Пессоа Ф. Лирика / пер. с португ. А. Гелескула, Е. Витковского, Б. Дубина, Ю. Левитанского, Б. Слуцкого, Л. Цывьяна, сост. Е. Витковский [Предисл. Жасинто до Прадо Козльо]. Москва : Художественная литература, 1978. 222 с.
4. Урысон Е. В. О семантической организации стихотворного текста // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. РАН (Россия, Москва). Вып. 14. Славянский стих, Москва, 2017. С. 243–256.
5. Фещенко И. Н. Происхождение «язычества» Рикарду Рейша – самого загадочного гетеронима Фернандо Пессоа // Новый филологический вестник. 2019. № 3 (50). С. 211–224.
6. Фещенко-Скворцова И. Триумфальный день Фернандо Пессоа // Иностранная литература. 2015. № 7. С. 236–240.
7. Фещенко И. Н. «Рубайят» Фернандо Пессоа // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Т. 25, № 2 (186), 2019. С. 114–129.
8. Элизия // Большая российская энциклопедия Т. 35. Москва, 2017. С. 349. URL: [https://www.wikizero.com/ru/%D0%AD%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%8F_\(%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0\)](https://www.wikizero.com/ru/%D0%AD%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%8F_(%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0))
9. Cagliari Luiz Carlos. (2012). Línguas de ritmo silábico [Syllable rhythm languages] // Estudos Linguísticos [Linguistic Studies], Belo Horizonte, vol. 20, n. 2, jul.-dez. 2012, P. 23–58. (In Portuguese).
10. Abercrombie D. (1967). Elements of general phonetics. Edinburgh : Edinburgh University Press.
11. Pike, Ken L. (1945). The Intonation of American English. Ann Arbor. University of Michigan Press.
12. Cruz Maria Margarida, Frota Sonia (2014). Rhythm in central-southern varieties of European Portuguese: production and perception. University of Lisbon. Textos Seleccionados, XXIX Encontro Nacional da Associação Portuguesa de Linguística, Porto, APL, 2014. P. 213–231. (In English).
13. Gimson Alfred Charles. (1989) An Introduction to the Pronunciation of English. London, Hodder Arnold; 4 edition (April 1, 1989). (In English).
14. Azevedo M. M. (2005). Português: uma introdução linguística. University of California, Berkeley.
15. Graham E. (2002). Variation Adds to Prosodic Typology // Proceedings of the Speech Prosody 2002. Conferência, 11-13 de Abril de 2002, Aix-en-Provence : Laboratoire Parole et Langage, B. Bel e I. Marlin (eds). P. 127–132.
16. Nova Gramatica do Portugues Contemporaneo por Celso Cunha e Luis F. Lindley Cintra. Edições Joao Sá da Costa, Lisboa, 20.ª edição, 2013.
17. Abercrombie David T. (1965). A phonetician's view of verse structure // Studies in phonetics and linguistics. London, Oxford University Press, 1965. P. 16–25. (In English).
18. Cagliari L. C. (1984). Análise fonética do ritmo em poesia // EPA: Estudos portugueses e africanos, UNICAMP – IEL, Departamento de Teoria Literária, 1984. P. 67–96.
19. Ferrari Patricio. (2012). Meter and Rhythm in the Poetry of Fernando Pessoa. Universidade de Lisboa Faculdade de Letras Departamento de Linguística, Doutramento em linguística, 2012. (In English).
20. Bisol Leda (2000). O Troqueu Silábico no Sistema Fonológico [The Syllabic Troqueu in the Phonological System] // PUCRS (Um Adendo ao Artigo de Plínio Barbosa). Available at: URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0102-4450200000200007 (accessed 19.12.2019). (In Portuguese).
21. Meireles Alexandro Rodrigues. (2014). Tipologia rítmica de dialetos do português brasileiro [Rhythmic typology of Brazilian Portuguese dialects] // Phonetics Laboratory, Federal University of Espírito Santo, Brazil. Arquivado em 21 de agosto de 2014, no Wayback Machine.
22. Cagliari Luiz Carlos. (2013). Existem línguas de ritmo silábico? [Are there any syllabic languages?] // Estudos Linguísticos [Linguistic Studies], São Paulo, jan-abr 2013, 42 (1). P. 19–32. (In Portuguese).
23. Carvalho Amorim de. (1981). Tratado de versificação portuguesa [Treaty of Portuguese Versification]. 4.ª edição. Lisboa: Centro do Livro Brasileiro [Brazilian Book Center], 1981. [First published in 1941]. (In Portuguese).
24. Ferrari Lilian (2011). Introdução à linguística cognitiva [Introduction to Cognitive Linguistics]. São Paulo: Editora Contexto, 2011. P. 176 (In Portuguese).
25. Pessoa Fernando (1993). Um poema é uma obra literária em que o sentido se determina através do ritmo // Pessoa Inédito. Fernando Pessoa. (Orientação, coordenação e prefácio de Teresa Rita Lopes). Lisboa : Livros Horizonte, 1993. P. 242. (In Portuguese).
26. Duffell M. J. (2005). Some Phonological Features of Insular French: A Reconstruction // Studies on Ibero-Romance Linguistics Dedicated to Ralph Penny. Ed. by Roger Wright and Peter Ricketts. Newark : Juan de la Cuesta, 2005. P. 103–125.
27. Tarlinskaja Marina (1997). Rhythm and Syntax in Verse: English Iambic Tetrameter and Dolnik Tetrameter (Nineteenth and Twentieth Centuries) // Poetics Today. Vol. 18, nº 1 (Spring 1997). P. 59–93. (In English).
28. Tarlinskaja Marina (1976). English Verse: Theory and History [English Verse: Theory and History]. The Hague; Paris : Mouton, 1976. (In English).

29. Gasparov M. L. (1996). A History of European Versification. Translated from Russian by Gerry Smith and Marina Tarlinskaja. Ed. by Gerry Smith with Leofranc Holford-Strevens. Oxford: Clarendon Press, 1996. (First edition in Russian, 1989).

30. Dictionnaire de poétique et de rhétorique, 2^a ed. Paris, P.U.F., 1975, 1119 p.

31. En busca del verso puro (1961) [In search of the pure verse]. // Pedro Henríquez Ureña (ed.), Estudios de versificación española [In Spanish Versification Studies], Instituto de Filología «Amado Alonso», Universidad de Buenos Aires, 1961, EUDEBA, 1961. P. 267–268. (In Spanish).

32. Allen Gay Wilson (1933). Biblical Analogies for Walt Whitman's Prosody // Revue Anglo-Américaine X (1933). P. 490–507. (In English).

33. Duffell Martin. J. (2008) A New History of English Metre. London : Legenda. (In English).

34. Bothe Polly E. (2007). Algumas reflexões sobre o ritmo na poesia versilibrada de Fernando Pessoa: Alberto Caieiro e Álvaro de Campos [Some reflections on rhythm in Fernando Pessoa's versilibrated poetry: Alberto Caieiro and Álvaro de Campos]. // Steffen Dix e Jerónimo Pizarro (orgs.), A Arca de Pessoa: Novos Ensaios [Pessoa's Ark: New Essay], Lisboa, Imprensa de Ciências Sociais, 2007. P. 243–255. (In Portuguese).

Reference list

1. Gasparov M. L. Oчерk istorii evropejskogo stiha = An Essay on the history of European verse. Moskva : Fortuna Limited, 2003.

2. Lotman Ju. M. O poetah i poezii. Analiz poeticheskogo teksta = On poets and poetry. Poetic text analysis // Stat'i. Issledovanija. Zametki. Sankt-Peterburg : Iskusstvo – Sankt-Peterburg, 1996.

3. Pessoa F. Lirika = Lyrics / per. s portug. A. Gelskula, E. Vitkovskogo, B. Dubina, Ju. Levitanskogo, B. Sluckogo, L. Cuv'jana, sost. E. Vitkovskij [Predisl. Zhasinto do Prado Kojel'oj]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1978. 222 s.

4. Uryson E. V. O semanticheskoy organizacii stihotvornogo teksta = On semantic organization of poetic text // Trudy Instituta ruskogo jazyka im. V. V. Vinogradova. RAN (Rossija, Moskva). Vyp. 14. Slavjanskij stih, Moskva, 2017. S. 243–256.

5. Feshhenko I. N. Proishozhdenie «jazychestva» Rikardu Rejsja – samogo zagadochnogo geteronima Fernando Pessoa = The origin of Ricardo Reis's «paganism» – Fernando Pessoa's most enigmatic heteronym // Novyj filologicheskij vestnik. 2019. № 3 (50). S. 211–224.

6. Feshhenko-Skvorcova I. Triumfal'nyj den' Fernando Pessoa = Fernando Pessoa's day of triumph // Inostrannaja literatura. 2015. № 7. S. 236–240.

7. Feshhenko I. N. «Rubajjat» Fernando Pessoa = «Rubaiyat» by Fernando Pessoa // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. T. 25, № 2 (186), 2019. S. 114–129.

8. Jelizija = Elysia // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija T. 35. Moskva, 2017. S. 349. URL: [https://www.wikizero.com/ru/%D0%AD%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%8F_\(%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0\)](https://www.wikizero.com/ru/%D0%AD%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%8F_(%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0))

9. Cagliari Luiz Carlos. (2012). Línguas de ritmo silábico [Syllable rhythm languages] // Estudos Linguísticos [Linguistic Studies], Belo Horizonte, vol. 20, n. 2, jul.-dez. 2012, R. 23–58. (In Portuguese).

10. Abercrombie D. (1967). Elements of general phonetics. Edinburgh : Edinburgh University Press.

11. Pike, Ken L. (1945). The Intonation of American English. Ann Arbor. University of Michigan Press.

12. Cruz Maria Margarida, Frota Sonia (2014). Rhythm in central-southern varieties of European Portuguese: production and perception. University of Lisbon. Textos Seleccionados, XXIX Encontro Nacional da Associação Portuguesa de Linguística, Porto, APL, 2014. R. 213–231. (In English).

13. Gimson Alfred Charles. (1989) An Introduction to the Pronunciation of English. London, Hodder Arnold; 4 edition (April 1, 1989). (In English).

14. Azevedo M. M. (2005). Português: uma introdução linguística. University of California, Berkeley.

15. Graham E. (2002). Variation Adds to Prosodic Typology // Proceedings of the Speech Prosody 2002. Conferência, 11-13 de Abril de 2002, Aix-en-Provence : Laboratoire Parole et Langage, B. Bel e I. Marlin (eds). R. 127–132.

16. Nova Gramatica do Portugues Contemporaneo por Celso Cunha e Luis F. Lindley Cintra. Edições Joao Sá da Costa, Lisboa, 20.ª edição, 2013.

17. Abercrombie David T. (1965). A phonetician's view of verse structure // Studies in phonetics and linguistics. London, Oxford University Press, 1965. R. 16–25. (In English).

18. Cagliari L. C. (1984). Análise fonética do ritmo em poesia // EPA: Estudos portugueses e africanos, UNICAMP – IEL, Departamento de Teoria Literária, 1984. R. 67–96.

19. Ferrari Patricio. (2012). Meter and Rhythm in the Poetry of Fernando Pessoa. Universidade de Lisboa Faculdade de Letras Departamento de Linguística, Doutoramento em linguística, 2012. (In English).

20. Bisol Leda (2000). O Troqueu Silábico no Sistema Fonológico [The Syllabic Troqueu in the Phonological System] // PUCRS (Um Adendo ao Artigo de Plínio Barbosa). Available at: URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0102-44502000000200007 (accessed 19.12.2019). (In Portuguese).

21. Meireles Alexandro Rodrigues. (2014). Tipologia rítmica de dialetos do português brasileiro [Rhythmic typology of Brazilian Portuguese dialects] // Phonetics Laboratory, Federal University of Espírito Santo, Brazil. Arquivado em 21 de agosto de 2014, no Wayback Machine.

22. Cagliari Luiz Carlos.(2013). Existem línguas de ritmo silábico? [Are there any syllabic languages?] // Estudos Linguísticos [Linguistic Studies], São Paulo, jan-abr 2013, 42 (1). R. 19–32. (In Portuguese).
23. Carvalho Amorim de. (1981). Tratado de versificação portuguesa [Treaty of Portuguese Versification]. 4.ª edição. Lisboa: Centro do Livro Brasileiro [Brazilian Book Center], 1981. [First published in 1941]. (In Portuguese).
24. Ferrari Lilian (2011). Introdução à linguística cognitiva [Introduction to Cognitive Linguistics]. São Paulo: Editora Contexto, 2011. R. 176 (In Portuguese).
25. Pessoa Fernando (1993). Um poema é uma obra literária em que o sentido se determina através do ritmo // Pessoa Inédito. Fernando Pessoa. (Orientação, coordenação e prefácio de Teresa Rita Lopes). Lisboa : Livros Horizonte, 1993. R. 242. (In Portuguese).
26. Duffell M. J. (2005). Some Phonological Features of Insular French: A Reconstruction // Studies on Ibero-Romance Linguistics Dedicated to Ralph Penny. Ed. by Roger Wright and Peter Ricketts. Newark : Juan de la Cuesta, 2005. R. 103–125.
27. Tarlinskaja Marina (1997). Rhythm and Syntax in Verse: English Iambic Tetrameter and Dolnik Tetrameter (Nineteenth and Twentieth Centuries) // Poetics Today. Vol. 18, nº 1 (Spring 1997). R. 59–93. (In English).
28. Tarlinskaja Marina (1976). English Verse: Theory and History [English Verse: Theory and History]. The Hague; Paris : Mouton, 1976. (In English).
29. Gasparov M. L. (1996). A History of European Versification. Translated from Russian by Gerry Smith and Marina Tarlinskaja. Ed. by Gerry Smith with Leofranc Holford-Strevens. Oxford: Clarendon Press, 1996. (First edition in Russian, 1989).
30. Dictionnaire de poétique et de rhétorique, 2^a ed. Paris, P.U.F., 1975, 1119 r.
31. En busca del verso puro (1961) [In search of the pure verse]. // Pedro Henríquez Ureña (ed.), Estudios de versificación española [In Spanish Versification Studies], Instituto de Filología «Amado Alonso», Universidad de Buenos Aires, 1961, EUDEBA, 1961. R. 267–268. (In Spanish).
32. Allen Gay Wilson (1933). Biblical Analogies for Walt Whitman's Prosody // Revue Anglo-Américaine X (1933). R. 490–507. (In English).
33. Duffell Martin. J. (2008) A New History of English Metre. London : Legenda. (In English).
34. Bothe Polly E. (2007). Algumas reflexões sobre o ritmo na poesia versilibrada de Fernando Pessoa: Alberto Caeiro e Álvaro de Campos [Some reflections on rhythm in Fernando Pessoa's versilibrated poetry: Alberto Caeiro and Álvaro de Campos]. // Steffen Dix e Jerónimo Pizarro (orgs.), A Arca de Pessoa: Novos Ensaios [Pessoa's Ark: New Essay], Lisboa, Imprensa de Ciências Sociais, 2007. R. 243–255. (In Portuguese).

Статья поступила в редакцию 09.05.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 09.05.2023; approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_204

EDN: MTKCVS

Политические гастрометафоры современного французского политического дискурса

Мария Михайловна Кирсанова^{1✉}, Татьяна Владимировна Первак²

¹Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева. 127434, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 46

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Государственный университет просвещения. 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

¹marimkir@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5786-5708>

²alexfirst@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3427-3317>

Аннотация. Целью исследования является выявление и описание способов концептуализации фрагментов политической действительности во французском политическом дискурсе при помощи гастрономических метафор. Цель определила решение двух задач: 1) описать понятия гастрономического лингвокультурного кода и политической гастрометафоры в языковой картине мира французов; 2) выделить типы сверхсловных политических гастрометафор и уточнить их текстовые функции. Исследование проводилось на материале современных разножанровых политических текстов, изданных в печати и на интернет-ресурсах, с применением лексикографического, контекстуального, прагмасемантического анализа и метода метафорического моделирования. Проведенный анализ позволил выделить следующие типы сверхсловных политических гастрометафор: 1) метафоры, основанные на переосмыслении понятия гастрономического кода; 2) метафоры, содержащие фразеологизм с гастрономическим наименованием; 3) метафоры, основанные на отсылке к прецедентному феномену с гастрономическим образом; 4) метафоры, основанные на трансформированном фразеологизме с гастрономическим компонентом. Установлено, что во французском политическом дискурсе в метафорических моделях со сферой-источником «гастрономия» понятийные сферы «выборы» и «действия президента» являются доминирующими сферами-мишенями. Гастрометафоры используются для объяснения сложных смыслов политических реалий при помощи отсылок к традиционным и универсальным гастрономическим образам, присущим национальной языковой картине мира. Политические гастрометафоры функционируют как ироничные концепты, выполняют номинативную, эстетическую и прагматическую функции, благодаря чему они позволяют авторам создавать более доверительную атмосферу коммуникации и воздействовать на мнение адресата.

Ключевые слова: языковая картина мира; политический дискурс; гастрономический лингвокультурный код; политическая метафора; метафорическая модель; гастрономическая метафора; трансформация фразеологизмов; прецедентные выражения; ироническая коннотация

Для цитирования: Кирсанова М. М., Первак Т. В. Политические гастрометафоры современного французского политического дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 204–212. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_204. <https://elibrary.ru/MTKCVS>

Original article

Political gastro-metaphors in contemporary french political discourse

Maria M. Kirsanova^{1✉}, Tatiana V. Pervak²

¹Candidate of philological sciences, senior lecturer of the department of foreign and russian languages, Russian state agrarian university – Moscow Timiryazev agricultural academy. 127434, Moscow, Timiryazevskaya st., 46

²Candidate of philological sciences, associate professor at the department of germanic and romance philology, State university of education. 141014, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24

¹marimkir@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5786-5708>

²alexfirst@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3427-3317>

Abstract. The aim of the study is to identify and describe the ways to conceptualize certain fragments of political reality in French political discourse using gastronomic metaphors. To achieve this goal, two tasks have to be solved: 1) to describe the concepts of the gastronomic linguistic-cultural code and political gastronomic metaphor in the French linguistic world picture; 2) to identify the types of superword political gastronomic metaphors and clarify their textual functions. The authors of the article analyze the material of modern multi-genre political texts published in print and on the Internet resources, using lexicographic, contextual, pragmasemantic analysis and the method of metaphor modeling. The analysis identifies the following types of superword political gastro-metaphors: 1) metaphors based on reinterpretation of the gastronomic code concept; 2) metaphors containing a phraseological unit with a gastronomic name; 3) metaphors based on reference to a precedent phenomenon with a gastronomic image; 4) metaphors created by a transformed phraseological unit with a gastronomic component. It has been found that in French political discourse the dominant target spheres in metaphorical models with the source sphere «gastronomy» are the conceptual spheres «elections» and «presidential actions». Gastro-metaphors are used to explain complex meanings of political realities by means of references to traditional and universal gastronomic images inherent in the national linguistic world picture. Political gastro-metaphors function as ironic concepts, they fulfill nominative, aesthetic and pragmatic functions, which enables authors to create a more trusting atmosphere of communication and contribute to influencing the addressee's opinion.

Key words: linguistic world picture; political discourse; gastronomic linguistic and cultural code; political metaphor; metaphorical model; gastronomic metaphor; transformation of phraseological units; precedent expressions; ironic connotation

For citation: Kirsanova M. M., Pervak T. V. Political gastro-metaphors in contemporary french political discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(3):204–212. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_204. <https://elibrary.ru/MTKCVS>

Введение

Современному французскому политическому дискурсу свойственно частое употребление метафорических концептов понятий политической действительности, которое обусловлено как языковой креативностью политиков и политических журналистов, так и спецификой национально-культурной маркированности языковой картины мира французов в целом.

В современной науке нет однозначного понимания термина *политический дискурс*. Франкоязычные лингвисты трактуют политический дискурс как пространство-посредник между «шумом насилия и тишиной повиновения», презентующее отношения внутри общества и отношение индивида к обществу, а также участвующее в построении социального единства с помощью дискурсивной борьбы, в которой каждая речь и используемые в ней слова служат орудиями создания смысла, способного навязать послание, заглушить диссонирующие высказывания, объяснить результаты политики [Pražuch, 2016, p. 60; Tournier, Vonnafoos, 1995, p. 68]. В данной статье мы понимаем политический дискурс как множество разножанровых текстов политической тематики, а политические метафоры – как способы косвенного выражения мысли, присутствующей в политическом дискурсе.

Изучению особенностей политической метафоры как когнитивного феномена, функционирующего во французском политическом дискурсе,

посвящен ряд работ отечественных и французских исследователей [Бугакова, 2014; Заринов, 2015; Кирсанова, 2021, 2022; Логинова, 2021; Путилина, 2020; Vacot, 2019; Krieg-Planque, 2004]. Следует отметить, что с точки зрения употребления метафорических моделей французский политический дискурс остается малоисследованным, а работ, посвященных специфике французских политических гастрометафор, до сих пор не проводилось. Таким образом, анализ специфики политических гастрометафор как фрагмента политической метафорической системы французского языка приобретает особую *актуальность* при изучении особенностей политического мышления и способов манипулирования сознанием в современной политической коммуникации.

Материал и методы исследования

Для выявления отличительных особенностей политических гастрометафор были привлечены современные политические статьи, эссе и романы, изданные после 2016 года, авторами которых являются такие авторитетные французские ученые и журналисты, как М. Онфрей, М. Дармон, П. Бако, В. Жовер, Ж. Катремер. Методом сплошной выборки из текстов политической тематики различных жанров (более 2600 страниц) было отобрано более 60 гастрометафор, для описания которых использовались лексикографический, контекстуальный и прагмасемантический анализ, а также аппарат метафорических моде-

лей, разработанный Дж. Лакоффом в рамках когнитивной теории метафоры [Лакофф, Джонсон, 2017].

Понятие *гастрономического кода* в языковой картине мира французов

Исследователи политической метафорологии отмечают, что каждая эпоха приносит изменения в систему национальных базисных метафор. Метафорический арсенал обновляется и одновременно сохраняет тенденцию к традиционности, поддержанию культурной самобытности [Будев, Чудинов, 2008, с. 12].

Для кодирования всевозможной информации, связанной с пищей, используется термин *гастрономический код* [Ли, 2022, с. 149]. Традиционно для всех народов гастрономический код является одним из важнейших кодов культуры, посредством которого в языке интерпретируются неявные смыслы и формируется языковая картина мира, так как именно пища и связанные с ней предпочтения, привычки, традиции и стереотипы служат в национальном сознании тем «основанием, на котором выстраивается обширная парадигма национально-специфического мировосприятия и человеческой деятельности» [Олянич, 2015, с. 4]. Общеизвестно, что для французов пищевые традиции, национальная кухня, особое стремление к изысканности вкуса и эстетичности внешнего вида блюд являются тем конгломератом ценностных и культурных доминант, который вносит значительный вклад в формирование специфики национальной языковой картины мира.

Гастрономический код пересекается с другими культурными кодами, такими как, например, природный (наименования веществ, употребляемых в пищу: вода, соль и т. д.), зооморфный (названия животных, употребляемых в пищу), фитоморфный (названия растений, употребляемых в пищу), антропоморфный (наименования физиологических процессов человека, связанных с потреблением пищи, а также чувственных восприятий), акциональный (наименования процессов приготовления блюд), артефактный (названия предметов сервировки стола и т. д.). Таким образом, гастрономический код определяется как один из самых разветвленных и богатых кодов, содержащих важнейшие понятия о мире [Дормидонтова, 2018; Ли, 2022].

Понимание термина *гастрометафоры* в романистике тесно связано со словарным значением понятия *гастрономия* / *gastronomie*. С одной стороны, оно интерпретируется как «искусство

приготовления вкусных блюд, вина, организации приема пищи и т. д.», а, с другой стороны, в значении *кухня* / *cuisine* подразумевает: 1) помещение, в котором готовят продукты питания; 2) приготовление пищи; искусство приготовления пищи; 3) готовые к употреблению в пищу продукты; 4) персонал, который работает на кухне [Le Petit Robert, 2012, р. 1134, р. 599–600].

Исходя из объема словарного понятия *гастрономия* во французском языке, гастрономический код – это обширная понятийная сфера, охватывающая наименования:

1) продуктов питания, полуфабрикатов, готовых блюд, напитков;

2) качественных и вкусовых характеристик пищевых продуктов и готовых блюд.

3) процессов и способов заготовки продуктов, приготовления, подачи и употребления блюд и напитков;

4) столовой посуды и принадлежностей, кухонной утвари;

5) персонала, занятого продажей различных видов продуктов питания (мясных, молочных, бакалейных, овощей и фруктов), а также приготовлением, подачей, сервировкой, продажей готовых блюд и напитков;

6) помещений, в которых готовится и принимается пища.

В русском языке понятие *гастрономия* трактуется более узко, как пищевые продукты, преимущественно закусочные [Толковый словарь Ожегова онлайн]. Исследователи метафорической системы русского языка используют в своих лингвокультурологических трудах термины *гастрономическая*, *кулинарно-гастрономическая* и *пищевая метафора*, не разграничивая их [Вепрева и др., 2019; Громько, 2020; Юрина, Балдова, 2020]. В отечественной лингвистике термин русская пищевая метафора детально разработан в трудах Е. А. Юриной и трактуется как концептуальная модель, способ осмысления явлений окружающего мира и внутреннего мира человека в терминах еды и гастрономии; и как результат этой ментальной процедуры, который закрепляется в языковых формах и значениях в виде вторичных образных номинаций с мотивирующей гастрономической семантикой, таких как языковые метафоры, собственно образные слова, образные сравнения, идиомы, пословицы, поговорки, афоризмы, регулярно воспроизводимые в дискурсивных практиках с различной степенью варьирования [Юрина, 2021, с. 13].

Гастрометафоры во французском политическом дискурсе

В рамках настоящей статьи политические гастрометафоры рассматриваются как сверхсловные образные единицы французского языка (словосочетания, фразы), имеющие в своем составе метафорически переосмысленные наименования, относящиеся к сфере гастрономического лингвокультурного кода и функционирующие в современном французском политическом дискурсе.

В ходе исследования эмпирического материала выявлены следующие типы сверхсловных гастрономических метафор:

- 1) метафоры, основанные на переосмыслении понятия гастрономического кода;
- 2) метафоры, содержащие фразеологизм с гастрономическим наименованием;
- 3) метафоры, основанные на отсылке к прецедентному феномену с гастрономическим образом;
- 4) метафоры, основанные на трансформированном фразеологизме с гастрономическим компонентом.

Проиллюстрируем данную типологию примерами гастрометафор, отобранных из современных политических статей, эссе и романов.

1) Метафоры, основанные на переосмыслении понятия гастрономического кода

(1) *L'ère du champagne...ou celle de la potion amère?* [Darmon, 2018, p. 38].

Анализируя инаугурационные торжества президента Э. Макрона в 2017 году, автор обращает внимание на музыкальное сопровождение – арию «Брызги шампанского» из оперы Моцарта «Дон Жуан»: *Le vin de champagne, métaphore du désir et du plaisir, est aussi considéré comme cachant son jeu – sa saveur finale – derrière le chant des bulles. Quelle nouvelle époque a-t-il inaugurée pour les Français? L'ère du champagne...ou celle de la potion amère? L'ère du champagne...ou celle de la potion amère?* [Darmon, 2018, p. 37–38]. / Шампанское – это метафора желаний и удовольствия, скрывающая свой окончательный вкус за шипением пузырьков. Какую новую эпоху он (Макрон) открыл для французов? Эру шампанского... или горького зелья? (Перевод здесь и далее наш – М. К.)

Автор использует сочетание двух гастрометафор, где первая – эпоха шампанского – означает эпоху удовольствий, является символом «желаемого благоденствия», а вторая – горькое зелье – традиционно означает в европейских языках нечто горестное, скорбное, несущее разоча-

рование. Таким образом, моделирующая функция данной политической гастрометафоры заключается в том, чтобы иронично сформировать образ широкой шкалы неопределенности грядущей эпохи, в которую вступает французское общество с новым президентом страны.

(2) *Un gratin de restes* [Bacot, 2017].

Le vice-président du Front national parlant du gouvernement nommé par le nouveau président de la République, comportant quelques anciens ministres «et de gauche et de droite», selon la formule macronienne consacrée, Florian Philippot nous dit que c'est «un peu ... un gratin de restes» [Bacot, 2017]. / Вице-президент Национального фронта Флориан Филиппо, о правительстве, назначенном новым президентом Республики Макроном, в состав которого входят несколько бывших министров «как левых, так и правых», говорит нам о «своего рода ... запеканке из остатков».

Ф. Филиппо сравнил первое правительство Эммануэля Макрона, победившего на выборах 2017 года, с приготовленной запеканкой из остатков продуктов. Слово *gratin* во французском языке обозначает запеченное с сыром блюдо, которое можно приготовить из самых разных ингредиентов. В данном контексте *gratin* служит метафорической отсылкой к изобилию как левых, так и правых партий в составе первого правительства Макрона. Однако следует обратить внимание на то, что во французском языке *gratin* имеет и второе значение – элита, сливки общества [Le Petit Robert, 2012, p. 1181]. Таким образом, *un gratin de restes* – это ироничная метафорическая номинация первого правительства Э. Макрона, это элита, оставшаяся от предыдущего правительства президента Ф. Оланда, и «запеченная в новое блюдо» (новый кабинет министров).

Гастрометафоры (1) и (2) – это ироничные концепты, выражающие авторское видение сути номинируемых политических реалий.

2) Метафоры, содержащие фразеологизм с гастрономическим наименованием

(3) *Un haut fonctionnaire pur sucre* [Jauvert, 2018, p. 94].

Vient l'audition du président de l'Agence de lutte antidopage: Bruno Genevois. Un ex-sportif? Non, un conseiller d'Etat honoraire de 75 ans. Un haut fonctionnaire pur sucre. Ancien président de la section du contentieux, il est membre du conseil de l'ordre national de la Légion d'honneur. [Jauvert, 2018, p. 94] / Грядут слушания с участием президента антидопингового агентства: Брюно Жене-

вуа. Бывший спортсмен? Нет, 75-летний почетный государственный советник. Высокопоставленный чиновник чистой воды. Бывший председатель секции по рассмотрению споров, он является членом Совета Национального ордена Почетного легиона.

(4) *Un liberal pur jus* [Quatremer, 2019, p. 28].

Le pouvoir à Bruxelles, ce sont en réalité les eurocrates. La puissance des services est telle, notamment à la Commission (33 000 personnes), que les commissaires les plus politiques deviennent très vite les marionnettes des fonctionnaires qui sont les seuls à maîtriser la complexité et les subtilités de la machine et ont toujours un argument juridique pour justifier que seules des politiques ultralibérales puissent être appliquées. A Bruxelles, même Jean-Luc Mélenchon deviendrait vite un libéral pur jus... [Quatremer, 2019, p. 28] / Власть в Брюсселе на самом деле принадлежит еврократам. Мощь служб такова, особенно в Еврокомиссии (33 000 человек), что даже самые политически ориентированные члены комиссии очень быстро становятся марионетками-функционерами, которые лишь одни способны разбираться в сложностях и тонкостях механизма Еврокомиссии и всегда знают юридический аргумент в пользу применения только ультралиберальной политики. В Брюсселе даже Жан-Люк Меланшон быстро стал бы либералом чистой воды...

В гастрометафорах (3) и (4) особо проявляется специфика национальной языковой картины мира, в которой понятие чистоты как стопроцентно однородного состава, без каких-либо посторонних примесей, выражается такими устойчивыми сочетаниями как *pur jus* / чистый сок и *pur sucre* / чистый сахар, а не *чистой воды* как в русском языке.

3) Метафоры, основанные на отсылке к прецедентному феномену с гастрономическим образом

(5) *Attendrir la viande* [Darmon, 2018, p. 50].

В следующем отрывке текста упоминается гастрометафора – политическая максима президента Жака Ширака: *Les sarcozistes appliquaient avec délectation la maxime chiraquienne: «Un ennemi, ça s'étouffe sous les accolades. Il faut attendrir la viande»* [Darmon, 2018, p. 50] / Странники Саркози с удовольствием применяли максиму президента Жака Ширака: «Врага надо душить в объятиях. Надо смягчать мясо». Общеизвестно, что отбивать мясо – это действие, которое позволяет сделать мясо максимально мягким для

употребления в пищу. Гастрометафора раскрывает двойной смысл: «мясо – это враг» и «отбивать мясо – подготавливать его к съедению (уничтожению)». Цитируемое в тексте прецедентное выражение продолжает использоваться как ироничный эвфемизм, концептуализирующий политику непрямого противодействия политическим оппонентам.

(6) *Le diesel sera la brioche de Macron* [Darmon, 2019, p. 95]. Гастрометафора построена на аллюзии к исторической фразе, приписываемой королеве Марии-Антуанетте. Когда королеве сказали, что у народа нет хлеба, она, якобы, ответила: *Qu'ils mangent de la brioche!* / Пусть едят булочки! Эта фраза стала прецедентным выражением, а бриошь – метафорой последней капли, способной переполнить чашу народного терпения и послужить поводом к началу свержения власти в стране. В контексте самого массового современного социального протестного движения «желтых жилетов» во Франции, поводом для которого послужил рост цен на дизельное топливо, рассматриваемая гастрометафора иронично эвфемизирует суть внутривнутриполитической ситуации, когда подорожание дизельного топлива могло стоить Макрону потери президентского мандата.

4) Метафоры, основанные на трансформированном фразеологизме с гастрономическим компонентом

(7) *Passe-moi la salade, je t'envoie la rhubarbe* [Ladepeche.fr., 2015].

Выступая 7 декабря 2015 года на канале France 2, экс-президент Франции Николя Саркози, прокомментировал стратегию своей партии после первого тура региональных парламентских выборов: *De ni fusion avec la gauche, ni retrait face au FN, ... ce n'est pas comme ça que ça se passe, ce n'est pas «passe-moi la salade, je t'envoie la rhubarbe»* [Ladepeche.fr., 2015]. / Никакого объединения ни с левыми, ни с правыми. Это не «ты мне салат, а я тебе ревень».

Трансформированный фразеологизм *passe-moi la salade, je t'envoie la rhubarbe* рассмешил аудиторию и вызвал шквал комментариев в социальных сетях. Экс-президент Франции Николя Саркози исказил устойчивое выражение, значение которого аналогично значению русской поговорки *ты мне – я тебе*, чтобы иронично и иносказательно концептуализировать суть известной политической ситуации на выборах, когда не набравшая голосов в первом туре партия

соглашается призвать своих избирателей отдать во втором туре голоса той из двух победивших в первом туре партий, которая обещает ее лидерам взамен министерские портфели в будущем правительстве. Данная фразеологическая инновация – это ироничный и эвфемистичный концепт компромиссного политического сговора «крупных» кандидатов с «мелкими» перед вторым туром выборов.

Известный французский философ и писатель-публицист Мишель Онфрей пишет о реалиях современной выборной системы: «Une affaire de rhubarbe et de séné – en Molière revu et corrigé par Sarkozy, cela done: „*пasse-moi la salade, je t'envoie la rhubarbe*”. Le système électoral actuel relève toujours de cette subtile mathématique» [Onfray, 2017, p. 89] / Сделка с ревенем и сенной из комедии Мольера и подправленная Саркози: «ты мне салат, я тебе ремень». Вся современная электоральная система восходит всегда к этой хрупкой математической формуле.

Стоит упомянуть, что устойчивое выражение *пassez-moi la rhubarbe, je vous passerai le séné* (вы мне ремень, я вам сенну) до Саркози уже однажды было трансформировано Мольером. Исходное выражение в словаре Le Petit Robert трактуется как: *Je vous passe la casse, passez-moi le séné: faisons-nous des concessions mutuelles* / Я вам кассию, а вы мне сенну: сделаем взаимные уступки [Le Petit Robert, 2012, p. 2349]. Учитывая то, что кассия и сенна – это два названия одного и того же растения, значение выражения становится еще более очевидным. Трансформированный Николя Саркози фразеологизм прозвучал комично, запомнился и стал употребляться для обозначения описанного политического явления, нередко происходящего в период между двумя турами выборов.

(8) *Mettre du beurre dans sa pension* [Jauvert, 2018, p. 68].

Гастрометафора образована от трансформированного фразеологизма *mettre du beurre dans les épinards* / увеличивать свои доходы (буквально: класть масло в шпинат) [Larousse, 2010, p. 64], в котором – *épinards* заменено на *pension*. Общеизвестно, что масло традиционно ассоциируется с богатством, дополнительными деньгами. Отварной шпинат – традиционное блюдо французской кухни. Шпинат без масла воспринимается как диетическое блюдо со скучным вкусом. Это метафора жизни на обычную пенсию. Положить масло в шпинат означает действие, значительно меняющее в лучшую сторону вкус этого блюда. Это метафора

улучшения личного финансового положения, жизненных условий в целом. Политолог и экономист Венсан Жовер иронизирует над бывшим генеральным секретарем Совета Национальной Безопасности, который будучи на пенсии, официально занимал административную должность в Счетной палате, что противоречит закону, но существенно добавляет денег к пенсии.

Заключение

Исследованный языковой материал позволяет сделать вывод, что гастрономические метафоры в современном французском политическом дискурсе создаются и функционируют как ироничные концепты, эффективно отражающие национальное мировосприятие в духе времени текущей политической ситуации.

Политическое явление, содержащее понятие из сферы *гастрономия*, не вызывает ощущения скрытой или явной опасности, тревоги, агрессии как в случае, например, с военными или медицинскими метафорами. Гастрономическая метафорическая модель демонстрирует стабильное присутствие в современной политической метафорической системе французского языка, а ее доминантными сферами-мишенями являются такие понятийные сферы как «выборы» и «действия президента».

Гастрометафоры в политических текстах служат эффективным инструментом объяснения и характеристики сложных смыслов политических реалий посредством традиционных и универсальных гастрономических образов. Закладываемая автором в значение гастрометафоры ироничная коннотация безошибочно считывается реципиентом и мгновенно пропитывается иронией весь текст.

Гастрометафоры во французском политическом дискурсе могут выполнять функцию номинации, ироничной эвфемизации, а также эстетическую и прагматическую функции, так как удачно подобранная отсылка к понятию из сферы гастрономического лингвокультурного кода доставляет эстетическое удовольствие, создает более доверительную атмосферу политической коммуникации, позволяет автору воздействовать на мнение адресата.

Исследованные гастрометафоры, как фрагмент национальной политической метафорической системы, демонстрируют коммуникативно-прагматический потенциал, динамику обновления и тенденцию широкого использования га-

строномических образов, соотносящихся с концептами национальной культуры.

Библиографический список

1. Бугакова Н. В. Политическая метафора в свете когнитивной лингвистики // Известия ВГПУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология, лингвистика. 2014. № 1(262). С. 243–246.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология: монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. 248 с.
3. Вепрева И. Т., Мустайоки А., Магсар Ц. Что варят на политической кухне: аксиологический потенциал кулинарно-гастрономической метафоры в публицистическом дискурсе // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 241–257.
4. Громько С. А. Гастрономическая метафора в русском дореволюционном парламентском дискурсе (на материале речей правых депутатов) // Научный диалог. 2020. № 5. С. 25–37.
5. Дормидонтова О. А. Французская артефактная метафора как разновидность гастрономической (на примере наименований посуды) // Современные вопросы филологии и переводоведения. Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т, 2018. С. 84–87.
6. Зарипов Р. И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России). Москва : Военный университет, 2015. 262 с.
7. Кирсанова М. М. Способы интерпретации неологических сочетаний как прагматический источник обогащения словарного состава французского языка. Москва : МГОУ, 2022. 161 с.
8. Кирсанова М. М. Когнитивно-прагматические аспекты интерпретации политической метафоры во французском политическом дискурсе // В сборнике: Типологическое исследование романских языков (диахрония и синхрония). Межвузовский сборник научных трудов. Москва, 2021. С. 64–69.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Изд. 3-е. Москва : УРСС, 2017. 252 с.
10. Ли Чи. Объем понятия гастрономический код в русской языковой картине мира // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. №1–2. С. 148–153.
11. Логинова П. Г. Изобразительно-выразительные свойства метафоры во французском политическом дискурсе (на материале периодических изданий «Le Parisien» и «Le Monde») // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 101–108.
12. Олянич А. В. Лингвосемиотика французской гастрономии: монография. Волгоград : ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2015. 180 с.
13. Путилина Н. В. Метафорическое переосмысление медицинской терминологии // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов: материалы Международной научной онлайн-конференции / отв. ред. И. В. Скуратов. Москва : ИИУ МГОУ, 2020. С. 220–226.
14. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4993> (дата обращения: 20.09.2022)
15. Юрина Е. А., Балдова А. В. Пищевая метафора в русском лингвокультурном дискурсе // Язык и культура. 2020. № 50. С. 152–169.
16. Юрина Е. А. Пищевая метафора в лингвокультурологическом словаре: опыт системного идеографического и контрастивного описания // Язык за рубежом, 2021. № 5 С.13–20.
17. Bacot P. Un gratin de restes // SELP – Société d'étude de langages du politique. 20.05.2017. URL: <https://selp.eu/figures/figure-de-style-121/> (дата обращения: 20.09.2022).
18. Bacot P. Guide de culture politique – Les clés pour comprendre le discours politique français. Paris : Ellipses, 2019. 312 p.
19. «Ce n'est pas passe-moi la salade, je t'envoie la rhubarbe»: la petite phrase de Sarkozy qui fait le buzz // Ladepeche.fr. 08.12.2015. URL: <https://www.ladepeche.fr/article/2015/12/08/2233954/> (дата обращения: 20.09.2022).
20. Darmon M. La politique est un métier. Paris : L'Observatoire, 2019. 208 p.
21. Darmon M. Macron ou la démocratie de fer. Paris : L'Archipel, 2018. 286 p.
22. Jauvert V. Les intouchables d'État. Paris : Éd. Robert Laffont, 2018. 252 p.
23. Krieg-Planque A. Souligner l'euphémisme: opération savante ou acte d'engagement? Analyse du « jugement d'euphémisation » dans le discours politique // Semen. 2004. No. 17: Argumentation et prise de position: pratiques discursives. URL: <https://journals.openedition.org/semen/2351#citedby> (дата обращения: 03.08.2020).
24. Le Petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2012. 2837 p.
25. Les grands dictionnaires LAROUSSE. Le dictionnaire de l'argot et du français populaire / Nouvelle édition par Colin J.-P., Mével J.-P., Leclère C. Paris : LAROUSSE, 2010. 978 p.
26. Onfray M. Décoloniser les provinces. Contribution aux présidentielles. Paris : L'Observatoire, 2017. 149 p.
27. Prazuch W. La phraséologie du discours politique sur la crise. Analyse d'allocutions d'hommes politiques français (2008-2012) // Cahiers de lexicologie, n° 108, 2016 – 1, Phraséologie et linguistique appliquée. P. 59–74.
28. Quatremer J. Les salods de l'Europe. Guide à l'usages des eurosceptiques. Paris : Calmann-Lévy, 2019. 334 p.
29. Tournier M., Bonnafous S. // Analyse du discours, lexicométrie, communication et politique. 1995. Langages, 29. P. 67–81.

Reference list

1. Bugakova N. V. Politicheskaja metafora v svete kognitivnoj lingvistiki = Political metaphor in terms of cognitive linguistics // *Izvestija VGPU. Serija: Gumanitarnye nauki. Filologija, lingvistika.* 2014. № 1(262). S. 243–246.
2. Budaev Je. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaja politicheskaja metaforologija = Foreign political metaphor studies : monografija. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2008. 248 s.
3. Vepreva I. T., Mustajoki A., Magsar C. Chto varjat na politicheskoy kuhne: aksiologicheskij potencial kulinaro-gastronomicheskoy metafory v publicisticheskom diskurse = What is cooked in the political kitchen: axiological potential of culinary-gastronomic metaphors in publicist discourse // *Izv. Ural. feder. un-ta. Serija 2: Gumanitar. nauki.* 2019. T. 21. № 2 (187). S. 241–257.
4. Gromyko S. A. Gastronomicheskaja metafora v rusском dorevoljucionnom parlamentskom diskurse (na materiale rechej pravyh deputatov) = Gastronomic metaphor in Russian pre-revolutionary parliamentary discourse (based on the speches of right-wing deputies) // *Nauchnyj dialog.* 2020. № 5. S. 25–37.
5. Dormidontova O. A. Francuzskaja artefaktnaja metafora kak raznovidnost' gastronomicheskoy (na primere naimenovaniy posudy) = French artifact metaphor as a kind of gastronomic metaphor (on the example of tableware names) // *Sovremennye voprosy filologii i perevodovedenija.* Cheboksary : Chuvashskij gos. ped. un-t, 2018. S. 84–87.
6. Zaripov R. I. Kognitivnye aspekty metaforicheskogo modelirovaniya v politicheskome diskurse (na materiale francuzskih politicheskikh metafor obraza Rossii) = Cognitive aspects of metaphor modeling in political discourse (based on French political metaphors of Russia's image). Moskva : Voennyj universitet, 2015. 262 s.
7. Kirsanova M. M. Sposoby interpretacii neologicheskikh sochetanij kak pragmaticheskij istochnik obogashhenija slovarnogo sostava francuzskogo jazyka = Ways of interpreting neologisms as a pragmatic source for enriching the French vocabulary. Moskva : MGOU, 2022. 161 s.
8. Kirsanova M. M. Kognitivno-pragmaticheskie aspekty interpretacii politicheskoy metafory vo francuzskom politicheskome diskurse = Cognitive-pragmatic aspects of political metaphor interpretation in French political discourse // *V sbornike: Tipologicheskoe issledovanie romanskih jazykov (diahronija i sinhronija). Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov.* Moskva, 2021. S. 64–69.
9. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors we live by. Izd. 3-e. Moskva : URSS, 2017. 252 s.
10. Li Chi. Ob#em ponjatija gastronomicheskij kod v rusской jazykovoj kartine mira = The scope of the concept 'gastronomic code' in the Russian linguistic picture of the world // *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki.* Serija: Gumanitarnye nauki. 2022. №1–2. S. 148–153.
11. Loginova P. G. Izobrazitel'no-vyrazitel'nye svojstva metafory vo francuzskom politicheskome diskurse (na materiale periodicheskikh izdanij «Le Parisien» i «Le Monde») = Figurative and expressive features of metaphor in French political discourse (based on the periodicals «Le Parisien» and «Le Monde») // *Politicheskaja lingvistika.* 2021. № 3 (87). S. 101–108.
12. Oljanich A. V. Lingvosemiotika francuzskoj gastronomii = Linguistic semiotics of French gastronomy : monografija. Volgograd : FGBOU VPO Volgogradskij GAU, 2015. 180 s.
13. Putilina N. V. Metaforicheskoe pereosmyslenie medicinskoj terminologii = Metaphorical reinterpretation of medical terminology // *Romanskie jazyki: vzaimodejstvie literatury i kul'tury narodov: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn-konferencii / otv. red. I. V. Skuratov.* Moskva : IIU MGOU, 2020. C. 220–226.
14. Tolkovyj slovar' Ozhegova onlajn = Ozhegov's online explanatory dictionary. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4993> (data obrashhenija: 20.09.2022)
15. Jurina E. A., Baldova A. V. Pishhevaja metafora v rusском lingvokul'turnome diskurse = Food metaphor in Russian linguocultural discourse // *Jazyk i kul'tura.* 2020. № 50. S. 152–169.
16. Jurina E. A. Pishhevaja metafora v lingvokul'turologicheskom slovare: opyt sistemnogo ideograficheskogo i kontrastivnogo opisanija = Food metaphor in a linguoculturological dictionary: experience of systemic ideographic and contrastive description // *Jazyk za rubezhom,* 2021. № 5 S.13–20.
17. Bacot P. Un gratin de restes // *SELP – Société d'étude de langages du politique.* 20.05.2017. URL: <https://selp.eu/figures/figure-de-style-121/> (data obrashhenija: 20.09.2022).
18. Bacot P. Guide de culture politique – Les clés pour comprendre le discours politique français. Paris : Ellipses, 2019. 312 p.
19. «Ce n'est pas passe-moi la salade, je t'envoie la rubarbe»: la petite phrase de Sarkozy qui fait le buzz // *Ladepeche.fr.* 08.12.2015. URL: <https://www.ladepeche.fr/article/2015/12/08/2233954/> (data obrashhenija: 20.09.2022).
20. Darmon M. La politique est un métier. Paris : L'Observatoire, 2019. 208 p.
21. Darmon M. Macron ou la démocratie de fer. Paris : L'Archipel, 2018. 286 r.
22. Jauvert V. Les intouchables d'État. Paris : Éd. Robert Laffont, 2018. 252 p.
23. Krieg-Planque A. Souligner l'euphémisme: opération savante ou acte d'engagement? Analyse du « jugement d'euphémisation » dans le discours politique // *Semen.* 2004. No. 17: Argumentation et prise de position: pratiques discursives. URL: <https://journals.openedition.org/semn/2351#citedby> (data obrashhenija: 03.08.2020).

24. Le Petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2012. 2837 p.

25. Les grands dictionnaires LAROUSSE. Le dictionnaire de l'argot et du français populaire / Nouvelle édition par Colin J.-P., Mével J.-P., Leclère C. Paris : LAROUSSE, 2010. 978 p.

26. Onfray M. Décoloniser les provinces. Contribution aux présidentielles. Paris : L'Observatoire, 2017. 149 r.

27. Prazuch W. La phraséologie du discours politique sur la crise. Analyse d'allocutions d'hommes politiques français (2008-2012) // Cahiers de lexicologie, n° 108, 2016 – 1, Phraséologie et linguistique appliquée. P. 59–74.

28. Quatremer J. Les salods de l'Europe. Guide à l'usages des eurosceptiques. Paris : Calmann-Lévy, 2019. 334 p.

29. Tournier M., Bonnafous S. // Analyse du discours, lexicométrie, communication et politique. 1995. Langages, 29. P. 67–81.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 03.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 11.05.2023; approved after reviewing 03.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья

УДК 316.722

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_213

EDN: NFVEVU

Специфика культурной политики стран Прикаспия: сравнительный анализ

Елена Владиславовна Хлыщева

Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20 А
culture_mar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

Аннотация. В представленном исследовании нас интересует Каспийский макрорегион, представляющий собой геополитически, экономически и культурно привлекательное пространство не только для самих Прикаспийских государств (Россия, Туркменистан, Казахстан, Иран, Азербайджан), но и для более удаленных субъектов (Китай, Турция, США и ведущие страны Европы), борющихся за влияние в Каспийском бассейне. Каспийский регион является регионом высокой напряженности, поэтому исследование процесса конструирования национальной идентичности как в каждом отдельном субъекте, так и в регионе в целом представляет не только научный интерес, но и стратегическую задачу по обеспечению не только каспийской, но и российской безопасности. Без учета динамики идентичностей народов, повышения их культурного самосознания не создать пространства культурного диалога.

Поэтому целью данной статьи является анализ механизма конструирования новой национальной идентичности в постсоветских республиках Прикаспийского региона и выявление специфики данного процесса. Для этого был проведен сравнительный анализ культурной политики Казахстана, Туркменистана и Азербайджана. Ограничительным фактором такого исследования стало изучение источников, изданных на русском языке.

В процессе исследования было выявлено, что поиск новой национальной идентичности тесно связан с политикой культурной памяти/забвения, когда пересмотр собственной истории позволяет выстраивать основы коллективной национальной идентичности. Общей тенденцией постсоветских республик Прикаспия становится отмежевание от советского/российского наследия и формирование единого тюркского пространства. Дерусификация особенно заметна в образовательной и культурной сферах. У всех стран конструирование новой идентичности идет на базе обращения к древней истории и мифологии своего народа. Тем не менее, точкой соприкосновения культур народов Прикаспия сегодня остается культурное наследие, позволяющее вспомнить общее историческое прошлое и наметить ориентиры возможного будущего диалога.

Представленная статья продолжает исследования по проблеме конструирования национальной идентичности на постсоветском пространстве Прикаспийского региона.

Ключевые слова: культурная политика; Прикаспийский регион; идентичность; культурная безопасность; культурология; культурное наследие

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности»

Для цитирования: Хлыщева Е. В. Специфика культурной политики стран Прикаспия: сравнительный анализ // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 213–221. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_213. <https://elibrary.ru/NFVEVU>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Specifics of cultural policy in the Caspian countries: a comparative analysis

Elena V. Khlyshcheva

Doctor of philosophical science, professor, head of the department of cultural studies, V. N. Tatishchev Astrakhan state university. 414056, Astrakhan, Tatischev st., 20 A
culture_mar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

Abstract. In this study the author is interested in the Caspian macro-region, which is a geopolitically, economically and culturally attractive space not only for the Caspian states themselves (Russia, Turkmenistan, Kazakhstan, Iran, Azerbaijan), but also for more distant actors (China, Turkey, the United States and leading European countries) competing for influence in the Caspian basin. The Caspian region is a region of high tension, so studying the process of forming national identity both in each individual state and in the region as a whole is not only of scientific interest, but also a strategic task to ensure both Caspian and Russian security. It is impossible to create a space for cultural dialog without taking into account the dynamics of peoples' identities and increasing their cultural awareness.

Therefore, the main aim of the article is to analyze the mechanism of constructing a new national identity in the post-Soviet republics of the Caspian region and to identify the specifics of this process. To this end, the author has carried out a comparative analysis of the cultural policies of Kazakhstan, Turkmenistan and Azerbaijan. The limiting factor for this research was the number of sources published in Russian.

The research reveals that the search for a new national identity is closely linked to the policy of cultural remembering / forgetting, where revision of the national history allows building the foundations of a collective national identity. The general trend of the post-Soviet republics in the Caspian region is to dissociate themselves from the Soviet/Russian heritage and form a unified Turkic space. Derussification is especially noticeable in the educational and cultural spheres. All countries construct their new identity based on the ancient history and mythology of their people. Nevertheless, the point of contact between the Caspian peoples' cultures today is the cultural heritage, which makes it possible to remember the common historical past and outline the guidelines for possible future dialog.

This article continues the research on the problem of constructing national identity in the post-Soviet space of the Caspian region.

Key words: cultural policy; Caspian region; identity; cultural security; cultural studies; cultural heritage

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00301 «The Process of Constructing New Identities in the Caspian Macroregion in the Context of Societal Security»

For citation: Khlyshcheva E. V. Specifics of cultural policy in the Caspian countries: a comparative analysis. *Verhnevolskiy philological bulletin*. 2023;(3):213–221. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_213. <https://elibrary.ru/NFVEVU>

Введение

Интерес к Прикаспийскому региону обуславливается как экономическими факторами, например, наличием богатых природных ресурсов, прежде всего, нефти (на Каспии сосредоточено около 4 % мировых запасов нефти [Бурцев, 2014, с. 74]), так и геополитической привлекательностью, причем не только для прибрежных государств, но и для более удаленных субъектов (Китай, Турция, США и ведущие страны Европы), борющихся за влияние в Каспийском бассейне. Поэтому Каспийский регион является в определенной мере очагом международной напряженности.

Каспийское пространство является звеном, «связывающим Север и Юг в плане снабжения

нефтью и газом рынков Европы и стран Востока» [Сченснович, 2018, с. 40], и объединяет Каспийское море и Персидский залив в «стратегический энергетический эллипс» [Тюльпаков, 2014, с. 231]. Россия имеет со странами Каспийского региона исторические, экономические и культурные связи, которые были прочными в советское время, когда у Каспийского моря было всего два хозяина – Иран и Советский Союз. На сегодняшний день прикаспийских акторов пять. Более того, после распада СССР в постсоветских республиках Прикаспия начинаются процессы деконструкции советской идентичности и замены ее на множественные национальные. Отсутствие эффективной российской политики в отношении стран Каспийского региона в 1990-е гг. привело к частичной утрате российского влияния, и игнорировать факт

центробежных тенденций, а также политику конструирования новой национальной идентичности в постсоветских прикаспийских республиках, невозможно.

Культурная политика стран Прикаспия как объединяющий фактор

Прикаспийский регион уникален пересечением множества культур и эта специфика культурного пространства диктует необходимость формирования «единого ментального субстрата, близкого всем представителям прикаспийских стран» [Хлыщева, 2021, с. 80], без которого невозможно достижение культурной безопасности. Она рассматривается как «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [Forrest, 2004]. Поэтому универсальным языком, объединяющим различные народы, является язык культуры. Культурная дипломатия, как мягкая сила, служит укреплению геополитических позиций, является средством решения внешнеполитических и даже экономических задач государств.

Развивая культуру как деятельную экономическую силу, мы формируем новую социокультурную среду, важными составляющими которой являются конкурентоспособность, ценностная ориентированность на инновационное развитие, культ знаний, творческая активность, открытость для диалога и при этом обязательное сохранение собственной национальной идентичности.

В современных постсоветских республиках взят государственный курс на конструирование «национальной идеи и национальной самоидентификации» [Хлыщева, 2022] при доминировании этно-национальных характеристик. Такая идентичность тесно связана с политикой культурной памяти и забвения, которая выбирает необходимые элементы из прошлого, настоящего и будущего для выстраивания культурного кода. С этих позиций интересно проанализировать культурную политику стран Прикаспийского региона, выявив ее специфику и обозначив точки соприкосновения разных культур.

Объектом культурной политики национального государства является «национальная культура, соответствующая основным характеристикам политической нации» [Новосельская, 2018, с. 51].

Конструирование национальной концепции культурной политики зависит от «принятой в обществе политической идеологии как системе идей, поддерживающих экономическую рациональность выбора той или иной концепции и культурных ценностей, в основе которых лежат предположения о природе культурных процессов, их влиянии на развитие общества, роли творцов и их месте в культурной политике, в приоритетности решения проблем культурной политики для государства, во взаимоотношениях субъектов, творящих культуру своих стран, со своими государствами и как институтами, и как обществом в целом» [Востряков, 2011, с. 144].

Именно посредством культурной политики идет процесс модернизации национального сознания и формируется общенациональное единство.

Специфика культурной политики Казахстана

Концепция культурной политики Казахстана принята в 2014 году [О Концепции, 2015]. Стратегией была выбрана «национальная идея духовной модернизации и обновления национального сознания „Рухани жаңғыру“, призванная консолидировать казахстанский народ с его богатым культурным наследием и творческим потенциалом на успешное достижение цели вхождения Республики Казахстан в число 30-ти самых развитых стран мира» [О Концепции, 2015]. Укрепление статуса казахской культуры в мире намечается через реализацию узнаваемых имиджевых проектов – международных конкурсов и фестивалей, туристических маршрутов и кластеров.

Важной особенностью культурной политики Казахстана становится задача «духовной модернизации и обновления национального сознания» [О Концепции, 2015] для формирования «единого культурного пространства страны, конкурентоспособной культурной ментальности и высоких ценностных ориентиров казахстанцев, развитие и популяризация современных культурных кластеров, влияющих на успешное развитие экономики» [Кожакеева, 2016, с. 9]. Не подлежит сомнению, что «уровень модернизации общественно-политических отношений внутри страны и характер международной связи её с другими государствами мира определяют своеобразие ситуации и формируют особенность национальной политики» [Кожакеева, 2016, с. 10].

В Казахстане существует государственное финансирование социально значимых проектов и некоммерческих отраслей, особенно классическо-

го и академического искусства. В этом направлении они действуют по примеру СССР, Китая и европейских государств, таких как Франция, Австрия и др. В то же время государственные структуры Казахстана обращаются к мировому опыту создания гибких кластерных структур.

Общенациональным приоритетом становится воспитание подрастающего поколения. Одна из важнейших задач – формирование нового казахстанского патриотизма, основанного на устойчивой системе национальных ценностей, поэтому одной из составляющих в воспитании патриотизма является формирование национальной символики как «перманентной защиты от чуждых идеологических влияний, формирование собственных национальных брендов» [О Концепции, 2015].

Приоритетным направлением становится сохранение и популяризация культурного наследия, на основе которого должна быть создана географическая карта святынь Казахстана. Последнее направление представляется новым, демонстрирующим усиление этно-конфессионального влияния, но именно оно, по мнению казахстанских исследователей, подчеркнет самобытность казахской культуры в мире.

Во главу угла ставится сохранение культурного кода нации, основными составляющими которого являются наследие, традиции, обычаи, язык, семья, хозяйственные системы (жизненный уклад), праздники. Уже в школе «каждый ученик должен определить свою гражданскую идентичность и принадлежность к определенному этносу» [Указ Президента, 2014]. Этническая идентификация обязательна. Этнокультурные мероприятия рассматриваются как маркеры культурного бренда региона.

Идентичность может дать сбой в случае, когда ценности своей культуры окажутся малопривлекательными, и ее может заменить другая, способная изменить ценности и приоритеты. Подобное произошло после распада советского государства и российское влияние большинством казахских исследователей рассматривается как «подданство России, зависимость, породившая ряд проблем, в частности, потерю родного языка под влиянием русской речи, демографические изменения и т. д.» [Сапарова, 2014, с. 77].

Для сохранения культурного наследия предлагается развивать государственно-частное партнерство, сочетая государственное финансирование с негосударственными формами инвестиций в сфере культуры. Частному бизнесу дается право пользования объектом при условии сохранения

основного профиля его деятельности. Такая практика распространена во всем мире и является эффективной. Это актуально для частных галерей, реставрации и дальнейшего использования исторических зданий или памятников. Государственная культурная политика нацелена не только на сохранение, но и использование богатств культурного наследия в сфере культуры и искусства.

Важнейшая цель культурной политики Казахстана – стать «одним из центров развития мировой культуры и искусства, исторической науки, археологии и искусствоведения, ведущей международной школой повышения профессионального мастерства и творческого роста» [О Концепции, 2015]. В частности, прорабатывается возможность открытия в Астане штаб-квартиры новой международной организации в области культуры – Евразийского совета по культурному развитию «SilkRoad».

В целях создания конкурентноспособной культурной среды предлагается развитие творческих кластеров по отдельным сферам культуры, например, музейный кластер, кластер «Единство природы и кочевой культуры», культурно-туристские кластеры, кластер «Астана – сердце Евразии», кластер «Алматы – свободная культурная зона Казахстана», кластер «Жемчужина Алтая», кластер «Возрождение Великого Шелкового пути», кластер киноиндустрии, развивающий национальный кинематограф и др.

В рамках грантового проекта нас особенно интересует развитие кластера «Каспийские ворота», культурная инфраструктура которого представлена «4 театрами, 30 музеями, 19 кинотеатрами, 6 концертными организациями, 614 библиотеками, 404 учреждениями клубного типа, 10 парками развлечений и отдыха. Здесь расположены уникальные историко-культурные объекты: подземные мечети Бекет-Ата, Шопан-Ата и Караман-Ата, мавзолей Омара и Тура; некрополи полуострова Мангышлак; гора Шеркала, комплекс памятников „Бокеевская Орда” и другие» [О Концепции, 2015].

Прикаспийский регион, уникальный пересечением множества культур, стал площадкой для проведения международных музыкальных конкурсов, театральных фестивалей, международных форумов Прикаспийских стран, которые проходят ежегодно в разных странах и городах Прикаспия.

С 2003 года во всех прикаспийских странах ежегодно отмечается День Каспия, ставший международным праздником. А фестиваль современной песни в Актау «Тысячелетия вокруг Каспия»

получил статус евразийского песенного конкурса народов прикаспийских стран. По плану имиджевыми мероприятиями должны стать, например, «шестиве „Золотого человека“ по миру, сезоны казахстанской культуры за рубежом, празднование „Наурыз“ в новом формате, выход современной культуры в глобальный мир, перевод лучших авторов и произведений на языки ООН, широкое тиражирование имиджевой продукции в сфере кино, анимации, живописи, дизайна, развитие ремесленничества и народно-прикладного искусства» [О Концепции, 2015]. Эти проекты дадут возможность развивать творческие индустрии с выходом на мировые рынки.

В итоге, новый масштаб действий и меры по созданию единого культурного пространства страны, национальной символики, культурно-географической карты духовных святынь Казахстана обеспечат духовную преемственность и самоидентификацию поколений на основе общенациональной идеи. Экономическое и геополитическое развитие выведет культурную сферу в реальный сектор экономики. К 2030 году сектор культуры «стремится к среднему показателю развитых стран мира в объеме ВВП, в объеме занятого в культуре населения, в экспортном потенциале культурной продукции» [Указ Президента, 2014].

«Азербайджанство» как основа культурной политики

Азербайджан после обретения независимости взял курс на «эффективную жизнедеятельность», что отражало «не только стремление перейти из одной политико-экономической системы в другую, но и олицетворяло желание трансформации из модерна в постмодерн, из индустриального в постиндустриальный мир» [Мехтиев, 2012]. Географическое расположение «на стыке Европы и Азии» диктует необходимость выстраивать национальную стратегию, аккумулируя цивилизационный опыт Востока и Запада и, учитывая требования современной ситуации, смещать «центр притяжения с Запада на Восток» [Мехтиев, 2012].

Достижение этой стратегической цели невозможно без самоидентификации азербайджанского общества на основе национальной идеи «азербайджанства», как «особой системы ценностей и идеологической конструкции, направленной на удовлетворение внутренних потребностей народа, его специфических интересов» [Азербайджанство, 2016]. Эта идеология появилась в конце XIX – начале XX столетия с целью конструирования национального самосознания у населения Азер-

байджана. Сегодня «азербайджанство» получило новое смысловое звучание и вписано в государственную культурную политику.

Конструирование нации имеет важное политическое значение и становится приоритетной задачей. Для ее решения огромное значение придается науке и образованию, формирующим критическое мышление, креативный подход, социальную ответственность, что в итоге повышает конкурентоспособность как отдельной личности, так и страны в целом. Непреложным является понимание того, что «именно развитие науки и образования определяет уровень культуры общества, а уровень культуры человека определяется уровнем его знаний, умений, организованности, нравственности и созидательной деятельности» [Мамедов, 2006, с. 223].

Иными словами, конструирование национальной идентичности рассматривается как ресурс инновационного развития, а именно, создание «нации креативных людей». Для этого необходим «креативный класс, формирование которого во многом зависит от степени осознания и развития национальной идентичности, поддержки со стороны государства, зрелости личности и общества» [Мехтиев, 2012]. Специфика формирования национальной идентичности в Азербайджане выражена в «государственном национализме» – «специфической государственной идеологии и практике ее применения в политических целях» [Мехтиев, 2012].

Как и во всех постсоветских республиках Прикаспия, государственная культурная политика Азербайджана опирается на символику, национальные мифы, героическую историю народа, которые должны демонстрировать уникальный характер азербайджанской нации, потому как «лишенный эмоциональных красок и литературных образов, национализм не сможет стать рычагом воздействия на умы людей» [Мехтиев, 2012]. И здесь ведущее место в достижении поставленной цели отводится культуре, как «созидательной жизнедеятельности людей». Культура – это «сложный социальный феномен и ноумен, символизирующий многовековой непрерывный путь человечества от хаоса к порядку; это исторический процесс познания и преобразования природы, общества и самого человека, получаемые в результате духовные и материальные ценности и нормы, а также технологии их производства, хранения, потребления и распространения» [Мамедов, 2006, с. 40]. Базовыми категориями культуры являются: «почитание; образование; воспи-

тание; познание и преобразование; мифология о происхождении народа мораль и идеология; самораскрытие разума; становление свободы; культурное наследие; философия жизни; технологии (способы) жизнедеятельности» [Мамедов, 2006, с. 57–58].

Раскрытие данных категорий становится приоритетом лиц умственного труда, поскольку только их «творческая фантазия и интеллект придадут нации ее очертания и основное эмоциональное содержание» [Мехтиев, 2012]. Национальная идея должна быть окрашена эмоциональными красками и подтверждена литературными образами, иначе не сможет воздействовать на умы людей.

Именно поэтому Культурология как наука и учебная дисциплина должна дать «видение будущего с его новыми возможностями», а для этого посредством метода культурологического анализа открыть «новые возможности для развития человека, общества и государства» [Мамедов, 2006, с. 2–3]. С этой целью Ассоциацией культуры Азербайджана «Симург» при поддержке компании «Zygon Caspian Consulting», разрабатывается Пирамида культурологии, как креативный подход к преобразованию общества.

Системное культурологическое образование становится средством формирования личностей, а главное – лидеров, обладающих универсальными знаниями. Поэтому изучение или хотя бы знакомство с Культурологией обязательно для всех граждан Азербайджана. Культурологическое образование способствует не только решению внутренних задач, но и «правильному видению будущего, предотвращению войн, конфликтов, терроризма; утверждению во всем мире этических принципов, ценностей и международных норм, провозглашенных документами ООН и ЮНЕСКО» [Мамедов, 2006, с. 127–128]. Поэтому важнейшими направлениями культурной политики страны названы, в том числе и:

- «разработка основных принципов и культурологических концепций развития, ориентированных на позитивный образ будущего;
- организация сквозного и специального культурологического образования, исследований и просвещения;
- модернизация системы духовной культуры
- целенаправленное использование специалистов, оценка и практическое применение результатов их творческой деятельности» [Мамедов, 2006, с. 131].

В отличие от жителей Казахстана, где необходимо знать свою этническую принадлежность,

понятие «азербайджанец» означает прежде всего гражданство. Все жители Азербайджана – граждане страны, при этом каждый этнос обладает своим уникальным культурным наследием, этническими традициями и ценностями.

Три цвета на государственном флаге Азербайджана отражают пересечение культурных миров – тюрского, исламского и европейского. Поэтому внешняя культурная политика Азербайджана направлена на укрепление межкультурного диалога с европейской и исламской цивилизациями на основе принципов толерантности и мультикультурализма.

Иными словами, каждый житель Азербайджана является носителем как «этнической, культурной и религиозной, так и гражданской идентичности» [Мехтиев, 2012]. Рост числа креативных и умных людей, интеллектуалов, обладающих творческой энергией, должен придать стране «ту движущую силу, которая приведет к созданию в Азербайджане современного общества» [Саламзаде, 2019, с. 67]. Эти качества нации должны лежать в основе «инновационной модернизации страны, как главной составляющей национальной идеи» [Гусейнзаде, Мусаев, 2013, с. 34].

Суть новой парадигмы заключается в понимании креативности как значимого фактора в процессе создания национального капитала. Для формирования креативной нации, необходимо учитывать ведущую роль в этом процессе университетов, которые являются «движущей силой образования и развития талантов, что тесно связано с наращиванием интеллектуального капитала, инновациями и новыми технологиями» [Мамедов, 2006, с. 4]. Иными словами, «креативная экономика требует высокого уровня образования» [Гусейнзаде, Мусаев, 2013, с. 36].

Креативная личность рассматривается не только с точки зрения получения высшего образования. Скорее – это социально-психологический тип, который имеет предпринимательские способности и нацелен на инновационный подход. Поэтому миссия образования в Азербайджане заключается в создании человека креативного, обладающего международной конкурентоспособностью. Для этого важная роль отводится естественнонаучному и техническому циклам, при сохранении позиций гуманитарных наук, которые формируют необходимые качества гражданина и культурного человека.

Таким образом, целью воспитания и образования становится достижение высокого международного уровня развития страны, не забывающей

при этом своей истории и духовно-нравственных ценностей и традиций.

Конструирование этнокультурной идентичности как цель культурной политики Туркменистана

Туркменистан является самой консервативной и закрытой страной в Прикаспийском пространстве. Так же, как и в других постсоветских республиках, национальное строительство «подразумевает создание своей идентичности» [Рыжичкин, 2020, с. 177], поэтому особую важность приобретает пересмотр истории для выстраивания основ коллективной национальной идентичности и отмежевания от российской культуры. Отказ от коммунистической идеологии, а затем и от российских культурных ценностей потребовал создания собственной национальной программы

Пантеон героев сместился в глубокую древность и история туркменского народа начинается с мистического предка – Огуз хана [Плотников, 2016, с. 159]. Поэтому основные культурные вехи народов Туркменистана относятся к традициям тюркской народности огузов [Туркменская культура]. Туркменистан чтит свое культурное наследие и подчеркивает отличие своей культуры от культурных традиций Таджикистана и Узбекистана, населенных оседлыми племенами земледельцев, в то время как предки туркмен – кочевые племена.

Главной ценностью признается сплоченность вокруг лидеров, боровшихся за свободу и создание собственного государства. Мысль о независимости республик влечет за собой необходимость сконструировать национальную идентичность, связав ее с национальным самосознанием. Особое значение придается воспитанию гордости за своих лидеров, под руководством которых были достигнуты великие свершения. Поэтому важно глубоко осознавать свою причастность к историческим традициям и исторической преемственности поколений.

В Туркменистане была разработана Новая концепция великого исторического прошлого, для которой президент С. Ниязов лично разработал морально-этических нормы, получившие названием «Рухнама» (Духовный светоч), и на них долгие годы опиралась вся идеологическая система страны. Предписания Рухнамы становятся главным вектором культурной политики и основным источником, направленным на конструирование новой национальной идентичности туркмен.

С этой целью ведется планомерная работа по переписыванию истории и изменению коллективной памяти населения. Именно поэтому президент Туркменистана С. Бердымухамедов говорит о необходимости «научно обосновать теорию происхождения туркменского народа, с изложением стройной периодизации исторических этапов, начиная от зарождения нации и до наших дней» [Аннакулыев, 2020].

Опираясь на прошлое, туркменский народ должен создать сплоченную, нравственно чистую нацию, для которой характерна порядочность, открытость миру и тяга к разносторонним знаниям. Был взят курс на просветительскую направленность и нацеленность на популяризацию богатейшего культурного национального наследия Туркменистана, которое сегодня становится тем брендом, который открывает миру новую Туркмению.

Заключение

В настоящее время в постсоветских республиках государственный курс нацелен на «усиление этно-национальной составляющей национально-культурного самосознания, и именно в этом русле поднимается вопрос о пути развития, формировании национальной идеи и национальной самоидентификации» [Хлыщева, 2022].

Поиск новой национальной идентичности тесно связан с политикой культурной памяти, когда обращение к истории позволяет конструировать необходимую идентичность. Общей тенденцией постсоветских республик Прикаспия становится отмежевание от советского / российского наследия и пересмотр истории для выстраивания основ коллективной национальной идентичности.

Ключевой становится мысль о формировании единого тюркского народа. Важнейшая тема истории среднеазиатских республик – прославление предков и популяризация идеи стать достойным продолжателем их дел. У всех стран конструирование новой идентичности идет на базе обращения к древней истории и мифологии своего народа. Продолжается политика дерусификации, которая особенно заметна в образовательной и культурной сферах.

Точкой соприкосновения культур народов Прикаспия сегодня остается культурное наследие, позволяющее вспомнить общее историческое прошлое и наметить ориентиры возможного будущего диалога. Поэтому в современном мире именно культуре отводится важнейшее стратегическое место в процессе «преобразования челове-

ка и окружающего его мира, в раскрытии творческого потенциала личности и регулировании общественных отношений» [Мамедов, 2006, с. 421]. И ведущую роль в реализации этих задач играет Культурология, как наука о «созидательной человеческой жизнедеятельности, отвечающей интересам социального прогресса, помогающей позитивному преобразованию человека и общества, дает возможность прогнозировать горизонты будущего, как более высокой ступени человеческой жизни, гармонии и гуманистического порядка в мире» [Мамедов, 2006, с. 422].

Библиографический список

1. Азербайджанство // Азербайджанский мультикультурализм. 2016. URL: https://multiculturalism.preslib.az/ru_a2.html (дата обращения 10.06.2023)
2. Аннакулыев Б. Р. Историческое образование в Туркменистане при Туркменбаши. 2020. URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/istoricheskoe-obrazovanie-v-turkmenistan8153414/> (дата обращения 24.05.2023)
3. Бурцев С. Н. Роль Каспийского региона в мировой политике // Вестник РГГУ, 2014 № 7. С.74–84.
4. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели? // Научно-практический журнал «Управленческое консультирование». 2011. №4. С. 141–155.
5. Гусейнзаде Ч. С., Мусаев Т. Ф. Национальная идентичность и гражданский национализм как стратегические ресурсы современного общества в условиях глобализации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 41. С. 29–38.
6. Кожакеева Л. Т. Основные направления этнокультурной политики в республике Казахстан // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Современная наука: теоретический и практический взгляд». Москва : Издательство «Перо», 2016. С. 5–11.
7. Мамедов Ф. Культурология как путь к эффективной жизнедеятельности. Баку : «Абилов, Зейналов и сыновья», 2006. 576 с.
8. Мехтиев Р. Азербайджанская идея в XXI веке в контексте нации креативных людей. АЗЕРТАДЖ. 2012. URL: https://azertag.az/ru/xeber/Azerbaidzhanskaya_ideya_ (дата обращения 04.06.2023)
9. Новосельская В. В. Культурная политика национального государства в контексте современного социально-исторического развития: сущностные характеристики // «Ученые записки КнАГТУ». «Науки о человеке, обществе и культуре». 2018. № I–2 (33). С. 49–56.
10. О Концепции культурной политики Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан: закон от 4 ноября 2014 года № 939 (с изм. и доп. от 28 ноября 2015 года № 958). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000939> (дата обращения 02.06.2023)
11. Плотников Д. С. Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе // Вестник Пермского университета. 2016. №2. С. 156–162.
12. Рыжичкин Н. Н. Постсоветский Казахстан. Пути формирования национальной идентичности. // Свободная мысль. 2020. № 3 (1681). С. 175–186.
13. Саламзаде Э. А., Абдуллаева Р. Г. Мультикультурализм – действенная модель культурной политики Азербайджана // Наследие веков. 2019. № 3. С. 62–68.
14. Сапарова Ю. А. Казахская культура: между Европой и Азией // Вестник МГУКИ. 2014. № 2 (58). С. 75–80.
15. Сченснович В. Н. Геополитика в Каспийском регионе // Россия и мусульманский мир. 2018. № 3. С. 34–44.
16. Туркменская культура. Виртуальный музей «Сокровища Туркменистана». 2023. URL: <https://www.brsu.by/Turkmenistan/turkmenskaya-kultura> (дата обращения 27.05.2023)
17. Тюльпаков М. В. Изменение геополитической роли Туркменистана в начале XXI в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Зарубежное регионоведение. Востоковедение 2014. № 18(140). С. 227–235.
18. Указ Президента Республики Казахстан № 732 13.01.2014 «О Концепции по вхождению Казахстана в число 30 самых развитых государств мира». URL: https://kodeksy-kz.com/norm_akt/source-Президент/type-Указ/732-13.01.2014.htm (дата обращения 06.07.2023).
19. Хлыщева Е. В. Каспийский регион как пространство культурной безопасности // Caspium securitatis: журнал Каспийской безопасности. 2021. Том 1. № 2. С. 80–93.
20. Хлыщева Е. В. Формирование идентичности в образовательном процессе России и Казахстана: сравнительный анализ // Полилог. 2022. Том 6. № 4. URL: <http://ras.jes.su/polylog/s258770110023490-1-1> (дата обращения 12.06.2023)
21. Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Proceedings of the Third Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellowknife. NWT. 18 September. 2004. URL: http://www.nrf.is/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=21. (дата обращения 28.06.2023)

Reference list

1. Azerbajdzhanstvo = Azerbaijani identity // Azerbajdzhanskij mul'tikul'turalizm. 2016. URL: https://multiculturalism.preslib.az/ru_a2.html (data obrashhenija 10.06.2023)
2. Annakulyev B. R. Istoricheskoe obrazovanie v Turkmenistane pri Turkmenbashi = History education in Turkmenistan under Turkmenbashi. 2020. URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/istoricheskoe-obrazovanie-v-turkmenistan8153414/> (data obrashhenija 24.05.2023)

3. Burcev S. N. Rol' Kaspijskogo regiona v mirovoj politike = The role of the Caspian region in world politics // Vestnik RGGU. 2014 № 7. S.74–84.
4. Vostrjakov L. E. Gosudarstvennaja kul'turnaja politika: ot paternalistskoj k partnerskoj modeli? = State cultural policy: from paternalistic to partnership models? // Nauchno-praktičeskij zhurnal «Upravlencheskoe konsul'tirovanie». 2011. №4. S. 141–155.
5. Gusejnzade Ch. S., Musaev T. F. Nacional'naja identičnost' i grazhdanskij nacionalizm kak strategičeskie resursy sovremenno go obshhestva v uslovijah globalizacii = National identity and civil nationalism as strategic resources of modern society in the context of globalization // Sborniki konferencij NIC Sociosfera. 2013. № 41. S. 29–38.
6. Kozhakeeva L. T. Osnovnye napravlenija jetnokul'turnoj politiki v respublike Kazahstan = The main directions of ethno-cultural policy in the Republic of Kazakhstan // Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskij konferencii «Sovremennaja nauka: teoretičeskij i praktičeskij vzgljad». Moskva : Izdatel'stvo «Pero», 2016. S. 5–11.
7. Mamedov F. Kul'turologija kak put' k jeffektivnoj zhiznedejatel'nosti = Cultural studies as a way to effective functioning in life. Baku : «Abilov, Zejnalov i synov'ja», 2006. 576 s.
8. Mehtiev R. Azerbajdzhanskaja ideja v XXI veke v kontekste nacii kreativnyh ljudej = Azerbaijani idea in the XXI century in the context of a nation of creative people. AZERTADZh. 2012. URL: https://azertag.az/ru/xeber/Azerbajdzhanskaya_ideya_ (data obrashhenija 04.06.2023)
9. Novosel'skaja V. V. Kul'turnaja politika nacional'nogo gosudarstva v kontekste sovremenno go social'no-istoričeskogo razvitija: sushhnostnye harakteristiki = Cultural policy of the national state in the context of modern socio-historical development: essential characteristics // «Uchenye zapiski KnAGTU». «Nauki o cheloveke, obshhestve i kul'ture». 2018. № I–2 (33). S. 49–56.
10. O Konceptii kul'turnoj politiki Respubliki Kazahstan: Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan: zakon ot 4 nojabrja 2014 goda № 939 (s izm. i dop. ot 28 nojabrja 2015 goda № 958) = On the Concept of Cultural Policy in the Republic of Kazakhstan: Decree of the President of the Republic of Kazakhstan: the law of November 4, 2014 № 939 (with amendments of November 28, 2015 № 958). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000939> (data obrashhenija 02.06.2023)
11. Plotnikov D. S. Konstruirovanie istoričeskogo proshlogo v gosudarstvah Central'noj Azii v kontekste vystraivanija vzaimootnoshenij s Rossiej na sovremenno m jetape = Constructing the historical past in Central Asian states in terms of building relations with Russia at the modern stage // Vestnik Permskogo universiteta. 2016. №2. S. 156–162.
12. Ryzhichkin N. N. Postsovetskij Kazahstan. Puti formirovanija nacional'noj identičnosti = Post-Soviet Kazakhstan. Ways of forming national identity // Svobodnaja mysl'. 2020. № 3 (1681). S. 175–186.
13. Salamzade Je. A., Abdullaeva R. G. Mul'tikul'turalizm – dejstvennaja model' kul'turnoj politiki Azerbajdzhana = Multiculturalism as an effective model of cultural policy in Azerbaijan // Nasledie vekov. 2019. № 3. S. 62–68.
14. Saparova Ju. A. Kazahskaja kul'tura: mezhdru Evropoj i Aziej = Kazakh culture: between Europe and Asia // Vestnik MGUKI. 2014. № 2 (58). S. 75–80.
15. Schensnovich V. N. Geopolitika v Kaspijskom regione = Geopolitics in the Caspian region // Rossija i musul'manskij mir. 2018. № 3. S. 34–44.
16. Turkmenskaja kul'tura. Virtual'nyj muzej «Sokrovishha Turkmenistana» = Turkmen culture. Virtual museum «Treasures of Turkmenistan». 2023. URL: <https://www.brsu.by/Turkmenistan/turkmenskaya-kultura> (data obrashhenija 27.05.2023)
17. Tjul'pakov M. V. Izmenenie geopoliticheskoj roli Turkmenistana v nachale XXI v. = Changes in the geopolitical role of Turkmenistan at the beginning of the XXI century // Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie 2014. № 18(140). S. 227–235.
18. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan № 732 13.01.2014 «O Konceptii po vhozhdeniju Kazahstana v chislo 30 samyh razvityh gosudarstv mira» = Decree of the President of the Republic of Kazakhstan № 732 13.01.2014 «On the Concept of Kazakhstan's entry into the 30 most developed countries of the world». URL: https://kodeksy-kz.com/norm_akt/source-Prezident/type-Ukaz/732-13.01.2014.htm (data obrashhenija 06.07.2023).
19. Hlyshheva E. V. Kaspijskij region kak prostranstvo kul'turnoj bezopasnosti = The Caspian region as a space of cultural security // Caspium securitatis: zhurnal Kaspijskoj bezopasnosti. 2021. Tom 1. № 2. S. 80–93.
20. Hlyshheva E. V. Formirovanie identičnosti v obrazovatel'nom processe Rossii i Kazahstana: sravnitel'nyj analiz = Identity formation in Russian and Kazakh education: a comparative analysis // Polilog. 2022. Tom 6. № 4. URL: <http://ras.jes.su/polylog/s258770110023490-1-1> (data obrashhenija 12.06.2023)
21. Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Proceedings of the Third Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellowknife. NWT. 18 September. 2004. URL: http://www.nrf.is/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=21 (data obrashhenija 28.06.2023)

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 15.05.2023; approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_222
EDN: NHTGBY

Обращение к сакральному в иконостасах и фресках И. Я. Билибина

Татьяна Владимировна Юрьева

Доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
icona-yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1874-5487>

Аннотация. В статье раскрывается история создания, а также анализируется ряд художественных произведений известного художника-графика И. Я. Билибина, которые были выполнены им для русских православных храмов в период его эмиграции в Египет и Францию после революционных событий 1917 года в России. Автор доказывает, что образ родины и русского искусства для Билибина был неотделим от православия и православной культуры. Будучи в эмиграции, художник практически сразу откликнулся на потребности русской диаспоры в своих храмах, фресках и иконах, что привело Билибина к деятельности, несвойственной для его предыдущего периода жизни в России. Обратившись к сакральному, он создал ряд произведений церковного искусства: это эскиз фресок для христианского храма в Александрии, иконостас для церкви св. Пантелеймона при греческом госпитале в Каире (Египет), эскизы для мозаик и фресок храма Успения Пресвятой Богородицы в Ольшанах (Прага, Чехия). В статье делается попытка определения иконографического стиля И. Я. Билибина. Для этого дается детальное описание иконостаса церкви св. Пантелеймона при греческом госпитале в Каире, анализируется программа росписей храма Успения Пресвятой Богородицы в Ольшанах, программа иконостаса, созданного для Ольшанского храма при возможном участии художника. Автор делает выводы о синтетическом соединении в почерке художника той графической и декоративной составляющей, которую выработал мастер при работе с книжной иллюстрацией, и глубокое знание канонов древнерусского искусства. Автор также считает, что, несмотря на то, что церковное искусство не было генеральной линией его творчества, он и здесь смог оставить свой заметный след, а участие в развитии церковной живописи русского зарубежья такого крупного мастера, как И. Я. Билибин, подтверждает высокий уровень, которого достигло это искусство в эмиграции.

Ключевые слова: церковное искусство; иконостас; культура русской эмиграции; Русское Зарубежье; И. Я. Билибин; русская эмиграция в Египте

Для цитирования: Юрьева Т. В. Обращение к сакральному в иконостасах и фресках И. Я. Билибина // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 222–230.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_222. <https://elibrary.ru/NHTGBY>

Original article

Appeal to the sacred: I. Y. Bilibin's iconostases and church murals in emigration

Tatiana V. Yurieva

Doctor of cultural studies, professor at the department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
icona-yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1874-5487>

Abstract. The article describes the history of creation and analyzes several works of art by the famous graphic artist I. Y. Bilibin, which he made for Russian Orthodox churches during his emigration to Egypt and France after the 1917 revolution in Russia. The author of the article proves that the image of the native land and Russian art was inseparable for Bilibin from Orthodoxy and Orthodox culture. While in emigration, the artist responded almost immediately to the Russian diaspora's need for their own churches, frescoes, and icons, which led Bilibin to engage in activities uncharacteristic of his previous life in Russia. Turning to the sacred, he created a number of works of ecclesiastical art: a sketch of frescoes for a Christian temple in Alexandria, the iconostasis for the Church of St. Panteleimon at the Greek hospital in Cairo (Egypt), sketches for mosaics and frescoes of the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in Olšany (Prague, the Czech Republic). The article is an attempt at defining I. Y. Bilibin's iconographic style. To

this end, the author gives a detailed description of the iconostasis in the Church of St. Panteleimon at the Greek hospital in Cairo, analyzes the program of murals in the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in Olšany and the program of the iconostasis created for the Olšany Church with the possible participation of the artist. The author draws conclusions about the synthesis of the graphic and decorative components in the artist's handwriting, which the master developed when working on book illustrations, and about a deep knowledge of the canons of old russian art. The author also believes that, despite the fact that church art was not the principal course of his work, he was able to leave his mark here, and the participation of such a major master as I. Y. Bilibin in the development of russian church painting abroad confirms the high level of this art in emigration.

Key words: church art; iconostasis; russian emigration culture; russians abroad; I. Y. Bilibin; russian emigration in Egypt

For citation: Yurieva T. V. Appeal to the sacred: I. Y. Bilibin's iconostases and church murals in emigration. *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(3):222–230. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_222. <https://elibrary.ru/NHTGBY>

Введение

Русская художественная эмиграция, оказавшись в ситуации оторванности от своих корней, создала совершенно новый пласт художественной культуры, которая стала частью русского мира.

Одной из тенденций в творчестве ряда русских художников, оказавшихся вдали от Родины, оказалось обращение к церковному искусству. Многие из тех, кто в эмиграции стал создавать храмы и иконостасы, писать иконы, на родине занимались вполне светским искусством и известны нам по целому ряду таких работ. На чужбине православие становится для них спасением и воплощением национально-культурной идентичности, которую необходимо сохранить во что бы то ни стало.

Так, уже в Париже вплотную к церковному искусству обратился Д. С. Стеллецкий, создав целый ряд иконостасов для эмигрантских храмов. [Юрьева, 2005; Юрьева, 2023], А. А. Бенуа, который в эмиграции в 1930-е годы занимался «преимущественно церковным строительством и церковной живописью» [Лейкинд, 1999, с. 135], Н. В. Глоба – создатель Художественно-промышленного института в Париже [Лейкинд, 1999, с. 225–226.] Внес свою лепту в эмигрантское церковное искусство и И. Я. Билибин, которого мы больше, конечно, знаем по его замечательным книжным иллюстрациям и театральным декорациям [Голынец, 1972; Иван Билибин, 2011; Миркулова, 2023]. Меньше известны его работы для православных храмов, которые он создал в Египте и Чехии в свой эмигрантский период. Это обращение художника к сакральному искусству имеет, конечно, свои причины и свою авторскую специфику, что и является предметом данного исследования.

Обзор литературы

Одним из главных исследователей, кто поднял вопрос о существовании билибинских фресок, икон и иконостасов, был В. В. Беляков, который занимался исследованием русской эмиграции в Египте и написал ряд книг и статей, в которых и появляется тема, связанная с этим художником. [Беляков, 2003; Беляков, 2007(а); Беляков, 2007(б); Беляков, 2008; Беляков, 2013]. Именно В. В. Белякову принадлежат первые попытки осуществить поиск оставшихся в Египте работ И. Я. Билибина, в том числе и церковных. Тема церковного искусства в творчестве Билибина возникла также в связи с еще одной масштабной его работой – разработкой эскизов для росписи храма Успения св. Богородицы в Ольшанах (Прага, Чехия). В Чехии эта тема разрабатывалась Д. Кшицовой [Kšicova, 1991; Кшицова; 2004]. В России внимание этому в своих публикациях уделила Т. Ф. Верижникова [Верижникова, 2014]. Кроме того, роль И. Я. Билибина в художественной культуре эмиграции была обозначена в биографическом словаре О. Л. Лейкинда, К. В. Махрова и Д. Я. Северюхина «Художники Русского Зарубежья. 1917–1939» [Лейкинд, 1999] и книге Г. И. Вздорнова, З. Е. Залесской и О. В. Лелековой, посвященной обществу «Икона» в Париже [Вздорнов, 2002, с. 119–126]. Здесь Билибин прежде всего назван членом-основателем общества, а также указано, что он явился создателем обложки устава и печати общества «Икона» в Париже.

Автор данной статьи, учитывая сведения, предоставленные в исследованиях Белякова, при написании диссертационного исследования, посвященного русскому православному иконостасу, не могла не упомянуть о существовании иконостасов, созданных самим Билибиным или при его участии в эмиграции. Позже эти произведе-

ния были подвергнуты более полному анализу в монографии автора «Иконостасы русской эмиграции» [Юрьева, 2023]. Тем не менее, за границами разговора остались монументальные храмовые росписи и эскизы Билибина к ним. Поэтому считаю, что размышления на эту тему не являются законченными, что и привело к появлению данной статьи.

Методология исследования церковного творчества И. Я. Билибина связана с историко-культурным и художественным анализом ряда артефактов, созданных художником, на основе интегративного взаимодействия таких наук, как культурология, искусствоведение, история, эстетика, богословие и литургия. Основными методами, применяемыми в исследовании, являются историко-типологический, который позволяет связать изучаемый культурный феномен (комплекс произведений И. Я. Билибина) с исторической динамикой культуры и соотнести его с контекстом данной эпохи в целом, а также сравнительно-аналитический метод, дающий возможность рассмотреть творчество художника в контексте как эмигрантской, так и общеправославной культуры.

Результаты исследования: анализ памятников

Иван Билибин, график, сценограф, живописец, прославившийся прежде всего своими иллюстрациями к русским народным сказкам. Как сообщают биографы [Вздорнов, 2002, с. 119–126], он родился под Петербургом, близ Сестрорецка, 4 (16) августа 1876 года. Его отец, Яков Иванович, дослужился до чина действительного статского советника и после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов был назначен главным врачом Либавского военно-морского госпиталя. Мать, Варвара Александровна, была дочерью морского инженера Балтийского флота, обожала музыку и до замужества училась у известного композитора и педагога Антона Рубинштейна. По настоянию отца Билибин поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1900 году. Однако его привлекала не юриспруденция, а рисование, которому он учился сначала в рисовальной школе Общества поощрения художеств (1885–1898), затем у Антона Ашбе в Мюнхене (1898), у И. Е. Репина в школе М. К. Тенишевой (1898–1900) и в Академии художеств (1900–1904). Именно в это время и складывается его особый билибинский стиль, абсолютно узнаваемый в его книжных иллюстрациях. «Именно линия стала одним из основных при-

знаков „билибинского” стиля: черные линии четко, без всякого намека на „недосказанность”, ограничивают яркие чистые цвета и задают объем и перспективу рисунка» [Абросимова].

Поскольку после эмиграции художник вернулся на родину, в СССР, то по понятным причинам его интерес к древнему русскому искусству было принято преподносить только как интерес к искусству народному, фольклору. Тем не менее, для нас сейчас совершенно очевидно, что русское народное искусство не отделимо от православия, которое, несомненно, было частью жизни художника. Рене О’Коннель, вторая жена и ученица Билибина, вспоминала, что Билибин интересовался не только русскими вышивками и орнаментами, он «интересовался как профессионал русскими иконами и фресками». [Абросимова]

В 1902–1904 годах по заданию этнографического отдела при Музее Александра III (ныне – Государственный Русский музей) Билибин совершил экспедицию в Вологодскую, Олонецкую и Архангельскую губернии с целью изучения деревянного зодчества и народных ремесел. [Абросимова] Путешествуя по русской глубинке, собирая народное искусство, художник не мог не обращать внимание на сельские храмы.

Подтверждение тому – его статья «Народное творчество Русского Севера», которая была опубликована в журнале «Мир искусства» за ноябрь 1904 года [Билибин, 1904], где художник посвящает храмовому зодчеству целый раздел. Билибин с болью пишет о том, что «состояние старинных церквей самое плачевное. Находясь в руках некультурных людей, они вандальски уничтожаются или искажаются „ремонтами” до неузнаваемости. К ним делаются пристройки самого неподходящего стиля, их грубо обшивают тесом и затем окрашивают в белую краску, <...>, отламывают галереи, <...>, уничтожают богатые высокие крыльца, а например, в некоторых уездах Олонецкой губернии есть милый обычай оклеивать внутри старинные церкви, <...>, дешевыми дачными обоями. Иногда после объезда известной местности архиереем, десятки старых церквей приговариваются к уничтожению, как ненужный хлам» [Билибин, 1904, с. 306].

Художник пишет о благоговейном трепете, который он испытывает при виде древней архитектуры, любовно описывает детали и особенности каждой из увиденных им церквей. Кроме этого, Билибин снабжает свою статью множеством фотографий, сделанных во время этой поездки.

Когда художник оказался в эмиграции, на фоне переживаний, связанных с невозможностью возвращения, тема родины в его творчестве стала особенно острой. Первый период его скитаний вне России был связан с Египтом. Отплыв в 1920 году на теплоходе «Саратов» из Новороссийска, художник оказался в Александрии, в лагере для русских беженцев. После месячного карантина в лагере И. Я. Билибин перебрался в Каир, затем снова вернулся в Александрию, где и жил до августа 1925 года, после чего обосновался с семьей в Париже.

В Каире И. Я. Билибин искал что-нибудь родное. «Очень близко моему сердцу – это так называемое коптское, а по-моему, просто довизантийское искусство египетского производства, но совершенно без прежних древнеегипетских традиций. Это предок (и прямой, а не боковой) и нашего русского искусства» [Макеев]. Конечно, Билибин имел в виду коптские христианские церкви старого квартала в Каире. Из Египта художник с семьей смогли отправиться в путешествие. Они побывали на родине христианства, в Сирии и Палестине.

В этот период Билибин достаточно много работал, и среди его произведений появляются проекты, подобные которым он не выполнял ранее. В особняках богатых греков мастер писал панно в византийском стиле, сделал эскизы для росписи сирийского собора и иконостас греческой госпитальной церкви.

Как он сам писал в одном из писем, «получил заказ на несколько икон для одной небольшой греческой церкви. Мечтаю проникнуть в большой кафедральный греческий собор» [Беляков, 2008, с. 153].

Известно, что он исполнил эскизы иконостасов и фресок для Греческой госпитальной церкви в Каире, Сирийского православного храма в Александрии (1925), а также для домового храма при Поликлинике русских врачей в Каире [Беляков, 2003, с. 208].

От храма в Александрии ничего не осталось. Греческий госпиталь, по-прежнему находится в Аббасие, старом районе Каира. Как отмечал В. В. Беляков, там находится маленькая квадратная церковь Св. Пантелеймона, «ничем не примечательной архитектуры» [Беляков, 2008, с. 157].

Исследователю удалось побывать внутри этого храма, и вот как он описывает впечатления от увиденного им небольшого иконостаса: «Именно его, судя по документам, расписывал Билибин, и

притом в русском стиле XV века. На алтарных дверях – по архангелу в человеческий рост. Справа – Гавриил, слева – Михаил. У них удивительно знакомые по старорусским иконам лица, какой-то светлый, праздничный облик. Внимательно разглядываю нижнюю часть икон: вдруг есть автограф? И – вот он: крошечными буквами инициалы «И.Б.», дата «1921» и вензель в виде весов – фирменный знак мастерской художника на улице Антикхана [Беляков, 2008, с. 158].

По-видимому, именно на фоне этих икон архангелов Билибин сфотографировался в 1921 г. в своей мастерской в Каире (Фотография опубликована в книге, посвященной обществу «Икона» в Париже [Вздорнов, 2002, Т. I, с. 119]). По этим, отразившимся на фотографии фрагментам, уже можно сделать некоторые выводы о складывающейся у мастера стилистике монументальной иконографии. Два больших ростовых образа – Арх. Михаила в латах и Арх. Гавриила – могут быть охарактеризованы как некая плоскостная стилизация, обладающая высокой степенью декоративизма, свойственного художественному почерку Билибина.

Далее Беляков описывает и Царские врата: «Так вот они какие, билибинские иконы! А эта, двойная, на царских вратах? Справа – испуганная и вместе с тем радостная дева Мария, слева – архангел Гавриил, посланный ей Господом, чтобы сообщить ошеломляющую весть: „Зачнешь во чреве, и родишь сына, и наречешь имя ему Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего“. <...> Внизу иконы «Благовещенье», яркой, солнечной, – те же инициалы, дата и вензель» [Беляков, 2008, с. 158].

Известно также, что работы по эскизам Билибина в Каире выполнялись художниками С. В. Дивовым, В. Я. Рутковским, В. Н. Стрекаловским, а также достаточно известным позже иконописцем Н. В. Савиным.

Как указано в словаре «Художники Русского Зарубежья, 1917–1939» О. Л. Лейкинда, К. В. Махрова и Д. Я. Северюхина [Билибин] позже, после переезда в Париж, подобный александрийскому проект иконостаса И. Я. Билибин создал для русской церкви Успения Богородицы на Ольшанском кладбище в Праге (1927). Они также указывают, что работы по проекту выполнял в парижской мастерской художника молодой мастер К. М. Катков, которым с 1927 по 1929 годы были написаны 64 иконы для четырехъярусного иконостаса и клиросных преград. Повторяет эту версию и Д. В. Быстров в статье про Оль-

шанский храм на сайте «Искусство и архитектура русского зарубежья» [Церковь Успения].

Другие исследователи, в частности, Дануше Кшицова (Брно, Чехия) [Кшицова, 2004], а также Т. Ф. Верижникова [Верижникова, 2014] считают, что, поскольку никаких свидетельств работы над иконостасом самого Билибина не найдены, изначально и проект и его исполнение принадлежали К. М. Каткову (1905–1995). Более подробно о Каткове пишет в своей статье В. Поморцев: «Иконы для иконостаса и клиросных преград Успенской церкви написал студент пражского Карлова университета, молодой художник Кирилл Катков. На тот момент ему едва исполнилось двадцать лет. Впоследствии он перебрался в Америку и стал одним из самых известных иконописцев русского зарубежья, расписывая православные храмы от Уругвая до Канады. Иконостас Успенской церкви стал его первой большой работой» [Поморцев, 2016]. Трудно сказать, участвовал ли Билибин в руководстве над этой работой, хотя, можно предположить, что какое-то влияние на нее он мог и оказать, поскольку создавался иконостас в его мастерской.

Но зато в вышеупомянутых исследованиях указывается, что Билибин сделал для храма эскизы мозаик и фресок. Эти эскизы сохранились и, тем самым, в данном случае авторство документально подтверждено. Большую мозаику с изображением Богородицы Орانتы над входом в храм и мозаику на стене алтарной апсиды с изображением Архангела Михаила выполнила фирма М. В. Ферстрова. Славист, русист, и специалист по истории русской эмиграции в межвоенной Чехословакии А. Копршилова в одной из своих статей указывает, что мозаики по Билибинским эскизам делала непосредственно руководитель артели мозаичистов Эмма Ферстрова и ее сотрудники. По ее воспоминаниям, Билибин был очень требователен при переводе изображений с языка эскизной графики на язык мозаики со всеми сложностями этой технологии. Художник настаивал на сохранении мельчайших деталей образов, что в конце концов и было выполнено благодаря мастерству Ферстровой. Эти мозаики так тщательно были сделаны, что хорошо сохранились, несмотря на их уже почти столетнее существование.

Роспись была осуществлена гораздо позже, уже в 1941–1946 гг. группой художников, некоторые из которых, к слову сказать, учились иконописи у П. М. Софронова в Пражском кружке иконописания при Кондаковском семинарии (Seminarium Kondakovianum, с 1931 года – Археологический институт имени Н. П. Кондакова)

логический институт имени Н. П. Кондакова) в Праге [Кызласова, 2004; Ржоутил, 2016; Ключарева, 2018]. Это Т. В. Косинская (позже монахиня Серафима), К. П. Пясковский, М. Б. Ромберг, А. Н. Рязанов, В. Гартман, Р. Д. Карякин, И. Шапов. [Храм Успения]. В вышедшей в 2022 году в Эстонии книге, посвященной П. М. Софронову [Маспанов, 2022, с. 461–467], называется еще несколько имен учеников П. М. Софронова, участвовавших в благоуукрашателстве ольшанского храма. Помимо Т. В. Косинской, это А. К. Случевская-Коростовец, Г. В. Михнюк, Е. Е. Климов.

Подробно создание фресок и анализ их содержания и художественных особенностей дан в статье Д. Кшицовой, опубликованной в журнале «Наше наследие» в 2004 году. [Кшицова] Она называет эти фрески «возможно, самой ответственной (сохраняющейся и поныне) работой Билибина для Чехии» [Кшицова]. Необходимо отметить, что некоторые моменты в описании фресок требуют корректировки.

Мы, в свою очередь, можем сделать вывод о синтетическом соединении в почерке художника той графической и декоративной составляющей, которую выработал мастер при работе с книжной иллюстрацией, и глубокое знание канонов древнерусского искусства. Программа фресковой росписи, разработанная Билибиным, отличается логичностью, правильностью с точки зрения православных канонов [Юрьева, 2006, с. 42–57].

Главным и самым крупным является образ Христа Пантократора в скупье, окруженный образами апостолов в простенках барабана главного купола (Т. В. Косинская). Второй по значимости – образ богородицы с младенцем Иисусом Христом, с фланкирующими его образами ангелов в конхе алтаря (А. Рязанов). Ниже изображен престол с жертвенной чашей, в которой по замыслу И. Я. Билибина должен был быть изображен жертвенный младенец Иисус Христос. Фланкируют изображение образы шести склоненных к чаше святителей.

Арка восточной стены содержит сюжеты «Воскресения, сошествия во Ад», ниже, справа и слева от арки – «Благовещения» (Т. В. Косинская).

На всей плоскости противоположной, западной стены – сцена «Страшный суд» (К. Пясковский).

Северная стена (А. Рязанов, Р. Карякин) посвящена сценам из жития Богородицы, помещенные здесь в соответствии с посвящением храма. В верхней части – «Успение Богородицы», ни-

же – сцены «Рождество Богородицы», «Введение Богородицы во храм». Еще ниже – «Вход Господень в Иерусалим», «Распятие». В нише – сюжет «Не рыдай мене Мати».

Южная стена (А. Рязанов, Р. Корякин) содержит сцены «Рождество Богородицы», ниже три сцены «Сретение», «Крещение», «Преображение Господне», еще ниже – «Вознесение» и «Сошествие Святого Духа на апостолов».

Нижний ряд южной и северной стен содержит образы святых. На южной – свв. Кирилл и Мефодий, русские святые равноапостольные Владимир и Ольга, св. князь Александр Невский, св. князь Михаил Черниговский и св. Меркурий Смоленский, болгарский святой Иоанн Рильский. На северной – чешские святые Прокопий, Вацлав и Людмила, сербские – Стефан, Савва и Лазарь.

К сожалению, написанных собственно Билибиным икон сохранилось чрезвычайно мало. На дальнейшую зарубежную православную иконографию повлияло скорее его светское творчество: сюжеты, посвященные былинным и сказочным образам. Так, например, произошло с развитием образа святого князя Владимира, который получил новую иконографическую традицию в эмигрантской среде благодаря рисунку художника, опубликованного позже в виде открытки в серии «Древнерусские князья» издательством Н. П. Карбасникова в Париже (1926). Иконография образа св. Владимира, созданного Билибиным, была повторена рядом художников-иконописцев «парижской школы». Среди них кн. Е. С. Львова, К. Б. Первышина и др.

Таким образом, имея ввиду сведения о работе Билибина не над самим созданием, а чаще над проектами фресок и иконостасов, тем не менее, можно утверждать, что этот художник внес свой значительный вклад в развитие церковного искусства русской эмиграции.

Кроме всего прочего, несмотря на то, что никаких следов участия Билибина в создании ольшанского иконостаса исследователям обнаружить не удалось, сам этот иконостас, как и все другие, созданные в храмах русской эмиграции, заслуживает несомненного внимания.

Он представляет собой тябловую трехрядную конструкцию, выполненную в стиле русских иконостасов XVI века. В центре – Царские врата с высокой коруной, повторяющие формы резных Царских врат древнерусских иконостасов из храмов Владимира, Суздаля, Ростова, Ярославля и др. На вратах в килевидных киотах расположены сцена Благовещения и образы четырех еван-

гелистов. На плоскости коруны – трехфигурный деисус в центре и, справа и слева – сцены Евхаристии в круглых медальонах.

По традиции местный ряд иконостаса состоит из икон Спасителя («Спас Вседержитель») справа и Богоматери («Богоматерь Владимирская») слева. Образ Спаса выполнен оплечно, с крупной головой, занимающей практически все пространство иконы. В правой руке Спасителя раскрытое Евангелие. Далее расположены врата в жертвенник и дьяконник. На вратах изображения Архангела Рафаила (слева) и Благоразумного разбойника (справа). Вслед за вратами в жертвенник располагается икона «Покров Богородицы», за вратами в дьяконник – икона «Похвала Богородицы».

Праздничный ряд состоит из 14 икон и завершается киотами, сделанными по типу коруны центральных Царских врат. В киотах собраны небольшие иконы разных типов.

Деисус состоит из 11 икон. В центре – образ «Спас в Силах», далее – по традиции – образы Богоматери и Иоанна Крестителя, архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла, святителей, последние иконы, фланкирующие ряд – образы русских святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба. Венчается иконостас Распятием.

Необходимо отметить еще одну сторону творчества Билибина – это влияние иконографической стилистики на его эскизы театральных декораций. Здесь, так же, как и во фресках, художник демонстрирует знание иконографического языка и древнерусского искусства. В его декорациях можно видеть русские города со стенами, башнями, храмами и колокольнями, написанными так, как было принято изображать в древнерусских стенописях. Например, эскиз декорации «Рай», еще ее называют «Преображенный Китеж», к опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» [Художники, 1900, илл. 190], или эскиз декорации к 1-му и 3-му действиям оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Или палаты, расписанные по аналогии с храмовым пространством. Так, на эскизе декорации к последнему акту оперы Мусоргского «Борис Годунов» (1931 г., ГРМ) мы видим сводчатые царские палаты, расписанные святыми образами: на правом – конный св. Георгий, побеждающий змея, и двуглавый орел в круге на красном фоне, увенчанный короной; на левом – архангел, поддерживающий солнечный диск и трубящий ан-

гел. В глубине пространства изображен портал, который фланкируют образы святых со свитками в руках. В нижней части опорного столба – изображение города с крепостными стенами, башнями и трехглавым храмом в центре. Аналогично выполнен и эскиз декорации «Царские палаты» к опере Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста» (1930 г., ГРМ). Здесь также на сводах образ Архангела Михаила, святителей в крещатых византийских одеждах, со свитками в руках. В глубине образ святого в царских одеждах и короне на голове. По нижней части стен пущены так называемые полотенца. Везде прослеживается иконописная плоскостная манера передачи фигур, отсутствие перспективы, линейность и яркость локальных цветовых пятен.

Выводы

Трудно сейчас сказать, каковы были религиозные переживания художника. Но, несомненно, одно. Образ родины и русского искусства для Билибина был неотделим от православия и православной культуры. Русское для него – это не только народные сказки и былины, но и деревянные храмы, старые русские города с их кремлями и монастырями. Будучи в эмиграции художник практически сразу откликнулся на потребности русской диаспоры в своих храмах, фресках и иконах, что привело Билибина к несвойственной для него в России деятельности. Обратившись к сакральному, он создал ряд произведений, принадлежащих русскому православному искусству в эмиграции. И, несмотря на то, что это не было генеральной линией его творчества, он и здесь смог оставить свой заметный след. Как отметила исследователь творчества И. Я. Билибина Чехии Д. Кшицова «Русское религиозное искусство находило и в эмиграции тот же самый приют, как литература и все остальные виды культуры. Участие же такого крупного мастера, как Билибин, в развитии церковной живописи русского зарубежья подтверждает высокий уровень этого искусства» [Кшицова].

Библиографический список

1. Абросимова И. Жил-был Билибин... // Русский-Мир.ru. Сайт. URL: <https://m.rusmir.media/2021/10/05/bilibin>
2. Беляков В. В. «К берегам священным Нила ...»: русские в Египте / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. Москва : Гуманитарий, 2003. 303, [1] с.
3. Беляков В. В. И. Я. Билибин в Египте // Восточный архив. 2007. № 16. С. 51–55. (а)
4. Беляков В. В. Русская православная церковь в Египте // Восточный архив. 2013. № 1(27). С. 72–75.
5. Беляков В. В. Русский Египет. Москва : Вече, 2008. 336 с.
6. Беляков В. В. Русские в Египте // Азия и Африка сегодня. 2007. № 2(595). С. 63–70. (б)
7. Билибин И. Я. Народное творчество Русского Севера // Мир искусства. Том двенадцатый. Санкт-Петербург, 1904. С. 303–318.
8. Иван Билибин : жизнь и творчество, суждения об искусстве, современники о художнике : альбом / [сост.] : Т. Ф. Верижникова. Санкт-Петербург : Аврора, 2011. Русское искусство. Золотой запас). 156, [3] с. ISBN 978-5-7300-0904-2. EDN QSNQGZ.
9. Верижникова Т. Ф. Храм Успения Богородицы в Ольшанах: мозаика Ивана и Александра Билибиных // Научные труды. 2014. № 29. С. 261–270.
10. Вздорнов Г. И., Залеская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже. Т. 1. Москва -Париж, 2002. 600 с.
11. Гольнец Г. В. Иван Яковлевич Билибин / Г. В. Гольнец, С. В. Гольнец. Москва : Изобразительное искусство, 1972. 224 с.
12. Копршилова А. Мозаики церкви Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанах // Русская традиция. Журнал. 27 декабря 2015 г. URL: <http://www.ruslo.cz/index.php/emigratsiya/item/414-mozaiiki-khrama-uspeniya-presvyatoj-bogoroditsya-nalshanakh>
13. Кривец Е., Путилов С. Христианский Египет. Неизвестный Египет: Крест над пирамидами. Москва : Лепта-Пресс, 2005. 380 с.
14. Кшицова Д. Я большой националист и очень люблю Россию. И.Я. Билибин и Чехия // Наше Наследие. 2004. №70. URL: <http://www.nasledie-rus.ru>
15. Лейкинд О. Л. Художники Русского Зарубежья. 1917-1939. Биографический словарь / О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. Санкт-Петербург : Лейкинд О. Л. Художники Русского Зарубежья. 1917–1939. Биографический словарь Нотабене, 1999. 713, [2] с.
16. Макеев А. Очарованные Каиром // Русский-Мир. Ru. Журнал. URL: <https://rusmir.media/2022/04/05/cairo>
17. Маспанов Ф. Житие иконописца Пимена. По следам биографии и творчества П. М. Софронова. Муставез. MYŮ Peipsirannik, 2022. 544 с.
18. Миркулова В. А. Влияние творческой деятельности И. Я. Билибина на дальнейшее развитие книжной графики // Инновационная наука. 2023. № 6-1. С. 232–235.
19. Поморцев В. Самый русский в Праге // Русский паломник. 08 июня 2016. URL: <https://journalpp.ru/page.php?id=1010>
20. Приход Св. Николая в Александрии // Православная Русь. 1955. № 18. С. 13–14.

21. Северюхин Д. Я. Художники русской эмиграции (1917–1941) / Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. Санкт-Петербург : Изд-во Чернышева, 1994. 587 с.
22. Сергеев В. Н. Иконопись Русского Зарубежья («парижская школа») 1920–1980 гг. // Вестник РГНФ. 2000. № 3.
23. Храм Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище // Поместные церкви / Православие.ру. Сайт. URL: <https://www.pravoslavie.ru>
24. Художники русского театра, 1880-1930: собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских : [каталог-резоне] / текст Джона Боулта. Москва : Искусство, 1990. 113 с. (200 ил.).
25. Черкасов-Георгиевский В. Г. Русский храм на чужбине / под общ. ред. Е. Лукьянова. Москва : Паломник, 2003. 287 с.
26. Юрьева Т. В. Иконостасы русского зарубежья. «Парижская школа» XX в // Икона : Альманах общества «Икона» в Ярославле / Общество «Икона». Ярославль : Издательство «Канцлер», 2005. С. 17–24.
27. Юрьева Т. В. Иконостасы русского зарубежья : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. 200 с.
28. Юрьева Т. В. Православные иконостасы в храмах Русского Зарубежья // Сборник трудов Ярославской духовной семинарии. 2018. № 8. С. 132–154. EDN VRKXZY.
29. Ksicova D. Nasteně malby Ivana Jakovlevice Bilibina v Praze // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. № F-19-20, 1975-1976. С. 65-80.
30. Lany J. Olšanske hřbitovy. Praha, 1991. 93 s.
31. Pravoslavný chrám sv. Zesnutí na Olšanech v Praze. Praha, 1985. 123 s.
- Avrora, 2011. Russkoe iskusstvo. Zolotoj zapas). 156, [3] s. ISBN 978-5-7300-0904-2. EDN QSNQZ.
9. Verizhnikova T. F. Hram Uspenija Bogorodicy v Ol'shanah: mozaika Ivana i Aleksandra Bilibinyh = The Church of the Assumption of Virgin Mary in Olshany: Ivan and Alexander Bilibin's mosaics // Nauchnye trudy. 2014. № 29. S. 261–270.
10. Vzdornov G. I., Zalesskaja Z. E., Lelekova O. V. Obshchestvo «Ikona» v Parizhe. T. 1. = The Icon Society in Paris. V. 1. Moskva-Parizh, 2002. 600 s.
11. Golyneč G. V. Ivan Jakovlevič Bilibin = Ivan Yakovlevič Bilibin / G. V. Golyneč, S. V. Golyneč. Moskva : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1972. 224 s.
12. Koprshivova A. Mozaiki cerkvi Uspenija Presvjatoj Bogorodicy na Ol'shanah = Mosaics in the Church of the Assumption of Virgin Mary in Olshany // Russkaja tradicija. Zhurnal. 27 dekaboj 2015 g. URL: <http://www.ruslo.cz/index.php/emigratsiya/item/414-mozaiki-khrama-uspeniya-presvyatoj-bogoroditsy-na-olshanakh>
13. Krivec E., Putilov S. Hristianskij Egipet. Neizvestnyj Egipet: Krest nad piramidami = Christian Egypt. Unknown Egypt: The Cross over the Pyramids. Moskva : Lepta-Press, 2005. 380 s.
14. Kshicova D. Ja bol'shoj nacionalist i ochen' ljublju Rossiju. I.Ja. Bilibin i Chehija = I am a big nationalist and I love Russia very much. I.Y. Bilibin and the Czech Republic // Nashe Nasledie. 2004. №70. URL: <http://www.nasledie-rus.ru>
15. Lejkind O. L. Hudozhniki Russkogo Zarubezh'ja. 1917-1939. Biograficheskij slovar' = Painters of the Russian Diaspora. 1917-1939. Biographical dictionary / O. L. Lejkind, K. V. Mahrov, D. Ja. Severjuhin. Sankt-Peterburg : Lejkind O. L. Hudozhniki Russkogo Zarubezh'ja. 1917–1939. Biograficheskij slovar' Notabene, 1999. 713, [2] s.
16. Makeev A. Ocharovannye Kairom = Enchanted by Cairo // RusskijMir. Ru. Zhurnal. URL: <https://rusmir.media/2022/04/05/cairo>
17. Maspanov F. Zhitie ikonopisca Pimena. Po sledam biografii i tvorčestva P. M. Sofronova = Life of the icon painter Pimen. Following the biography and work of P. M. Sofronov. Mustaveje. MYŮ Peipsirannik, 2022. 544 s.
18. Mirkulova V. A. Vlijanie tvorčeskoj dejatel'nosti I. Ja. Bilibina na dal'nejshee razvitie knižnoj grafiki = Influence of I. Y. Bilibin's creative activity on the further development of book graphics // Innovacionnaja nauka. 2023. № 6-1. S. 232–235.
19. Pomorcev V. Samyj russkij v Praze = The most Russian in Prague // Russkij palomnik. 08 ijunja 2016. URL: <https://journalpp.ru/page.php?id=1010>
20. Prihod Sv. Nikolaja v Aleksandrii = The parish of St. Nicholas in Alexandria // Pravoslavnaja Rus'. 1955. № 18. S. 13–14.
21. Severjuhin D. Ja. Hudozhniki russkoj jemigracii (1917–1941) = Painters of the Russian emigration. (1917–

1941) / D. Ja. Severjuhin, O. L. Lejkind. Sankt-Peterburg : Izd-vo Chernysheva, 1994. 587 s.

22. Sergeev V. N. Ikonopis' Russkogo Zarubezh'ja («parizhskaja shkola») 1920–1980 gg. = Icon painting of the Russian Diaspora («Parisian school») 1920–1980 // Vestnik RGNF. 2000. № 3.

23. Hram Uspenija Presvjatoj Bogorodicy na Ol'shanskom kladbishhe = The Church of the Assumption of Virgin Mary in Olshany cemetery // Pomestnye cerkvi / Pravoslavie.ru. Sajt. URL: <https://www.pravoslavie.ru>

24. Hudozhniki russkogo teatra, 1880–1930: sobranie Nikity i Niny Lobanovyh-Rostovskih = Russian theater artists, 1880–1930: Nikita and Nina Lobanov-Rostovsky's collection : [katalog-rezone] / tekst Dzhona Boulta. Moskva : Iskusstvo, 1990. 113 s. (200 il.).

25. Cherkasov-Georgievskij V. G. Russkij hram na chuzhbine = A Russian temple in a foreign country / pod obshh. red. E. Luk'janova. Moskva : Palomnik, 2003. 287 s.

26. Jur'eva T. V. Ikonostasy russkogo zarubezh'ja. «Parizhskaja shkola» XX v. = Russian iconostases abroad. «Paris School» XX century // Ikona : Al'manah obshhestva «Ikona» v Jaroslavl' / Obshhestvo «Ikona». Jaroslavl' : Izdatel'stvo «Kancler», 2005. S. 17–24.

27. Jur'eva T. V. Ikonostasy russkogo zarubezh'ja = Russian iconostases abroad : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2023. 200 s.

28. Jur'eva T. V. Pravoslavnye ikonostasy v hramah Russkogo Zarubezh'ja = Orthodox iconostasis in Russian churches abroad // Sbornik trudov Jaroslavskoj duhovnoj seminarii. 2018. № 8. S. 132–154. EDN VRKXZY.

29. Ksicova D. Nastenne malby Ivana Jakovlevice Bilibina v Praze // Sbornik prací filozofické fakulty brněnské univerzity. № F-19-20, 1975–1976. C. 65–80.

30. Lany J. Olšanske hřbitovy. Praha, 1991. 93 s.

31. Pravoslavný chrám sv. Zesnutí na Olšanech v Praze. Praha, 1985. 123 s.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 04.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 11.05.2023; approved after reviewing 04.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_231
EDN: NKJVGR

Интерпретация раннесоветской символики в контексте знаково-семиотической системы

Анна Дмитриевна Александрова

Аспирант, Государственный институт искусствознания. 125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5; научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН. 117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
alexaann007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4308-4673>

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь таких понятий, как «символ», «знак», «семиосфера», «концептосфера», «эмблема», и возможность их интерпретации в понимании культурных и исторических процессов. Одно из центральных понятий, которое является предметом исследования в данной статье, – понятие «символ» в контексте семиотики и художественной культуры. Благодаря применению структурно-семиотического подхода автор на примерах раннесоветской культуры рассматривает, как происходит становление и развитие символики в рамках политических и культурных процессов, как происходит прочтение одних и тех же символических элементов в зависимости от выбранного контекста. Из изображений на гербах и панно раннесоветская символика приобретает новый смысл. Символика государственной власти впервые была представлена как многослойная и многозначная знаково-семиотическая система: внешние символы – знаки государственности (флаг, герб и гимн) и внутренние – те изображения, которые на них присутствовали (серп, молот, звезда и красный цвет). Кроме того, было исследовано, как эти символы взаимодействовали между собой и какое влияние на них оказывала идеология большевизма. Раннесоветская символика транслировала актуальные политические идеи и образы, ценности и принципы в различных контекстах культуры и опиралась в репрезентации своей политико-культурной составляющей на различные методы художественной культуры. Это позволяет на многочисленных примерах проследить общие принципы и конкретные формы взаимодействия «политического» и «художественно-эстетического» в процессе трансформации и развития подобной (как правило, двухслойной) знаковой системы.

Ключевые слова: символ; культура; знак; семиосфера; концептосфера; эмблема; раннесоветская художественная культура; знаки государственной власти

Для цитирования: Александрова А. Д. Интерпретация раннесоветской символики в контексте знаково-семиотической системы // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 231–239. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_231. <https://elibrary.ru/NKJVGR>

Original article

Interpreting early soviet symbolism in the context of the sign-semiotic system

Anna D. Alexandrova

Postgraduate student, State institute of art history. 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5; researcher at the Center for social-economic studies of China, Institute of China and modern Asia, The Russian Academy of Sciences. 117997, Moscow, Nakhimov pr., 32
alexaann007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4308-4673>

Abstract. The article analyzes the relationship between such concepts as «symbol», «sign», «semiosphere», «sphere of concepts», «emblem» and how they are interpreted in cultural and historical processes. One of the central concepts studied in this article is the concept of «symbol» in the context of semiotics and artistic culture. Due to applying the structural-semiotic approach and using the examples of early soviet culture, the author examines how the formation and development of symbolism occurs within the framework of political and cultural processes, how the same symbolic elements are understood depending on the chosen context. From the images on coats of arms and panels emerges a new meaning of early soviet symbolism. The symbolism of state power was first presented as a multi-layered and multi-valued sign-semiotic system: external symbols – the signs of statehood (flag, coat of arms and anthem) and internal ones – the images on them (sickle, hammer, star and red color). Moreover, the author examines how these symbols

interacted with each other and how they were influenced by the ideology of Bolshevism. Early soviet symbolism conveyed topical political ideas and images, values and principles in various cultural contexts and relied on various artistic techniques in representing its political and cultural components. Numerous examples illustrate the general principles and specific forms of interaction between the «political» and the «artistic-aesthetic» in the process of transformation and development of such a sign system (a two-layer one, as a rule).

Key words: symbols; culture; sign; semiosphere; sphere of concepts; emblem; early soviet artistic culture; signs of state power

For citation: Aleksandrova A. D. Interpreting early soviet symbolism in the context of the sign-semiotic system. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):231–239. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_231. <https://elibrary.ru/NKJVGR>

Введение

Символы в культуре всегда играли важную роль. При помощи символов происходило описание тех или иных событий, аккумуляция и передача знаний, отражение культуры повседневности и т. д. Символ – это не просто некий абстрактный образ видимого / осязаемого нами объекта / субъекта – это, прежде всего, некая идейная образность, указывающая на другое / иное прочтение того, что мы видим, на скрытый смысл.

Существует несколько интерпретаций понятия «символ»: первый – символ как понятие в семиотике культуры и второе – символ как изображение или эмблема в художественной культуре. К первому подходу можно отнести работы А. Ф. Лосева и Э. М. Спириной. А. Ф. Лосев в своей работе «Проблема символа и реалистическое искусство» говорит о том, что «всякий символ вещи есть, прежде всего, ее отражение» [Лосев, 1995, с. 21]. В отличие от А. Ф. Лосева, Э. М. Спириной в своей работе «Философско-антропологическое содержание символа» исследует символ как единое понятие философской и культурной антропологии [Спириной, 2012, с. 187]. Кроме А. Ф. Лосева и Э. М. Спириной, понятие «символ» также рассматривается и в работах А. Е. Махова (например, «Эмблематика. Макрокосм») и С. Т. Махлиной (например, «Знаки, символы и коды культур Востока и Запада»). А. Е. Махов, и С. Т. Махлина в отличие от А. Ф. Лосева и Э. М. Спириной исследует символ как семиотическое понятие через эмблему и смысл в культурных текстах. Для А. Е. Махова эмблема – это словесно-визуальный жанр [Махов, 2014, с. 23], а для С. Т. Махлиной – это набор определенных ритуалов и практик [Махлина, 2017, с. 176].

Трансформация роли символов в культуре происходит путем открытий и освоения окружающего мира, благодаря чему человеку становится доступным переосмысление себя и своего ме-

ста в истории. Постепенно многие символы становятся знаками, которые становятся проводниками в поиске ответов на интересующие вопросы, поэтому для расшифровки символа необходимо обратить внимание на знаки.

Рассуждая о знаковой стороне символа, А. Ф. Лосев пишет: «...символ вещи есть ее выражение... самым существенным здесь является то, что выражение вещи всегда есть так или иначе ее знак, а без момента знаковости решительно невозможно добиться существенного определения символа» [Лосев, 1995, с. 26]. При помощи знаков может происходить прочтение и интерпретация символов в культуре. Поэтому понятие «символ» в семиотике культуры очень тесно связано с понятием «знак».

Идея восприятия культурных процессов через символику как единого механизма отражена в понятии «семиосферы», уникальной системы представления, взаимодействия и интерпретации символов и культуры, которое оказало огромное влияние на ее формирование, понимание и изучение как единого механизма.

Понятие «семиосфера» впервые встречается в работе Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв» [Лотман, 1992, с. 272]. Понятие семиосферы у Ю. М. Лотмана появилось не сразу. Объясняя методологию употребления данного понятия, он отмечал, что в основу идеи легло определение «биосферы», введенное В. И. Вернадским, который определял биосферу как «организованную, определенную оболочку земной коры, сопряженную с жизнью, в которой одно не может существовать без другого» [Вернадский, 1934, с. 40].

Опираясь на определения учёного, Ю. М. Лотман хотел создать не просто отдельную систему, а целый механизм, который функционировал через взаимосвязь. Называя семиотическую культуру живым организмом, он (Ю. М. Лотман) предлагает рассматривать ее как единый механизм, и даже организм [Лотман, 1992, с. 272]. При этом Ю. М. Лотман отмечал,

что у его понимания семиосферы есть определенные границы поля. Границы исследования появляются, когда исследователь, применяя семиотический подход, сталкивается с принципиально новой областью знания. «Семиотизация фактов» позволяет преодолеть эту самую границу и продолжить исследования. В целом говорить о работе семиотической системы, по мнению русского семиотика, можно на примере Ивана Грозного, когда тот приказал казнить не только боярина, но и всю его семью, включая слуг. Для людей, живущих в той системе культурных ценностей, это было нормой, так как фигура семьи была неотделима от личности мужа и была его отражением, а у иностранцев такой обычай вызывал только недоумение: как за вину одного несут наказание одновременно виновный и невинные [Лотман, 1992, с. 13]. Данный пример – работа семиотического подхода, при котором мы видим, как происходит взаимодействие двух культур, с одной стороны, массовая казнь – работа одного механизма, а с другой – как этот же механизм воспринимается в другой культуре и выражается посредством непонимания ситуации европейцами.

При использовании понятия «семиосфера» очень часто используется термины «концепт» и «концептосфера», которые создают тот самый «мост», который помогает объяснить происходящее с точки зрения истории, культуры, политики и т. д. Создание «концепта» и «концептосферы» позволило рассматривать эти две части культуры как один единый механизм, при этом отталкиваясь от «буквального смысла», от поверхностного определения [Степанов, 2004, с. 42–67]. И. В. Кондаков в своей статье «Концептосфера русской культуры», говоря об определениях семиосферы и концептосферы, пишет о том, что «концептосфера – это не аморфное и разнородное „облако знаков”, а смоделированная сеть обобщающих концептов (смысловых „узлов” или „сгустков”), соединяющих в себе понятия, которые обобщают образы и символы культуры, служат средством организации смыслового (социокультурного) пространства и его теоретического (культурфилософского или лингвокультурологического) обобщения (концептуализации). Каждый объект научного изучения (национальная культура и конкретный язык, национальные литература и искусство, творчество того или иного мыслителя или художника) может быть представлен через его концептосферу, в то время как семиосфера во многих случаях – об-

щая, концептуально более размытая и неопределенная. Выделение из семиосферы концептосферы характеризует процесс локализации и конкретизации социокультурного пространства, типа деятельности, предметной области, знания или творчества» [Кондаков, 2017, с. 1]. Таким образом, благодаря семиосфере и концептосфере происходит расширение понятия «символ».

Взаимосвязь символов и культурных механизмов посредством понятий «семиосферы» и «концептосферы» активно используется и в художественной культуре, помогая правильно интерпретировать текст, аккумулируя знания из различных дисциплин, что позволяет рассматривать различные части культуры в процессе их взаимодействия друг с другом как единый механизм. В отличие от семиотики культуры, в различных художественных структурах, в которых тоже речь идет об отношении общего и индивидуального, он (символ) по своей структуре может быть подразделен на следующие структурно-схематические категории [Лосев, 1995, с. 152]:

- Аллегория
- Схематическое олицетворение
- Тип
- Художественный образ
- Символ
- Эмблема
- Миф

Из представленной схемы можно сделать вывод, что определение «символа» намного шире, чем кажется на первый взгляд. Кроме того, мы видим, что он (символ) очень тесно перекликается и с другими категориями, которые используются в художественной культуре.

В художественной культуре понятие «символ» – это определенное изображение или его образ. Например, представление о символике как об изображении на гербах и панно, изучением которых занимается геральдика. К таким авторам относятся А. Б. Лакиер (например, «Русская геральдика»), В. К. Лукомский (например, «Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов»), В. А. Поцелуев (например, «Гербы Союза ССР») и В. Г. Вилинбахов (например, в статье «Эмблематика барокко на русских знаменах первой четверти XVIII века»). Они изучали и изучают символы как изображение на гербах, то есть как геральдику.

Начиная с XVI века, времени эпохи барокко, символика начинает использоваться и в книжной культуре. Понятие «символ» постепенно переплетается с понятием «эмблема», которая соеди-

няет абстрактное и конкретное в своеобразной композиционной форме. Эмблемы могли передать читателю определенный способ видения и осмысления реальности. При помощи их происходила неразрывность общего смысла и образа. Эмблема символизировала заимствования из видимого мира, особенно из царства животных. А. Б. Лакиер в своей работе «Русская геральдика» пишет, что «всякому животному придавались особенные свойства и качества: один предпочитал символ льва как идею благородной отваги, другой змеи – символ хитрости и мудрости и т. п.» [Лакиер, 1990, с. 16]. Таким образом, в художественной культуре символ становится неким образом, который впоследствии выражается при помощи эмблем. В широкий обиход использование символов и эмблем вводятся именно в период Петра I. Однако, во времена правления Петра I символика и эмблема получают абсолютно новые прочтения. Происходит их резкое противопоставление: государство присвоило себе эмблематику, оставив символизм в пределах церковной культуры [Лотман, 2002, с. 586]. После смерти Петра I в 1725 г. и вплоть до 22 ноября 1917 года постепенно роль символов и эмблем, как маркера власти, начинает отходить на второй план, а на передний план выходит символика как изображение на гербах и панно.

Изменение роли государственной символики происходит вновь уже после революции 1917 года, когда происходит создание раннесоветских знаков государственной власти, официальной и неофициальной символики, когда происходит возрождение роли символики как маркера власти, начатой еще при Петре I и представление ее как знаково-семиотическую систему. Из художественного изображения она (символика) превращается в идеологическую эмблему, где тесно переплетаются символическое изображение бытовой повседневности и идейный пафос политических интенций.

Символика как знак государственной власти

Символика раннесоветской культуры за период с 1917–1960 гг. претерпевала существенные изменения. После революции 1917 года встал вопрос о поиске новой символики, которая бы маркировала новую власть, о тех знаках государственности, которые бы стали ее политическими символами. Такими политическими символами стали новые знаки государственной власти: флаг, герб и гимн. Новая власть взяла за основу уже ранее существующие политические символы,

переключив их под свою идеологию. Флаг существовал и до революции, однако окрашен он был в другие цвета. Новый флаг становится красным. Теперь он не только маркер государственной власти, но и символ революции. Его образ воспринимался как «грозный символ социального возмездия» [Колоницкий, 2012, с. 234].

Герб уже не отражает принадлежность к роду или профессии, или включает изображение всех княжеств, входивших в состав Российской Империи, как это было до революции 1917 года. В конституции РСФСР в разделе под № 6 закреплялось изображение нового герба: «он состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крестнакрест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью» [Конституция РСФСР, 1918, с. 261]. Теперь герб становится только маркером власти. При этом при использовании изображений на гербе, не ставилась задача реалистичного изображения самих символов. Ярким примером того стало неправильное изображение рукоятки серпа на гербе 1923 г. (утолщенная часть изображалась вверху, а должна была находиться внизу).

Какую символику несет в себе новый гимн? Во-первых, это обращение к простому человеку; царь представлен не как защитник русского народа, а как «вампир и кровопийца» (в отличие от дореволюционного гимна «Боже, Царя храни!»; в дореволюционном гимне основной упор делался на фигуру царя и его образ как защитника православия и земли русской). Во-вторых, это отражение действительности: голод, тяжелый труд, произвол со стороны «богачей-кулаков». В-третьих, это движение за новый мир. Большевики призывали к смене власти. «Марсельеза» призывает не просто к активным действиям и восстанию, а к борьбе за свои права. Она стала гимном революции и символом оборончества, отражая основную пропаганду большевиков и формируя основные мотивы послереволюционного искусства.

Флаг, герб и гимн больше не воспринимались как просто символы государственности, теперь они становятся маркером власти, отражением ее идеологии. Кроме символов государственности, в новой конституции официально закреплялись и те изображения, которые могут присутствовать на них. Эти изображения представляют символ как эмблему, значение которой необходимо уметь правильно интерпретировать. Например, изображения звезды или красного цвета также

использовались и ранее, но после революции все эти символы приобретают новое прочтение. Происходит разделение символики на отдельные знаково-семиотические части: на внешнюю (символы государственности) и внутреннюю (изображения символов раннесоветской государственности).

Символ как эмблема на знаках государственной власти

Первые новые официальные раннесоветские символы должны были отражать идеологию новой власти. Серп символизировал работу крестьян, а молот – рабочих. То изображение серпа и молота, которое впоследствии и было утверждено в качестве официальной эмблемы новой власти, появилось на эскизах стягов благодаря тому, что Е. И. Камзолкин «на свой страх и риск» решил использовать серп и молот, так как считал их более подходящими для эмблемы, а не плуг и молот с наковальней, как предлагали «некоторые товарищи из Моссовета» [Камзолкин, 2010, с. 8]. Впервые эмблема перекрещенного серпа и молота как символа новой власти была представлена на параде 1 мая 1918 года. Из обычного художественного оформления серп и молот приобретают черты идеологии новой власти и становятся символами раннесоветской культуры. Они служили ярким напоминанием того, как под лозунгами революции произошла не только смена власти, но и формирование новой культуры. Серп и молот – это еще и успешно реализованный политический проект по объединению революционной идеологии и атеистических идей: перекрещенное изображение – аллегория на христианский сакральный символ – крест.

Что означала красная звезда? Красная звезда – символ правды, знак принадлежности к рядам Красной армии, но в одинаковой степени маркирует и дополняет образ врага, в котором принадлежность к определённому движению значила очень много (период Гражданской войны, борьба Красной и Белой армий). Идея звезды приобретает двойственный характер: символ объединения (рабочие и крестьяне) и борьбы (армия). Как знак пятиконечная звезда использовалась и в царской России на товарных железнодорожных вагонах (внутри обычно также было изображение двуглавого орла). Форма пятиконечной звезды отражала замысел власти о распространении идей пролетариата на 5-ти континентах земного шара, а пять лучей звезды – пять пальцев рабо-

чей руки. Кроме того, это аллегория и на христианский сакральный символ – пять ран Христа. Для простого человека звезда правды становилась его голосом и отображением победы революции 1917 года над самодержавием и воплощением тех идей, к которым он стремился. Став символом революции, отличительным знаком новой культуры и власти. Этот отличительный знак стали одевать все, как изображение единства и победы новой власти. Она приобрела красный цвет, революционный окрас, оттенок крови и огня.

Уже после революции 1917 г. красный цвет приобретает новую семантику. Понятие «красный» характеризовало не просто политическое отношение к власти, но и особый статус. Он одновременно олицетворял 1917 год, воспринимался как «память жертвам самодержавной власти», но и разрывал ассоциацию с христианскими ценностями, в которых красный цвет играл очень важную роль (*кровь*). Цвет должен неразрывно связать новый революционный уклад мира с присущими ему идеологическими ценностями. Это понимание закрепилось в концепции советской эмблемы, в символике красной звезды и на флагах – как изображение единства и победы советской власти. Вот почему «новые знамена» были окрашены в красный цвет. Это не только побуждало к действиям, притягивало к себе внимание аудитории, но и активно использовалось в качестве знака отличия, в период гражданской войны.

Серп, молот, красная звезда снопов колосьев и т.д. – не просто изображения, они – официальные символы власти, которые помещались на гербе и отражали идеологию большевиков внутри страны. Амбивалентность их прочтения позволяла не только охватить «каждого» и отражать идеологию раннесоветской культуры, но и сделать так, чтобы эти символы находили отклик у каждого человека (будь он крестьянин или рабочий), напоминая ему о том, что было и что стало с приходом новой власти.

Постепенно стало очевидным, что необходимо было продвигать идеологию и официальные символы, отражающие революционный контекст, не только на политической арене, но и в художественной культуре, которая играла важную роль для общественного сознания. Происходило конструирование новой реальности при помощи искусства, благодаря чему революция 1917 года стала восприниматься как символ «нового мира» и «нового человека», свободы и ра-

венства, как «праздник трудящихся» (В. И. Ленин), постепенно полностью заменив все то, что было до революции.

Символ как изображение в художественной культуре

Создание системы политической символики и государственной эмблемы раннесоветской власти послужило «толчком» для формирования новой художественной культуры, отражающей интересы власти и, по-своему, – трудящихся масс, в которой символике отводилась главная роль. Постепенно символика из политического маркера власти становится отражением идеологической культуры повседневности, «соединяя» политику и символику в художественной культуре, становясь неотъемлемой частью послереволюционной культуры, подчеркивая ее уникальность.

Развернув искусство от эстетики в сторону пропаганды новых ценностей, раннесоветская власть добивалась того, что культура в целом и художественная культура в частности должны были отражать интересы новой власти.

Какие символы-изображения активно использовались новой властью в художественной культуре? Во-первых, символы государственной власти, которыми маркировала себя власть, – флаг, герб и гимн. Во-вторых, это официальные символы, изображения которых присутствовали на знаках власти – серп и молот, красная звезда, снопы колосьев. В-третьих, это неофициальные символы, которые использовались в визуальной культуре – образ рабочего и крестьянина, концепция о новом мире, идея о свободном человеке и т. д.

Ярким примером использования изображения раннесоветской символики в художественной культуре может послужить плакат периода гражданской войны. «За единую Россию» – плакат Белого движения, выпущенный в 1919 году [Неизвестный художник, 1919]. «Плотным змеиным кольцом охватил БОЛЬШЕВИЗМ сердце России» – первые строчки описания плаката, расположенные под изображением. Белый всадник с мечом и щитом побеждает красного змея. Плакат «Борьба красного рыцаря с темной силою» [Звоныкин, 1919] наоборот показывает, как красный рыцарь побеждает темную силу. Рыцарь-рабочий на красном коне, у которого в одной руке молот, а в другой красный щит с серпом и молотом (символом объединения крестьян и рабочих под одним общим началом; официальная

символика новой власти). Темная сила – богатыри из русских сказок (белое движение).

Представленные плакаты иллюстрируют не просто как происходило формирование плаката как одного из символов новой культуры, но и происходило прочтение символических изображений в художественной культуре в зависимости от контекста. Исходя из временного контекста, плакаты Белой Армии выходили раньше, но они не были такими массовыми и красочными, как у Красной. Поднимая актуальные проблемы того времени, красноармейцы стремились сделать плакат и изображение «сочным» и максимально «кричащим». Они стремились использовать качественные материалы при цветовой передаче и необычное художественное оформление.

Красочные и яркие картинки высмеивали старый порядок, «обличая» такие проблемы общества как произвол, несправедливость, тяжелые условия работы, подкуп и т. д. Все это противопоставлялось образу советского мира, где нет места таким вещам. Изображение одних символов стало невозможно без других, а амбивалентность прочтения одних и тех же символов в зависимости от выбранного контекста, которую использовала новая власть, позволяла «охватить» каждого. Кроме того, неофициальным символом новой власти становилась и сама художественная культура. Символика приобрела «новую жизнь»: красочные и яркие изображения демонстрировали идеологию и ценности власти, направленные на строительство нового мира. Происходило переосмысление роли искусства: от формирования эстетического взгляда в сторону платформы для политической пропаганды.

Конструирование образа нового человека в литературном дискурсе, как одного из символов раннесоветской культуры, позволило не просто закрепить революционные итоги в массовом сознании, но сохранить и приумножить это «наследие» уже при помощи следующего поколения, изменив отношение к самой революции. Концепция раннесоветского мира как одного из символов новой культуры отобразилась и в визуальной культуре: боны, памятные медали, революционные тексты и т. д. Изображения позволили не просто запечатлеть новые эмблемы и идеологию власти, но и ввести эту самую символику в широкий обиход.

После 1929 года, «года большого перелома», принципиально меняется роль символов в художественной и политической культуре России. Те мотивы и смысловые контексты, заложенные

большевиками в художественную культуру, оставались актуальными и после 1930-х годов. Политическая идеология при помощи символики «диктовала» свои правила не только в сюжетной линии, но и напрямую влияла на будущее самого художника. В период сталинизма обращение к раннесоветской символике и ее использование в художественной и политической культуре получает новое прочтение. Основная сюжетная линия – формирование культа личности вождя. Символика снова становится маркером власти. Все больше используется официальная символика, а искусство окончательно становится «рычагом» политического воздействия. Авторство противопоставляется коллективному творчеству, художник становится «политическим заложником» власти.

Ситуация постепенно меняется уже после 1953 года, когда происходит развенчивание культа личности. Официальное и неофициальное снова существуют наравне, как это было после революции 1917 года, однако в отличие от раннесоветской символики, неофициальная символика художественной культуры периода оттепели не отражала идеологию власти. Происходит «романтизация» революции 1917 года, переосмысление и «обновление» раннесоветской символики и ее использование в художественной культуре (например, амбивалентность прочтения одних и тех же символов, и восприятия искусства и кино как игровой формы отношений между правительством и обществом). Из маркера власти постепенно она «возвращается» в способ отражения культуры повседневности. Кроме того, официальная и неофициальная символика вступает в явную конфронтацию друг с другом. Художник становится свободным творцом, который перестаёт быть зависимым от официальной идеологии. Таким образом, снова происходит трансформация самого понятия и принципов использовать символов.

Заключение

Становления символики как государственных знаков, официальной (серп и молот, красная звезда) и неофициальной символики (образ пахаря и сеятеля, формирование нового праздничного канона, фигура «простого» человека и т. д.) послужило толчком к формированию новой после-революционной культуры, где символы и их интерпретация играли одну из ведущих ролей. Сложное взаимодействие художественно-политической символики и политической идеологии,

противоречивых интересов власти, творческой интеллигенции и трудящихся масс позволило не только «создать» новое понимание символики, но и повернуть ее от изображения культуры повседневности в сторону идеологического маркера власти. В результате складывается оригинальная концептосфера раннесоветской культуры, выполняющая организующую и управляющую функцию по отношению не только к литературе и искусству, но и к самой повседневной жизни людей.

На примере становления и развития раннесоветской символики можно говорить о том, что происходит создание уникального симбиоза, в котором соединяются понимания «символа» в семиотике и художественной культуры. Происходит трансформация не только самого принципа использования символов в политике и культуре России, но и меняется роль самой символики в зависимости от выбранной идеологии. Благодаря этой трансформации, мы можем говорить о том, как показательно работает концепция семиосферы и концептосферы в понимании культурных процессов, особенно тогда, когда происходит процесс прочтения одних и тех же символов в зависимости от культурного и политического контекстов, так как невозможно рассматривать становления одних символов без других, тем более без понимания тех культурных механизмов и политических тенденций, которые происходили в то время.

Библиографический список

1. Вернадский В. И. Значение биогеохимии для познания биосферы: Проблемы биогеохимии I, 1934. 47 с. URL: <http://www.book-ist.ru/vernad/vern.html> (дата обращения: 08.09.2022)
2. Кондаков И. В. Концептосфера русской культуры // Художественная культура. 2017. № 4 (22). URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-4-22/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/5269.html> (дата обращения: 08.09.2022)
3. Кондаков И. В. От искусства оттепели к искусству распада империи / отв. ред. Н. А. Хренов. Москва : ГИИ; Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. 688 с.
4. Кондаков И. В. Постсимволизм и метасимволизм в русской культуре // Символизм как художественное направление: взгляд из XX века / Министерство культуры Российской Федерации, Государственный институт искусствознания, Министерство образования и науки Российской Федерации, Московская Государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова, Межинститутская группа «Европейский символизм и модерн», Научный Совет «История

мировой культуры» РАН. Москва : Государственный институт искусствознания, 2013. С. 452–460.

5. Кондаков И. В. Дух символизма // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 2(71). С. 166–171.

6. Камзолкин: Дневник художника / сост. В. В. Панченков. Подольск, 2010. 272 с.

7. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. Санкт-Петербург : Лики России, 2012. 319 с.

8. Колоницкий Б. И. Революция 1917 года: [главное, что нужно знать о переломном моменте российской истории: лекции Бориса Колоницкого и другие материалы]. Москва : Эксмо, 2018. 127 с.

9. Конституция РФСР. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 09.09.2022)

10. Лакиер А. Б. Русская геральдика. Москва : Книга, 1990. 397 с.

11. Лосев А. Ф Проблемы символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. Москва : Искусство, 1995. 320 с.

12. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2002. 768 с.

13. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва : Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.

14. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств») / сост. Р. Г. Григорьева; пред. С. М. Даниэля. Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. 544 с.

15. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры [в 3 т.]. Таллин : Александра, 1992. Т. 1. 242 с.

16. Лысенко Н. Н. Русская государственная символика : очерки. Ленинград : [б. и.], 1990. 37 с.

17. Махлина С. Т. Знаки, символы и коды культур Востока и Запада. Санкт-Петербург : Алетей, 2017. 474 с.

18. Махов А. Е. Эмблематика. Макрокосм. Москва : Intrada, 2014. 599 с.

19. Пайпс Р. Русская революция : [в 3 кн.]. Москва : Захаров, 2005. 3 кн.; Кн. 3 : Россия под большевиками, 1918–1924. 2005. 696 с.

20. Пайпс Р. Русская революция : [в 3 кн.]. Москва : Захаров, 2005. 3 кн.; Кн. 2 : Большевики в борьбе за власть, 1917–1918. 2005. 716 с.

21. Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика : монография / сост. и науч. ред. Т. А. Круглова. Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина: Гуманитарный университет, 2015. 334 с.

22. Плаггенборг Шт. Революция и культура: культурные ориентиры в период между октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. с нем. И. Карташевой. Санкт-Петербург : Журнал «Нева»,

2000. 416 с.

23. Рауниг Г. Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке / пер. с нем. и англ. А. В. Скидана, Е. А. Шраги; науч. ред. А. В. Магун. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 266 с. (Серия «Эстетика и политика»; Вып. 2).

24. Спирова Э. М. Философско-антропологическое содержание символа. Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 336 с.

25. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва : Академический Проект, 2004. 991 с.

Reference list

1. Vernadskij V. I. Znachenie biogeohimii dlja poznanija biosfery: Problemy biogeohimii I = The importance of biogeochemistry for learning about the biosphere: Problems of biogeochemistry I. 1934. 47 s. URL: <http://www.book-ist.ru/vernad/vern.html> (data obrashhenija: 08.09.2022)

2. Kondakov I. V. Konceptosfera russkoj kul'tury = Concept sphere of Russian culture // Hudozhestvennaja kul'tura. 2017. № 4 (22). URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-4-22/teoriya-hudozhestvennoj-kul'tury/5269.html> (data obrashhenija: 08.09.2022)

3. Kondakov I. V. Ot iskusstva ottepli k iskusstvu raspada imperii = From the art of the thaw to the art of the empire's collapse / otv. red. N. A. Hrenov. Moskva : GII; Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2013. 688 s.

4. Kondakov I. V. Postsimvolizm i metasimvolizm v russkoj kul'ture = Post-symbolism and meta-symbolism in Russian culture // Simvolizm kak hudozhestvennoe napravlenie: vzgljad iz XX veka / Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii, Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija, Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii, Moskovskaja Gosudarstvennaja hudozhestvenno-promyshlennaja akademija im. S. G. Stroganova, Mezhhstitutskaja gruppa «Evropejskij simvolizm i modern», Nauchnyj Sovet «Istorija mirovoj kul'tury» RAN. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija, 2013. S. 452–460.

5. Kondakov I. V. Duh simvolizma = The spirit of symbolism // Vestnik Rossijskogo humanitarnogo nauchnogo fonda. 2013. № 2(71). S. 166–171.

6. Kamzolkin: Dnevnik hudozhnika = Kamzolkin: The artist's diary / sost. V. V. Panchenkov. Podol'sk, 2010. 272 s.

7. Kolonickij B. I. Simvolj vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoj kul'tury russijskoj revoljucii 1917 goda = Symbols of power and struggling for power: toward studying the political culture of the Russian 1917 revolution. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2012. 319 s.

8. Kolonickij B. I. Revoljucija 1917 goda: [glavnoe, chto nuzhno znat' o perelomnom momente russijskoj istorii: lekcii Borisa Kolonickogo i drugie materialy] = 1917 revolution: [the main thing to know about the turning

point of Russian history: Boris Kolonitsky's lectures and other materials]. Moskva : Jeksmo, 2018. 127 s.

9. Konstitucija RSFSR = Constitution of the RSFSR. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/cnst1918.htm> (data obrashhenija: 09.09.2022)

10. Lakier A. B. Russkaja geraldika = Russian heraldry. Moskva : Kniga, 1990. 397 s.

11. Losev A. F Problemy simvola i realisticheskoe iskusstvo = Problems of symbol and realist art. 2-e izd., ispr. Moskva : Iskusstvo, 1995. 320 s.

12. Lotman Ju. M. Istorija i tipologija russoj kul'tury = History and typology of Russian culture. Sankt-Peterburg : «Iskusstvo-SPB», 2002. 768 s.

13. Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv = Culture and explosion. Moskva : Gnozis; Izdatel'skaja gruppa «Progress», 1992. 272 s.

14. Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva (Serija «Mir iskusstv») = Articles on semiotics of culture and art ("The World of Arts" series) / sost. R. G. Grigor'eva; pred. S. M. Danijelja. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2002. 544 s.

15. Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [v 3 t.] = Articles on semiotics and typology of culture [in 3 vols.] Tallin : Aleksandra, 1992. T. 1. 242 s.

16. Lysenko N. N. Russkaja gosudarstvennaja simbolika = Russian state symbols : ocherki. Leningrad : [b. i.], 1990. 37 s.

17. Mahlina S. T. Znaki, simvolj i kody kul'tur Vostoka i Zapada = Signs, symbols and codes of Eastern and Western cultures. Sankt-Peterburg : Aleteja, 2017. 474 s.

18. Mahov A. E. Jemblematika. Makrokosm = Emblematics. Macrocosm. Moskva : Intrada, 2014. 599 s.

19. Pajps R. Russkaja revoljucija : [v 3 kn.] = Russian revolution: [in 3 books]. Moskva : Zaharov, 2005. 3

kn.; Kn. 3 : Rossija pod bol'shevikami, 1918–1924. 2005. 696 s.

20. Pajps R. Russkaja revoljucija : [v 3 kn.] = Russian revolution: [in 3 books]. Moskva : Zaharov, 2005. 3 kn.; Kn. 2 : Bol'sheviki v bor'be za vlast', 1917–1918. 2005. 716 s.

21. Politizacija polja iskusstva: istoricheskie versii, teoreticheskie podhody, jesteticheskaja specifika = Politization of the arts field: historical versions, theoretical approaches, aesthetic specificity : monografija / sost. i nauch. red. T. A. Kruglova. Ekaterinburg : Ural'skij federal'nyj universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina: Gumanitarnyj universitet, 2015. 334 s.

22. Plaggenborg Sht. Revoljucija i kul'tura: kul'turnye orientiry v period mezhdu oktjabr'skoj revoljuciej i jepohoj stalinizma = Revolution and culture: cultural guidelines between the October Revolution and the Stalinist era / per. s nem. I. Kartashevoj. Sankt-Peterburg : Zhurnal «Neva», 2000. 416 s.

23. Raunig G. Iskusstvo i revoljucija: hudozhestvennyj aktivizm v dolgom dvadcatom veke = Arts and revolution: artistic activism in the long twentieth century / per. s nem. i angl. A. V. Skidana, E. A. Shragi; nauch. red. A. V. Magun. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. 266 s. (Serija «Jestetika i politika»; Vyp. 2).

24. Spirova Je. M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola = The philosophic and anthropological content of the symbol. Moskva : «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2012. 336 s.

25. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russoj kul'tury = Constants: Dictionary of Russian culture. Izd. 3-e, ispr. i dop. Moskva : Akademicheskij Proekt, 2004. 991 s.

Статья поступила в редакцию 07.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 07.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_240
EDN: NOZCDI

**Глаза как маркеры инаковости в фантастике
(на материале иллюстраций к настольной игре Warhammer 40000)**

Марина Юрьевна Бочарова

Соискатель кафедры истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет. 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6
laug@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5725-638X>

Аннотация. В статье рассматривается проблема амбивалентности глаз при конструировании визуального образа персонажей в фантастике. Источниками стали иллюстрации из книг правил и художественных альбомов для настольной игры Warhammer 40000. В фантастике часто используются мифологические мотивы, и аномальные глаза – один из тех, что встречается наиболее часто. Поэтому при отборе материала для исследования использовались изображения с наиболее характерными персонажами, глаза которых отличаются от «нормальных». Современная фантастика, являясь продуктом массовой культуры, использует мифологию как основу и привносит собственные смыслы в устоявшиеся образы. Именно этот конечный результат наиболее интересен, а количество исследований, посвященных данной теме, остается небольшим. Так, аномалия органов зрения становится в игре маркером наличия волшебной силы и принадлежности к сообществу. Это одинаково относится к «героям и врагам», аномальные глаза могут иметь как положительное, так и отрицательное значение в зависимости от того, на чьей стороне выступает персонаж. Для данной игры становится значимым образ «инога», необязательно враждебного. Глаза становятся маркером «чужого», в ряде случаев своеобразным зеркальным отражением негативных свойств. В нижеследующей статье это показано на примерах аномальных глаз демонов, которые, как и в различных мифологиях, имеют большой набор ненормальных состояний глаз. Кроме того, в статье рассмотрен ряд случаев, когда искусственные и живые глаза сближаются по приемам изображения, без дублирования функций друг друга. В заключение сделан вывод об амбивалентности визуализации глаз как маркеров социального статуса, враждебности и инаковости, не закрепленных за какой-либо одной стороной.

Ключевые слова: визуальный образ; фантастика; настольные игры; амбивалентность; инаковость; художественный альбом; глазная аномалия; мифология

Для цитирования: Бочарова М. Ю. Глаза как маркеры инаковости в фантастике (на материале иллюстраций к настольной игре Warhammer 40000) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 240–245. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_240. <https://elibrary.ru/NOZCDI>

Original article

**Eyes as markers of otherness in science fiction and fantasy
(based on the illustrations to the Warhammer 40000 board game)**

Marina Yu. Bocharova

Applicant of the department of history and theory of culture, Russian state university for the humanities. 125047, Moscow, Miusskaya square, 6
laug@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5725-638X>

Abstract. The problem this article deals with is the ambivalence of the eyes when it comes to creating visual images of characters in science fiction and fantasy. The research is largely based on the illustrations from the board game Warhammer 40000 rulebooks and artbooks. Science fiction and fantasy genres can as well be characterized by often using mythological motifs, and unusual eyes is one of the most common ones. Therefore, the research materials were chosen to provide the most vivid and representative samples of characters whose eyes strongly differ from «normal» ones. Being a product of mass culture, modern science fiction and fantasy uses mythology as a foundation stone of the genre and introduces new meanings into traditional images. It is this final result that is of most interest, while there is

not much research devoted to this topic in particular. Speaking more precisely, in the Warhammer 40000 setting abnormality of visual organs usually marks the characters with magical abilities or the members of certain social groups. This applies both to the «good» and the «bad», abnormal eyes can have both positive and negative meaning depending on the party the character belongs to. One of the key features of the game is the «other» figure which does not necessarily equal the «enemy». Abnormal eyes signify the «alienness» and in certain cases may also mirror the negative features of the character. In the article, this statement is illustrated by the example of demons in the Warhammer 40000 universe whose eyes - like in different mythologies - provide a broad range of various abnormalities. Besides, there are descriptions of several cases when artificial and natural eyes can be depicted in similar ways but their function would still be different. In the final section of the article, one can find the conclusions on the topic of the ambivalent ways to depict the eye as an indicator of certain social status, antagonism or otherness which are not ultimately bound to a certain side of the conflict.

Key words: visual image; fantasy; board games; ambivalence; otherness; art album; eye abnormality; mythology

For citation: Bocharova M. Yu. Eyes as markers of otherness in science fiction and fantasy (based on the illustrations to the Warhammer 40000 board game). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):240–245. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_240. <https://elibrary.ru/NOZCDI>

Введение

В статье будет рассмотрена проблема амбивалентности глаз при конструировании образа персонажа в фантастике. Источником станут иллюстрации к фантастической настольной игре Warhammer 40.000, опубликованные в художественных альбомах и книгах правил за последние пять лет. Приведенные здесь примеры позволяют не только составить типологию значений и случаев использования, но и продемонстрировать, как современные медиа заимствуют мифологические сюжеты с частичным сохранением их смысла. Однако акцент будет сделан не на конкретных мифах, потому что для игры, как продукта массовой культуры, используются общие представления при конструировании визуальных образов. Например, глазная аномалия – распространенный признак нечистой силы в различных произведениях фантастики.

Интересно в первую очередь то, какую функцию нестандартные глаза выполняют в произведениях, и как это влияет на маркирование положительного и отрицательного значения для игры.

Методы исследования

Выбранные книги с правилами игры обладают большой репрезентативностью, так как в них каждая страница проиллюстрирована, что делает их удобным для исследования иконографическим методом Джерома Баше. Он предполагает выбор темы для сюжетов картин. Второй метод исследования семиотический, Московско-Тартурской школы.

Внешний вид персонажей зафиксирован правилами издателя и обязателен к соблюдению при визуализации, и не противоречит друг другу у разных авторов. Примером могут служить иллюстрации для книги [Искусство Warhammer 40000:

Альбом, 2020, с. 21] и кодекс [Codex Space Marines, 2020, р. 30], где изображен один и тот же персонаж, минимальные различия присутствуют только в положении тела. Подобные повторения – одна из характерных черт современной массовой культуры, как показывает Костина на примере фильмов. При неизменном смысловом и визуальном стержне характеристики персонажа уточняются в каждом новом издании [Костина, 2020, с. 311]. Важной книгой для исследования стал художественный альбом с книжными иллюстрациями «Искусство Warhammer 40000», где содержатся подробные описания техзаданий для художников, детальных особенностей при создании внешнего облика персонажа.

Направления исследования игр в науке

Объем материалов об играх в последние годы растет. Исследования в области компьютерных и настольных игр часто пересекаются, что позволяет их рассматривать вместе. Ставятся вопросы о влиянии культуры на игры и игры на человека. Но исследований все еще недостаточно для представления о полной картине влияния игр на современную жизнь [Sotamaa, Švelch, 2021, р. 7]. С этим можно согласиться при углублении в вопросы визуальных исследований. Так значительное число публикаций посвящено техническому дизайну персонажей [Gao, Zheng, 2021, р. 113], влиянию литературы на компьютерную игру [Baker, 2022, р. 22], или эмоциям игрока и эффекту присутствия [Caroux, 2023, р. 3]. Но значительно меньшее число посвящено визуальным знакам. Рассуждая о литературе жанра фэнтези и мифологии, Эндрю Шамель (Andrew Shamel) использует термин «мифическая восприимчивость (Mythic sensibility)» [Shamel A, 2022, р. 173]. Он описывает создание восприятия сюжета у слушателя или зрителя в определенном ключе средствами самого

мифа. Понятие применимо и к фантастическим играм (компьютерным и настольным), где одну из ключевых ролей играет визуальный дизайн. Именно он через детали образа настраивает игрока на погружение в выдуманный мир, что подчеркивает важность исследований в области связи игр, мифологии и визуальной культуры.

Заимствования образов мифологии в играх

Визуальные образы людей и потусторонней силы перенесены из мифологии на благодатную почву фантастики, бесконечного источника идей для конструирования ярких образов. Мифология изобилует вариантами визуализации глаз магических существ. Взгляд высшего божества способен оживить. Или умертвить, подобно глазам Медузы. Глаза Зевса Олимпийского полыхают огнем. Повязка на глазах или очки, согласно средневековым представлениям, могли обозначать духовную слепоту [Майзульс, 2019, с. 241]. Глазные аномалии (слепота, дублированный зрачок и т. д.) – как правило, знак нечистой силы или прислужников. Ирландский хтонический одноглазый бог Балор имел прозвище «Дурной глаз» [Fimi, Sims, 2023, р. 125]. Изображение магических или как-либо преобразенных глаз стало стандартным приемом маркирования персонажей, обладающих магическими в Warhammer 40000. Зритель по иллюстрациям в книге правил может отличить «обычных» персонажей от тех, что наделены волшебными способностями.

Светящиеся глаза как маркер магической силы и социального статуса

В сборнике статей «Сила взгляда. Глаза в мифологии и иконографии» подробно рассматриваются аномальные глаза как источник силы. Глаза нечистой силы обладают особыми свойствами. В статье С. Ю. Неклюдова подчеркивается, что в мифологической слепоте содержится идея обособности [Неклюдов, 2019, с. 137]. Слепой становится не только невидящим, но и невидимым для объекта коммуникации. Автор указывает, что проблема видимого / невидимого архаичная, и детский жест «закрыть лицо – спрятаться» отсылает к этой проблеме. Но не все аномальные глаза обладают негативными свойствами. Так Д. Ю. Доронин показывает позитивные аномалии, например, «звездокость» эпических богатырей [Доронин, 2019, с. 241].

В визуальных образах настольной игры Warhammer 40.000 присутствуют схожие особенности. Светящиеся глаза или вспышки молний – распро-

странная деталь образов среди ее персонажей. В настольной игре она используется постоянно, но выходит за рамки маркера магической силы для их обладателя. В данной игре подобные люди объединены в различные организации под государственным контролем и называются библиарии, где использование магии регламентировано государством, а сами обладатели узаконены в профессиональном статусе. Так описывает их книга правил: «Хранители знаний, владеющие ужасающей эмпирической энергией» [Codex Space Marines, 2020, р. 134]. В придуманной истории мира игры количество подобных организаций огромно, но для статьи значения не имеет, поскольку для игрока важен не только дизайн персонажей, но и эмоции, которые он получает [Christensen, 2022, р. 150]. Поэтому персонажи соединяют фантастические и реалистичные черты.

Характерной чертой многих изображений становится сближение визуализации настоящих глаз и искусственных, где внешний образ намеренно конструируется максимально схожим с реальным лицом. На иллюстрации голова персонажа скрыта боевым шлемом, но заостренные цветные стекла в нем напоминают форму глазниц, как на иллюстрации Игора Сида [Dark Andgel Primaris]. В ряде случаев светящиеся глаза не становятся маркером наличия магической силы или особых способностей. Например, в иллюстрации Йохара Гренье [Искусство Warhammer 40000: Альбом, 2020, с. 205] изображен Ибрам Гаунт с имплантатами вместо глаз. Имплантаты обладают легким свечением, но знаком инаковости не являются, и указание на сверхъестественные силы отсутствует. Ибрам Гаунт здесь изображен рядом со своим давним врагом, демоном. Лицо последнего закрыто пугающей маской с красными глазами, на его враждебную инаковость указывают шипы и устрашающие «глаза» маски. Нарисованное рядом лицо человека остается спокойным, и аугментические глаза выглядят нормальными, указывая на человеческую природу героя.

Аномальные глаза демонов и чужаков в настольной игре

Для настольной игры важно наличие агрессивного «иноного», врагов людей и прочих живых существ. Здесь эту роль выполняют демоны. Они изображаются как антропоморфные существа, иногда с анималистичными элементами, обладающие физическим телом, что обуславливает их внешний вид и поведение. В требованиях к иллюстрациям есть обязательный пункт о телесных

знаках инаковости при создании образа демона: «Им следует щедро выдавать еретические символы, жуткие трофеи и оружие кровожадного вида» [Искусство Warhammer 40000: Альбом, 2020, с. 151].

Образы демонов в игре, даже гротескные, вызывают интерес, но не пугают. Функция дьявола наказания за проступки утратила силу в восприятии современного человека. В целом персонажи фантастики очаровывают зрителя еще со времен «Властелина колец» [Makai, 2022, p. 511]. Так, еще в исследовании 2008 г. говорилось о значительном снижении восприятия образа дьявола в молодежной среде [Stewart, 2008, p. 112]. Но как показано в книге «Занимательная смерть» современному человеку чаще свойственно с интересом смотреть и порой любоваться мрачными и потусторонними образами, рассматривая сцены смерти как развлечение [Хапаева, 2021, с. 14].

Тело демона имеет явные черты сходства с человеческим телом, но изображается искаженным, поэтому в образах демонов наиболее часто применяется мотив аномальности глаз (отсутствие, одноглазость, множественность). В ряде случаев враждебная инаковость репрезентуется через мотив слепоты / отсутствия глаз у демонических существ. На иллюстрациях к игре Warhammer 40000 внешний вид демонов и функции заимствуют представления об эпидемии чумы или «Черной смерти», оставившей самый заметный след среди эпидемий в культуре Западной Европы [Aberth, 2023, p. 21], что проявляется в названиях и деталях образа. Так, в видении доминиканского монаха Петра Мученика дьявола в образе Девы Марии обман раскрывается, на что указывают «закрытые глаза, бессильно опущенные руки» [Махов, 2011, с. 45]. На развороте книги правил «Codex: Death Guard» [Codex: Death Guard, 2021, p. 38–39] у демонов глаза отсутствуют, или на их месте нарисованы впадины. В иллюстрации показано, что демонические существа сражаются на войне, то есть слепота обозначает принадлежность к потустороннему миру и обладание магической силой губительной для человека. Иногда места расположения глазниц только обозначены темными впадинами [Codex: Death Guard, 2021, p. 37]. На иллюстрации под статьей «Оспенные зомби» у всех преобразенных людей белки глаз без зрачков.

Множественность глаз встречается среди людей. В книге правил говорится о навигаторах: людях с редкой физической мутацией в виде дополнительного органа, похожего на зрачок, в центре лба. Они объединены в государственную структу-

ру (Adeptus Astra Telepatika) [Rulebook Warhammer 40000, 2018, p. 79], их эмблема в форме глаза указывает на ключевую характеристику функций и телесного образа. При помощи дополнительного органа такой человек способен прокладывать логистические маршруты через космос. Что делает мутацию положительной, а самих ее обладателей ценными для сообщества.

Пугающие черные очи врага и чужого

О конструировании визуального облика представителей других рас в художественном альбоме сказано следующее: «Когда мы заказываем иллюстрации для историй о фракции чужаков, то прежде всего стараемся наглядно показать ту или иную расу – отобразить ее ключевые особенности и наиболее узнаваемые визуальные элементы» [Искусство Warhammer 40000: Альбом, 2020, с. 179]. На иллюстрации Нила Робертса «Пути тёмных эльдар» [Искусство Warhammer 40000: Альбом, 2020, с. 191] у ксеноса подчеркнуты нечеловеческие глаза полностью черного цвета. Враждебный взгляд существа отражает его сущность, что подтверждается описанием позиции: «Если персонажи миров кораблей нарисованы яркими основными цветами, то их визави из друкхари выглядят мрачно, готически и злобно». Здесь уместно вспомнить средневековое представление, что сатана может являться в облике бледного человека с черными глазами [Rodenberg, 1883, p. 432]. Черный цвет считается цветом тела и одежды тех, кто в родстве с дьяволом [Пастуро, 2021, с. 42]. Отсюда следует, что черный цвет глаз указывает на враждебность не только по отношению к людям, но и ко всем существам. Среди людей встречаются глаза с полностью черными зрачками и белком, она позволяет им видеть в темноте и маркером враждебной инаковости не является [Warhammer: The Horus heresy. Age of Darkness. Rulebook, 2021, p. 104].

Заключение

Мифологические элементы в приведенных примерах обретают физическую форму, их умозрительная форма становится «приземленной». Глаза становятся не просто признаком обладания магических сил, но также знаком статуса принадлежности к конкретной социальной группе внутри сообщества. Их обладатели выделяются в особую группу и действуют согласно внутренним правилам, но в интересах той стороны, к которой они принадлежат. Но особенности глаз как маркеров инаковости не остаются закрепленными за одной

стороной. Ключевое понимание «кто есть кто» дают именно знаки враждебной инаковости или их отсутствие. Стоит отметить неравномерное распределение знаков инаковости. На сторону людей их приходится значительно меньшее количество, чем на демонических существ.

Из-за внешней схожести изображения символическую функцию глаз способны выполнять предметы, как в случае с вытянутыми стеклами шлема, напоминающие глаза, или аугментические имплантаты, не меняют функционального значения глаз, их интерпретация зависит от контекста изображения. Ненормальное состояние глаз (их отсутствие, множественность, цикличность) в большинстве случаев подразумевает агрессию. Иметь несколько глаз или существовать вообще без органов зрения, сохраняя способность «видеть», значит быть врагом. Но в редких случаях наличие третьего «глаза» означает желаемую инаковость, как в случае с навигаторами, несмотря на внешнюю чужеродность внешнего вида персонажа.

Интересной особенностью в конструировании рассмотренных иллюстраций являются «классические» представления о добре и зле. В современной фантастике эти грани стерты, если говорить о визуальных образах. Здесь необычные глаза становятся маркером персонажа, выходящего за рамки рядового, но их враждебность или ее отсутствие зависят от того, на чьей стороне будет выступать данный персонаж.

Библиографический список

1. Доронин Д. Ю. «Правым, ласковым глазом взгляни!»: глаза и взгляд в актуальной мифологии народов Алтая // *Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии*. 2-е изд., испр. и доп. / сост. Д. И. Антонов. Москва : РГГУ, 2019. С. 217–281.
2. Искусство Warhammer 40000: Альбом / пер. с англ. Ю. Войтко. Санкт-Петербург : Издательство Фантастика книжный клуб, 2020. 224 с.
3. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Москва : Либроком, 2020. 352 с.
4. Махов А. Е. Средневековый образ. Между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. Москва : Издательство Кулагиной – Intrada, 2011. 256 с.
5. Майзульс М. Р. Оптические иллюзии. Очки апостолов и очки сатаны // *In Umbra : Демонология как семиотическая система* : альм. Москва : 2019. № 8. С. 9–54.
6. Неклюдов С. Ю. Слепота демона и ее литературные перспективы // *Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии*. 2-е изд., испр. и доп. / сост. Д. И. Антонов. Москва : РГГУ, 2019. С. 125–147
7. Пастуро М. История цвета: черный. Москва : Новое литературное обозрение, 2021. 168 с.
8. Сучков И. А. Стилистические приемы деконструкции древнегреческой мифологии в видеоигровом дискурсе (на примере материалов видеоигры *hades*) // *Человек в фокусе лингвистики, литературоведения и языкового образования / Московский городской педагогический университет*; науч. ред. К. М. Баранова, О. Г. Чупрына; сост., отв. ред. Е. В. Суворина. Москва : Языки Народов Мира, 2022. С. 86–94.
9. Хапаева Д. Занимательная смерть. Развлечения эпохи постгуманизма. Москва : Новое литературное обозрение, 2020. 328 с.
10. Aberth J. *Doctoring the Black Death. Medieval Europe's Medical Response to Plague*. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2023. 498 p.
11. Baker M. *An Analysis of the Literature Surrounding the Intersection of Role-Playing Games, Race, and Identity* // *International Journal of Role-Playing*, Uppsala University, Uppsala: 2022, № 12. pp. 22–39.
12. Caroux L. *Presence in video games: A systematic review and meta-analysis of the effects of game design choices* // *Applied Ergonomics*, 2023. № 107.
13. Church D. *Post-Horror: Art, Genre and Cultural Elevation*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2021. 280 p.
14. Christensen K. *Cool and Useful: Tabletop Roleplaying Games as Aesthetic Technical Communication* // *SIGDOC '22: Proceedings of the 40th ACM International Conference on Design of Communication*. Boston : Association for Computing Machinery, 2022. P. 149–151.
15. *Codex: Death Guard*. Nottingham : Game Workshop, 2021. P. 104.
16. *Codex Space Marines*. Nottingham : Game Workshop, 2020. 208 p.
17. *Codex: Death Guard*. Nottingham : Game Workshop, 2017, 112 p.
18. Fimi D, Sims A. *Imagining the Celtic Past in Modern Fantasy*. London : Bloomsbury Academic, 2023. 232 p.
19. Gao K., Zheng S., Lee D. L., Lee D. Y., Huang H. B. *Design Method of the Form of Fantasy Game Characters* // *Knowledge Innovation on Design and Culture*. Taiwan : National Formosa University, 2021. P. 113–116.
20. Igor Sid. *Dark Andgel Primaris*. Artstation.com. URL: <https://www.artstation.com/artwork/489gdk> (дата обращения: 11.03.2023).
21. Makai P. K. *Playable Arda. A Companion to J. R. R. Tolkien*. Hoboken : Wiley-Blackwell, 2022. 602 p.
22. Rodenberg, R. *Epistolae s. XIII e regestis pontificum romanorum selectae* : 3 t. Berlin : Weidmann, 1883. T. 1. 812 p.
23. *Rulebook Warhammer 40000 (8 edition)*. Nottingham : Game Workshop, 2018. 304 p.
24. Sotamaa O, Švelch J. *Game Production Studies*. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021. 356 p.
25. Stewart C. *Le Diable chez les Grecs à l'époque contemporaine: cosmologie ou rhétorique?* // *Terrain*, 2008. № 50. P. 100–113.

26. Shamel A. Mythic Sensibility and Mythopoeic Fantasy // Hope and Time in Theology and Religion. Oxford : University of Oxford, 2022. №. 3 (1). P. 169–185.

27. Warhammer: The Horus heresy. Age of Darkness. Rulebook. Nottingham : Game Workshop, 2021. 336 p.

Reference list

1. Doronin D. Ju. «Pravym, laskovym glazom vzgljani!»: glaza i vzgljad v aktual'noj mifologii narodov Altaja = «Look with your right, affectionate eye!»: eyes and look in the actual mythology of the Altai peoples // Sila vzgljada: glaza v mifologii i ikonografii. 2-e izd., ispr. i dop. / sost. D. I. Antonov. Moskva : RGGU, 2019. S. 217–281.

2. Iskusstvo Warhammer 40000: Al'bom = Art of Warhammer 40000: The Album / per. s angl. Ju. Vojtko. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Fantastika knizhnyj klub, 2020. 224 s.

3. Kostina A. V. Massovaja kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshhestva = Mass culture as a phenomenon of the post-industrial society. Moskva : Librokom, 2020. 352 s.

4. Mahov A. E. Srednevekovyj obraz. Mezhdru teologij i ritorikoj. Opyt tolkovanija vizual'noj demonologii = The medieval image. Between theology and rhetoric. An experience of interpreting visual demonology. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj – Intrada, 2011. 256 s.

5. Majzul's M. R. Opticheskie illjuzii. Ochki apostofov i ochki satany = Optical illusions. The apostles' glasses and Satan's glasses // In Umbra : Demonologija kak semioticheskaja sistema : al'm. Moskva : 2019. № 8. S. 9–54.

6. Nekljudov S. Ju. Slepotu demona i ee literaturnye perspektivy = Demon's blindness and its literary prospects // Sila vzgljada: glaza v mifologii i ikonografii. 2-e izd., ispr. i dop. / sost. D. I. Antonov. Moskva : RGGU, 2019. S. 125–147

7. Pasturo M. Istorija cveta: chernyj = History of colour: black. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 168 s.

8. Suchkov I. A. Stilisticheskie priemy dekonstrukcii drevnegrecheskoj mifologii v videoigrovom diskurse (na primere materialov videoigry hades) = Stylistic techniques of deconstructing ancient Greek mythology in video game discourse (on the materials of the video game hades) // Chelovek v fokuse lingvistiki, literaturovedenija i jazykovogo obrazovanija / Moskovskij gorodskoj pedagogičeskij universitet; nauch. red. K. M. Baranova, O. G. Chupryna; sost., otv. red. E. V. Suvorina. Moskva : Jazyki Narodov Mira, 2022. S. 86–94.

9. Hapaeva D. Zanimatel'naja smert'. Razvlechenija jepohi postgumanizma = Amusing death. Entertainment in the post-humanist era. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 328 s.

10. Aberth J. Doctoring the Black Death. Medieval Europe's Medical Response to Plague. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2023. 498 p.

11. Baker M. An Analysis of the Literature Surrounding the Intersection of Role-Playing Games, Race, and Identity // International Journal of Role-Playing, Uppsala University, Uppsala: 2022, № 12. pp. 22–39.

12. Caroux L. Presence in video games: A systematic review and meta-analysis of the effects of game design choices // Applied Ergonomics, 2023. № 107.

13. Church D. Post-Horror: Art, Genre and Cultural Elevation. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2021. 280 p.

14. Christensen K. Cool and Useful: Tabletop Roleplaying Games as Aesthetic Technical Communication // SIGDOC '22: Proceedings of the 40th ACM International Conference on Design of Communication. Boston : Association for Computing Machinery, 2022. R. 149–151.

15. Codex: Death Guard. Nottingham : Game Workshop, 2021. P. 104.

16. Codex Space Marines. Nottingham : Game Workshop, 2020. 208 p.

17. Codex: Death Guard. Nottingham : Game Workshop, 2017, 112 p.

18. Fimi D, Sims A. Imagining the Celtic Past in Modern Fantasy. London : Bloomsbury Academic, 2023. 232 p.

19. Gao K., Zheng S., Lee D. L., Lee D. Y., Huang H. B. Design Method of the Form of Fantasy Game Characters // Knowledge Innovation on Design and Culture. Taiwan : National Formosa University, 2021. R. 113–116.

20. Igor Sid. Dark Andgel Primaris. Artstation.com. URL: <https://www.artstation.com/artwork/489gdk> (data obrashhenija: 11.03.2023).

21. Makai P. K. Playable Arda. A Companion to J. R. R. Tolkien. Hoboken : Wiley-Blackwell, 2022. 602 p.

22. Rodenberg, R. Epistolae s. XIII e regestis pontificum romanorum selectae : 3 t. Berlin : Weidmann, 1883. T. 1. 812 p.

23. Rulebook Warhammer 40000 (8 edition). Nottingham : Game Workshop, 2018. 304 p.

24. Sotamaa O, Švelch J. Game Production Studies. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021. 356 p.

25. Stewart C. Le Diable chez les Grecs à l'époque contemporaine: cosmologie ou rhétorique? // Terrain, 2008. № 50. R. 100–113.

26. Shamel A. Mythic Sensibility and Mythopoeic Fantasy // Hope and Time in Theology and Religion. Oxford : University of Oxford, 2022. №. 3 (1). R. 169–185.

27. Warhammer: The Horus heresy. Age of Darkness. Rulebook. Nottingham : Game Workshop, 2021. 336 p.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 15.05.2023; approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

Научная статья
УДК 81:008
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_246
EDN: NVUXEW

Дискурс смертных грехов в английских пословицах

Татьяна Евгеньевна Алексеева

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
tat-alexeeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9143-2380>

Аннотация. В статье рассматриваются английские пословицы, в которых говорится о семи смертных грехах. Цель исследования состоит в том, чтобы изучить, как содержание английских пословиц соотносится с положениями христианского учения, согласно которому к смертным грехам относятся гордыня, зависть, гнев, похоть, алчность, чревоугодие и лень. Все отобранные методом сплошной выборки пословичные изречения сгруппированы на основе классифицирующего признака и проанализированы с семантической точки зрения. Наряду с изречениями, пришедшими непосредственно из Священного Писания, паремиологический фонд английского языка содержит большое количество пословиц, которые отражают практический опыт народа и его оценку жизненных явлений. Как и библейские заповеди, пословицы выражают негативное отношение к греховным поступкам человека и предупреждают против возможных пагубных последствий греха. Количественный анализ отобранных паремий показывает, что, хотя в Библии самым тяжким грехом считается гордыня, которая лежит в основе всех других грехов, людей больше отвращают алчность, зависть и гнев. Согласно народной мудрости, чревоугодие вредно только для здоровья неумеренного в еде человека, лень неизбежно приводит к нищете, гордость иногда помогает человеку справиться с жизненными невзгодами, а в похоти почему-то больше обвиняют женщину. При этом пословицы подтверждают библейские постулаты о взаимосвязанности всех человеческих грехов. Кроме простой констатации того факта, что смертные грехи ведут к разрушению личности, пословицы со свойственной им назидательностью дают совет, как справиться со своими греховными помыслами.

Ключевые слова: английские пословицы; паремии; Библия; Священное писание; семь смертных грехов; семантический анализ; отрицательное отношение; пагубные последствия

Для цитирования: Алексеева Т. Е. Дискурс смертных грехов в английских пословицах // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 246–255. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_246. <https://elibrary.ru/NVUXEW>

Original article

Deadly sins discourse in english proverbs

Tatiana E. Alekseeva

Candidate of pedagogical sciences, associate professor at the department of foreign languages, Academy of law and management of the Federal penitentiary service. 390000, Ryazan, Sennaya st., 1
tat-alexeeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9143-2380>

Abstract. The article analyzes english proverbs dealing with the seven deadly sins. The aim of the research is to study the contents of the english proverbs in order to see how they correspond with the ideas of Christianity according to which the seven deadly sins are pride, envy, anger, lust, greed, gluttony and sloth. The proverbs selected by the method of continuous sampling have been arranged into groups on the basis of their qualifying features and analyzed from the semantic point of view. Alongside with the biblical phrases, the paroemiological fund of the english language contains a great number of proverbs that reflect people's experience and evaluation of life. Just as the biblical commandments, the proverbs express negative attitude to people's sinful acts and warn against the possible harmful consequences of a sin. Quantitative analysis of the proverbs has revealed the fact that though the Bible considers pride to be the most serious sin because it underlies all the others, ordinary people are more repulsed by greed, envy and anger. According to human wisdom, gluttony is harmful to the health of a person who indulges in eating; idleness invariably ends in poverty; pride is sometimes helpful for overcoming problems, and lust, for some reason, is mostly

attributed to women. Besides simply stating the fact that deadly sins cause destruction of the sinner, the proverbs, as they are intended to do, give advice on how to cope with one's sinful wants and desires.

Key words: english proverbs; paroemias; seven deadly sins; Bible; Holy Scripture; semantic analysis; negative attitude; harmful consequences

For citation: Alekseeva T. E. Deadly sins discourse in english proverbs. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):246–255. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_246. <https://elibrary.ru/NVUXEW>

Введение

Паремиологический фонд английского языка, как, впрочем, и коллекции пословиц в других языках, состоит из паремий различного происхождения. Сюда входят изречения, представляющие собой выводы из непосредственных наблюдений за жизнью, трудом и бытом народа; изречения, выделившиеся из фольклорных произведений; изречения, образовавшиеся из литературных произведений, но прошедшие процесс фольклоризации [Педагогическое речеведение, 1998].

К последней группе относятся пословицы, источником которых является самая читаемая в мире книга, вобравшая в себя мудрость веков, Библия. Именно по этой причине многие библейские высказывания стали пословицами и вошли в повседневный обиход, причем люди могут даже не догадываться об их библейском происхождении. Так, многие английские пословицы целиком взяты из Священного Писания, например: *You cannot serve God and mammon* (Нельзя служить и Богу, и мамоне), *The spirit is willing, but the flesh is weak* (Дух силен, плоть же немощна), *Saw the wind and reap the whirlwind* (Посеешь ветер, пожнешь бурю), *You cannot make bricks without straw* (Нельзя сделать кирпич без соломы) и др. Поскольку Библию в разных переводах знают во всем мире, эти же пословицы входят в паремиологические фонды и других языков христианского мира, в т. ч. русского.

Пословицы затрагивают самые разные сферы жизнедеятельности человека. В частности, мы уже писали о том, как в английских паремиях преломляются социальные стереотипы [Алексева, 2022], и проводили сравнительный анализ английских и русских пословиц о законе, преступлении и правосудии [Алексева, Федосеева, 2020]. Неудивительно, что в пословичных изречениях нашли отражение семь смертных грехов, о которых говорится в Библии. В христианстве смертными называют те грехи, которые ведут не к физической смерти, а к смерти духовной: это гордыня, алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие и уныние или лень [Исаева, 2009].

Цель данного исследования состоит в том, чтобы изучить, как понятие смертных грехов пре-

ломляется в английских пословичных изречениях, как в пословицах раскрывается сущность самых тяжких грехов, как народная мудрость предлагает справляться с греховными наклонностями.

Актуальность работы заключается в том, что, хотя понятие смертного греха появилось тысячелетия назад, человеческая природа мало изменилась с тех пор, и ей по-прежнему свойственны пороки, о которых говорится в Библии. Пословицы, в которых зафиксирован практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений, являются изречениями с назидательным смыслом [Педагогическое речеведение, 1998] и могут восприниматься как совет, предупреждение, упрек, одобрение или неодобрение. Поскольку Библия перестала быть настольной книгой современных людей, пословицы могут взять на себя роль раскрытия сути греха и предостережения против того, чтобы совершать греховные поступки.

Методы исследования

В ходе исследования методом сплошной выборки из словарей английских пословиц [Ferguson, 1983; Manser; Oxford Dictionary of proverbs; Simpson, 2003] было отобрано 264 пословичных изречения, которые на основе семантического анализа были сгруппированы по темам, отражающим семь смертных грехов: гордыню, алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие и уныние или лень. Количественный анализ позволил сделать вывод о том, какие из смертных грехов нашли наиболее полное отражение в пословицах.

Результаты исследования

С религиозной точки зрения ГРЕХ – действие или помышление, которое, как правило, ассоциируется с отступлением от праведной жизни, прямым или косвенным нарушением религиозных заповедей (наставлений и предписаний Бога); реже – нарушение доминантных морально-этических правил, норм и традиций, установившихся в обществе [Васильев; Радбиль, Сайгин, 2014]. Традиционно смертные грехи разделяются на грехи плотские (чревоугодие и похоть) и духовные (зависть, лень, гнев, гордыня, алчность). Однако, по мнению Фомы Аквинского такое деление неправомерно, так как «даже в плотских

грехах присутствует [некий] духовный акт, а именно акт разума» [Азбука веры].

Гордыня (Pride)

Считается, что самым тяжким грехом является гордыня, поскольку именно этот порок порождает остальные [Сладкова, 2019]. Одна из пословиц служит тому подтверждением: *Pride, joined with many virtues, chokes them all* (Гордыня, соединенная со многими добродетелями, задушит их все).

Рассмотрим слова, обозначающие грех гордыни, в русском и английском языках. В русском языке существует два слова – гордость и гордыня. Словарь Ожегова [Ожегов, 2012] дает следующие дефиниции этих слов: ГОРДОСТЬ – 1) чувство собственного достоинства, самоуважения; 2) чувство удовлетворения от чего-то; 3) высокомерие, чрезмерно высокое мнение о себе; ГОРДЫНЯ – непомерная гордость. Как видно из определений, слово *гордость* имеет два значения с положительной коннотацией и одно с отрицательной, в которой его синонимом выступает слово *гордыня*.

В английском языке есть одно слово PRIDE со следующими значениями: 1) *a feeling of pleasure and satisfaction that you get because you or people connected with you have done or got something good* (чувство радости и удовлетворения от того, что вы или ваши близкие сделали или достигли); 2) *your feelings of your own worth and respect for yourself* (чувство собственной значимости и самоуважения); 3) *the belief that you are better or more important than other people* (убеждение, что вы лучше или более значительны, чем другие) [Cambridge Dictionary]. Как мы видим, слово *pride* фактически во всех своих значениях совпадает со значениями слова *гордость*.

Синонимами слова *pride* с положительной коннотацией являются *honour* (честь), *proudness* (гордость), *self-esteem* самоуважение, *self-respect* (чувство собственного достоинства), *dignity* (достоинство). Синонимами слова *pride* с отрицательной коннотацией являются *conceit* (самомнение), *vanity* (тщеславие); *presumption* (самонадеянность); *arrogance*, *haughtiness* (высокомерие); *rotposity* (напыщенность). Знание синонимов, имеющих негативную коннотацию, помогает понять, в чем конкретно состоит грех гордыни.

В английской паремиологии концепт *гордость / pride* не так широко отражен как в русской [Малахова]. Однако, нам удалось найти 42 пословицы, в которых либо встречаются слова *pride* и *proud*, например, *Pride is a luxury a poor man cannot afford* (Гордость – это роскошь, которую бедняк не может себе позволить); *I proud and*

thou proud, who shall bear the ashes out? (Я гордый, и ты гордый, а кто же будет выносить мусор?), либо о гордыне говорится иносказательно *Up like a rocket, down like a stick* (Взлететь как ракета, а упасть как хворостина); *The highest tree has the greatest fall* (Самое высокое дерево с самым сильным грохотом падает).

Пожалуй, лучше всего отражает отношение к гордости в христианской религии пословица *Pride goes before a fall* / вар. *Pride goes before destruction* (Гордыня предшествует падению), представляющая собой сокращенную цитату из главы 16 Притчей Соломоновых, которая гласит: *Pride goes before destruction, and an haughty spirit before a fall* (Погибели предшествует гордость, и падению – надменность) [Азбука веры]. Это изречение формулирует главную опасность, которую несет гордыня – духовную гибель.

Другими словами, но о том же духовном падении гордецов говорится еще в нескольких паремиях: *Pride goes before, and shame goes after; When pride runs shame follows; Pride goes forth on horseback grand and gay, and comes back on foot and begs its way*, суть которых передает русская пословица «Гордыня до добра не доведет».

В немногих пословицах гордость описывается как качество, которое помогает человеку преодолеть трудности и препятствия на жизненном пути: *Pride feels no pain* (Гордость не чувствует боли); *Charity and pride do both feed the poor* (И милостыня, и гордость дают силу бедняку); *Pride may lurk under a threadbare coat* (Гордость может скрываться под поношенным платьем); *It is good beating proud folks, for they'll not complain* (Хорошо бить гордых людей, они не будут жаловаться).

Однако, по большей части в анализируемых пословицах прослеживается отрицательное отношение к гордыне и гордецам:

– гордецы не прислушиваются к советам *Pride had rather go out of the way than go behind* (Гордыня скорее уйдет с дороги, чем пойдет за кем-либо);

– гордецы недолюбливают себе подобных: *Likeness begets love, yet proud men hate one another* (Сходство обычно порождает любовь, однако гордецы ненавидят друг друга); *Pride with pride will not abide* (Гордость с гордыней не уживется);

– гордецы отличаются высокомерием и спесью, нежеланием совершать поступки, которые, как они считают, ниже их достоинства: *It is a proud horse that will not bear his own provender* (Гордая кобыла не повезет собственный корм); *He is a proud tod that will not scrape his own hole* (Гордая лисица не будет чистить собственную нору).

Нередко гордыня скрывается за маской смирения, а смирение, согласно религиозному учению, является разновидностью гордости: *Pride often wears the cloak of humility* (Гордость часто носит плащ смиренности); *It is not a sign of humility to declaim against pride* (Осуждение гордости еще не означает смирение); *Pride apes humility* (Смирение паче гордости).

Гордыня приводит к печальным последствиям – одиночеству, враждебности, бедности: *Pride increases our enemy, but puts our friends to flight* (Гордыня увеличивает число наших врагов, а друзей обращает в бегство); *Pride that dined with vanity supped with poverty* (Гордость, которая обедала с тщеславием, будет ужинать с бедностью); *Pride went out on horseback, and returned on foot* (Гордыня уехала верхом, а вернулась пешком).

И, наконец, группа пословиц, выполняя свою назидательную функцию, урезонивает гордецов, внушая им мысль, что другие люди не хуже них: *Remember you are but a man* (Помни, ты все лишь человек); *No man is indispensable* (Незаменимых людей не бывает); *The best of men are but men at best* (Даже лучшие из людей – всего лишь люди); *No man so good, but another may be as good as he* (Всегда найдется человек не хуже тебя).

Зависть (Envy)

Словарь дает следующее определение слову ЗАВИСТЬ – чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого [Ожегов, 2012]. Семантическое ядро зависти образуют досада, недоброжелательство, раздражение на чью-то удачу, успех, благополучие, злоба, вызванная превосходством другого [Несветайлова, 2009].

Определение английского эквивалента практически повторяет смысл русского: *ENVY – a feeling of discontent or covetousness of another's advantages, possessions, or attainments; desire for something possessed by another* (чувство недовольства или зависти к чужому превосходству, имуществу или достижениям; желание обладать тем, что есть у другого) [Oxford Dictionary of Proverbs]. Как можно заметить, русское слово «зависть» полностью совпадает по значению со своим английским эквивалентом.

Количество пословиц с концептом *envy* практически равно числу паремий с концептом *pride* – 49 изречений. Проанализировав их с семантической точки зрения, мы выявили ряд аспектов, которые раскрывают суть этого греха.

Пословицы характеризуют зависть как самое низкое чувство (*Envy is the basest of all enemies*), которое никогда не поселится в душе человека

благородного (*Envy never dwells in noble soul*). Зависть слепа (*Envy is blind*), ей сопутствует ненасытность (*Envy and covetousness are never satisfied*) и хитрость (*Envy has smarting eyes*).

Чувство зависти неискоренимо: *Envy never dies* (Зависть никогда не умрет); *Envy never has a holiday* (У зависти не бывает выходных); *The envious die but envy never* (Завистники умирают, а зависть – никогда).

Объектом зависти является успех, благополучие, честь, добродетели других людей: *Envy can abide no excellency* (Зависть не терпит превосходства); *Things most excellent are ever most envied* (Больше всего завидуют тому, что прекрасно); *Envy shoots at the fairest virtues* (Зависть стреляет по самым прекрасным добродетелям); *Envy is the companion of honour* (Зависть сопутствует славе); *Envy is the companion of felicity* (Зависть сопровождает счастье); *The dog of envy barks at celebrity* (Пес зависти лает на знаменитость); *Envy is what inclines up to speak evil of the virtuous rather than of the wicked* (Зависть – это то, что заставляет говорить плохо о людях добродетельных, а не о безнравственных).

В принципе, чувство зависти свойственно любому человеку: *One potter envies another* (Один гончар всегда завидует другому); *The grass is always greener on the other side of the fence* (Трава всегда зеленее по другую сторону забора).

Однако пословицы со свойственной им нравоучительностью говорят, что зависть – это плохо, так как в ней нет смысла (*It's no use bursting with envy*), что завистливый человек тем самым признает собственную неполноценность (*He who envies admits his inferiority*). Пагубность зависти состоит прежде всего в том, что она разъедает душу человека, снедаемого этим чувством: *Envy eats nothing but its own heart* (Зависть разъедает только сердце человека).

Гнев (Anger)

Согласно словарю ГНЕВ – это чувство сильного возмущения, негодования [Ожегов, 2012]. В определении английского слова ANGER указывается причина, почему возникает это сильное чувство «*a strong feeling that makes you want to hurt someone or be unpleasant because of something unfair or unkind that has happened*» (сильное чувство, которое заставляет вас захотеть причинить кому-то вред или сказать что-то неприятное из-за того, что случилось что-то несправедливое или злое) [Cambridge Dictionary].

В русских пословицах гнев оценивается как крайне нежелательные для человека психические

переживания, которые наносят вред здоровью, мешают достижению успеха в жизни, могут принести экономические убытки человеку [Красавский, 2015] Посмотрим, как концепт гнева интерпретируется в английских пословичных изречениях. Мы проанализировали свыше 50 пословичных изречений, в которых гнев передается словами *anger, fury, wrath*, а сердитый человек характеризуется прилагательными *angry, snappish, hot, mad*.

Пословицы о гневе дают ответы на целый ряд вопросов, например, что может вызвать ярость человека: *As fire is kindled by bellows, so is anger by words* (Как огонь разжигается мехами, так и гнев – словами); *A hungry man is an angry man* (Голодный мужчина – сердитый мужчина); *Hell hath no fury like a woman scorned* (Фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной); *No one is as angry as the person who is wrong* (Никто так не злится, как человек, который неправ); *Patience provoked turns to fury* (Лопнувшее терпение переходит в ярость); *Beware the fury of a patient man* (Остерегайся гнева терпеливого человека). Почему-то считается, что злости подвержены люди маленького роста, что нашло отражения в двух пословицах: в одной прямо утверждается, что «коротышки быстро выходят из себя» *Short folks are soon angry*, а в другой та же мысль высказывается метафорически *A little pot is soon hot* (Маленький горшок вскипает быстро).

Человек в гневе теряет контроль над собой, не может мыслить здраво и принимать правильные решения: *Anger has no eyes* (У гнева нет глаз); *An angry man opens his mouth and shuts his eyes* (Сердитый человек открывает рот и закрывает глаза); *When wrath speaks, wisdom veils her face* (Когда говорит гнев, мудрость прячет лицо); *When a man is angry, he cannot be in the right* (Когда человек сердится, он не может быть прав).

К счастью, гнев по большей части является непродолжительной эмоцией: *Anger is a short madness* (Гнев – это кратковременное безумие); *Anger dies quickly with a good man* (Добрый человек долго не сердится); *Anger is not warrantable that has seen two suns* (Не оправдан тот гнев, который длится более двух дней). Цитата из Библии *Let not the sun go down upon your wrath* (Солнце, да не зайдет в вашем гневе) напрямую требует обуздать гнев как можно скорее.

Следующая группа пословиц предупреждает о последствиях гнева для самого гневающего: *Anger punishes itself* (Гнев наказывает себя сам); *Anger and haste hinder good counsel* (Гнев и спешка затемняют рассудок); *Anger is often more hurtful than the*

injury that caused it (Гнев опаснее порой во много раз, чем рана, его вызвавшая); *Anger begins with folly, and ends with repentance* (Гнев начинается с глупости, а заканчивается раскаянием); *Whatever is begun in anger ends in shame* (То, что начинается в гневе, заканчивается позором). Пословица *Wrath killeth the foolish man* (Гнев убивает глупца) представляет собой сокращенную цитату из Библии *For wrath killeth the foolish man, and envy slayeth the silly one* (Глупца убивает гневливость так же, как и завистливость) [Азбука веры].

О бессмысленности и иррациональности гнева говорится в следующих паремиях: *Two things a man should never be angry at; what he can help, and what he cannot help* (На две вещи никогда не стоит сердиться: на то, с чем ты можешь справиться сам, и на то, что не в твоей власти); *To be angry is to punish yourself for another's fault* (Сердиться – значит наказывать себя за чужие ошибки).

О необходимости управлять своими негативными эмоциями говорится в нескольких пословичных изречениях: *Anger restrained is wisdom gained* (Обузданный гнев – это обретенная мудрость); *He is a fool who cannot be angry; but he is a wise man who will not* (Глупец тот, кто никогда не злится, а тот мудрый человек, кто не дает себе в этом волю).

Согласно своему назначению поучать, пословицы дают наставления, как справиться со своим гневом: *Be master of your anger* (Будьте хозяином своего гнева); *When angry, count a hundred* (Когда сердисься, посчитай до ста); *Good remedy for anger is delay* (Промедление – это лекарство от гнева). А Библия дает отличный совет, как противодействовать гневу, направленному против тебя: *A soft answer turneth away wrath, которая также является усеченным вариантом цитаты A soft answer turns away wrath, but a harsh word stirs up anger* (Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость) [Азбука веры].

Похоть (Lust)

Согласно словарю ПОХОТЬ – это грубо-чувственное половое влечение [Ожегов, 2012]. Английский эквивалент LUST имеет два значения: 1) *a very strong sexual desire* (очень сильное сексуальное влечение); 2) *a very powerful feeling of wanting something* (очень сильное желание получить что-либо) [Cambridge Dictionary]. Отметим, что семантическая структура английского *lust* шире, чем у русского *похоть*; слово *похоть* имеет только явную негативную коннотацию сексуального характера, тогда как английское *lust* в его втором значении, хотя и не является однозначно

положительным, все-таки не имеет столь выраженного отрицательного значения.

О грехе похоти говорится в 32 пословицах, причем в половине из них в греховных действиях упрекают женщину – в пяти пословицах встречается слово *women*, в одной *maids*, а в десяти изречениях ключевым является слово *whore*.

Пословицы раскрывают разные стороны описываемого явления. Так, среди причин распутства называется сытая, праздная жизнь: *When the belly is full, the mind is among the lusts* (Когда брюхо сыто, мысли обращаются к разврату); *Leisure breeds lust* (Праздность порождает похоть); *Living in luxury begets lustful desires* (Жизнь в роскоши рождает похотливые желания); *Idleness and lust are bosom friends* (Безделье и похоть – закадычные друзья).

Похоти сопутствуют другие непривлекательные черты, такие как лживость *When the heart is full of lust, the mouth's full of leasings* (Когда сердце заполняет похоть, уста полны лжи); алчность *Lechery and covetousness go together* (Распутство и корысть рядом идут); ревность *A lewd bachelor makes a jealous husband* (Из похотливого холостяка получается ревнивый муж).

Распутная жизнь дорого обходится мужчине: *Wine and wenches empty men's purses* (Вино и девки опустошают кошельки); *Whoring and bawdry do often end in beggary* (Распутство и прелюбодеяние часто заканчиваются нищетой). Существует целый ряд пословиц, в которых увлечение женщинами перечисляется в ряду с другими недостойными занятиями, что отчасти показывает отношение к женщине как к одной из забав в обществе, где господствуют мужчины: *Women and wine, game and deceit, make the wealth small and the wants great* (Женщины и вино, азартные игры и лживость уменьшают состояние и умножают желания); *Hunting, hawking, and paramours, for one joy a hundred displeasures* (Охота и любовницы – на одно удовольствие сотня неприятностей); *Gaming, women and wine, while they laugh, they make men pine* (В то время как азартные игры, женщины и вино вызывают веселье, мужчины чахнут).

Группа паремий направлена исключительно на женщин, занимающихся проституцией, и отношение к ним резко отрицательное: *Once a whore and ever a whore* (Была потаскухой, потаскухой и осталась); *A whore in a fine dress is like a clean entry to a dirty house* (Шлюха в красивом платье все равно, что чистый вход в грязный дом); *Whoredom and grace dwelt never in one place* (Блуд и благодать никогда не обитали в одном месте).

Подводя итог тому, как в пословицах раскрывается грех похоти, заметим, что в отличие от

библейских изречений, в которых не проводится различие между распутством мужчины и женщины, в пословицах акцент делается именно на развратных женщинах, что представляется несправедливым и отражает доминирующее положение мужчины в обществе прошлого.

Жадность (Greed)

В словаре слово ЖАДНОСТЬ определяется как 1) стремление к наживе; 2) скупость, корыстолюбие; 3) чрезмерное стремление удовлетворить свое желание [Ожегов, 2012]. Английский эквивалент GREED имеет следующее определение: *a very strong wish to continuously get more of something, especially food or money* (очень сильное желание постоянно получать больше, особ. еды или денег) [Cambridge Dictionary].

Хотя в русском паремиологическом фонде концепт *жадность* представлен более широко, чем в английском, сопоставительный анализ показал значительное сходство в представлении и оценке жадности в русскоязычных и англоязычных культурах [Карачина, 2014]. Мы насчитали 55 пословичных изречений, в которых встречаются слова *greed/greedy* (20 пословиц); *covet/covetous/covetousness* (20 пословиц), а также говорится об алчности в метафорической форме, например, *Appetite comes with eating* (Аппетит приходит во время еды).

Семантический анализ отобранных пословиц позволил выделить несколько групп паремий на основе определенного классифицирующего признака. Негативное восприятие алчности прослеживается во всех паремиях, но в некоторых оно выражено наиболее четко и однозначно: *A greedy man God hates* (Жадный человек противен Богу); *Over covetous was never good* (Чрезмерная жадность до добра никогда не доводила); *There is no greater calamity than being consumed by greed* (Нет большего несчастья, чем быть поглощаемым жадностью).

Жадность нередко связана или порождает другие пороки: *Covetousness is the root of all evil* (Алчность – это корень всех зол); *Covetousness often starves other vices* (Алчность часто заглушает все другие пороки); *Greed and envy are good neighbours* (Алчность и зависть – близкие соседи); *The greedy man and the gileynour are soon agreed* (Корыстный человек и мошенник быстро приходят к согласию); *Deceit sleeps with greed* (Обман сожительствует с жадностью).

Отличительной чертой жадности является ненасытность: *Love is blind and greed insatiable* (Любовь слепа, а жадность ненасытна); *The more*

you get the more you want (Чем больше ты имеешь, тем больше хочется); *No gain satisfies a greedy mind* (Никакая выгода не удовлетворит жадного человека); *Covetousness is always filling a bottomless vessel* (Алчность всегда заполняет бездонный сосуд).

Ряд пословиц строится на противопоставлении бедности и алчности, при этом бедность выглядит более привлекательно, чем жадность: *Poverty wants many things, and avarice all* (Бедность хочет многого, жадность хочет всего); *A poor man wants some things, a covetous man all things* (Бедному нужно многое, жадному – все); *The poor lack much, but the greedy lacks more* (Бедному не хватает многого, а жадному не хватает еще больше) и делается вывод: *A greedy man is always poor* (Жадный человек всегда беден); *A greedy man and a pauper are practically one and the same* (Жадный человек и нищий – одно и то же).

Богатство и жадность также взаимосвязаны: *Much would have more* (Чем больше ты имеешь, тем больше хочется); *A rich man is always narrow with his money* (Богач не любит расставаться с деньгами); *Covetous men's chests are rich, not they* (Богаты сундуки жадных людей, а не они сами).

Алчность неистребима: *Greed is eternal* (Жадность вечна); *When all other sins are old, greed stays young* (В то время как все другие грехи стареют, алчность остается молодой); *Avarice is the only passion that never ages* (Жадность – это единственная страсть, которая не стареет).

О том, что жадность губительна для самого человека, страдающего этим пороком, говорится в пословице *A covetous man is good to none and worst to himself* (Жадный человек плохо относится ко всем, а к себе – хуже всего).

Чревоугодие (Gluttony)

Словарь определяет ЧРЕВОУГОДИЕ как умеренность в еде [Ожегов, 2012]. Английский эквивалент GLUTTONY – *a situation in which people eat and drink more than they need to* (ситуация, в которой люди едят и выпивают больше, чем им требуется) [Cambridge Dictionary].

В русских пословицах еда, в первую очередь хлеб, упоминается в различных тематических группах, тогда как в английской пословичной картине мира тема еды возникает практически только в разделе «Чревоугодие» [Иванова, 2003].

Нами было проанализировано 20 пословиц, в которых идет речь о чревоугодии как о занятии недостойным и вредным. Так, в самой большой группе пословиц говорится о том, что переедание вредно для здоровья человека: *Much meat, much*

malady (Где много мяса, там и болезни); *Many dishes make many diseases* (Много блюд – много болезней); *Gluttony kills more than the sword* (Обжорство убивает больше людей, чем меч); *Greedy eaters dig their graves with their teeth* (Обжоры роют могилу своими зубами).

Обжорство мешает человеку думать и учиться: *A belly full of gluttony will never study willingly* (Живот, полный пищи, никогда не будет учиться с охотой); *Full bellies make empty skulls* (Полные животы делают черепа пустыми); *A fat belly does not breed a subtle mind* (Толстый живот не порождает тонкого ума). Все эти пословицы можно объединить русской «Сытое брюхо к учению глухо».

Некоторые пословицы пытаются оправдать умеренность в еде, например, *Better belly burst than good meat lost* (Пусть лучше брюхо лопнет, чем пропадет хорошая еда); *The flesh is aye fairest that is farthest from the bone* (Самая прекрасная плоть та, что дальше всего от кости). Последнее утверждение вступает в противоречие с пословицей *The nearer the bone, the sweeter the flesh* (Чем ближе кость, тем слаще мясо), которую можно трактовать как то, что стройные люди более привлекательны.

И наконец, пословицы предупреждают против того, чтобы наедаться, особенно перед сном: *Hunger makes dinners, pastime suppers* (Тот, кто голоден, обедает, а тот, кто ничего не делает, ужинает); *By suppers more have been killed than Galen ever cured* (Ужин сгубил больше людей, чем Гален – греческий врач – вылечил) и дают совет *He that eats till he is sick, must fast till he is well* (Тот, кто ест, пока ему не станет плохо, должен поститься, пока не выздоровеет).

Лень (Sloth)

Последний из смертных грехов, *sloth*, неоднозначен: в некоторых источниках его трактуют как уныние, а в других как лень. Английское слово SLOTH имеет следующее определение: *unwillingness to work or make any effort* (нежелание работать или предпринимать какое-либо усилие) [Cambridge Dictionary], то есть это скорее лень, чем уныние. Определение русского слова ЛЕНЬ – отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью [Ожегов, 2012].

Откуда же взялось уныние как один из смертных грехов? Возможно, объяснение состоит в том, что лень вызывает угнетенность, апатию, подавляет желание жить и бороться с проблемами и болезнями, то есть уныние. Оно проявляется в двух видах – иногда как невыносимая скука, тос-

ка, а иногда как лень и безразличие к духовным занятиям [Азбука веры].

В группу пословиц о лени вошло 48 изречений, в которых встретились слова *idle/idleness, lazy/laziness, sloth/slothful, sluggard*, а также паремии, которые описывают безделье и бездельников другими словами, например, *By doing nothing we learn to do ill* (Ничего не делая, мы учимся дурному) или метафорически: *Standing pools gather filth* (В стоячих водоемах собирается ил да грязь).

Аналогично другим смертным грехам лень лежит в основе других недостатков и пороков: *Idleness is the root/mother of all evil* (Безделье – мать всех пороков); *Idleness makes the wit rust* (Безделье ум притупляет); *Pride and laziness would have mickle upholding* (Гордость и лень поддерживают друг друга); *Idleness is the shipwreck of chastity* (Праздность – это крушение добродетели).

Группа пословиц связывает лень с происками дьявола или сатаны: *The devil finds work for idle hands to do* (Дьявол находит занятие для праздных рук); *An idle brain is the devil's workshop* (Ленивый мозг – мастерская дьявола); *The devil tempts all, but the idle man tempts the devil* (Сатана искушает всех, а бездельник искушает сатану).

Самая большая группа паремий раскрывает взаимосвязь лени и бедности. Три пословицы являются синонимичными и соответствуют русской «Леньность наводит на бедность»: *Idleness is the key of beggary; Sloth is the key to poverty; From laziness comes poverty*. Более образно та же мысль выражена в следующих изречениях: *The slothful man is the beggar's brother* (Лентяй – брат нищему); *Laziness travels so slow that poverty overtakes him* (Лень путешествует так медленно, что бедность ее обгоняет).

Причинно-следственная связь безделья и нищеты прослеживается в следующей группе пословиц: *An idle youth, a needy age* (Праздная молодость, нищенская старость); *They must hunger in frost that will not work in heat* (Кто не хочет работать летом, будет голодать зимой); *Idleness must thank itself if it goes barefoot* (Безделье должно благодарить себя, если ходит босиком); *He who sleeps all the morning, may go a begging all the day after* (Кто спит все утро, тот может просить милостыню весь день).

Лень традиционно ассоциировалась в английской культуре с грехом, по причине чего появилось отрицательное отношение к праздности [Погорелова, 2015]. Пословицы, являясь неотъемлемой частью английской лингвокультуры, в полной мере отразили общую идею порочности лени, приводящей человека к нищете, которая в благо-

получном английском обществе считается губительной.

Выводы

1) В анализируемых пословицах семь смертных грехов рассматриваются по большей части не как отступление от религиозных заповедей, а скорее как нарушение морально-этических правил, норм и традиций, установившихся в обществе.

2) Незначительное количество паремий являются прямыми цитатами из Библии, однако, подавляющее большинство пословичных изречений представляют собой фразы, содержащие мудрость, истину, мораль и традиции создавшего их народа.

3) Пословицы подтверждают ту мысль, что все грехи взаимосвязаны и являются порождением и продолжением друг друга. Неслучайно, корнем всех зол называются праздность *Idleness is the root of all evil*; алчность и любовь к деньгам *Covetousness is the of all evil*; *The love of money is the root of all evil*; гордыня *Pride is the root of all evil*.

4) В количественном отношении наибольшее число паремий (55 изречений) касается греха алчности, чуть меньше (50 и 49) посвящены гневу и зависти соответственно, а меньше всего пословиц (20) описывают чревоугодие. Возможное объяснение подобного соотношения состоит в том, что алчность, гнев и зависть наиболее заметны и вызывают неприязнь у окружающих, тогда как обжорство вредит только тому человеку, который ему предается.

5) Характерной особенностью описания различных грехов является их персонификация, то есть придание им человеческих черт, например, *Pride with pride will not abide* (Гордость с гордыней не уживется); *Anger punishes itself* (Гнев наказывает себя сам); *Covetousness brings nothing home* (Алчность ничего не приносит домой); *Envy shoots at others, but wounds herself* (Гордость стреляет по другим, а ранит себя).

6) В подавляющем большинстве пословиц не проводится гендерного различия; слово *man/men* всегда означает человека. И только в пословицах о похоти акцент явно смещен в сторону женщины, что говорит о предвзятом отношении к женщине в обществе, где доминируют мужчины.

7) Во многих пословицах встречаются архаизмы (*sweir* / ленивый, *lurdan* / бездельник, *bawdry* / прелюбодеяние, *aye* / постоянно); диалектизмы (*mickle* / шотл. уст. большой; *gileynour* / шотл. мошенник); слова, характерные для религиозных текстов (*repentance*/раскаяние; *chastity* / целомудрие, *covetousness* / корыстолюбие), что свидетель-

ствуется об их старинном происхождении и влиянии религиозных убеждений. Однако, содержание этих изречений остается актуальным и по сей день.

8) Семантический анализ показал, что практически все пословичные изречения выражают негативное отношение к описываемым ими грехам. Некоторые пытаются объяснить причины, породившие греховное поведение человека, другие описывают, в чем состоит тяжесть греха и его последствия, и наконец, со свойственной им нравоучительностью, пословицы предупреждают против опасностей, которые таит в себе тот или иной порок, и дают советы, как преодолеть свои греховные помыслы.

Библиографический список

1. Азбука веры. Православная библиотека. Инославие. Сумма теологии. Том V. Фома Аквинский. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-5/24#note404_return (дата обращения: 24.12.2022).
2. Алексеева Т. Е. Английские пословицы как отражение социальных стереотипов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 3. С. 127–135.
3. Алексеева Т. Е., Федосеева Л. Н. Английские и русские пословицы о законе, преступлении и правосудии в лингводидактической практике // Человек: преступление и наказание. №4. 2020. С. 620–629.
4. Васильев П. П. Грех. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Санкт-Петербург, 1890–1907. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com> (дата обращения: 24.12.2022).
5. Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира: На материале английских и русских пословиц. Санкт-Петербург, 2003. 38 с.
6. Исаева Е. Л. Семь смертных грехов. Наказание и покаяние. Москва : РИПОЛ классик, 2009. 320 с.
7. Карачина О. Е. Ассоциативно-когнитивная семантика жадности в русских и английских поговорках // Филологические науки. Вопросы теории и практики), 2014. С. 77–79.
8. Красавский Н. А. Образные и ценностные признаки эмоционального концепта «гнев» (на материале немецких и русских пословиц) // Молодой ученый, 2015. № 6 (86). С. 823–826.
9. Малахова С. А. Семантическая структура концепта «Гордость» в русской и английской паремииологии. URL: <http://конференция.com.ua/pages/view/369> (дата обращения: 25.12.2022).
10. Несветайлова И. В. Паремииологическое представление концептов «зависть» и «ревность» в английском и русском языках // Вестник ИГЛУ, 2009. С. 123–128.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.
12. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. Изд. П 24 2-е, испр. и доп. / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. Москва : Флинта, Наука, 1998. 312 с.
13. Погорелова О. С. Паремии как эффективное средство фразеологической репрезентации концептов труд/лень в современном английском языке // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки, 2015. № 12(209). Выпуск 26. С. 55–60.
14. Радбиль Т. Б., Сайгин В. В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования, 2014. №5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15195> (дата обращения: 24.12.2022).
15. Сладкова Л. А. О рейтинге смертных грехов // Инновационное развитие современной науки: проблемы, закономерности, перспективы, сб. статей X Международной научно-практической конференции. Издательство: Наука и Просвещение (Пенза), 2019. С. 114–117.
16. Cambridge Dictionary| English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.01.2023).
17. Envy. URL: <https://TheFreeDictionary.com/ency> (дата обращения: 15.01.2023).
18. Fergusson R. The Penguin dictionary of proverbs. Market House Books Ltd, 1983, 331p.
19. Manser M. H. The Facts on File Dictionary of Proverbs. URL: <https://archive.org/details/DictionaryOfProverbs> (дата обращения: 21.12.2022).
20. Oxford Dictionary of Proverbs. URL: <https://www.oxfordreference.com> (дата обращения: 19.12.2022).
21. Simpson J. A. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford : Oxford University Press, 2003. 364 p.

Reference list

1. Azbuka very. Pravoslavnaja biblioteka. Inoslavie. Summa teologii. Tom V. Foma Akvinskij = The alphabet of faith. Orthodox library. Unorthodoxy. Summa Theologica. Volume V. Thomas Aquinas. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-5/24#note404_return (data obrashhenija: 24.12.2022).
2. Alekseeva T. E. Anglijskie poslovicey kak otrazhenie social'nyh stereotipov = English proverbs as a reflection of social stereotypes // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologija. 2022. T. 28. № 3. S. 127–135.
3. Alekseeva T. E., Fedoseeva L. N. Anglijskie i russkie poslovicey o zakone, prestuplenii i pravosudii v lingvodidakticheskoj praktike = English and Russian proverbs about law, crime and justice in linguodidactic practice // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. №4. 2020. S. 620–629.

4. Vasil'ev P. P. Greh. Jenciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.) = Sin. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 vols. (82 vols. and 4 supplements). Sankt-Peterburg, 1890–1907. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com> (data obrashheniya: 24.12.2022).

5. Ivanova E. V. Poslovichnaja konceptualizacija mira: Na materiale anglijskih i russkih poslovic = Proverbial conceptualization of the world: English and Russian proverbs. Sankt-Peterburg, 2003. 38 s.

6. Isaeva E. L. Sem' smertnyh grehov. Nakazanie i pokajanie = The seven deadly sins. Punishment and repentance. Moskva : RIPOL klassik, 2009. 320 s.

7. Karachina O. E. Associativno-kognitivnaja semantika zhadnosti v russkih i anglijskih paremijah = Associative and cognitive semantics of greed in Russian and English proverbs // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2014. S. 77–79.

8. Krasavskij N. A. Obraznye i cennostnye priznaki jemocional'nogo koncepta «gnev» (na materiale nemeckih i russkih poslovic) = Figurative and value attributes of the emotional concept «anger» (on the material of German and Russian proverbs) // Molodoj uchenyj, 2015. № 6 (86). S. 823–826.

9. Malahova S. A. Semanticheskaja struktura koncepta «Gordost'» v russkoj i anglijskoj paremiologii = Semantic structure of the concept «Pride» in Russian and English paroemiology. URL: <http://konferencija.com.ua/pages/view/369> (data obrashheniya: 25.12.2022).

10. Nesvetajlova I. V. Paremiologicheskoe predstavlenie konceptov «zavist'» i «revnost'» v anglijskom i russkom jazykah = Paroemiological description of the concepts «envy» and «jealousy» in English and Russian languages // Vestnik IGLU, 2009. S. 123–128.

11. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij = Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions / pod obshh. red. L. I. Skvorcova. 28-e izd., pererab. Moskva : Mir i Obrazovanie: ONIKS, 2012. 1375 s.

12. Pedagogicheskoe rechevedenie. Slovar'-spravochnik = Pedagogical speech studies. Dictionary-

reference book. Izd. 2-e, ispr. i dop. / pod red. T. A. Ladyzhenskoj i A. K. Mihal'skoj; sost. A. A. Knjaz'kov. Moskva : Flinta, Nauka, 1998. 312 s.

13. Pogorelova O. S. Pareмии как jeffektivnoe sredstvo frazeologicheskoy reprezentacii konceptov trud / len' v sovremennom anglijskom jazyke = Paroemias as an effective means of phraseological representation of the concepts labor / laziness in modern English language // Nauchnye vedomosti BelGU. Serija Gumanitarnye nauki, 2015. № 12(209). Vypusk 26. S. 55–60.

14. Radbil' T. B., Sajgin V. V. Osobennosti paradigmatichejskoj i sintagmatichejskoj realizacii konceptual'nogo polja «greh» v sovremennom russkom jazyke = Features of paradigmatic and syntagmatic realization of the concept field «sin» in the modern Russian language // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija, 2014. №5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15195> (data obrashheniya: 24.12.2022).

15. Sladkova L. A. O rejtinge smertnyh grehov = On the ranking of deadly sins // Innovacionnoe razvitie sovremennoj nauki: problemy, zakonomernosti, perspektivy, sb. statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Izdatel'stvo: Nauka i Prosveshhenie (Penza), 2019. S. 114–117.

16. Cambridge Dictionary| English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (data obrashheniya: 15.01.2023).

17. Envy. URL: <https://TheFreeDictionary.com/entry/1/Envy> (data obrashheniya: 15.01.2023).

18. Fergusson R. The Penguin dictionary of proverbs. Market House Books Ltd, 1983, 331p.

19. Manser M. H. The Facts on File Dictionary of Proverbs. URL: <https://archive.org/details/DictionaryOfProverbs> (data obrashheniya: 21.12.2022).

20. Oxford Dictionary of Proverbs. URL: <https://www.oxfordreference.com> (data obrashheniya: 19.12.2022).

21. Simpson J. A. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford : Oxford University Press, 2003. 364 p.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 12.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 32 п. л., 27,46 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 141. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 18.10.2023

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44

Тел.: (4852) 32 98 69